

ТАБЛАНСКО БОЛОСТИ

ЕСКОМ

КОНДИНСКИЙ край

XVII начала XX в.

В ДОКУМЕНТАХ И ОПИСАНИЯХ 88
ЗНАЧЕНИИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ 88
ВОДОМИСЛЕНИЯХ 88

КОНДИНСКИЙ

Большой Конды

Р. Ондоро
Шара

КОНДИНСКАЯ

Бориско

К. Сонда

Большой Конды

В. Дар

В. Дар

В. Дар

В. Дар

В. Дар

А. КР

ТАБЛАН

КАРГАУ

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

ВОДНО

Администрация муниципального образования Кондинского района
Управление культуры администрации Кондинского района
Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного
и природного наследия «АВ КОМ-Наследис»

Кондинский край XVI – начала XX в.

в документах, описаниях,
записках путешественников,
воспоминаниях

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2006

Авторы-составители:
В. И. Байдин, С. А. Белобородов,
Е. М. Беспрозванный, Г. П. Визгалов,
Е. М. Главацкая, О. А. Кошманова

Под общей редакцией кандидата исторических наук
В. И. Байдина

Рецензент
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
профессор А. В. Головнев

Руководитель проекта
Г. З. Вайсман

К 642 **Кондинский край XVI – начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / авт.-сост. В. И. Байдин [и др.]; под общ. ред. канд. истор. наук В. И. Байдина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 388 с.: ил.**

ISBN 5-7525-1489-4

Книга включает широкий круг письменных и устных источников по социально-политической истории, хозяйству, религии, культуре и быту населения бассейна р. Конды, начиная с первых русских известий о данной территории и до 1920-х гг. Более трети этих материалов публикуется впервые, остальные появлялись в дореволюционных или специальных изданиях, – малотиражных и для большинства читателей труднодоступных.

Научно-популярная книга содержит более 170 черно-белых и цветных иллюстраций и предназначена как для специалистов – этнологов, историков, культурологов, – так и для всех интересующихся прошлым родного края, Урала и Западной Сибири.

На обложке: репродукция раскрашенной гравюры неизвестного художника «Остяк на ловле горностаев» (Георги И.-Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей / Пер. с нем. СПб., 1776. Ч. 1.: О народах финского племени. Между С. 84 и С. 85).

На форзацах: фрагмент карты «Часть Сибири от Соли Камской до Тобольска (Атлас российский... сочиненный... стараниями и трудами императорской Академии наук. СПб., 1745. № 12).

Дорогие земляки!

Бережное отношение к документальным, вещественным, повествовательным свидетельствам исторических событий – показатель цивилизованного отношения общества к своему прошлому. Все мы испытываем гордость за славную историю родного края, воплощенную в делах и свершениях далеких и относительно близких наших предшественников. Научно-исследовательская работа по изучению этого богатейшего наследия дает нам, современникам, уникальную возможность соприкоснуться с многими малоизвестными фактами, представляющими историческую и культурную ценность. Благодаря энтузиазму, кропотливому труду ученых и краеведов сохраняется незримая нить времен, связующая поколения людей, для которых Кондинская земля стала не только краем, овеванным былями и легендами, но и отчим домом, чьи талантливые, сильные духом обитатели, храня наследие прошлых веков, уверенно строят будущее.

Глава Кондинского района

В. Ф. Редикiльцев

Содержание

Введение

1. Государство Пелымское и Кондинское. Противостояние с Москвой 7
2. Включение Пелыма и Конды в состав Российского государства 15
3. Большая Конда в XVII–XVIII веках 23
4. Политико-административная ситуация, изменения в составе населения, хозяйстве и быте в XIX веке – 20-е гг. XX века 30
5. Религиозные традиции хантов и манси Конды 36

Ранние известия о Конде. Падение Кондинского княжества и вхождение края в состав Российского государства 43

- № 1. XIX в., конец. – Сказание о богатырях города Эмдера 44
- № 1а. 1901, июнь. – Шульгин С. Предание о богатырях города Эмдера и кондинских богатырях 47
- № 2. 1570, не ранее марта 17. – Отписка земских бояр царю Ивану Васильевичу (Грозному) из Москвы в Александрову слободу и речи наместника Перми Великой князя Никиты Ромодановского 51
- № 3. 1583, 1584. – Упоминания Конды в описании похода Ермака 51
- № 4. 1586, примерно февраль. – Запись о Сибири в наказе Е. Ржевскому и Г. Васильчикову, отправленным для встречи польского посла М. Гарабурды 54
- № 5. 1594, августа 17. – Грамота царя Федора Ивановича в Березов воеводе Никифору Траханиотову о получении в Москве «животов» кондинского князя Агая и о привозе туда самого кондинского князя с сыном и братом ... 54
- № 6. 1595, август. – Грамота царя Федора Ивановича в Березов воеводе Василию Волынскому с товарищами о возвращении князю Игичею Алачеву взятой им в полон дочери кондинского князя 55
- № 7. 1596, июня 20. – Грамота царя Федора Ивановича в Пелым воеводе Богдану Полеву о сложении недоимок по ясачному сбору с Большой Конды и взимании впредь меньшего ясака 55
- № 8. 1596, июня 20. – Грамота царя Федора Ивановича в Пелым воеводе Богдану Полеву о сложении недоимок по ясачному сбору с Малой Конды и взимании впредь меньшего ясака 56
- № 9. 1600, июля 26. – Грамота царя Бориса Годунова в Березов воеводе Ивану Волынскому о производстве дознания по поводу насилий князя Игичея Алачева над кондинскими вогуличами 57
- № 10. Не позднее 1608. – Отписка тобольского воеводы князя Романа Троекурова пелымским воеводам Ивану Годунову и Петру Загрязскому о желании ясачного остяка Чатырка Досаева жить в Кондинской волости 58
- № 11. 1600, декабря 8. – Грамота царя Бориса Годунова в Пелым воеводе Тихону Траханиотову о сборе ясака с сибирских ясачных людей на 7109 год 59
- № 12. 1604, января 11. – Грамота царя Бориса Годунова в Березов воеводе князю Федору Татеву о бережении князя Михаила Алачева и его людей от нападений пелымских остяков 62

- № 13. 1606, не ранее июня 21. – Отписка тобольского воеводы князя Романа Троекурова пелымскому воеводе Ивану Годунову о «шатости» в Кондинской и Назымской волостях и о мерах к подавлению движения среди остяков 63
- № 14. 1608, апреля 3. – Грамота в Пелым воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву об ясаке с пелымских ясачных людей 64
- № 15. 1609, августа 6. – Грамота в Пелым воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву об ясаке с пелымских ясачных людей 65
- № 16. 1609, не ранее июля 21. – Отписка тобольского воеводы князя Ивана Катырева-Ростовского пелымскому воеводе Ивану Годунову о вестях, полученных из Березова, о движении среди остяков и о высылке в Березов кондинского князя Четыря 67
- № 16а. 1609. Государева грамота пелымским воеводам об испомещении остяка Четырки по его челобитью в волости Большой Конде 68
- № 17. 1612, не ранее июля 12. – Отписка сургутского воеводы Ивана Благого нарымскому воеводе Миرونу Хлопову о движении вогулов, остяков и татар к Пелымскому городу и о мерах, принятых для защиты последнего 69
- № 18. 1617, не позднее 31 августа. – Отписка пелымских воевод Ивана Вельяминова и Григория Орлова в Москву, что с Большой и Меньшей Конды и с Леушской волости собирается ясак не «по именам», а по волости в целом, и что за 1614–1617 гг. ясак полностью с них не собран 70
- № 19. 1618, не ранее октября 2. – Отписка в Москву пелымских воевод Ивана Вельяминова и Григория Орлова о принесении верхкондинскими вогулами человека в жертву у лиственницы 71
- № 20. 1618, ранее декабря 2. – Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина пелымским воеводам Ивану Вельяминову и Григорию Орлову об «измене» сургутских остяков 71
- № 21. 1621, марта 27. – Отписка березовских воевод Ивана Писемского и Якова Демьянова пелымскому воеводе Ивану Зубатому о том, что они в Пелымский уезд служилых и торговых людей не отпускали 72
- № 22. 1623, не ранее июля. – Отписка в Москву пелымского воеводы Ивана Вельяминова о построении нового Пелымского города и острога и о недостатке в Пелыме служилых людей, «наряда», зелья и свинца 73

Конда в XVII – середине XIX века 74

- № 23. 1635, не позднее августа 31. – Из обыскных речей кондинских вогуличей о торговле у них в юртах товарами пелымского воеводы Евдокима Баскакова 80
- № 24. 1675, сентября 1 – 1679, января 31. – Таможенные книги Пелыма за 1675–1679 гг. 83
- № 25. 1684. – Город Пелым по росписи сибирских городов 92
- № 26. 1701. – Ведомость сибирских городов 93
- № 27. 1715. – Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком 94
- № 28. 1740. – Миллер Г. Ф. Известия о реке Конде из устных рассказов различных остяков и вогулов, живущих на этой реке 101
- № 29. 1781, декабря 14. – Ведомость о состоящих в... Тобольской губернии в городах и уездах соборных, приходских церквях с показанием, сколько при приходских церквях и приписных к ним по званиям деревням состоит приходских дворов и в каждом приходе мужеска и женска пола душ 107

№ 30. 1823, октября 17. – Из журнала совета общего Тобольского губернского правления о разделении инородцев Тобольской губернии на разряды и введении у них порядка управления в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» 1822 г.	108
№ 31. 1857, мая 5. – Из дела «О совращении инородцами Больше-Кондинской волости села Нахрачевского разных инородцев к идолопоклонству, приношении ими жертв идолам и сбор ими прикладов»	110
Записки о Конде путешественников конца XIX – начала XX века	119
№ 32. 1880, июня 27 – августа 10. – Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки	124
№ 33. 1892. – Инфантьев П. П. За уральским бобром. Путешествие в страну вогулов	130
№ 34. 1892. – Носилов К. Д. Серебряная баба	177
№ 35. Около 1892. – Носилов К. Д. Из жизни вогулов (Вогульский театр)	184
№ 36. Не ранее начала XX в. – Носилов К. Д. Вогульская школа	189
№ 37. 1901, июнь. – Шульгин С. Кондинский край	192
№ 38. 1902. – Дунин-Горкавич А. Описание поездки на р. Конду	223
№ 39. 1908, мая 17 – сентября 9. – Корсунский М. Г. Очерк экскурсии на Конду летом 1908 г.	230
№ 40. 1910, июля 11 – августа 16. – Пигнатти В. Н. Краткое сообщение о поездке на реку Конду летом 1910 года	239
№ 41. 1910, июль – август. – Горджов Б. Н. Река Конда	245
Кондинский край в 1910–1920-х годах в воспоминаниях и описаниях	262
№ 42. – Кошманова О. А. Заселение Конды	266
№ 43. – Панова К. И. Переезд на Конду	270
№ 44. – Семенов Н. А. 1. Обычай и быт коренных жителей. 2. Как мы воевали... 3. Банда Печенкина	272
№ 45. – Вискунова Л. Ф. 1. Все в прошлом. 2. То белые пришли, то красные пришли	284
№ 46. – Кентина М. И. Деревня Евра. Год 1921	293
№ 47. – Носова-Мотышева Т. Е. Учинья. Год 1921	296
№ 48. – Казанцева А. В. Леуши. Год 1921	297
№ 49. – Цехнова Н. Это было в мае 1921 года	299
№ 50. – Филатов Ф. В. Как это было, или «За власть Советов!»	303
№ 51. 1925. – Шульд Л. Р. Очерк Кондинского района	306
№ 52. 1927. – Батурич Ф. Краткое описание Кондинского района Тобольского округа по Всесоюзной переписи 1926–1927 гг.	324
Указатель мер длины и веса в России XVIII – начала XX века	368
Список сокращений	368
Словарь некоторых устаревших слов, технических и местных терминов	369
Список иллюстраций	372
Именной указатель	379

Введение

1. Государство Пелымское и Кондинское. Противостояние с Москвой

К моменту включения в состав Русского государства рассматриваемая территория входила в состав Пелымско-Кондинского вогульского княжества («государства Пелымского» согласно русским источникам XV–XVI веков). «Вогулами» русские называли манси, и это наименование сохранилось за ними до начала 1930-х годов. Впервые вогулы (гогуличи, вогуличи) упоминаются в Вологодско-Пермской летописи под 1455 годом в числе народов, обитавших в соседстве с Пермью Вычегодской (коми-зырянами)¹. Но летопись эта составлена в конце XV – первой половине XVI века. Поэтому вполне вероятно, что в нее сведения о вогулах попали из «Слова о житии и учении» Стефана Пермского (умер в 1396 г.), ставшего в 1383 году первым епископом учрежденной Пермской епархии. Центр ее находился в городке Усть-Вымь, основанном Стефаном при впадении Выми в Вычегду на месте языческого капища. «Слово» создано в Москве не позднее начала XV века другом юности Стефана знаменитым древнерусским писателем Епифанием Премудрым². Термин «вогул», скорее всего, коми-зырянского происхождения (мать Стефана Пермского, кстати, была зырянкой). Так, коми могли обозначать манси, живших на реке Вогулке (мансийское название – Волья, хантыйское – Вогал яган) – левом притоке Северной Сосьвы, впадающей в нее недалеко от слияния Сосьвы с Малой Обью. Слово, от которого образовался гидроним («я и яган – река»), означает «плес, прямой участок течения между двумя поворотами». То есть «вогул» – «человек с Плесовой реки, манси с Вогулки»³. Именно вдоль нее, в нижнем течении протокой соединявшейся с Северной Сосьвой у Березова, проходила с давних времен наиболее короткая дорога с верховьев реки Печоры от ее правого притока Щугора через Уральские горы на Обь, известная как «Зырянский тес» (от затесов на деревьях), позднее – «Русский тес». Рядом с Щугором находятся истоки впадающей в ту же Северную Сосьву еще одной реки Волья (Вогуля), близ нее проходил другой вариант пути через Урал с верховьев Вычегды через верхнюю Печору: от ее притока Ильича соединявшийся затем с вышеназванной «Зырянской дорогой»⁴. В XV и XVI веках русские источники знают под именем вогуличей (гогуличей) уже зауральских пелымских и союзных им кондинских манси; на них ходили походами московские воеводы, и сами они совершали успешные нападения на владения Москвы и ее сателлитов в Приуралье⁵.

«Государство Пелымское» являлось самым сильным политическим образованием среди княжеств обских угров (цветная вкладка, рис. V). Собственно Пелымское княжество включало в себя верховья Тавды с ее притоками Лозьвой, Сосьвой, от слияния которых Тавда образуется, и Пелымом. Русские источники конца XVI века⁶, по мнению С. В. Бахрушина, позволяют считать, что в состав «Пелымского государства» входили так же Табары (Та-

¹ См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М.; Л., 1959. Т. 26. С. 213; см. также: Там же. С. 255–257 и др.

² См.: Прохоров Г. М., Дробленкова Н. Ф. (библиография). Епифаний Премудрый // Словарь книжности и книжников Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Л., 1988. Ч. 1: А–К: С. 212–214. О Вологодско-Пермской летописи подробнее см.: Там же. Л., 1989. Ч. 2: Л–Я: С. 37–39.

³ См.: Азеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 67. Здесь Вогулка ошибочно названа левым притоком Оби.

⁴ См.: Миллер Г. Ф. Описание реки Сосьвы от устья вверх против течения до истока. Собрано в Березове из устных известий различных русских, озявков и вогульных. 1740 г. // Элерт А. Х. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 235, 236, 243, 244.

⁵ См.: Бахрушин С. В. Остяжки и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // С. В. Бахрушин. Научные труды. М., 1955. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. С. 87, 143.

⁶ См.: 1592 г., декабря... – Наказ кн. П. И. Горчакову, посланному в Сибирь для устройства тамошних дел и для строения города Пельма // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Л., 1937. Т. 1: Приложения. С. 347 (№ 11).

1. Сигизмунд Герберштейн
в жакетном русском платье.
С гравюры XVI в.

2. Народы Западной Сибири
в XVI в. Рисунок рубежа
XVII–XVIII вв.

баринское княжество) на средней Тавде, где, впрочем, сохранялись самостоятельные князья, избиравшиеся местной знатью (мурзами и сотниками) из своей среды⁷. Временами, видимо, власть Пельма распространялась на верхнее и среднее течение реки Туры и даже на Приуралье: бассейн Чусовой и другие притоки Камы. Австрийский посол С. Герберштейн, дважды (в 1517 и 1526 годах) посетивший Москву (рис. 1), в своих «Записках» упоминает, что крепостями Ером (вогульское городище Неромкар, близ которого в 1598 году был основан русский город Верхотурье. – Авт.) и Тюмень «управляют властелины-князья югорские, платящие (как говорят) дань великому князю московскому»⁸. В одном из набегов пелымцев на Прикамье принимали участие «сылвенские, косьвенские, иренские, яйвинские, обвинские»¹ и другие, татары, остяки и вогуличи и башкирцы⁹. Что касается собственно Кондинского княжества (Большой Конды), то оно охватывало почти весь бассейн Конды. Самые низовья Конды в русских источниках с конца XVI века (см. № 4), как и размещавшаяся там впоследствии ясачная волость, именуются «Конда Меньшая». Вероятно, там имелись и собственные князья. Возможно, отношения Большой и Меньшой Конды, примерно, соответствовали отмеченной выше ситуации в отношениях между Пельмом и Таборами. В среднем (частично) и нижнем течении Конду населяли уже не

⁷ См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 144–145.

⁸ Герберштейн С. Записки о московских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 114, 116.

¹ Ирень впадает в Сылву, которая в свою очередь впадает в Чусовую, а та – в Каму, остальные названные здесь реки – притоки Камы.

⁹ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 12, 61.

вогулы, а «остяки»¹⁰ (от татарского «иптяки», как русские называли хантов)¹¹. Слово это могло произойти от самоназвания северных хантов «ась-ях», т. е. народ реки Ась (Обь). Но из-за звуковых трудностей данная гипотеза считается менее вероятной, чем другая: русское «остяк» – заимствованное татарское «нистяк». Тюркский этноним применялся для обозначения ряда народов Сибири; к русским он мог попасть во второй половине XVI века. Еще более старое русское название манси и ханты – «югра», а их страна в низовьях Оби – «Югорская земля» (последний раз упоминается в начале XVII века). Надо сказать, что в русских документах XVII века манси часто именуется остяками, а в конце XVI века те и другие – даже «ясачными татарами» (см. № 7, 8). Власть Пельма и Конды распространялась также на верховья Северной Сосьвы и междуречье Конды и Малой Сосьвы на левобережье Оби. В 1650 году кодские (живущие по Оби ниже устья Иртыша) остяки жаловались царю: «...а по другую сторону Оби-реки кондинские остяки и пельмские вогуличи, и нам, государь, промышлять негде»¹².

Мощь и влияние «Пельмского государства» во многом определялись тем, что оно контролировало восточную оконечность Волжско-Камского торгового пути. Важнейший вариант этого пути шел с верховьев Камы «мимо Чердынью водяным путем Вишерою вверх, да чрез Камень (Урал. – Авт.) в Лозьву-реку... да Тавдою-рекою вниз до Тобола-реки»¹³. Уже в XI–XII веках Волжская Булгария подчинила себе коми-пермяцкие племена Верхнего Прикамья, здесь появились фактории болгарских купцов. После падения Волжской Булгарии под ударом татаро-монголов их сменили золотоордынские купцы, а тех – торговцы возникшего на развалинах Золотой Орды Казанского ханства. Через Пелым большая часть сибирской пушнины уходила в Поволжье, а оттуда расходилась по всему Востоку. В обмен на меха в Зауралье и Приобье поступали серебряная посуда, ювелирные украшения, оружие, доспехи, ткани, металлические изделия (железные топоры, ножи) и утварь, в частности медные котлы (рис. 3). Достаточно отметить, что в результате массового импорта последних в таежной зоне Западной Сибири с XIII века прекращается изготовление гончарной посуды¹⁴. Археологически территория Пельмского и Кондинского княжеств практически не исследована. Но даже отдельные находки и раскопки (Эсский могильник XV–XVI веков в верховьях Конды)¹⁵ свидетельствуют о широкой их вовлеченности в международный обмен. Не случайно репрезентативной вещью для художественного металла среднеордынского периода (конец XIII – первые две трети XIV века), в которой «с наибольшей полнотой нашли выражение золотоордынские черты», стала чаша из серебра из состава так называемой Ивдельской находки (цветная вкладка, рис. 1) с Вишерско-Лозьвинского пути (р. Ивдель – приток Лозьвы), обнаруженной в 1957 году неподалеку от берега Лозьвы. Найдены тогда были чаша и поднос (сохранилась только чаша). Две родственные ивдельской чаши выявлены при раскопках могильника и святилища в Среднем Приобье, известны подобные находки и в Прикамье¹⁶. На берегу Конды недалеко от пауля Сотниковского (совр. Сотник) под корнями дерева найдена была железная кольчуга, видимо, детская, приобретенная в 1904 году финским ученым А. Каннисто и увезенная в Гельсингфорс (совр. Хельсинки; см.: № 37. Л. 32; № 51. С. 25). Помимо посредничества в мировой торговле князья пельмские и кондинские обогащались за счет наличия на подчиненных им землях ценных пушных ресурсов: владения эти изобиловали соболем, бобром, лисицами, горностаем, куницей, белкой.

¹⁰ См.: Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы каталога) / О. Э. Балакаева, Э. Вигет, Е. М. Главацкая и др. Екатеринбург, 1999. С. 70–71.
¹¹ См.: Агеев Р. А. Страны и народы... С. 66–67.

¹² Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 116.

¹³ Там же. С. 143.

¹⁴ См.: Югорск: от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997. С. 18.

¹⁵ См.: Зыков А., Кокшаров С. Эсский остров: из предистории русского «взятия Сибири» // Родина. 2002. Спец. вып.: Междунар. Сев. археол. конгр., г. Ханты-Мансийск. С. 36–39.

¹⁶ См.: Крамаровский М. Г. Золотая Орда в российской и европейской культуре и науке Нового времени (Послесловие к выставке «Сокровища Золотой Орды». Казань; СПб., 2001–2002 гг.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2002. Вып. 5: На перекрестках эпох и традиций. С. 379; Сокровища Золотой Орды: Каталог выставки. СПб., 2000. С. 167.

Столица собственно Пелымского княжества, находившаяся у впадения Пелыма в Тавду, располагалась, с одной стороны, очень удобно для контроля над главным путем из Прикамья в Зауралье. С другой стороны, поселение это оказалось достаточно уязвимым при военных действиях. Поэтому к концу XVI века оно было заброшено, в русском документе 1592 года об этом городке говорится как о «старом городище». Место, где обосновалась новая пелымская столица, помогает уточнить «Книга Большому чертежу», датированная 1627 годом, но в ней данные по Сибири относятся к концу предшествующего столетия. «Вышней Пелым» размещался 20 верстами выше по Пелы-

3. Котлы из меди XV–XVI вв.
Могильник Эсский остров
в верховьях р. Конды

¹⁷ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1: Приложения. С. 348 (№ 11); Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 173.

¹⁸ См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 146; Миллер Г. Ф. Известия о реке Конде из устных рассказов различных остяков и вогулов, живущих на этой реке. 1740 г. // Элерт А. Х. Сибирь XVIII века... С. 287.

му, и добраться до него можно было только «в малых судах»¹⁷ (судах). Лесистые берега, озера и болота Конды служили для Пелыма кроме надежным тылом, «урочищем неприступным», как говорится в источниках, куда при опасности можно было укрыться. Тем более что кондинская столица городок Картауж, располагавшийся, видимо, на речке Ушенье (название которой можно перевести как «городская речка», так как «уш», «уж» – мансийское «городок», «город»), впадающей в Сатыгинский туман, – находился всего в четырех днях пути от Пелыма. А при использовании лошадей на эту дорогу требовалось всего три дня¹⁸.

Именование великого князя Московского Василия III (правил с 1505 года) «государем Обдорским и Кондинским» отношения к Кондинскому княжеству, очевидно, не имеет. В этой титулатуре подразумевается Куда, или Кода (хантыйское Кодское княжество) на Оби, известное русским с XV века. Собственно Конда впервые упоминается в источниках только со второй половины XVI века (подробнее об этом будет говориться далее). Последнее, конечно, не означает, что русским эти земли не были известны. Просто это знание не нашло отражения в летописях и документах. Исходя из содержащихся в источниках «геополитических» реалий можно вполне определенно утверждать, что во второй половине XV века военно-политический и династичес-

кий союз Пелыма и Конды уже существовал. С учетом того, что участие в ополчении было обязательным для всего взрослого мужского населения (см. об этом ниже), кондинские манси и ханты принимали, несомненно, активное участие в почти полуторавековом ожесточенном противостоянии «государства Пелымского» и расширяющейся на восток Московской Руси. В этой борьбе за контроль над конечным отрезком Волжко-Камского «великого мехового» пути и за доступ к пушным богатствам Сибири до конца XV века (до своего включения в состав Русского централизованного государства) принимали участие и другие государственно-политические образования Приуралья и Прикамья. Добыча, захваченная в одном из набегов на русские владения, отложилась, наверное, в найденном в начале XX века близ юрт Беленгутских на Конде недалеко от Нахрачей (с. Кондинского) клада, состоящего, судя по описаниям, из русских великокняжеских серебряных монет и серебряных же украшений; в чьи руки он продан – неизвестно¹⁹ (№ 51. С. 25).

В феодальной войне середины XV века Пермь Вычегодская выступала на стороне Василия II Темного (попав однажды в плен, московский князь был ослеплен; отсюда прозвище). В 1450 году его соперник князь Дмитрий Шемяка «звал вогуличей волости великого князя грабити». Пелымцы тогда не откликнулись. Но когда в 1455 году пермский епископ Питирим попытался окрестить коми-пермяков («крестити ко святой вере чердынцев»), живших в Верхнем Прикамье в Перми Великой, на эти земли «ратью» напали «безвернии вагуличи» во главе с пелымским князем Асыкой. Устроив погром в Перми Великой, они по Вычегде двинулись к Усть-Выми, разорили его и окрестные волости и убили возвращавшегося из Перми епископа Питирима.

Какое-то время московским властям было не до событий на далекой северо-восточной окраине. С вступлением на великокняжеский престол в 1462 году Ивана III пермский епископ Иона вновь преступил к крещению коми-пермяков. В 1465 году великий князь приказал устюженину Василию Скрыбе «Югорскую землю воевати». В походе, направленном, судя по всему, против Пелыма, помимо московских и устюжских служилых людей приняли участие «хотячие люди» (добровольцы), вымский князь Василий Ермолич «с вымичи и вычегжены». В 1467 году, независимо от Москвы, успешный поход на пелымцев совершил небольшой вятско-пермский отряд: «Поиде вятчаны на вогулечи, да с ними пермяна из Чердыни, вогулечь воевали и князя их Асыку в полон взяли, да от Вятки упустили»²⁰. Историки усматривают в освобождении Асыки из плена проявление традиционной антимосковской политики правителей Вятской земли: в «Шемякиной замятке» они выступали на стороне противников Василия II Темного²¹. В 1481 году – новый набег Асыки на Пермь Великую. Вогульское войско сожгло ее административный центр Покчу, разорило окрестности, князь-наместник Михаил Ермолич и несколько его сыновей были убиты. Под осажденной Чердынью пелымцам нанес поражение подошедший отряд устюжан-ушкуйников²² под командованием Андрея Мишнева. Однако причиненный этим набегом ущерб был настолько велик, что из-за «вогульского разорения» пришлось даже отказать от переписи податного населения Перми Великой. Весной 1483 года «князь великий Иван Васильевич посла рать на Асыку, на вогульского князя, да и в Югру на Обь великую реку». Пройдя Вишерско-Лозьвинским путем, она в бою на устье Пелыма 29 июля разбила отряды вогулов. Юмшану, сыну

4. Василий III. Гравюра из западноевропейской книги XVI в.

¹⁹ См.: Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950. С. 83; Устюжские и вологодские летописи XVI – XVIII вв. // ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 89; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Ефтихиевская) летопись // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 26.

²⁰ Устюжский летописный свод... С. 86; ПСРЛ. Т. 37. С. 91; Вычегодско-Вымская... летопись. С. 26.

²¹ См.: Югорск: от легенды до точки на карте. С. 40.

²² Ушкуй – большая речная лодка.

Асыки, удалось с остатками войска бежать. Русские двинулись дальше по Тавде, Тоболу и Иртышу на Обь, захватив по дороге в плен несколько остяцких князей и, видимо, по Северной Сосьве и Сыгве (Ляпину) вернулись в Великий Устюг к 1 октября (рис. 5). Весной 1484 года в Усть-Вымь прибыли посланцы от пельмского князя Юмшана во главе с его шурином Югрой и сотником «вогулятином» Анфимом за «опасом» (охранной грамотой) для Юмшана от великого князя; они съездили за ней в Москву в сопровождении епископа Филофея. Юмшан, однако, прибыл «к владыце Филофею на Усть-Вым» лишь в августе следующего года, после того как за несколько месяцев до это-

5. Передвижение русских военных отрядов по Западной Сибири. Рисунок рубежа XVII–XVIII вв.

²³ Владения кодских князей располагались в низовьях и среднем течении Оби.

²⁴ При всей условной отдаленности этимологических параллелей интересно отметить, что в конце XVIII века в Кетльмских и Рахтинских юртах Больше-Кондинской волости Туринского уезда зафиксировано по одной семье вогулов «Лятинных». См.: Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М., 1983. С. 290, 292. Табл. 44 (продолжение).

го при посредничестве Филофея здесь был заключен мир между вымичами, вычегжанами и обдорскими, казымскими и кодскими²³ князьями, частью только что освобожденными из русского плена. «А с ним вогуличи, тесть его Калба да Ломотко». По сообщению Устюжской летописи, вместе с Юмшаном прибыл и «сибирский князь Лятик», который, судя по имени, также являлся вогулом. (Некоторые исследователи видят в нем представителя кондинской княжеской династии)²⁴. Вместе с Филофеем они отправились в Москву, где Иван III «жаловал владыку, почтив велми, Юмшана жаловал же». По некоторым летописным известиям «с тех мест начал Юмшан дань дава-

ти»²², что в свете дальнейших событий представляется достаточно сомнительным.

Поэтому, видимо, наказание пельмцев, не плативших дань, стало одной из целей грандиозного зимнего похода 1499/1500 года «в Югорскую землю, на Куду и на гогуличи». Осенью 1499 года из построенного в низовьях Печоры Пустозерского острога двинулась более чем четырехтысячная рать. Основная ее часть наносила удар по Ляпинскому княжеству на Сыгве (Ляпине) и Северной Сосьве в направлении на Обь. Другим путем (скорее всего – с верховьев Печоры по Ильчу на верховья Северной Сосьвы) отправился «на князей вогульских на Пельнь» отряд в 300 человек под командованием Василия Ивановича Гаврилова Бражника-Заболоцкого. Вполне возможно, что в этом случае целью являлись не собственно пельмские владения, а их тылы на Конде. С учетом того, что Бражнику-Заболоцкому пришлось идти по территории Сосьвинского княжества с его многочисленными городками (только в верховьях Северной Сосьвы по «Книге Большому чертежу» располагались Искар, Тапсы, Нячин, Заглей; были и другие), и относительно коротких сроков похода в целом (к Пасхе 1500 года воеводы вернулись в Москву), достигнутые им результаты: «взял 8 города да 8 голов»²⁵ – надо признать пусть и достоверными, но весьма скромными. Вряд ли этот отряд продвинулся дальше верховьев Конды (или Пельмы). В 1531 году пельмский князь вновь совершил нападение на Чердынь²⁴.

Внутреннее устройство Пельмы и Конды можно, пусть и в общих чертах, реконструировать по русским источникам XV–XVII веков. Во главе двух частей «государства Пельмского» (Пельмского и Кондинского княжеств) стояли родственные династии «больших князей». Наследование власти в каждой из них осуществлялось по одной старшей линии. Представители младших линий этих княжеских семей носили титулы мурз.

На отдельных территориях, вошедших в состав Пельмского и Кондинского княжеств, сохранялись, видимо, династии «малых князей», подчинявшихся «большим». Так, во время похода 1465 года под командованием устюжского воеводы Василия Скрябы, направленного, скорее всего, против пельмского князя Асыки и его союзников, были пленены югорские князья Калба и Течик (откуда-то с Лозьвы и Сосьвы?), затем отпущенные. А двадцать лет спустя тесть сына и преемника Асыки Юмшана вогульский князь Калба, о чем упоминалось выше, сопровождал его во время поездки в Москву для заключения мирного договора. Когда в 1584 году часть ермаковцев попытались вернуться «на Русь» Чердынско-Лозьвинским путем, то, поднимаясь вверх по Тавде, они при вступлении на земли Пельмского княжества в первом же городке столкнулись с ожесточенным сопротивлением вогуличей во главе с князем Патликом (см. № 3. Стб. 13). Кондинское княжество с самого начала обложения его в 1580-х годах русскими властями ясаком было поделено на Конду Большую и Конду Меньшую. А ясачные волости часто соответствовали «историческим» частям (малым княжествам, вошедшим в состав больших) княжеств обских угров. Нельзя не вспомнить в связи с этим и вогульского князя Романа Славного с Конды (нижней?), с отрядом воинов пришедшего на помощь иртышскому «большому», «сборному» князю Демьяну (Нимьяну, Нимнюану) при обороне его города от ермаковцев в 1583 году (об этом мы будем говорить далее).

В отличие от других княжеств обских угров, в Пельме и Конде наличествовала более глубокая дифференциация знати – «лучших людей», среди

²² См.: Вычегодско-Вымская летопись. С. 26; ПСРЛ. Т. 37. С. 95; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.: Л., 1959. Т. 26. С. 275–277; Шапков А. Т. Первые московские походы за Урал и Усть-Вымский мир 1484 г. // Обские угры: Материалы II Сибирск. симпозиума. «Культурное наследие народов Западной Сибири», Тобольск, 12–16 дек. 1999 г. Тобольск; Омск, 1999. С. 168–171; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия. Екатеринбург, 1999. С. 285 (Приложение 2. II).

²³ См.: Устюжский летописный свод... С. 100; ПСРЛ. Т. 37. С. 99; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1967. С. 29; Хрестоматия по истории СССР: С древнейших времен до конца XV века. М., 1960. С. 599–600; Книга Большому чертежу. С. 170 (ср.: Миллер Г. Ф. Описание реки Сосьвы... С. 243–245); Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шапков А. Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 83–84.

²⁴ См.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 20 (сноска 23).

²⁵ См.: Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 156.

6. Отыр. Тяжелооруженный воин вогульских княжеств XVI в. Реконструкция А. Богданова

²⁶ См.: Бахрушин С. В. Ясак в Сибири XVII в. // Там же. С. 51.

²⁷ См.: Кобищанов С. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995. С. 77–79.

которых выделяются мурзы и сотники. Сотник князя Юмшана Анфим упоминается в летописи под 1484 годом, когда он приходил послом на Русь. В документах конца XVI–XVII века пельымские и кондинские мурзы и сотники фигурируют постоянно. В «кондинских волостях» XVII века упоминается «ясаул» (есаул); см. № 7, 9, 11, 14, 17а, 18, 20, 23), или – «блюстителю порядка», – в татарских ханствах назначавшийся вместо хана правитель улуса. Часто, впрочем, звание есаула присваивалось племенным князьям, стоящим во главе вошедших в ханство собственных владений²⁵. Характерно, что на Конде ниже впадения в нее Аха находились юрты под названием Сотниковы (современная дер. Сотник), а между селениями Нахрачи (с. Кондинское) и Болчары – юрты Есаульские, последнее вогульское поселение перед населенными осятками низовьями Конды.

В социально-политической жизни Пельымско-Кондинского княжества вообще весьма ощутимо татарское влияние. Это и деление податного населения на «сотни» (реально охватывавшие от нескольких до десятков человек); и использование званий «мурза», передававшегося, кстати, по наследству, а также «ясаул»; и широкое распространение в среде знати тюркских имен, при том, что по этнической принадлежности правящая верхушка оставалась, безусловно, вогульской. Подобная «тюркизация» вполне объяснима. В течение столетий происходили контакты на Вишерско-Лозьвинской дороге, являвшейся продолжением Волжско-Камского «пушного» пути, сначала с купцами-булгарами, фактории которых находились в верхнем Прикамье, затем с торговцами Золотой Орды и Казанского ханства. На Туре, нижней Тавде и Иртыше пельмичи и кондичи непосредственно граничили с владениями той же Золотой Орды, затем с владениями Тюменского и Сибирского ханств или зависимыми от них территориально-политическими образованиями местных вогулов и осятков.

Население, поделенное на «сотни», несло повинности в пользу князей и знати. Важнейшей из них была служба в ополчении. О высочайшей степени милитаризации Пельымско-Кондинского княжества свидетельствуют приведенные выше сведения о набеге на Прикамье князя Аблегерима в 1581 году, когда он смог поднять в поход 700 воинов, то есть практически все боеспособное население своих и союзных владений. Население «коренных» территорий княжества платило также подати, оформленные, скорее всего, в виде «поминок» – фиктивно добровольных, но фактически обязательных приношений «в почесть» пушниной, рыбой, сырьем (крапивным волокном), изделиями. Жители присоединенных окраинных земель выплачивали, очевидно, дань (ясак) пушниной, так как в период независимости источники отмечают существование в княжестве особого разряда «ясачных людей»²⁶. Данники привлекались, как отмечалось, и к участию в военных походах.

В отличие от других государственно-политических образований обских угров, где князья практиковали самый примитивный способ для сбора поминок и ясака – полюдь, то есть объезд своих владений²⁷, – в «Пельымском государстве» существовал своеобразный аппарат управления. На местах подати собирали мурзы и сотники, часть податей они оставляли себе, а часть отдавали князю. Потом князей заменили пельымские воеводы. По сведениям источников XVII века можно предполагать наличие у князей торговой монополии: оставшиеся от уплаты повинностей меха они скупали «на себя» по заниженным ценам и заставляли приобретать необходимые населению товары только у себя же. Существовало и рабство, рабы (холопы по русской

терминологии) работали, видимо, в княжеских хозяйствах. Источниками пополнения числа рабов служили захват пленными (при набегах на Прикамье «Пылымской князь с вогуличи... крестьян в полон емлют»²⁸) и купля-продажа.

Непосредственно Конда в известных к настоящему времени русских источниках впервые упоминается в 1570 году. Возвратившийся в марте в Москву наместник Перми Великой князь Н. Ромодановский привез грамоту от сибирского хана Кучума. Ту самую, где содержались адресованные царю Ивану IV Грозному знаменитые слова: «И ныне похощь миру – и мы помиримся, а похощь воеватися – и мы воюемся». Ромодановский рассказал, что послание Кучума ему вручил в Перми приехавший из Пельма «гогулетин из Конды Ивака Ивакин сын» (№ 2). Появление Иваки Ивакина с грамотой «царя сибирского» означало, кроме всего прочего, что складывался направленный против Москвы военно-политический союз Сибирского ханства и Пельымско-Кондинского княжества. И «прелести» этого союза восточные территории Российского государства в последующие десятилетия испытали в полной мере.

2. Включение Пельма и Конды в состав Российского государства

После того как летом 1581 года Строгановым удалось подавить мятеж чусовских вогуличей, возглавляемый мурзой Бекбелием Агтаговым, в их земли, пройдя через горы по Лозье и Вишере, «о Семене дни» (1 сентября) вторгся «Пельымский князь (Аблегерим. – Авт.) ратью, а с ним семьсот человек». Строгановские «слободки на Койве, и на Обве, и на Яйве, и на Чюсовой, и на Сылве деревни все выжгли, и людей и крестьян побили, жон и детей в полон поймали, а лошади и животину отогнали». Осажден был Чусовской городок. Судя по численности нападавших (700 человек), Аблегерим мобилизовал практически все боеспособное население своего и союзных ему вогульских княжеств; в 1599 году в Пельымском уезде и на Конде насчитывалось 555 плательщиков ясака (примерный возраст их – от 18 до 50 лет), а в начале XVII века на этой же территории, но уже вместе с Таборами, по разным данным, ясак платили от 624 до 695 человек²⁹. То есть кондинцы в этом нападении, несомненно, участвовали. Конда, кстати, была наиболее населенной частью объединенного Пельымско-Кондинского княжества.

По новейшей версии, предложенной А. Т. Шашковым, подошедший в конце сентября с Волги по Каме и Чусовой отряд казаков Ермака Тимофеевича разбил арьергард Аблегерима на Сылве (рис. 7). По Сылве же в августе 1582 года «Кучюмов сын Алей пришел войною на Часовую». И русские власти Перми Великой, и в Москве набег этот долгое время вообще считали именно пельымским: «собрався Пельымской князь с сибирскими людьми и с вогуличи, приходил войною на наши Пермские места»³⁰. В набеге участвовал и пельымский князь Аблегерим. Когда ермаковцы «Чюсовой сибирским повоевать не дали», объединенная татарско-пельымская рать двинулась вверх по Каме, разоряя русские селения, сожгла Соль Камскую (Соликамск) и осадила Чердынь. Затем этот отряд прошел еще 200 верст по Вычегде и Каме, «вымские повосты (погосты), Кайгород и Волосницу пожегл», а на обратном пути в очередной раз погромил строгановские владения. Между тем дружина Ермака, отразив совместный татарско-пельымский натиск, отказа-

²⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1: Приложения. С. 341 (№ 6).

²⁹ См.: Введенский А. А. Торговый дом XVI–XVII вв. Л., 1924. С. 62; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. Приложения. С. 341 (№ 6); Сибирские летописи. С. 12; Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 144; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 30–31, 57.

³⁰ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1: Приложения. С. 342 (№ 7).

7. Сражение ермаковцев
с вогулами в Прикамье.
Рисунок рубежа XVII–XVIII вв.

³¹ См.: Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 28–32; а также: Югорск: от легенды до точки на карте. С. 47.

³² Возможно, что именно он упоминается в грамоте 1596 г. первым среди «лучших людей» волости Малой Конды под именем «Рыика» («Роман» в русской транскрипции), ведь с событий 1583 г. прошло не так уж много лет.

лась от планировавшегося похода «на Пельинского». «Учали оне, Ермак с товарищи, – вспоминали ветераны, – мыслить и забираться, как бы им донти до Сибирской земли до царя Кучума». Так начался поход в Сибирь³¹.

В ходе сибирской экспедиции ермаковцам вновь пришлось столкнуться с воинами Пельимско-Кондинского княжества. Во время ясачного похода вниз по Иртышу, начавшегося в конце зимы 1582/83 года, наиболее упорное сопротивление казачьей станице (отряду) во главе с атаманом Никитой Паном (погибшем на одном из «приступов») было оказано «большим» или «сборным» князьком Демьяном (Нимньюаном), на помощь которому вместе с другими пришел вогульский князек Роман Славный. Три дня казаки штурмовали городок Демьяна, прежде чем удалось его взять. Большинство князьков «разбегошася с роды в дома своя». Понавшего в плен Романа привели к присяге и «ясак взяли». Однако затем Роман³² бежал вверх по Конде «к Пельми» (№ 3, Стб. 19–20). По преданию, слышанному Г. Новицким в начале XVIII века, наложенная ермаковцами большая дань была уплачена «наследием отец и праотец» из казны святилища в будущих Нахрачевых юртах на Конде (№ 27, С. 101).

После гибели в начале августа 1584 года Ермака Тимофеевича в рядах казаков, по версии А. Т. Шашкова, произошел раскол. Часть их, возглавляемая атаманом Матвеем Мещеряком, решила вернуться на Русь старинным Лозь-

винско-Вишерским путем³². Подавив сопротивление татар в низовьях Тавды, они поднялись по реке и практически без сопротивления миновали татарско-вогульское Кошутское (с городками Кошуки и Чандырь) и вогульское Табаринское (Табары) княжества. Но в первом же пельимском городке казаков ждали вогульские воины во главе с князем Патликом. Жен и детей они заблаговременно отправили на реку Конду. Почти все пельимцы погибли в бою, но казаки не решились следовать дальше и повернули назад (№ 3, Стб. 13–14). В 1904 году А. Каннисто, а в 1933 году В. Н. Чернецов записали у кондинских манси два варианта предания об основании селения Леуши бежавшими от войны тавдинцами, людьми с «Черновской стороны» (р. Черная, приток Тавды)³³. Л. Р. Шульц в 1925 году зафиксировал: «среди Леушинских вогулов сохранилось предание о том, что их предки раньше жили на Тавде и что они во время нашествия Ермака в числе 14 семейств переехали на теперешнее местожительство» (№ 51, С. 26).

В наказе Посольского приказа, датированном примерно февралем 1586 года, отправленным для встречи польского посла Е. Ржевскому и Г. Васильчикову, уже говорится: «А нечто спросит про Сибирь?.. А ясаку [государь] положил на Сибирское царство и на Конду Большую, и на Конду Меньшую (выделено нами. – Авт.), и на Туру-реку, и на Иртыш-реку» (№ 4). И хотя в этой инструкции многое желаемое или только планируемое выдается за действительное: не было еще упомянутых в ней Тюмени и Тобольска (появился только Обской городок против устья Иртыша), как не были объяснены Большая Конда (если даже считать, что по отношению к Конде Меньшей это сделали в 1583 году ермаковцы) и другие упомянутые в документе сибирские «землицы», – все-таки знания московских администраторов о Зауралье и, в частности, о Кондинском крае существенно расширились.

В 1588 году служилым людям из недавно построенного Тобольска удалось привести к покорности Большую Конду, и ее правители обязались с 7097 года от сотворения мира (1588/89 г. от Рождества Христова) платить ясак. «Замирилось» и Пельимское княжество. Старинный путь от центра русских владений в Приуралье Чердыни через Вишеру на Лозьву и по Тавде на Тобол стал теперь свободным. И. И. Ордину-Нащокину – третьему по счету воеводе Верхне-Тагильского городка, основанного в 1584 году ратниками князя С. Д. Болховского, идущими на помощь отряду Ермака, – предписано было перебраться на новое место при впадении реки Ивдель в Лозьву. Здесь, на самой границе пельимских владений, построили Лозьвинский городок, ставший главной перевалочной базой и опорным пунктом на дороге в Сибирь. Но в 1590 году сибирский хан Кучум возобновил активные военные действия против русских, неожиданно появился под Тобольском и пограбил его окрестности (рис. 8). Затем он совершил набеги на татарские ясачные волости. Одновременно Москве «изменили» старые союзники Кучума, пельимский и кондинский вогульские князья. Конда, сначала Большая, затем Меньшая, прекратили выплату ясака. И хотя летом 1591 года кучумляне были разбиты воеводой В. В. Кольцовым-Масальским у оз. Чсликуль близ р. Ишима, даже в 1592 году ожидали «сибирских татар приходу» на Пермь Великую и проводили в строгановских владениях мобилизацию ратных людей для его отражения. Вогульский же мятеж продолжался, и просзд по Лозьве и Тавде вновь стал небезопасным. Летом 1592 года началась подготовка «к перевозимью в войну на Пельимского». Сбор сил затянулся, планы похода и сроки его начала не раз менялись, но во всех вариантах центральные власти были настро-

³² См.: Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири. С. 37–38.

³³ См.: Югорск: от легенды до точки на карте. С. 51.

8. Нападение Кучума
на окрестности Тобольска.
Рисунок фубежа XVII–XVIII вв.

ены однозначно жестко: «приманя князя Пельымского Аблегерима и детей его... самого князя и сына большего казнить, да с ними же человек 5–6 пущих, сыскав, казнить»³⁴.

Еще из опыта московских походов второй половины XV века, да и недавнего Ермакова «Сибирского взятия», было известно, что разгромить Пельымское княжество лобовым ударом, без ликвидации его тылов на Конде, практически невозможно. Это быстро стало ясно, как увидим ниже, и в ходе данной операции. В начале 1593 года бывший чердынский воевода Н. В. Траханиотов с 300 служилыми людьми и 150 крестьянами-плотниками, набранными в Приуралье, «через Лозьву зимним путем» обошел пельымские владения. Войдя на верховья Туры, отряд по льду Туры, Тобола, Иртыша и Оби вышел в низовья Северной Сосьвы, где весной началось возведение города Березова. Этой же весной из Лозьвинского городка на судах двинулся с ратью присланный из Москвы князь П. И. Горчаков. В бою на Лозьве был захвачен плен старший сын пельымского князя Тагай. В 1600 году верхотурские власти справлялись в Москве, что им делать с трофейными вогульскими луками, колчанами и топорами (перевезенными в Верхотурье после ликвидации в 1598 году Лозьвинского городка), которые «взяты... в прошлом в [7]101-м (1593. – Авт.) году на Лозьве с пельымским князем с Тагаем»³⁵. Рядом с забро-

³⁴ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 278–279; Приложения: С. 345–348, 372–374 (№ 10, 11, 23, 24); Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 124.

³⁵ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. С. 80 (№ 37).

шенной бывшей столицей Пельымского княжества при впадении в Тавду Пельыма Горчаков заложил одноименный русский город. Зимой, вероятно, уже в 1594 году, посланные из Березова казаки и стрельцы под командованием письменного головы Ивана Змеева вместе с присоединившимися к ним кодскими «служилыми» остяками князя Игичея Алачева (давними врагами кондинцев), поднявшись по Оби, прошли до столицы Кондинского княжества городка Картаужа, а затем до самых верховьев рски и, видимо, по Малой Сосьве, вернулись в Березов. Разгром был сокрушительный: «кондинского князя взяли и людей его побили, и иных в полон поимали», «юрты их разорили, и животы и статки все поимали». В числе плененных кодский князь Игичей захватил «кондинского князя дочь девку». В Березове ее у него забрали воеводы Н. Траханиотов и А. Благой и отдал местным остякам. Алачев пожаловался царю Федору Иоанновичу, и полонянку было приказано вернуть Игичею (№ 6). В августе 1594 года плененного кондинского князя Агая, его сына Азыпку и брата Косякму привезли в Москву. Вместе с ними доставили «животы» (казну, имущество), описание которых, по выражению С. В. Бахрушина, дает «некоторое представление о великолепии мансийского княжеского двора в период независимости Конды». «Животы» эти включали: «2 венчика (головные украшения в виде ободка, очелья) серебряных, 2 чепочки серебряных, лошка серебряна, а у ней 6 плащей (блях) серебряных, завитца (браслет) серебряна, чарка серебряна, 426 соболей, 13 лисиц черных, и бурых, и красных, 61 бобр, 1000 белки, завесь дорогинена, а опущен камчишком двоелишною» (т. е. завесь из полосатой шелковой ткани, с двусторонней отделкой узорчатым шелком; шелковые завеси упоминаются в сказаниях о подвигах обских князей-богатырей); см.: № 5, 6.

По словам Г. Ф. Миллера, «согласно березовским архивным делам», поводом к нападению «зимою 1594 г.» (т. е. в начале года) на Кондинское княжество «послужило восстание кондинских вогулов». К сожалению, реально он в данном случае ссылается только на документы о пленении кондинского князя Агая с братом и сыном и доставке их в Москву; о захвате кодским князем Игичеем Алачевым дочери Агая и последующих набегах кодских остяков на Большую Конду (см. № 5, 6, 7, 9). Миллер даже высказывает предположение, что «кондинских вогулов ложно обвиняли в восстании» по наущению кодских остяков, желающих обогатиться за счет грабежа их давних врагов³⁶. Вряд ли русские служилые люди из Березова во главе с письменным головой Иваном Змеевым участвовали в походе на Кондинское княжество без санкции из Москвы. Да и общая ситуация к началу 1594 года складывалась, похоже, так, что без удара по Конде решить задачу ликвидации «Пельымского» оказалось невозможно: русский Пельым основан еще в 1593 году, но князя Аблегерима все никак не удавалось захватить. В плане подготовки или обеспечения похода на Кондинское княжество можно рассматривать и пожалование в феврале 1594 года кодским служилым князьям Игичею и его двоюродному брату Оишке Юрьеву (жалованная грамота найдена и скопирована Г. Ф. Миллером у потомков Игичея. – Авт.) волостей Васпалукук и Колпукудук, отмеченное Г. Ф. Миллером на указанных страницах «Истории Сибири». Небольшие (в одной было 8 плательщиков ясака, в другой – всего 3), стратегически волости эти располагались очень выгодно: первая – рядом с вошедшей еще к XVI веку в состав остяцкого Кодского княжества Ендырской волостью (бывш. Эмдер), откуда по Мулымье существовал путь к верховьям Конды³⁶, а от самого Васпалукука (Васпуколя) – по Юконде к ее среднему течению; вторая – Колпукудук (Колпу-

³⁶ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 285–286.

³⁶ См.: Миллер Г. Ф. Путешествие от Сургута вниз по реке Оби до Березова. 1740 г. // Элерт А. Х. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 225. Миллер ошибочно локализовал Васпалукук под правительным, по его мнению, названием Асспугль (Асспукольские юрты) в нижнем течении Оби и недоумевал по поводу того, что они «расположены слишком далеко от места жительства кодских князей» (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 285).

³⁷ Пересчет недобора ясака с Большой Конды в рублях с учетом того, что один соболь считался за 11 белок, а 100 белок «положено против рубля»; см.: № 7. С. 372; № 8. С. 374.

кол) – у самого впадения в Иртыш Конды и, таким образом, позволяла контролировать ее низовья. Если не открытый мятеж, то фактическое неповиновение русским властям со стороны Большой Конды накануне совместного похода на нее березовских служилых и кодских остяков, несомненно, наличествовало: подсчеты показывают, что за 1588/89–1594 годы большекондинцы недоплатили 94 сорока 5 соболей³⁷, т. е. всего около трех их годовых тогдашних ясачных окладов. Все известные источники подтверждают, что в 1594 году удар был нанесен только по Большой Конде (см. № 5, 6, 7, 9 и др.); ясачные Малой Конды «тот прошлой ясак платили в Тобольской [город] весь сполна по тобольскому окладу» (№ 7).

Сказанное выше в целом подтверждается более поздним интереснейшим документом, появившимся около 1608 года, а в 1742 году скопированным для Г. Ф. Миллера в пельымском архиве, на который историк почему-то не обратил внимания. В челобитной царю Василию Шуйскому «ясачной остяк» Четырь Досаев (в большинстве других документов он, как и его сын впоследствии, именуется «мурзой», а иногда даже «князем», хотя этого звания он никогда не имел) сообщал, что он «ис Конды съшел жити в Березовский уезд в волость в Коду» и участвовал в постройке Березова (это 1593 г.), Сургута (1594 г.) и Томска (1604 г.), сражался с остяками-«изменниками» и «брата своего Агая-князца выдал государю, и на Москве брат его крещен» (№ 10). Получается, что Четырь, оставшийся лояльным к русским властям, после начала сопротивления в Конде покинул ее и ушел во враждебное кондичам Кодское княжество, много лет исправно «государеву службу служил» и, очевидно, участвовал в походе 1594 года на Кондинское княжество и способствовал захвату в плен кондинского князя, своего старшего брата Агая. Значит, отца их обоих, предшествующего Агаю князя Кондинского, звали Досаев... Таковы лишь некоторые соображения, вытекающие из содержания этого ценного источника.

В 1596 году правительство даже простило Большой Конде недоимки за все годы сбора ясака и снизило его размеры, так как «многие у них ясачные люди побиты» (№ 7, С. 372). Набег кодских остяков на Большую Конду, грабежи и захват рабов продолжались до 1600 года, когда на это жаловались царю Борису Юдунову мурза Курманак Танаев (видимо, сын младшего брата бывшего кондинского князя Агая) и сотник Калтай Еусев. У Курманака, кстати, зимой 1594 года «князь Игичей убил своими людьми отца его и мать, а жену его и дети свез к себе в юрты... служат в холопах 6 лет». Опасаясь сокращения ясачных платежей, правительство потребовало от березовского воеводы следить, чтобы «вперед бы князь Игичевы люди в Большую Конду воровски не ходили» (№ 9).

Одновременно с посылкой экспедиционного отряда на Конду из Березова начал военные действия против пельымских вогулов воевода князь П. Горчаков. В конце концов князь Аблегерим вынужден был сдаться, не зная, наверное, об уготованной ему судьбе. Аблегерима и его старшего сына Тагая, очевидно, как и планировалось, умертвили; в 1598 году в челобитной пельымских ясачных вогулов «на Москве в тюрьме» упоминаются только младший сын пельымского князя Таутей и сын Тагая, внук Аблегерима, Учот³⁷. Так прекратили существование независимые Пельымское и Кондинское княжества.

Первоначально Большая и Малая (Меньшая) Конда платили (когда вообще платили) ясак в Тобольск. В 1594 году обе они были переданы в Пельымский уезд (№ 7, 8). Малая Конда между 1623 и 1629 годами вновь и уже окуп-

чительно возвращена в состав Тобольского уезда, тогда же из нее выделена как особая ясачная волость тобольского подчинения Юконда. В 1614–1615 годах в Пельымском уезде существовала уже и Леушская волость (№ 18, 21). В 1630 году в нее входил 1 юрт (селение) с 33 плательщиками ясака. В Большой Конде в это время значился 51 юрт с 322 ясачными (с общей численностью населения, соответственно, 130 и 1290 человек по методике Б. О. Долгих, применяющего коэффициент 3,6). Где-то в 1660-х годах часть Леушинской волости отошла к Тобольску (Леуши в Тобольском уезде)³⁸.

После покорения Конды умиротворение наступило не сразу. В начале 1604 года сын кодского князя Игичея Алачева жаловался, «на Кондинских остяков на Елека, да на Еска (Еуся. – *Авт.*), да на Курманака [Танаева] с товарищи», что они «за тех убитых людей, которых отец их с служилыми людьми побил, ищут поголовщины (кровной мести. – *Авт.*); ... похваляются... приходить войною и его, и людей его побивать насмерть» (№ 12). В течение ряда лет после этого «для береженья» кодских князей к ним в Кодский городок с «Березова посылалось по 10 человек годовальщиков русских служилых людей с огненным боем»³⁹. Но, несмотря на охрану из стрельцов, и два с лишним года спустя «Пельымского уезда Кондинские волости во всех ясачных людях шатость великая». Они по-прежнему «хотят приходить скопом и воевать князь Ивана да князь Михаила Алачевых... побити их до смерти... и ныне... сидят от тех пельымских ясачных людей у себя в городке в осаде» (№ 13).

Во время гражданской войны начала XVII века (Смуты) в Российском государстве, когда власть центрального правительства ослабела, на окраинах тоже было неспокойно. В 1609 году будто бы затевал «измену» князек (чаще в документах он именуется «мурзой») «с усть Конды» Четырь Досаев, ездил «вверх по Конде во всю Кондинскую землю к остякам для измены». Он даже договаривался о совместном выступлении с давними врагами кондинцев – кодскими хантами, для чего якобы ездил в Березовский уезд и вступил в переговоры с княгиней Анной Алачевой, вдовой Игичея. Четырца пытались арестовать тобольские и пельымские власти (№ 16). В конце концов обвинения в его адрес не подтвердились, и ему было разрешено жить со своею «братиею» мурзами Курманак (Танаевым), Ортюгою (Агаевым) и Елигом (Елеком) в городке Картауже (№ 16а). Неясно, насколько была вовлечена Конда в события 1611–1612 годов, когда у пельымских вогулов имела место «шатость великая» и «измена» и было намерение «выпустоша Пельымский город, да идти в Пермь в пермские волости воевать». Инициаторами тогда выступали вишерские и лозьвинские манси, но ходили слухи, что «из Конды к ним прислали сотника и лутчих людей говорити о том воровском умышлении и о совете» (№ 18). Движение это было жестоко подавлено: в 1612 г. при пельымском воеводе П. Д. Исленьеве (Исленеве) 10 человек было повешено и более 30 бито кнутом. При его приемнике Ф. А. Юдунове многие биты кнутом и «лучшие люди» взяты в заложники в Пельым⁴⁰.

В 1618 году «ис Конды ясачной мурза Артюка Агаев» демонстрировал политическую лояльность, сообщая в Пельым о восстании сургутских остяков (№ 20). В 1623 году вновь прибывший воевода И. М. Вельяминов «почаял от Большие Конды шатости» после того, как «мурзы Ортюга Танаев (Агаев; здесь в документе явная описка. – *Авт.*) с товарищи, лутчие люди», несмотря на двухкратное предложение, «на Пельым не пошли» для выслушивания «жалованного слова» – традиционного обращения нового администратора к аборигенному населению от имени царя⁴¹. Около 1630 года, когда в Тарском уез-

³⁸ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2: Приложения. С. 305 (№ 27); Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. С. 28–29, 32, 57, 60.

³⁹ Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шапков А. Т. Очерки истории Коды. С. 107, 118.

⁴⁰ См.: Бахрушин С. В. Остяки и вогульские княжества... С. 147–148.

⁴¹ См.: Вершинин Е. В. О постройке оборонительных укреплений Пельыма в 1623 г. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2003. Вып. 5: На перекрестках эпох и традиций. С. 440, 443.

³⁷ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Л., 1941. Т. 2: Приложения. С. 158 (№ 7); Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 74. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7); Очерки истории Югры. С. 124, 126.

де вспыхнула смута, «Пельмской волости кондинские ясачные люди, целовек со 100, выезжали из Конды на Иртыш реку и проводывали вестей, что над Тарским учинится, и им было по тем вестям также воровать над Пельмским городом»⁴².

В Пельмском уезде волость Большая Конда сохраняла в составе Русского государства черты бывшего независимого «удела» Пельмско-Кондинского княжества. В столице Конды, городке Картауж, в XVII веке продолжают жить и «рядовых наших вогулич ведают» мурзы, потомки кондинского князя Агая, «братья» (на самом деле дядья, двоюродные братья и т. д. – *Авт.*) находив-

9. Рыбная ловля на севере.
Гравюра из книги Олая
Магнуса, 1555 г.

шихся в почетном плену на русской службе в качестве пельмских детей боярских князей Василия и Федора Кондинских – принявшими крещение детей старшего сына Агая Азыпки. Мурзы являлись посредниками между русскими властями и кондинскими вогулами при уплате ясака. Они сами привозили ясак в Пелым, а пельмские воеводы посылали им в Конду подарки «для ясачного сбора». Фактически управление Кондой оставалось в руках древнего княжеского рода. Напрасно московское правительство в 1624 году запрещало «кондинских князей, князь Федора, да князь Василия, с Пельма в Большую Конду ко племени [их] отпустить». Старший в семье – князь Василий – выступал чуть ли не суверенным владыкой Конды. С подачи пельмского воеводы П. Вельяминова царские грамоты рисуют следующую картину поведения Василия Кондинского в начале 20-х годов XVII века. Несмотря на запретительные указы, он продолжал «без отпросу» ездить в юрты Большой Конды с племянником князем Андреем Пельмским (сыном внука казненного Аблегерима Пельмского Учота, принявшего крещение под именем Александра; тоже пельмским сыном боярским) и своими людьми (у Василия было несколько крещеных дворовых). Он получал с подданных ясак: «которая будет у ясачных людей лучшая мягкая рухлядь, и те де мурзы, князь Васильевы братья, велят опричную мягкую рухлядь оставливать ему... в наш ясак класть не велят и приносят к нему тайно, по его... приказу». По-старому

пользовался князь Василий, как главный в Пельмско-Кондинской княжеской семье, и правами на угодня: «в вогульских юртах по Тавде-реке с вогуличи вместе рыбу ловил во все лето», что тоже ему запрещалось. Ходил князь Василий в Конду «торговать к братье своей» (пережиток права на торговую монополию) и даже сохранял права над личностью своих подданных: его обвиняли в том, что «он взял из Конды две вогулки и продал в Кошуки татарам». Так кондинская княжеская династия продолжала делить с московскими государями власть и доходы⁴³.

3. Большая Конда в XVII–XVIII веках

К концу XVII века городок Картауж – бывшая столица Кондинского княжества – перестал выполнять роль резиденции потомков правящего в нем рода. В датируемой 1699–1701 годами «Чертежной книге» Сибири С. У. Ремезова на его месте на р. Картауже, впадающей в Картаужский туман – на р. Ах, текущей в Конду, отмечено: «городище осыпно место, вогульско пусто», рядом с ним указан «юрт большой Кондинский». Еще одно «городище осыпно», где «были юрты», показано на карте Ремезова на притоке Конды р. Ужинье (Учинье). Это, очевидно, городище Высокая Гора на Учинье около пос. Половинка (цветная вкладка, рис. VI). Название «Картауж» переводится как «Укрепленный дом-городок» (выше уже говорилось, что «уж», «уш» – «город» по-мансийски). Надо отметить, что в надписях на своих картах-«чертежах» С. У. Ремезов довольно точен. Центральная часть городища Высокая Гора представляет собой осыпь дома-крепости. Имелся еще небольшой укрепленный «посад», но он, вполне очевидно, существовал и в историческом Картауже.

В течение всего XVII века Большая Конда оставалась малодоступной для русской администрации, и зависимость ее ограничивалась более или менее аккуратной уплатой ясака, который сами мурзы собирали «у себя в юртах сороками (соболей. – *Авт.*), а не поголовно», как того добивались русские власти, и не допускали непосредственного обложения данью каждого отдельного своего подданного⁴⁴. Между тем еще в 1609 году Москва требовала от пельмских воевод, чтобы те «кондинским ясачным людям по волостям и по юртам, где живут, велели сделати окладные книги... и... прислали к нам» (№ 15. С. 215). Но этого сделано не было (№ 19). В 1654 году мурза Иван Ортюгин – внук последнего властителя независимого Кондинского княжества Агая – «для своей бездельной корысти» собирал «у себя в юртах» ясак и поминки и присылал в Пелым только их часть. «Да в той же, государь, Кондинской волости, – жаловался воевода, – в твоих государевых людях меж собою чинится у них великое воровство и убийство, друг на друга ходят разбоем и друг друга грабят и разбивают, и из луков стреляются, и ножи режутся, и побиваются меж собою до смерти. И те, государь, убийцы, твои государевы ясачные люди, пельмским служилым людям не даются, из луков служилых людей стреляют»⁴⁵. Описываемая ситуация, скорее всего, отражает сохранение в Большой Конде традиционного для обычного права института кровной мести, который не мог не беспокоить воеводную администрацию; прежде всего из-за уменьшения числа плательщиков ясака⁴⁶. Но служилые люди могли сюда проникать лишь с опаской.

⁴³ См.: Бахрушин С. В. Ясак в Сибири... С. 54–56, 73–74; *Он же*. Остяцкие и вогульские княжества... С. 148–150.

⁴⁴ См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 150.

⁴⁵ Там же. С. 149, 150.

⁴⁶ См.: Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 136–137.

10. С. У. Ремезов. Фрагмент
«Чертежа земли Пельмского
города». 1699–1701 гг.

В указанных обстоятельствах русские власти вынуждены были опираться на авторитет местной знати, а иногда даже перепоручать ей фактическое управление «иногородцами»⁴⁷. Именно так обстоит дело на Конде. Считавшиеся законными ее князьями крещеные дети Азыпки (сына последнего владельца независимого Кондинского княжества Агая) Василий и Федор находились на русской службе в Пельме в качестве детей боярских. После смерти бездетных князей Василия и Федора Кондинских власть перешла к потомкам мурзы Ортюги – младшего сына Агая, который, впрочем, уже в 1610–1630-х годах выступает главным представителем Большой Конды в глазах пельмских и тобольских воевод. Кроме названного выше мурзы Ивана Ортюгина в 1660-х годах упоминается его брат Отя Ортюгин⁴⁸. В 1680 году их наследник Кынча, крещеный под именем Семеона, получил жалованную грамоту, утверждающую его в княжеском достоинстве⁴⁹. На «Чертеже земли Пельмского города» С. У. Ремезова из «Чертежной книги Сибири» специально отмечен «юрт большой Кондинской, живет князец» (рис. 10).

Г. Новицкий в начале XVIII века отмечал особое положение и влияние наследника кондинских князей по сравнению с другими ему подобными в Западной Сибири: «княжика своего имеют и вящим сии сего повиновением, ниже остяки своих княжиков почитают... Кондинский княжик, названьем Сатика

⁴⁷ См., например: Перевалова Е. В. О значении жалованных грамот остяцких князев // Обские угры... С. 156–161.

⁴⁸ См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 148.

⁴⁹ См.: Арсеньев В. С. Князья Сатыгинь-Кондинские // Летопись историко-родословного общества в Москве. 1913. Вып. 1–2. С. 66–70.

(Сатыга. – Авт.) – писал Новицкий в другом месте своих записок, – иже тамо правительствует подручными себе, жительствующими над Кондою, ему же с послушанием отчасти повинуются, зане наследие от... преждних кондинских княжиков...» По словам того же Новицкого, Сатыга в 1715 году для противодействия миссии митрополита Филофея Лещинского по крещению кондинских манси (подробнее см. об этом далее) мог собрать якобы «человек до 600 вооруженных» (№ 27. С. 81, 85, 108). Сатыга впоследствии все-таки принял крещение под именем Григория.

Потомки Сатыги продолжали княжить в Большой Конде в течение всего XVIII века и начала XIX века, наследуя друг другу «по примеру и по званию предков своих и по данному... выбору оной Кондинской волости от новокрещеных ясачных остяков». В 1732–1747 годах Сатыгу сменил его сын князец Осин Григорьев (1713–1747), обучавшийся, кстати, в тобольской архиерейской школе. Сын последнего, Влас, в 1749 году «определен был в Кондинской волости на место отца», ему предписывалось «исправлять в надзидании новокрещеных и при ясачном сборе ясачную казну отправлять». Потомство второго сына князя Осина Григорьева, Ивана, продолжало претендовать на княжеское достоинство, и в 1842 году праправнук Сатыги, скромный учитель Туринского уездного училища Александр Иванович Сатыгин, исходатайствовал себе утверждение в этом звании⁵⁰.

Именным указом Екатерины II от 6 февраля 1763 года и ее инструкцией секунд-майору А. Щербачеву от 4 июня 1763 года, отправленному во главе комиссии «для пресечения беспорядков в ясачном сборе и положения в окладной ясак всех сибирских народов», на всех «ясачных иноверцев» законодательно был распространен тот порядок управления ими, который фактически изначально существовал в Большой Конде. Первичные функции по сбору ясака, управлению и суду ясачных передавались в руки их князев и старшин. Упразднены институт ясачных сборщиков и аманатство (заложенничество)⁵¹, которого, впрочем, в применении к Конде давно уже не существовало.

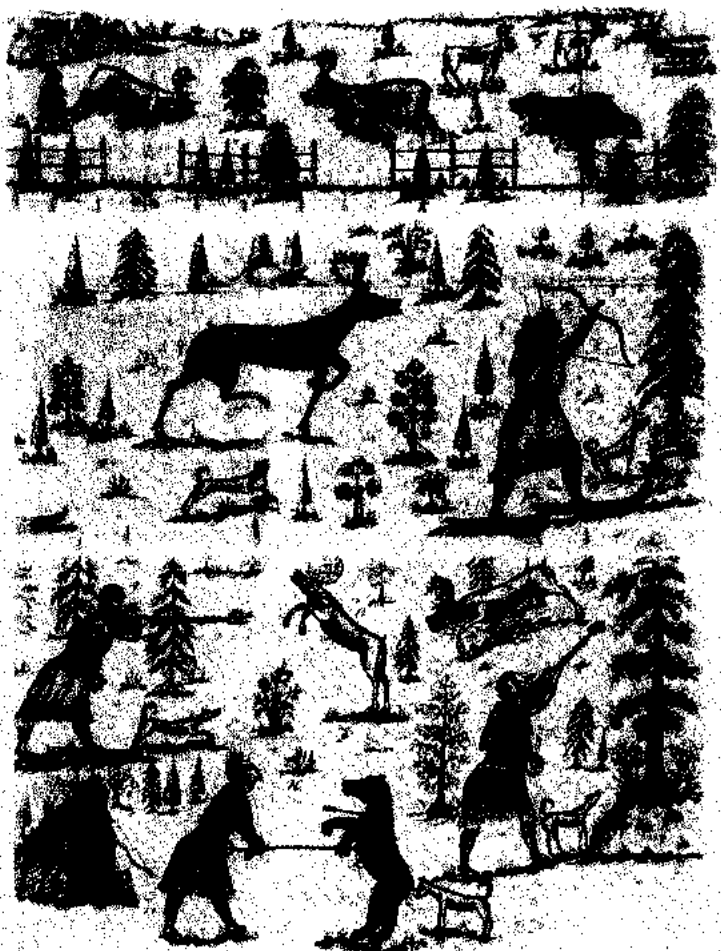
По губернской реформе 1775 года Пельмский уезд в составе Тобольской губернии в 1782 году был ликвидирован, и Большая Конда вошла в состав Туринского уезда той же губернии. Тогда же, видимо, территория Большой Конды была поделена на две волости: Больше-Кондинскую (куда отошла также Леушинская волость бывшего Пельмского уезда) и Верхне-Кондинскую. Часть Кондинского края, оставшаяся в составе Тобольского уезда, относилась к Меньше-Кондинской (низовья реки, центр – Болчаровские юрты, или село) и Больше-Юкондинской (центр – Нахрачи) волостям. Самой населенной в конце XVIII века оказалась Верхне-Кондинская волость – 831 житель, затем шли Меньше-Кондинская волость Тобольского уезда (территория ее с XVII века и до начала XX столетия оставалась практически неизменной) – 614 жителей и Больше-Кондинская волость Туринского уезда – 557 жителей; последней по численности населения (503 человека) шла Больше-Юкондинская волость Тобольского уезда⁵².

Где-то в начале следующего столетия в результате очередного административного переустройства село Леуши с окрестными мансийскими юртами (селениями) отошли к Тобольскому уезду, бывшая Больше-Юкондинская волость стала называться просто Кондинской, а территории по Евре, Сатыгинскому туману, Учинье, Конде с притоками Большим Тапом, Тетерами и верховья Юконды оказались в составе Больше-Кондинской волости Туринского уезда с центром в селе Сатыженском (Сатыге). Туринская Верхне-Кондинская волость

⁵⁰ См.: Арсеньев В. С. К истории рода князей Сатыгинь-Кондинских // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1914. Вып. 1–2. С. 43–46; см. также: Ахилин М. О. Полипейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 139.

⁵¹ См.: Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI–XX века): Сборник правовых актов и документов / Ред.-сост. А. Ю. Конев. Тюмень, 1999. С. 69–76 (№ 23, 24).

⁵² См.: Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси... С. 53–55, 85–87, 231–238, 284–295 (Прилож., табл. 18, 19, 43, 44).

11. Охота с помощью изгородей и луков-самострелов; охота на оленей, белку, соболя и медведя. Фрагменты рисунка Н. Шахова. Первая половина XIX в. МАЭ

⁵³ См.: Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси... С. 54.

⁵⁴ См.: Копев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи. М., 1995. С. 69, 71.

охватывала теперь только самые верховья Конды с притоками, начиная с Шаима, а также среднее и верхнее течение р. Мулымья (№ 30. С. 112)⁵³. Такая местная административная ситуация сохранялась в целом до 1920 года (упоминание в некоторых документах и исследованиях в конце XIX века особой Мало-Кондинской волости в составе Туринского уезда является ошибочным: на самом деле это часть Верхне-Кондинской волости). В 1816 году Больше-Кондинскую волость по-прежнему возглавлял «князь»⁵⁴.

Г. Н. Новицкий, сопровождавший митрополита Тобольского и Сибирского Филофея в поездке в 1715 году на Конду для крещения здешних вогулов, писал: «А же на Конде-реки жительствоуют, сии... питаются дивным (диким. – Авт.) зелием, зверем, рибою. Помоществует же скудному препитанию их Конда-река изобилием дывых овощей, ягод брусники и рыбы довольством» (см.: № 27). Ученые XVIII столетия, оставившие первые описания жизни манси, отмечали, что в отличие от остяков (хантов), у которых основным занятием было рыболовство, хозяйство вогулов базировалось преимущественно на лесных промыслах, в первую очередь на охоте. Правда, ни П. С. Паллас, ни И. И. Лепехин, ни другие исследователи на самой Конде не бывали. В хозяйстве кондинских манси рыболовство, похоже, изначально играло не меньшую роль, чем охота.

Вот как описывали свои хозяйственные занятия в 1739 году сосьвинские манси, непосредственно соседствующие с кондинскими и живущие в сходных природных условиях: «А промышляем мы соболи, бобры, выдры... в октябре, в ноябре, в декабре месяцах, а именно: соболи собашною гоньбою, а бобры находит собака в малых реках... и уходят они в землю; тое землю мы копаем и находим тех бобров в норах и колем железными копыями. Весной соболей промышляем в марте и апреле месяцах сетями... лося и оленя засекою и гоньбою и с луком, а протчих зверей собакою и стрельбою из луков... А рыбу промышляем в Сосьве реке и в протчих реках и озерах мордами и неводами»⁵⁵. В этом описании надо лишь заменить Сосьву на Конду. И, в отличие от сосьвинских, манси Большой Конды не выезжали с конца весны па все лето на Обь «для рыбной ловли», а промышляли в своей волости. П. С. Паллас отмечал, что охота на крупного зверя производилась также посредством «расставленных напряженных луков». Лосей и оленей загоняли в «ловчие ямы», для чего делали «на выгодном месте изгородку» верст иногда на 12 и более, по которой зверь и двигался в необходимом направлении⁵⁶. Уже источники XVII века фиксируют помимо охоты и другие приемы получения пушнины. Так, из нор вынимали молодых лисят (особенно ценных чернобурых, хотя они чаще встречались в низовьях Конды) и растили в неволс; меха таких «кормных» лисиц, возвращенных без возможности много и быстро двигаться, были болес пушисты⁵⁷.

Еще до прихода русских местные манси были знакомы, пусть и в ограниченных масштабах, с коневодством. В 1634 году кондинский мурза Ортюга Агаев жаловался на пельмского воеводу Е. Баскакова, что он взял у него «насильством» две черные лисицы, «а у них в Кондинской волости таких и не бывало», а дал ему в замен двух лошадей да кусок сукна с шелковой отделкой⁵⁸. В пельмских таможенных книгах второй половины 1670-х годов не раз отмечается приобретение вогулами из Большой Конды лошадей. Судя по этнографическим данным, лошади все теплое время года содержались на вольном выпасе, а использовались в зимнее время. Коневодство в здешних условиях предполагает наличие заготовки сена; богатство Конды «пажитными ко пропитанию скота местцами» отмечал еще Г. Н. Новицкий в 1715 году (№ 27. С. 81).

А. А. Дунин-Горкавич как особо примечательные упоминал попытки заведения хлебопашества в с. Болчаровском на нижней Конде в конце XIX века (№ 38. С. 12). Между тем в верховьях Конды зачатки земледелия существовали уже в XVIII столетии. Так, согласно полевому дневнику Г. Ф. Миллера 1740 года, в Леушинском погосте хлебопашеством занимались князец и еще два вогула⁵⁹.

На протяжении двух с лишним веков основной товарной продукцией района являлись пушнина и лосиные кожи (лосины). Судебно-следственные материалы и таможенные книги Пельма 1670-х годов (№ 23, 24) фиксируют большие партии мехов, вывозимых отсюда торговыми и служилыми людьми, а то и самими представителями русской администрации, несмотря на усилия по ограничению меновых операций с аборигенами в интересах фиска (уплаты ясака). В обмен местное население получало ткани, одежду, топоры, ножи, котлы и др.

Манси с XVIII века стали «подражать» в строениях «россиянам». Однако в это время среди них было немало и «неприобыкших» еще «к российским избам». Зимой они жили в четырехугольных деревянных юртах без кровли

⁵⁵ Югорск: от легенды до точки на карте. С. 94.

12. П. С. Паллас

⁵⁶ См.: Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российской империи. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 327.

⁵⁷ См.: Бахрушин С. В. Остякские и вогульские княжества... С. 93.

⁵⁸ См.: Там же. С. 96–97.

⁵⁹ См.: Элерт А. Х. Сибирь XVIII века в путевых описаниях... Комментарии. С. 307.

(только с потолочным покрытием, видимо, засыпным; именно такие постройки видны на изображении вогульской семьи в изданной в 1692 году в Амстердаме книге Н. Витсена «Северная и Восточная Татария» (рис. 42). «Влево от дверей, – описывает П. С. Паллас, – на середине наугольной стены стоит низкая печь; близ оной камин (очевидно, здесь описан глинобитный чувал «с прилепленными маленькими очагами, со вделанным котлом для приготовления пищи». – *Авт.*) и над ним в потолке чествоугольная продушина, коею и дым выходит, и свет входит». В жилое помещение вели сени, в которых хранились домашние припасы и утварь. В зимних юртах жили «боль-

13. Летний берестяной балаган вогула

шими сродными семьями». Летом манси обитали в балаганах). Те же бревенчатые юрты служили жилищем «коренным» (не обрусевшим) манси и в середине XIX века. Но даже у «коренных» рядом с жильем строились скотные дворы, бани. Внутренность юрт, по сравнению с юртами XVIII века, пополнилась новыми предметами: столами, сундуками. Чувалы по большей части сменились русскими печами⁶⁰.

Судя по документам (№ 23, 24), уже в XVII веке ткани стали одним из основных товаров, которые поступали сюда и, очевидно, попадали в Конду в обмен на пушнину. Это были российские (сермяжное сукно, холст, краше-нина, пестрядь), свропейские сукна, а также хлопчатобумажные и шелковые ткани восточного происхождения. При этом сама одежда долгое время сохраняла в основном традиционный характер. Влияние русского населения на одежду и обувь коренных жителей значительно усилилось во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Относительно манси в источнике начала 1770-х годов сообщается, что «соседство и обращение с русскими ввели у них и русскую одежду». Все, «к одежде принадлежащее», вогулы покупали у тех же русских. В мужской одежде сохранялись лишь некоторые специфические элементы. Так, перчатками у них служили шкурки, снятые с «лисых лап». Более традиционной оставалась одежда женщин, которые

летом носили белые плотные халаты-балахоны, «досигающие до земли» и изготовленные из крапивного полотна. Головы повязывали платком. Под платок надевали «панксос» – повязку (род очелья), наружная сторона которой была унизана бисером, а нижний край украшен «чем-то вроде змеиных головок, довольно искусно сделанных из кости и утвержденных в недалеком между собой расстоянии». В зимнее время поверх платка мансийки надевали малахай⁶¹. К середине XIX века традиционный наряд имели уже далеко не все женщины, одежда манси еще более уподобилось крестьянской, причем перенималась у русских и технология ее изготовления. «Платье коренного вогула» в это время «ничем почти – ни покроем, ни цветом» – не отличалось от одежды «чисто русского крестьянина». Верхней одеждой летом служили зипун из белого или черного сукна, а также «сермяга серого цвета собственного их изготовления». Зимой под зипун надевался полушубок. Шапки были разных форм – «кому какая нравится». Обувью служили чирки (чирки – самодельная кожаная обувь типа башмаков с мягкой подошвой), бродни (бахилы)⁶², обутки (те же бродни, но без голенищ) с чулками. По праздникам на некоторых мужчинах можно было увидеть сапоги. Женская одежда у манси в первой половине XIX века состояла из «верхниц» – дубасов (род сарафана) из небеленого холста или китайки (одноцветной хлопчатобумажной ткани ручного производства, привозимой из Китая). В качестве зимней одежды использовался суконный зипун. Появились на мансийках и полуситцевые юбки с шугаем (шугай – старинная русская женская одежда типа теплой кофты). Обувью служили чирки; в холодные дни их носили с пестрыми или красными чулками. Девочки «до десятилетнего возраста, – замечает наблюдатель, – ходят все босиком и в одних рубашках»⁶².

Основу питания населения Конды на протяжении XVII – начала XVIII века, как и прежде, составляли рыба, мясо диких животных и птиц, продукты собирательства. Известное здешним манси и хантам коневодство заметного пищевого значения не имело; лошади использовались преимущественно как транспортное средство и жертвенные животные. Пельмские таможенные книги второй половины 1670-х годов наряду с покупкой лошадей вогуличами из Большой Конды фиксируют приобретение тамошними мурзами и «лучшими людьми» ячменя: «четыре пайвы» и т. д. (№ 24). Интересно, что многие аборигены Сибири, в отличие от русских крестьян, вообще предпочитали употреблять в пищу ячмень и ячменную муку, а не ржаную⁶³. Во второй половине XVIII века внедрение в пищевой рацион западносибирских коренных жителей элементов русской крестьянской кухни шло уже очень активно. «У россиян, – сообщал о «вогульцах» в начале 1770-х годов П. С. Паллас, – покупают они с охотой муку, печеной хлеб и лепешки...»⁶⁴. В «Топографическом описании Тобольского наместничества» 1790 года отмечалось, что «вогулы и остяки пищу употребляют частью живущие между русскими от своего засева, а протчие покупкою у русских людей, хлеб молотой аржаной, и пекут хлебы, и по большей части ячмень, который варят в своих котлах с мясом лосиным и [о]ленным, и в простые дни с рыбой...»⁶⁵. К концу XVIII столетия аборигены и сами умели готовить муку. «Мельниц у вогуличей также не заведено, – писал И. И. Лепехин, – но рожь перемалывают в муку или на обыкновенных, или деревянных (!) жерновах. Деревянные жернова делают они сами». Лепехин оставил подробное описание этих оригинальных конструкций, получаемая на которых мука была, впрочем, весьма низкого качества⁶⁶.

⁶¹ См.: Окончание записок путешествия академика Лепехина. С. 31–32; Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российской империи. С. 329; Описание Тобольского наместничества. С. 28–29.

14. И. И. Лепехин. Серафоры XVIII в.

⁶² Обувь из кожи с мягкой подошвой, высоким голенищем и проложенными в швах узкими ремешками, благодаря чему шов не пропускал влагу.
⁶³ См.: Заметки о верхотурских вогулах... С. 19.

⁶⁴ См.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 98.

⁶⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российской империи. С. 328.

⁶⁶ Описание Тобольского наместничества. С. 29, 65.

⁶⁷ См.: Окончание записок путешествия академика Лепехина. С. 21–22.

⁶⁰ См.: Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российской империи. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 278, 330–331; Окончание записок путешествия академика Лепехина // Полн. собр. ученых путешествий по России. СПб., 1822. С. 22–23. (И. И. Лепехин путешествовал по местам, населенным манси, в 1771 г.); Заметки о верхотурских вогулах, живущих по реке Лозьве // Вестник Русского географического общества (РГО). 1853. Ч. 7. С. 16–18.

4. Политико-административная ситуация, изменения в составе населения, хозяйстве и быте в XIX веке – 20-е гг. XX века

В 1822 году началась реформа управления Сибирью. Важнейшей ее частью был «Устав об управлении инородцев». По нему коренных жителей края разделили на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Отсюда вытекало их права, обязанности, система управления, суда и податного обложения. Разделение на разряды определялось на основании «настоящего образа жизни», то есть хозяйственных занятий и «местопребывания». Все аборигены Конды как живущие за счет рыболовства, охоты и имсующие место жительства, «сезонно переменяемое», отнесены были к «кочевым». Они платили ясак («звериными шкурами» или деньгами), 44-копеечную подушную подать с каждой души мужского пола и сборы на земские внутренние и общие губернские повинности. «Кочевые» управлялись «собственными своими начальниками», суд производили «по степным законам и обычаям». Принципиальных изменений в системе «инородческого» управления в этот период не произошло. Предполагаемые Уставом 1822 года у разряда «кочевых» инородные управы в составе головы, одного-двух его помощников (кандидатов) и писаря не были созданы. Опасаясь дробления ясачных волостей – основы фискально-административной организации аборигенов Северо-Западной Сибири, – власти пошли по пути присвоения главам «инородческих» волостей прав родовых управлений, подтверждая тем самым их дореформенный статус. «Волостные» наблюдали за порядком, благосостоянием, взыскивали и судили по нормам обычного права почти за все проступки⁶⁷, собирали ясак и подати, следили за отлучками, которые «инородцам», кстати, разрешались без паспорта на расстояние до 500 верст.

Процесс трансформации родовых управлений в инородные управы начался с середины XIX века (для Больше-Кондинской и других волостей Туринского уезда время их создания требует уточнения). Но и в 1894 году у «кочевых» вогулов и остяков Тобольского округа (уезда) инородные управы состояли из головы и старосты, при каждом из которых состояло по два кандидата. Писарей и «письмоводства», в чем местная администрация видела основное отличие инородных управ от родовых управлений, не было. В большинстве управ губернии «инородческие» начальники переизбирались через три года на общем сходе и утверждались губернскими властями. В 1892 году на большую часть Сибири был распространен институт земских участковых (крестьянских) начальников, введенный в европейской России в 1889 году. Им поручался «надзор за всеми установлениями крестьянского и инородческого управления». В отношении «кочевых» на крестьянских начальников возлагалось: «1) исполнение лежащих на полиции... обязанностей по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев; 2) разрешение в качестве третьей степени словесной расправы судебных дел инородцев, подведомственных их родовым управлениям». Таким образом, крестьянским начальникам предоставлялись те административно-судебные права, которыми раньше в отношении аборигенов обладали уездный суд и полиция. Устав об инородцах 1822 года эти нововведения не отменил, они продолжали действовать⁶⁸. Территория Больше-Кондинской и Верхне-Кондинской волостей относилась к ведению крестьянского начальника 3-го участка Туринского уезда⁶⁹; в Тобольском уезде Кондинская и Меньше-Кондинская волости также входили в 3-й участок. Следует отме-

⁶⁷ К ведению общеперских судебных инстанций относились лишь «1) возмущение, 2) намеренное убийство, 3) грабеж и насилие», 4) фальшивомонетчество и «похищение казенного имущества» (см.: Словно-правовое положение и административное устройство... С. 88 (Устав об управлении инородцев. Ч. 1. Гл. 5. § 37).

⁶⁸ См.: Там же. С. 85–86, 87–90, 92–94, 97–99, 105–110 (№ 32); 112, 114–115 (№ 33) и др. См. также предисловие А. Ю. Конева к данному изданию (С. 25–29, 31–33).

⁶⁹ См.: Краткий справочник по фондам Государственного архива Свердловской области. Екатеринбург, 1996. С. 20.

тить, что в конце XIX века «инородческие» волости Туринского уезда были бездомочны, то есть исправно платили все подати⁷⁰.

По Уставу 1822 года аборигены владели всеми землями, на которых обитали. Русские могли селиться на этих землях только с разрешения «инородцев» и пользоваться ими лишь на условиях аренды; дополнительным условием часто была уплата ясака за владельцев. Так, в конце XVIII века во всей Больше-Кондинской волости Туринского уезда была лишь одна русская семья – священника в с. Сатыженском⁷¹. Полных данных за следующее столетие по всей Конде нет, поэтому для примера приведем сведения по Леушинскому приходу Тобольского уезда. В 1802 году русское население его составляло 1 душу мужского пола и 5 душ женского, в 1812 году – 5 и 6 душ соответственно. Численность русских почти не менялась до 1850-х годов (это были семьи священно-церковнослужителей и их потомков. – *Авт.*) и только затем начало расти: в 1872 году – 11 и 15, в 1887 году – 23 и 29 душ соответственно⁷². В 1897 году в Больше-Кондинской волости обитало 602 манси и 95 русских⁷³. Финский ученый А. Каннисто, побывавший на Верхней Конде в 1901 г., отмечал недавнее появление здесь многих русских семей⁷⁴.

Ситуация начала существенно меняться с начала XX века. В годы столыпинской аграрной реформы переселенцы из Европейской России стали размещаться в прилегающих к Конде с запада и юга районах. В свою очередь, притавдинские и прииртышские промышленники, торговцы и просто крестьяне, издавна знакомые с богатствами здешних мест – пушшиной, рыбой, ягодой, – перебирались сюда и селились в качестве временно проживающих, а потом разными способами обосновывались на постоянное жительство. Кондинский край становился доступнее для русского населения с развитием паромоводства, постройкой в первом десятилетии XX столетия Богословской железной дороги до Надеждинска (сегодня это г. Серов), а во втором десятилетии – Северо-Восточно-Уральской (выходящей на Тавду) железной дороги. Затем последовали революция, отменившая Устав о положении инородцев 1822 года, гражданская война, голод 1920–1921 годов, начавшиеся советские преобразования. Имеются сведения по Конде в целом, полученные в ходе Всесоюзной (Приполярной) переписи 1926/27 года. По ним до 1907 года в районе обосновалось 160 (35,4 %) русских хозяйств, имеющих дома; в 1907–1916 годы переселились 63 (13,9 %) семьи, за пятилетие (1917–1921 годы) – 87 (19,2 %) семей, за следующее пятилетие (1922–1926 годы) – 142 (31,5 %) семьи⁷⁵. Высокий процент переселившихся в 1922–1926 годах отражает, несомненно, своеобразное бегство в относительную кондинскую «глушь» от действительности большевистского режима. К середине 1920-х годов на территории Кондинского края образовалось 19 новых поселений: Урай, Чантырья, Луговая, Мыс, Гари, Денисовка, Путизанцева, Новая, Озеро, Половинка (не современная, а «старая» Половинка, располагавшаяся километрах в 20 ниже по Конде. – *Авт.*), Новый Катыш, Пуголь и др. (№ 51. С. 33).

Революционные события и гражданская война во многом обошли здешние места стороной. Наиболее зримым выражением этих событий стал для кондинцев начавшийся с 1917 года кризис снабжения и связанный с ним переход к натуральному товарообмену с соседними районами: промысловая продукция с Конды менялась на продовольствие и товары. Сравнительно благополучно был перенесен Кондинским краем и первый голодный 1920 год. В 1919 году, в ходе начала восстановления советской власти в Си-

⁷⁰ См.: Тобольские губернские ведомости. 1895. № 16. С. 7.

⁷¹ См.: Соколова З. П. Социальные организации хантов и манси... С. 87.

⁷² См.: Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. СПб., 1891. Ч. 1. С.

⁷³ См.: Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев: (На основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская, Енисейская губернии // Записки имп. Русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1911. Т. 11. Вып. 2. С. 11–12, 81–82.

⁷⁴ См.: Kannisto A. Statistik über die Wogulen // J. de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1970. Bd. 70. S. 27–33, 39–41, 42–48.

⁷⁵ См.: Отдел письменных источников Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (далее ОПИ ТГИАМЗ): Кондинский район по материалам Приполярной переписи 1926/27 г. № 495. С. 24–25.

⁷⁶ См.: Путеводитель по государственному архиву Тюменской области. Тюмень, 1962. С. 4, 157, 159, 320–322, 324, 326, 333.

⁷⁷ См.: ОПИ ТГИАМЗ. № 495. С. 24; Белобородов С. А. Столица Северного края: Очерки истории Самарова – Остяко-Вогульска – Ханты-Мансийска. М., 1996. С. 113–113, 116; Москвитин В. В., Попов Н. Н. Крестьянское восстание 1921 года на Обь-Иртышском Севере (новые подходы) // Русские старожилы: Материалы III Сибирск. симпозиума. «Культурное наследие народов Западной Сибири», Тюмень, 11–13 дек. 2000 г. Тюмень: Омск, 2000. С. 249–251.

бири, взамен Тобольской создается Тюменская губерния, Тобольск остается только уездным городом, в подчинение которому переходит весь бассейн Конды. Территория, входившая ранее в Туринский уезд Тобольской губернии, оказалась в составе вновь образованной Больше-Кондинской волости Тобольского уезда с центром в с. Нахрачи (совр. Кондинское). По мере освобождения Тюменской губернии от колчаковцев в конце 1919 года создаются органы революционной власти – уездные и волостные военно-революционные комитеты (волревкомы). В начале 1920 года Больше-Кондинский волревком заменен избранным волостным съездом Советов новым исполнительным и распорядительным органом – исполнительным комитетом волостного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (волисполкомом). Затем началась организация сельских советов: по Конституции РСФСР 1918 года они избирались общим собранием избирателей⁷⁶ («нетрудовые и эксплуататорские элементы» – торговцы, священно- и церковнослужители, «кулаки» и прочие права голоса были лишены). В собранных О. А. Кошмановой воспоминаниях старожилов есть упоминание о существовании в начале 1921 года Леушинского сельсовета. Были ли к этому времени организованы другие сельсоветы (территории их на Конде в основном соответствовали прежним церковным приходам), – однозначно сказать трудно.

В конце зимы 1920/21 года в Зауралье и Западной Сибири началось крестьянское (в советское время его именовали «кулацко-эсеровским») восстание, направленное против политики «военного коммунизма» и продразверстки. Кондинцы, в частности, были недовольны высоким пушным налогом, введенным большевистскими властями. К марту повстанцы уже контролировали всю Конду.

Сами они называли себя «партизанами», «Народной армией», лозунг участников движения – «За советы без коммунистов!». Символикой повстанцев являлись красный флаг и французская революционная песня «Марсельеза». Сохранялись советы крестьянских депутатов и даже обращение «товарищ». На территории, освобожденной от большевиков, восстанавливались гражданские свободы, разрешалась свободная торговля, делались попытки возрождения кооперации и приведения ее в добольшевистское «демократическое состояние».

В марте 1921 года в Тюмени был сформирован отряд красных партизан под командованием самаровца П. И. Лопарева, ранее в том же качестве воевавшего с белыми. Отряд этот должен был наступать на Конду с Тавды и Пельма. Ему на «Гаринской дороге» (подробнее об этом см. далее) противостоял небольшой повстанческий отряд, организованный главным образом торговцами из Шаима. В него вступили или были мобилизованы большинство взрослых мужчин из Сатыги, Учиньи и соседних селений. Дорогу с Пельма по Евре к Сатыгинскому туману прикрывал второй повстанческий отряд, сформированный из жителей среднего течения Конды. В сражении у Малого Шаима (Поло-Шаима) повстанцы потерпели поражение, что открыло отряду Лопарева дорогу на юрты Воронины на Оби и далее вверх по ней на Самарово, где в тот момент находился штаб восстания в Обь-Иртышской зоне. Другая часть этого отряда, рассеяв повстанцев на Евре, двинулась вниз по Конде и после боя у оз. Малый Котляк на Болчаровско-Демьянской дороге перешла в наступление на с. Демьяновское на Иртыше. Вплоть до зимы 1922/23 года карательные отряды красноармейцев патрулировали районы восстания, вылавливая его участников и уничтожая оставшиеся «банды»⁷⁷.

После разгрома основных сил повстанцев на Конде были восстановлены волостные военно-революционные комитеты. Больше-Кондинский волревком ликвидировали только в 1922 году. Сменивший его волисполком вскоре передал свои функции Кондинскому райисполкому в связи с созданием в конце 1923 года Уральской области и проведением районирования. Кондинский район вошел в состав Тобольского округа новообразованной обширной области. Постановлением ВЦИК от 10 декабря 1930 года в СССР было создано восемь национальных округов; в их числе – входивший в Уральскую область Остяко-Вогульский округ (впоследствии – Ханты-Мансийский), од-

15. П. И. Лопарев, командир Северного экспедиционного добровольческого советского отряда. 1921 г.

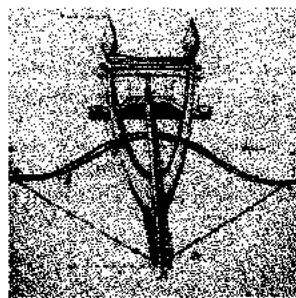
ним из пяти районов которого стал Кондинский район...⁷⁸. Общая численность населения Кондинского района по переписи 1926/27 года в это время составляла 5149 человек⁷⁹.

Этнографические описания Конды К. Д. Носилова, С. Шульгина, А. А. Дунина-Горкавича, Б. Н. Юродкова и многие другие конца XIX – начала XX века, материалы Приполярной переписи 1926/27 года дают достаточно подробные сведения о хозяйстве, разнообразных способах, приемах, орудиях охоты и рыбной ловли, собирательстве, состоянии путей сообщения и т. д., которые можно использовать и ретроспективно. Поэтому нет необходимости все это пересказывать. Отметим лишь, что с распространением огнестрельного оружия некоторые старые приемы добычи зверя: устройство засек и изгородей, ловчих ям, «ставных» луков – были практически оставлены. Хотя и в середине 1920-х годов в Кондинском районе народу с более чем полуторами тысячами ружей было зарегистрировано 52 самострела (рис. 16) и 123 лука. (Следует отметить, что, как и по всему северу Западной Сибири, на Конде в это время ощущался большой недостаток нарезного оружия, необходимого «туземцам» для охоты на крупного зверя: таких ружей имелось всего 153, из которых почти половину составляли архаичные пистонные и даже кремневые. Это являлось следствием конфискации нарезного оружия

⁷⁸ См.: Путеводитель по государственному архиву Тюменской области. С. 321, 324, 326, 332–333; Белобородов С. А. Столица Северного края. С. 121.

⁷⁹ ОПИ ТГИАМЗ. № 495. Табл. 5.

⁸⁰ См.: Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 1812. Он. 2. Д. 183. Л. 49–50 (Охотничий промысел на Тобольском Севере: доклад-обзор).

16. Лук-самострел (самолов)

⁸¹ ОПИ ТГИАМЗ. № 465. Табл. 4.

⁸² См.: Там же. С. 73, 145, 158 и др.

у населения в ходе и после крестьянского восстания 1921 года⁸⁰.) Теперь на лося и оленя в районе, помимо обычного скрадывания, охотились, несмотря на запрет, весной (часто коллективно) «по насту», когда снег не выдерживал тяжести зверя, и его быстро загоняли. Еще одним способом добычи была «тормовка»: охота летом с лодок на спасающихся от гнуса в реках оленей и лосей. Прекратилась добыча соболя с помощью сетей. С 1926 года охота на соболя была полностью запрещена. Подобный трехлетний запрет еще в 1912 году был введен решением Государственной думы Российской империи. В 1916 году запрет продлили на 3 года, но в период революции и гражданской войны, он, понятно, не соблюдался. Из ловушек в Кондинском районе еще использовались традиционные слопцы и чирканы, но в основном преобладали покупные капканы. Водоплавающую птицу массово «давили» собаками и били палками и шестами во время линьки. Боровую дичь (глухарей и тетеревов) в сентябре и октябре добывали слопцами и пленками (волосяными петлями).

Выловленную рыбу сушили (изготавливали так называемый «урак», на самом же деле урак – это копчено-сушеная мелкая рыба), засаливали (из-за необходимости приобретения соли этот способ был не очень распространен) и в больших количествах замораживали. При этом улов с лета до первых морозов содержали в «садах» – обкопанных или огороженных участках водоемов.

Собаководство кроме огромной роли в охоте сохраняло и определенное транспортное значение: согласно переписи 1926/27 года на территории Кондинского района насчитывалось 239 собачьих нарт⁸¹. Сведений о разведении крупного и мелкого рогатого скота на этой территории до XIX века не имеется. Оно получило широкое распространение только с проникновением сюда русского населения, появилось даже свиноводство.

С начала XIX века главенствующее и постепенно абсолютно преобладающее положение в качестве основного вывозимого с Конды товара занимает рыба. К началу XX века на будущей территории Леушинского, Сатыгинского сельсоветов и, в значительной мере, Шаимского лесные промыслы и даже охота отступают на задний план, и по значению в хозяйстве на первое место после рыболовства выходят животноводство и земледелие. При обработке земли использовались в основном сохи и деревянные бороны. Впрочем, своего хлеба здесь хватало только на срок от 2–3 до 5–6 месяцев, остальное приходилось покупать⁸².

Спецификой Конды являлись повторяющиеся примерно через три–пять лет высокие половодья, после которых вода не спадала иногда до осени. В 1924–1926 годах такое повторялось трижды. Столь длительные водостояния оказывали серьезное влияние на многие отрасли хозяйства. Из-за высокой воды, например, долго не открывались рыболовные пески, и это существенно сказывалось на общих объемах добычи рыбы; затопление нор грызунов сокращало их численность и, в конечном итоге, численность пушного зверя; остающиеся под водой заливные луга не позволяли заготовить достаточное количество кормов для скота. К этому следует добавить периодичность в урожайности ягодников и кедровников, миграции промысловых животных и т. п. В результате отрасли хозяйства зачастую не сохраняли между собой устойчивых соотношений, и местное население по-разному организовывало свою трудовую деятельность в зависимости от того или иного сочетания целого ряда естественно-природных факторов.

В летнее время основными путями сообщения служили реки, протоки, озера. Для передвижения по ним использовались лодки разного размера: обласки, кедровки, каюки и другие разновидности. Первым парходом, поднявшимся по Конде в 1896 году, был «Доброжелатель», нанятый тобольским купцом А. А. Сыромятниковым для доставки хлеба в казенный магазин в Леушах (№ 38. С. 2–3). После этого в течение всей навигации небольшие парходы могли доходить до с. Шаима. Зимой застывшие водоемы, прежде всего р. Конда, использовались как гужевые пути, а в летнее время население пользовалось конными (для верховых) и пешими тропами.

С рубежа XIX–XX веков в качестве жилища у манси верхней Конды стали преобладать обычные для русских крестьян избы, бревенчатые юрты с чувалами сохранялись лишь в самых глухих местах. В 1920-х годах, по словам Л. Р. Шульца, «чувалов в домах нельзя встретить нигде, зато нередки... лампы и венские стулья. Самодельная... посуда, за исключением небольшого количества чумашек (берестяных четырехугольных чашек. – Авт.) и деревянных чаш заменена чугуновой, эмалированной или фаянсовой» (№ 51. С. 29; рис. 17).

С середины XIX века хлеб, крупа и другие «крестьянские» продукты стали необходимой принадлежностью стола аборигенов Западной Сибири, чему во многом способствовало то, что в начале столетия в большинстве «инородческих» районов были созданы государственные запасные магазины. Хлеб (мука), а также соль, порох и свинец «кочующим» продавались в них по цене, всего на 6 % превышающей ту, по которой они обходились (с доставкой) самим магазинам. «В крайних случаях угрожающего голода» разрешалась продажа по пониженным ценам, в долг «по требованиям и на ответственности старост, голов»; «в случаях же настоятельных – каждому требующему пособия без проволочки и стеснений». Губернатор «в годы скудного улова зверей и рыбы» имел право назначать через запасные магазины необходимое количество «потребных припасов в раздачу беднейшим безденежно»⁸³.

На Конде казенные магазины находились в Болчарах (с. Болчаровское), Нахрачах (Кондинский) и Леушах. Верховья Конды обслуживал хлебозапасный магазин в с. Пельме Туринского уезда (№ 39. С. 545). Частным торговцам была разрешена «свободная торговля с кочующими во всякое время всеми припасами и изделиями, кроме горячих напитков». Ввоз водки в стойбища и на ярмарки с участием аборигенов и ее продажа строжайше запрещались, что, впрочем, никого не останавливало.

Система государственных хлебозапасных магазинов была воссоздана в 1926 году, но в гораздо меньших масштабах, чем при царизме, когда их на Тобольском Севере насчитывалось свыше двадцати. На территории проживания хантов и манси организовали четыре магазина, один из которых – в с. Леушинском – был единственным на всю Конду⁸⁴. Проводить среди аборигенов мероприятия Советской власти было непросто, и поэтому в 1924 году появился центральный координирующий орган для связи госаппарата с местными органами самоуправления – Комитет Севера. Вопросы управления в районах расселения манси и хантов с 1925 года стал заниматься специально созданный Тобольский Комитет Севера (официальное название – Комитет содействия народностям северных окраин при президенте Тобольского окрисполкома). Был взят курс на развитие органов самоуправления у народов Севера. В соответствии с утвержденным «Временным положением об управлении туземных народностей...» первичным органом

⁸³ См.: Устав для управления инородцев. 1822 г. Ч. 3, гл. 11: Казенные продажи // Сословно-правовое положение и административное устройство... С. 103–104; см. также С. 88 (Ч. 2, гл. 5).

⁸⁴ См.: ТФ ГАТО. Ф. р-690. Оп. 1. Д. 30, 53, 77, 97.

⁸⁵ См.: Очерки истории традиционного землепользования хантов. С. 98–99.

⁸⁶ См.: ТФ ГАТО. Ф. р-690. Оп. 1. Д. 110, 133.

управления у аборигенов должен был быть юртовый туземный съезд, избравший в юртовое управление, или совет, по 1 представителю от 30 жителей. Районный съезд юртовых управлений формировал районный туземный совет. Райтузсоветы формировались по родовому принципу. Они знакомили население с действующим законодательством, занимались закупкой пушнины, на них были возложены судебные функции (цветная вкладка, рис. XII)⁸⁵. Реально управленческо-судебные функции (в частности, борьбу с практикой продажи невест против их воли) осуществляли райтузисполкомы. В Кондинском крае с 1928 года действовал Карымский райтузсовет⁸⁶.

17. Остяцкая семья. 1926 г.
Фотография Л. Сурина

С созданием в 1930 году Остяко-Вогульского округа формирование органов власти в районах проживания манси и хантов велось уже по единому общесоветскому образцу, без учета локальных особенностей и местных традиций.

5. Религиозные традиции хантов и манси Конды

Большинство божеств, которым с глубокой древности поклонялись ханты и манси Конды, представляли собой персонифицированные явления и объекты природы и были связаны с хозяйственной деятельностью таежных охотников и рыболовов. Их задача – помочь человеку выжить в суровых условиях тайги. Человек отвечал тем, что создавал священные места для божеств и духов-покровителей, молился и совершал жертвоприношения в их честь. В центре культового места обычно находился священный *сумь-ях*, или *лабаз*, – дом, в котором «жил» бог. Люди представляли себе жизнь богов похожей на жизнь людей, поэтому рядом с богом часто помещали и его супругу.

Существовали и отдельные священные места богинь, наиболее чтимой из которых являлась *Калтащъ-эква* (или *Сорни эква*) – Золотая женщина, жена или сестра верховного бога-творца *Торума*. Эта югорская богиня, вероятно,

была издавна известна не только в Сибири, но и в Европе. Первые сведения, собираемые европейцами о «дивных»⁸⁹ народах Зауралья, отличались неточностью и содержали больше вымыслов, чем проверенных фактов. Так, слухи о почитании народами Зауралья изображения *Сорни эквы* (Золотой женщины) породили многочисленные легенды о пресловутой «Золотой бабе» – статуе женщины из чистого золота, – которые будоражат воображение искателей приключений вот уже более пяти веков. На европейских картах XV–XVI веков *Сорни эква* изображали в образе Юноны, сидящей на троне. В Кунгурском летописце о ней сообщалось как о «богине древней», которая «нага с сыном на стуле сидящая, приемлюще дары от своих». Как бы ни выглядела древняя богиня, подношения ей, как и другим почитаемым богам, были богатыми. В обмен на меха предки манси и хантов получали изделия восточных мастеров – драгоценное оружие и великолепные вещи из серебра: блюда, кубки, чаши, которыми восхищается весь мир. На родине своего производства, в культурных и ремесленных центрах Востока, эти предметы роскоши давно исчезли, были переплавлены. Здесь же, в дебрях западно-сибирской тайги и Приуралья, они приобрели новую, сакральную, функцию, бережно передавались из поколения в поколение, хранились на священных местах, благодаря чему дошли до наших дней. И в этом смысле манси и ханты сделали неоценимый подарок мировой художественной культуре. В самом начале XVIII века появилось первое описание нескольких священных мест манси недалеко от Пельяма. Одно из них находилось в Черных юртах, где хранилось копье, которое манси почитали с древнейших времен, совершая в его честь жертвоприношения. Другое священное место, расположенное рядом с Пельямом, имело в центре огромную лиственницу, возле которой также совершались жертвоприношения. Вероятно, именно здесь в 1618 году, согласно отписке в Москву пельымских воевод Ивана Вельяминова и Григория Орлова, верхнекондинские манси совершили человеческое жертвоприношение (№ 19). Недалеко от этой лиственницы находилось третье священное место с пятью антропоморфными изображениями божеств, перед каждым из которых стоял берестяной сосуд с костями жертвенных животных. Здесь же были и *сумь-яхи* – небольшие дома на высоких столбах, высеченных в форме людей. В них обнаружены копья, стрелы и прочее оружие. В стоящей отдельно постройке были сложены кости жертвенных животных⁸⁷.

Главное священное место на Конде было посвящено божеству, перенесенному сюда хантами Белогорского княжества в начале XVIII века и названному поэтому ими Кондинским. Божество это обладало, по представлению лесных охотников, способностью вещания. По словам манси, перед входом на главное священное место стояли стражи, которые туда никого, кроме «жреца» – хранителя священного места, не пускали, даже князя. Участник миссионерского похода митрополита Филофея Лещинского, сосланный в Сибирь пленный полковник шведских драгун Йоганн Мюллер, составил описание изображения Кондинского божества со слов хантов. Оно представляло собой покрытое красной тканью бревно, верхняя часть которого была вырезана в форме головы человека. Божество было обернуто большим количеством кусков ткани, пожертвованных ему, а голова увенчана шапкой из дорогих шкур черных лис⁸⁸.

Помимо верховного божества *Торума* и *Калтащъ-эква* мифология манси была полна сюжетами о божествах-покровителях меньшего ранга – *тонхах*.

⁸⁹ Т. е. диких.

⁸⁷ См.: Новицкий Г. Краткое описание о народе остяком. Новосибирск, 1941. С. 80–81.

⁸⁸ См.: Muller J. B. 1716. The manners and Customs of the Ostiacks, A nation that extends to the frigid Zone; How they were, in the Year 1712, converted from Paganism to the Christian Religion of the Grecian Confession. With some curious remarks on the Kingdom of Siberia, and the Straights of Nassau or Waigats. Described by John Berngard Muller, a swedish Captain of Dragoons, in the Captivity; and sent by him to Petersburg the 12th of December 1716 // Weber F. Ch. The present state of Russia being an account of the government of that country, woth civil and ecclesiastical; of the Czar's forces be sea and land, the regulation of his finances, the several methods he use of to civilize his people and improve the country, his transactions with several eastern princes, and what happened most remarkable at his court, particularly in relation to the late czarewitz, from the year 1714, to 1720. Translated from the High-Dutch. 1st ed. L., W. Taylor, 1722–1723. P. 83.

Именно от *тонхов* зависело благополучие людей, к ним они обращались за помощью в ежедневных своих делах. Даже в начале XX века многие из кондинских манси и хантов продолжали совершать ритуальные действия в честь богов-покровителей. По сообщению С. Шульгина, предпринявшего поездку на Конду в 1901 году, в селе Нахрачинском, в Согомских юртах и в других населенных пунктах вдоль Конды многие ханты и манси продолжали поклоняться *тонхам*. Изображения *тонхов* помещались в *сумь-яхи*, рядом с которыми совершались жертвоприношения животных и складывались дары. Каждый из общественных *тонхов* имел священное место, за которое отвечал осо-

18. Возьляские и остацкие
идолы и священные предметы

бий человек – *ям-бизень-тобаза*. В его компетенцию входили общение с божеством, организация жертвоприношений. Должность эта передавалась по наследству. Жертвоприношения делались по случаю начала рыболовного промысла, сбора ягод, перед предстоящей дальней поездкой, во время тяжелых болезней членов коллектива (№ 37. С. 4–6 об.). В наиболее важных случаях совершалось большое коллективное жертвоприношение в честь какого-нибудь *тонха*, для чего вскладчину приобреталась лошадь. Кровь жертвенного животного собирали и окропляли ею священное место, мясо варили и съедали.

К числу уникальных религиозных традиций манси относился феномен шаманства. Шаманы, согласно представлениям манси, обладали способностью общения с миром богов, духов и умерших родственников, находясь в состоянии транса. Зависимые от окружающей среды, люди нуждались в помощи богов, а для этого необходимо было знать их волю, получить совет. И тогда призывался шаман, который с помощью специального шаманского бубна и духов помощников проникал в мир богов. Помимо этого шаманы помогали своим родственникам отыскивать пропавшие вещи, могли исцелять, обладали даром предвидения. Некоторые элементы шаманства у кондинских манси продолжали сохраняться, несмотря на распространение хри-

стианства, политику преследования шаманов и уничтожения религиозного наследия, достаточно долго. Шаманы помогали людям выжить в условиях изменяющегося мира и разрушающейся природной среды, социальной и правовой незащищенности, давали реальную психологическую поддержку, надежность которой была проверена тысячелетиями.

До начала XX века у манси и хантов Конды сохранялось специфическое отношение к медведю. Его считали священным животным. В случае удачной охоты на медведя устраивался праздник, который, по описанию этнографов, раньше мог длиться несколько дней, собирал всех родственников и соседей. На празднике люди выражали свое почтение медведю как дорогому гостю, танцевали, исполняли специальные медвежьи песни, сценки из жизни, высмеивающие человеческие пороки и слабости – трусость, хвастовство, глупость и лень.

Религиозные традиции манси и хантов Конды постоянно подвергались влиянию религий соседних народов. Возможно, первые попытки распространения ислама были связаны с деятельностью шейхов – миссионеров, действовавших в бассейне Иртыша в конце XIV века. Позднее, в середине XVI века, при хане Кучуме, ислам стал утверждаться уже в качестве официальной религии сибирских татар. В летописи, составленной дьяком Тобольского архиерейского дома Саввой Есиповым в 1636 году, сообщалось о значительном распространении ислама среди населения Северо-Западной Сибири. Автор указывал, что в бассейнах рек Тура, Тобол и Иртыш проживали «Тотаровя», хотя это, конечно, не означало, что именно татары проживали на указанной территории. Русские недостаточно хорошо разбирались в этнических особенностях народов Сибири и нередко распространяли этноним «татары» не только на татар и башкир, но и на манси и хантов. Однако в данном случае важно сообщение летописца о том, что все они придерживались ислама: «Тотаровя закон Моаметов держат»⁸⁹.

С XVIII века по указу Петра I началось массовое крещение хантов и манси. Политику эту осуществлял митрополит Филофей Лещинский, названный впоследствии Сибирским апостолом. Суть миссионерской деятельности состояла в разрушении священных мест манси, проповеди и крещении. Те группы манси и хантов, которые жили в постоянном контакте с русскими крестьянами-переселенцами, крестились добровольно и под настойчивыми угрозами миссионеров соглашались на уничтожение изображений своих божеств. В ряде случаев они старались сохранить изображение божества, спрятать, подменить на свежизготовленную копию, дать вооруженный отпор миссионерам. Когда миссионеры в 1715 году добрались и до священного места главного божества – Кондинского, манси категорически отказались отдать его на сожжение. Однако не имея возможности удержать миссионеров, старейшины обратились к ним с просьбой не уничтожать святыню, а обложить данью, соглашаясь платить 4 рубля ежегодно, сумму очень большую, поскольку стоимость коровы в это время составляла только около 1,5 рубля. Но митрополит Филофей Лещинский отверг этот вариант. Тогда кондинские старейшины попросили возложить крест на свое божество и поставить его в церкви между иконами. Миссионеры и на это ответили отказом. После долгих переговоров жители Конды согласились принять крещение, но все еще не могли решиться отдать изображение бога на сожжение. После обряда крещения всех накормили, а избранных пригласили к крестителю Филофею на судно для совместной трапезы, по окончании ко-

⁸⁹ Полное собрание Русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 45.

торой Филофей снова призвал жителей Конды уничтожить изображение божества. И тут они уже не устояли. Тем не менее в ночь перед сожжением под покровом темноты настоящее изображение божества было спрятано, а для сожжения миссионерам была выдана копия. Но и ее жители Конды просили не поджигать у них на глазах. Несмотря на просьбу, кто-то из команды миссионеров ударил изображение, что вызвало взрыв гнева и отчаяния у жителей Конды. Согласно свидетельству Григория Новицкого, они чуть не схватились за оружие со словами: «Почто тако безчестите и ругаете нашего бога». Далее Новицкий сообщает, что, успокоившись, кондинцы отступили

19. Мир-сусне-хум («За миром наблюдающий человек»), младший сын Торума. Культовая скульптура. Манси. Концы XIX в. ТГИИМЗ

от священного места и со слезами на глазах попросились со своим божеством: «Пойди, боже наш, пал еси в руки русаков немилостивых» (№ 27. С. 108).

Часть манси испытала влияние деятельности исламских проповедников и категорически отказывалась не только принять крещение, но даже слушать проповедь миссионера. Попытки заставить этих манси принять крещение встречались враждебно⁹⁰.

Элементы православия постепенно проникали в религиозные традиции манси, но процесс этот растянулся во времени.

После крещения остяков и вогулов Конды в начале XVIII века за счет государственных средств и, видимо, с использованием труда новокрещеных (такая практика была обычной) строятся церкви в Нахрачах, Болчарах, Леушах и Сатыгинских юртах (см.: № 28¹⁰, 29). В XIX взамен обветшалых возводятся новые храмы, уже за счет прихожан; первым – в 1825 году в Нахрачах, где при этом к престолу во имя Св. Троицы добавили престол во имя Николая Чудотворца. В 1854 году в пауле Шаимском на средства благотворителей-«иногородцев» Павла и Леонтия Иногаревых возводится церковь Рождества Христова – пятая на Конде; самостоятельный приход открыт здесь в 1867 году. С конца XIX века в кондинских селениях начинается строитель-

ство часовен. Появление их здесь связано, очевидно, с увеличением в крае русского населения. Так, в юртах Сотниковских Леушинского прихода часовня архистратига Михаила построена в 1894 году после переселения сюда четырех крестьянских семей из Кучаевской волости с Иртыша (см.: № 37. Л. 32); в пауле Учинском Сатыгинского прихода одноименная часовня в 1905 году построена крестьянином М. С. Филатовым. В 1915 году часовни имелись также в юртах Есаульских и Ландинских Нахраческого прихода, в Елышкиных и Юмасинских юртах Леушинского прихода, строилась часовня в пауле Евринском Сатыгинского прихода⁹¹.

Несмотря на активную деятельность миссионеров и надзирателей, строительство церквей и развитие приходской системы, население Конды вплоть до середины XX века продолжало наряду с православной ритуальной практикой сохранять элементы своей традиционной религиозности. Порой обе религиозные традиции тесно переплетались, приводя к появлению синкретических взглядов. Так, образ верховного бога *Торума* слился с образом христианского Бога-отца; образ *Мир-Сусне-Хума* – младшего сына *Торума* – стал ассоциироваться с Иисусом Христом, а образ *Калтащъ-экви* – с Богородицей. Действительно, живя в суровых условиях Северного Урала и Зауралья, в основном занимаясь рыболовством, охотой и собирательством, ханты и манси очень сильно зависели от природы, и традиционная религиозность в наибольшей степени помогала им выжить.

В завершение остановимся на специфике предлагаемой вниманию читателей книги.

Публикуемые документы, описания, записки путешественников, воспоминания и прочие материалы объединены в четыре раздела, каждый из которых снабжен небольшим пояснительным предисловием об обстоятельствах появления этих текстов, их особенностях, авторах и т. п. У публикуемых источников – общая сплошная нумерация. При ссылках на них во введении, в предисловиях к разделам, в комментариях приводится выделенный полужирным шрифтом порядковый номер публикации в книге и, в случае необходимости, дается указание на соответствующий лист (страницу, столбец) опубликованного источника. В книге источники расположены по содержанию-хронологическому принципу.

Научно-популярный характер издания обусловил некоторые отступления от общепринятых правил публикации. Не приводятся основания для датировки публикуемых текстов; для документов, извлеченных из архивных дел, не указывается, подлинник это или копия; опущены сделанные на документах делопроизводственные пометы. В тексты внесены исправления явно ошибочных или искаженных написаний; в этом случае исправленные слова обозначены строчными буквами, а внесенные изменения объясняются в текстологических примечаниях. Если старинные или специфические написания отдельных слов не препятствуют пониманию смысла, исправления в них не вносятся. Сокращенные и пропущенные слова и цифры восстановлены в квадратных скобках. Тексты воспроизводятся буквами современного алфавита, используемые в русских документах до начала XVIII века буквенные обозначения чисел передаются арабскими цифрами, пунктуация в основном соответствует современным правилам. Купюры, составляющие либо одно предложение, либо несколько предложений, обозначаются многоточием в

⁹⁰ Подробнее об этом см.: Глазгацкая Е. М. А был ли выбор? Аргументы против теории ненасильственного крещения хантов и манси в 1712–1715 гг. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. [Вып.] III. Екатеринбург, 1999. С. 82–102.

¹⁰ У Г. Ф. Миллера (см. № 28. С. 287) церковь в Сатыгинских юртах (погосте) названа освященной во имя Благовещения Богородицы, но в других источниках она всюду именуется посвященной Сретенью Господню (Сретенской).

⁹¹ См.: Справочная книга Тобольской епархии. Тобольск, 1913. С. 15, 17, 18; Справочная книга Тобольской епархии. Тобольск, 1915. С. 18, 156, 158.

угловых скобках, пропуск слов – многоточием. Границы листов, страниц, столбцов в текстах источников обозначаются в круглых скобках. Подстрочные примечания составителей книги пронумерованы в пределах каждого текста арабскими цифрами, набранными в верхнюю линию шрифта. Требуемые пояснения слова отмечены комбинированным знаком сноски в виде сочетания звездочки и порядкового номера примечания в публикуемом источнике. Сохраненные при публикации в данном издании собственные примечания авторов текстов обозначены цифрой с закрывающей скобкой. Часто встречающиеся старые российские меры длины и веса разъясняются в конце книги в специальном указателе; остальные единицы измерения – в комментариях к тексту.

В материалах, относящихся к периоду ранее февраля 1918 года, день и месяц, если это специально не оговаривается, приводятся по юлианскому (старому) стилю, а в источниках, появившихся после февраля 1918 года, – по новому (григорианскому) стилю. Разница между старым стилем и новым стилем для XVII века составляет 10 суток, для XVIII века – 11, для XIX века – 12, для XX и XXI веков – 13 суток. Двойные даты (например, 1666/67) появились в связи с тем, что в XVII веке в России применялся византийский счет лет от сотворения мира. Гражданский и церковный год начинался 1 сентября. Петр I с 1700 года ввел летоисчисление с рождения Христа, до которого от сотворения мира по византийской хронологии прошло 5508 лет, и начало года с 1 января. Мерилом времени является январский год. В тех случаях, когда месяц точно неизвестен или события охватывали весь год, при переводе с летоисчисления от сотворения мира на счет лет от Рождества Христова (н. э.) сентябрь – декабрь относятся к предыдущему году, и получается двойная дата.

Остается назвать имена тех, кто участвовал в создании этой книги. Предварительный подбор части текстов провели Г. П. Визгалов и Е. М. Беспрозванный. Фиксацию воспоминаний и сбор мемориальных записей кондинцев XX века осуществила О. А. Кошманова. Введение написано кандидатом исторических наук В. И. Байдиным при участии кандидата исторических наук Е. М. Главацкой. К публикации источники подготовили: № 1–31, 33–38, 51, 52 – В. И. Байдин; № 32 – Е. М. Главацкая; № 39–41 – С. А. Белобородов; № 42–50 – О. А. Кошманова. Иллюстрации подобраны В. И. Байдиным и С. А. Белобородовым. Именной указатель составлен А. В. Кудрявцевой.

Свыше трети общего объема помещенных в книге текстов и около половины иллюстраций публикуются впервые.

Ранние известия о Конде. Падение Кондинского княжества и вхождение края в состав Российского государства

Сказание (былина) о богатырях города Эмдера (№ 1), публикуемое здесь в пересказе-обработке С. Ф. Кокшарова, записано С. К. Паткановым на Конде в юртах Шумиловских. Из одного из примечаний Патканова к изданию текста былины можно понять, что он слышал ее также в других местах обитания южных хантов, у которых исследователь во второй половине 1880-х гг. осуществлял записи фольклора¹. Отличающийся от паткановского былевого сказания (когда эпическое произведение исполнялось торжественным, близким к стихотворному, слогом и в музыкальном сопровождении) вариант сказания в форме исторического предания зафиксирован С. Шульгиным (№ 2), и тоже в низовьях Конды. О самом Шульгине на настоящий момент мало что известно, кроме того, что он в июне-июле 1901 г. совершил поездку по Конде от ее устья до села Леуши и оставил довольно интересное неопубликованное описание этой поездки, где помимо многого другого зафиксировал и некоторые иные местные легенды (см. № 37).

В примечаниях к публикации текстов сказания и предания об эмдерских богатырях использованы (с небольшими дополнениями) пояснения С. К. Патканова и С. Ф. Кокшарова².

Данные тексты повествуют об эпохе «малых» остяцких и вогульских княжеств³ до образования объединенного «большого» Кондинского княжества. Но, что характерно, будущее если не единство, то союзнические отношения небольших и этнически разнородных (ханты и манси) кондинских княжеств складывалось уже в это время: богатыри и население Кари-поспат-воша с Нижней Конды в случае опасности укрываются в городке князя-богатыря Евира Харда-воше (Картауже) на Средней Конде, где совместно сражаются с остяцкими богатырями из Эмдера.

Об обстоятельствах появления и содержании первых известных упоминаний в русских письменных источниках непосредственно о Конде (№ 2–4) достаточно подробно говорилось ранее во введении. Все остальные помещенные в этом разделе книги документы дошли до нас в копиях, снятых для академика Г. Ф. Миллера в 1740 и 1742 гг. в архивах уездных воеводских канцелярий Березова и Пельма; сами эти архивы не сохранились⁴. Не публиковавшиеся ранее документы заголовками снабжены нами; названия некоторых документов из опубликованных в приложениях к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера уточнены в соответствии с их содержанием. Что касается впервые публикуемых здесь текстов, то помимо № 10, включающего новые подробности о покорении Кондинского княжества, можно отметить следующие. Первое упоминание об отдельной Леушинской волости на Конде в 1614–1615 гг. содержит № 18. Очевидно, название волости (и название селения, позднее с. Леушинского) произошло от имени местного князька Леука (Леуска, Леушка; № 21). Есть все основания считать, что он являлся сыном кня-

¹ См.: Patkanov S. Die Irtysch-Ostaken und ihre Volkspoesie. St.-Pbg., 1900. T. 2. S. 10–17 (текст). 98–101 (примечания).

² Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001. Приложение 1. С. 226–227.

³ См.: Зыков А. Кокшаров С. Феномен «таежной цивилизации» // Родина. 2000. № 5. С. 41–42.

⁴ См.: Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1937. Т. 1. С. 62–63, 122. Маршрут сибирского путешествия Миллера см. в кн.: Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 149–153.

⁵ О данном факте, но без указания конкретного источника, упоминал еще С. В. Бахрушин. См.: Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // С. В. Бахрушин. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 105, 145.

¹ Находился он в верховьях р. Ендырь, впадающей в Ендырскую протоку р. Оби.

² Заплетенные в две длинные косы волосы были символом мужества и принадлежности к социальной группе богатырей.

зя Патлика, погибшего в 1594 году в сражении с ермаковцами на границах Пелымского княжества; жены и дети вогульских воинов были тогда отосланы в «дебри незнаемые» Конды (№ 3; см. также: № 51. С. 26 и др.). Именования ясачных хантыйских и мансийских волостей по возглавлявшим их князьям достаточно обычно: Демьянские и Самаровская волости на Иртыше и т. д. Источник № 19 – самое раннее документальное свидетельство о человеческих жертвоприношениях⁵ у обских угров вообще (речь в данном случае именно о письменных источниках; на археологических материалах они также прослеживаются).

№ 1. XIX в., конец. – Сказание о богатырях города Эмдера (В обработке С. Ф. Кокшарова)

<...> (С. 27) Когда-то очень давно на берегах Эмдера стоял славный город с тем же названием¹. В нем жили пять братьев-богатырей. Каждый из них имел имя, непривычное для нашего слуха. Старший прославился силой. Как-то раз он положил на колени пересушенное мясо – конское бедро и моментально разломил его на семь частей. Вот и получил он имя «Богатырь, раздробивший долго сушенное конское бедро». Вторым, третий и четвертым братья именовались по доспехам и оружию: «Богатырь, носящий кольчугу с сотней торчащих рожков», «Богатырь, носящий звенящую кольчугу из блестящих колец» и «Богатырь с остроконечным мечом». Младший же из братьев знатен был быстротой своих ног, а потому звали его «Косатый»² Яг, избранный из числа 80 богатырей».

Однажды зимней ночью Яг вышел из дома и услышал голос филина. Птица сидела на кожуристой лиственнице, которая росла посреди города. Образ птицы-филина, оказывается, приняла княжна другого богатырского города – Кари-Поспат-Воша, расположенного на реке Конде. Птица поведала юноше, где он может найти себе желанную невесту.

Для этого надо, говорила птица, пройти вдоль покрытых инеем незамерзающих берегов Эмдера, выйти на широкий простор Оби, берега которой покрыты мелкой галькой, пересечь священные воды Иртыша и добраться до того места, где он вбирает в себя красные воды Конды. И выйдешь тогда на священный сор, покрытый туманом. Здесь главенствует богатырский город, стоящий на Стерляжьей протоке (Кари-Поспат-Вош). Сидит в том городе старый князь и строгаёт черенок двуконечной стрелы. Живет он с четырьмя сыновьями и дочерью-невестой. «Снаряжайся на военную ногу, на сватовскую ногу и отправляйся туда». Сказал это филин, сделал три сильных взмаха крыльями и скрылся из виду.

На рассвете следующего дня эмдерские богатыри вышли в поход – каждый на нарте, запряженной в пару оленей-быков.

Долго они ехали по льду замерзших рек и протоков, прежде чем достигли священного Большекондинского сора, на южном берегу которого стоял городок Кари-Поспат.

От крепостного вала к ним навстречу вышел один из сыновей старого князя – Богатырь с саблей на боку. Старший из эмдерских братьев, надевший для маскировки пестрое одеяло, после короткой схватки победил соперника, разрубив его надвое. Очевидное преимущество незваных гостей вынудило старого князя пойти на переговоры о сватовстве дочери.

Три эмдерских свата поочередно предлагали будущему тестю выдать единственную дочь замуж за Яга. И когда третий сват повторил предложение, старик отец потребовал небывалый калым в размере 100 рабов, 100 рабынь, 100 кольчуг, 100 мечей, 100 секир и 100 котлов³. После того как калым был выложен, сваты приступили к праздничной трапезе, а жениха отвели к невесте.

Какое-то время эмдерские богатыри гостили у новых родственников, поджидая возвращения сыновей старика. Пока шло сватовство, те пребывали в дальнем походе в полуденных странах. Возвратились сыновья с удачей, привели с собой крылоногих коней и трех златоглавых красавиц.

Женщины так приглянулись эмдерским братьям, что они начали смотреть на них слишком откровенно. Это, конечно же, не понравилось богатырям Кари-Поспат-Воша. Вскоре вспыхнула ссора, в след за ней стычка, и один из братьев-эмдерцев – Богатырь с остроконечным мечом – был повержен и сражен.

После такого драматического происшествия эмдерские гости – новоявленные родственники – пустились в бегство по «колодливой» зимней дороге. Оленья упряжка Богатыря, раздробившего долго сушенное конское бедро, не могла сравниться в скорости с быстроногими лошадьми, на которых мчалась погоня. У Самаровской горы⁴ его догнали и изрубили. Та же участь постигла и двух других братьев: один сложил голову у горы Сарайской⁵, а другой – у горы Тюнка⁶.

Кондинские богатыри-братья оставили в живых только Яга и не стали его преследовать – считали недопустимым, чтобы город Эмдер остался «без отцовского имени, без главы». Опечаленный Яг продолжил свой путь к дому. На пути он встретил двух племянников – сыновей его старших, погибших, братьев. «Куда ты увел наших отцов?» – спросили его племянники сурово. Один из них занес меч и хотел зарубить Яга, но второй успел отвести его руку, и удар пришелся не лезвием, а рукоятью меча. Сознание Яга затуманилось, и ему показалось, что он уходит вслед за своими братьями в иной мир. На том свете братья приняли обличье белок и обратились к нему человеческими голосами: «Вернись назад!» Он очнулся, а племянники, стоявшие рядом, горели жаждой отомстить кондинским богатырям. Яг простился с ними, и они разошлись в разные стороны.

Оба эмдерских юноши добрались до Кари-Поспат-Воша. Однако его обитатели, узнав о приближении врагов, покинули крепость. Они бежали через всю Конду на запад, в другой богатырский городок – Харда-Вош⁶, где князем был богатырь Евир. Этот город, высотой в семь лиственниц, был хорошо укреплен, и за его стенами укрылось все прибежное население. В крепость вел лишь один вход, через который мог пройти только один человек в кольчуге.

(С. 29) Однако запасы пищи у осажденных скоро подошли к концу, а в это время в рыбацком запоре на реке Евре вода просто «кипела» от скопившейся там рыбы. Эмдерские богатыри не стали штурмовать укрепленный поселок. Они ждали, когда обороняющиеся сами отопрут крепостные ворота. Они приняли облик змей и наблюдали за происходящим. Больше всего их интересовали богатыри Кари-Поспат-Воша и Харда-Воша. Ведь сражаться с простолюдинами было ниже их достоинства! Среди прочего населения они пытались разглядеть богатырей, которые, как известно, отличались от прочих до такой степени, что на солнечном свете были видны их внутренности. Зная об этом, богатыри тщательно закрывали тело доспехами.

³ Размер калыма здесь – характерное для фольклора преувеличение.

⁴ Находится на Иртыше у с. Самарово (ныне это город Ханты-Мансийск).

⁵ Точное местоположение гор неизвестно.

⁶ Находился на р. Евре в бассейне средней Конды (прим. С. К. Патканова). Будущая столица обширного Кондинского княжества (Большой Конды) городок Картауш – Картауж (Харда-Вош по-хантыйски) или его предшественник. Исторический Картауж XVI в., существовавший и в первой половине XVII столетия, судя по данным письменных и изобразительных источников, находился, вероятно, близ впадения в Сатыгинский (на карте С. У. Ремцова – Картаужский; цветная вкладка, рис. VI) тунман речки Ушенья («городская речка»), недалеко от старого устья р. Евры.

20. Угорские воины XIII–XIV вв.
Реконструкция А. П. Зыкова
по археологическим
материалам и изображениям

Когда голод стал нестерпим, ворота были открыты, и жители городка высыпали на берег ловить рыбу. Гору рыбы величиной с дом они начерпали. Князь Евир обратился к богатырям Кари-Поспат-Воша и попросил собрать рыбу, но те ответили отказом. Тогда он сам взялся за дело. Когда ему стало жарко, он снял кольчугу. Этим воспользовались эмдерские богатыри, пустили в него стрелы и сразили.

Между богатырями Эмдера и Кари-Поспат-Воша началась битва. Она продолжалась так долго, что пришли в негодность кольчуги и были выпущены все стрелы. Тогда они стали драться еловыми и лиственничными дубинами.

Старший эмдерский муж схватился со старшим из трех кондинских братьев. Даже упав в реку, они продолжали поединок. И тут кондинский богатырь принял облик ерша, а эмдерский – облик щуки: только хочет щука схватить ерша, он становится к ней хвостом и выпускает колючки. А когда снова вышли они на сушу, кондинские богатыри вымолили у бога-покровителя железную металлическую плоть. Однако младший не успел обрасти этой плотью и был повержен мечом. На месте, где он стоял, осталась только кочка.

Тогда оба оставшихся брата вознеслись к небу и, заручившись у божества-покровителя помощью⁷, обрушили на эмдерских богатырей громовые каменные стрелы. И поразили их. <...>

Публ. по: Нягань: город на историческом фоне Нижнего Приобья.
Екатеринбург, 1995. С. 27–29

<...> (Л. 12) «А вот и Карпоспан¹, – сказал Алексей, сидевший на корме, указывая мне на мыс. – Здесь следы городка». От Алексея же я узнал, что старики еще помнят, как тут стояли амбарчики, в которых делались жертвоприношения в честь тонхов-богатырей этого городка.

«Старики сказывают, шибко тут воевали», – добавил Алексей. «Да зачем же, собственно?» – спросил я. «Да все из-за девок да из-за баб больше. Ведь тогда как было: если где приглянулась баба или девка – и пошли отнимать ее войной, а у Карпоспанского (остяки выговаривают Карыпосванты) князя была дочь, ну вот ее и отнимали обские богатыри, и была из-за того большая война здесь. (Л. 12 об.) Много у нас этих городков по разным речкам да урманам, – прибавил Алексей. Старики сказывают, что в прежние-то годы в этих городках какая-то чужь жила, резали даже людей для жертвы».

Впоследствии я записал небезынтересную легенду, в которой много места отведено Карпоспану. Вот эта легенда: в городе Индере², что на речке Ендере, на Оби, жил богатырь Сеვენхой-ветенхой³. У того богатыря было четыре племянника. Дядя и племянники были неженаты. Вот однажды старший племянник приходит к своему дяде и говорит ему: «Пора тебе, дядя, жениться». Тогда Сеვენхой спрашивает племянника: «А где мы будем сватать невесту?» Говорит ему племянник: «В городе Карпоспане, на реке Конде, у князя Худема⁴ есть дочь, у которой брови чернее ночи, в глазах же горит золото-изумруд; краше тебе невесту не найти». Не любил Сеვენхой кондинских князей, да делать было нечего, велел собирать на свой двор войско. Пошел по городу вестник, где стукнет саблей в окно, где в ворота и всех зовет к богатырю. Через малое время собралось у богатыря многое множество народа. Велел тогда Сеვენхой выбрать из народа 700 человек⁵ самых храбрых и самых надежных и велел им дать луки и стрелы. Кроме того, велел изжарить 7 оленей да много другого и кормить людей. Многие так испугались войны, что не могли есть, проносили кусок мимо рта, (Л. 13) а задние выхватывали и ели. Когда напились и наелись и важно разместились на нартах, в которые были впряжены олени, вышел сам Сеვენхой-ветенхой. Одет он был в суконный кафтан, перепоясанный шелковой опояской, а на голове была шапочка из оленьих шкур. Так и ахнул народ, особливо девки и бабы, когда увидели Сеვენхой: шибко красивый он был, а допрежь того никто из его народа не видел, потому что он сроду никому не показывался. Высокие девки и бабы приседали к полу, а низкие поднимались на цыпочки, все для того, чтобы лучше рассмотреть своего князя-богатыря. Когда Сеვენхой оглянул народ, особливо девок, то страшно застыдился и подумал, что напрасно он едет свататься куда-то на Конду, лучше бы дома жениться, вон их сколько тут, – да делать уж было нечего. Хотели было ехать прямо через болота, да потом раздумали и поехали кругом: сначала Обью, потом Иртышом, а затем уже Кондой. Когда проехали Кондинский сор, то на левой руке, на высоком мысу, увидели Карпоспан. Карпоспан обнесен был крепостью: новой деревянной стеной. Велел тогда Сеვენхой играть на дудке по-мирному. Услышал такую игру Карпоспанский князь и велел отворить ворота. Велел тогда Сеვენхой играть по-военному; испугался Карпоспанский князь и запер ворота. Рассмеялся Сеვენхой и велел играть опять по-мирному. Обрадовался тут Карпоспанский (Л. 13 об.) князь и опять отворил ворота, и гости въе-

¹ Кари-Поспат-Вош в № 1.

² Искаженное название городка Эмдер.

³ Искаженное рифмованное и существенно сокращенное имя Косатого Яга по-хантыйски.

⁴ Также существенно сокращенное имя будущего тестя главного героя.

⁵ Фольклорное преувеличение.

⁷ Оба эти богатыря впоследствии почитались кондинскими остяками как святые по имени «Двое стариков с вершины речки» (см.: № 37. Л. 5).

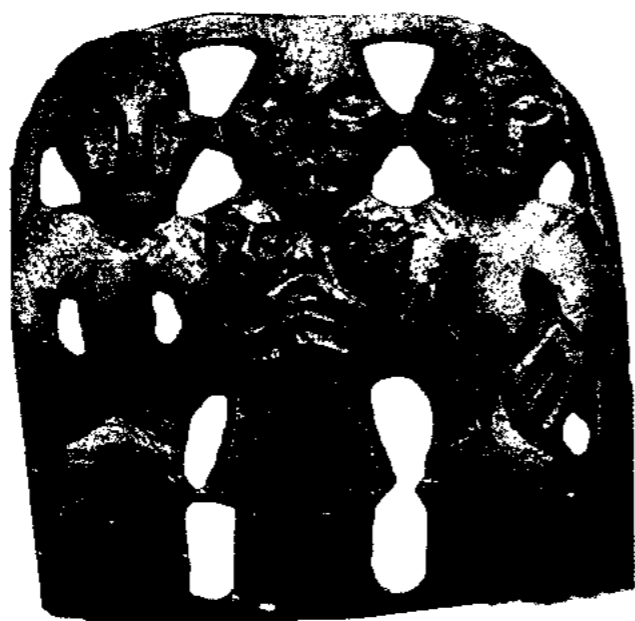

21. Штурм остяцкого городка
врагами. Фрагмент рисунка
Н. Шахова первой половины
XIX в.

хали. Встретил их у ворот сам Худем с красавицей дочерью. Сеვენхой со своими четырьмя племянниками поместился у князя, а для войска была отведена особая изба, на дворе. Хотя войска было 700 человек, а заняли они в избе один только угол. Попили гости, поели и стали свататься, но Худем все отговаривается тем, что у него только четыре сына дома, а остальные три в отлучке. «Куда же и за каким делом они отлучились?» – спрашивают гости. «На полдень, куда улетают осенью птицы, а за каким делом, вы спрашиваете, отлучились? Отлучились они искать каждый свою судьбу». Опять стали гости свататься, но не сдается старый Худем, все говорит, что не все у него сыновья дома, а когда поднесли ему в дары сукна, шелку и новые кольчуги, то не утерпел Худем и согласился выдать свою дочь замуж за Сеვენхоя. И началось тут пиршество. Уж много чанов опростали браги, как приехали те три сына, что были в отлучке. Приехали они на трех крылатых конях, и каждый из них держал на коленях по молодой хозяйке. Как только увидели индерские гости красивых баб, то разгорелись у них глаза, и начали они баб тех у хозяйских сыновей отнимать, и пошли тут свалки да драки. В драке этой перебили все войско Индерское (Л. 14) да убили 4 сыновей Худема. Смекнул тут Сеვენхой, что дело выходит неладно, взял посадил свою невесту в нарту, да и пошел наутек, да не прежней дорогой, а прямой: через урманы и боло-

та. Той же дорогой поехал было и его старший племянник, да того карпоспанцы догнали и убили, другого догнали на сору и убили, третьего в Самаровском городке, четвертого же на Оби. Один остался теперь Сеვენхой-ве-тенхой. Упал он в нарту и воет и видит, что навстречу ему идут два брата-богатыря. Не успели богатыри поравняться с нартой, как молодая жена Се-венхой сделалась вдруг иголкой и выпала из нарты. Поднял ту иголку Се-венхой и положил в кисет, где хранились трубка, табак и огниво. Когда поравня-лись богатыри с нартой, один из них наступил сзади на полозья, и олени сразу остановились, а Сеვენхой лежит ничком в нарте и посматривает из-под руки, что будут с ним делать богатыри. Говорит тогда старший младше-му: «Давай уьем», – а младший говорит: «Нет». И стали они тут спорить и выхватывать друг у друга саблю, под конец разодрались и уронили саблю нечаянно на Сеვენхоя. Сеვენхой сделался тогда без чувств и видит как бы во сне, что идет он узенькой тропинкой к высокой горе и видит, что с той горы летят два орла, а когда присмотрелся поближе, (Л. 14 об.) то увидел, что то были богатыри, а не орлы, стал он с ними брататься и обниматься, и как только стал обниматься, так сейчас же очнулся; когда Сеვენхой очнулся, то богатыри признали в нем своего князя. Когда Сеვენхой рассказал им о всех происшествиях в Карпоспане, то богатыри сказали ему: «Ты ступай в Индер, а мы пойдем в Карпоспан и будем там воевать. Трава вырастет вес-ною на четверть – жди нас, лист повалится осенью с дерева – и тогда нас жди, ежели реки затянутся льдом, а мы не будем, то уж не жди, не приедем». С этими словами они распрощались и пошли. Пока они дорогой угощались брагой, карпоспанские богатыри, услышав о них, бросили свой город и ушли вверх по Конде в город Евру⁶, что на реке Евре. Наскоро укрепили они с тамошним богатырем город деревянной стеной и обили ту стену медью и крышу над ним сделали, да оставили в ней небольшую дыру. Долго шли Ин-дерские богатыри до Евры, потому что дорогой их шибко угощали брагой, и под конец все-таки дошли. Думали, думали наши богатыри, как взять такую крепость, и порешили донять Евру голодом и не выпускать никого из крепо-сти, а когда узнали, что тем приходится плохо, то взяли да напустили в реку Евру столько рыб, что можно было ходить по воде, как посуху; сами же обра-тились в змей и залегли у ворот крепости. Видят в дыру у крепости, что воро-ны таскают рыбу, зна(Л. 15)чит рыбы появилось в Евре много, стали ходить один по одному из крепости на промысел. Прежде всех вышел князь города, старый седой богатырь, у которого было не такое тело, как у нас, а камен-ное. За ним вышли три Карпоспанских богатыря. Каменный богатырь, уви-дев, что рыбы много, начал черпать ее саком, под конец вспотел, снял с себя кольчугу и велел ее носить за собой, неподалеку. Сначала ее носили пять че-ловек, но скоро им стало невмочь, тогда – 10, а потом уже 15 и 20. Змеи, как только увидели, что богатырь без кольчуги, сделались опять богатырями и бросились с саблями на него и отрубили ему голову, нужды нет, что камен-ный (рис. 22). Индерские богатыри дрались не на живот, а на смерть; сколь-ко тут было перебито разных богатырей и народу – не перечесть. Под ко-нец Индерские богатыри пошли от города, за ними погнались Карпоспан-ские и схватились в одном месте. Шибко дрались Карпоспанские богатыри, однако увидели, что сила их не берет, и стали они просить себе у Бога камен-ные тела. Бог услышал их молитву и стал им посылать каменные тела: сна-чала старшему, потом среднему и наконец младшему. Не успел младший до по-ловины окаменеть, как был разрублен надвое в том месте, где каменное тело

⁶ Соответствует городку Хар-да-Вош в № 1.

22. Три брата-богатыря
с трофеями: отрубленными
головами врагов.
Бронзовая плита из бассейна
р. Васьган. Музей археологии
и этнографии Сибири ТГУ

сходилось с прежним; он упал мертвым и тотчас же превратился кочку. И с тех пор растет на той (Л. 15 об.) кочке шелковая трава, и место то, где дрались богатыри, сделалось большим озером, которое есть и поныне. Подвинулись Карпоспанские богатыри еще на 5 верст, и Индерские вслед за ними тут как тут. Опять схватились, опять стали драться, и все четверо упали в речку Катым⁷. Карпоспанские сделались ершами, а Индерские – щуками. Как только щуки разинут рты, чтобы схватить ершей, те ошестинятся и повернутся к ним задом: «На вот, возьми нас теперь». Долго бились с ними щуки, да ничего не могли сделать и обернулись опять богатырями; богатырями же опять сделались и ерши, и пошли карпоспанцы дальше, все к своему родному Карпоспану. В одном месте в бору сели они отдохнуть, вдруг откуда ни возьмись – страшная туча с молнией. Долго сверкала молния над головами Карпоспанских богатырей, под конец еще раз сильно сверкнула, упала на них и убила. Не молния это была, а Индерские богатыри обернулись молнией, и больше уж никто их не видел на свете.

Весна пришла, разлилася Обь, поднялась в своих берегах Ендырь, прилетели с полдня птицы и травка уж в поле выросла на четверть, а не видать в Ендыре двух братцев-богатырей.

Вот и лето прошло красное, осень холодная наступила, лист с деревьев опал, а нет в (Л. 16) Ендыре храбрых богатырей. Вот и бураны зимние завывали, сора и речки затянуло льдом, а не дождетя Северхой-ветенхой храбрых своих богатырей. Хорошо ему жить с молодой Худемовной, да сердце у него не весело. Выйдет он порой за город, увидит, что идут братцы-богатыри, бросится к ним навстречу, и давай он их обнимать, да не их он обнимает, а привидения.

Так кончились слава и могущество города Карпоспана, остальные жители которого поселились впоследствии в трех верстах от юрт Шумиловских, на низком болоте, основав там новый город. <...>

Публ. по: Шульгин С. Кондинский край // Архив ТГУИАМЗ. № 75. Л. 12–16

№ 2. 1570, не ранее марта 17. – Отписка земских бояр царю Ивану Васильевичу (Грозному) из Москвы в Александрову слободу и речи наместника Перми Великой князя Никиты Ромодановского

Ранние известия
о Конде

(С. 340) I. Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всяя Руси, холопы твои, Иванец Белской, да Иванец Мстиславской, да Михалец Воротынской и все бояре челом бьют. По твоему государеву приказу, от тебя государя отпущен с Москвы, из тюрьмы, сибирской татарин Аиса, в Сибирь, к Сибирскому царю с грамотою, в семдесят в седмом году¹ в марте месяце; а велено его из Перми отпустить князю Миките Ромодановскому. И привез, государь, из Перми князь Микита Ромодановской грамоту Сибирского царя татарским писмом, и что, государь, нам Микита речию сказывал, и мы речи те написав на список, и с сибирские грамоты перевод, послали к тебе ко государю.

¹ 1569 г.

Подлинная отписка писана столбцом. На обороте: Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всяя Руси. Там же помечено: 78-го² марта 21, с Василием Фоминым (т. е. отправлена из Москвы в Слободу).

² 1570 г.

II. Лета в 7078 марта 17, сю грамоту Сибирского царя Кучюма привез из Перми князь Микита Ромодановской, а сказал: что приехал он из Перми по государеве грамоте, а тое (С. 341) грамоту в Пермь привез к нему гогоулетин из Конды Ивака Ивакин сын, с Пельма, о Николине дни осеннем³, а ему Иваке, сказал, тое грамоту дали из Сибири. А которой татарин сибирской Аиса прислан от государя в Пермь ко князю Миките с грамотою, а велено его отпустить в Сибирь, и того татарина привез Серой Дубровин в Пермь июня 3-го, и князь Микита, сказывает, того татарина отпустил в Сибирь тогда ж. А как князь Микита жил в Перми, и при нем сказывает от сибирских людей задору некоторого не было; а взяли были сибирские люди в Чюсовой, после Ильина дни⁴, трех пермяков, Ивашка Поздеева со товарищи, и был Ивашко у царя в Сибири ден с десять, и отпустил его на подводах до Перми, а дву товарищев его оставил, а хотел и тех отпустить, а обиды, сказал, не учинил некоторые; а говорил, сказывает, ему царь: ныне деи дань собираю, государю вашему царю и великому князю послов пошлю. А нынче деи мне война с Казацким царем⁵, и одолеет деи меня царь Казацкой и сядет в Сибири, ино и тот государю дань учнет же давати.

³ Видимо, 6 декабря по старому стилю.

На обороте надпись: Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всяя Руси.

⁴ 20 июля по старому стилю.

Публ. по: Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1840. Т. 1. С. 340–341 (№ 170)

⁵ Исправлено, в тексте – [70]90; в другом месте (Стб. 24, ст. 90) этот поход верно датирован 1583 г.

⁶ Исправлено по фотолитографии оригинала рукописи, в тексте ошибочно – Казымские.

⁷ Б. Брызга погиб еще в начале декабря 1582 г.; возглавлял ясацкий поход вниз по Иртышу, видимо, атаман Никита Пан, также погибший во время похода в одном из сражений.

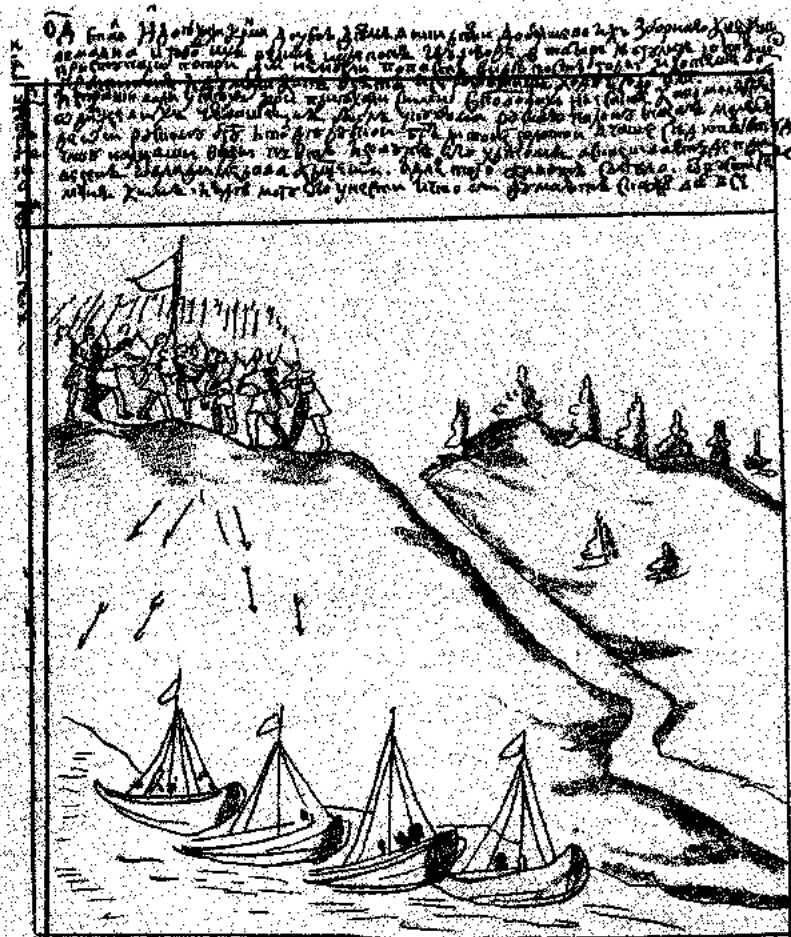
⁸ Т. е. к присяге.

№ 3. 1583, 1584. – Упоминания Конды в описании похода Ермака

<...> (Стб. 19) Статья 73

[70]91¹, марта 5 день, послаша Ермак вниз по Иртышу реке в Демьянские и в Назымские⁶ городки и волости пятидесятника Богдана Брызгу⁷ с пятьюдесятью человеки все Назымские⁶ волости пленить и привести к вере⁸ и собрать ясак вдоволь, роскладом поголовно. <...>

23. Осада Демьянова городка на Иртыше в 1583 г. ермаковцами. Рисунок рубежа XVII–XVIII вв.

Статья 74

И доехали конми до усть Демьянки реки до большева их сборного княжца Демаяна; и город их велик и крепок, и в сборе 2000 татар (Стб. 20) и вогуличь и остяков, приступили по три дни, не могли попасть в крепость горы, и хотяше возвратится, и думали как взять. И се распущитца ходу и голод близь, и спрашивали у тех, кои приехали с ними в подводах²³ и с есаком, како молятся? Один же в них чювашенин был у Кучума, русского полону, сказал: молятся де они... бог литой золотой, в чаше сидит, и в ту чашу наливши воды пьют... отпустите де меня к ним, и я де могу его унести и что они думают скажу вам все.

Статья 75.

И в вечер дни пошел, и поутру рано в табар²⁴ пришел, сказал ворожат де и говорят: «лутче де нам сдаться живым»; и на том де у них и положено. А бога де их взять не могу: против де сто все сидят и молятся, и стоят, а он де поставлен на стол и кругом горит жир и курят... серою, аки в ковше. Егда же начахом приступати, а не на косогор; они же видя, мнози разбегошася с роды в дома своя, иных князей [взяша?], Романа Славного, и ту в городке шертовали²⁵ и есак взяли, и весновали²⁶, а молбища²⁷ не сыскали.

Статья 76

И по поле воде dospeli²⁸ себе легкие струги и поплыша вниз, с покорных

²³ Т. е. в обозе.

²⁴ Табор, казачий лагерь.

²⁵ Т. е. привели к присяге, шерти.

²⁶ Т. е. пережидали ледоход.

²⁷ Т. е. золотого изображения бога.

²⁸ Построили.

24. Молчние остяков и вогулов в Демьяновом городке своему богу Присяга и уплата ясак кондинским князем Романом Славным. Рисунок рубежа XVII–XVIII вв.

беруще ясак. Роман же князец их лутчей бежал с жилья своего вверх по Конде²⁹ к Пелыми с родом своим, лыжами и нартами. <...>

(Стб. 13) Статья 50

<...> Погребоша вверх по Тавде, <...> в Кошули²⁹. Приидоша х Кошуку, княжцу Ворлякову и поймали первого есаула Ичимка и допросиша: «Есть ли боевые люди?» <...> Ермак³⁰ же овоих³¹ из них убил и есак взял. <...> И все те волости и с Чандыри³² покорил боем и добровольно со старейшинами их. <...>

Статья 51

<...> И взял есак, ехал, и идоша до городка табаринца Бия, и ту бои на малые часы <...>

Статья 52

И доидоша до пелымскаго княжца Патлика, и с ним велий бой починиша за многолуствием³ и пустой шум; ибо толико отобралися одне мужики на бои, а жены их и дети свезены в разстояние на Конду реку, в урочище неприступное; и едины бойцы останася у рыбиных ловль, и (Стб. 14) тех Ермак с товарищи прибили до единого. И по допросом пути нет за Камень³³, в Русь, возвратишася вниз по Тавде, октября 4 день, обирающе хлеб в ясак <...>

Публ. по: Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб., 1880. Стб. 19–20, 13–14

²⁹ Исправлено, в тексте – Ковде.

³⁰ Кошуни (Кошуки) – татарско-вогульское Кошугское княжество в низовьях Тавды.

³¹ Ермак, поверсни А. Т. Шашкова, в этом походе участвовать не мог, поскольку он погиб в начале августа 1584 г. (См.: Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 37).

³² Некоторых.

³³ Городок княжества.

³ Исправлено по фотолитографии рукописи, в тексте – многолуество.

³³ Камень – Уральские горы.

№ 4. 1586, примерно февраль. – Запись о Сибири в наказе Е. Ржевскому и Г. Васильчикову, отправленным для встречи польского посла М. Габурды

(С. 49) А нечто спросит про Сибирь: «Каким обычаем Сибирское царство казаки взяли и как ныне устроена?»

И Елизарью и Григорью говорить: «Сибирское царство искони вечная вотчина государей наших. А взял Сибирь великий государь блаженные памяти царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси¹; царя и великого князя Федора Ивановича прадед, тому ныне блиско ста лет, и дань положил соболями и лисицами черными. И государь наш царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, отец государя нашего царя и великого князя Федора Ивановича, казаков волжских послал, и казаки волжские царя Кочюма Сибирского побили и согнали с Сибири и Сибирь взяли, и брата Кочюмова царева Магметкула-царевича² взяли жева и ко государю нашему и царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси привели и ныне у государя нашего служит.

А в Сибири ныне живут государевы воеводы и люди многие, и дань с Сибирские земли государю нашему идет многая – соболи и лисицы черные и иной зверь дорогой.

А ясаку положил на Сибирское царство и на Конду Большую, и на Конду Меньшую, и на Туру-реку, и на Иртыш-реку, и на Иргинское государство, и на Пегие колмаки³, и на Об великую реку, и на все городки на обские на девяносто и на четыре города з году на год имати на государя по 5 тысяч сороков соболей, по 10 тысяч лисиц черных, да по 500 тысяч белки ебольшие⁴, сибирские и илетцкие.

А поделал государь города в Сибирской земле в Старой Сибири и в Новой Сибири, на Тюменском городище и на Оби на усть Иртыша тут город те государевы люди поставили, и сидят по тем городам и дань со всех тех земель емлют на государя».

Публ. по: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVII – начале XVIII века. М., 1972. С. 49

№ 5. 1594, августа 17. – Грамота царя Федора Ивановича в Березов воеводе Никифору Траханиотову о получении в Москве «животов» кондинского князя Агая и о привозе туда самого кондинского князя с сыном и братом

(С. 362) От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему Микифору Васильевичу Троханиотову да Афонасью Ивановичю Благово. Писал к нам ты Микифор с товарищи и прислал с сыном боярским с Прокофьем Змеевым Кондинского князя животов¹; 2 венчика серебряных, 2 чепочки серебряных, лошка серебряна, а у ней (С. 363) 6 плащей² серебряных, завитца³ серебряна, чарка серебряна, 426 соболей, 13 лисиц черных, и бурых, и красных, 61 бобр, 1000 белки, завес дорогинена⁴, а опушен⁵ камчишком⁶ двоелишною; и те Кондинского князя животы взяты у Прокофия у Змеева сполна против вашии росписи. Да з Гневашем с Норовым прислал есте Кондинского князя Агая, да сына его

¹ Здесь: казна, имущество.

² Т. е. блях.

³ Завитца – витой браслет.

⁴ Т. е. из полосатой ткани.

⁵ Обшит по краю.

⁶ Камка (камчишка) – узорная шелковая ткань.

Азыпку, да брата Кондинского Косякма, и у Гневаша Кондинской князь и сын его и брат взяты. А казаки березовские, которые присланы были с нами для береженья, отпущены к вам на Березов назад. Писано на Москве лета 7102-го августа в 17 день.

Дьяческой⁷ приписи у грамоты не имеется. Припись на обороте: В Сибирь, в Березов, в новой город, воеводе вашему Микифору Васильевичу Троханиотову да Афонасью Ивановичю Благово.

Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. Приложение. С. 362–363 (№ 16)

№ 6. 1595, август. – Грамота царя Федора Ивановича в Березов воеводе Василию Вольтинскому с товарищами о возвращении князю Игичею Алачеву взятой ими в полон дочери кондинского князя

(С. 371) От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси на Березов, воеводе нашему Василию Степановичу Вольтинскому с товарищи. Бил нам челом князь Игичей Олачев а сказал: был де он князь Игичей на нашей службе в Большой Конде с Иваном Змеевым, и Кондинского князя они взяли, и людей его побили, и иных в полон поймали; да взял де он князь Игичей Кондинского князя дочь девку (рис. 25), и как де он припол на Березов, и воеводы де наши Никифор Траханиотов да Афонасий Благой ту девку у него взяли насильством и отдали тое девку березовским остяком. И будет так, как нам князь Игичей Алачев бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б тое девку сыскали у березовских остяков, Кондинского князя дочь, а взяли отдали ему князю Игичею Алачеву тотчас, чтоб впред на вас нам не бил челом. Писан на Москве лета 7103-го году августа в... дснь.

Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. Приложение. С. 371 (№ 21)

№ 7. 1596, июня 20. – Грамота царя Федора Ивановича в Пелым воеводе Богдану Полеву о сложении недоимок по ясачному сбору с Большой Конды и взимании впредь меньшего ясака

(С. 372) От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси на Пелым воеводе нашему Богдану Ивановичу Полеву. Писал еси к нам, что послал ты в Большую Конду ясатчиков Богдана Волошанина да целовальника¹ Степана Подошевника и велел им собрати на нас ясаку на нынешний 104-й [1595/96] год по прежней росписи, за приписью дьяка нашего Ондreja Шелканова, 37 сороков² и 20 соболей; и кондинские де мурзы и сотники и все ясачные люди всего собрали 22 сорока 20 соболей против прошлого 103-го году, против³ Васильева збору Толстово⁴; а не добрали они нашего ясаку против прежние (С. 373) росписи штинатцати⁵ сороков; и ты хотел на них тот достальной ясак по нашей указаной росписи править⁶; и кондинские деи мурзы и лутчие люди принесли к тебе челобитную, и ты тое челобитную и за тою челобитною прислал к нам к Москве челобитчиков Курманака мур-

⁷ Т. е. подписи дьяка – главы канцелярии приказа или самого приказа.

¹ Целовальник – человек, принесший присягу (целовавший крест) для исполнения должности.

² Т. е. 37 связок по 40 шкурок.

³ Также как, соответственно.

⁴ Василий Толстой – пельымский воевода, предшественник Б. И. Полева.

⁵ Шестнадцати.

⁶ Т. е. заставить заплатить.

25. Украшения костюма
вогульской княжны второй
половины XV–XVI в.
Вариант реконструкции
А. П. Зыкова по материалам
могильника Эскский остров
в верховьях Конды

зу Танаева с товарищи. А в челобитной их написано, что велено с них с ясачных татар ясатчиком Богдашку Волошанину собрати на нынешний на 104-й год з Большие Конды 37 сороков и 20 соболей; а в прошлом в 103-м году взял с них Василий Толстой нашего ясаку соболями и лисицами и бобры 21 сорок и 20 соболей; и они деи пельмские вогуличи на нынешней на 104-й год собрали ясаку великою нужею 22 сорока и 20 соболей, потому что многие у них ясачные люди побиты, а иные померли, и вперед де им по той нашей указанной росписи столько нашего ясаку в нашу казну платить не мочно. Да з Большие ж Конды взяти было на прошлые годы недоборного ясаку, что на них не добрано по ясачным книгам на 97-й [1588/89], да на 98-й, да на 99-й, да на 100-й, да на 101-й, да на 102-й год против 41415-ти белок, а 100 белок по нашему указу положено против рубля, итого всего деньгами 414 рублей 5 алтын; да прошлого ж 103-го году недоборного ясаку 16 сороков, да нынешнего 104-го году недоборного ясаку 15 сороков и 20 соболей. И нам бы их Большие Конды ясачных татар пожаловати, того недоборного ясаку на прошлые на 7 лет и на нынешней на 104-й год правити на них не велети. И мы Пельмского города Большие Конды ясачных татар Курманак мурзу с товарищи пожаловали: за прошлые годы недоборного ясаку на 97-й, да на 98-й, да на 99-й, да на 100-й, да на 101-й, да на 102-й год против 41415-ти белок, а 100 белок по нашему указу положено против рубля, итого всего деньгами 414 рублей 5 алтын; да прошлого ж 103-го году недоборного ж ясаку 16 сороков, да нынешнего 104-го году недоборного ж ясаку 15 сороков и 20 соболей править не велели, потому чтоб с них ясак имати по мере, чтоб их тем не отгонити. А вперед велели з Большие Конды с ясачных татар имати по 20 по 2 сорока и по 20 соболей на год, по тому, что с них взято на нынешней на 104-й год. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б Большие Конды на ясачных татарех за прошлые годы на 97-й, да на 98-й, да на 99-й, да на 100-й, да на 101-й, да на 102-й год по ясачным книгам против 41415-ти белок, да на 103-й год 16 сороков, да на нынешней на 104-й год 15-ти сороков и 20-ти соболей на них правит не велели. А вперед на 105-й год велел с них ясак имати по 20-ти по 2 сорока и по 20-ти соболей. И вперед бы их велел беречи от проезжих и от тутошних людей, чтоб им обиды и насильства никоторого не было. Писан на Москве лета 7104-го июня в 20 день.

На обороте: Дияк Иван Вахромеев. – Правил подьячей Тимошка Осипов. – На Пельм воеводе нашему Богдану Ивановичу Полеву. – 104-го году августа в 20 день привез государеву грамоту Кондинской мурза Курманак с товарищи.

Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.
Приложения. С. 372–373 (№ 23)

№ 8. 1596, июня 20. – Грамота царя Федора Ивановича в Пельм воеводе Богдану Полеву о сложении недоимок по ясачному сбору с Малой Конды и взимании впредь меньшего ясака

(С. 374) От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии на Пельм воеводе нашему Богдану Ивановичу Полеву. Писал еси к нам, что послал еси в Меньшую Конду ясатчиков 3-х человек а велел собрати с Мень-

шие Конды нашего недоборново ясаку прошлых годов: на 100-й, да на 101-й, да на 102-й год, по тобольским по ясачным книгам, всего 17 сороков и 25 соболей, да 2 лисицы шубные, да на 103-й год недоборново ж ясаку 7 сороков и 25 соболей, да на нынешний на 104-й год велено им собрать 10 сороков соболей да лисицу шубную. И Малые Конды лутчие ясачные люди пришли к вам на Пельм, а принесли они нашего ясаку на нынешней на 104-й год только 2 сорока и 20 соболей, да 1100 белки за 2 сорока и за 20 соболей, и всего соболями и бобры и белками принесли на нынешней на 104-й год за 5 сороков; а не добрали они нашего ясаку на нынешней на 104-й год и на прошлые годы: на 100-й, да на 101-й, да на 102-й, да на 103-й год, всего 30 сороков и 10-ти соболей да 3-х лисиц шубных. И ныне нам били челом Малые Конды ясачные люди Рымко да Олешка и во всех товарищей своих место а сказали, что велено на них доправити нашего прошлого ясаку на 3 годы, чего они не платили в Тобольской город, 17-ти сороков соболей да лисицу черну шубную; а они де тот прошлой ясак платили в Тобольской весь сполна по тобольскому окладу по 4 сорока соболей на год, да на 103-й год по Васильеву недобору Тостово 6 сороков и 26 соболей, а на нынешней на 104-й год велено на на них доправити ясаку 10 сороков соболей да лисицу черну шубную; и они де всего заплатили нашего ясаку на нынешней на 104-й год 5 сороков соболей да за одну шубную лисицу; и в том де они ясаке и достальные свои животинки позакладывали; и нам бы их пожаловати, велети им в ясакех полехчить; а только де их в Малой Конде, кому мочно наш ясак платить, 20 человек. И мы Меньшие Конды ясачных татар пожаловали: недоборного ясаку с них на 100-й, да на 101-й, да на 102-й, да на 103-й год да на нынешней на 104-й год, всего 30-ти сороков и 10-ти соболей да 3-х лисиц шубных, правити не велели; а велели с них вперед ясак имати по 5 сороков на год, по тому, что с них взято на нынешней на 104-й год. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б Меньшие Конды на ясачных татарех недоборново ясаку прошлых годов: 100-го, да 101-го, да 102-го, да 103-го, да нынешнего 104-го году, всего 30-ти сороков и 10-ти соболей да 3-х лисиц шубных, правити не велел, чтоб ясачных татар вперед тем не отгонити. А вперед с Меньшие Конды с ясачных татар и с вогуличь имал нашего ясаку по 5-ти сороков соболей на год, по тому ж, что с них взято на нынешней на 104-й год. И вперед бы еси их велел беречь, чтоб им обиды и насильства никоторого ни от кого не было. Писан на Москве лета 7104-го июня в 20 день.

На обороте: Дияк Иван Вахромеев. – Правил подьячей Тимошка Осипов.

Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937.
Приложения. С. 374 (№ 24)

№ 9. 1600, июля 26. – Грамота царя Бориса Годунова в Березов воеводе Ивану Вольтинскому о производстве дознания по поводу насилий князя Игичея Алачева над кондинскими вогуличами

(С. 385) От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему Ивану Григорьевичу Вольтинскому да голове Ивану Петровичу Биркину. Били нам челом Пельмского города Большие Конды вагуличи Курманак мурза Танаев да сотник Калтай Еусев и во всех товарищей своих место кондинских вагуличь на князь Игичея Алачева

а сказали: в прошлом де во 102-м году приходили де к ним Иван Змеев, да с ним князь Игичей Алачев с своими людьми, и юрты де их разорили, и животы и (С. 386) статки все поймали, а жены деи их, и дети, и род, и племя поимал к себе князь Игичей Алачев; и у него де у Курманака князь Игичей убил своими людьми отца его и мать, а жену деи его и дети свез к себе в юрты, и ныне деи жены их, и дети, и сестры, и братья, и племянники у князь Игичей и у его людей в их волостях служат в холопах б лет; и живучи деи у него и у людей его с работы, и с нужи, и з голоду, и с наготы, и босоты в конец погибли, и помирают нужною смертью; и нынеча деи князь Игичеевы люди приходят к ним в Конду, их побивают и жены их и дети и людей емлют к себе в юрты по прежнему в холопи, и юрты деи их пустошат; и они деи от князь Игичей и от его людей от убийства и от насильства живут бегаячи; и вперед деи им от князь Игичей и от его людей нашего ясаку добыть негде, и нашего ясаку добывать невозможно, ходить за всяким зверем блюдутся¹, и одолжали великими долги, помирают голодною смертью; и нам бы их пожаловати, велети от князь Игичей и от людей от убийства и от насильства беречи, и жены их, и дети, и род, и племя сыскать. И будет так, как нам кондинские вогуличи Курманак мурза Танаев с товарищи били челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б про то сыскали: в прошлом в 102-му году Иван Змеев да с ним князь Игичей Алачев в Большую Конду ходил ли, и юрты их разорил ли, и жоны их и дети и животы поимал ли, и сколько жон их и детей и животов князь Игичей поймал, и для чего к ним в Конду ходили и жон их, и детей и животы поимали, и кондинские мурзы и вагуличи были тогда не в ымене ль, и наш ясак платили ль, и почему ныне князь Игичеевы люди, приходя в Большую Конду, воруют, жены их и дети и людей емлют к себе в холопи, и хто именем, и по княж Игичееву ль веленью ходят или без княж Игичеева ведома. А сыскав бы есте про то про все подлинно, да о том отписали к нам к Москве и велели отписку отдать в Казанском и в Мещерском дворце дьяком нашим Афонасью Власьеву да Нечаю Федорову, и мы велим по тому чинить указ свой. И вперед бы князь Игичеевы люди в Большую Конду воровски не ходили, и вагуличь не били, и жон и детей и людей не имали, и насильства им никогого не чинили. А которые учнут вперед ворovati, Большие Конды вогуличам насильство и обиду чинити, и жон их и детей и людей иматъ насильством, а опосле про то сыщется, и им быть от нас в великой опале. Писан на Москве лета 7108-го году июля в 26 день.

Подлинная грамота за закрепкою дьяка Нечая Федорова.

Публ. по: Миллер Г. Ф. *История Сибири*. М.; Л., 1937.
Приложения. С. 385–386 (№ 34)

№ 10. Не позднее 1608. – Отписка тобольского воеводы князя Романа Троекурова пелымским воеводам Ивану Годунову и Петру Загряжскому о желании ясачного остяка Чатырка Досаева жить в Кондинской волости

(Л. 358 об.) Господину Ивану Миха[й]ловичу да Петру Ивановичу Роман Троекуров челом бьет. Бил челом государю царю и великому князю Василию Ивановичу¹ всеа Русии Березовского уезда волости Коды ясачной остяк Ча-

тырка Досаев а сказал: жил де он наперед сего в Пелымском уезде в Кондинской волости и ис Конды съшел жити в Березовской уезд в волость в Коду, и живучи в Коде государеву службу служил как ставили города Березов, и Сургут, и Том[ск], и он де з братьею своею городовое всякое дело делал и изменников остяков убил (Л. 359) дву человек, и брата своего Агая-князца выдал государю, и на Москве брат его крещен; за то ему кодичи остяки учинились недруги, теснота ему ныне от них великая и хотят его убить, и жити де ему вперед для тое недружбы в той Коде волости немочно. А в Пелымском уезде в Кондинской волости лутчие люди вывелись, государева ясаку с кондинских с ясачных людей збирать некому, и государь пожаловал бы его и брата его Немартынка [с] сыном Езибанком: велели им жить и ясак платити по прежнему в Пелымском уезде в Кондинской волости; и велети б ему быти в Конде в брата его в Агаево место в князцах и ясак бы на государя с кондинских с ясачных людей велети збирати ему, Чатырку; а ясачные те люди кондинцы все его в князцы и в зборщики излюбили; на Березове он государева ясаку платил по дватцати по два соболя на год. И остяк, господине, Чатырко з братом с Мартынком и с сыном Езибанком отпущены на Пелым, и как он на Пелым приедет и вам бы, господине, велети ему з братом и с сыном жити в Пелымском уезде в Кондинской волости в ясачных людех в брата его в Агаево место, а ясаку с него на государя велели имати по его скаске, что он сказал на Березове давал по дватцати по два соболя на год; а на Березов, господине, мы писали, и чтоб к нам отписали, почему (Л. 359 об.) Чатырко з братьею и з детми государева ясаку платил. Да будет к нам отпишут, что он платил ясаку болши того, и мы к вам о том отпишем; а буде, господине, кондинцы ясачные люди Чатырка излюбят, чтоб ему с них на государя ясак збирати, и вам бы, господине, с кондинских с ясачных людей и ясак на государя збирать велети; а к государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русии о том, что ему велели мы быти в Пелымском уезде в Кондинской волости, мы писали ж.

ПФАРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 358 об. – 359 об. Публикуется впервые

№ 11. 1600, декабря 8. – Грамота царя Бориса Годунова в Пелым воеводе Тихону Траханиотову о сборе ясака с сибирских ясачных людей на 7109-й год

(С. 390) От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Пелымской город воеводе нашему Тихану Ивановичу Троханиотову да голове Петру Григорьевичу Вердеревскому. В прошлом во 108-м году пожаловали есмя для своего царского венца и многолетново здравья и для сына своего царевича князя Федора Борисовича всеа Русии многолетново здравья, со всее Сибирские земли на 108-й год ясаку имати не велели, а на нынешней на 109-й год и вперед указали есмя со всее Сибирские земли имати ясак на нас по прежнему. А которые будет ясачные люди стары, или чем увечены и слепы, или больны и лесовати¹ им не мочно, и с тех с ясачных людей, с старых и с увечных и з больных, нашего ясаку имати есмя не велели, на ком будет взять не мочно. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас для нашего ясаку выбрали из служивых людей, из детей боярских², и из литвы³, и ис казаков, и из стрельцов, сколько человек пригоже, лутчих людей, и привели

26. Остяк. Фрагмент грамоты из книги: Witsen N.-G. *Noord en Oost Tartarye...* Amsterdam, 1692

¹ В. И. Шуйскому (1606–1610 гг.).

¹ Охотиться.

² Дети боярские – высшая категория сибирских служивых людей.

³ Здесь – служилые люди «литовского списка», сформированные из пленных и перешедших на русскую службу выходцев из Литвы, Польши и Украины.

их к нашему хрестному целованию на том, что им Пелымсково уезда с ясачных князьков, и с остяков, и с вагуличь на нынешней на 109-й год наш ясак, соболи, и лисицы, и куницы, и бобры, и белку, и горноста, збирати по ясачным книгам сполна, а мелочи худые, доскутишков собольих, и куньих, и бобровых, и белых не имали, и корысти себе ни в чем не чинили, и с собою по городком и по волостем никаких товаров не возити, и с ясачными людьми не торговати ничем, и нашего ясаку не обменяти: лутчих соболей, и куниц, и лисиц, и бобров, и белки, и горностаев себе не имати, а своих худых соболей, и бобров и всякие мелкие мягкие рухляди не класти; каков ясак учнут у ясачных людей имати, таков бы к вам на Пелым в нашу казну привозити. А приведши к нашему крестному целованию, розослалы бы есте ясатчиков в Пелымской уезд для нашего ясаку не издержав. А збирая наш ясак, велели привозити на Пелым. А за ясаком за счетом велели бы есте ясатчиком приводити с собою из волостей по человеку и по 2 лутчих людей и их роспрашивали, таков ли ясак с них имали, и нет ли им от ясатчиков какие продажи и убытков и безчестья; да на кого учнут сказывать и бити челом, и вы б на них в тот час им управу давали, и наказанье им чинили по нашему указу. А которые будут ясачные люди из городков и из волостей лутчие люди, князьки, и мурзы, и тотаровя, и остяки, и вагуличи, учнут к вам приходя бити челом, чтоб вы к ним наших ясатников для нашего ясаку не посылали, а привозити б им наш ясак на Пелым самим, и вы б им то давали на волю, и по наш ясак в те городки и в волости ясатчиков не посылали, а велели им наш ясак привозити на срок, на который им (С. 391) срок вы укажете, безпереводно, не замешкивая, кому мочно верить, и о том им приказывали, чтоб они наш ясак збирали неоплошно и сами не корыстовались и не таили. А будет которые ясачные люди учнут к вам приходя бити челом, что им всего нашего ясаку нынешнево году заплатити вскоре не мочно, и вы б тем ясачным людям давали сроку, смотря по тамошному делу, как им мочно тот ясак заплатить, да и в книги б есте тое доимку писали подлинно. А как князьки, и остяки, и вагуличи с нашим ясаком учнут к вам на Пелым приходить, и вы б у них велели наш ясак имати целовальником при себе, и клали в нашу казну и держали за своими печатями. А которые князьки, и мурзы, и лутчие люди учнут за ясаком приходить и учнут к вам для нашего царского величества и для сына нашего царевича князя Федора Борисовича всеа Руси поминки⁴ носить, и вы б у них те их поминки имали, и клали в нашу казну, и велели писати в ясачные книги подлинно порознь, по статьям, а с ясачною казною тех поминков не мешали, а сами б есте ясачных людей в своих поминках за посмех не продавали: которые принесут, у тех имали и клали в нашу казну, а которые не принесут, и вы б на них сами не просили, чтоб им в том продажи⁵ не было. А как ясатчиков учнете для нашего ясаку посылати, и вы б за ними и против их встречу посылали детей боярских, кому б мочно верить, и велели у них товаров всяких и мягкие рухляди обыскивати. Да будет у ково что какова товару и мягкие рухляди найдут, и вы б у них те товары и мягкую рухлять велели имати в нашу казну, а их ясатчиков велели за то бити кнутьем или батоги⁶, смотря по вине, кто до чего по сыску дойдет, а бив их велели сажати в тюрьму на время, на колько пригоже, смотря по вине ж. А которые будут ясачные люди больны или стары и увечны и платити будет им нашего ясаку нечим, и вы б на тех людех, сыскивая про них допряма, нашего ясаку имати с них не велели, чтоб сибирским людям нужи и отгони не было; а вперед которые выздоровеют и розживутца, и вы б с тех велели наш ясак имати

⁴ Подарки пушнинаю сверх ясака.

⁵ Т. е. вымогательства.

⁶ Палками.

27. Взимание дани в Сибири соболями, привоз их в Москву и принесение к царю. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVII в.

по прежнему. А одноплично б есте ясатчиком приказывали накрепко, чтоб оне наш ясак, соболи, и лисицы, и куницы, и бобры, и белки, и горноста, имали добрые, а худые мелочи некоторые не имали. И посулов⁷ бы и поминков себе со князьков, и с остяков, и с вагуличь по тому ж не имали, и в ясаках по посулом сроков не давали, и с собою б по городком и по волостем товаров никаких не возили, и с ясачными людьми не торговали, и нашего ясаку не обменяли, лутчих соболей, и куниц, и лисиц, и бобров, и белки, и горностаев себе не имали, а своих худых соболей, и лисиц, и бобров, и всякие мелкие мягкие рухляди не клали, каков ясак у ясачных людей учнут имати, таков бы на Пелым к вам в нашу казну и привозили. И сибирских бы есте всяких ясачных людей велели беречи, и ласку и привет к ним держали, и их нечем не жесточили, и русские б люди их ни в чем не обидили, и не продавали⁸, и насильства никотораго не чинили. А что наши ясачные казны в год зберетца и что к вам для нашего царского величества и для сына нашего царевича князя Федора Борисовича всеа Руси принесут поминков, и вы тое нашу ясачную и поминочную казну присылали к нам к Москве. А для береженья и за отчетом посылалы б есте с тою нашею с яса (С. 392)чною казною детей боярских, и казаков, и стрельцов, сколько человек будет пригоже, многих людей вдрут⁹, а не порознь, чтоб нашей казне в прогонах¹⁰ убытка,

⁷ Посул - взятка.

⁸ Здесь - не занимались вымогательством, не обманывали.

⁹ Разом, одновременно.
¹⁰ Т. е. в оплате проезда.

¹¹ Т. е. христианам.

¹² Т. е. обид.

¹³ Япанчин – старое название
Туринского острога.

¹⁴ Федор Янов – письменный
голова.

а крестьяном¹¹ тесноты¹² не было, не так бы, как у вас было наперед сего посылки частные, из одного города одним местом десять посылаете, нашей казне в том убыток делаете, а земле продажу в том и тесноту делает. Писан в Москве лета 7109-го декабря в 8 день.

На обороте: Дьяк Офонасей Власьев. – В Пелымской город воеводе нашему Тихону Ивановичу Траханиотову да голове Петру Григорьевичу Вердеревскому. – 109-го году генваря во 2 день привез государеву грамоту пелымской стрелец Данко Кадоулов с Япанчина¹³ от Федора от Янова¹⁴.

*Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.
Приложения. С. 390–392 (№ 39)*

№ 12. 1604, января 11. – Грамота царя Бориса Годунова в Березов воеводе князю Федору Татеву о бережении князя Михаила Алачева и его людей от нападений пелымских остяков

(С. 410) От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему князю Федору Ондреевичу Татеву да голове Юрью Игнатьевичу Кобякову. Бил нам челом Березова города новокрещен¹ князь Михайло князь Игичеев сын Алачев Пелымского уезда на кондинских остяков на Елека, да на Еска, да на Курманака с товарищи а сказал: наперед сего отец их князь Игичей по нашему указу послан был с нашими воеводами и служилыми людьми на нашу службу в Конду воевать и наших непослушников и изменников приводит под нашу царскую высокую руку, и они деи, рнясь² тому, бьют нам челом на него, и емлют наши грамоты ложно, и за тех убитых людей, которых отец их с служилыми нашими людьми побил, ищут поголовщины³; да они ж деи похваляются на них приходить войною и его и людей его побивать на смерть; и нам бы его пожаловати, велети от тех пелымских остяков от насильства и ото всякие обиды беречи. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б князя Михайла князь Игичеева сына Алачева и его людей велели беречи, чтоб ему и его людям от пелымских остяков от Елека с товарищи и от иного ни от ково тесноты и насильства некоторого не было. А которые будут остяки по нашим грамотам учнут на нем чего искать, и вы б их судили и сыскивали всякими сыски накрепко. А будет кто ему князю Михайлу и его людям какое насильство и обиду учинит, и вы б, про то сыскав накрепко, тем людям чинили наказанье, смотря по тамошному делу, чтоб в них самовольства не было, а шатости б на них не навести ж. Писан на Москве лета 7112-го году генваря в 11 день.

*Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.
Приложения. С. 410 (№ 53)*

¹ Принявший христианство,
крещеный.

² Злобась.

³ Т. е. кровной мести.

№ 13. 1606, не ранее июня 21. – Отписка тобольского воеводы князя Романа Троекурова пелымскому воеводе Ивану Годунову о «шатости» в Кондинской и Назымской волостях и о мерах к подавлению движения среди остяков

(С. 193) Господину Ивану Михайловичу да Петру Даниловичу¹ Роман Троекуров челом бьет. В нынешнем, господине, в 114-м году июня в 21 день слух нас дошел, что остяцкой князец Оксеит Бояров² да с ним пелымские Кондинские волости ясашные люди да Назымские волости ясачной остяк Амазык Григорьев собираются, а хотят итти воевати князь Ивана да князь Михаила Игичеевых детей Алачева; и собралось де их с триста человек. И мы, господине, в Тобольску остяцкого князца Оксеита про то спрашивали накрепко, и он в распросе нам сказал, что он с кондинцы не мышливал, шатости в его волости нет некоторые, Пелымского уезда Кондинские волости во всех ясачных людех шатость великая, а собираются де они и хотят приходить скопом и воевать князь Ивана да князь Михаила Алачевых, и хотят пришедши (С. 194) к их Котскому городку, побити их до смерти за то, что они емлют с них ясак; и ныне де князь Иван и князь Михайло сидят от тех пелымских ясачных людей у себя в городке в осаде. И будет, господине, Кондинские волости в ясачных людях шатость, а вам то ведомо, а к нам о том не пишете, и то делается негораздо, и вы б, господине, к нам о том о всем против сея грамоты в Тоболеск отписали тотчас подлинно с резвым гонцом. А будет вам по ся места про то неведомо, и вы б, господине, тотчас в тое в Кондинскую волость послали с Пелыми служивых людей, кого пригож, и велели тое Кондинские волости лутчим 5-ти или 6-ти человеком быти у себя на Пелым и про то их распросити накрепко: дали они государю шерть³, что им не изменити и не собираться ратью, воевати ни на кого не приходити; а в ком почаят шатость, и им было тех людей приводит к вам в Пелым, и от кого из них именем и за что в Кондинской волости в ясачных людях шатость учинилась, и за что хотят воевати князь Ивана да князь Михаила Игичеевых, какая им от них теснота и обида, и они бы о том били челом государю, а воевать бы не собирались не на кого; а в ком почаят шатость, и они б тех людей имая, приводили к вам, и государь тех, кто изменников приведет, пожалует великим своим жалованьем; и они б ныне про ту шатость принесли свою вину ко государю сами, а государь их пожалует, ту вину отдаст⁴. Да что, господине, они вам про то в распросе скажут, коим обычаем, и от кого именем, и за что у них в людех шатость учинилась, и вы б, господине, то велели записать перед собою да о том отписали к нам вскоре, не мешкая ни часу с кем будет пригоже и велели ему ехать в Тоболеск днем и ночью. А от кого в Кондинской волости пущая шатость учинилась, и вы б тех с Пелыми до государева указу не отпускали, и кормец велели давать им, чем мочно им сытым быть. А достальных ясачных людей человек дву или трех, которые б в той волости были знатни и ясачные б люди их слушали, послали бы естя в Кондинскую волость да с ними же послали пелымских служивых людей с толмачем⁵ человек трех или четырех и приказали им говорити Кондинские волости ясачным людям о том накрепко, чтобы они шли все по домам, по юртом своим, а воевати ни на кого самовольством не собирались, и никто ни на кого не приходили, и шатости и смуты никакие в людях не чинили; а от кого им учинится насильство в их вотчинных угодьях и в звериных добычах, или иная какая теснота и обиды, и они бы на тех людей били челом и

¹ Письменный голова
П. Д. Исленьев.

² Сын иртышского князца
Бояра, первым присягнувшего
Ермаку.

³ Присягу.

⁴ Простит.

⁵ Толмач – переводчик.

⁵⁵ Димитрий I; 17 мая 1606 г. был свергнут и убит, о чем в Сибири еще не знали.

шли бы к вам в город на Пелым, и государь царь и великий князь Димитрий Иванович⁵⁶ всея Руси велит им с теми людьми в насильствах и в обидах свой царский указ учинити. Да и иными бы есте всякими делы велели в Кондинской волости и в иных волостях, которые платят на Пелым, шатости проведати. А что у вас после того объявили войну от тех ясачных и от служивых людей, которых пошлете к ясачным людям, и вы б о том то тому же в Тоболеск отписали тотчас.

Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. Приложения. С. 193–194 (№ 55)

Рис. 28. Подача челобитной. Рисунок XVII в.

№ 14. 1608, апреля 3. – Грамота в Пелым воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву об ясаке с пелымских ясачных людей

(С. 205) От царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси в Сибирь, в Пелымской город, воеводам нашим Ивану Михайловичу Годунову да Петру Даниловичу Исленьеву. Били нам челом Пелымского уезда ясачные вагуличи Коротайко Исаков, да Сармамет Манчиков да Конды Большие Курманак мурза Тонаев и во всех товарищей своих место Пелымского города и Конды Большие и Меньшие ясачных людей, а сказали: прежде сево положен на них наш ясак тяжело, а платили де они нашего ясаку со всех волостей и с Конды Большие и с Меньшие с 526 человек по 69 сороков и по одному соболю да поклонных⁵⁷ по шти⁵⁸ сороков и по 10 соболей, и всего платили де они нашего ясаку и с поклонными соболями по 75 сороков и по 11 соболей сполна, а нынеча де нашего ясаку по прежнему окладу платить вперед нечем, зверя стало мало, потому что место обрусело, и нынеча де им в нашем ясаке чинится нужда великая, и нам бы их пожаловати для их нужи велети в нашем ясаке пол[ь]готить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Пелым(С. 206)ского уезда и Конды Большие и Конды Меньшие со всех ясач-

⁵⁷ Бывшие «поминки» (см. № 11. С. 391), добавленные к ясаку.

⁵⁸ По шести.

ных людей, с татар и с вагулич, нашего ясаку велели имати вперед со всех по 7 соболей с человека; а в том нашем ясаке велели им верстаться самим, хто в которую статью пригодится, смотря по людям, и по животом и по промыслом. или с ними уговорилися, мочно ли им платити наш ясак против тобольских ясачных людей, против дву рублей с гривною⁵⁹ всякому человеку мягкой рухлядью, давати на ясак по 7 соболей со всякого человека, положи цену; да на чем с ними уговоритесь, и вы б о том подлинно отписали к нам к Москве и велели отписку отдать в приказе Казанского и Мещерского дворца. Писан на Москве лета 7116-го апреля в 3 день.

На обороте: Дьяк Алексей Шипилов. – Справил подьячий Ивашко Васильев.

Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941 Т. 2. Приложения. С. 205–206 (№ 73)

№ 15. 1609, августа 6. – Грамота в Пелым воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву об ясаке с пелымских ясачных людей

(С. 214) От царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси на Пелым воеводам нашим Ивану Михайловичу Годунову да Петру Даниловичу Исленьеву. В нынешнем в 117-м году октября в 8 день писали есте к нам, что по нашей грамоте велено вам Пелымского уезда и Конды Большие и Меньшие с ясачных людей, с татар и с вагулич, сказав им наше жалованное слово, имати вперед нашего ясаку со всех по 7 соболей с человека, а в том ясаке велено им верстаться⁶⁰ самим меж себя, кто в которую статью пригодится, смотря по людям, и по животом и по промыслам; и вы пелымским и кондинским татарам и вагуличам наше жалованное слово сказывали, и Пелымского уезда и Конды Большие и Меньшие ясачные татарове и вагуличи верстались меж себя сами и принесли к вам челобитные и верстальную именную роспись; а в росписи написано: в Пелымском уезде в ясачных волостях и в Конде в Большой и в Конде в Меньшей ясачных людей 555 человек, а ясаку на себя положили и с поклонными 66-ть сороков и 39 соболей. А наперед того было Пелымского уезда в ясачных волостях и в Конде в Большой и в Меньшой ясачных людей 535 человек, ясаку а с них по окладу было и с поклонными 75-ть сороков и 12-ть соболей. И по новому окладу убыло перед прежним окладом 8 сороков и 30 соболей, а людей прибыло 20 человек. И нам бы о всем о том велети указ свой учинити. А Пелымского уезда ясачных волостей и Конды Большой и Конды Меньшой татарове и вагуличи били нам челом, что они учинили себе оклад, как кому мочно вперед платити ясаку, с мурз и с сотников лутчих людей по 7 соболей, а с середних по шти и по 5 соболей, а с иных и по 4 и по 3 и по 2 и по одному соболю с человека; и нам бы их пожаловати, велети им наш ясак платити по тому их новому верстанию. И мы кондинских и Пелымского уезда ясачных людей пожаловали, велели с них наш ясак на нынешний на 117-й год для их нужи взяти по их новому верстанью и с поклонными 66 сороков 39 соболей; а вперед велели с них наш ясак имети по прежнему окладу по 75 сороков и по 20 соболей и с поклонными. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б послали в Пелымской уезд и в Конду Большую и в Меньшую в ясачные волости пелымских стрельцов, кого пригоже, а велели Пелымского уезда и кондинским князем и мурзам и сотникам

⁵⁹ Гривна – 10 копеек.

⁶⁰ Записывать.

лучшим людям с ясаком быти на Пелым из волости, по кольку человек пригож, да как они на Пелым приедут, и вы б им сказали наше царское жалованное слово, что мы великий государь их пелымских и кондинских ясачных людей (С. 215) пожаловали, ясак с них для их нужи велели взять на нынешней на 117-й год по их новому верстанью 66 сороков и 39 соболей и с поклонными; а вперед бы они пелымские и кондинские ясачные люди платили наш ясак по прежнему окладу, по 75-ти сороков и по 12-ти соболей и с поклонными; а в том ясаке поверстались меж себя сами изнова, смотря по людям, и по животам и по промыслам, кто в которую статью пригодится; а

29. Охота на пушного зверя на севере. Иллюстрация из книги Олая Магнуса, 1555 г.

сказав им наше царское жалованное слово, взяли б есте с них на нынешний на 117-й год нашего ясаку 66-ть сороков и 39-ть соболей и с поклонными; а взяв ясак, велели их накормить и напоить довольно, и отпустили б есте их по домам, не издержав; а вперед бы есте с пелымских и с кондинских с ясачных людей с татар и с остяков и с вагулич с 555 человек и с прибылыми имали нашего ясаку по прежнему окладу, по 75-ти сороков и по 12-ти соболей на год и с поклонными; а как Пелымского уезда и кондинские татарови и остяки и вагуличи в ясаке поверстаются и сколько в которой волости и в юртах ясачных людей имени и по кольку соболей кто именем на себя ясаку платит вперед положат, и вы б Пелымского уезда и кондинским ясачным людям по волостям и по юртам, где живут, велели сделать окладные книги, да о том отписали и окладные книги прислали с нам к Москве с нашею с ясачною казною вместе и велели отдати в приказе Казанского дворца. Писан на Москве лета 7117-го августа в 6 день.

На обороте: Дьяк Семейка Еуфимьев. – На Пелым воеводам нашим Ивану Михайловичу Годунову, Петру Даниловичу Истленеву. – 118-го году ноября в 14 день привез грамоту государеву на Пелым верхотурской стрелец Ларка Путников.

Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. Приложения. С. 214–215 (№ 86)

№ 16. 1609, не ранее июля 21. – Отписка тобольского воеводы князя Ивана Катыврева-Ростовского пелымскому воеводе Ивану Годунову о вестях, полученных из Березова, о движении среди остяков и о высылке в Березов кондинского князя Четыря

(С. 212) Господам Ивану Михайловичу, Петру Даниловичу Иван Катыврев-Ростовский челом бьет. В нынешнем в 117-м году июля в 21 день писали к нам в Тоболеск с Березова воеводы Степан Волынский, Юрий Стромиллов, что в нынешнем в 117-м году июня в 25 день посылали они на Сосву березовских казаков Тимошку Москвитянина, Левку Канкарова для недоборного ясаку; и принесли к ним те казаки стрелу, а на ней нарезано 11 шайтанов с рубсжи¹, а поперек шайтаны резаны, и железо² стрельное терто; а сказали им те казаки, что они тое стрелу взяли у котского остяка у Кочегомка; и оне тое стрелу казали служилым и торговым людям, и служивые и торговые люди сказали, что наперед всего такие стрелы ходили промеж остяков для измены; а остяк Кочегомко с пытки перед ними про измену сказал на княгиню Анну Игичееву³, да на деверя ее Чумейку да на брата ее на Гаврилку новокрещена: как они, княгиня Анна и Чумейко, ездили в Сургутский уезд, в Вах к своим остякам по ясак⁴, и из Сургута приехав на усть Иртыша к белогорским остякам к Таиру Самарову⁵ с товарищи, а тут с ними был сургутский остяк Неулко с братьею, и о измене они вместе тут договорились допряма, и княгиня и Чумейко поехали к себе в Коду; и по их измененному договору Неулко с братьею и белогорские остяки Таир с товарищи послал к ним тое изменную стрелу в Коду, ко княгине и к Чумейку и к Гаврилку, а на стреле нарезано 11-ть шайтанов с рубежи, и стрельное железо терто, и он тое стрелу в Коду к ним привез, и они с ним тое изменную стрелу послали к сосвинским остякам, велели ему с ними о измене договориться допряма. И тое стрелу березовские казаки у него взяли, привезли к ним на Березов. А Чумейко с пытки на себя и на княгиню Анну и на брата ее на Гаврилку и на Неулка с братьею и на Таира с товарищи в измене сказал же, что оне, едучи из Сургута, в юртах у Таира с товарищи о измене договорились; и с Коды княгиня и оне Чумейко и Гаврилко посылали зимусь на Обдор⁶ ко князьку Мамруку кодацкого остяка Тутуманка, чтоб он Мамрук с обдорскими остяки был с ними в одну измену готов; и князь Мамрук приехал к ним с тем же остяком и говорил им, что он со всеми обдорскими остяками и с самоедью⁷ с ними в думу готов; а прежде де им было убить князька Онжу Юрьева⁸, да на проезде побивать всяких русских людей и, собрався со всеми остяки, итти было им к Березов городу войною, как будут темны ночи. Да Чумейко ж с пытки говорил: как оне ехали из Сургута, и у Таира про измену договаривались, и в те поры ехал[и] на Березов Зимуль, тобольский юртовской татарин, Бекбаулы абыз⁹, да Деветкилдей, да Клеубердый с ними де тое изменную думу думали вместе; да абыз же сказывал им, что послал он с усть Конды кондинского князька Четыря в верх по Конде всю Кондинскую землю к остяком для измены¹⁰, и кондинские остяки все с ними войною под Тоболеск готовы; а того оне с абызом не договорились, о кою пору и в который день под Тоболеск им приходиться; а которые остяки на усть Иртыша живут близко, и те остяки с ними ж в одной изменной думе; а про сургутских остяков, которые живут вверх Сургута и про пелымских и про тюменских и про епанчинских татар про измену Чумейко не всдает. И тое изменную стрелу прислали к нам в Тоболеск. И вам бы, господа, те вести ведомы были. А по кондинского князька Четыря послали мы из Тобольска тоболь-

¹ Рубежи – «символическое изображение шайтанов в виде трех черточек, или «рубей»...» (С. В. Бахрушин. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 110).

² Наконечник стрелы.

³ Вдова кодского князя Ичигея Алачева.

⁴ Часть остяков по р. Вах, впадающей в Обь выше Сургута, платила ясак кодским князьям.

⁵ Князь одной из Белогорских волостей, сын «большого» князя Самара, убитого в 1583 г. ермаковцами.

⁶ Обдорская волость Березовского уезда в низовьях Оби.

⁷ Сненцами.

⁸ Двоюродный брат Ичигея Алачева.

⁹ Абыз – ученый, грамотный человек у мусульман.

¹⁰ Обвинения в адрес Четыря Досаева не подтвердились; кодские остяки, по его словам, были настроены по отношению к нему очень враждебно (см. № 10. 16а).

¹¹ Не найдет.

¹² Не задерживаясь.

ского пешего казака Иваша Барана а велели ему, того князька (С. 213) Четырять взяв, отвести на Березов и отдать воеводам для подлинного сыску и очной ставки. И будет Иванко Баран того князька Четырять не изъедет¹¹, и вам бы того князька велети сыскати а сыскав послати на Березов к воеводам с Иванком же с Бараном, не замочив¹², чтоб то их воровство скорее объявилось. А жили б есте с великим береженьем, и сторожи у вас были крепкие, и про шатость во всяких людей проведывая, писали к нам в Тоболеск.

На обороте: 117-го августа в 20 день привез из Тобольска грамоту на Пелым тобольский казак Ивашка Баран.

Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. Приложения. С. 212–213 (№ 84)

№ 16а. 1609 г. – Государева грамота пелымским воеводам об испомещении остяка Четырки по его челобитью в волости Большой Конде

(С. 73) От царя и в [еликого] к [нязя] Василия Ивановича в [сеа] Р [усии] в Сибирь в Пелымской город воеводам нашим Ивану Михайловичу Юдунову да Петру Даниловичу Исленьеву. Писали есте к нам, что прислали к вам на Пелым ис Тобольска воевода князь Роман Троекуров Березовскаго уезда Котцакого остяка Четырка, и Четырка подал вам челобитную, и вы по его челобитью велели ему жити до нашего указа в Пелымском уезде в Большой Конде в городке Картауже. А в челобитье остяка Четырка с сыном да брата его Мартынка написано. Жили де они наперед того в Большой Конде з братьею с Курманаком да с Елигом да с Ортюгою, и как де приходили з Березова голова Иван Змессв в Большую Конду войной, и они де в ту пору ис Конды Большой сошли и жили в Березовском уезде в волости в Конде, а ясаку платили по двадцать по два соболя. И котцкие де остяки хотели его, Четырка, убить. И нам бы его пожаловать, велети ему з братом и с сыном жити попрежнему в Пелымском уезде в Конде в Большой з братьею его с Курманаком вместе. (С. 74) И как к вам ся наша грамота придет, и вы б сослались з Березовскими воеводами и Пелымскаго уезда и Кондинскими вогуличи сыскали, те остяки Четырка с сыном и з братом Мартынком, в Березовском уезде в котором городке или волости жили и ясак на Березов платили и по кольку соболей с человека, и наперед того они березовские остяки или кондинские и с Конды для чего в Березовской уезд пришли и не за вину ли откуды присланы и отчего ныне из Березовскаго уезда сошли и измены их нам которые не было ль и за что их остяки хотели побити. Да будет те остяки преж того жили в Конде, а в Березовской уезд сошли собою, а не за вину сосланы, и измены их к нам на Пелыме и в Березове не было, и вы б тем остякам Чертыку Досаеву с сыном и брату Мартынку велели жити в Пелымском уезде в Конде в Большой з братьею его с Курман[ак]ом мурзою вместе, а нашему ясаку велели им платити в нашу казну на Пелым потому ж, что платили на Березов, по двадцати по два соболя на год, или по кольку пригоже, смотря по тамочному делу, как бы нашей казне было прибыльнее, и в окладочные в ясачные книги имяна их в котором городке или в волости учнут жити написали, да отписали б есте и сыск прислали (к нам) к Москве с сынами нашими делы и велели отдать в приказе Казанскаго Дворца. Писан на Москве лета 7117 года августа в 6 день.

На обороте: В Сибирь в Пелымской город воеводам нашим Ивану Михайловичу Юдунову, Петру Даниловичу Исленьеву. 118 году ноября в 14 день принес государеву грамоту на Пелым верхотурской стрелец Ларка Путников.

Публ. по: Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Материалы, изданные Императорским Обществом истории и древностей российских при Московском университете. М., 1914. Вып. 2: Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собрал и редактировал А. М. Гневушев. С. 73–74

№ 17. 1612, не ранее июля 12. – Отписка сургутского воеводы Ивана Благого нарымскому воеводе Мирону Хлопову о движении вогулов, остяков и татар к Пелымскому городу и о мерах, принятых для защиты последнего (Извлечение)

(С. 224) Господину Мирону Тимофеевичу Иван Благой челом бьет. В нынешнем, господине, 120-м году июля в... день писал ко мне из Тобольска князь Иван Катырев Ростовский, что писал с Пелыми в Тоболеск Петр Исленьев <...> Да июля в 12-й день писал в Тоболеск Петр Исленьев: по пыточным речам посылал он по волостям по иным ясачным людям; и которых привели ясачных людей, и они в распросе сказывают, что вишерские¹ вагуличи и лозвинские² Верхотурскаго уезда идут к Пелымскому городу, и Большая Конда и пелымских волостей вагуличи собираются в скоп, чтобы им быти в скопе всем вместе на Пелымской город, и из Конды к ним прислали сотника и лутчих людей говорить о том воровском умышленье и о совете. Да июля ж в 6 день сказал в распросе с пытки тахтанской вагулетин Енбахта, что пришел в Тахтанскую волость лозвинской вагулетин Рубек от вишерцев с вестью, что вишерцы и лозвинцы собрався все больше двухсот человек дорогу прочищать к Пелымскому городу, а ходу де тоюю дорогою к Пелымскому городу три дня, и пришел де им на Пелымку реку, схо (С. 225) диться с кондинцы и со всею землею, и из пелымских из всех волостей идти к ним же в скоп, а срок положен у них, как прийти к Пелымскому городу, от того числа три дня; а на том де у них у всех положено и утверженье и совет меж себя у всех земель, что из иных которая волость которые земли вогуличи и остяки не пойдут, и им де те волости самим меж себя воевать и побивать тех вагулич; и они де для того приговору меж себя идут все за один всеми землями Пелымской город воевать. И он де Петр на Пелыме на посаде половину посадских дворов велел сломати и острогу велел убавити, потому что острогу осадити не кем, всех на Пелыме служивых жилецких, пашенных и ярыжных³ человек со сто, а оружия не у кого, опроче служивых людей, нет. И мне бы про те вести ведомо было, и жил бы с великим береженьем и караулы были крепкие, и в остяках шатости велеть проведывать всякими мерами тайно всякими людьми. Да в Томский город и в острог про те вести велети бы отписати вскоре, чтоб вы жили так же с великим береженьем. И тебе бы, господине, с сей отписки велети списать отписку и послать в Кетской острог к Григорию Елизарову.

Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. Приложения. С. 224–225 (№ 103)

¹ Т. е. живущие на р. Вишера, притоке Камы, в Приуралье.
² Т. е. жители дер. Ясачной Лозвинской волости.

³ Здесь – наемных работников.

№ 18. 1617, не позднее 31 августа. – Отписка пелымских воевод Ивана Вельяминова и Григория Орлова в Москву, что с Большой и Меньшей Конды и с Леушской волости собирается ясак не «по именам», а по волости в целом, и что за 1614–1617 гг. ясак полностью с них не собран

^а Исправлено, в рукописи – Юрлов.

(Л. 373) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси холопи твои Ивашко Вельяминов, Гришка Орлов^а челом бьют. По твоему государеву указу велено нам, холопом твоим, збирать твой государев ясак с Пелымские земли и з Большие Конды, и Меньшие Конды (Л. 373 об.) и с

30. Ясачный. Реконструкция
А. Богданова

Леушские волости. И мы, государь, холопи твои твой государев ясак збираем с пелымских волостей по-прежнему по ясачным книгам с пелымских вагуличь их оклад по имянном; а з Большие Конды, государь, збирается твой государев ясак не по имянном их оклад, на год твоего государева ясаку и с поклонным 33 сороки; а с Меньшие Конды, государь, збираетца твой государев ясак не по имянном – оклад их на год по 5 сороков по 20 соболей и с поклонным; а с Леушские волости, государь, збирался твой государев ясак преж сего оклад по 4 сороки по 20 соболей и с поклонными на год. И з Большие, государь, Конды на прошлой 124 год не собрано твоего государева ясаку полной их оклад, оприч поклонново, 32^б сороки, а в Меньшой Конде, государь, не собрано твоего государева ясаку прошлаго 124 году 5 сороков 5 соболей, да с Леушские волости, государь, не собрано твоего государева ясаку прошлаго 123 году 2 сороки 18 соболей, да 124 году не собрано полной их оклад 4 сороки потому, что, государь, в Большой Конде и в Меньшой Конде и в Леушской волости мурзы и лучшие люди многие померли, которые, государь, твой государев ясак платили за многих твоих государевых ясачных молочших людей. Да на нынешней, государь, 125 год надобно твоего государева ясаку з Большой Конды тридцет три сороки и с поклонным. И всего, государь, з Большие Конды твоего государева ясаку надобно прошлаго и нынешняго 65 со-

^б Исправлено, в рукописи – 35.

роков и с поклонным сороком, а с Меньшие Конды, государь, (Л. 374) надобно твоего государева ясаку прошлого и с нынешнего 10 сороков 25 соболей, да с Леушские волости, государь, твоего государева ясаку прошлого 123 году и 124 году, и нынешнего 125 году 10 сороков 38 соболей. И тово, государь, твоего государева полново ясаку и прошлых годов нам, холопом твоим, собрать не с ково, потому что в тех волостех многие лучшие ясачные люди померли. И впредь, государь, нам, холопом твоим^в, о твоем^г государеве ясаке что велишь свой царской указ учинити, как нам, холопом твоим, твой, государь, ясак выбирать з Большие Конды и с^д Меньшие Конды^е и с Леушинские волости, и как с пелымских волостей збираетца твой государев ясак. А по имянам, государь, мы, холопи твои, в Большой и в Меньшой Конде и в Леушинской волости обложить твоим государевым ясаком твоих государевых ясачных людей без твоего государева указу не смеем.

Публ. по: ПФАРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 373–374. Публикуется впервые.

№ 19. 1618, не ранее октября 2. – Отписка в Москву пелымских воевод Ивана Вельяминова и Григория Орлова о принесении верхкондинскими вогулами человека в жертву у лиственницы

(Л. 381 об.) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси холопи твои Иванко Вельяминов, Гришка Орлов челом бьют. В нынешнем, государь, в 127 году сентября в 26 день приходили, государь, на Пелым Пелымского уезда верхкондинские вагуличи Нуксийко Кванин да Ебелко, да [Е?]кумка и нас, холопей твоих, докладывали, чтоб им по своей бусурманской вере молит человека у лиственниц. И мы, государь, холопи твои, тем верхкондинским вагуличам Ебелку с товарищи отказали и человека им молит у лиственниц, убив, не велели. И в нынешнем, государь, во 127 году октября в 2 день извещал нам, холопом твоим, в съезжей избе пелымской стрелец Жданко Насонов и сказал, что те верхкондинские вагуличи Ебелко с товарищи малово убили и у листвиници молили в юртах, отшед от города; и мы, государь, холопи твои по твоему государеву указу про то дело сыскивали допряма пелымскими вагуличи. И пелымские, государь, вагуличи нам холопам твоим сказали – Янкилдейко с товарищи, – что те верхкондинские вагуличи Ебелко с товарищи нас, холопей твоих, не послушали и малово убили и у лиственици молили. И о тех, государь, верхкондинских вагуличах в их непослушанье, что велишь свой царский указ учинити?

Публ. по: ПФАРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 381 об. Публикуется впервые

№ 20. 1618, ранее декабря 2. – Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина пелымским воеводам Ивану Вельяминову и Григорию Орлову об «измене» сургутских остяков

(С. 247) Господам Ивану Яковлевичу, Григорию Никитичю Иван Куракин челом бьет. Писали вы в Тоболеск, что присылал к вам ис Конды ясачной

^в Исправлено, в рукописи – своим.

^г Исправлено, в рукописи – своим.

^{д-е} Написано дважды.

¹ Встретил.

² Потомки князя Бардака, во владениях которого был основан в 1594 г. Сургут.
³ Ф. В. Боборыкин – томский воевода в 1616–1620 гг.

⁴ Сохраняют верность.

⁵ Добьют челом – станут покорными.

мурза Артюка Агаев вагулетина Кулаха, что ходил де он Кулах в Березовский уезд и съехал¹ де его на Иртыше березовской казак, а говорил ему: поедь де ты на Пелымь, скажи: заворовались де государевы сургутские остяки ясачные, казымцы и нарымской князек Дона со всеми своими людьми, а убили де на Обе выше Сургута воеводу, который ехал в Томской город, и многих де служивых людей побили; да того ж де числа были на Пелыми Малые Конды вагуличи Дылей Кормод и сказывал де вам те ж вести, что побили на Обе русских людей человек с 60, и стоят де ныне в собранье 1900 человек и хотят идти к Сургуту, а им де те вести ведомы с Оби; и нам бы о том к вам отписать, есть ли в Тобольску те вести ведомы. И в Тобольску, господа, про сургутских остяков про измену ведомо, что сее осень заворовали сургутские остяки Бардакова родня² немногие люди, побили русских людей немногих, а Федор Боборыкин³ в Томск проехал, а никакого погрому над ним не было; а заворовали остяки за то, что от воевод была обида и насильство, да и за то, что посылали на них войною сургутских служивых людей до их же воровства, и служивые люди их не дошли, а жон их и детей от города в верстах в 20-ти и в 30-ти по юртам их в полон поимали и повезли в Сургут, и они для того заворовали; а заворовали немногие люди на Оби выше Сургута. Низовых волостей все большие люди по прежнему государю служат и прямят⁴ и, приходя в Тоболеск, бьют челом, что им и всем от воевод была обида и насильство великое, а воровать они не хотят; а тех де остяков, которые заворовали, они под государеву царскую высокую руку по прежнему приведут же или на них пойдут войною. И мы, господине, чаем того, что остяки, которые было заворовали, государю добьют челом⁵ вскоре. А что у нас вперед про те вести объявитца, и мы о том к вам отпишем. А вам бы, господа, покамест те вести поминаются, жити на Пелыме с великим береженьем, по городу и по острогу наряды ставити крепкие, а к вагуличам держати привет и ласку и береженье и шатости в них проводывати всякими мерами, а жесточи им никакие не чинить.

На обороте (другим почерком): 7127-го декабря 2.

Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. Приложения. С. 247 (№ 138)

№ 21. 1621, марта 27. – Отписка березовских воевод Ивана Писемского и Якова Демьянова пелымскому воеводе Ивану Зубатому о том, что они в Пелымский уезд служилых и торговых людей не отпускали

(Л. 402) Господину Ивану Федоровичу Иван Писемской, Яков Демьянов челом бьют. В нынешнем, господине, в 129-м году марта в 25 день писал ты к нам с пелымским казаком с Томилком Филиповым: посыланы были от тебя в Пелымской уезд в Конду для государева ясачново збору пелымские служилые люди Ивашко Неверов, Тренка Овдокимов [к] кондинскому князку Леуку и к ясачным людям. И ясачные зборщики Ивашко Неверов, Тренко Овдокимов да кондинской князек Леуско государева ясаку с ясачных людей не собрали де и вполы¹, а сказали тебе: просажают де з Березова в Пелымской уезд служилые и торговые люди с товары, и с пелымскими ясачными людьми преж государева ясаку торгуют, и потому оне государева ясаку с кондинских ясачных людей не собрали и вполы. И в нынешнем, господине, в 129-м году

¹ Половину.

з Березова мы в Пелымской уезд служилых и торговых людей с товары не отпускали ни одново человека, (Л. 402 об.) и те ясачные зборщики и князек сказали тебе ложно. А хто имянем служилых или торговых людей в Пелымском уезде торговали или вперед объявятца с торгом, и тебе, господине, на тех людей велети писать к нам имянно. А с сею отпискою отпустили мы к тебе пелымсково казака Томилка Филипова марта в 27 день.

Публ. по: ПФАРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 402–402 об. Публикуется впервые

№ 22. 1623, не ранее июля. – Отписка в Москву пелымского воеводы Ивана Вельяминова о построении нового Пелымского города и острога и о недостатке в Пелыме служилых людей, «наряда», зелья и свинца (Извлечение)

(С. 305) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холоп твой Ивашко Вельяминов челом бьет. Нынешнего, государь, 131-го году по твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указной грамоте, какова прислана на Пелымь в прошлом во 129-м году к воеводе Петру Вельяминову в Пелымский город, я холоп твой около посаду острог поставил совсем наготово; и город, государь, Пелымский и острог поставлен больше прежнего, потому что стоял прежний город на мокром месте, и я, холоп твой, городовую стену воздвигнул на сухое место. А служилых, государь, людей на Пелыме мало, Пелымсково города и острога держати некем, только, государь, на Пелыме служилых людей, ружников¹ и оброчников² 90 человек и те, государь, живут в россылке: с твоею государевою ясачною соболиною казною к тебе государю к Москве, и по волостям для твоего государева ясаку, и за твоею государевою пашнею в пристастве и для твоих государевых дел по городам. А вогулич, государь, в Пелымском уезде в Большой и в Меньшой Конде и в Леушской волости и в пелымских околородных волостех и в Табаринской волости по имяном, опричь захребетников, 590 человек <...>

Публ. по: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. Приложения. С. 305 (№ 257)

¹ Ружники получали содержание (ругу) от государства; обычно это было духовенство.

² Оброчники – платящие оброк горожане: посадские, или «жилецкие», люди.

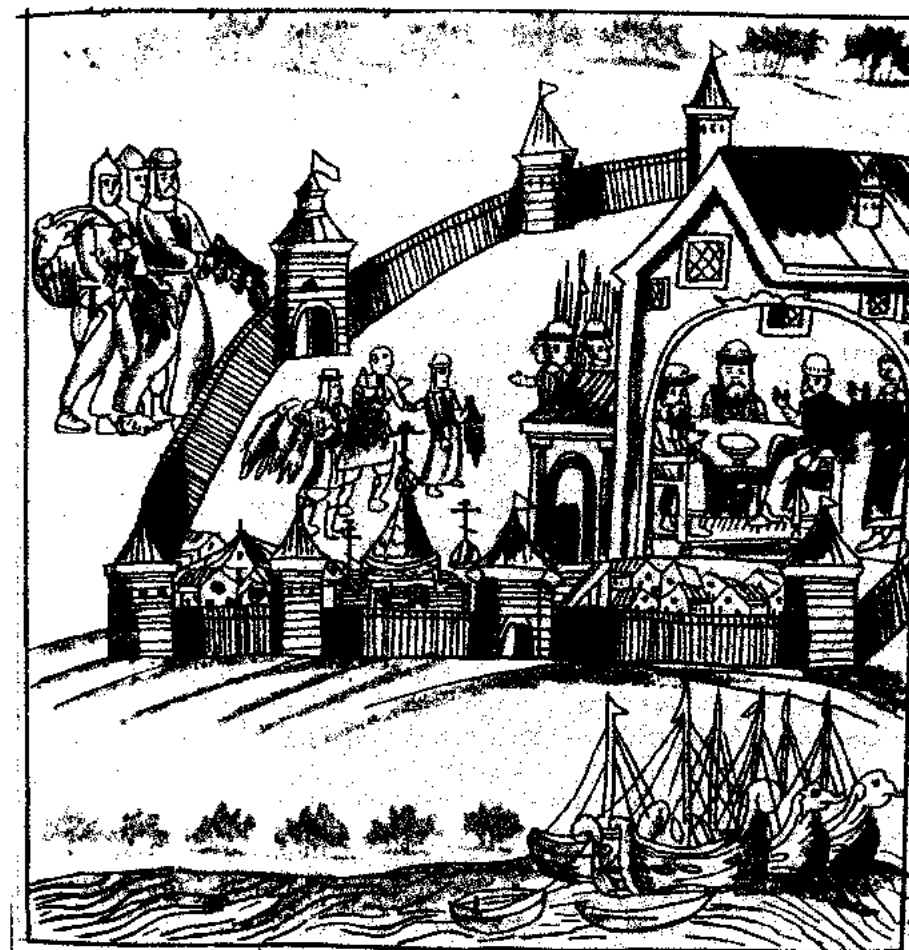
№ 23. Е. И. Баскаков в 1623–1625 годах служил воеводой в Кузнецке. Пребывание Евдокима (Овдокима) Баскакова пелымским воеводой в 1633–1635 годах закончилось сыском о его злоупотреблениях¹. Это интересное следственное дело из фонда Сибирского приказа в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве неоднократно использовалось еще С. В. Бахрушиным в нескольких работах. В частности, для описания процедуры сбора (в данном случае – сдачи. – *Авт.*) ясака: «Как приходил (мурза) Ортюка (Агаев. – *Авт.*) на Пелым с государевым ясаком в прошлом 142 (1634) г. после Крещения¹, и он, Овдоким велел ему с государевым ясаком быть в съезжей избе². И тот де Ортюка принес в съезжую избу треть государева ясаку... И в те поры учал он, Овдоким, им, кондинским мурзам и вагуличам, в съезжей избе вино подносить, и, поднесчи вином, из приказа из съезжей избы пошел к себе на подворье, а после себя приказал мурз и вагулич кормить сыну боярскому Костентину Албычеву да целовальнику Калинке Вискунову»². Цитата эта подтверждает, что мурзы и «лучшие люди» сами собирали ясак в Большой Конде и доставляли его в уездный город, где сдача ясака сопровождалась угощением со стороны местной администрации.

Для публикации выбран фрагмент допросов кондинских ясачных о торговле у них в юртах товарами, принадлежащими Баскакову. Подобная скупка пушнины «на себя» воеводам и служилым – ясачным сборщикам – категорически запрещалась; на встречу последним по возвращении их из ясачных волостей предписывалось даже посылать «детей боярских, кому б мочно верити» и обыскивать сборщиков (см. № 11. С. 391).

Соболи «добрые» и чернобурые лисы, которые также фигурируют в документе, подлежали сдаче или продаже исключительно в казну.

Описанное в документе частое появление в кондинских волостях при Баскакове пелымских служилых «для государева недоборново ясаку» (вопреки сложившейся практике сбора здесь ясака самими мурзами и сотниками), заодно привозивших воеводские товары, связано, возможно, с образовавшейся у кондинцев недоимкой в платеже податей. Известно, что с 1630 г. по 1631 г. в Большой Конде умерли от голода 27 плательщиков ясака. В 1631 г. «подгородные» пелымские волости уплатили за голодающих вогулов Леушей и Большой Конды 117 соболей и 220 белок (20 белок за соболя). Все это вогулы Конды и Леушей затем должны были вернуть³.

Публикуемый документ свидетельствует о широкой вовлеченности коренного населения Конды в товарообмен (показания дали свыше 190 человек, участвовавших в сделках) и интенсивном проникновении в его среду русских и иностранных товаров: одежды, тканей и т. п.

31. Русский город в Сибири. Сбор ясака. Рисунок рубежа XVII–XVIII вв.

Особую ценность публикуемому документу придает то, что показания вогулов в нем заверены их тамгами, или, как их называли русские, знаменами, – личными и родовыми знаками-символами, заменявшими в дописанных обществах подпись. Для среднего и нижнего течения Конды это самые ранние и единственно достоверные тамги местных манси⁴ (рис. 32 и 35). Перед нами, без всяких «кавычек», – настоящие древнейшие автографы кондинцев. Листы с записью показаний ясачных склеивались один за другим так, что получался свиток (в делопроизводстве XVII в. его называли столбец). А на чистой обратной стороне кондинские вогулы, видимо, собственноручно рисовали свои тамги.

№ 24. Из таможенных книг Пелыма с 1 сентября 1675 года по январь 1679 года взяты все имеющиеся в них упоминания о сделках с верхкондинскими и кондинскими вогулами (Больше-Кондинская волость; основная часть среднего течения и нижнее течение Конды относились в это время к Тобольскому уезду: Леуши, Юконда и Конда Меньшая). По таможенным книгам кондинцы приобретали только лошадей и ячмень – за деньги или меха. Однако это явно лишь «вершина айсберга». Большая часть мехов, надо полагать, обменивалась на необходимые товары (ткани, одежду, обувь и др.)

¹ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век.) Екатеринбург, 1998. С. 88.

¹ 6 января по старому стилю.
² Съезжая изба – уездная воеводская канцелярия.

³ Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 73–74.

⁴ См.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 30.

⁴ См.: Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. С. 44–51.

непосредственно в ясачных волостях. Откуда же тогда в Пельме с завидным постоянством появляются, например, тобольские стрельцы, причем одни и те же: Степка Горохов, Андрюшка Федотов и другие (см. № 24. С. 92, 105, 108 и др.) – с большими партиями пушнины, среднеазиатскими и русскими товарами (остатками, не распроданными в вогульских «юртах»)? Судя по всему, до Пельма они в большинстве случаев добирались от Тобольска не вверх по Тавде, а через нижнее и среднее течение Конды, осуществляя по пути обменные операции с ясачным населением. Постоянные торговые партнеры, хотя и меньшего масштаба, имелись, как явствует из таможенных записей, у кондинских манси из числа пельмских служилых, которые не только сбывали приобретенные у ясачных меха приезжим торговым людям, но сами вывозили небольшие партии пушнины. В связи с вышесказанным, на наш взгляд, нуждаются в уточнении оценки И. Р. Соколовского, сделанные им в предпосланной публикации пельмских таможенных книг статье о том, что «объем принудительно отчужденного труда для «вогульского» населения... колебался от 75 % до 80 % всего товарного труда»⁵. Данные эти представляются в целом значительно завышенными.

Что касается содержания публикуемых здесь извлечений из таможенных книг Пельма, то «десятая пошлина» – это основная для всех городов Сибири пошлина в размере 10 % от стоимости, которой облагались товары всех видов и предназначенные на «товарную покупку» деньги. «Головщина» с ясыря (пленника), в данном случае – «девки дворовой» (С. 98), составляла 25 коп. При сделках со скотом (лошадьми) на деньги продавец платил порубльвую пошлину (в публикуемых документах просто «пошлина») в размере 5 % от стоимости, а покупатель («купец») – «пошерсное» в один алтын (3 коп.) «Померная пошлина» применялась к хлебу в зерне. Но если в Тюмени она в это время составляла 0,5 % от стоимости и была самой легкой⁶, то в Пельме – 5 %. Для сравнения: «А которые всяких чинов люди ж учнут продавать хлеб своей пахоты, и с того хлеба с продажной цены имать пошлина по десяти денег (5 коп.) с рубля»⁷, – говорится в наказе приказчику Аятской слободы Верхотурского уезда. Пересчеты со стоимости «пайвы»⁸ ячменя в мехах на деньги (при том, что пушнина на практике стоила вдвое дороже ее денежной оценки), которые здесь опускаются, позволяют полагать, что эта специфическая местная мера объема вмещала примерно 2 пуда зерна. Ячмень, как мы видим из данного источника, во второй половине XVII века уже довольно широко проникал в пищевой рацион аборигенного населения Конды. «Печатная» пошлина применялась к вывозимым деньгам: 0,5 % от суммы («по деньге с рубля»).

В отношении частых покупок кондинцами лошадей важно отметить, что последние использовались не только для пищевых и, особенно, транспортных целей – доставки в вогульские юрты ячменя и, вероятно, других приобретенных в городе товаров, но и для жертвоприношений (мясо жертвенных лошадей также, в большинстве, шло в пищу). Поскольку окрещены кондинские манси были во втором десятилетии XVIII столетия (см. № 27), до этого же христианами из них становились лишь единицы (вроде не раз названного в публикуемых таможенных книгах князя Семена, до крещения – Кынчи, потомка младшего сына Ортюги (Артюги) последнего князя независимого Кондинского княжества Агая; см. также **Введение**), не раз упоминаемый в данном источнике верхкондинский и кондинский «пономари» – не церковнослужители православных храмов. Это – служители языческих куль-

тов, шаманы с Конды. Весьма характерно частое приобретение ими, как и другими кондинцами, не взрослых лошадей, а жеребят и лоншаков (годовалых коней), для транспортных целей непригодных и предназначенных, очевидно, для принесения в жертву.

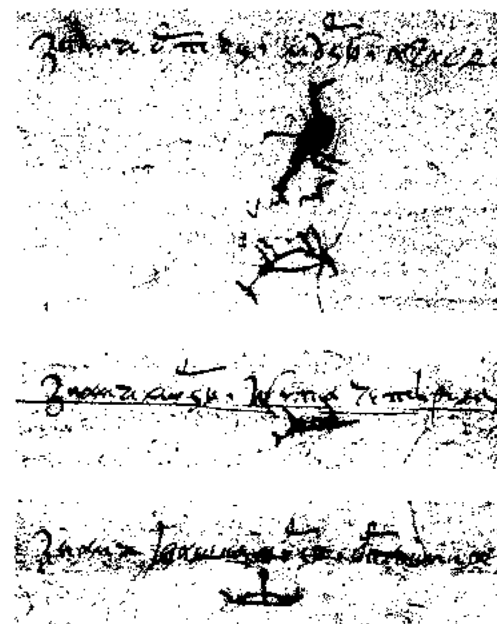
Извлечения из Рospиси Сибирских городов 1684 года (№ 25) и Ведомости сибирских городов 1701 года (№ 26) дают представление о составе пельмского гарнизона, распределении обязанностей между служилыми людьми, артиллерийском вооружении и боезапасе крепости, внешнем виде ее укреплений в конце XVII – самом начале XVIII века. На «Чертеже земли Пе-

⁵ Соколовский И. Р. Пельм – малый сибирский город XVII в. // Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 2001. Вып. 4: Тюмень, Пельм. С. 93.

⁶ См.: Курдюков В. Н. Таможенная книга Тюмени как зеркало хозяйственной жизни и быта сибирского города // Там же. С. 12–14.

⁷ Шишонко В. Пермская летопись с 1263–1881 г. Пермь, 1885. 5-й период. Ч. 1: 1682–1694 г. С. 148.

⁸ Пайва – коробка, корзина из бересты, лыка; слово это из мансийского языка заимствовано уральскими и сибирскими русскими диалектами.

32. Тамги кондинских муз
О. Агаева, И. Четырфева,
И. Ортогина. 1635 г.

лымского города» С. У. Ремезова мы имеем возможность увидеть облик Пельма, современный описанию 1701 года (рис. 39). В Ведомости 1701 года обращает внимание огромная недоимка по ясаку, накопившаяся за 72 года: с 1628 года она в пересчете составила около 25 годовых ясачных окладов 1700 года. Поэтому можно полагать следующее: в случаях недоплаты дани ясачным населением власти зачастую удовлетворялись тем, что «довелось взять», и особо не усердствовали в выбивании недоимок. При публикации № 25 в документе сохранены сокращения, включая пропуски, которые наличествовали при первом его издании В. Шишонко в 1885 году.

№ 27. Григорий Новицкий – сын украинского казачьего полковника. Окончил Могилянскую академию в Киеве, получил чин казачьего полковника и женился на сестре Г. Орлика – генерального писаря гетмана Левобережной Украины И. Мазепы. После измены Мазепы и перехода его на сторону шведов Новицкий назначен резидентом (представителем Мазепы) при великом коронном гетмане (главнокомандующем польскими войсками) Сенявском (Синявском). После Полтавы Новицкий попал в плен и написал покаянное письмо Петру I. Он был прощен, но в 1712 году сослан с другими 15 казаками в Сибирь. В Тобольске он нашел поддержку у бывшего митрополита Филофея (Лещинского), с 1709 года схимонаха Феодора, и сибирского

губернатора князя М. П. Гагарина. В 1712–1715 годах участвовал в миссионерских экспедициях Феодора к осяткам и вогулам и описал их в своем сочинении «Краткое описание о народе остяцком».

В окружении Феодора был также крещеный пленный швед – капитан (по другим сведениям – полковник) Иоаганн-Бернгард Мюллер (Миллер), также сопровождавший схимонаха во время его поездок. По возвращении в Швецию Мюллер издал в 1720 году книгу, датированную 1716 годом, в которой рассказал европейцам о сибирских миссионерах и крещенных ими народах. В 1721 году книга переиздана в Гамбурге, затем – на английском языке. Труд Мюллера во многом повторяет работу Г. Новицкого, по его имя там даже не упомянуто. «Относительно этнографии сибирской это – первое по времени специальное сочинение», – писал о работе Новицкого в конце XIX века первый ее публикатор известный археограф Л. Н. Майков⁸.

Вскоре вслед за созданием «Краткого описания» Г. Новицкий был назначен надзирателем над новокрещеными Конды схимонахом Феодором, который в 1716 году по повелению царя вновь занял кафедру в Тобольске после кончины митрополита Тобольского и Сибирского Иоанна (Максимовича).

В 1717 году Г. Новицкий и священник Сентяшев были убиты сторонниками язычества. Организатор бунта, «державец кумира» в Нахрачевых юртах князец Нахрач Евплаев, неоднократно упоминаемый на страницах «Краткого описания» (№ 27. С. 99–101), был арестован и казнен. Управление волостью поручили его сыну Тихону Нахрачеву. Ему предписывалось следить за сбором ясака, судить вогулов и «смотреть, чтоб вси веру христианскую держали постоянно, а шайтанов бы отнюдь не держали, но единому небесному кланялись б Богу»⁹. В полевом дневнике Г. Ф. Миллера за 1740 год имеется запись, что Нахрач умер в тобольской тюрьме, а уже потом его труп был повешен¹⁰.

В данной публикации помимо относящихся к Кондинскому краю сведений приводится также описание священной листовницы вогулов близ Пелыма, у которой за век до того верхкондинские манси приносили человеческие жертвы (см. № 19).

№ 28. Основная часть материалов для этой работы собрана Г. Ф. Миллером во время путешествия от Березова до Тобольска. В самом начале путешествия Миллер отправил сопровождавшего его березовского казака Якова Кокоулина в Самарово с тем, чтобы он доставил туда хантов с р. Назыма, а затем перебрался на Конду, разыскал там коренных жителей и ехал с ними «денно и ночью» навстречу ему. Некоторые сведения об ясачных волостях по Конде были получены ученым уже во время пребывания в Тобольске от сына боярского Андрея Неприпасова, который в 1739 году был ясачным сборщиком в кондинских волостях¹¹ (Тобольского уезда. – *Авт.*). В отношении территорий по течению Конды выше впадения в нее р. Ах Миллер оговаривается: «...Жителей которых, как и людей, бывавших до истока конды, я... не имел случая встретить... приведенные об этом сведения могут оказаться как недостаточными, так и в некоторых местах неверными» (№ 28. С. 287).

Перевод текста с рукописи Миллера на немецком языке выполнен и впервые опубликован А. Х. Элертом. Слова, написанные в оригинале рукописи по-русски, выделяются полужирным шрифтом. Ввиду большой значимости данных Миллера по аборигенной топонимике они приводятся Элертом в оригинальной транскрипции автора. Из исправлений, сделанных Элертом

в процессе работы над «Известиями о реке Конде» и отмеченных в подстрочных примечаниях, при данном воспроизведении текста оставлены только текстологические уточнения, имеющие отношение непосредственно к содержанию; обозначены они строчными буквами.

№ 29. Публикуемый источник появился в связи с проведением в Сибири в 1781–1783 годах административной реформы, по которой, в частности в составе Тобольского наместничества (губернии) был ликвидирован Пелымский уезд, а входившие в него территории по Конде вошли в состав Туринского уезда. Однако в документе Пелымский уезд еще присутствует. Данная ведомость составлялась, по-видимому, на основе ежегодно собираемых консисторией¹⁴ духовных (исповедных) росписей¹⁵ и клировых ведомостей¹⁶ в основном, вероятно, за 1780 год.

Среди современных исследователей преобладает мнение о постоянном недоучете населения, занижении его численности церковью по сравнению с государственным учетом (ревизскими сказками). Тем не менее ведомость 1781 года является ценным источником, поскольку, по словам первого публикатора, – «это единственная такого типа сводка материалов церковного учета населения за XVIII в. для Тобольской епархии»¹². В тех случаях, когда в оригинале ведомости не указан тип населенного пункта, то для приходов, где проживали коренные жители, общая формулировка, используемая Н. Д. Зольниковой, имеет следующий вид: «Селения прихода, количество дворов».

№ 30. Документ появился в связи с реализацией Устава об управлении инородцев 1822 года, который до начала XX века определял основные принципы политики в отношении сибирских народов, их сословно-правовой статус, административное устройство и т. д. Из положения, принятого губернским управлением, взяты сведения об отнесении вогулов и остяков Тобольского и Туринского уездов к разряду «кочевых» инородцев (кондинские волости в публикации выделены курсивом); о некоторых их экономических и сословных правах, а также предложения об организации местного управления, фактически санкционировавшие сохранение прежней системы ясачных волостей во главе со старшинами и необязательность создания для «кочевых» инородческих управ, предполагавшиеся Уставом 1822 г. (см. Введение).

№ 31. Извлечение из сводного судебного-следственного дела (объединявшего три дела, первое из которых было возбуждено еще в 1850 году) Тобольского окружного суда содержит уникальные подробности о сохранении языческих культов в середине XX века у давно уже считающихся православными манси и хантов Западной Сибири. Содержание этого дела настолько интересно и богато, что в сочетании с другими источниками вполне может служить основой отдельного специального исследования. Поэтому в данном случае ограничимся лишь некоторыми предварительными замечаниями. Фигурирующие в документе в качестве «жрецов шаманства» вогулы с. Нахрачевского Ишняковы (Ишиняковы, Ишенниковы) и Пактины – прямые потомки «державца и служителя скверного истукана» на Конде Нахрача Евплаева из «Описания о народе остяцком» Г. Новицкого (см.: № 27. С. 99–1014 и др.). Обращает на себя внимание своеобразное переплетение православия и язычества: жертвоприношения «древнему остяцкому богу Анаурту» в Нахрачевском проходе во время совершения литургии в местной

⁸ См.: Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 110–111, 122; Майков Л. Н. [Предисловие] // Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. 1715. СПб., 1884. С. IV, VI.

⁹ Акишин М. О. Полицейское государство... С. 128.

¹⁰ См. об этом: Элерт А. Х. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. Комментарии. С. 307.

33. Г. Ф. Миллер. Рисунок XVIII в.

¹¹ См.: Там же.

¹⁴ Т. е. епархиальной канцелярией, в данном случае – Тобольской.

¹⁵ Росписи эти должны были (в идеале, чего на самом деле не было) составляться ежегодно причтом приходских церквей с целью предоставления сведений о прихожанах, бывших на исповеди и у святого причастия.

¹⁶ Клировые ведомости включали сведения о составе причта церкви (священниках, причетниках: дьячках, псаломщиках), членах их семей и др., а также о количестве дворов в приходе.

¹² Зольникова Н. Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 264; см. также С. 261–263.

церкви; «главный жрец, управитель и молитвенник» нахрачевского идола И. Г. Ишеняков в течение 7 лет одновременно состоял церковным старостой местного православного прихода (что подтверждено судом!; см. Л. 67, 80) и т. д. Подобное вряд ли было бы возможно без многолетнего попустительства местного православного духовенства (на что имеются вполне определенные указания в тексте источника). Явно не склонны были обострять ситуацию и светские власти: суд подошел к расследованию подчеркнута формально, ограничившись «дежурным» решением в отношении обвиняемых: «оставить их в подозрении; поручить Tobольскому земскому суду за действиями сих иметь наблюдение...» (Л. 81 об.). Публикуемые сведения указывают на широкое распространение культа нахрачинского «бога Анаурта» и вполне соответствуют выводам тобольских духовных властей об авторитете его служителей, которые «несравненно более уважаемы как вогулами кондинскими, так и инородцами остяками, живущими при реках Иртыше, Обе, Назыме-Сальме и прочих, нежели шаман Троицкий»¹⁵ (т. е. служитель Белогорского «шайтана».– Авт.).

№ 23. 1635, не позднее августа 31. – Из обыскных речей кондинских вогуличей о торговле у них в юртах товарами пельымского воеводы Евдокима Баскакова

<...> (Л. 437) Да Пельымского ж уезда Кондинской волости горотка Картаужа мурзы и вагуличи в обыску сказали писмянному голове Матвею Володимировичю Долгово Сабурову да подьячему Илье Петрову: мурза Ортюка Агаев да мурза Исупко Четырев, да мурза Ивашко Ортюкин, сотник Улеско Чиркумов, ясаул Ивашко Картыкумов, Ортюшка Юдин, Кирша Юдин, Первушка Конжакумов, Кеус Ивашков, Урманко Ивашков, <...> Ангугаля Кимдепов, Няхея Ангугалин, <...> Жданко Ермаков, <...> да верхкондинские ясачные жь вагулича Подлыпунга Нербучев, Нексмя Кванин, Тат Кванин, Кортыл Кванин, Малакум Еутымкачев, Истепко Малакумов, <...> (Л. 438) да Леушкие волости ясачные жь вагулича Кашмапанга Томов, Коня Лякшин, Зырянко Шолкулин, <...> и во всех своих товарищев ста девяноста трех человек место сказали по своей вере по шерти: что в прошлом во 142-м [1634] и в нынешнем во 143-м году по изветной челобитной верхтурского посадцкого человека Васки Ворошилова на Пельме воевода Овдоким Баскаков Пельымского города сына боярского Костентина Албычева да пятидесятника стрелецкого Пятунку Рожина в Пельымской уезд в Конду с товары своими к вагуличам в юрты торговат[ь] посылал ли? То мы ведаем, что сын боярской Костентин Албычев да подьячей Дема Герасимов, да стрелец Первушка Григорьев в прошлом во 142-м году весною, после Николина дни¹⁴, приезжали к нам в кондинские волости для государева недоборного ясаку, а товаров с ними Овдоки(Л. 439)мовых было однорядок¹⁵ летчинных¹⁶ и сукон белых сермяжных¹⁷ портищ¹⁸ со сто. А тех товаров променили оне Костентин Албычев с товарищи: мурзе Ортюке девять аршин сукна белого сермяжного до однорядку летчинную, а взяли у него десят пупков¹⁹ соболих да два соболя средние, да шездесят белок; да мурзе Исупку променили оне однорядку летчинную зеленую, а взяли у него тритцат хвостов соболих; да мурзе Иванку Ортюкину променили оне две однорядки летчинные, а взяли у него три ста белок; да сотнику Улеску променили оне сукна белого сермяжного

¹⁴ 9 мая по старому стилю.

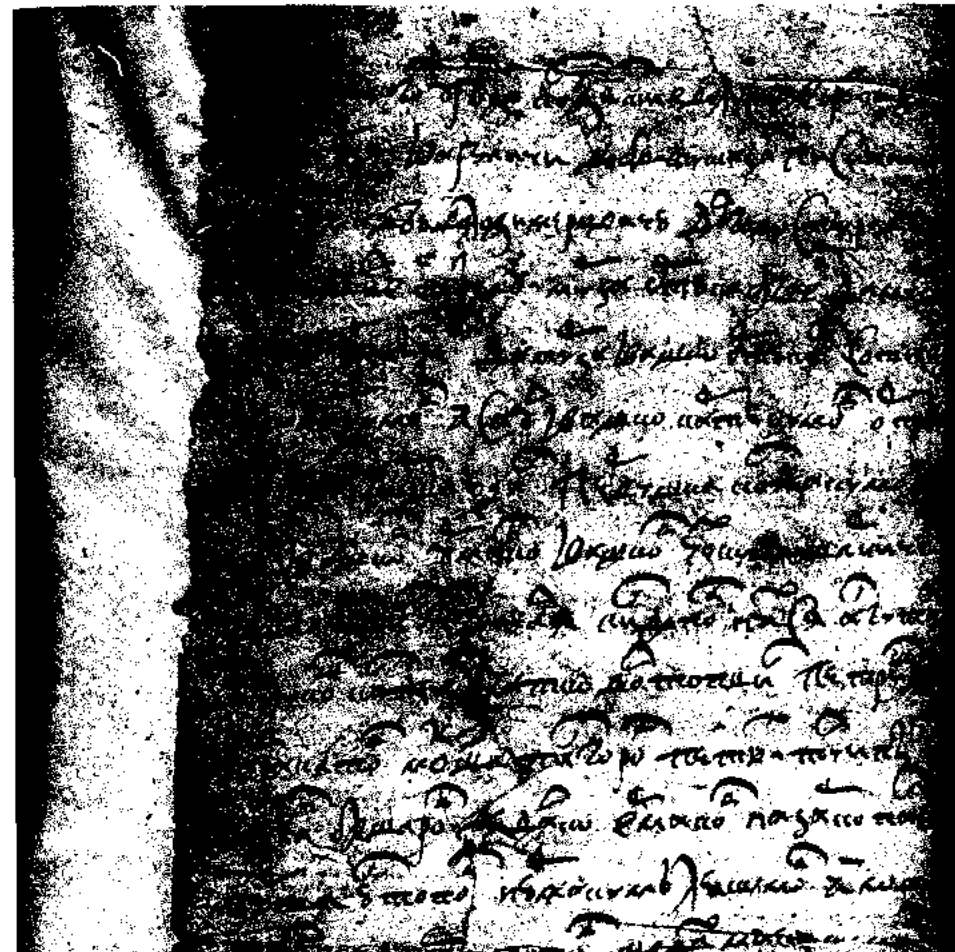
¹⁵ Однорядка – кроеная в талию, распашная верхняя одежда. Полю у нее сходились без запаха, у плечей имелись прорези, поэтому рукава могли откидываться назад.

¹⁶ Летчинное сукно – сукно из овечьей шерсти летней (т. е. худшего качества) стрижки; существует также версия, что это сукно польского (от «ляхи» – поляки) производства.

¹⁷ Сермяжное сукно – грубое сукно русского производства с основой из толстых льняных нитей.

¹⁸ Размер портища в XVII в. колебался в пределах от 8 до 20 аршин.

¹⁹ Пупок – мех с живота соболя, более низкого качества, чем со спинки и боков.

34. Фрагмент столбца с обыскными речами кондинских вогулов по делу воеводы Е. Баскакова. 1635 г.

четырнатцат аршин, а взяли у него сорок пупков соболих; да Утырку Сахаину променили оне однорядку летчинную, а взяли у него полог холст вагулской²⁰ до соболя середнего; да Полипунге Нербучеву променили оне семь аршин сукна белого сермяжного, а взяли у него дватцат пупков соболих; да Копку Неулчачеву променили оне зипун²¹ красной аглинской²², а взял десят соболей средних; да Тате Кванину променили оне зипун белой сермяжной, поношен, а взяли у него шубенко белье невеликое хрептовое²³; да Коня Лякшину променили оне епанчу²⁴ валяную белую, а взяли у него шесть соболей средних да восемь пупков соболих; да Зырянку Шолкулину променили оне полтора аршина сукна белого сермяжного, а взяли у него дватцат белок; да Мемиту Сускову променили оне семь аршин сукна белого сермяжного, а взяли у него четыре соболя средние; а достал[ного?] того товару оне, Костентин Албычев с товарищи, повезли с собою на Пельм. А Пятунка Рожин в том же во 142-м году, о Рождестве Христове²⁵, приходил к нам (Л. 440) в кондинские же волости в городок Картауж для государева жь ясаку, а товару с ним, Пятункою, никакovo не было. И как воевода Овдоким Баскаков посылал в Пельымской уезд по ясак ясачников пушкаря Ивашка Неверова, Сурю Шайтанова, Игнатку Пишалникова, Петрушку Новокрещена, Дениска Волошенина, Дорку Порошина, Микитку Конюхова, Олешку Куренева по вагу-

²⁰ Здесь, по-видимому, полог для постели из крапивного холста.

²¹ Зипун – распашная приталенная верхняя одежда, но, в отличие от однорядки, с запахом. Был короче однотипного кафтана; длина зипуна доходила до колена.

²² Т. е. из английского сукна.

²³ Т. е. из части шкурки с хребта белок.

²⁴ Епанча – войлочный плащ без рукавов.

²⁵ 25 декабря по старому стилю.

¹³ 27 мая (по старому стилю), со следующего дня начинается Петров пост (до 29 июня).

¹⁴ Двадцать пять.

¹⁵ Размер половинки колебался от 20 до 40 аршин.

¹⁶ Настранильная однорядка – однорядка из дешевого цветного сукна.

¹⁷ Крашенина – крашеное льняное полотно.

¹⁸ Вершки – суконные верхи для шапок.

¹⁹ Ценность бобровой шкуры определялась возрастом зверя и зависящим от него цветом окраса: чем окрас темнее, тем мех дороже. Различались (по убывающей) бобры черные, черно-карие, карие и рыжие.

²⁰ Здесь, вероятно, верхняя одежда типа полукафтана из толстой хлопчатобумажной (набивной?) ткани.

²¹ Черночеревая лисица – лисица с черным мехом на брюхе.

литцким юртам и он с теми ясатчики товары свои продават посылал ли? – то мы ведаем. В прошлом во 141-м [1633] году весною, о Петрово заговенье¹³, приходил у нам ис тех ясатчиков в кондинские же волости для государева недоборного ясаку и высылат нас на Пелым ко государеву жалованному слову толмач Волотка Герасимов да Харка Шайтанов, да Олешка Куренев, да Ивашко Зелена, а товаров с ними Овдокимовых было: сукон белых сермяжных портишь с полтретьятцать¹⁴ да половинка¹⁵ летчины лазоревой, да однорядок летчинных и настрафильных¹⁶ з десят, да четыре кожи красные, да три крашенины¹⁷, да вершков¹⁸ аглинских и летчинных с тритцат, двой сапоги красные. И тех товаров променили оне, ясатчики: мурзе Ортюке – две кожи красные да крашенины восемь аршин, а взяли у него пятьдесят хвостов соболий да бобра карево¹⁹, да два соболя средние, да сто белок; да сыну его, Ортюкину, Ивашку променили оне половинку летчинную лазоревую, да однорядку летчинную лазоревую же, а взяли у него лисицу чернобурую да сорок хвостов соболий; да Петле Василеву променили оне десят аршин сукна белого сермяжного, а взяли у него два бобрлика рыжие невели (Л. 441)кие; да Мокше Пингареву променили оне однорядку летчинную да семь аршин сукна белого сермяжного, а взяли у него бобра карево; Бахлаче Чиряеву променили оне семь аршин сукна белого сермяжного, а взяли у него дватцат хвостов соболий; <...> да Конне Лякшину променили оне полкожи красные, а взяли у него два соболя средние да десят хвостов соболий, да Темкою Ергучеву променили оне полкожи красные, а взяли у него дватцат пят хвостов соболий. А иные товары оне, ясатчики, меняли кому именем и что мяхкие рухляди выменили, – того мы не упомним. Да ис тех же ясатчиков в 142-м году приходили к нам в кондинские волости (Л. 442) для государева же ясаку ясатчики Игнашка Пищалников, Дениско Волошенинов, Петрушка Новокрещен, Тараско Зуев, Дорка Порошин, Ивашко Кузнецов, и товары с ними Овдокимовы: сукна белые сермяжные и однорядки летчинные, и вершки аглинские и летчинные были ж; а что оне на те товары у кого меж ними мяхкие рухляди выменяли, – того мы не упомним, а ведают про то оне, ясатчики; а толко ведаем: променил ис тех ясатчиков Игнашка Пищалников Соречу Оулову пят аршин сукна белого сермяжного, а выменял он, Игнашка, у Сореча лисицу чернобурую. Да в нынешнем во 143-м году, о Рождестве Христове, приходили к нам в кондинские же волости для государева ясаку пятидесятник Пятунка Рожин, да Ивашко Толмачев, да Первушка Григорьев, да Мишка Пищалников, да дьячек Вторко Авксентьев и товары Овдокимовы с ними, с Пятункою с товарищи, и лошади были же. Променил он, Пятунка, с Ивашком Толмачевым мурзе Ортюке однорядку настрафильную красную да однорядку же настрафильную лазоревую, да восемь аршин сукна белого сермяжного, да киндяк²⁰, да епанчу валаную серую, а взяли у него за те товары триста пятьдесят белок да шесть выдерь, четыре соболя средние, да четыре лапки лисьи черные, да две лисицы красные черночеревые²¹; да сыну его, Ортюкину, променили оне Ивашку коня калматцкого, а взяли у него за того коня десять соболей добрых; да ему же, Ивашке, променили оне зипун желтой летчинной да однорядку летчинную же желтую, да однорядку красную летчинную (Л. 443) же, да однорядку настрафильную лазоревую, поношену, да восемь аршин сукна белого сермяжного, да зипун лазоревой настрафильной, а взяли у него за тот товар триста сорок белок да четыре соболя средние, да бобра карево, да бобрлика невеликого рыжево, да выдру, да десят пупков соболий, да дватцат хвостов соболий; да Ангутале Кимбову променили оне

зипунишко лазоревое, а взяли у него пят хвостов соболий да пят пупков соболий; да Мокше Шалгаеву променили оне зипун сермяжной, а взяли у него десят хвостов соболий, да десят пупков соболий; да Няхсе Ангуталину променили оне зипун белой сермяжной, а взяли у него десят хвостов соболий, да десят пупков соболий; да сотнику Улеску Чиркумову променили оне зипун настрафильной лазоревой, а взяли у него бобра рыжево болшово, да бобрлика невеликого рыжево; <...> да Мокше Пингареву променили оне два зипуна летчинные, один – красной, а другой – лазоревой, да однорядку летчинную лазоревую да завес выбойчатой²², а взяли у него за тот товар бобра рыжево да четыре соболя средние, да лисицу красную черночеревую, да дватцат белок; да Пятунка же взял у Ивашка Курдина долгу ево, Овдокимова, дватцат хвостов соболий за зипун лазоревой летчинной; да у Ивашка Картыкумова взял он, Пятунка, долгу же ево Овдокимова – два соболя <...>

Публ. по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стб. 42. Л. 437–443. Публикуется впервые

№ 24. 1675, сентября 1 – 1679, января 31. – Таможенные книги Пелыма за 1675–1679 гг. (Извлечения)

ТАМОЖЕННАЯ КНИГА ЗА 1675/76 г.

(С. 97) Книга приходная таможенная государевы царевы и великого князя Алексея Михайловича всея Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца и государя благоверного царевича и Великого князя Феодора Алексеевича всея Великия, и Малыя, и Белья Росии и государя благоверного царевича и Великого князя Иоанна Алексеевича всея Великия, и Малыя, и Белья Росии и государя благоверного и великого князя Петра Алексеевича <...>

Пельмским в денежном всяким приходом нынешняго [7]184 году сентября с 1 числа да сентября ж по 1 число по [7]185 збор таможенного с головы Стефана Ушакова, целовалника Гришки Зуева. А что с ково и каких пошлин взято, и то писано в сех книгах имянно.

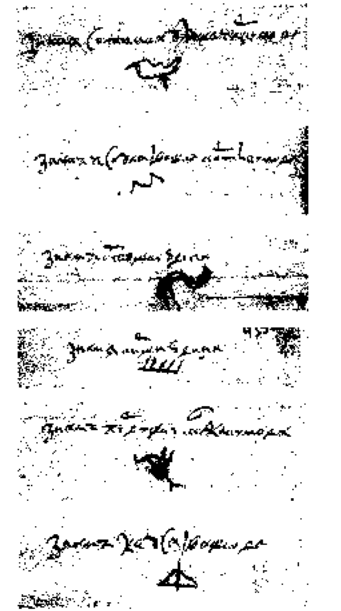
<...> Декабря в 2 ден приехал из Верхотурья на Пелым Соли Вычегодской торговой человек Терентей Григорьев сын Свинин (рис. 36). А у него осталого товару, что осталос за верхотурскою продажею, двести аршин сукна сермяжного, сто аршин холсту хрящу¹, два кафтана бараних, два пуда укладу королевского², фунт шелку, три аршина сукна анбурского³, пят аршин летчины⁴, пят топоров средних. А по Верхотурской таможенной оценке того у него товару на тригцат четыре рубли с полтиною, да у него ж сорок рублей денег. <...>

(С. 98) Генваря в 20 ден... Того ж числа пельмской стрелец Савка Гайдукков продал верхкондинским вагулечам Раю, да Пачлауру, да Кондаху, да Накатую четыре пайвы ячмени. Померной пошлины взято восм денег.

Того ж числа пельмской стрелец Петрушка Дуленков продал тоболскому пешему стрелцу Стенке Юрохову девку дворовую Наташку. Головщины взято с него Стенки восм алтын две денги. Да с продавца с Петрушки Дуленкова взято з денег с пяти рублей десятой пошлины шестнадцат алтын четыре денги.

Генваря в 23 ден явили в таможни тоболские пешие стрелцы Стенка Юрохов да Андрюшка Федотов сорок дватцат соболей и недособолков⁵, весмдесят пупков, четыре лисицы бурые, пят лисиц красных белочеревых⁶, сто

²² Завес из набивной хлопчатобумажной ткани среднеазиатского происхождения.

35. Тамги кондинских сотника О. Чиркумова, есаула И. Картыкумова и рядовых вогулов. 1635 г.

¹ Т. е. грубого холста из смеси льна и конопли.

² Королевский уклад – стальной сплав, в данном случае, видимо, шведского («королевского») производства.

³ Гамбургского, т. е. немецкого.

⁴ См. № 23.

⁵ Недособолки – молодые звери, убитые ранней осенью и не имевшие поэтому полной шерсти.

⁶ Т. е. белобрюхий.

Кондинский край
XVI – начала XX века

⁷ Возможно, искаженное «ещецов» (юшиц). Юшицы – лосята от 6 до 12 месяцев.

⁸ Серец – не перезимовавший бобр, бобренок.

⁹ Камча (камка) – узорчатая шелковая ткань, одноцветная или многоцветная.

¹⁰ Зендень – хлопчатобумажная ткань.

¹¹ Китайка – очень прочная и гладкая хлопчатобумажная ткань китайского производства, доставлялась, в частности, через Среднюю Азию.

¹² Бязь – сорт хлопчатобумажной ткани.

¹³ Выбойка – набивная хлопчатобумажная ткань среднеазиатского происхождения.

белок, пят ездришек⁷, тритцат горносталей, три бобра рыжих, пят серцов⁸, десят оленинишек. А по пельымской таможенной оценке та рухляд тритцат три рубли десят алтын. Десятой пошлины взято три рубли десят алтын шест денег, да у них же у Стенки и у Ондрюшки взято з бухарского товару с трех камок⁹ бухарских малых, з десяти зендений¹⁰, с сорока аршин с китаек¹¹ з (С. 99) белых, з дву кушаков нитеных, с пятидесяти аршин з бязи¹², с пятидесяти аршин с выбойки¹³, з дватцати аршин з белого, с пятидесяти аршин с китаек лазоревых по оценке с семинатцати рублей десятой пошлины рубл дватцат три алтына две денги. <...>

36. Русские гость и купец.
Рисунок XVII в.

Февраля в 6 ден пельымской стрелец Сенка Вискунов продал верхкондинскому вагулетину Ромашке две пайвы ячмени. Померной пошлины взято четыре денги. <...>

Февраля в 29 ден пельымской стрелец Демка Попов продал кондинскому вагулетину Могилю две пайвы ячмени. Померной пошлины взято четыре денги.

(С. 100) Того ж числа пельымской стрелецкой сын Сергушка Худяков продал кондинскому вагулетину Ротке две пайвы ячмени. Померной пошлины взято четыре денги. <...>

Марта в 8 ден отпущен с Пельими ис таможи через Верхотурье к Соле Камской пельымской стрелец Демка Попов. А с ним отпущено десят соболей, шестнатцат хвостов и пупков соболих, три подчеревишишка¹⁴, пят спорков лапчатых соболих¹⁵. А по пельымской таможенной оценке та рухляд два рубли. Десятой пошлины взято шест алтын четыре денги. <...>

Марта в 11 ден явили в таможи тобольские стрелцы Стенка Горохов да Ондрюшко Федотов четыре бобра рыжих, шест ярцов¹⁶, два сорока соболишек вешных¹⁷ и недособолков, пят оленин, лисица бурая сиводушчата. А по пельымской таможенной оценке та рухляд дватцат шест рублей. Десятой пошлины взято два рубли дватцат алтын. Да у них же у Стенки да у Ондрюшки

¹⁴ Очевидно, куски меха со шкуры зверя близ брюха.

¹⁵ Спорки лапчатые соболи – несколько сшитых вместе частей шкурок с лап соболя.

¹⁶ Ярцы – годовалые бобры.

¹⁷ Соболи, не имевшие полной ости, начавшие линять и поэтому стоявшие дешевле осенних.

бухарского товару взято з десяти зендений, со ста аршин з бязи, з дву стоп с мыла, с семи котов¹⁸ по оценке с пяти рублей десятой пошлины шестнадцат алтын четыре денги. <...>

(С. 102) Апреля в 28 ден пельымской стрелец Демка Попов продал лошад кондинскому вагулетину Маротку. По оценке лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

В... апреле взято пошлины десят алтын. <...>

Июня в 10 ден пельымской стрелецкой сын Левка Толмачев продал кондинскому вагулетину пономарю жеребенка селетка¹⁹. По оценке тот жеребенок дватцат алтын. Пошлины взято алтын. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Июня в 25 ден пельымской стрелец Сенка Кривоногов продал лошад кондинскому вагулетину Амышу. По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Июля в 1 ден пельымской стрелецкой сын Левка Толмачев продал лошад верхкондинскому вагулетину Аметю. По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Июля в 10 ден пельымской стрелецкой сын Сергушка Худяков продал лошад кондинскому вагулетину Рубе. По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын.

В мце июле взято десятой и всякой пошлины рубл тритцат алтын. <...>

(С. 103) Августа в 11 ден пельымской стрелец Сенка Вискунов продал лошад верхкондинскому вагулетину Ромашке. По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын.

Августа в 12 ден пельымской стрелец Савка Гайдуков продал лошад верхкондинскому вагулетину Ларке. По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Августа в 25 ден... Того ж числа пельымской стрелец Савка Гайдуков продал лошад верхкондинскому вагулетину (Рясю). По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Августа в 26 ден пельымской стрелец Демка Попов продал лошад кондинскому вагулетину Одрову. По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын.

Того ж дни пельымской стрелецкой сын Егорка Кривоногов продал лоншака верхкондинскому вагулетину пономарю. По оценке тот лоншак рубл. Пошлины взято десят денег. Да пошерсного с купца взято алтын.

Августа в 27 ден пельымской стрелец Демка Попов продал лоншака кондинскому вагулетину Амышу. По оценке та лоншак рубл. Пошлины взято десят денег. Да пошерсного с купца взято алтын.

В... августе взято десятой и всякой пошлины две рубли девять алтын з денгою.

Всего в нынешнем во [7]184 году сентября с 1 числа да сентября ж по 1 число по [7]185 год при таможенном голове Стефане Ушакове да при целовалнике Гришке Зуеве собрано десятой и всякой пошлины... пятьдесят пят рублей дватцат пят алтын з денгою. <...>

ТАМОЖЕННАЯ КНИГА ЗА 1676/77 г.

<...> (С. 104) Сентября в 10 ден пельымской стрелец Офонка Яковлев продал лоншака кондинскому вагулетину Амышу. По оценке тот лоншак рубл. Пошлины взято десят денег. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Конда в XVII –
середине XIX века

¹⁸ Коты – кожаная обувь типа башмаков.

¹⁹ Сеголетка.

Сентября в 20 ден пелымской стрелец Гришка Кузнецов продал лошад кондинскому вагулетину Совану, и взял он за ту лошад два ярца рыжих. По оценке те ярцы полтора рубли. Десятой пошлыны взято пят алтын. А с лошади пошлыны не взято, потому что взята пошлына с ярцов. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Октября в 21 ден пелымской стрелецкой десятник Мишка Худяков продал лошад кондинскому вагулетину Филке. По оценке та лошад три рубли. Пошлыны взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын.

Октября в 24 ден пелымской стрелецкой сын Левка Толмачев продал лошад кондинскому вагулетину Посую. По оценке та лошад три рубли. Пошлыны взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

В месяце ноябре таможенного збору не было, потому что в том м[еся]це никакова торгу, ни конской продажи не было. <...>

(С. 105) Декабря в 10 ден явил в таможни тоболской пеший казак Ондрюшка Федотов восм соболей, восмдесят сем хвостов и пупков соболий, шездесят белок. А по пелымской таможенной оценке та рухляд восм рублей шестнадцат алтын четыре денги. Десятой пошлыны взято дватцат восем алтын две денги. Да у него ж Ондрюшки взято з дву безмен²⁰ свеч, с тридцати аршин холсту, с трех башмаков ступней, с двоих котов, по оценке с рубля штинатцати²¹ алтын четырех денег десятой пошлыны пят алтын.

Декабря в 13 ден отпущен с Пелыми ис таможни в Тоболеск тоболской посадцкой человек Яков Лукьянов сын Смирнов. А с ним отпущено два сорока пупков, пядесят хвостов [соболий].

А по пелымской таможенной оценке тя рухляд сем рублей шестнатцат алтын четыре денги. Десятой пошлыны взято восмнатцат алтын две денги. А недонято против оценки десятой пошлыны шти алтын четырех денег, потому что платил продавец Демка Попов. <...>

(С. 107) Генваря в 14 ден явили в таможни тоболские пешие казаки Стенка Горохов да Ондрюшка Федотов восмсот две выдришка, сорок двенатцат соболишек и недособолков, пядесят пупков, три лисенка красные белочеревые. А по пелымской таможенной оценке тя рухляд дватцат рублей тритцат три алтына две денги. Десятой пошлыны взято два рубли три алтына две денги. <...>

(С. 108) Февраля в 15 ден пелымской стрелец Илюшка Кривоногов продал лошад кондинскому вагулетину Деуру, а взял двенатцат соболишек и недособолков. По оценке те соболишка и недособолки полтора рубли. Десятой пошлыны взято пят алтын, а с лошади пошлыны не взято, потому что взята пошлына с соболишек. Да пошерсного с купца взято алтын.

Того ж дни пелымские десятники Мишка да Ивашко Конюховы продали лошад кондинскому вагулетину (...) Семенку, а взяли они за ту лошад (С. 109) дватцат соболишек вешных и недособолков. По оценке те соболишка полтора рубли. Десятой пошлыны взято пят алтын, а с лошади пошлыны не взято, потому что взята пошлыны с соболишек. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Февраля в 17 ден явили в таможни тоболские пешие казаки Стенка Горохов, Ондрюшка Федотов десят соболишек, двисти дватцат хвостов соболий и недособолковых, сто пядесят белок. А по пелымской таможенной оценке тя рухляд двенатцат рублей. Десятой пошлыны взято рубль шест алтын четыре денги. Печатных пошлын взято двенатцат алтын. <...>

²⁰ Безмен – мера веса. В Сибири она составляла 3 фунта.

²¹ Шестнадцати.

(С. 110) Апреля в 20 ден пелымской стрелец Демка Попов продал кондинскому вагулетину Васке да Овдонимку две лошади, а взял он за те лошади дватцат соболишек вешных. По оценке те соболишка три рубли. Десятой пошлыны взято десят алтын, а с лошадей пошлыны не взято, потому что взята пошлына с соболишков. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Мая в 1 ден пелымской стрелец Демка Попов продал кондинскому вагулетину Одрову да Турунтайку две лошади, а взял он за те лошади дватцат соболишков вешных. По оценке те соболишки три рубли. Десятой пошлыны взято десят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын.

Мая в 10 ден пелымской пятидесятник Илюшка Путилов продал верхкондинским вагулечам Максимку да Лаче две лошади. По оценке те лошади шест рублей. Да пошлыны взято десят алтын. Да пошерсного с купцов взято два алтына. <...>

(С. 111) Июня в 20 ден пелымской стрелец Демка Попов продал кондинским вагулечам Олферку да княз Семенку две лошади да лоншака. По оценке те лошади и лоншак сем рублей. Пошлыны взято одиннатцат алтын четыре денги. Да пошерсного с купцов взято три алтына.

Июня в 28 ден пелымской стрелец Савка Гайдуков продал верхкондинским вагулечам пономарю да Заге две лошади. По оценке те лошади шест рублей. Пошлыны взято десят алтын. Да пошерсного с купцов взято два алтына.

В... июне взято пошлыны дватцат шест алтын четыре денги.

Июля в 10 ден пелымской стрелец Харка Векшин продал лошад верхкондинскому вагулетину Пачо(ку). По оценке та лошад три рубли. Пошлыны взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын.

В... июле взято пошлыны шест алтын. <...>

Августа в 11 ден пелымской стрелецкой сын Сергушка Худяков продал лошад кондинскому вагулетину Орфелку. По оценке та лошад три рубли. Пошлыны взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын.

Августа в 12 ден пелымской стрелец Сенка Вискунов продал верхкондинскому вагулечам Денику две лошади. По оценке те лошади шест рублей. Пошлыны взято десят алтын. Да пошерсного с купцов взято два алтына.

Августа в 13 ден взято с пелымского отставленного стрелца с Пронки Казанцова с восмидесят пуд соли по оценке з десяти рублей десятой пошлыны рубль.

Августа в 15 ден пелымской стрелецкой сын Сергушка Худяков продал лошад кондинскому вагулетину Одрову. По оценке та лошад три рубли. Пошлыны взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

ТАМОЖЕННАЯ КНИГА ЗА 1677/78 г.

<...> (С. 113) Генваря в 15 ден продал пелымской стрелец Филка Лучников кондинскому вагулетину Говкоуку две пайвы ячмени. Померной пошлыны взято четыре денги.

Генваря в 15 ден явил в таможни тоболской стрелец Омелка Политов двисти пядесят белок, сто дватцат три хвостов и пупков, тритцат горносталей, две лисенка красных белочеревых, росомашенко малое. По оценке та рухляд тринацат рублей. Десятой пошлыны взято рубль десят алтын. <...>

Генваря в 17 ден явил в таможни сын боярской Иван Шарыгин пят соболей, пятнатцат пупков, дватцат хвостов.

По оценке та рухляд два рубли. Десятой пошлыны взято шест алтын четыре денги.

37. Стрелец. Рисунки XVII в.

Генваря в 18 ден пелымской стрелец Гришка Кузнецов продал верхкондинскому вагулетину пономарю лоншака. По оценке тот лоншак рубл. Пошлины взято десят денег. Да пошерсного с купца взято алтын.

Того ж числа пелымской стрелец Гришка Кузнецов продал верхкондинскому вагулетину Колтаху пайву ячмени. Померной пошлины взято две денги. <...>

Генваря в 20 ден пелымской стрелец Савка Гайдуков продал лошад верхкондинскому вагулетину пономарю. По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. (С. 114) Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Генваря в 26 ден приехал с Верхотурья на Пелым вятченин торговой человек Дмитрей Иванов сын Филиповых, а у него в привозе русского товару двисти аршин сукна сермяжного, триста аршин холсту хрящу, две половинки сукна анбурского малые, две половинки сукна летчна малые, пуд меди зеленой в котлах, тритцат фунтов перцу, две стоны бумаги писчей. А по верхотурской таможенной оценке того у него русского товару на шездесят на восм рублев с полтиною. Да у него ж восмнатцат рублев денег. И тот русской товар он Дмитрей на Пелыми отдал устюжанину торговому человеку Сергею Хлебникову. <...>

Генваря в 31 ден пелымской стрелец Якунка Зыков продал лоншака кондинскому вагулетину княз Семенку. По оценке тот лоншак рубл. Пошлины взято десят денег. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

(С. 116) Февраля в 25 ден отпущен с Пелыми ис таможи через Верхотурье к Москве пелымской сын боярской Микита Албычев да стрелец Ивашко Зыков, а у них четырнатцат соболишек вешных и недособолков сорок пят хвостов и пупков, сто белок. А по пелымской таможенной оценке та рухляд четыре рубли шестнатцат алтын четыре денги. Десятой пошлины взято пятнатцат алтын. Печатных пошлин взято пят денег.

Того ж числа отпущены с Пелыми ис таможи к Москве пелымской стрелец Илюшка Кривоногов, а у него девят соболишек, девят исподков лапчатых соболих, одиннатцат хвостов и пупков. А по пелымской таможенной оценке та рухляд три рубли. Десятой пошлины взято десят алтын. Печатных пошлин взято три денги.

Того ж числа пелымской стрелецкой сын Левка Толмачев продал кондинским вагулечам Макарку да Сапыне четыре пайвы ячмени. Померной пошлины взято восм денег.

Февраля в 26 ден пелымской крестьянской сын Гришка Дворников продал лошад пелымскому пятидесятнику Илюшке Путилову. По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын.

Февраля в 30 ден пелымской стрелецкой сын Сергушко Конюхов продал кондинскому вагулетину Деуру две пайвы ячмени. Померной пошлины взято четыре денги. <...>

Марта в 1 ден пелымской стрелец Демка Попов продал кондинским вагулечам Ерышке да Овдокинку шест паев ячмени. Померной пошлины взято два алтына. <...>

(С. 118) Марта в 11 ден отпущен с Пелыми ис таможи в Туринской острог пелымской стрелец Стенка Толмачев, а с ним отпущено два бобра рыжих, две оленины. По оценке те бобры и оленины четыре рубли. Десятой пошлины взято тринатцат алтын две денги. <...>

Марта в 20 ден продал пелымской стрелецкой сын Левка Толмачев кондинскому вагулетину Левке две пайвы ячмени. Померной пошлины взято четыре денги. <...>

(С. 119) Марта в 27 ден пелымской стрелец Илюшка Кривоногов продал кондинскому вагулетину Рунтайку три пайвы ячменю. Померной пошлины взято шест денег.

Марта в 28 ден отпущен с Пелыми в Туринской острог пелымской стрелец Демка Попов, а с ним отпущено шестнатцат выдер больших и малых. По оценке те выдры пятнатцат рублев. Десятой пошлины взято рубл шестнатцат алтын четыре денги.

Марта в 29 ден... Того ж числа пелымской пятидесятник Илюшка Путилов продал кондинскому вагулетину Катышу да Катюшке десят паев ячменю. Померной пошлины взято три алтына две денги. <...>

Апреля в 10 ден продал пелымской стрелец Демка Попов пят паев ячменю кондинскому вагулетину княз Семенку. Померной пошлины взято десят денег.

Апреля в 20 ден пелымской стрелец Ивашко Вискунов продал кондинскому вагулетину Могилю лоншака. По оценке тот лоншак рубл. Пошлины взято десят денег. Да пошерсного с купца взято алтын.

Апреля в 21 ден пелымской стрелец Тишка Кузнецов продал лоншака кондинскому вагулетину Отрову. По оценке тот лоншак рубл. Пошлины взято десят денег. Да пошерсного с купца взято алтын.

Апреля в 25 ден пелымской стрелец Демка Попов продал кондинскому вагулетину Ондрову пят паев ячмени. Померной пошлины взято десят денег.

В месяце апреле взято пошлины восм алтын четыре денги.

Мая в 8 ден пелымской стрелецкой сын Сергушка Конюхов продал лошад кондинскому вагулетину Манте. По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын.

Мая в 11 ден пелымской стрелец Сенка Кривоногов продал лошад кондинскому вагулетину Лукошку. По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взят алтын. <...>

(С. 120) Июня в 11 ден пелымской стрелецкой сын Сергушка Худяков продал лошад кондинскому вагулетину Могилю, а взял он за ту лошад десят соболей. По оценке те соболи полтора рубли. Десятой пошлины взято пят алтын, а с лошади пошлины не взято, потому что взята пошлина с соболей. Да пошерсного с купца взято алтын.

Июля в 12 ден пелымской стрелец Савка Гайдуков продал лошад верхкондинскому вагулетину Чипче, а взял он за ту лошад два бобришка рыжих. По цене те бобришка полтора рубли. Десятой пошлины взято пят алтын, а с лошади пошлины не взято, потому что взята пошлина з бобришков. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Июля во 8 ден пелымской пятидесятник Илюшка Путилов продал лошад верхкондинскому вагулетину Бурнашу, а взял он за ту лошад два выдришка малых. По оценке те выдришка полтора рубли. Десятой пошлины взято пят алтын, а с лошади пошлины не взято, потому что взята пошлина с выдришек. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Июля в 15 ден пелымской стрелец Савка Гайдуков продал лошад верхкондинскому вагулетину Бурнашу. По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын.

Июля в 17 ден пелымской стрелецкой сын Гришка Векшин продал лошад кондинскому вагулетину княз Семенку. По оценке та лошад три рубли. Пошлины взято пят алтын. Да пошерсного с купца взято алтын.

Июля в 18 ден пельмской стрелец Савка Гайдуков верхондинским вагуличам Русю да Чонка две лошади. По оценке те лошади шест рублей. Пошлины взято десят алтын. Да пошерсных с пошлин взято два алтына. <...>

(С. 121) Августа в 11 ден пельмской стрелец Тишка Кузнецов продал лоншака кондинскому вагулетину Амышу. По оценке тот лоншак рубл. Пошлины взято десят денег. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

38. Принесение ясака
(в центре – ясацкий с пайвой
за плечами). Фрагмент
рисунка рубежа XVII–XVIII вв.

ТАМОЖЕННАЯ КНИГА ЗА 1678/79 г.

<...> (С. 121) Книга приходная таможенная государевым царевым и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белья России самодержца пельмским денежным всяким приходом нынешняго 187 году сентября с 1 числа да сентября ж по 1 число по 188 год збору таможенного головы Дементья Попова да целовалника Ельфимка Вахрушева, а что с ково и в котором месяце каких пошлин взято, и то писано в сих книгах имянно порозн. <...>

(С. 122) Декабря в 18 ден явил в таможи тоболской стрелец Стенка Гурохов шестсот белок, десят соболишек, тритцат хвостов соболич. А по пельмской таможенной оценке та рухляд и белки четырнатцат реблев. Десятой пошлины взято рубл тринаццат (С. 123) алтын две денги.

Того ж числа приехал с Верхотурья на Пельм вятченин торговой человек Аника Степанов сын Пупышев, а у него в привозе русского товару тысяча аршин холсту хрящу, пятьдесят крашенин портишных, четыреста аршин сукна сермяжного и чирковшины²², дватцат три кафтана бараних, дватцат хомутин белых, десят шапок овчинных вершки (ладчинны), дватцатеры рукавицы вареги, двисти аршин холсту однозубицы²³, два зипуна серых, восмнатцат фунтов меди красной в котлах. А по верхотурской таможенной

²² Чирковщина – сермяжное сукно, получившее название по с. Чирково близ Ярославля, где оно выделялось.

²³ Однозубица – тонкий холст.

оценке того у него товару на сто на семнатцат рублей на дватцат алтын. <...>

(С. 125) Генваря в 21 ден пельмской стрелец Филка Лучников продал кондинским вагуличам Могилю да Одрову двенатцат паев ячмени. Померной пошлины взято четыре алтына.

Того ж числа пельмской стрелецкой сын Пронка Путилов продал кондинскому вагулетину Чишке две пайвы ячмени. Померной пошлины взято четыре денги.

Генваря в 22 ден явил в таможи тоболской пеший казак Ондрюшка Федотов тысячу белок чистых, сто хвостов и пупков соболич, пят лисенок красных белочеревых, четыре шубенке белых обляшные, две выдришка малых. А по пельмской таможенной оценке та рухляд и белки дватцат пят рублей. Десятой пошлины взято два рубли шестнатцат алтын четыре денги.

Генваря в 23 ден пельмской стрелец Савка Гайдуков продал пельмскому вагулетину Русю три пайвы ячмени. Померной пошлины взято алтын.

Того ж числа продал стрелецкой сын Родка Гайдуков кондинскому вагулетину Тюляше две пайвы ячмени. Померной пошлины взято четыре денги.

Генваря в 24 ден отпущен с Пельми ис таможи в Тоболск пельмской вагулской дворник²⁴ Митка Жданов, а с ним отпущено пятсот белок. А по пельмской таможенной оценке те белки сем рублей шестнатцат алтын четыре денги. Десятой пошлины взято дватцат пят алтын. <...>

Генваря в 25 ден пельмской стрелец (С. 126) Сенка Вискунов продал верхондинскому вагулетину Русю пят паев ячмени. Померной пошлины взято десят денег.

Того ж числа продал стрелецкой сын Сергушка Худяков кондинскому вагулетину Могилю четыре пайвы ячмени. Померной пошлины взято восм денег.

Того ж числа пельмской стрелец Стенка Векшин продал кондинскому вагулетину Русю шест паев ячмени. Померной пошлины взято два алтына.

Того ж числа пельмской стрелец Харка Векшин продал кондинскому вагулетину Люле шест паев ячмени. Померной пошлины взято два алтына.

Генваря в 26 ден пельмской стрелец Мишка Конюхов продал кондинскому вагулетину Кинче три пайвы ячмени, да пельмскому вагулетину Дунайку пят паев ячмени. Померной пошлины взято два алтына четыре денги <...>.

Того ж числа пельмской стрелецкой сын Сергушка Дементьев продал кондинскому вагулетину княз Семенку, да Кинче, да Овдонимку пятнатцат паев ячмени, а взял он за тот хлеб сто белок. По оценке те белки полтора рубли. Десятой пошлины взято пят алтын. А с хлеба пошлины не взято, потому что взята пошлины з белок. Того же числа пельмской стрелецкой сын (С. 127) Сергушка Дементьев продал лошад кондинскому вагулетину княз Семенку, а взял он за ту лошад десят соболей. По оценке те соболи полтора рубли. Десятой пошлины взято пят алтын, а с лошади пошлины не взято, потому что взята пошлина с соболей. Да пошерсного с купца взято алтын. <...>

Публ. по: Таможенные книги сибирских городов XVIII века. Новосибирск, 2001. Вып. 4: Тюмень, Пельм / Авт.-сост.: З. В. Башкатова, В. Н. Юрилов, И. Р. Соколовский; Гл. ред. Д. Я. Резун. С. 97–100, 102–105, 107–111, 113–116, 118–123, 125–127

²⁴ Содержатель двора, построенного в Пельме для приезжающих туда вогулов.

39. С. У. Ремезов. Город Пелым.
Фрагмент карты 1699-1701 гг.

№ 25. 1684. - Город Пелым по росписи сибирских городов (Извлечение)

<...> (С. 101) На Пелыме:

3 челов. детей боярских;

1 „ пятидесятник,

60 „ стрелцов и черкас¹.

А посылки с Пелыми служилым людем:

Для ясашого сбора 24 челов.;

К великим государем к Москве с ясашною казною и с отписки 3 челов.;

В Тоболеск и на Верхотурье и в Туринской с отписки 16 челов.;

Пелымского уезду в слободы у пашенных дел 3 челов.

А в остатке пелымских служилых людем 18 челов.

На Пелыме же наряду²:

Пищаль³ медная 9-ти пядная⁴, ядро в 4 гривенки⁵; треть тое пищали отгорело; к ней 290 ядер железных;

Пищаль полковая медная, ядром в гривенку с четьею⁶, к ней 28 ядер свинцовых, 94 ядра железных;

2 ... медных;

4 пищали затынных⁷;

¹ Черкасы - выходцы из Польши и с Украины.

² Т. е. артиллерии и боеприпасов.

³ Длинноствольная пушка.

⁴ Пядь - мера длины, составляющая около 20 см.

⁵ Гривенка - мера веса, равная примерно 205 граммам.

⁶ Четь - четверть.

⁷ Затынные (затышные) пищали - малокалиберные пушки, имевшие, как правило, на деревянном лафете (колоде) штырек, с помощью которого они устанавливались на крепостной стене («тыне»).

440 ядер железных к затынным пищалем.

Да в зеленом⁸ погребе:

12 пуд 30 гривенок зелья пушечного и с деревом⁹;

8 „ 8 „ с полугривенкою зелья ручного¹⁰ и с деревом,

9 „ 11 „ свинцу,

304 ядра железных в 4 и в 3 гривенки;

410 „ железных к затынным пищалем;

850 пудок свинцовых к ручным пищалем¹¹, весом 17 гривенок. <...>

Публ. по: Шишонко В. Пермская летопись с 1263 - 1881 г. Пермь, 1885.
5-й период: 1682-1725 гг. Ч. 1: с 1682 - 1694 г. С. 101

№ 26. 1701. - Ведомость сибирских городов (Извлечения)

<...> (С. 155) Пелымский город.

А по городовому списку 1700-го году тот город поставлен во [7]180-м¹ году на Пелымском старом городище. Мерею кругом города по стенам и 3 башнями 116 сажен без полусажени.

В городской стене 4 башни, в том числе башня Рождественская проезжая над Тавдою рекою, ширина 3 сажени, вышина 5 сажен с полусаженью. Башня Никольская проезжая над Тавдою же рекою, ширина 3 сажени, вышина пол 5² сажени. Башня Пелымская глухая, ширина 3 сажени, вышина 5 сажен без четверти аршина. Башня Тюменская глухая, ширина 3 сажени без полуаршина, вышина 4 сажени и два аршина.

Да на Пелыме ж новой острог³ построен в 200-м году на старом острожном месте, вышина 2 сажени. А мерею кругом острогу и 3 башнями 282 сажени с полусаженью.

В острожной стене 2 башни проезжие, в том числе башня Николаевская к Пелымке речке, ширина 3 сажени без четверти аршина, вышина 4 сажени. Башня к Тавде реке, ширина 3 сажени без четверти аршина, вышина 5 сажен без аршина.

В осторожной же стене третьи ворота подле Рождественской башни к Тавде реке. Обруб⁴ от Тавды реки под городовую стеною построен в 205-м году, мерею в длину 40 сажен без аршина, вышина 2 сажени без четверти аршина. <...>

(С. 156) Ясаку и поминков: Пелымского уезду в 10-ти волостях ясашных людем 459 человек. Ясаку и поминков на 1700-й год по окладу довелось взять на 490 рублей на 25 алтын.

И в то число в 1700-м году взято соболми и иным зверем на 317 рублей на 20 алтын на 5 денег. И та ясачная казна вся присылаетца к Москве. А в нынешнем 1701-и году в присылке по московской денежной и по примерной цене на 258 рублей 12 алтын.

А не добрано против окладу, oprичь выбылных ясашных людем, на 163 рубли 20 алтын 5 денег. А которые ясашные людем выбыли, и тех ясак в доимке писан в большом перечню. А в доимке на прошлые годы со 136-го по нынешней 1701-й год на 12311 рублей.

Публ. по: Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 155, 156

⁸ Пороховом.

⁹ С учетом веса деревянной тары (бочки).

¹⁰ Т. е. для ружей.

¹¹ Ручная пищаль - ружье.

¹ Имеется в виду последний по времени постройки деревянный «город» (кремль), возведенный в 1672 г. взамен сгоревшего.

² Четыре с половиной.

³ Стена вокруг пелымского посада в виде стоячих бревен.

⁴ Деревянное сооружение, укрепляющее стену со стороны берега.

(С. 81) ГЛАВА 6

О крещении Вагулич в року¹ 1714.

Народ сей вагульский начинает селение свое над рекою нарицаемою Тура, обдержит² же селением своим и вершины Тавды реки. Множество же вящшое³ сего народа рекою Кондою, иде же и княжыка своего имеют и вящшым сии сего повиновением, неже Остяки своих княжыков почитают. Жытельствоующии же на Тавде и Конде прилежат присудом в град Пельм и настоящим тамо правительствуются комендатом. Имеют же пределы⁴ своя различно: яже на Тавде и Туры – имеют с Татары, от ниж же навикоша сии земледелию и упражняются з прылежанием труда в сеянию и собрания плодов. А яже на Конде реки жытельствоуют, сии предел свой имеют с Остяки и питаются дивыим⁵ зелием⁶, звером, рибою. Помоществует же скудному препитанию их Конда река изобилием дивых овощей, ягод брусники и рыбы доволством; производить з-под камне Верхотурского⁷ и впадает в Иртиш, юже обходять бреги зело прекрасными лесами и пожытным⁸ ку препитанию скота местцами; зряться же хлебородныя (С. 82) некия места, зане нецьи от вагулич ячмен и овес сеют и собирают преисполненным изобилием, пры исходе же в Иртишы, идеже и пределы своя вагуличы с остяки имеют.

2. Народ сей разньствует языконаречием; обычаи же своими единоравен во всем со Остяки и обхождении со оними. Такожде бо ниже⁹ письмены каковыя имеют, ниже гражданския обычая, ниже коего художества, рукоделия, но обще едын жытия промысл: ловление рыб, птиц и стреляние зверя. Обаче же подобнейшыи красоты человеческой, неже Остяк, крепчайший и далеко мужественнейший, и не повреждени такою язвою, яко Остяки; не тако же многолюден, яко Остяцкий народ, ему же не толико обычаи подобен, но и злочестием¹⁰ своим сдиноравен. <...>

(С. 83) 5. Близ Пельма, яко разстоянием попрыще¹¹, едино бысть древо листвичное, никакого подобия не имущее растомо: се такожде от древних своих праотцев обыкома боготворить, и ничтожс тамо бысть, яко едина кумирня¹² и то древо, на нем же толико бяше навешено кож лошадынных от многочисленного прыношения скверных жертв, яко удивитися древу сему толико сдержажоу тяготу, многочисленное бо кож¹³ множество на нем бысть. Аще же и добело¹⁴ бе, толико в кожах безчисленно гдсздящимся не истле червием. <...>

(С. 84) 7. Первоначальный же в Конде идол по их зловерию зело много почитаем бяше. От далечайшой бо волости в прыношение скверных жертв прихождаху, каковым же сей подобием или есть ли иже от Остяков в Конду принесен (рис. 40), или каков древний Вагулицкий – безвестно есть, зане самым ведити не случыся; повествуется же от них обще, яко никто же от них тамо самых в скверное капище входит дерзает, ниже княжык их, толико еден некий жрец входит. Баснословят же и се, яко и глас вещения, аки бы детища, слышать, наипаче¹⁵ же егда каковых жертв требует. Почытают же сего великою честию, имеют предстоящих кумирницы двоих стражей, одеянных одеждою червленною¹⁶, имущих копие в руци украшенное. Сие же утвары общим иждивением устрояют (С. 85) и в общем полагают хранилищы, и тогда употребляют, егда предстоить кумирницы: мнят бо, яко в ветхом и нечистом одеянии не подобаше предстояти, зловеруя, яко мерзост-

¹ Рок (украинск.) – год.

² Занимает.

³ Особенное.

⁴ Т. е. границы расселения.

⁵ Дивый – дикий.

⁶ Зелие – растения.

⁷ Ошибочное название Уральских гор.

⁸ Пожитной – плодородный.

⁹ В данном случас – предлог ни.

¹⁰ Т. е. язычеством.

¹¹ Попрыще (попрыще) – верста.

¹² Здесь – священная избушка.

¹³ Кожы – шкуры животных.

¹⁴ Толстое.

¹⁵ Особенно.

¹⁶ Т. е. окрашенною в красный цвет.

40. Ханты. Гравюра из книги: *Isbrant Ides. Three years travels from Moscow over-land to China. London, 1706*

ная скверность сего чистоты любительница есть. Множайшая же баснословия о сем пренебрегохом (зане¹⁷ сами не самовидцы, глаголемая же не всяко достоверно прыемлетс о сем).

8. Множайшыя идолы безчисленны бяху в Конде; но неким Божиим предустроением многия сожжены и сокрушенны от рук творцов и служителей своих, еже бысть сице¹⁸. Не¹⁹ удостигоша тамо нозе благовествующаго спасение проповедника²⁰, яко предвары свыше Божие предустроение, правы сътворыти стези текти к скорейшому спасению человеческому. Кондыйский княжык, названнем Сатика, иже тамо правительствует подручными себе жытельствоующими над Кондою, ему же с послушанием отчасти повинуются, зане наследие от племени преждних Кондийских княжыков есть. Сей име два сыны, и по естественной родителской любви зело отрочат сих любляше. Случаем же неким, а вящше Божиим предиведением разболестася; отец же печален о болезни сих преда себе заступлению кумиров, наипаче же вверы себе шайманчыком²¹, си есть волшебником, иже и служытелем в прыношение жертв бывають, моля помоществования их, сих же усты лстивыя знаменаша неким идолом прынести жертву, обнадежуя несумнено благополучием здравия сыном его. В время убо прыношения скверных жертв, или скоро по прыношению, оба чада умроста. Сей же исполнен тяжчайшыя жалости, наипаче же лестию²² оболщен, прыем секиру²³ и сокруши многия идолы; прыблизыся же сам свыше устроенным намирением к (С. 86) первоначальному²⁴ своему кумиру, и егда хотяше сокрушыть, от народа молим бысть, и неким мздовоздожанием утолим, остави сего, иная же сожже огнем предочищая путь благовесованию, сам же княжек пребысть доселе в сумнении зловерия своего. <...>

(С. 98) ГЛАВА 8-я

О крещении Вагуличов в Конде 1715 году.

1. Аще убо и толикимым недугом одержым бысть, обаче всегда свыше²⁵ укрепляем; ищущыи спасения человеческого трудятся, недуют, но не изне-

¹⁷ Зане – потому что.

¹⁸ Так.

¹⁹⁻²⁰ Т. е. еще до прибытия миссионсров во главе с Филаретом Лещинским.

²¹ Шаманом.

²² Обманом.

²³ Здесь – топор.

²⁴ Т. е. главному.

²⁵ Свыше.

²²⁶ Феодор (Филарет) Лешинский.

²²⁷⁻²²⁸ Здесь – описание плавания по Кондинскому сору в низовьях реки.

²²⁹ Твердыни.

²³⁰ На нас.

²³¹ Но, однако.

²³² Маскарадная фигура? Идол?

²³³ На груди.

²³⁴ Странно, удивительно.

магают, окрелетавают, паче текуть и не трудятся; тако и сей учитель наш²²⁶, летнего дождавшыся времени, воспрять и паки путешествие свое в Конду водным плаванием, о ней же прежде воспомянухом, ныне же о устии ея или о исходе мало что извистим, наипаче яко нам многотруден и всякому плавающему бысть.

2. Устие²²⁷ ея толико, яко неудоб зрением, и многими воды разливаешся человеческим досязать пристанища берегов: толико некия острова являються, обаче вся сия мелка, яко несть проходима суднами большими, иногда противными ветры судно на мелких сих местцах сокрушаемо бывает, до берегов же в сию или в оную страну неудоб достигнути мелких ради мест. Исход же самыя Конды зело глыбок, покрывается водами яко неудобно сего ведать, и с (С. 99) премногою трудностью проведя сего выплывают от устия в верх реки в два дни²²⁸. Сие и наше бысть благополучие в плавании нашем. Егда же изыдохом в самую Конду, тогда зело красными, веселыми и пажытными местцами брега ея обходящия узрехом. Бысть же нам в проповеди многомятежна и преизлишны наполни учителя трудов смущения, зане zde диявол крепчайшее нечестие своего укрепил бяше гнездилище. <...>

2. Достигохом же сея тверды²²⁹ нечестия. Плавающим же нам, егда близ бехом жылиц, иде же той скверны соблюдаем бяше истукан, известихомся от многих, яко собращеся многое множество вооруженных, души своя хотяще положити при скверным сего капищу, ниже отступити своего злосчестия. Учитель же проповеди превзирая сих множество: «Аще ополчиться на мя полк, не убоится сердце, и аще встанет, рече, на мя брань, на Господа уповаю» – немедленно поспеши. Егда же достигохом жылиц сих, нарыцаемые юрты Нахрачевы от имени начальствующаго тамо Нахрача Евплаева, иже есть начальник, державец и служитель скверного того истукана, узрехом множество предстоящего собранного народа, вси же сии яростию взираху на ны²³⁰; обаче²³¹ и благопрятство явиша нам: яко в начале не возбраниша оружием ко берегу жылице своих пристати.

(С. 100) 4. У пристани же изыдохом к собранному народу и начальнику их Нахрачу Евплаеву и прыветствовахом от лица проповеди учителя всих мира, здравия и всякого благополучия желанием. Обаче, презревше сие гражданство наше, отвечаша нам: «Вемы вину пришествия вашего, яко ласкателством своим хотите отвратити нас от древня веры нашея и от древле почитаемого нами помощника разорить, сокрушить, но всуе трудитесь: zde вси главы наша положим, сего же сътворити вам не попустим». – И абие все единодушно отъидоста в скверное чтилище кумира.

5. Кумир же сей изсечен бе из древа, оделяя одеждою зеленою, злообразное лице белым железом обложено, на главе его лисица черная положена; чтилище все, наипаче же седалище сего украшено сукном червленым; поставлен же высочае прочих; иныи же нижеа около предстоять меньшии кумиры, их же глаголют быти служителей настоящего кумира. Иных же утварей, кафтанов, белок и прочих пред ним полагаемо бысть много, его же злообразие написася подробну в лицах со всим его знаменем поставляем, но каково страшилище сие бесовское.

6. Бездушная шкарад²³² такового себе избра служителя прежде воспоминаемаго Нахрача Евплаева, иже злоображен, черн, горб на персех²³³ и на плещех имеющ. Обаче толь тепл скверного своего бяше любитель кумира, яко неотступне пребываше у сего. Моление же его чудесно²³⁴. Глас тонце испущаше, никакова наречья не знаменующ, но як млад телец рыкая, последи

же мизканием²³⁵ некаким окончеваше, и тако пребывая в чтилищи своем многократне в ден той безстудное, паче безумное сие твораше моление.

(С. 101) 7. Не толико же он сам, но и весь народ, тамо собранный, зело почитаху сего сквернаго истукана, зане прославляху сего паче истуканов древнейшаго, и отсюду немалую сему прычитоваху похвалу, яко во дни Ермака, егда покоры Сибер под область российскую, и от того идола налагаемыя Ярмакову повелению даяху дани наследием отец и праотец своих; сей Нахрач державец бяше сего кумира, и отсюду паче иных скудников бедствующих единовравных друзей своих изобилием и богатством превознесся, зане толико бяше сей нечестивый во всей Остяцкой стране почитаемый, яко Обские и прочих проток шайтанчики, си есть служителие кумиров, приходяху к сему державцу кумира и дарами умоляху, да в их селения отпустить. Егда же удоволять дарами и отпустит им, тогда оны в своих жылищах тшатся скверным приношением жертв в скудости ползоватися.

8. Предстоящим же нам у пристанища не малое время, толь сверып²³⁶ собран народ и дивый бяше и чуждахуся, ниже к нам, ниже к себе нам приходи ти попущаху; обаче немалым временем навыкоша друголюбного сообщения, обхождения с нами, начаша нецыи входити на судно учителя; учитель же всяким благопрятством и любовью привлекаше к себе, дабы угоднее возмогл к ним начати проповедь; обаче, егда нача учити я²³⁷ отставить нечестивыя кумиры, не в сладость бяше им, но горким въздыханием ответствоваху: «Не буди нам се еже отринуты сего кумира, толикою древностию отец и праотец наших почитаемого. Аще же и высокое повеление царское великаго Юсударя нашего есть вама кумиры и чтилища наша разоряти, обаче молим вас, наложите дань на сего, яко же во дни своя Ер(С. 102)мак на год взимаше три рубля; ныне же умножим и чотыри по вся годы даяти, толико оставете сие повеление». – Учитель же въздохну ответствоваше чрез толковника²³⁸: «Горе вам, яко толико вас сатана ослепи безумием, что благодать, туне даемую вам, отмените, погибель же вечную роду всему ценою приобрести возжелесте. Не ули сатана доселе удоволи себе погибелию душ отец и праотец ваших, егда толикими древними леты пренебрегли спасения вашего и оставлены бысте погибшая тварь. Ныне же Господь призре на вас, о содержаей в руке своей сердце Царево, понуди сего быти вам спасителем, положи бо на сердце его не дани сия мерзския и безстудныя, но спасения душ ваших искать. И нама не буди се безумие взимать погибелную цену душ ваших, сия чотыре рубля; души же ваши толикия драгости, яко кровию всея твари Творца и Юспода нашего искупленны попускать погибели вечной не хочу». – Толиким бо учением просвещены, начаху усумневатися и ревность по нечестии и зловерии их нача умалятися.

9. Времени же мало мимошедшу, учителю всегдашним учением понуждающе, начаху колебаться в своем твердом нечестии, прислаша ко учителю от среды своя искуснейших старейшин в совет, како и какими статьи²³⁹ приступить имеют к благочестию, яже толь безумия исполненна явишася, яко достойны бяху всеми сим посмеятися миру. Начаша же сие послание свое: «Повинемся ныне (рече) указу и повелению Юсудареву. Такожде, рече учителю, и твоего не отметнем учения, но толико молим вас: первое, и отрините и нашего от толиких древних лет отец и праотец наших почитаемого кумира, но и егда нас крестити соизволяете, не пренебрежите и шайтана тожде почитать (С. 103) честию, окрестите сего крестом паче нас честнейшим, златым; украсити потщимся и поставити убо церковь от своего имени меж-

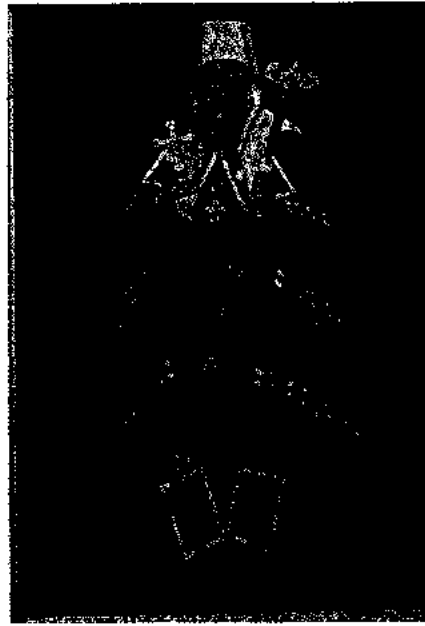
²³⁵ Мизкание – беспорядочное движение на месте, ерзанье.

²³⁶ Свирепый, злой.

²³⁷ Их.

²³⁸ Т. е. через переводчика.

²³⁹ Т. е. на каких условиях.

41. Митрополит Филофей
(ставронах Феодор) Лещинский.
Гравюра с портрета неиз-
вестного художника XVIII в.

*40 Запрещено.

ду иконами, по обычаю, и нашего посреди поставим. Второе, мяс лошадиных да не будет заповедаемо*40 нам вкушать, зане несть толико в мире сладкого ядения, приятна бы толико нам, яко жития нашего лишиться можем, ниже сего сладкоястия. Прочая же наипаче молим не разлучати нас с многими жены нашими, ниже впреды нам возбраняти многоженства, жен же наших отнюдь не крестить вашим священником, но сами окрестим коиждо свою жену в воду, и кресты наложим. Сия вся аще нам позволено будет, восприемле и единоверие и закон ваш».

10. Учитель же смиренне приемше послание сих, рече им: «Мужие и старцы, егда воззрех на вас, толикою сединою почтенных, мню вас быти преисполненных разума, но, увы, коль сатана посмеялся вам и своими коварствы толь ослепи умы ваша, низведе в безумие: не яко бо старцы, яко детища младомысля, баснословице предлагаемая. Не ули можетет познати тмы с светом разделение: раздели бо Бог между тмою и светом, тму нарече ночь, свет же нарече день, иже яве вам творити познати. Яко не бывает единокупно и день и ночь и особне день. Всяк в своей разнствует славе; како убо вы за едино смешиваете тму с светом, честное с скверным, богомерзкаго кумира сочтати вожделесте Богопочитаемым иконам, яже суть изображающия самого небес и земли Творца, тожде и служителей его и угодников Божиих; вы же за едино злособразие сие сатанино, слепотствующими умы вашими почитаемое, хоче причтати единойравной сих чести; глаголете же и крещением (С. 104) очистить сию бездушную шкаредь. <...>

11. Приемше убо известие от посланных, собрание безумных зело возмутися и противоста проповеди вяще, убийством дышуще на ны, начаша поносить нам и укоряху, яко вси отчаяхомся спасения их. Обаче, учитель не сумневашеся, глаголаше неким Божиим предвидением вскоре узрети их в купели крещения, яже и собысться. Настоящу дню праздничну равноапостолнаго князя Владимира*41, прииде к учителю никто от собрания сих, почитаемый у них старейшина, именем Помжук, иже любезно приседаши пропо-

*41 15 июля по старому стилю.

веди учителя, возжела крещения и нача (С. 105) молити учителя сподобить его крещения. Учитель приемши сего, учреди всяким благоприятством и отпусти его к собранию, да сию приемшую свыше благодать и прочим явить и привлечет ко спасению душ их. Егда же изыде к собранию, и начат их укоряти безумными: «Почто вы противетесь повелению цареву и отрицаетесь христианския веры: ведите ведуще, яко за непослушание прогневается Бог и Государь, и послет воя*42 и всех нас истребит в конец и земля наша пуста будет. Повеление бо цареву страшно и непослушающим его смерти достойны». – За что начаша и его укоряти. Он же паки к ним: «Доколе благодать сию, спасение душ наших... и приседем погибели древних отец наших, ничтоже ведуще: аз убо приемлю повеление Государя моего и сие полезное учение учителя». – И сими словы аки мечем разсече сопряженный сей союз и стать всем противу проповеди. Мнози бо внешне рекшему, начаша приступати до единомыслия с ним; инии же не хотяху, молву в народе возмутиша; едины бо глаголаху приять крещение, шайтана же своего сожеч не подают, но на особом где месте бросить сего, и к нему впредь не ходить и не поклоняться, о чем и учителя понуждаху; инии же весма не хотяху креститися. И бысть весь день и ночь молва и прение. Дню же паки возсиявшу, возсия и благодать в сердцах невернаго рода, и от Сего, иже рече учеником своим: мир вам, и бысть мир, уста*43 прение и молва, но тишайшею кротостию прииде все собрание к учителю, рекше: «Сотвори с нами, еже хощещи, и чтитиша и кумиры яко хощещи разорьяй».

12. Изшедше же учитель к собранному народу, поучи я доволно, и преготовльши ко крещению, начаша отрицальныя*44 (С. 106) молитвы. Сатана же не преста козней своих, но избра себе орудие, злообразную себе ипостась собранию Нахрача Евплаева, иже, мал, худ, горб на персех и на плещех, той бо рече: «Блюдеся, друзи, сего, егда начнут вас тязати, не примуйте сего, то бо есть волшебство христианское; таже егде будут вам стрищи власы, то вырезовати муть из вас души». – Егда начаша священницы елеом*45 помазovati, абие народ возмутися и вси убегоша во своя жилища, и едва возмогохом собрати народ паки. По всем же том, егда начахом крестити, народ весь предстоящий побеже в воду и сами погружахуся глаголюще: «Клади не мене крест, я уже крещен». – Мы же едва молением изведохом из воды народ и чиновно начахом крестити, и благодатию Божиею крестися вси. При кончине же крещения паки диявол возмути раба своего, онаго Евплова, иже взял жезл прибеже к реке, начать народ от крещения отгоняти, народ же устремися на него и возложиша руце биюще его, и прогнаша даже до селении. Егда же крещение окончися, присла к нам Евплов оный сына своего, глаголя: «Аще сам мене архиерей окрестит, то и аз приму крещение». – Се же слышавши, мы, аще и немоществовахом зело, но забывши немощи, скоро от ладии*46 изыдохом, и во уготованном месте начахом отрицательныя молитвы. Егда же прииде сие слово: иждени из него всяк лукавый и нечистый дух, гнездящийся в сердцах его, – абие возтрепета аки бесный, и начат главу от знамения крестнаго обрати семо и овамо, и мало не паде на землю, и воскрыча нелепо, и исторжеся от рук и убежа. Емше же его, вопросихом вины; он же рече нама, яко страх найде на мя, и болезнь пронзе ми сердце; мы же рекохом, яко отверзи страх сей, (С. 107) но веруй несумненно, яко здрав будещи и никакой не ощутиши болезни, – и едва умоляхом его паки отрицанию, но обаче тожде сотвори, не стерпе осинения креста Господня, и нача воплиати, исторгши нож на ны рече, яко болезнь ми пронзает утробу и сердце. Народ же слы-

*42 Воинов.

*43 Прекратились.

*44 Т. е. о проклятии ересей.

*45 Т. е. елеем.

*46 Ладия – ладья, судно.

шавши сие устремися, мяще яко в действиях и словех сих некая поражающая и убивающая сила есть, обаче неции, им же во отрицаниях ничто же приключися, глаголаше к нему: «Не бойся, ничтоже постраждеши».

13. По крещении же всем преставиша трапезу, прочиих с начальником их умоли учитель внийти в судно – вкусити с собою трапезы, предьядяше им, и по трапезе рече к ним учитель: «Яко подобает всем истребить от жилищ ваших скернаго истыкана, да не будет скверное посреде собрания вашего, уже вы чисти есте». Многая же о сем наипаче бысть распря, и овии глаголаху: «Ни, да занесен будет в пуста места и непроходна». – Многу же бывшу

42. Семья манси. Гравюра из книги: Witsen N.-G. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam, 1692

между ими несогласию, доспехом ночи и тма покры землю. Тогда еще всезлая тма, диявол некий, имея своих рачителей, научи коварства сицеваго: идола самага, о его же пряхуся с нами много, да не сожжен будет, украдше поставиша инаго, а украденнаго отнесоша в далное место, надеющися, не будет ли время, в неже могут паки на свое нечестие возвратитись. Посем соизволиша отдати идола подставленнаго за кустодию⁴⁷ нашу, толко моляху нас: «Да не пред нашими, рече, очима сожжен будет». – Егда же приспе время уже сожеши его, един от наших удари того идола, яко ему пасти; тогда паки бысть вопль и роптание много, яко и оружие взяти на ны, глаголюще: «Почто тако безчестите и ругаете нашего бога», – и едва народ укротися и от(С. 108)ступи от кумирни, взятаго же идола слезными приводяху очима, и глаголаху: «Пойди, боже наш, пал еси в руки Русаков немилостивых». – И тако седши в ладью со идолом и за реку преплывше, огнем сожгоша, последи⁴⁸ и кумирню раззориша. Благополучно отплывше оттуду, всюду крещением просвещахом, еликих обретахом, и доспехом юрт Катышевых. Тамо прииде к нам посланник от их князя Сатыги, аки с молением просяще, да скорее спешим до их собрания: уже бо, рече, все собрахомся для крещения. Вещию же самую⁴⁹ присла разсмотрети, многолюдно ли к ним идем. Той бо Сатыга, князец Кондийский, вся своя собраху люди, человек до шести сот вооружен-

⁴⁷ Стражу, охрану.

⁴⁸ Затем.

⁴⁹ Вещию самую – на самом деле.

ных, подущением некого махометянина⁵⁰, пришедшаго от Тобольска и им глаголюще: «Аз, рече, сам видех царское повеление во граде прибито, в нем же Государь повелевает, кто убьет архиерея, не будет за то ему казни». – И тым возмути народ и научи Сатыгу, еже хитростию нань подвизати и непадежных напад всех смерти предати. Но запиная Бог лукавым в коварстве и откры ту лесть их. Нецыи бо Вагуличи от того же полчища к нам пришедше и видевшя наше к себе благодеяние тайно известиша: «Блюдитесь, рече, сеи есть хитрость нашего князя: той бо всецело умысли напасти вас нечаянно⁵¹ и предати смерти». – Тогда в нас дух аще бодр, но плоть немоществующи устрашенна, хотехом бежати во свояси. Обратихомся ко совету, что сотворити не ведуще. Некий же от наших рече: «Аще начнем бежати, то и сии, иже крестися, восстанут на ны и побьют нас; но воли Божией предавшяся впредь идохом⁵², иде же князец Сатыга с народом бяше». – Сатыга же слышав, яко небоязненно грядем к нему, остави народ (С. 109) собранный, сам бежа идолу своему принести жертву, помощи присяше от беса на свое ухищрение. И егда приидохом, узрехом народ мног, иже сотвориша кличь и вопль мног, злословяще нас и страшаще своим князем, и в день суботный, в час обедный прииде князь с помощию бесовскою, начат многоразличныя о нас коварства строити, но Бог нам его хитрости чрез их же людей открываше. И бысть то чрез три дни, и виде народ, яко ничто же князь их козными своими успевае, воста на князя глаголющы народ: «Ты, рече, бесишися и хоцещи брань сотворити с Государем, и сам, рече, погибнеши и нас погубиши». – И вси его оставльше бежаша. Последжде и князь убежа во свое жилище, мы же победное воспевше, иже осташа, начахом поучати о крещении, и ни мало сопротивльшяся, елицы же обретохом – крестихом, и еще далее поидохом.

Публ. по: Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году / Изд. под ред. Л. Н. Майкова. СПб., 1884. С. 81–82, 83, 84–86, 98–109 (Сер. Памятники древней письменности и искусства)

№ 28. 1740. – Миллер Г. Ф. Известия о реке Конде из устных рассказов различных остяков и вогулов, живущих на этой реке

(С. 284) Об устье этой реки упомянуто в предыдущем описании⁵¹ и сказано, что она здесь разливается в ширину на версту. Но так как это основано на том, что местность здесь плоская и низменная, то этот разлив простирается вверх по течению реки не далее чем приблизительно на 8–10 верст, откуда выше средняя ширина составляет, пожалуй, примерно 200 сажений. То же, что она и далее имеет такую значительную ширину, здесь следует точно так же приписать плоской и болотистой местности. И как раз по этой причине течение реки очень медленное, берега большей частью низкие, однако везде очень лесистые. Дно песчаное и илистое. Конда принимает в себя много рек и ручек, которые идут вверх по течению в нижеследующем порядке.

Weschit-jäga, с южной стороны, в одном дне пути на лодке вверх по течению от устья; возникает на расстоянии 3 дней пути на широте Цингальских юрт на р. Иртыше, так как остяки зимой доходят оттуда до истока пешком за один день.

⁵⁰ Т. е. мусульманина.

⁵¹ Внезапно.

⁵² Впредь идохом – вперед пойдем.

⁵¹ См.: Миллер Г. Ф. Путешествие от Березова вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска. 1740 г. // Элерт А. Х. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 266 (ссылки на страницы указанного описания при упоминании его в данном тексте в дальнейшем не приводятся).

Kitlengur-jäga, с севера, примерно в 5 верстах от предыдущей; исток в ½ дня пути.

Kâm-jäga, с северо-запада, в ½ дня пути от предыдущей; исток в 3 днях пути. В Kâm-jäga с северо-восточной стороны впадают: Jink-chaire-jäga, в ½ дня пути от устья; Londsjem-jäga, в ½ дня пути от предыдущей; Piltra-jäga, в ½ дня пути от предыдущей. О последних двух в предыдущем описании путешествия в Тобольск сказано, что по соседству с ними находится исток речки Sogom-jäga, впадающей в Иртыш.

Kalchong- или Kalcha-jäga, с юга, в ½ дня пути выше Kâm-jäga; возникает на расстоянии 1 ½ дней пути.

Pöipil-jäga, с юга, в ½ дня пути от предыдущей; исток в 3 днях пути на широте Цингальских юрт на р. Иртыше.

Leung-jäga, с юга, намного выше предыдущей; исток в 1 дне пути.

Márti-jäga, с севера, в ½ дня пути от предыдущей; исток в 5 днях пути.

Säga-jäga, с севера, в 1 дне от предыдущей; исток в 1 дне пути.

Öpne-jäga, то есть Большая речка, с юга, в 1 дне пути от предыдущей. Возникает на расстоянии примерно в 10 верст из озера, или так называемого сора, откуда имеется обычный путь до дер. Романовой и Мурзинских юрт на р. Иртыше, о котором упомянуто в предыдущем описании при указанных деревнях.

На устье речки Öpne-jäga, на южном берегу Конды, имеется построенная для остяков церковь **Богоявления Господня**, возле которой помимо церковных служителей живет также много остяков. А называется пункт Балчаровским, или также Богоявленским, погостом. Первое из этих названий основано на том, что в обыденной речи остяки, живущие в этих низовьях р. Конды, объединяются под названием Балчаровская волость. Однако в ясачных книгах эта волость называется **Меньшая Конда**. Она состоит из 91 человека, каждый из которых платит мехами по цене на 2 рубля. От устья Конды до Балчаровского погоста зимой 2 дня пути на лошадях, а пешком 6 дней пути.

Tugüt-jäga, с юга, в 1 дне пути от Öpne-jäga. Возникает на расстоянии 1 дня пути, где имеется также исток другой речки Tugüt-jäga, впадающей в Иртыш в 25 верстах выше Демьянска. Как я уже об этом упомянул в вышеперечисленном путевом описании, эти две речки служат остякам для сообщений между Иртышом и Кондой. Однако у них имеется и другой путь – от расположенной немного выше речки Tugüt на Конде остяцкой деревни, называемой Чесноковыми юртами, который ведет к деревне Солянке возле Юрового погоста на Иртыше и который преодолевается зимой с подводой за один день.

(С. 285) Cháschmi-jäga, с севера, в 5 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии ½ дня пути из сора.

Ubýtli-jäga, с севера, в 5 верстах от предыдущей; исток на расстоянии ½ дня пути из сора. В этот сор с севера впадает речка Wasch-jäga; ее исток находится на расстоянии лишь нескольких верст. На восточной стороне этой речки на открытом болоте находится холм, который кажется насыпанным, и на этом холме видны следы бывшего остяцкого укрепления. От этого и получила речка свое название.

Lónge-jäga, с севера, в ½ дня пути от предыдущей; исток на расстоянии 1 дня пути из сора.

Wai-jäga, с севера, в ½ дня пути от предыдущей; исток в 2 днях пути.

Chantsche-jäga, с севера, в ½ дня пути от предыдущей; исток в 1 дне пути. Поскольку название Chantsche в остяцком языке означает то же самое, что

и написанный или разрисованный фигурами, то я разузнал о причине этого и получил объяснение, что в этой речке ловится много окуней и ершей, которые, особенно первые, называются из-за этих пятен по-остяцки Chantschechul, то есть **писаная рыба**.

Досюда простирается вышеуказанная Балчаровская волость, или так называемая **Меньшая Конда**. Следующие далее остьяки, которые, однако, сильно перемешаны с вогулами, в обыденной речи объединяются под названием Награчинская волость, поскольку среди них был знаменитый шаман по имени Награч, который еще жил приблизительно 20 лет назад. А в ясачных книгах пишется Ю-Конда, вероятно, из-за названной так по-русски речки, которая будет приведена ниже. Ибо если попытаться вывести название речки из названия волости, то в этом случае непонятно, от чего могла быть так названа волость, тогда как происхождение названия у речки может быть в некоторой степени объяснено. Волость состоит из 93 человек, из которых 20 человек определены поставлять в казну различные меха на 1 руб. 50 коп., а 73 человека – на 1 руб. 4 коп. [каждый].

Talle-jäga, с севера, в ½ дня пути от Chantsche-jäga; исток в 1 дне пути из сора.

Награчинский Троицкий погост, на северном берегу, в ½ пути от предыдущей речки. Здесь имеется построенная для остяков церковь **Живоначальных Троицы**, при которой имеются также остяцкие жилища. Как раз в этом месте, говорят, жил знаменитый шаман Награч. От Балчаровского погоста досюда зимой 1 ½ дня пути на лошадях, 4 дня пути пешком.

Рч. Юк-Конда, по-остяцки Iunk-jäga, с севера, в 1 версте от погоста; возникает на расстоянии 6 дней пути из сора. Остяцкое название означает, видимо, то же самое, что и Jink-jäga, то есть Водяная речка, ибо она шире и глубже, чем все другие впадающие в Конду речки. А отсюда-то представляется вероятным, что с русской стороны ее при наименовании сравнивали с Кондой, и лишь прибавлением Юк, которое, видимо, является искажением остяцкого Iunk, хотели сделать различие. В сор, из которого возникает Юк-Конда, впадает речка L'sig-jäga с северной стороны, до истока которой ½ дня пути.

Nachrang-jäga, с севера, в 1 дне пути от Юк-Конды; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Kam-jäga, с юга, в 1 ½ днях пути от предыдущей; исток в 5 днях пути. В Kam с юго-востока впадает Londim-jäga, в 2 днях пути от устья. Исток в 2 днях пути из озера, или сора, в окрестностях которого имеется еще много других озер, из которых речка Rengija впадает в маленькую реку Алымку, а Алымка впадает в Иртыш. От устья Kam-jäga вдоль речек Londim и Rengija, поперек через Алымку и точно так же через впадающую в Иртыш речку Naske имеется обычная сухопутная остяцкая дорога до деревни Солниковой (так у А. Х. Элерта. – *Авт.*) на протоке Тайме реки Иртыша, по которой ездят зимой на лошадях без подвод и преодолевают ее в лучшем случае за два дня. Об указанных речках и местности смотри предыдущее описание между Демьянском и Тобольском. Живущие на речках Kam и Londim остяки не относятся к Награчинской волости, а образуют собственную маленькую волость, которая в ясачных книгах называется Ландпинской, вероятно, путем искажения названия Londim. Их имеется 15 человек, однако при платеже ясака они считаются вместе с (С. 286) предыдущей Балчаровской волостью, поэтому они и включены в число показанных в данной волости 91 человека.

* Далее зачеркнуто без прибавления jäga, поскольку у остояков и вогулов не принято так называть главные реки, а лишь впадающие в них маленькие реки-притоки и речки.

43. Пельым. Гравюра XVIII в.
по рисунку 1742 г.
И. В. Льюрсенуса

² В Пельме Г. Ф. Миллер побывал в феврале 1742 г. См.: Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 149–153 (маршрут путешествия). Эти его путевые описания не опубликованы.

³ В полевом дневнике Миллер пишет, что ясачные Леушинской волости, относящиеся к Тобольску, и ясачные Кондинской волости, относящиеся к Пельму, живут смешанно между собой по р. Ах и впадающим в нее речкам (Элерт А. Х. Сибирь XVIII века... Комментарии. С. 307).

Njólmi-jäga, с севера, в 1½ дня пути от Kam-jäga; исток в 1 дне пути.
Útloch-jäga, с юга, в 1 малом дне пути от предыдущей; исток в 1 дне пути.
Chóssing-jäga, с юга, в 1 малом дне пути от предыдущей; исток в 2 днях пути.
Здесь заканчивается Награчинская волость, и далее вверх Конда с впадающими в нее реками и речками заселена лишь вогулами, которые также разделены в различные волости, как об этом последует в соответствующем месте.

Приблизительно в 3 верстах от Chóssing-jäga Конда разделяется на два рукава одинаковой величины. Первый из них, или северный, сохраняет предыдущее название Конда, а левый называется Iächt, или Acht, или Acht⁴. Пер-

вый течет с северо-запада, а второй – с запада. Оба они в давние времена полностью относились к Пельмскому уезду и сейчас еще большей частью относятся к нему. Поэтому пельмские вогулы, из которых я, однако, никого не имел возможности опросить, могли бы, пожалуй, дать о них наиболее обстоятельные сведения⁵. Несмотря на это, я хочу здесь вставить то, что уже разузнал, и в первую очередь описать Acht.

О рукаве Acht вообще следует сказать, что он течет через 7 больших озер, какие в тамошнем вогульском диалекте называются словом Tuman. А между тем в него, как и в озера, впадают многочисленные маленькие реки и речки.

Pau-jä, впадает в Acht с южной стороны, в 3 верстах от места его впадения в Конду; возникает на расстоянии нескольких верст. Слово jä означает в местном вогульском диалекте то же, что и остоякое jäga, а именно речку или реку, являющуюся притоком главной реки. Главные реки, такие как Acht, Конда, Иртыш, называются лишь их именами, без подобных добавлений.

Леушинской погост, на южном берегу р. Acht, немного выше предыдущей речки. Здесь имеется построенная для вогулов церковь Сочествия Святого Духа наряду с несколькими вогульскими жилищами. Название взято по соседству с нижеследующим озером и речкой. Несколько живущих на реке Acht вогулов называются от этого Леушинской волостью. Однако их всего лишь 5 человек, каждый из которых платит в казну пушниной на 2 рубля, и они являются последними в Тобольском уезде. Остальные вплоть до истока реки относятся к Пельму, где они объединяются под названием Большая Кондинская волость⁶.

Leusch-tuman, первое озеро, через которое течет Acht, в 2 верстах от Pau-jä. Имеет длину с востока на запад в один день пути и ширину в 10 верст.

Leusch-jä, впадает в предыдущее озеро с южной стороны, в ½ дня пути от Pau-jä; возникает на расстоянии 4 дней пути. В Leusch с юго-востока впадает Chortul-jä, в 1 дне пути от устья; исток в 1 дне пути.

Ters-jä, впадает в предыдущее озеро с северной стороны, немного выше речки Leusch; исток в 1 дне пути.

Agmyng-jä, впадает в то же озеро с северо-запада, в ½ дня пути от предыдущей речки; исток в 1 дне пути. Оттуда в пределах видимости верхний конец озера, где в него впадает река Acht.

Chóni-chuib-tuman, второе озеро, через которое протекает Acht, в 3 верстах от озера Leusch. Длинной в 6 верст и шириной приблизительно в 2 версты.

Léu-jä, впадает в предыдущее озеро с южной стороны, в его верхний конец; исток в 3 днях пути.

Racht-tuman, 3-е озеро, в 2 верстах от предыдущего. Длинной в 8–10 верст и шириной в 4 версты.

(С. 287) Chante-jä, впадает в реку Acht с южной стороны, в ½ дня пути выше предыдущего озера; исток в 4 днях пути.

Paul-jä-tuman, 4-е озеро, немного выше предыдущей речки. Длинной в 4 версты и шириной примерно в 2 версты.

Paul-jä, впадает в предыдущее озеро с северной стороны, приблизительно в его середине или половине; исток в 1½ днях пути.

Sächla-tuman, 5-е озеро, в 1 версте от предыдущего. Длинной в 3 версты и шириной примерно в 1 версту.

Wónter-twáni-tumán, 6-е озеро, в 1 версте от предыдущего; имеет одинаковую с ним величину.

Chárta-tumán, 7-е и последнее озеро, через которое протекает река Acht, в 2 верстах от предыдущего. Длинной в 5 верст и шириной в 2 версты. С ним кончается река Acht, поскольку хотя это озеро и принимает в себя с другой стороны речки, которые могут быть приняты за исток реки Acht, они все же носят другие названия, а именно⁶.

Charte-jä, впадает в Charta-tumán с северо-запада⁷, недалеко от его верхнего конца, а возникает на расстоянии 1 дня пути. На этой речке имеется Благовещенский погост, на ее юго-западном берегу, недалеко от устья, с церковью Благовещения Богородицы, поскольку здесь находится правление Большой Кондинской волости. От Леушинского погоста досюда 2 дня пути на лошадях.

Iéur-jä, впадает в озеро Charta-tumán с запада, в 3 верстах от предыдущей речки Charte-jä; возникает на расстоянии 2 дней пути. В нее впадает с южной стороны Usch-jä, в 1 дне пути от устья; исток в 1 дне пути. От истока Usch-jä 2 дня пути пешком или 1 день пути на лошадях напрямую по суше, не пересекая никаких речек, до города Пельма. Это же является обычной дорогой, которую используют от Пельма до Конды.

Досюда приведенные известия могут быть еще довольно полными и правильными, поскольку они происходят от людей, которые⁸ большей частью живут в этих местах или, по крайней мере, через многократные путешествия во все стороны имеют об этом достаточные знания. А поскольку здесь еще осталось описать верховья р. Конды выше по течению от реки Acht, жителей которых, как и людей, бывавших до истока Конды, я до сих пор не имел случая встретить, то предохраню себя, если приведенные об этом сведения могут оказаться как недостаточными, так и в некоторых местах неверными.

⁶ Далее зачеркнуто Leusch-jä, впадает в Charta-tumán с юго-запада, недалеко от его верхнего конца; возникает на расстоянии 2 дней пути.

⁷ Далее зачеркнуто в 3 верстах от предыдущей, а также.

⁸ Далее зачеркнуто юго-запада или.

⁹ Далее зачеркнуто сами бывавшие во всех описанных местах.

Kásning-jä, впадает в Конду с юго-запада, в ½ дня пути выше реки Acht; возникает на расстоянии 1 дня пути из сора.

Tar-jä, с севера, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 4 днях пути. В нее впадают:

Sáprat-jä, с востока, в 1 дне пути от устья; исток в 1 дне пути из сора.

Múroch-jä, с востока, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 1 ½ днях пути из сора.

Using-jä, с юго-запада, в одном дне пути от Tar-jä; исток в 1 ½ днях пути.

Téter-jä, с севера, в 4 верстах от предыдущей; исток в 2 днях пути.

Iáni-téter-jä, с севера, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 2 днях пути.

Mulm- или Müllom-jä, с севера, в 5 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 5–6 дней пути. В нее впадают:

Murt-jä, с запада, в 1 ½ днях пути от устья; исток в 2 днях пути.

(С. 288) Müroch-jä, с запада, в 2 днях пути от предыдущей; исток в 3 днях пути.

Tunk-jä, с северо-востока, а насколько выше предыдущей – неизвестно.

В описании путешествия в Березов по поводу реки Emdet упомянута также речка Mullom и сказано, что в нее с северо-запада впадает речка Tunga. Хотя здесь, может быть, выясняется, что это Tunk-jä, только не согласуется местность, из которой описано ее течение.

Usch-jä, с юго-запада, в 1 дне пути от Mullom; исток в 1 ½ днях пути.

Schaim-jä, с юго-запада, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 2 днях пути.

Umut-tuman, озеро, через которое протекает Конда, в ½ дня пути от предыдущей речки. Длинной в один большой день пути и шириной в ½ дня пути.

Umut-jä, впадает в Конду с северной стороны, в 1 дне пути от предыдущего озера; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Pétscher-ächt-jä, с севера, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 2 днях пути. В этом месте р. Конда течет прямо с севера.

Ese-jä, впадает в Конду с западной стороны, в 1 ½ днях пути от Pétcher-ächt, а течет точно так же с севера. Исток находится на расстоянии 6 дней пути из сора. В описании р. Сосьвы по поводу Малой Сосьвы упомянуто о соседстве с речкой Ese.

От Ese-jä р. Конда еще проходима для лодок на расстоянии в 3 дня пути вверх по течению, а дальше это невозможно из-за узости и мелководья реки, так как ее исток находится на расстоянии лишь около 2 дней пути пешком. Этот исток описывается вытекающим из болота.

Живущие по Конде выше реки Acht вогулы в старые времена все относились к Пелымскому уезду. Сейчас часть из них платит свои подати ясачным сборщикам, посланным из Тобольска, и причисляется к Тобольскому уезду. В ясачных книгах они приводятся под заголовком «Кондинская волость Пелымского уезда», в обыденной речи они, однако, чаще называются Сотниковой волостью. Их 48 человек, которые определены поставлять в казну меха по оценке на 1 руб. 50 коп. [каждый]. Остальные относятся к Пелыму под названием Малая* Кондинская волость.

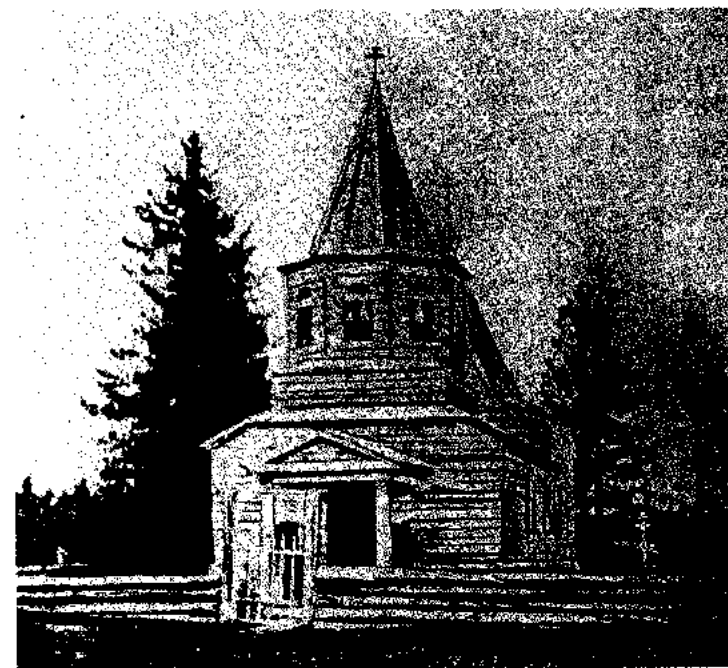
Название реки в вогульском и остяцком языках выговаривается одинаковым образом, а именно Chondang или Chondank. Отсюда возникло русское [название] Конда.

Публ. по: Элерт А. Х. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 284–288

* Здесь, видимо, ошибка, и следует читать «Большая»; ср.: С. 286, 287.

№ 29. 1781, декабря 14. – Ведомость о состоящих в... Тобольской губернии в городах и уездах соборных, приходских церквях с показанием, сколько при приходских церквях и приписных к ним по званиям деревням состоит приходских дворов и в каждом приходе мужеска и женска пола душ (Извлечения)

(С. 271) <...> Демьянский заказ¹ <...>

44. Деревянная церковь конца XVIII в. в вогульских юртах

(С. 272) <...> 3. Троицкая церковь, Нахрачевская вол., 7 дворов. «Остяцкие» юрты прихода и в них дворов:

1) Каурьевские	4	6) Нсуровы	5	11) Есаулские	8
2) Якловы	4	7) Лапоковы	2	12) Урманские	3
3) Карымовы	9	8) Ятышевы	4	13) Белегарские	7
4) Ларьятские	3	9) Ландинские	7	14) Чамковы	5
5) Аетанские	1	10) Уньенские	2		

Всего в приходе 71 двор, 206 душ м. п., 207 душ ж. п., итого 413 душ об. п.
4. Богоявленская церковь, Балчаровская вол., 22 двора. Юрты «новокрещенных остяков» прихода и в них дворов:

1) Богдановы	4	6) Умины	6	11) Шумиловы	7
2) Кумышевы	3	7) Пилипины	2	12) Емалдины	3
3) Поиглинские	7	8) Вемлины	1	13) Ермаковы	3
4) Красноярские	7	9) Чесноковы	5		
5) Алтаевы	4	10) Пуштины	14		

Всего в приходе 88 дворов, 291 душа м. п., 288 душ ж. п., итого 579 душ об. п.
<...>

(С. 300) Пелымский уезд, волости <...>

¹ Заказы (в XVIII в.) – церковно-административные округа, на которые делилась территория епархии; в Тобольской епархии они часто совпадали с уездами (см. «Ведомость...» ниже, С. 300).

2. Сретенская церковь [вол.] Большекондинская, 16 дворов. Юрты прихода и в них дворов:

1) Сойдырские	2	11) Шаимские	9	21) Тетемские	1
2) Шелпеулские	2	12) Туринские	5	22) Патанахские	3
3) Соурнеулские	3	13) Шемилшулские	5	23) Шовахтские	1
4) Урсатские	4	14) Спечерахские	6	24) Сотынские	1
5) Еврилские	8	15) Орайские	3	25) Ливтинские	1
6) Ванпеулские	9	16) Мортынские	2	26) Кошетские	1
7) Рахтилские	5	17) Нюгамские	3	27) Ехпеулские	3
8) Ученские	7	18) Овлыные	3	28) Самьинские	4
9) Агракеулские	1	19) Супрыжские	6	29) Муронские	1
10) Ушинские	7	20) Кетлотские	3		

(С. 301) Всего в приходе 126 дворов, 450 душ м. п., 369 душ ж. п., итого 819 душ об. п. <...>

5. Церковь Сошествия св. духа, [вол.] Леушинская, 24 двора. Селения прихода и в них дворов:

1) Терская	3	5) Турпалская	3	9) Уемаская	2
2) Оминская	6	6) Ненгилская	3	10) Сосновская	4
3) Левинская	4	7) Кузынская	2	11) Нехловская	7
4) Понгутанская	7	8) Угланская	5		

Всего в приходе 70 дворов, 243 души м. п., 222 души ж. п., итого 465 душ об. п. <...>

Публ. по: Зольникова Н. Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989. С. 271–272, 300–301

№ 30. 1823, октября 17. – Из журнала совета общего Тобольского губернского правления о разделении инородцев Тобольской губернии на разряды и введении у них порядка управления в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» 1822 г.

(с. 112) <...> Во второй разряд, то есть кочевых, положить инородцев, которые вовсе не занимаются хлебопашеством или только малою частью, а главный промысел состоит их в звериных и рыбных промыслах, а именно: Тобольского уезда вогул волостей *Большой Юконды* (здесь и далее выделено нами. – Авт.-сост.) – 166, *Кондинской* – 225, *Леушинской* – 79, *Леушинской же, вышедшей из Пелымского ведомства* – 36, *Лондинской* – 52; остяков волостей: *Меньшей Юконды* – 342, *Назымской* – 144, *Верхдемьянской* – 166, *Тарханской* – 362, *Нарымской* – 224, *Темлячевской* – 190 и *Туртаской* – 74, итого 2060; Туринского уезда вогул волостей: *Сосвинской* – 59, *Тахтанской* – 139, *Вагильской*^а – 58, *Большекондинской* – 294, *Верхнекондинской* – 192, *Верхнепелымской* – 146, *Лесвинской* – 26, *Воргинской* – 27, *Кошудской* – 443, *Табаринской Большой Верхней* – 141, *Табаринской Нижней* – 61, итого 1568. <...>

(С. 113) Губернскому правлению <...>

^а Исправлено, в тексте – Вагильской.

Б. О инородцах кочевых

1. Предписало бы земским судам Тобольскому и Туринскому, согласно с 25 § Устава, внушить тем кочевым инородцам, кои имеют удобные к хлебопашеству земли и, судя по климату, могущие произрастать хлеб, что они, с умножением хлебопашества, не будут против воли их обращены в звание крестьян и вообще без собственного их желания не будут включены ни в какое другое звание, и при этом благоразумными наставлениями всевозможно приохачивали бы к их оному.

45. Тобольские старшины.
Конец XIX в.

2. По 31 § собрать сведения, нет ли между сими инородцами поселившихся на землях их русских без добровольного на то их согласия, и если окажутся, и инородцы не позволят им оставаться на оных, то учинить распоряжение о высылке их из жительство; но не приступая, однако же, к исполнению сего, о их домообзаводстве и промышленности донести по команде для утверждения сего.

3. По 96 § поручить земским судам объявить инородцам, чтоб к будущему, 1824 году, то есть к тому времени, с которого предполагается во всех частях Устав сей привести в действие, заблаговременно, как и вышеупомянуто, были избраны обществами для каждого родового управления старосты и им помощники, и представить об утверждении их в сих званиях гражданскому губернатору.

4. На основании §§ 103 и 104 учредить инородные управы; в оные избрать голов, выборных, представлять их после на утверждение. Избрание голов, выборных, старост, их помощников и, в инородные управы, письмоводителей должно произведено быть во всем по силе §§ 97, 98, 104, 106, 107 и 108. В особенности местное земское начальство обязано, вводя новый план управления между инородцами, внушить им внятно о правилах в выборе их старшин, а наипаче голов, истолковав им именно, что значит старшина на-

следственный, что по смерти и что суть старшины, определяемые на известное и неограниченное время. Сохранение при сем справедливости есть одно из важнейших обстоятельств. Разделения, предписанные § 109 Устава, должны быть представлены в совет губернский. Что касается до писарей, то постановить правилом, чтоб они находились в волостях тех инородцев, где требует необходимость и где сами инородцы за нужное признают и изъявляют желание иметь их у себя. <....>

Публ. по: Словесно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XIX – начало XX века): Сб. правовых актов и документов / Ред.-сост. А. Ю. Конев. Томск, 1999. С. 112, 113–114

№ 31. 1857, мая 5. – Из дела «О совращении инородцами Большекондинской волости села Нахрачевского разных инородцев к идолопоклонству, приношении ими жертв идолам и сбор ими прикладов» (Извлечение)

<...> (Л. 64 об.) По указу Его Императорского Величества в Тобольском окружном суде по выслушании трех дел и записки ПРИКАЗАЛИ: 1-е, крестьяне деревни Базьяновой¹ поименно 16 человек представили при объявлении в Самаровское волостное правление Нахрачевской инородной волости вагула Ивана Гаврилова Ишинякова с товарищем Власом Михайловым, остановившихся в их деревне у инородца Петра Щербакова, не имеющих на отлучки билетов, которые ежегодно проезжают вверх и вниз по реке Обе для сбора прикладов с остяков шайтану своему. Из них Иван Гаврилов повсеместно пред единоверцами называя себя главным жрецом, управителем и молитвенником за успехи их, посеяв в них плевелы, противные православной вере, поддерживая и утверждая их в древних остяцких обрядах идолопоклонства; с отобранными от них при посредстве священника села Самаровского Дмитрия Тихонравова деньгами 2 руб. 31 коп. сер[ебром], разными (Л. 65) вещами: четырьмя лошадьми, говядиной около 10 пудов и кожей коровьей и телячьей, значущихся в составленном особом регистре, дополняя при том, что те вагулы в присутствии их и священника признались во всех пакостях и преступлениях. Вместе с тем и священник Дмитрий Тихонравов в отношении тому же волостному правлению пишет, что в проезде его известился он частным образом от жителей по селениям по реке Конде состоящим, и в особенности от русских жителей села Нахрачинского, что в оном есть древний остяцкий бог, называемый по-вагульски Анаурт, и отец его Урт. В честь их воздвигнуты идолы, или истуканы, последнему – Березовского округа в селе Белогорскотроицком², а первому – в селе Нахрачах, кои и хранятся под прикрытием от русских. Известно ему, что будто бы Анаурт молодых лет, характера сердитого, требует (Л. 65 об.) себе чести, поклонения, жертвы и прикладов более, нежели отец его, престарелый и смиренный Урт, поэтому жрец идольский, или жрец шаманства, нахрачинский вагул Иван Гаврилов Ишенников с помощником Мироном Тимофеевым и Пакиным и с товарищами Даниилом и Касьяном Пакиными и Платоном Ишенниковым более всех уважаемы, и в проезде их в инородческие селения воздается великая честь и открывается празднество остяцкое. Они же ежегодно в зимнее время выезжают в село Троицкое² для поклонения идолу Урту, и Иван

¹ Расположенной в 50 верстах выше с. Самарово.

² Расположенном на берегу р. Оби ниже впадения в нее Иртыша.

Ишеняков, как главный жрец, – для приношения с местными и другими остяками жертвы идольской. И выезжая во все инородческие улусы³, собирают приклады и жертвы своему кумиру Анаурту Нахрачинскому, следовательно, они, Ишиняковы и Пакины, в свой приезд отклоняют остяков от православия. Ныне жрец Ишеняков, товарищ Платон и услуга Влас Ишеняковы, объехавшие все остяцкие улусы (Л. 66) по приношению жертвы идолу Урту и набравшие довольно прикладов идолу Анаурту и в свою собственность, на обратном пути их остановились в деревне Базьяновской у инородца Петра Щербакова. По бытности его, священника, в одной для исполнения христианских треб, узнал о приезде их, и при собрании общества той деревни они им захвачены с довольно набранным прикладом, значущимся в регистре, представленном в волостное правление от крестьян деревни Базьяновской, подписанных им за себя и за неграмотных крестьян Максимом Башмаковым. В числе вещей найдена древняя шапка жрецкая или шаманская в немалом виде, называемая треухом, покрытая полубархатом и обложенная лисицей, которая в регистре не записана и осталась у Петра Щербакова. Поэтому все найденное и должно служить (Л. 66 об.) доказательством виновности Ишиняковых, кои, не желая обнаружить себя в противозаконных поступках, сначала все вещи скрыли и отпирались от оных во всех делах. Выдав вещи, обещались пред Богом с клятвой и пред всеми ими впредь не выезжать в остяцкие улусы за сбором прикладов и не посеять плевелы между инородцами, противные православию, и со слезами просили прощения как пред ним, священником, так и пред обществом русским, инородцами, и в особенности у последних, в обидах своих, в вымогательстве прикладов, приговаривая к тому, жрец Гаврилов: «Разорял я вас, и простите меня». Прося прощения, искали свободы, не жалея всего своего имущества, но они, не увлекаясь их обещаниями, представили для предания суду. Против чего при произведенном следствии инородец (Л. 67) Иван Гаврилов Ишеняков показал: действительно, он с односельным инородцем Платоном Аникиным Ишеняковым ездили в разные инородческие селения Тобольского и Березовского округа для свидания [с] своими родственниками и знакомыми по хлебосольству и дружбе [с] инородцами по своему обыкновению, с произведением между тем покупок для домашнего обихода. Во время своего объезда никаких жертвоприношений названным священником Тихонравовым идолам не производил, инородцев от веры православия к таковому идолопоклонению не отвлекал и прикладов своему идолу не сбирал, что и делать не мог, бывши православного исповедания, и, находясь при церкви села Нахрачевского в течение семи лет церковным старостой, не был записан ни в каких поступках и совращении христиан (Л. 67 об.) от православия. В селе их никакого идола нет и об нем не слыхал, – отчего священник Тихонравов взял и обыскал, – сам названия идолов не знает, так равно с чего назвал его жрецом шаманства, показать не может. Оказавшиеся при нем ситцы, миткаль⁴ и прочее даны ему были для продажи инородцами Пахтышевыми; холстинка и нанка⁵ куплены им у разных торговцев, каких припомнить не может; шаль драдедамовая⁶ взята из дому – прежней покупки назад тому пять лет, а что касается до говядины, то в Назимских юртах⁷ у инородца Михаила, по прозванию неизвестного, куплена им корова за 9 руб. 50 коп. ассигнациями с кожей; телячья кожа куплена для рукавиц, из числа лошадей – одна его, а другая племянника его Власа Михайлова, приезжавшего к нему для узнания о здоровье, а последние две куплены: одна – в юртах (Л. 68) Помниных⁸ у инородца Алек-

³ Т. е. улусы.

⁴ Миткаль – дешевая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, использовалась преимущественно для шитья белья.

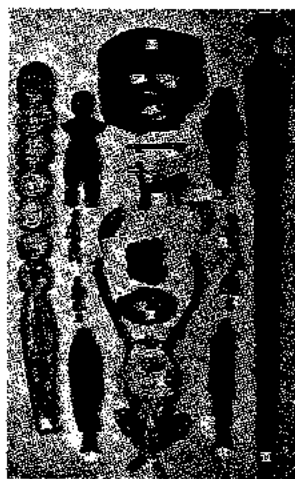
⁵ Нанка – плотная хлопчатобумажная ткань.

⁶ Шаль из очень мягкого сукна полотняного переплетения светлого цвета или с орнаментом в полоску.

⁷ Поселение названо по р. Назым, впадающей в Обь выше устья Иртыша.

⁸ Местонахождение не установлено.

⁹ Расположенных на правом берегу Оби чуть ниже впадения в ее левый рукав р. Салыма.

46. Идолы, религиозные и священные предметы, остатки и вагуды

сея, прозвания не помнит; а другая с лисицей белодушкой – в Былинских юртах⁹ у инородца Ивана Иврина за 25 руб. ассигнациями. Часть платков подарена ему разными лицами, деньги же при нем собственные, оставшиеся от покупок, на что при отъезде своем занял у инородца Петра Пахтышева сто рублей ассигнациями. Затем с племянником, возвращаясь домой, и в деревне Базьяновской остановились в доме инородца Петра Щербакова; в это время бывший в оной священник Тихонравов, собрав жителей, пришел в дом, начал производить обыск его имуществу, делая разные устраивания: забрал вещи и лошадей, предоставил в волостное правление, выводя на него с племянником (Л. 68 об.) какое-то идолопоклонство, из каких-либо видов для своей пользы. Но как они, будучи невинны, для отклонения от дальнейшего задержания по одним его прихотям искали свободы, но извинений в идолослужении священнику, обществу крестьян и инородцам не делали и прощения не просили. Священник Тихонравов за отпуск их требовал подарков лисиц и лошадей, говоря, что он обществу выставит ведро вина, на что он ему сказал, что если он имеет в виду такой закон, то пусть берет все. Старая у него шапка в то время скрыта не была, а вместе с прочими представлены в волостное правление. Бывший же с ним инородец Платон Ишеняков отправился в место своего жительства (Л. 69) из деревни Оленевой, но вещей никаких не увез. Показание это подтвердили инородец Платон Ишеняков и племянник Влас Ишеняков с дополнением, последний, что помянутый дядя его священнику Тихонравову и обществу, и инородцам никаких извинений и прощений в идолопоклонстве и сборе приходов не приносил, и того они делать не могли. Крестьянин деревни Базьяновской Максим Башмаков, бывший при взятии Ишеняковых и подписавший вместо неграмотных односельных крестьян к объявлению в волостное правление руку, показал: действительно, священник прихода их Дмитрий Тихонравов, узнав о приезде в их деревню инородцев Ивана и Власа Ишенияковых, собрав жителей оной, в том числе и его, (Л. 69 об.) и придя в дом инородца Петра Щербакова, начал у Ишеняковых производить обыск и оказавшимся вещам составил регистр, говоря, что он представит их в волостное правление для предания суду. Чего Иван Ишеняков, как полагает, испугавшись притеснений священника Тихонравова, точно встав пред ними на колени, просил отпустить его в свое жительство, не делая дальнейшего притеснения. Тогда священник стал предлагать Ишеняковым купить для общества одно ведро вина, то он и прочие жители от того отозвались, при этом Иван Ишеняков священнику Тихонравову, обществу и инородцам в приношении жертв идолам и сборе прикладов не сознавался, и слов к инородцам, какие выразил священник, не говорил, кроме того, что он впредь выезжать (Л. 70) не будет. Когда же священник говорил Ишенякову о даче некоторой части вещей, но в какую пользу не знает, то Ишеняков сказал ему, что если он имеет законное право, то в отдаче и всех вещей не препятствует. После чего священник написал регистр вещам, приказал ему подписать оный за себя и вместо неграмотных крестьян, почему он от крестьян, отобрав руки на регистр и другой бумаге, в это время приложенной, подписался, с коими Ишенияковы представлены в волостное правление. Что же относится до того, что будто бы жители, оподозрив Ишеняковых в их идолослужении и сборе чрез оное прикладов, написали объявление (Л. 70 об.) в волостное правление, то сие несправедливо, ибо они никакого объявления не составляли и надобности к тому не было, а если и написано, то самим священником. И хотя им была читана небольшая бумага,

которую по скорому чтению они понять не могли, не быв же с Ишенияковыми знакомыми, и, не замечая их проездов для исполнения идолослужительности жертв приношений и вымогательства прикладов, делать им стеснения надобности не имели. С Башмаковым согласно показали и прочие крестьяне 15 человек, за коих приложил руку, а также и инородцы Петр и Федор Щербаковы, первый дополнив, что в доме его Иван Ишеняков (Л. 71) никаких идольских обрядов не совершал и его к тому из православия не склонял. Прочие крестьяне той деревни семь человек отозвались о совершении Ишеняковыми идольских обрядов незнанием и о том ни от кого не слышали. Крестьяне и инородцы разных селений и юрт в продаже инородцу Ивану Ишениякову всей или лошадей утвердили его показание, каковое также утвердили и в даче ему, Ишенякову, для продажи вещей и заимообразно денег ста рублей, инородцы Игнатий, Петр и Павел Пахтышевы. Инородцы разных юрт Березовского округа показали, что хотя инородцы Ишеняковы к некоторым из них приезжали, но Иван Ишеняков (Л. 71 об.) никаких идолослужений не производил, жертвоприношения не делал, их к тому из православия не склонял и прикладов своему идолу не требовал. Священником же Тихонравовым на данные следователем запросы более доказательств не представлено.

2-е. Священник села Нахрачевского Василий Зеленцов довел до сведения начальства о приношении жертв прихожанами к какому-то древнему богу, в коего они веровали до принятия христианства. Вагулы, пользуясь временем приготовления священника к совершению божественной литургии, во время благовеста¹⁰ к оной со всеми семействами своими устремляются в дом учрежденного ими жреца, и когда соберутся все, то выходят на приготовленное для жертвоприношения место и начинают сперва кланяться с распростертыми руками (Л. 72) на небо, не полагая на себя крестного знамя. По окончании назначенных поклонений выводят тельца или корову и закаляют в знак благодарности какому-то богу, называемому по вагульски Зуле-Иег, потом источенную кровь из мертвого животного пьют, думая, как будто бы они приняли Св[ятые] тайны¹¹. И эту кровью напечатлеют себе и детей их на челе в возобновление и подкрепление своих сил. Затем убитое животное спускают на воду для удачного промысла рыб. Главный распорядитель в жертвоприношении, или жрец их, есть вагул села Нахрачевского Иван Гаврилов Ишеняков, который по-вагульски называется Ленхортом, что значит человек божий (Л. 72 об.) или пророк. Он для жертвоприношений ездит по окрестностям и даже отдельным местам на реку Обь и вверх по Конде, совершая там жертвоприношения, обольщает жителей для своего обогащения, что в 1850 году, возвратившись, привел с собою несколько лошадей. В сем деле он пользуется поблажкою волостного писаря, который выдает ему билеты и не препятствует приносить жертвы и на месте своего жительства, что подтвердил священник Зеленцов. И на запрос следователя ответом присовокупив, что он 18 октября 1849 года был сам очевидцем действия обрядов в присутствии волостного писаря Соколовского, коего предварял не прикасаться ни к чему, но он добровольно или принужденно пил брагу, растворенную кровью тельца. А что они заключают тельцов какому-то (Л. 73) богу Пазум-Иег, что сам слышал от произношения жреца, и слова эти перевел на русский диалект дьячок Скосырев. Напечатленных кровью вагулов в виде креста сам видел, а также слышал, что Иван Гаврилов Ишеняков называется Лаихортом. Это значит, человек божий или пророк, о чем осведомился от дьячка же. Истина всего этого открыться может от крестьян села

⁸ Исфавлено, в тексте – прикословия.

¹⁰ Благовест – колокольный звон, созывающий на богослужение; в данном случае – к обедне (литургии).

¹¹ Причастие.

Нахрачевского и других окрестных деревень. О действиях их от него никуда сообщаемо не было; между тем объяснил, что вагул Иван Ишеняков на исповеди бывал, но к причастию Св. таин допускаем не был, в церковь ходит, но не всегда. Дьячок Дмитрий Скосырев о переводе слов (Л. 73 об.) с вагульско-го на русский утвердил ответ священника, и что им жертвоприношения инородцев иногда были замечены, но на что не обращено внимания; а также вагулы, при совершении божественных литургий бывая в церкви, и уходят из оной, но зачем, не знает. И многие из них как христиане бывают на исповеди и [у] Св. причастия. Пономарь Василий Молоков, церковный староста

47. Крещение вагулы Конды
из с. Нахрачевское. Конец XIX в.

Петр Попов и сторож церкви отставной солдат Герасим Попов о приношении вагулами села Нахрачинского идольских жертв отозвались незнанием; кроме того, что они во время божественных литургий в церкви бывают. Поученным в домах инородцев того села, (Л. 74) рав[н]о и во всех строениях обыскам, истуканов-идолов не оказалось, а в амбаре Ивана Ишенякова с племянником Власом найдено костей разных, как-то: коров, телят, овец, оленей весом с мешком 1 пуд 23 фунта. Против вышеизложенного инородец Иван Ишеняков в приношении жертв идолам, питье браги с кровью, мазании ею себя и детей, а также спускании в воду убитых животных учинил заpiresательство, показывая, что, действительно, когда он с прочими инородцами начинают бить животного, то произносят по-вагульски Позм-Эг, что по-русски значит: «всесветлый отец, или бог, благослови». Учителем, наставником или пророком не был и быть не мог, потому что носит имя православного (Л. 74 об.) христианина и верует во единого Бога, ходит, когда здоров, к божественным литургиям. От писаря Василия Соколовского никакой поправки не имел, а что священник Зеленцов заметил на них и на детях кровь, то при убийстве животных могли они обрызгаться кровью. Найденные в амбаре его кости животных хранятся не для чего другого, а собственно когда прекращаются у них промыслы, то при варении кутьи в оную они опуска-

ются и перевариваются до того, что находящийся в них мозг, выходя из внутренней кости в кутью, делает ее вкуснее для употребления в пищу, что также производят и прочие инородцы. А хотя он и прочие инородцы отправляются в дальние юрты, (Л. 75) но не для приношения жертв идолам и сборов, а собственно для свидания с родственниками и знакомыми, где приобретают для себя чрез покупки нужные вещи и лошадей, к ним же из других мест и животных для принесения в жертву не привозят. Показание это во всем согласно утвердил племянник его Влас Михайлов. Инородное управление отозвалось, что приношения жертв инородцем Иваном Ишеняковым древнему богу им замечено не было, а только инородцы села Нахрачинского собираются артелию, убивают на улице скотину для собственной их пищи с приготовлением тут браги, что производится ими во всякое время года; поправки Ивану Ишенякову в выдаче билетов не было, а по неимению за ним казенного взыскания причин к удержанию его не было. Инородцы села Нахрачевского Аника Гаврилов, (Л. 75 об.) Дмитрий, Платон Аникины, Карп Ефимов Ишеняковы, Мирон Тимофеев, Данило Филиппов, Касьян Григорьев Пакины показали согласно с Иваном Гавриловым Ишеняковым, что самое утвердил и писарь Василий Соколовский, с дополнением, что он за ними ничего противного православной религии не замечал и поэтому, бывши когда при убийстве ими скотины, пил брагу, которую пить священник Зеленцов ему воспрещал, будто бы по осквернении оной кровью животного, но он, не видя этого, его не послушал. Проживающие в селе Нахрачевском крестьяне Денщикова волости¹², спрошенные без присяги (потому что инородцы Ишеняковы и Пакины на очном своде объяснили, что те крестьяне, с давнего времени проживая в их селе и размножившись своими семействами, делают им во всем притеснение до такой степени, (Л. 76) что они, инородцы, неоднократно ходатайствовали у высшего правительства о выселении их в свои места, почему они, чрез сие питая на них неудовольствие, могут показать против, а потому просили их от присяги отвести), показали: Леонтий Ефстафьев Попов, производят ли тои инородцы жертвоприношение идольское, ему не известно, и сам того не видал, пьют ли и мажутся кровью не замечал, а случалось, на бегающих детях видал на лбах кровь, но о том удовлетворительно показать не может. Евграф Леонтьев Попов, утверждая то же самое, дополнил, что он видел тех вагулов, кланявшихся на восток без распростертия своих рук на небо, и когда заколют животного, пьют ли кровь, он не замечал, а только видел, что они кровь куда-то (Л. 76 об.) уносят. Филипп Леонтьев Попов, утверждая вывод священника Зеленцова, дополнил, что он у инородца Ивана Ишенякова видел вещи, подающие подозрение в идолослужении: шапку непомерной величины лисьих шкур, сшитую из разноцветных сукон и серебряное блюдо с вырезкою на дне неподобного образа; но опускают ли мертвых животных в воду и пьют ли кровь – не видал. Василий Иванов Попов от всего изложенного отозвался незнанием, крестьянский сын Егор Попов на другой или третий день праздника Преполовения¹³, он видел, что инородцы села Нахрачевского в большом числе людей, в том числе Платон и Дмитрий Ишеняковы, били в воде бычка и потом, вытащив на берег, по снятии шкуры унесли в дом Ишеняковых, но для чего они это производили, (Л. 77) не знает. Против чего Платон и Дмитрий Ишеняковы показали, что они били того бычка не в воде, а на берегу на сухом месте, в воду не отпускали. Инородцы окольных селений под присягой о производстве инородцами села Нахрачевско-

¹² Находилась на Иртыше выше впадения в него р. Конды.

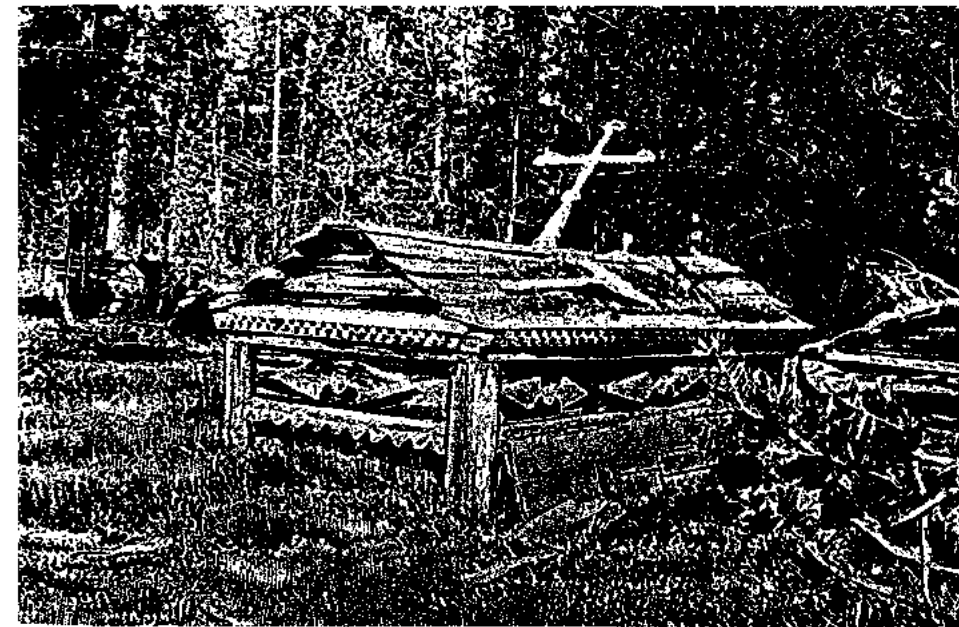
¹³ 25-й день от праздника Пасхи (Воскресения Христова) – середина между Пасхой и днем Пресвятой Троицы (Пятидесятницы).

го жертвоприношения идолам и прочего противного православной вере отзываются незнанием и о том ни от кого не слыхали. По повальным обыскам инородцы села Нахрачевского Иван Гаврилов, Влас Михайлов, Аника Гаврилов, Дмитрий, Платон Аникины, Лазарь, Карп Ефимовы Ишеняковы, Мирон Тимофеев, Данила Филиппов и Касьян Григорьев Пакины показаны поведения хорошего, в предосудительных поступках и в исполнении каких-либо языческих обрядов замечены не были. Инородцы разных юрт Березовского округа показали, что хотя инородцы села Нахрачевского всех юрт и приезжали, но ничего противного православию не производили и сбору в жертву идолу с них не требовали, и они такового не давали, а между собой по знакомству угощались, и когда, сделавшись повселее, из подражаемого к обиходу очистить воздух в юрте, курили пихтовою корою и ветьями.

3-е. Священник села Нахрачевского Василий Зеленцов принес жалобу и в подтверждение оной на запрос следователя объяснил, что Иван Гаврилов Ишеников в один раз покушался на жизнь его, тогда, когда он его захватил на идоложертвоприношении, изобличение его в противузаконных (Л. 78) действиях языческих обрядов. Он, разъярившись на него как злодей, держа в руках топор, говорил ему такие слова и угрожал, идучи с ним с идоложертвенного капища до его дома, поднимая топор то кверху, то вниз: «Если хочешь жить, то живи добром, как жили прежние священники, которые мне в сем деле не препятствовали, а если иначе и не будешь молчать, мы поступим с тобою так же, как с первоначальным священником поступлено было», – которого, как видно из церковных документов, убили¹⁴. Видя его раздосадованного, более с ним вблизи не разговаривал и, бывши на крыльце, делал ему приличные убеждения, на все сие ему отвечал, что у вас свой Бог, а ты своему кланяешься, (Л. 78 об.) как прежние старики делали. При том со стороны его, священника, никого не было, кроме волостного писаря Василия Соколовского, который тоже был там и сопровождал вместе до его дома, а прочие оставались на месте. Против чего Иван Гаврилов Ишеников показал, что священник Зеленцов вывел на него помянутый извет несправедливо, а что в то время, когда он бил для собственного продовольствия принадлежащую Карпу Ишеникову корову без всякого жертвоприношения, то, действительно, пришед туда писарь Василий Соколовский испил предложенную брагу, а когда прибыл к ним священник Зеленцов, посмотрев, и как ничего не заметив, (Л. 79) не делая никаких увещаний, пошел в свой дом. А как он был уже свободным, пригласив к себе писаря Соколовского, пошел домой, не причинив тому священнику ни малейшего оскорбления, зная питаемое к нему зло, не смел с ним и разговаривать, в руках его топора тогда не было, который оставлен на месте Карпу Ишеникову, так как он принадлежит ему, что подтвердили инородец Карп Ишеников, жена его Варвара Сергеева и писарь Василий Соколовский. На очных ставках священник Зеленцов и крестьяне, проживающие в селе Нахрачевском, уличая инородцев того села в совершении языческих обрядов, которые, учинив в том заперательство, остались (Л. 79 об.) при своих показаниях. Под судом они не находились. Отобранные от инородцев Ивана и Власа Ишениковых священником села Самаровского Дмитрием Тихонравовым разные вещи находятся в Самаровском волостном правлении.

Из вышеизложенных обстоятельств окружной суд усматривает, что инородец Иван Гаврилов Ишеников с однопоселенными инородцами хотя и ездят

в отдаленные юрты Березовского округа к таковым же инородцам, [но] не для приношения жертв идолам, вымогательства в свою пользу прикладов, но собственно для свидания с родственниками и знакомыми по заведенному между ними обыкновению, где (Л. 80) и производят для себя на наличные деньги разные покупки, как то подтвердилось показаниями тех инородцев. Но чтобы они при этом случае делали кому из инородцев соращение из православия к идолопоклонению, об этом никем, как из них, так и сторонних, не объяснено, и следствием не обнаружено. Сами же они в тех языческих обрядах учинили заперательство, и достаточных улик к тому не пред-

48. Могила крещеного вогула

ставлено. Инородцы же села Нахрачевского вероисповедания православного, бывают на исповеди и у Св. причастия, ходят в церковь к божественным литургиям, и из них Иван Ишеников находился в течение семи лет (Л. 80 об.) церковным старостой. К тому же сам священник того села Василий Зеленцов, между прочим, объяснил, что те инородцы бывают у исповеди, но по совету духовника принятию Святых тайн не допускаются, но в справедливости последнего нет выписки из духовных книг по повальным обыскам, поведения они показаны хорошего и ни в чем замечены не были, под судом не находились, а посему находит: выводы священников Дмитрия Тихонравова и Василия Зеленцова на инородцев села Нахрачевского в совершении языческих обрядов и последнего в посягании Ивана Ишеникова топором на жизнь его бездоказательными, кроме (Л. 81) что проживающие в селе Нахрачевском крестьяне три человека и дьячок Дмитрий Скосырев в некотором случае в произведении языческих обрядов подтвердили вывод священника Зеленцова, но как первые спрошены без присяги, по устранению их от оной, то хотя по 1 пункту 1198 ст. XV т. [Уголовных законов] показания их и не имеют силы доказательства, но нельзя оставить тех инородцев в действиях их, по заведенному обыкновению в битии животных и по имеемой у Ивана Ишеникова необыкновенной величины шапки, без подозрения; в посяга-

¹⁴ Имеется в виду убийство в 1717 г. повокрещеными Конды во главе с Нахрачем Евилаевым первого священника Сентямова (вместе с надзирателем Г. Новицким) – см. предисловие к № 27.

нии же Ивана Ишенякова на жизнь священника Зеленцова никаких у них улик (Л. 81 об.) нет. Полагает: 1-е. Инородцы села Нахрачевского в приношении идолам жертв, совращении к тому других из православия и вымогательстве идолам сборов хотя не признаются и достаточно не уличаются, но по выведенным обстоятельствам наводит сомнение, то на основании 1177 ст. XV т. Уголовных законов оставить их в подозрении; поручить Tobольскому земскому суду за действиями их иметь наблюдение. 2-е. Ивана Ишенякова в намерении лишить жизни священника Зеленцова не признавшегося и не уличенного по 1169 ст. того же тома от суда освободить. 3-е. (Л. 82) Отобранные от Ивана Ишенякова вещи, хранящиеся в Самаровском волостном правлении, ему возвратить. 4-е. Иван Ишеняков с племянником своим Власом Михайловым отлучались без надлежащих видов далее расстояния, указанного в законе, то суждение об этом по 1676 ст. того же тома в 6 продолжении представить земскому суду. 5-е. Священник села Самаровского Дмитрий Тихонравов при взятии инородцев Ивана и Власа Ишеняковых требовал от них за отпуск покупки ведра вина, затем от крестьян деревни Базьяновской написал своеручно (Л. 82 об.) объявление в Самаровское волостное правление, заставил приложить к нему руку крестьянина Максима Башмакова, чем те крестьяне его не просили, и по незамечанию ими за Ишеняковыми ничего противного, не имели в том надобности, и, наконец, на запрос следователя не дал должных к делу ответов, то действия его передают на рассмотрение Tobольской духовной консистории. 6-е. А как следователь (Л. 83) по сему делу, заседатель Бахматов, в справедливости показания инородцев села Нахрачевского в отводе крестьян, проживающих в оном, от присяги по их неудовольствиям не сделал надлежащего дознания, чрез что поступки тех инородцев остались бездоказательными, то о сем своевременно представить на рассмотрение губернского правления. 7-е. В таком содержании составить мнение, которое вместе (Л. 83 об.) с делом, согласно 1225 ст. XV тома в 6[-м] продолжении представить в Tobольский губернский суд, дело по суду зачислить решенным.

Публ. по: ТФ ГАТО. Ф. 158. Оп. 2. Д. 1. Л. 64 об. – 83 об.

Записки о Конде путешественников конца XIX – начала XX века

№ 32. Алквист Аугуст – выдающийся финский исследователь, профессор финского языка и литературы в университете Хельсинки. Занимался изучением языков манси и хантов, совершил три путешествия по территории Западной Сибири в 1858, 1877 и 1880 гг. В результате его полевых исследований был собран значительный языковой материал. Основная задача, стоявшая перед исследователем, – составление грамматики и словаря изученных диалектов манси. Экспедиции Аугуста Алквиста были поддержаны правительством Финляндии и университетом Хельсинки, что позволило ему приобрести фотоаппарат, нанять и обучить работе с ним студента Эмиля Бозма. В составе экспедиции находился также студент-естествоиспытатель Эрнст Эрвальд Бергрот, который по заданию университета Хельсинки должен был собрать коллекцию рыб и насекомых для зоологического музея. Во время путешествий Аугуст Алквист помимо изучения языков занимался закупкой экспонатов (одежды и предметов обихода) для этнографического музея университета, на что было выделено 1000 финских марок. Во время двух первых поездок по Северо-Западной Сибири Аугусту Алквисту удалось посетить большинство районов проживания манси и хантов, за исключением бассейна реки Конды, куда он очень стремился, чтобы изучить диалекты мансийского, встречающиеся в среднем и верхнем течении реки, но никак не мог попасть. Интерес был вызван тем, что исследователь во время своего путешествия в 1858 г., находясь в Пельме, встретил нескольких человек из села Сатыгинского с верховьев Конды. Аугуст Алквист обратил внимание на тот факт, что в языке этих манси имелись «интересные особенности», которые не встречались ни в пельмском, ни в лозьвинском диалектах.

Еще одной причиной особого интереса к территории Конды служил факт, что именно здесь были подготовлены первые переводы Евангелия от Матфея и Марка на язык манси. Однако братья Георгий и Григорий Поповы, не имея достаточной подготовки и образования, допустили значительные ошибки, и хотя Евангелие от Матфея было издано в 1856 г., использовать его для практических религиозных целей было совершенно невозможно. Поэтому, как писал Аугуст Алквист: «ради специального издания этих Евангелий для религиозных потребностей вогулов у меня была причина посетить эту часть угорской земли»¹. Ученый хотел с помощью местных грамотных манси посмотреть и исправить переводы Поповых и затранскрипировать их в русской письменности, поскольку ее, по мнению исследователя, манси легче в дальнейшем было бы использовать.

На Конду Аугуст Алквист смог попасть только в 1880 г. в сопровождении доцента ботаники Эдуарда Вайнио и студента-зоолога Николая Сундмана. Путь исследователей пролегал через Tobольск и Самарово, откуда 27 июня

¹ Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записки и этнографические заметки. Томск, 1999. С. 130.

¹ Алквист А. Среди хантов и манси... С. 6.

1880 г. на каюке они отправились вверх по Конде и наконец прибыли в «центральный пункт Кондинских вогулов – церковное село Леуши, или Левощ, где провели лучшую часть лета, занятые каждый своей работой»². Во время своих путешествий Аугуст Алквист вел путевые заметки, которые планировал опубликовать в финских и шведских еженедельниках и газетах Финляндии. На основе этих заметок в 1885 г. в Хельсинки была издана работа «Untergogulen und Ostiakern» на немецком языке. Русский перевод появился благодаря Н. В. Лукиной в 1999 г. (Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / Пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск, 1999. 179 с.). Выдержки из работы А. Алквиста о его путешествии по Конде публикуются по этому изданию.

№ 33. Инфантьев Порфирий Павлович (1860–1913) – беллетрист, этнограф. Родился в семье священнослужителя в с. Варлаково Челябинского уезда Оренбургской губернии. Учился в Казанском и Петербургском университетах, а в 1886–1887 гг. – в университете г. Женевы (Швейцария). По возвращении на родину принимал участие во многих научных экспедициях. Автор более 40 книг о жизни, быте и нравах народов, населявших окраины России.

В середине марта 1892 г. Инфантьев встретился в Екатеринбурге с К. Д. Носиловым, который пригласил его в поездку на верховья Конды за практически исчезнувшим к тому времени азиатским бобром. Экспедиция была предпринята по поручению Всемирного съезда естествоиспытателей, открывшегося в августе того же года в Москве. На поезде путешественники добрались до Кушвы, где приобрели поставленный на полозья плетеный возок, и на лошадях через Верхотурье отправились по Сосьве и Тавде до Пельмы, а оттуда – на Верхнюю Конду. Возвращались они после половодья на лодке вниз по Конде до Иртыша.

Сам Инфантьев ни о местности, куда они ехали, ни об обитающих там манси (вогулах), по его собственному признанию, до этого «совершенно не имел никакого понятия»³. Вместе с тем он, безусловно, был культурным, наблюдательным человеком и одним из немногих путешественников, побывавших в верховьях Конды. В более поздних публикациях Инфантьева (как и в книгах К. Д. Носилова на эту тему) описание поездки на Конду подверглось существенной литературной переработке, обобщению и т. п. (пример тому – изданная в 1898 г. книга П. И. Инфантьева «Путешествие к лесным людям»). Здесь же перед нами во многом непосредственные, «дневниковые» записки очевидца.

Автор увлекательно описывает картины природы, еще почти не тронутые цивилизацией, бытовые сцены жизни населения. Эти сведения, может быть, и не дают каких-то новых научных знаний, но Инфантьев и не претендует на это. Описание, составленное им, – это внимательный взгляд человека, обладавшего, несомненно, художественным видением.

Лит.: Коновалова Е. Н. Инфантьев П. П. // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1. С. 378.

№ 34–37. Носилов Константин Дмитриевич (1858–1923) – географ, этнограф, беллетрист. Родился в с. Масляном близ г. Шадринска в семье священника. Окончил Далматовское духовное училище. Учился в Пермской духовной семинарии, но полного курса не завершил, так как в 1877 г. был ис-

ключен за участие в выступлениях студентов против произвола руководства. С конца 1870-х гг. занимался изучением Севера России. Совершил несколько экспедиций по Обскому и Печерскому речным бассейнам. Три года провёл на Новой Земле. Обследовал верховья р. Конды, нижнее течение Оби, полуостров Ямал. Также путешествовал по Крыму и Кавказу, Алтаю и Казахстану, побывал на Каспийском и Белом морях. С 1884 г. – член-сотрудник Русского географического общества. В 1890-е гг. в Париже слушал лекции знаменитого географа Э. Реклю. Автор многих статей и книг на этнографические и географические темы. Особенно широко стал известен своими художественными произведениями, написанными под впечатлением от поездок – рассказами и очерками.

В 1920 г. Носилов переехал в Сочи. В 1921 г. его вызвали в Москву, где на специальном заседании правительства он сделал доклад об освоении Северного морского пути, указывая на его мировое значение в ближайшем будущем. Последние годы он прожил в местечке Пиленкове (недалеко от Сочи), где скончался и был похоронен.

Соч.: На Новой Земле. СПб., 1903; У вогулов. Очерки и наброски. СПб., 1904; На диком Севере. М., 1908; Северные рассказы. М., 1931.

Лит.: Вехов Н. В. Константин Дмитриевич Носилов и Север (1870–1910-е гг.). Шадринск, 2000; Беспалова Л. Г. Писатель-путешественник К. Д. Носилов // Космос Севера. Тюмень, 2000. Вып. 2. С. 119–136.

№ 38. Дунин-Горкавич Александр Александрович (1854–1927) – географ, этнограф, исследователь Северо-Западной Сибири. Родился в Слономском уезде Гродненской губернии. Окончил Гродненскую гимназию, Лисинское лесное училище. Работал в Царскосельском лесничестве, в лесах Самарской, Нижегородской и Рязанской губерний. За участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. награжден медалью за храбрость. С 1890 г. возглавлял Самаровское лесничество Тобольской губернии, позднее служил губернским лесничим, чиновником особых поручений при Министерстве земледелия, произведен в чин действительного статского советника.

Дунин-Горкавич стал одним из первых исследователей, систематично занимавшихся изучением культуры коренных народов Севера. В 1898 году он получил от Министерства земледелия и государственных имуществ поручение обследовать неизведанные еще лесные пространства севера губернии. Ознакомление с местностью производилось путем объезда и осмотра как лично, так и через лесную стражу, а также при помощи собранных расспросных данных. В целом А. А. Дунин-Горкавич проехал 26 ½ тыс. верст. Кроме того, 20 тыс. верст было пройдено лесными объездчиками. По словам Дунина-Горкавича, благодаря этому поручению он смог познакомиться с Севером еще ближе и значительно пополнить данные, собранные им ранее.

О масштабности научных изысканий А. А. Дунина-Горкавича свидетельствуют следующие факты: в 1901 г. он вторично проехал в бассейн р. Северной Сосьвы и в верховье р. Пельмы, где ему удалось побывать во всех населенных пунктах, для чего пришлось пересечь эту территорию вдоль и поперек, сделав 1304 версты; для определения глубины фарватера Конды во время поездки 1902 года им было произведено 2500 промеров на протяжении 705 верст; для ознакомления с местностью в Сургутском уезде кроме посещения летом на лодке впадающих в Обь речек и многих ее проток исследователем совершены были и зимние поездки на оленях.

49. К. Д. Носилов

50. А. А. Дунин-Горкавич
(справа) на обмере деревьев
в лесу близ Сев. Сосьвы.
Конец XIX в.

По результатам этих путешествий были написаны замечательные, исключительно полезные и очень интересные труды по экономике, этнографии, географии Зауралья. Подробные записи совершенных в поездках наблюдений Дунин-Горкавич изложил в статьях и книгах, общее число которых достигает 70. В числе других своих работ он оставил очень ценный, обстоятельный, крайне добросовестный трехтомный труд, освещающий практически все, что касалось жизни Тобольского Севера. Многие ученые считают его работы актуальными и сейчас. Кстати, есть версия, что именно Дунин-Горкавич первым предсказал наличие нефти и газа в недрах края.

В 1903–1908 гг. Дунин-Горкавич принял участие в разработке проекта по устройству Северного морского пути из Атлантического в Тихий океан. Именно результаты его исследований подтвердили целесообразность транзитных перевозок грузов из Европы в низовья Оби и очень пригодились в проведении в 1920-х гг. знаменитых Карских товарообменных экспедиций. В 1910 г. были изданы составленный Дунин-Горкавичем «Русско-остяцко-самоедский практический словарь» и «Букварь для детей инородцев». По этому букварю вплоть до 1930-х гг. маленькие ненцы и ханты учили русский язык.

А. А. Дунин-Горкавичем была проделана большая работа и в области картографии, составлена подробная топографическая карта Тобольского Севера, на которой «заполнены пробелы, значащиеся на существующих в обращении картах». Последнее было особенно важно, поскольку до этого по Тобольскому Северу имелся «скудный картографический материал». За составление карты Дунин-Горкавич был награжден Малой золотой медалью Русского географического общества, а затем Большой серебряной медалью имени Пржевальского. Его научные достижения отмечены также дипломами и почетными грамотами региональных и российских сельскохозяйственных, торгово-промышленных, кустарно-промысловых выставок.

А. А. Дунин-Горкавич был избран почетным членом-корреспондентом Русского географического общества, членом-корреспондентом Музея ан-

ропологии и этнографии при Академии наук, почетным членом Общества изучения края. После революции новая власть также высоко оценила его заслуги, причислив к разряду ученых общесоюзного значения. Дунин-Горкавич работал научным консультантом Уральской плановой комиссии исполкома Тобольского окружного Совета рабочих и крестьянских депутатов, преподавал курсы оленеводства и краеведения в Тобольском зооветеринарном техникуме. С 1925 г. Дунин-Горкавич – член Комитета по делам народов Севера. В последние годы жизни немало сделал для формирования этнографического раздела Тобольского музея.

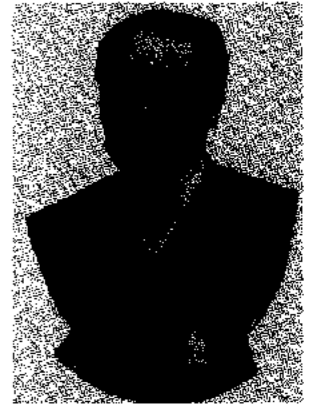
Соч.: Север Тобольской губернии. Опыт описания страны... // ЕТГМ. Вып. 8. Тобольск, 1897; Народности Тобольского Севера. СПб., 1904; Тобольский Север: В 3 т. СПб., 1904–1911.

Лит.: Исследователь Севера А. Дунин-Горкавич / Сост. Н. И. Загороднюк. М., 1995; Прибыльский Ю. П., Загороднюк Н. И. Дунин-Горкавич А. А. // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1. С. 295–296.

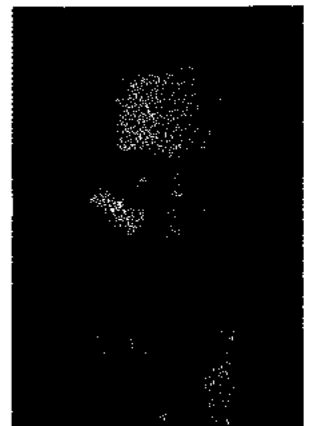
№ 39. **Корсунский М. Г.** – политический ссыльный, проживавший в начале XX в. в с. Самарово Тобольской губернии. Инициатор и организатор проведения экспедиции («экскурсии») в низовья Конды, совершенной в 1908 г. группой ссыльных, в которой кроме Корсунского участвовали А. Н. Агапьев, Г. Б. Бабкин, П. П. Годомин, Т. И. Миронов, Н. О. Рецкий. Сама же идея посетить Кондинский край была подсказана Корсунскому приват-доцентом Петербургского университета, зоологом и путешественником Б. М. Житковым. Главную задачу поездки Корсунский видел в том, чтобы преодолеть апатию и разочарование среди сотоварищей. С большим трудом собрав минимальные средства для экспедиции, Корсунский и его попутчики совершили увлекательное, но, как оказалось, совсем небезопасное путешествие. Особенность составленного Корсунским описания состоит в том, что это самый простой и бесхитростный рассказ человека, не являвшегося профессиональным ученым. Поэтому к достоинствам работы Корсунского, несомненно, следует отнести некоторые отмеченные им детали, мимо которых «прошли» описатели с университетскими дипломами.

№ 40. **Пигнатти Василий Николаевич** (ум. после 1919) – юрист, в молодости участвовал в революционном движении (народоволец), сослан в Сибирь. Чиновник канцелярии Сибирского губернатора. Активный исследователь края. Руководитель экспедиции на Конду (1910 г.), обнаружил плиту-памятник на Саусканском кладбище (1912 г.), инициатор раскопок городища Искер (1915 г.). Исполнял обязанности консерватора Тобольского музея. Автор ряда научных работ, опубликованных в «Ежегоднике Тобольского музея». После революции – тобольский губернский комиссар (губернатор).

№ 41. **Городков Борис Николаевич** (1890–1953), биолог и физико-географ, доктор биологических наук, профессор. Родился в Тобольске. Окончил Тобольскую гимназию с серебряной медалью и физико-математический факультет Петербургского университета. Участвовал в экспедициях по рекам Конда (1910 г.), Салым (1911), Вах (1913), Полуй (1914), Северная Сосьва и Манья (1915). Руководитель ряда экспедиций Академии наук на Северо-Западе Сибири в 1923–1928 гг., а также в Арктике и Якутии, на Полярном и Приполярном Урале, Дальнем Востоке.

51. В. Н. Пигнатти

52. Б. Н. Городков

Экспедиция на Конду была первой научной поездкой, инициатором проведения которой стал Тобольский музей. Именно туда поступили экспедиционные материалы и собранные исследователями экспонаты. Кроме того, это была и первая экспедиция в научной карьере Б. Н. Городкова. Не подлежит сомнению, что кондинская поездка оставила глубокий след в душе 20-летнего юноши, и, вероятно, именно она оказала определенное влияние на его становление как ученого.

Всего же по итогам экспедиций Б. Н. Городковым было опубликовано более 170 научных работ по геоботанике, почвоведению, физической географии, тундроведению. Ученый установил важнейшие связи растительности со средой обитания, описал десятки новых видов растений, охарактеризовал высотную поясность ландшафтов в Зауралье. Он основал учение о тундрах, много занимался вопросами геоботанического районирования и динамики растительности, разрабатывал теоретические вопросы географии, изучал заморные явления, быт лесных ненцев; был автором и редактором карт растительности СССР; занимался вопросами тепловой мелиорации мерзлотных грунтов на Севере; подготовил исследования по платиновым соединениям, хромированию металлов, третичным спиртам и многие другие.

Награжден медалью им. Н. М. Пржевальского (1924), орденом Трудового Красного Знамени (1945), орденом Ленина (1953). Его имя носят горная вершина и ледник на Полярном Урале, гора в Антарктиде, мыс в архипелаге Земля Франца-Иосифа, озеро на стационаре Харп. В честь Б. Н. Городкова названы 16 видов впервые открытых растений. Городковские чтения и конференции проводятся в Ботаническом институте, Коми-филиале АН СССР, Тюменском государственном университете.

№ 32. 1880, июня 27 – августа 10. – Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. (Извлечение)

<...> (С. 134) Река Конда, куда пролегал наш путь, впадает в Иртыш примерно в 70 верстах южнее Самарова. Итак, мы снова ехали на юг, и когда были уже на Конде, ехали все в том же направлении, ибо в нижнем течении река протекает большой участок параллельно Иртышу.

При разливе Конда во время весеннего паводка заливает шириной в милю низменную землю и имеет большое сходство с озером. Это наводнение медленно уменьшается и длится до августа, из-за чего здесь нет никакого леса, кроме зарослей ивы. К осени вместо этого наводнения участки несут пышнейшую флору больших трав, большей частью *Digraphis arundinacea* (по доктору Вайнио). Выше покрытые лесом возвышенности по обе стороны реки отделены друг от друга на несколько верст, а болотистая почва между ними, где река час (С. 135) растекается на несколько рукавов, состоит из великолепных естественных лугов.

В этих травянистых водах водится в огромном количестве рыба, главным образом карась и другие пресноводные. Сорты крупной и великолепной рыбы, которые составляют объект развитого рыболовства на Иртыше и Оби, в Конде не встречаются. Но, несмотря на это, рыболовство на Нижней Конде столь доходно, что семья из трех взрослых человек в благоприятные годы

53. Остяк с луком и ружьем.
Начало XX в. ТГИАМЗ

может заработать на нем 100 руб. Рыбу везут зимой главным образом во многие густонаселенные горные округа Урала.

В этих водах встречается также неслыханная масса водных птиц. Их остяки охотнее всего стреляют из лука. Когда у птиц линька, они подходят большим числом, по 10 и более лодок, и тихо подгребают длинными рядами вдоль травяной кромки воды; затем, когда они видят птичью стаю, то стреляют все сразу и возможно большим числом стрел. Тот, чья стрела засядет в птице, получает ее, ибо каждый стрелок знает свою стрелу. Однако не попавшие стрелы не пропадают даром, ибо они так устроены, что другой, более легкий, конец выдается на несколько дюймов над водой (Вайнио).

Травянистая земля у реки дает несколько лучшую возможность для сенокосения, поэтому не только пришедшие русские, но и коренные жители имеют коров и лошадей. Богатые русские особенно много держат лошадей, которые нужны зимой для перевозки рыбы в места продажи. Один из жителей церковной деревни Нахрач, по имени Попов, чья торговля широко распространена в округе, сказал, что у него не менее 70 лошадей, для которых сено запасают зависимые от него вогулы.

Население на Нижней Конде состоит из остяков, говорящих на том же диалекте, что и остяки на Иртыше. Только за церковной деревней Болчаро-

во начинается вогульское население. Жилища – русские дома с выбеленными печами и стеклянными окнами; кое-где кроме жилой комнаты встречается также чулан. Земледелием на Нижней Конде не занимаются. Только за церковной деревней Нахрач, на самом южном изгибе р. Конды, мы встретили в юртах Юмасинских порядочное земледелие у одного русского, а в церковной деревне Леуши – месте нашего пребывания – и вогулы довольно усердно занимаются выращиванием зерна. Однако это следует рассматривать лишь как исключение. Мучные продукты покупаются большей частью в районе Тобольска.

Средства для этого получают кроме рыболовства также и (С. 136) от охоты. Соболь еще не вымер, ловятся также, хотя и немногочисленные, лисы, а белки – в больших количествах. В лесах летом для собственных нужд стреляют как лосей, так и оленей: во многих местах на нашем пути вверх нам пришлось покупать свежее мясо этих животных. Своеобразным источником дохода для местных жителей является сбор брусники, которую очень любят в южной Сибири. Она вызревает здесь позднее, чем у нас, и в больших сосудах из коры березы хранится просто в лесу на высоких помостах, замерзает и забирается зимой. Она оплачивается здесь покупателями по 2,5 руб. за пуд, а семья из нескольких человек может собрать до 40 пудов.

Если при отъезде из Самарова и в первые дни нашей поездки по реке было необычайно холодно для этого времени года – впрочем, здесь в этом не было ничего необычного, – то позднее снова стало слишком тепло. В каютах каюка температура поднялась до +30°, 32°, даже до 35° Цельсия. Это продолжалось много дней. Воздух большей частью был совершенно спокоен, и не было надежды то, что прохладу принесет ветер, поэтому можете представить, как мы страдали от жары. Однако это было не единственное наше мучение. Большая жара породила огромное количество комаров и оводов, которые жалили нас самым беспощадным образом. К тому же казалось, что поездка идет слишком медленно. Конда – чрезвычайно извилистая река, в некоторых местах нам приходилось грести 10 верст, не продвигаясь вперед более чем на 3 версты. Я вспоминаю, что если мы утром отправлялись из церковной деревни Нахрач, то еще и перед обедом она была в поле нашего зрения над травянистой землей; мы находились от нее на расстоянии, которое зимой на лошади можно проехать за час. И это несмотря на то, что гребля была безупречной, а течение, навстречу которому мы ехали, не очень сильным.

Наконец 5 июля рано утром мы с чувством искренней радости прибыли в дер. Леуши, где решили задержаться на длительное время. Меня это место привлекало не только из-за его центрального положения в середине кондинской страны вогулов, но также по причине получения в последнем путешествии новости, что именно здесь живет молодой вогул, умеющий читать и писать. Слух не обманул: Максим Пурчин – так звали мужчину – действительно обладал названными качествами и мгновенно согласился, конечно, за хороший ежедневный заработок, стать моим учителем кондинского языка.

Так удачно сложилось, что я со своими спутниками мог у него жить. Как раз у него, хотя даже по вогульским меркам его (С. 137) нельзя назвать зажиточным, было все же больше места, чем у кого-либо другого из жителей деревни, не исключая даже и священника, ибо он владел не одним, а двумя домами. Один состоял из маленькой комнаты с небольшой передней, стоящей прямо на земле, покрытой травой. Это было его зимнее жилище. На ле-

54. Вогул. С акварели
М. С. Знаменского.
1880-е гг. ГИМ

то он переезжал в другой дом, стоящий в 10 сажнях от прежнего, [который]... был довольно старым и прогнившим. Он был возведен в два этажа, из которых верхний имел две комнаты. Сам Максим жил в одной из них, а другая при нашем прибытии была освобождена для моих спутников. Сам я со слугой Петром завладел отдельно стоящим домом, и хотя комната была (С. 138) узкой и темной, все же после наведения порядка я был счастлив тем, что на вогульской земле нашел квартиру, подходящую для учебы.

Однако это счастье было серьезным образом омрачено уже в первую ночь. Кроме меня и Петра в комнате были и другие обитатели, которые по праву прежних жителей, кажется, решили испортить нам жизнь. А именно, с наступлением ночи из всех щелей и прочих укрытий явились мириады тараканов (черных), которые не довольствовались беготней по скамьям, столам и полу, а забрались также в постели и разгуливали по телам спящих. Они показывались и днем, как только в комнате появлялось что-то съестное, а, к сожалению, мы должны были здесь питаться, хотя пища готовилась в квартире хозяина.

Я тотчас начал энергичную борьбу с этими ужасными паразитами, рассыпал везде большое количество так называемого персидского порошка от насекомых, который можно купить в Петербурге и которым я постоянно запа-

сался для поездок в Россию. Также и здесь действие порошка было удивительным: целые кучи мертвых тараканов Петр вымел на следующее утро, и хотя [я] совсем их не истребил, все же комната была освобождена от них настолько, что в ней можно было благополучно жить. При отъезде я подарил остаток порошка Максиму, который не мог удивиться на сильное его действие и не знал, как благодарить меня за истребление неприятных гостей, перед которыми он с семьей чувствовал себя совершенно бессильным.

Во время нашего пребывания здесь погода была довольно неустойчивой. После жары, которую мы выдержали вначале, температура скоро упала до +14 и +15°. 12 июля мы опять имели +28° в тени, а на следующий день +6°, после чего опять потеплело.

Наше местожительство у вогулов с его окрестностями и тамошней природой мой спутник доктор Вайнио описал по-фински в письме, напечатанном в газете «*Uusi Suometar*». Я хочу привести здесь следующий отрывок из него.

«Деревня (Леуши) стоит на полуострове, на одном из рукавов Конды, который расширяется до озера, называемого туман¹⁾. Это самая большая деревня в районе Конды, и все же по сравнению с обычными русскими деревнями она довольно маленькая, (С. 139) ибо насчитывает не более 27 жилых домов, точнее говоря, хижин²⁾. В деревне имеется собственная церковь и свой собственный священник, как это обычно бывает в больших деревнях России. Церковь, по сравнению с церквями в сельской местности Финляндии, очень маленькая, у нее окрашенные красным ставни и земляная крыша, маленькая колокольня и зеленое изображение святого, нарисованное на стене. Церковь на одном конце деревни и маленький церковный двор на другом конце составляют ее самые приятные достопримечательности. Внешне она очень похожа на бедную русскую деревню, только постройки сделаны хуже, и почти все они – некрашенные хижины.

Внутренность вогульского жилого дома устроена по русскому образцу, с той лишь разницей, что вогулы при возведении своих домов реже используют топор, не говоря уже о рубанке. Причиной того, что вогулы строят свои жилища менее тщательно, можно считать и то обстоятельство, что зимой они живут в других местах, чем летом. На зиму они часто переезжают в лес, чтобы охотиться на соболя и других лесных зверей. Там у них другие жилища, у жителей Леушей – на расстоянии 15 верст от летних жилищ. Летом из-за рыбалки они опять живут в Конде и на ее больших притоках. К этому времени у них есть и другие занятия.

Почти каждое хозяйство имеет по крайней мере одну корову, а деревня Леуши имеет и значительную пашню, на которой выращиваются рожь, ячмень, овес, картофель и конопля. Собственных лугов у них нет, но для своих незначительных нужд они получают достаточно сена с богатых травой берегов Конды, а прекрасное летнее пастбище для скота находится рядом в соседнем лесу. Дело в том, что в районе Леушей почва состоит из мелкого песка, смешанного с глиной, на которой прекрасно растет трава. Каменистой почвы здесь вообще нет, и лишь с трудом можно отыскать на берегу один другой камень.

Идущая с Урала цепь гор шириной в милю, которая здесь протягивается до южной стороны Конды, не оставляет в этом отношении исключения. Плато в районе Леушей заросло крупным еловым, а далее и лиственным лесом, в остальном же окрестности Конды покрыты главным образом сосня-

¹⁾ Словом *tuman* вогулы обозначают то же, что остяки словом *tor* (которое перешло в сибирско-русский язык в форме *сор*, мн. *сора*), а именно мелкую бухту, образуемую рекой при наводнении, или такое же озеро.

²⁾ В «Списке населенных мест» по Тобольской губернии число жилых домов в Леушах – 34, а число жителей обоого пола – 155.

ком. Нет недостатка и в сырой почве, болотах. Из наиболее часто встречающихся здесь видов деревьев в Финляндии известны только пихта и береза. Из елей в вогульской земле – тот же подвид, (С. 140) который является обычным в Лапландии <...> другой обычный здесь вид елей встречается в Финляндии только в посадках <...>. Ольху и можжевельник я долго искал, прежде чем нашел. Осина, рябина и черемуха встречаются почти так же часто, как в Финляндии. <...> К достопримечательностям этой области относятся кедр, съедобные плоды которого похожи на маленькие орехи и собираются на продажу, а также лиственница; оба эти вида деревьев совершенно обычны в лесах, хотя и не составляют насаждений. <...>

(С. 144) В лесах такого рода мы, естествоиспытатели, бродили ежедневно, ведя наблюдения и сборы, в то время как проф. Алквист с помощью одного вогула дома, в деревне, изучал вогульский язык. Мы должны были хорошо использовать свое время, ибо в сентябре хотели снова быть дома. Если мы время от времени позволяли себе короткий отдых, то лишь на берег, чтобы посмотреть, как жители деревни ловят рыбу плавежной сетью³⁾. В воскресенье вечером мы смотрели игры деревенской молодежи на заросшей травой площадке перед нашим домом. Юноши били в мяч или сорсвовались в беге и в прыжках. Молодые деревенские девушки играли между собой или с юношами в беговые игры, среди которых есть и известные в Финляндии. Во время этих игр была возможность видеть всех красавиц деревни в их праздничных одеждах, которые, однако, большей частью были русского покроя. Со своими темными глазами, безупречной фигурой и скромным нравом некоторые из них могли бы и в Финляндии считаться милыми девушками.

Впрочем, и в глазах этих вогулов находишь следы монгольской раскосости, но в целом в вогульских лицах едва ли встретишь больше монгольских черт, чем в финских. Правда, некоторые вогулы имели такой же темный цвет лица, как и остяки, но в отношении цвета кожи не сильно отличались от финнов. Однако волосы у большинства темные. Лица вогулов не так однообразны, как у остяков, а обнаруживают все промежуточные формы от северного остяцкого до совершенно финского склада лица. Их губы толще, чем у финнов, но строение лба и (С. 145) щек, плосколицесть, слабый рост бороды и в большинстве случаев разрез глаз – того же типа, что и у финнов».

После того как мы провели в Леушах почти целый месяц, мои спутники, естественно, считали, что сделано достаточно для исследования местности в ботаническом и зоологическом отношении, но хотели бросить исследовательский взгляд на западносибирскую природу и в других местах – на обратном пути. Однако я еще не был готов, как мои спутники, ибо хотя и прошел изучение о формах кондинского диалекта и составил значительный список слов, но Евангелия были еще почти не сверены. Честно говоря, я уже был сыт по горло однообразным и плохим питанием в Леушах. В материальном отношении Тобольск витал в моем воображении почти как Париж, там можно было жить в большой комнате без тараканов, иметь ежедневно на столе отличный суп, душистый хлеб и вкуснейших рыб с Иртыша, не говоря уже о великолепных огурцах и других овощах, которые в это время года везде имеются в избытке в местах, населенных русскими. Кроме того, связь с родиной и моей семьей из Тобольска была намного лучше, ибо этот город был ближе к Финляндии на 900 верст и к тому же имел не только регулярную и частую почтовую связь с западом, но и телеграфную станцию.

³⁾ Это была действительно неплохая картина. Целый день эту рыбалку вели на одном и том же месте перед деревней, и сеть всегда была полна рыбой, что было для нас чем-то необычным и скорее, чем что-либо другое, говорило о рыбных богатствах этих вод.

55. Остячка в национальном костюме. Вид со спины. 1910 г.

Все вместе взятое подействовало так, что я тоже решил покинуть Леуши. Максима было легко уговорить следовать за мной в Тобольск, чтобы еще немного со мной поработать. Он должен был получить от меня на проезд туда и назад, далее – свободное размещение во время пребывания в Тобольске и дневную оплату, которая соответствовала оплате, по крайней мере, четырех рабочих в Леушах; кроме того, он должен был сфотографироваться за мой счет. Я думаю, что последнее обещание сильнее всего подействовало на его решение следовать за мной.

Итак, 3 августа мы действительно отбыли из Леушей, и поскольку ветер был благоприятным и течение реки тоже способствовало ускорению поездки, то уже на следующий день при великолепной погоде мы прибыли в Нахрач. Там мы пробыли два дня, встреченные самым гостеприимным образом вышеупомянутым богатым русским Поповым, относительно которого выяснилось, что он является потомком (я думаю, внуком) упомянутых в начале этого раздела переводчиков Евангелия. Во время этой самой остановки я купил остяцкий женский костюм... Он состоит из рас(С. 146)пашного, изготовленного из голубого сукна халата того же покроя, что и халат татарок, и богато украшен бисерными украшениями; сюда же относятся спадающее с шеи широкое нагрудное украшение и налобная повязка, концы которой сильно свисают на спину; то и другое украшено, как и халат.

Костюм, который надели на финскую служанку, был сфотографирован уже здесь, в Гельсингфорсе, и вырезан Нуммелином по дереву, но поскольку лицо финской девушки было слишком правильным, чтобы его посчитали за остяцкое, Нуммелин по собственной фантазии нарисовал лицо, которое, конечно, имеет монгольские черты, но все же не является ни остяцким, ни финским, а, скорее, похоже на лицо лапландских женщин.

7 августа еще при хорошей погоде мы проехали и Болчарово, но на следующий день холодный и резкий северный ветер начал дуть нам навстречу, и если бы у нас гребцами были остяки, то, очевидно, из-за сильного ветра мы вынуждены были бы где-нибудь спокойно стоять. Но теперь, на Иртыше, мы имели дело с русскими, а они в Сибири – особенно сильный народ и также, как в отношении жилища, одежды, во всем другом пре(С. 147)восходят коренных жителей. Наш каюк, хотя и медленно, но скользил вперед, и 10 августа рано утром мы причалили наконец в Самарове. <...>

Публ. по: Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записки и этнографические заметки / Пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск, 1999. С. 134–140, 144–147.

№ 33. 1892. – Инфантьев П. П. За уральским бобром. Путешествие в страну вогулов (Извлечения)

<...> (С. 543) От села Романовки дорога пошла вдоль реки Сосьвы, то прямо рекой, то по берегу. Первое село, встретившееся нам на этом пути, было Кошай, в 25 верстах от Романовки; жители его наполовину русские, наполовину уже обрусевшие вогулы-ясачники, т. е. платящие вместо податей ясак. Здесьние сосьвинские вогулы, равно как и вогулы, живущие по реке Ляле, выше Денисовки, и по Тавде, уже совершенно утратили все свои национальные особенности; они давно позабыли и свой родной язык, и свои обычаи и верования и слились с русскими поселенцами. Этому полному обрус-

нию здешних вогулов много способствовали русские женщины, выходявшие замуж за вогулов и являвшиеся, таким образом, цивилизующим элементом в их среде. Так как, по обычаю вогулов, жених должен платить за свою невесту более или менее обременительный для себя калым, то многие из вогулов предпочитали брать жен русских, как не требующих никакого калыма. Но кроме этого (С. 544) русская женщина являлась для вогула более привлекательной и по другим причинам: она была лучшей хозяйкой в доме, более выносливой и трудолюбивой, чем вогулки; и в этом не могли не сознаваться и сами вогулы.

От такого смешения вогулов с русскими произошло крепкое и сильное поколение, мало чем отличающееся от русских крестьян. Только широкие скулы, тупой нос и глаза с узким разрезом говорят об их первоначальном происхождении. <...>

Следующая станция, в 35 верстах от Кошай, была деревня Махтели, населенная уже по преимуществу обрусевшими вогулами. Мы приехали в Махтели ночью и в ожидании, пока нам запрягут лошадей, зашли в избу выпить чаю. Изба ничем не отличалась от обыкновенной русской. Большая русская печь, полати, по стенам лавки – все это было обыкновенное. Когда мы пили чай, мой товарищ подтолкнул меня локтем, указав глазами на печь. Взглянув по указанному направлению, я увидел в углу на печи старуху, державшую во рту трубку с длинным чубуком и пускавшую клубы дыма. Начиная отсюда и далее все женщины у вогулов курят трубки.

Чем ниже спускались мы по Сосьве, тем шире раздвигался горизонт перед нашими глазами: леса отходили далеко в сторону от низменных берегов реки, и на прибрежных лугах то там то тут виднелись стога сена. У махтелинских вогулов уже достаточно скота, и главное средство существования – не охота, а земледелие.

В 30 верстах от Махтелей, именно начиная от большого, торгового села Гари, идет земский тракт на Пельым, находящийся в гораздо лучше состоянии, чем Кушвинско-Верхотурский, а на станциях мы видели зимние возки и летние повозки для проезжающих, чего на верхотурской дороге совсем не встречали.

От Гарей до Пельыми около 80 верст; на середине этого пути, подле села Зыкова, р. Сосьва сливается с р. Лозьвой и образует р. Тавду.

Село Пельым... представляет из себя кучу домиков, разбросанных на ровной местности по левому берегу р. Тавды, недалеко от впаде(С. 545)ния в последнюю речки Пельымки. Заброшенное в тайгу, село это представляет, в особенности зимой, довольно унылый вид. Население его русское, с ссыльным элементом. Перед окнами станции нередко можно было видеть господ, разгуливавших по улицам с бубновым тузом на спине¹ (рис. 56).

В Пельыми сосредоточивается инородческое управление верхней Конды и находятся казенные хлебные магазины для инородцев. Пельым, с резиденцией в ней заседателя² третьего Туринского округа, является в некотором роде столицей для верхнекондинских вогулов. Отсюда идут все начальственные распоряжения, а также все товары и хлеба для Конды; сюда же инородцы ездят по своим судебным делам. Вся торговля почти всей Конды сосредоточена в руках пельымского купца – Бакулева, и, нужно отдать ему справедливость, мы ни разу нигде не слышали жалоб на него со стороны инородцев; Бакулев ведет свои торговые дела с последними довольно добросовестно, между тем как мелкие торгошники, или, лучше, кулаки, наезжающие в Конду,

¹ Здесь идет речь о бывших каторжниках, вышедших на поселение и донашивавших свои шинели с вшитым на спине ромбом.

² Имеется в виду судебный заседатель Туринского окружного суда.

являются истинным бичом для несчастных вогулов благодаря своим мошенническим проделкам и спаиванию инородцев водкой. В Пельми, между прочим, последний пункт, где водку продают открыто. По всей Конде торговля водкой запрещена, и ее провозят туда только контрабандой.

Мы отправились к заседателю, чтобы добыть от него *бланку* на свободный проезд по Конде. Подобная *бланка* является необходимой для путешественника в этих местах. Уже по дороге до Пельми у нас часто происходили неприятности с ямщиками из-за подвод; далее же, без свободного пропуска от заседателя, мы рисковали если не быть совсем остановленными, то тер-

56. И. М. Кокшаров.
Сибирские бродяги.
Литография. 1891 г.

петь задержку в лошадях, что вовсе не входило в наши планы. Заседатель оказался очень любезным и с готовностью дал нам пропуск по своему округу.

Из Пельми на протяжении 25 верст до небольшого русского поселка Еремино дорога шла все время по реке Пельмке. Речка Пельмка шириною не более 20 сажень и, по-видимому, очень рыбная: нам часто попадались рыболовные запоры, перегораживавшие всю реку (рис. 57). Лугов здесь уже нет, берега круты и лесисты. Поселок Еремино расположен среди дремучего леса и состоит всего из нескольких домов, не более десятка. Здесь мы остановились у одного торговца пушниной, рыбой и кедровой шишкой. С этим тор-

говцем мой товарищ³ познакомился еще ранее, на Ирбитской ярмарке. Он дал нам несколько очень важных для нас сведений о Конде и об ин(С. 546)тересовавших нас бобрах, указав на местожительство охотников, промышлявших этим зверьем. При этом он запугивал нас трудностями пути и теми лишениями, которые нам придется терпеть, живя среди вогулов. По его рассказам, вогулы, живущие на Конде, оказывались какими-то зверями в образе человека. Он уверял, что вогулы живут в грязных шалашах, питаются сырым мясом и сырой рыбой, а если и варят когда что-нибудь, то в тех же самых котлах, в которых моют потом грязное белье; что любимое времяпрепровождение у вогульских женщин – это «искать» в головах своих мужей: найденное они разгрызают зубами, наподобие того, как наши молодухи щелкают подсолнухи, и т. д. Все это оказалось потом слишком преувеличенным.

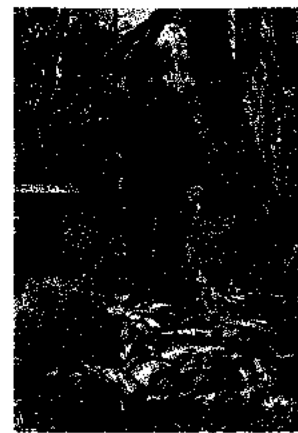
Из Еремино нам привелось ехать уже не дорогой, а чуть заметной тропкой, проложенной в снегу, для которой наш экипаж оказался уж совсем неподходящим, так что, протянувшись кое-как 25 верст до вогульского поселка Омелино, мы принуждены были бросить розвальни и поставить коробок на местные хрясла (род тех же розвальней, только с более узкими полозьями и отводами). Но так как дальнейшая дорога была уже из рук вон плоха, то мы принуждены были вместо одного экипажа и пары лошадей, как до сих пор ехали, разложить свой, сравнительно очень небольшой, багаж на салазки или хрясла, запряженные каждые в одну лошадь.

В Омелино кончается бассейн реки Тавды, и дальше следует перевал на р. Конду. Здесь последний пункт, до которого летом еще возможно кое-какое сообщение с Пельмью на лодках. Далее же летом нет совершенно никаких дорог, и сообщение по тайге возможно не иначе как пешком; только одни инородцы, хорошо знающие местность, отваживаются иногда верхом на своих, привычных к лесным топям, лошадях путешествовать через эти непроходимые дебри, причем умные животные карабкаются по упавшим стволам деревьев наподобие диких коз, отыскивая дорогу. Впрочем, там, где позволяет местность, между паулями, как здесь называются вогульские поселки, и летом устанавливается иногда нечто вроде экипажного сообщения для перевозки разного рода грузов. Способы передвижения в таких местах бывают трех видов, смотря по степени проходимости тайги. Первый из них заключается в том, что к седлам двух лошадей, идущих гусем, привязывается с обеих сторон по шести, поперек которых прикрепляются доски, и на этих

58. Д. Аткинсон. Из серии гравер «Русские средства передвижения». Конец XVIII – начало XIX в.

³ К. Д. Носилов.

57. Лов рыбы запором
в окрестностях Пельми.
Фотография Э. Сенкевича.
Начало XX в.

59. Орудия кедroveго промысла: коготь для лазанья, ступа с пестиком, железное решето (срехот)

¹⁾ Чувал – род камня, сделанного из тонких жердей, обмазанных толстым слоем глины.

²⁾ Пошворами вогулы называли болота, поросшие мелким сосняком.

импровизированных носилках (С. 547) переносится нужная кладь. Во втором случае носилки приспособляются для одной лошади и вместе с грузом, лежащим на них, тащатся по тайге волоком. Экипаж третьего рода состоит из таких же носилок, только под другой конец их подставляется пара колес. Но этот последний род передвижения возможен только там, где существует через тайгу хотя какое-либо подобие дороги: на нем ездят преимущественно по просекам, делаемым для зимнего пути, и то, разумеется, только там, где этому не препятствуют болота и озера.

II

Из Омелино мы должны были сделать волок в 65 верст, чтобы попасть в пауль Полушаим, находящийся уже в бассейне реки Конды. На протяжении всего этого волока идут сплошные дремучие леса и нет ни одного поселка; только посредине построена лесная избушка, где ямщики обыкновенно останавливаются кормить лошадей. Наши ямщики упрасивали нас остаться переночевать в Омелино, так как становилось уже поздно, а на этом волоку бродил медведь, не заснувший на зиму. Такие медведи, как известно, очень опасны и бросаются почти без разбору на все живое, встречающееся им. Причина их неспячки и озлобления, как говорят некоторые, – глисты, беспокоящие этих медведей. По мнению же вогулов, Торм (высшее существо, Творец мира) насылает таких медведей на людей в наказание за какие-либо особенные грехи. Однако мы доехали до избушки безо всякой неприятной встречи с исполнителем воли Торма. Избушка была расположена в дикой местности среди дремучего бора. Внутренность ее представляла одну большую комнату, вдоль стен которой тянулись двойные нары, где спали вповалку несколько человек, как оказалось потом, промышленников за кедровой шишкой. В *чувале*¹⁾ ярко пылал огонь. На столе кипел огромный самовар, до того засаленный, что трудно было определить, из какого металла он сделан. Дюжий, закоптевший от чувала хозяин разливал чай. Кругом стола сидело несколько человек, тоже промышленников; из разговора последних мы узнали, что все это был народ ссыльный, за неимением дру(С. 548)го заработка занимавшийся сбором шишки. Зимой шишку собирают, обыкновенно, разгребая снег под кедрами. Разумеется, такой сбор ничтожен и плохо оплачивается употребляемый на него труд. Духота в избушке была страшная, но так как я был сильно утомлен, то, не дожидаясь, пока очередь единственного самовара дойдет до нас, забрался на верхние нары и тотчас же заснул. Однако сон мой не был продолжителен. Проснувшись, я почувствовал, что тело мое горело, точно в огне: нары были переполнены блохами и клопами. Промучившись всю ночь в духоте и изъеденный докучливыми насекомыми, я вышел поутру на свежий воздух. Утро было ясное, безоблачное, хотя и довольно морозное. Солнце только что начинало подниматься и косыми лучами золотило верхушки громадных кедров, среди которых стояла избушка. Я был поражен необычным в этих местах оживлением окружавшего леса. Повсюду раздавалось пение и чириканье маленьких, величиною с воробья, хорошеньких птичек с красноватыми и желтоватыми спинками, черными крылышками и крестообразным клювом. Это были клесты. Кедровники – единственные в этих местах леса, обитаемые во время зимы пернатыми.

На второй половине волок дорога часто шла *пошворами*²⁾. Здесь мы в первый раз увидели следы соболей. Полушаим – первый пауль, встретившийся нам в бассейне реки Конды и притом населенный коренными вогулами, еще

не успевшими окончательно слиться с русскими. Все его население состояло всего из двух-трех семейств. Нам отвели квартиру у одного самого зажиточного хозяина. Это был довольно живой, крепкий и высокий старик. По его узким, маленьким глазкам, широкому рту и бронзовому цвету лица его можно было принять, скорее, за балкира. Этот вогул принял нас очень радушно, провел в светелку и стал суетиться около самовара. Нас поразили порядок и опрятность в доме Степана (так звали нашего хозяина), несмотря на то, что он, как оказалось, жил совершенно одиноким. Самый дом его был довольно поместителен и состоял из трех комнат, если не считать прихожей, выходящей на парадное крыльцо. Сундуки, стоявшие вдоль стен, были покрыты ковриками, на столах были разостланы скатерти, и хотя чистота их была довольно сомнительна, тем не менее все это показывало стремление к комфорту и (С. 549) обнаруживало некоторое материальное довольство хозяина. В переднем углу виднелись даже в серебряной оправе иконы. Словом, по обстановке жилище Степана напоминало скорее дом русского зажиточного торговца, чем юрту дикаря вогула. Но вся эта русская обстановка нам сделалась понятной, когда из разговора со Степаном мы узнали, что он был когда-то женат на русской и имел очень частые сношения с русскими, ведя торговлю пушниной и рыбой. Теперь же, после смерти жены, торговлю свою он забросил и жил одиноким бобылем. Правда, у него была взрослая дочь, заправлявшая всем его хозяйством, но недавно он ее выдал замуж за местного старшину, вдовца, в Турсунтский пауль. Кроме дочери у него есть еще маленький сынишка, но он гостит у сестры, и Степан теперь совершенно один справляется со своим хозяйством, сам стряпая себе пищу.

На нашу просьбу достать нам мяса Степан сначала объявил, что это невозможно; но когда мы дали ему рубль, чтоб он попробовал поискать, он живо притащил нам около полпуда свежего коровьего мяса; кроме того, достал у себя из подвала несколько фунтов кренделей, которых мы не могли найти даже в Пельме, и в довершение нашего удивления притащил курицу и петуха, по-видимому, заколотых еще очень недавно. Нас крайне удивила такая щедрость, так как куры здесь редкость и должны цениться очень дорого.

- Я усть тавно на них сердился, – острял Степан.
- Как, за что сердился?
- Та отип-от не поест, а тругой не носится.
- Однако сколько же ты за них возьмешь?
- Ничего не нузно, возмите на торогу, отнако.

Наше любопытство возросло еще больше от такого внезапного бескорыстия Степана. Мы осмотрели еще не ощипанную парочку, и нам бросился в глаза оригинальный способ у вогулов резать кур не по горлу, а в темя. Однако впоследствии нам объяснили, что эта курица и петух были жертвенными животными, которых Степан приносил шайтану в умилоствление, по случаю недавно бывшей болезни его сына. Вогулы хотя и считаются христианами и исполняют обряды православной церкви, но, как мы это увидим впоследствии, не забывают в то же время и своих прежних богов. Есть жертвенных животных вогулу нельзя, продать не позволяет совесть – отсюда понятно бескорыстие Степана. Впрочем, от такого от(С. 550)крытия ничуть не потеряли во вкусе ни тот, который не поет, ни та, которая не несется.

Едва только мы выехали на околицу Полушаима, как нам попалась навстречу очень молоденькая и замечательно хорошенькая вогулка, ехавшая с маленьким мальчиком.

³⁾ Что нарочно! Т. е. зачем
напрасно говорить! – люби-
мая поговорка у вогулов.

– А вот и точь Степана, – пояснил нам вогул ямщик, – толзно пыть, ететь в гости к отцу.

– Да ей сколько же лет? – спросили мы.

– А исси и сестнадцати нету.

– Так почему же она вышла за вдовца?

– Та с изьяном пыла, отнако.

– С каким изьяном?

– Та в 14 лет рещенка ротила. Ну та веть и втовец-то не старый, че нарочно!³⁾

Вогулки, как мы увидим потом, не отличаются большой целомудренностью.

Село Шаим находится в семи верстах от Полушаимского пауля и расположено на берегу тумана, через который протекает река Конда. Здесь есть русская церковь; живут священник и псаломщик. Домов или юрт в Шаиме всего 7, ясачных душ 4, а всего населения, вместе с женщинами и детьми, не более 20. Здесь инородческая волость, и местный псаломщик исправляет должность помощника писаря, который сам живет в Пелыми. Село Шаим – довольно важный пункт на Конде, так как здесь скрещиваются две дороги. В начале зимы через Шаим идут обозы с рыбой с Оби на Пелынь и далее на Урал; из Пелыми же привозят хлеб и все товары, необходимые для Конды. Летом снизу из Реполова идет сообщение с верхней Кондой по реке, также через Шаим. Но, несмотря на это, нас поразило крайне унылый и жалкий вид Шаима, занесенного сугробами. Когда мы приехали, ни одного живого существа не видно было на улицах; даже собаки не встретили нас своим обычным лаем. Село казалось совершенно необитаемым.

Мы остановились на земской квартире и, напившись чаю, попросили хозяйку, одинокую меланхолическую вдову, вогулку, вечно сидевшую без всякого дела с трубкой в зубах, отыскать церковного сторожа, так как нам хотелось посмотреть местную церковь. Вдова исчезла, и через несколько времени мы (С. 551) увидели, как мимо нашего окна пробежал по направлению к церкви какой-то человек без шапки, с лопатой в одной и метлою в другой руке, а вслед за ним вскоре проследовал торопливыми шагами и сам батюшка. Мы оделись и также пошли в церковь, добраться к которой, а тем более проникнуть в нее, оказалось не так-то легко. Церковь находилась в некотором отдалении от села, и узенькая тропинка, ведшая к ней, была совершенно занесена снегом, а при малейшем уклонении от дорожки в сторону путник рисковал погрузиться по самую грудь в глубокий снег. Когда мы вошли в ограду, церковный сторож усиленно разгребал сугроб снега, нагромоздившийся на паперти и заваливший вход в церковь. Мы извинились перед батюшкой за причиненное ему беспокойство, и он, после того как узнал, кто мы, откровенно нам сознался, что сильно перетрутился, так как принял нас за каких-нибудь ревизоров. Церковь была небольшая, деревянная и очень бедная. Службы в ней совершаются редко, в особенности зимой, так как церковь очень холодная, да кроме того и служить в ней почти не для кого. Шаимский приход огромный по пространству и очень незначительный по числу прихожан. Немногие паули, с населением в две-три семьи, рассеяны по Конде и ее притокам на протяжении более 100 верст от Шаима, и местный священник всего только раз в год имеет возможность посещать свой приход. Этот объезд совершается обыкновенно на лодке (летом здесь нет других путей сообщения, а зимнее сообщение почти невозможно) после Пасхи, вскоре по разливе рек, причем во время этого объезда священник крес-

тит родившихся за год ребят, отпевает умерших и совершает другие требы. Сами же вогулы, частью за дальностью расстояния и трудностью пути, частью вследствие индифферентизма к христианской религии, церковь посещают редко.

В шаимской церковной летописи о шаимском приходе значится, между прочим, следующее:

«О времени основания Шаима неизвестно. В начале XVIII века жили здесь язычники вогулы под управлением вогульского князька Сатыги, жительствовавшего в Сатыге. Митрополит тобольский Филофей просветил в 1715 г.

60. Священник у вогулов
в юртах

Сатыгу светом христианской веры, и его примеру последовали «шаимцы»... В 1855 г.⁴⁾ была построена в Шаиме церковь».

«Прихожане по гражданскому ведомству принадлежат к верхнепелымскому инородческому управлению, – народ темный, (С. 552) мало просвещенный, говорящий своим языком и ничего или с большим трудом понимающий по-русски. Обыкновенное занятие – звериный или рыбный промыслы. Благосостояние и нравственность на низкой степени, бедность и нечистота поразительны; едва ли не каждый заражен в большей или меньшей степени сифилисом. Мало отрады и в религиозном отношении. В случае болезни вогул не прибегает к молитве, а к какому-то шайтану, принося ему в жертву какого-либо животного: барана, овцу, лошадь и т. д., кровью их мажет себе лоб, а остальное льет в реку. Следы сего языческого обычая всячески стараются скрывать от священника. И даже на исповеди не сознаются, а вину в пропаже животных сваливают на медведя. Словом, вогульцы носят только одно название христиан, не зная ни русского языка, ни догматов православной веры, ни даже самых главных молитв. Они дикари, и дикари крайне лепивые, преданные пьянству, разврату, к тому же злобны, коварны и мстительны».

С последними тремя эпитетами едва ли можно согласиться с летописцем; по крайней мере, насколько мы успели познакомиться с вогулами во время

⁴⁾ Приход был создан только
в 1867 г.

нашего пребывания на Конде, последние по своей крайней апатии ко всему и феноменальной лени едва ли способны на коварство и месть.

Всего населения 314 душ. <...>

...Состоящее исключительно из одних коренных вогулов (русских я здесь не считал, да их во всем приходе, если не ошибаюсь, только 2 человека). <...>

(С. 553) Вскоре после нашего приезда в Шаим поднялся буран, продолжавшийся целых два дня, и мы принуждены были все это время сидеть на земской квартире: ехать в такую погоду было решительно невозможно, да к тому же и лошадей было нельзя достать, так как ямщиков в Шаиме не было, и приходилось посылать к старшине в Турсунт-пауль за 20 верст, чтобы он распорядился доставить нам лошадей.

Во время нашего невольного заточения в земской квартире около дверей нашей комнаты часто показывалась рожа какого-то мужичонки, торчавшая иногда по нескольку часов и чему-то глупо ухмылявшаяся.

– Тебе чего? – не вытерпел я наконец.

– Да лошадей-то где будете брать? Ведь дешево вас здесь не повезут.

– Да тебе-то какое дело? Пошел прочь.

Но рожа все-таки продолжала торчать.

Это наконец нас заинтриговало. Мы разговорились с мужичонкой, а скоро, наконец, и совсем познакомились. Мужичонко оказался русский, единственный русский поселенец в Шаиме. Он жил здесь среди вогулов уже много лет, знал хорошо и их язык, и их обычаи. Занимался он почти тем же, чем и вогулы, т. е. рыболовством и охотой, да кое-какой мелкой торговлей. Но он не был кулак, как большинство здешних русских торговцев, и настолько привык к вогулам, что жил между ними как свой, да и вогулы считали его за своего и доверяли ему во всем. За его смуглый цвет лица вогулы дали ему кличку «Черное мясо», настоящее же его имя было Назар. Впоследствии мы от Назара узнали о вогулах очень много такого, чего иначе нам никогда бы не узнать. Назар был единственный человек в Шаиме, у которого (С. 554) рого водились лошади, и мы подрядили его везти нас до Турсунта, где жил старшина.

После бывшего бурана дороги не было и следа; ее засыпало снегом по крайней мере четверти на две, и лошади брели по колено в снегу, а наш широкий коробок до того сильно тормозил, что он поминутно останавливался, так что, протацившись кое-как до Турсунта, мы принуждены были расстаться со своим экипажем и ехать далее на салазках или хряслях.

Турсунт-пауль представляет из себя небольшую группу построек, разбросанных среди леса на левом берегу реки Конды. Здесь живут три семьи, ютящиеся в нескольких грязных юртах. Этот пауль один из типичных, – такие паули встречаются по всей Конде. Две-три юрты, несколько сарайчиков для защиты скота от морозов и вьюг, штук 6–7 свайных амбарушек – вот и все строения этих паулей. Амбарушки служат магазинами, где вогулы хранят продукты охоты и рыбной ловли. А так как в этих местах существует множество мышей, то, чтобы воспрепятствовать этим маленьким хищникам проникать в амбары, их строят на четырех сваях, нарубая эти последние посередине таким образом, что маленькому грызуну никоим образом по ним нельзя забраться во внутренность помещения.

Свои постройки и юрты вогулы обыкновенно никогда не огораживают никакими заборами или оградами.

Внутренность юрты старшины представляла довольно большую комнату с печью, несколько папоминавшую русскую печь, только без шестка⁵. В одном из боков этой последней был вмазан большой чугунный котел для варки мяса и рыбы. Несколько кроватей, лавки, две-три скамейки и два стола составляли всю мебель. В переднем углу виднелось несколько икон, в углу на полу стояли два-три сундука, на стене висело кремневое ружье, на шестах под потолком были развешаны рыболовные снаряды: сети, невод и пр.

Когда мы приехали, вся семья старшины, состоявшая душ из восьми, сидела за самоваром.

⁵ Площадка передустьем русской печи.

61. Интерьер вогульской избы.
Фотография Э. Сенкевича.
Начало XX в.

Самовар можно встретить по всей Конде.

Турсунт-пауль был последней станцией, где можно было, при помощи старшины, достать лошадей. Между тем до цели нашего путешествия, т. е. до местожительства охотников, промышлявших бобрами, оставалось еще около 100 верст. Таким образом, лошадей необходимо было нанять в Турсунте вплоть до места. На наше обращение к старшине за лошадьми (С. 555) последний сказал, что он уже два дня, как отыскал для нас ямщиков, так как о нашем проезде ему сообщили тотчас же по нашем прибытии в Шаим. Действительно, в юрте около печи сидели какие-то два вогула, – как оказалось, наши будущие ямщики. Но последние за конец в 100 верст заломили ни больше ни меньше как 60 р.! Такое требование нас крайне изумило, так как обыкновенная казенная такса в этих местах всего 1 1/2 к[оп]. с лошади за версту. Мы показали старшине бланку от заседателя и объявили, что платить больше, чем сколько следует, не намерены. Старшина, как и все вогулы, был неграмотный и сначала выразил сомнение в подлинности печати заседателя, но потом, сличив ее с имевшимися у него на других бумагах печатями, успокоился. Благодаря безграмотности вогулов и их крайнему невсестеству здесь нередко случается, что идет какой-нибудь проходимец, показывает бланку, будто бы выданную самим губер-

натором, и требует себе по этой бланке бесплатно лошадей, между тем как эта бланка – не что иное, как простой клочок бумаги с печатью, оттиснутой какой-либо пуговицей.

Убедившись в подлинности печати, старшина начал о чем-то горячо спорить на своем вогульском языке с ожидавшими ямщиками.

– О чем это они спорят? – спросили мы у Назара.

– Да все никак не могут в цене сойтись: те просят 60 р., а старшина говорит, что это будет много.

– Так растолкуй ты им, пожалуйста, что мы вовсе не намерены платить таких сумасшедших денег, – это вымогательство!

– Да они с вас и не просят, у них свой торг.

– То есть что же это значит? – удивились мы.

Оказалось следующее. В Шаимской волости нет общественного ямщика, и казенные подводы отправляются натурой, т. е. по очереди. А так как лошадей у общественников, кроме старшины и подряжаемых им ямщиков, ни у кого нет, то последние и заламывают обыкновенно с проезжающих, которые, к счастью, попадают сюда очень редко, столько, сколько им Бог на душу положит. Но за казенные подводы они не могут брать более того, что полагается по таксе, т. е. 1,5 к. за версту с лошади; поэтому остальное ямщики взыскивают с тех из общественников, чья очередь вести подводу. Случается, что с общественника и взять-то решительно нечего; поэтому с течением времени у шаимского общества установился такой порядок: старшина вместе со своими приятелями-ямщиками стали возить подводы за очередников только за круговой порукой всех остальных членов Шаимской волости, которых, кстати сказать, всего числится около 140 чел. А деньги за подводы взыскиваются уже в обществе вместе со сбором ясака.

Мы, как едущие по бланке, попали под разряд казенных, и старшина не мог нам отказать в доставке подводы по установленной таксе; поэтому он и нанимал своих приятелей-ямщиков в надежде вознаградить себя потом с лихвой за счет общества. Впрочем, процедура нанимания и спор из-за дороговизны, как нам потом объяснил Назар, была только комедией, чтобы показать перед другими, что старшина печется о мирских интересах.

Не желая связываться с ямщиками, мы предложили Назару самому подрядиться везти нас до места, на что он и согласился за 30 р., к досаде нанявшихся ямщиков. Справедливость требует заметить, что казенная такса на подводы здесь действительно очень низка, потому что, как мы это и увидим потом, ямщик, отправляясь в путь, рискует не только своими лошадьми, которые здесь очень дороги, но даже и собственным здоровьем, если не жизнью. <...>

(С. 558) В дальнейший путь мы отправились на четырех хряслах, в каждом по одной лошади. Но едва отъехали от Турсунта верст пять, как снова поднялся буран, и притом с такой силой, что в пяти шагах решительно ничего не было видно, не говоря уже о дороге, от которой, благодаря предыдущей вьюге, не было и следа. Назар с частью нашего багажа ехал впереди, прокладывая след, и его лошадь, привычная к здешним путям, оцупью, ногами разыскивала под снегом твердое полотно дороги и тихим шагом подвигалась вперед; за ней следовала другая, с поклажей, за этой мы двое, закрытые рогожей и завязанные веревками, наподобие мороженых осетров, и, наконец, поезд заключал брат старшины, Сенька, которого мы взяли в качестве помощника ямщика.

62. Привал на дороге в лесу.
Конец XIX в.

Но, несмотря на буран, наступившие сумерки и совершенно занесенную снегом дорогу, сбиться с пути все-таки было довольно трудно, потому что едва лошадь ступала мимо дороги, как тотчас же погружалась в рыхлый снег чуть не по горло, тогда как по дороге ей было всего только по брюхо. Закрытые сверху рогожами, мы проспали всю ночь и не слышали даже, как наши ямщики останавливались где-то среди леса покормить выбившихся из сил лошадей и погреться самим около разведенного костра. Вдруг я был разбужен отчаянными причитаниями Назара: «Ой, ой, ой! – кричал он. – Утонула ведь она у меня, проклятая! Ой, ой! Как я ее теперь добуду! Пропадет лошадь!»

Я хотел было выпрыгнуть из саней, но это оказалось невозможно, так как мы были крепко завязаны веревками сна(С. 559)ружи. Тогда я растолкал своего спутника, и едва соединенными усилиями мы выбрались из-под рогож на свет Божий. День уже давно начался. Буран утих. Передний воз лежал на боку, и Назар суетился около лошади, которой виднелась только одна голова из-под снега, а ноги и туловище куда-то провалились. Мы подошли ближе. Оказалось, что лошадь немного уклонилась в сторону от дороги и попала в незамерзшее, вследствие обилия тепла источников, но занесенное снегом болото, по берегу которого шла дорога. Вода оказалась настолько глубока, что лошадь не доставала ногами дна, и если бы не оглобли, удержи-

вавшие ее на поверхности, она вся ушла бы в воду. Мы обрубали гужи, Назар тянул за повод, не давая ей окончательно погрузиться, но вытащить лошадь на дорогу не было никакой возможности. Тогда мы надели петлей вожжи на шею утопавшей, распрягли другую лошадь и при ее помощи, рискуя оторвать голову первой, вытащили-таки на безопасное место несчастное животное, дрожавшее от холода и совершенно измученное. Хрясла же, застрявшие в болоте и примерзшие полозьями к мокрому снегу, привелось бросить на произвол судьбы, так как решительно было опасно вытаскивать их. Мы только переложили из них багаж на другие подводы, ежеминутно рискуя сами провалиться в воду, и поехали далее.

От Турсунт-пауля до Умуты считают 30 верст, и эти 30 верст мы ехали не более ни менее как 17 часов, т. е. делая меньше двух верст в час!

В пауле Умуте, как и в Турсунте, всего только три юрты. Когда мы вошли в одну из них, нам прежде всего бросилось в глаза какое-то маленькое человеческое существо, валявшееся на кровати около порога, прикрытое грязной шубой и метавшееся, по-видимому, в бреду. Лицо несчастного было сплошь покрыто какими-то гнойными коростами. Сначала я подумал, что это сифилитик, так как сифилис здесь самая обыкновенная вещь, и нам уже много встречалось безносых и безглазых субъектов, этих жертв сладострастной Венеры. Перед самым лицом бедняги лежал какой-то кровавый кусок мяса со свежеструившейся кровью. Я подошел ближе. Оказалось, что этот кусок был не что иное, как выставившаяся из-под шубы рука больного, почти с совершенно обнаженными мускулами. Самый же больной оказался ребенок лет 9–10. По всей комнате носился отвратительный запах свежеразлагавшегося трупа.

(С. 560) – Что с ним? – спросил я.

– Опгорел, – отвечала хозяйка.

– Как обгорел?

– А кто его снает? Он оставался один в юрте у сосетей, а там варился котел. Втрет, мы витим, безыт оттута, весь в огне, рупаха пылает; мы выпсзали а ус он опгорел. Тругую нетелю лезыт, не мозет потнятыся.

– Да это чей, твой мальчик-то?

– Нет, чужой. Мать его оставила, а сама усла замус в тругой пауль, – втов пыла. Он и зыл у нас. Кута его теваес?

Мы попросили раскрыть ребенка.

Боже! Какой ужасный вид представился нашим глазам! Буквально вся грудь и весь живот малютки представляли сплошной кусок живого мяса, покрытого гнойными, грязными струпьями, из-под которых сочилась кровь. Ребенок лежал совершенно голый и покрывался грязной меховой шубой, шерсть от которой приставала к струпьям и гнила на его теле, испуская страшное зловоние.

– Отчего вы его держите в такой грязи? Зачем не моете раны? – спросили мы.

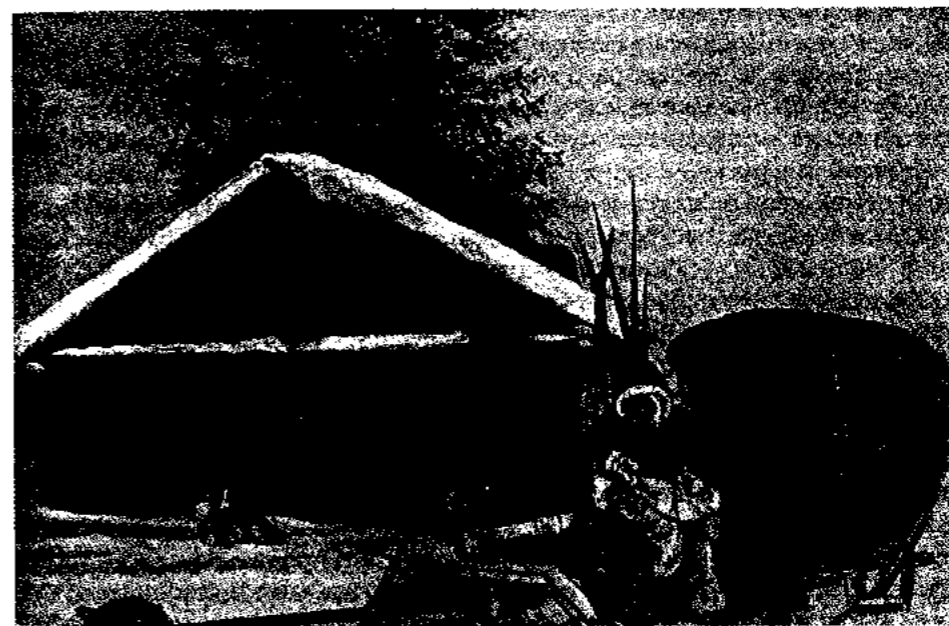
– Та что мы снаем? Совсем не снаем, как с ним пыть.

– Лечили вы его чем-нибудь?

– А нет, ничем не лечили. Так все и лезыт.

Мы велели принести теплой воды и заставили обмыть ребенка. Так как сам больной не мог двигаться и наполовину уже окоченел, вогул, дядя мальчика, приподнял его за голову на воздух и, придерживая за уши, оставил его в таком положении, пока женщина поливала на раны воду. Прикоснуться к

телу было решительно невозможно, потому что на нем не было живого места от струпьев, и при каждой попытке дотронуться до корост руками несчастный начинал стонать. Мы решили, что спасти его уже не было никакой возможности и что всякая попытка к этому причиняет больному одни только лишения, бесполезные страдания; поэтому ограничились только тем, что дали, для успокоения своей совести, чистую простыню, чтобы завернуть в нее этот живой труп. Смрад в юрте во время обмывания сделался до того невыносим, что даже вогулы, уже привыкшие к нему, постоянно окуривали [юрту] сосновыми ветками.

63. Вогульская юрта с зимним возком

Нас провели в другую, отдельную, комнату, оказавшуюся довольно чистой. Вогулка притащила оленьего мяса, затопила печь, и мы зажарили бифштекс. Здесь я в первый раз (С. 561) в жизни ел оленье мясо, оно мне показалось очень вкусным, но мысль о живом человеческом мясе в соседней комнате решительно отравляла аппетит.

Переночевав здесь, мы тронулись в дальнейший путь рано поутру. День начинался ясный, хотя и морозный. Так как вследствие буранов дорожки опять не было и следа, то мы снова поплыли по снегу, прокладывая свежую тропку. На половине волока между паулями Умуты и Корысья (30 верст) находится вымерший пауль Шешинсум, с прошлого года совершенно заброшенный, так как горячка унесла в могилу всех работников, а женщины и дети разбрелись по другим паулям, приютившись у родственников. Несмотря на то, что этот пауль стоит на самом берегу реки Конды, по которой шла дорога, мы принуждены были отказаться от мысли осмотреть его, так как добраться до него было решительно невозможно по причине глубокого снега. Но наши лошади выбивались из сил и требовали отдыха и корма, и мы сделали стоянку в лесу, где под ветвистыми елями сварили чай. Лошадей всю дорогу до самого конца наши ямщики кормили ржаным хлебом, так как сена ни у кого из вогулов во встречавшихся нам паулях не было. Скота здесь почти совершенно не имеется.

⁴⁾ Залив от реки.

⁵⁾ Т. е. лошади, запряженные друг за другом.

⁶⁾ Здесь – при запряжке гусем, – ближняя к саням лошадь.

Ночью, верст за 5, за 6 до Корысьи, наши две передние лошади при переезде через один *урай*⁴⁾, встретившийся по дороге, вдруг попали в наледь, не замеченную нашими ямщиками под глубоким слоем снега. Ни взад, ни вперед. Почти по пояс в воде и мокром снегу бились Назар с Сенькой в продолжение, по крайней мере, часов полутора, но ничего не могли поделать. Полозья пристыли ко льду, а некованные лошади скользили и падали. Делать было нечего: мы решили оставить обои хрясла вместе с багажом до утра в урае, а сами отправились на порожних до ближайшего пауля. Но и с пустыми хряслами выбраться на дорогу оказалось не так-то легко, потому что приходилось сделать объезд в сторону по глубокому снегу, в котором лошади грузли до того, что виднелась одна только голова. Тогда мой коллега надел лыжи, запасенные нами на всякий случай, и начал делать впереди след; по этому следу мы гнали двух распряженных лошадей, а две другие, запряженные *гусем*⁵⁾ в пустые хрясла, следовали уже за ними, прыгая в глубоком снегу, как зайцы, и поминутно останавливаясь от тормозивших хрясел. Я с (С. 562) ямщиками завершал шествие. Но нам пришлось бы очень плохо, и мы, или по крайней мере наши вымокшие в воде ямщики, могли бы замерзнуть, не найдя снова за ураем дороги, если бы одна из лошадей не была замечательно умна. Она сама, без всякого понуждения, начала ходить из стороны в сторону, пока снова не наткнулась на занесенную снегом дорогу и тихим шагом, не останавливаясь, пошла вперед. Выбравшись на дорогу, мы сели в хрясла и поехали далее, но на протяжении какой-нибудь одной версты наш корневик⁶⁾ распрягался по крайней мере раз десять: сбруя вся заледенела, и гужи скользили с оглоблей. Между тем необходимо было торопиться, так как наш Назар, мокрый как тюлень, весь продрог и обледенел. Не надеясь довести его живым до Корысьи, мы остановились посреди леса, зажгли старый ствол дерева и сделали громадный костер, около которого, кое-как отогреть бедного Назара, поехали далее. Но так как снятые с ног бродни Назара затвердели, как камень, и их было невозможно оттаять, то мы посадили нашего возницу в хрясла босым, закутав его ноги в шубу и закрыв одеялами. Но едва отъехали с полверсты от стоянки, как с нами случилось новое несчастье. В одном месте хрясла вдруг опрокинулись, и мы все вылетели в снег, а лошади шли да шли себе шагом, не останавливаясь. Остановить их не было никакой возможности, так как второпях мы позабыли их завозжать и ехали, полагаясь на их благоразумие. Обезать и схватить за повод тоже было невозможно, потому что едва кто-нибудь из нас делал эту попытку, как тотчас же погружался в глубокий снег по пояс.

– Держите ее, проклятую, за хвост! Она смиренная, не лягнет! – закричал Назар, оставшийся позади босой, беспомощный.

Мы чуть не оборвали хвост у сивки, но средняя лошадь не останавливалась, а сивка, бывший в корню, по неволе тянулся за ней. Делать было нечего, пришлось бросить Назара одного среди леса, ночью, и торопиться поскорее лошадей, чтобы уж из Корысьи, до которой оставалось всего версты три, послать за нашим бедным возницей. Хорошо, что вместе с ним остались шуба и одеяло, а то плохо бы ему пришлось.

Можно себе представить изумление и переполох вогулов, которые мирно почивали в своих постелях, как вдруг дверь (С. 563) в юрту распахнулась, и при свете зажженной лучины они увидели перед собой каких-то двух странных, невиданных ими дотоле людей: один в тюленьей шубе, другой хотя и в бараньей, но в очках! Я уверен, что они приняли нас если не за шайтанов,

то, по крайней мере, за лесных разбойников, и, несмотря на всю их неповоротливость и апатию, я видел, как один из вогулов потянулся за ружьем, висевшим на стене, готовясь на всякий случай заpastись обороной. Большого труда стоило нам, при помощи Сеньки, служившего переводчиком, растолковать, что мы не какие-нибудь лесные чудовища, а такие же люди, как и они, и убедить их поскорее ехать за погибающим Назаром. К утру последний был действительно доставлен в пауль и к нашему удивлению и радости оказался в вождеденнейшем здравии. Даже простуды не получил. Удивительно крепкий человек.

На другой день мы выслали все мужское население Корысьи добывать наши возы с багажом, который и был в скором времени доставлен в совершенной целостности и сохранности, хотя мы, отправив за ним вогулов, сильно опасались, как бы они не соблазнились бочонком водки, бывшим у нас в числе прочей клади, и не вздумали бы устроить в лесу попойку. Водка – единственная вещь, устоять против соблазна, украсть которую вогул не всегда бывает в силах. Но вообще воровства среди вогулов нет и в помине, и к этому пороку они относятся с крайним презрением. За всю нашу бытность среди вогулов у нас не потерялось ни одной вещи, хотя за своим багажом мы обыкновенно не следили и предоставляли сго вогулам на их совесть.

От самого Шаима наша дорога шла все вдоль р. Конды частью по ней самой, частью по берегу. На реке она была еще сносна, а равно и в *урманах*⁶⁾, через которые нам иногда приходилось проезжать, потому что в них снег был не так глубок. Но больше всего труда представляли пошвора, через которые иногда пролегалла дорога. На них мы делали едва ли более одной версты в час. После каждых 5–6 шагов лошади останавливались, и требовались большие усилия, чтобы снова сдвинуть их с места. Чем ближе мы подвигались к цели нашего путешествия – Оронтур-паулю, где жили охотники за бобрами, тем все чаще стали нам попадаться подобные пошвора, поросшие мелким сосняком, а иногда большими, корявыми березками, росшими пучками, как кусты тальника. Наши истомленные и отощавшие лошади окончательно выбивались (С. 564) из сил и отказывались идти. Не раз случалось, что та или другая лошадь, оступившись, сваливалась в сторону в снег и уже была не в силах сама подняться, и мы по нескольку часов бились над ней по грудь в снегу, чтобы поднять ее на ноги. Лежит себе как на перине – и шабаш!

Наконец однажды глубокой ночью, ровно через две недели после отъезда нашего из Екатеринбурга, мы выехали из угрюмого урмана на небольшую площадку, на которой было разбросано несколько вогульских построек. Это и был Оронтур-пауль, конечная цель нашего путешествия. Здесь мы должны были прожить весенние месяцы до тех пор, пока не вскроются реки, чтобы уже потом на лодке отправиться в обратный путь.

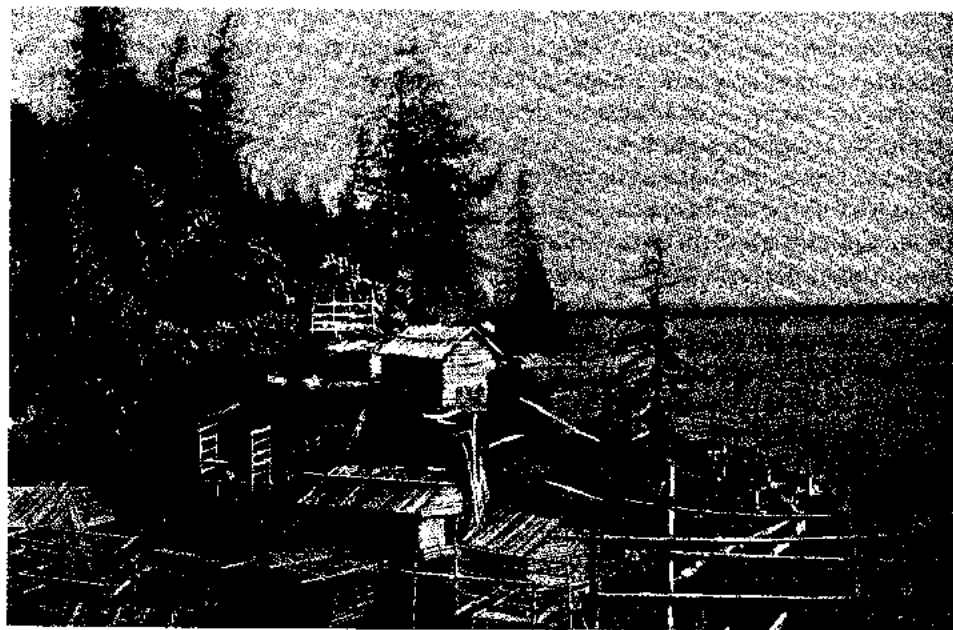
III

<...> (С. 565) Оронтур-пауль, в котором мы остановились, расположен при Оронтурском озере, имеющем до 7 верст в длину и около 4 верст в ширину в восточной части, – западная гораздо уже. Глубина этого озера сравнительно незначительна; в самых глубоких местах оно имеет не более двух-трех сажен. Берега песчаны и покрыты по большей части краснолесьем; впрочем, кое-где попадаетея и березняк. На северо-восточном берегу издали виднеется высокий, весь поросший хвойным лесом мыс, круто опускающийся в озеро и кажущийся утесистым от белого песчаного берега, размытого во-

⁶⁾ Урманями называются хвойные леса, растущие на возвышенных местах. Кондинские вогулы урманом зовут преимущественно сосновый лес, бор.

дой. Почва здесь, а равно и по всей Конде, исключительно или песчаная, или глинистая; камней нигде не встречается, за исключением мелких кварцевых галек, которыми усеяны берега этого озера. Вода в озере красно-бурого цвета вследствие обилия болотной железной руды, которая в громадном количестве рассеяна по берегу и на дне озера.

Оронтур-пауль состоит, собственно, из двух паулей, находящихся на двух противоположных берегах озера: северном и южном. Северный пауль расположен на ровной лесистой местности; южный же, в котором поселились мы, находится на небольшом, довольно возвышенном месте, вдающемся в

64. Оронтур-пауль (южный).
Конец XIX в.

озеро среди урмана. Как в том, так и в другом пауле (С. 566) живет всего по одной семье. Наш пауль состоит из 5 юрт, из них 4 принадлежат нашему хозяину Тимофею. Первую, самую старую из этих юрт, строил еще прадед Тимофея; вторую – дед его; третью – отец, и четвертую – он сам. У вогулов, в большинстве случаев, каждое новое поколение строит свою новую юрту. Таким образом, по этим четырем юртам наглядно можно видеть, каким изменениям с течением времени подвергались постройки вогулов почти за столетний период.

Прадедовская юрта состоит всего из одной, довольно обширной, комнаты. Без сеней, с окнами, перегородженными деревянными решетками, между которыми прежде, по всей вероятности, вставлялись или куски льда, или натягивалась брющина вместо стекол. В одном из углов этой юрты – *чувал*, теперь уже почти совершенно разлагавшийся. Рядом с ним вмазан чугунный котел, служивший для варки пищи. Потолка нет, прямо крыша. Как эта, так и другая, дедовская, юрты теперь совершенно необитаемы и служат складом для рыболовных снастей и охотничьих снарядов Тимофея. Вторая уже значительно отличается от первой юрты. Она состоит из двух отделений – одно из них предназначалось для помещения семьи, другое служило и кухней, и сенями. В первом отделении – чувал, нары; во втором – котел для вар-

ки пищи. Окна такие же, как и в первой юрте, но уже есть потолок. Третья юрта, в которой в настоящее время живет сам Тимофей с семьей, также во многом отличается от двух предыдущих. Во-первых, при ней есть просторные крытые сени; во-вторых, внутренность ее разделена на две половины: одна мужская, другая женская. Чувал заменен печью, почти совершенно подобной русской. Окна в юрте стеклянные; вместо нар – кровати. Котел для варки мяса и рыбы находится уже в другой, отдельной, избушке, как и у большинства зажиточных вогулов. Наконец, последняя юрта, еще совершенно новая, в которой поселились мы, уже вполне напоминает русскую пятистенную избу. Все эти здания стоят кучкой, друг подле друга. Тут же недалеко от них находится небольшая, теперь уже полуразвалившаяся, старая избушка, прежде предназначавшаяся для рожениц и менструирующих женщин. Эта избушка – нечто вроде хлева, без печи и мебели. Женщина, по понятиям вогулов, во время родов и менструаций существо поганое и не может жить вместе с другими; поэтому ее удаляли в особое помещенис, и она не имела права оттуда выходить, пока ее не (С. 567) окуривали бобровой струей. Не очищенная же таким образом женщина не могла ни садиться в лодку, ни лазить на подволку, ни шагать через ружье или другое оружие охотника; иначе все эти вещи и самая юрта делались погаными и требовали очищения. В настоящее время взгляд на женщину несколько изменился, и обычай очищения вывелся, а избушка осталась только как памятник доброго старого времени. Несколько поодаль от этих главных построек находятся четыре амбара, стоящие друг против друга. Эти небольшие амбарчики построены на сваях, как я уже сказал, для предохранения хранящейся в них провизии от мышей, находящихся здесь в большом изобилии. Рядом с амбарами находится небольшой погреб, где хранят свежую рыбу в летнее время. Впрочем, погреб – редкость у вогулов. Летом мясо и рыбу они по большей части сушат на солнце, а зимой морозят.

Для защиты скота от зимних холодов и вьюги построены три небольших хлева, с такой низкой крышей, что человеку в них можно ходить не иначе как только согнувшись в три погибели. У Тимофея две коровы, одна лошадь и несколько штук *беленьких* барашков. Я нарочно подчеркнул слово *беленьких*, потому что, как это увидим впоследствии, эти барашки держатся им не для каких-либо иных целей, а только для жертвоприношений шайтанам, которые любят больше всего белых животных: белых баранов, белых оленей, белых лошадей. Поэтому белые или сивые лошади здесь ценятся очень дорого.

Если прибавить ко всем мною перечисленным постройкам еще сарай, с крытым вверху сеновалом, то я могу считать описание хозяйственных строений Тимофея законченным.

Теперь я перейду к самим обитателям Оронтур-пауля. На них я также остановлюсь несколько подробнее, так как население этого пауля является также очень типичным. Во всех других паулях на Конде более или менее те же самые отношения в семьях.

Глава семьи, а стало быть, и глава всего населения южного Оронтура-пауля – Тимофей. Это довольно высокий, с карими подслеповатыми глазами и светло-русой бородой мужик лет 50. Тимофей упрям, скрытен, крайне самолюбив и чрезвычайно недоверчив. За все время нашего пребывания в Оронтуре нам никак не удалось снискать его доверия к себе. Он смотрел на нас как на людей, приехавших с какими-то тайными, недружелюбными намере-

ниями, и мы никак не могли (С. 568) разубедить его в этом. К тому же вскоре после нашего приезда в Оронтур-пауль разнесся откуда-то слух, что мы явились сюда за тем, чтобы арендовать вогульские вотчины. Как раз в этот год в Пельмской волости правительством были отданы в аренду кедровники, служившие одним из существенных подспорьев в жалком хозяйстве вогулов и с незапамятных времен считавшиеся последними их неотъемлемой собственностью. Вот это-то обстоятельство и взбудоражило всех остальных вогулов и вызвало у Тимофея большое недоверие к нам как людям, приехавшим в Оронтур с какими-то совершенно непонятными для него целями. Он не толь-

65. Юрта вогулов

ко остерегался сам давать нам какие-либо ответы на интересовавшие нас вопросы, но и других, окружающих, убеждал не доверяться нам. Даже на наши просьбы рассказать какую-нибудь сказку, перевести песню у него всегда был один ответ: «Не снаю, мы ничего не снаем, какие у нас сказки? Те же, что у вас, – от кого нам их больше слышать?» Если и можно было что-либо из него вытянуть, то не иначе как только угостив его водкой, до которой он, как и все вообще вогулы, был большой охотник. В особенности вогулы были осторожны, когда мы начинали расспрашивать их относительно их языческой религии, которой, как мы слышали по дороге от русских, они придерживаются и до сих пор. Мы даже уже начинали думать, что нам наклеветали на здешних вогулов, что ничего языческого в настоящее время у них нет и в помине, что они совершенно уже позабыли своих прежних богов. И только впоследствии одно случайное обстоятельство, о котором я буду говорить ниже, открыло нам глаза и показало, насколько хитры и осторожны были вогулы.

Впрочем, вообще Тимофей был с нами довольно любезен и явной враждебности не выказывал.

Тимофей – вдовец, и притом бездетный, но он живет вместе со своей невесткой, вдовой, бывшей женой его старшего брата. Сначала он нам в этом

не сознавался, но потом, под веселую руку, рассказал, что его старший брат, умирая, призвал его к себе и сказал: «Ну, Тимоха, я умираю. Не оставь мою жену и детей. Живи с ними, как я жил. Но если моя жена вздумает когда-нибудь выйти замуж за другого – не перечь». И вот с тех пор Тимофей буквально исполняет завет своего брата: он живет со своей невесткой Марьей в одной юрте и разделяет с ней одно ложе, что не (С. 569) мешает, впрочем, им постоянно грызться между собой, как это обыкновенно и водится у мужа с женой.

Марья – вогулка лет 45. Это ужаснейшая попрошайка и очень недалекая женщина. В молодости она, должно быть, была довольно красива для вогулки. У нее четыре дочери. Старшая, Алена, года три тому назад ушла замуж убегом в довольно отдаленный пауль. Марья посердилась, посердилась, но потом, получив в подарок от своего зятя бутылку водки и несколько лоскутков ситцу, простила. Лучше что-нибудь, чем ничего, – резонерствовала по этому случаю Марья, рассказывая нам про побег своей дочери. Вторая дочь, Анна, девушка лет 22, молчаливая и угрюмая работница, живет с матерью, как и остальные две сестры. Анна – единственная из четырех сестер, совершенно не понимающая по-русски; остальные же хотя и плохо, но объясняются. Она вечно в работе: то ходит за убитыми зверями в урман, то рубит дрова, косит сено и пр., словом, справляет все хозяйство. У Анны уже был ребенок, но помер. «Хутого какого-то ротила; не снаю, вот, какого-то ротит Наталья, сторового или нет», – совершенно спокойно рассказывала нам Марья о своих дочерях, из которых вторая, девушка лет 18-ти, тоже намеревалась в скором времени стать матерью.

Наталья – бойкая, стройная и физически развитая гораздо лучше своей старшей сестры девушка. Лицом она совершенная мать: брюнетка с узкими темно-карими плутоватыми глазенками, с выдающимися скулами – словом, типичная вогулка, и притом с довольно смазливой рожцей. К тому же ужаснейшая кокетка и неисправимая лентяйка, как по большей части и все вообще хорошенькие женщины, знающие себе цену.

Наконец, последняя дочь – Дарья, лет 12, хромяя, но бойкая и работающая девушка, как и Анна. Она льет пули, снимает шкуры с убитых зверей и т. п. – словом, помощница и правая рука охотников.

Кроме того, вместе с Тимофеем живет его приемный сын Парамон. Это широкоплечий, неуклюжий и угрюмый вогул лет 25-ти – «плохой промышленник», как отзывается о нем Тимофей. Действительно, Парамону, что называется, не везет на охоте. За всю нынешнюю зиму он убил не более двух-трех оленей, тогда как другие бьют их десятками. У вогулов существует убеждение, что удача на охоте не зависит от самого охотника, а от того, счастлив он или нет. Парамон принадлежит к числу несчастных, а потому с него (С. 570) многого и требовать нельзя. Парамон женат на вдове Настасье, и у них есть уже сын, хотя они до сих пор невенчаны. «Вот, Пог таст, напромысляю, тогда опвенчаемся», – говорит Парамон.

Несколько в стороне от юрт Тимофея стоит еще одна одинокая юрта, а с ней рядом – небольшой свайный амбарчик. Это – хозяйство Степана, двоюродного брата Тимофея. Степан, вогул лет 40, – худой, испитой, болезненный сифилитик. Это – пария вогульский; он вечно голоден и в величайшем презрении у остальных обитателей Оронтура. Вследствие своей болезни он не может промышлять, но так как все-таки на ногах, то вогулы считают его лентяем, не желающим работать и платить ясак. Оронтурцы принуждены

66. Вогул. Конец XIX в.

вносить за него подать, а Степан лишен за это паев в общественных рыбных ловлях. Нужда заставляет иногда Степана воровать рыбу из чужих ловушек, за что он нередко подвергается побоям со стороны оронтурцев. Воровство считается у вогулов самым великим преступлением, а человек, уличенный в нем, заслуживает вечное презрение. При нас был такой случай. Однажды у Тимофея пропали из ловушек несколько щук. Подозрение, разумеется, тотчас же пало на Степана. Но Степан заперся. Тогда Тимофей заставил его произнести страшную клятву, состоявшую в следующем: Тимофей положил на стол щуку, а Степан должен был топором отрубить ей нос, произнося: «Пусть я никогда не съем ни одной щуки, если это я воровал». После такой клятвы клятвopреступник уже должен был оставить всякую надежду поймать когда-либо щуку. Но вследствие ли того, что Степану уже не в первый раз приходилось произносить такую клятву, вследствие ли нужды и озлобления на своих, он сделался крайним скептиком. За кусок хлеба он рассказывал нам, вопреки застраиваниям Тимофея, где и как оронтурцы приносят жертвы шайтанам; за рубль – украл и притащил даже одного деревянного шайтана, а за несколько фунтов дрови обещался разрыть могилу своего отца и достать нам его череп, – но от последнего предложения мы сами отказались, так как в случае, если бы об этом узнали вогулы, то Степану могло бы прийтись плохо. Степан – вдовец, и у него двое детей. Афанасий – мальчик лет 12, шустрый и расторопный; он почти постоянно торчит в юрте Тимофея, носит воду, дрова, топтит печи, метет пол и пр., и за это его садят за общий стол. Другой ребенок, 9-летняя Таня, – изможденное, крохотное создание на тоненьких, (С. 571) как у цыпленка, ножках, с большим животом – явными признаками английской болезни. У нее черные серьезные, как у взрослой женщины, глаза и никогда не улыбающееся личико. Эта живет с отцом. И один Бог знает, сколько голода, холода и лишений испытывает это крохотное создание! Когда мы приехали, весь ее костюм состоял всего из двух-трех грязных тряпок, болтавшихся на ее впалой груди, тогда как живот и ноги были совершенно обнажены. И это был ее единственный и зимний, и летний костюм, в котором она выбегала на холод и мороз!

Самая юрта Степана представляла собой хижину когда-то пещерного человека. В ней был земляной пол, и кроме чулуа и котла решительно ничего не было. Около этой юрты валялась куча обглоданных костей, как у берлоги хищного зверя. Кости, выбрасываемые Тимофеевой семьей после обеда, – это обычная пища Степана. Он их подбирает, вываривает в своем котле и питается ими вместе со своим ребенком. О хлебе, разумеется, и говорить нечего, так как хлеб и у Тимофея бывает не часто.

Чтобы сделать описание этого пауля совершенно полным, я должен упомянуть еще об одних его обитателях, – это об охотничьих собаках вогулов. Собака – неотъемлемая принадлежность вогула и его незаменимый друг. Без собаки охотник-вогул немислим. Она ходит с ним за зверем, на ней возит вогул зимою из урмана сено, дрова, убитых зверей и пр.; ночью она стережет его скот от хищных зверей и т. п. Недаром у вогулов существует такая легенда о происхождении собаки: Торм, задумав сотворить собаку, дал ей лук и стрелы и назначил ей быть помощницей человеку. Но Тормчук, мать Торма, заметила ему, что если у собаки будут лук и стрелы, тогда человек делается очень богатым и зазнается. Тогда Торм взял обратно у собаки лук и стрелы, а вместе с этим отнял у нее и память и заставил ее так служить человеку.

Население северного Оронтур-пауля не многочисленнее южного. Там также несколько юрт, в которых живет старик Петр со своей семьей. Старик Петр был когда-то старшиной, но о способности его к этой должности можно судить по тому, что он до сих пор не умеет различать денежных знаков: у него кредитные – рубль, три рубля, пять – одинаковой стоимости. У Петра жена, три сына, из которых старший женат, и дочь. Старший сын Петра Савелий – охотник, (С. 572) славящийся по всей Конде. Это мальчик лет 27, худощавый, скуластый, с серыми глазами, орлиным носом, с еле пробивающимся пушком на верхней губе и совсем без бороды, тип истого вогула-охотника. Слава об его удачах на охоте далеко прошла по соседним волостям, и нам еще в Пельми на него указывали как на единственного охотника, который, может быть, будет в состоянии добыть нам бобра.

Другие братья Савелия, хотя тоже уже взрослые ребята, но только что еще начинают ходить на промыслы, приучаются. Вогулы приучают детей ходить на охоту очень поздно, не ранее двадцатилетнего возраста.

Кроме юрт Петра в северном Оронтур-пауле, так же, как и в южном, есть еще одна одинокая юрта, принадлежащая слепому вогулу Ивану. Этот слепой Иван поочередно живет то в семье Петра, то у Тимофея, кормясь на общественный счет. Иван ослеп уже много лет тому назад и теперь исправляет у оронтурцев роль шамана и музыканта. Он священнодействует на их языческих празднествах и играет на *лебеде*⁷⁾ и *домбре* во время их пирушек, а в обыкновенное время помогает пилить дрова, плетет сети и вообще старается быть чем-либо полезным. Замечательно то, что у этого Ивана жена – тоже совершенно слепая старуха, как и он сам. Последняя во время нашего пребывания в Оронтуре жила где-то в других паулях, у родственников. Слепота и слабость зрения у вогулов явление очень обыкновенное. По всей вероятности, причина этого заключается в том, что во время лета, вследствие обилия в тайге комаров, вогулы держат постоянно свои юрты полными дыма. Даже на охоту или рыболовство они отправляются летом не иначе как с тлеющей в лодке березовой губой. Нет других способов уберечься от этого бича тайги.

Когда мы приехали в Оронтур, почти все его население было в урмане. Даже собаки не встретили нас своим обычным лаем. Дома оставалась одна только Марья с младшей дочерью да слепым Иваном. Мужчины, т. е. Тимофей с Парамоном, промышляли верст за 30 от Оронтура и уже несколько недель жили в урмане в зимних юртах. Так как два дня тому назад от них пришло известие, что они убили несколько лосей и оленей, то женщины ушли к ним с собаками за мясом и шкурами, и Марья с часу на час (С. 573) ждала их возвращения. Мы поместились в новой Тимофеевой юрте. Сами хозяева давно в ней не жили, так как там оказывалось множество клопов. За неимением другого помещения нам волей-неволей пришлось самоотверженно предоставить самих себя в пищу этим наголодавшимся хищникам, и они не замедлили, действительно, скоро принять нас за вкусные бифштексы! К сожалению, мы не захватили с собой никаких снадобий для искоренения этих паразитов, и все время нашего пребывания в Оронтуре они не давали нам покоя, заставляя по нескольку раз в ночь вставать с постелей, вытаскивать их на снег и выколачивать. Но больше всего хлопот нам было с кухней. Оказалось, что вогулки совсем не умеют готовить хлеб из белой муки, а из ржаной стряпают так, что только чересчур голодному человеку можно его брать в рот. Сами мы тоже были плохими кухмистерами, и белая мука, запасенная нами, оказалась совершенно излишней. Зато мы не захватили с

⁷⁾ Род гуслей.

67. Летняя кухня у вогулов.
1926. Фотография Л. Сурина

собой никаких консервов, ни овощей, а у вогулов даже картофеля невозможно было достать ни за какую цену, так как здесь ничего не сеют. Таким образом, волей-неволей нам привелось питаться тем же, чем питались и вогулы, т. е. вареным в одной воде, без всяких приправ, оленьим и лосиным мясом или – жареным на сале. Даже лосиную губу, которой мы имели в изобилии, это роскошное и столь дорогое у нас в России лакомство, вогулки ухитрились так приготовить, что его решительно нельзя было в рот взять без отращения. По понятиям вогулов, лосиную губу нельзя палить, иначе будет лось бросаться на охотника; поэтому ее варят вместе с шерстью, и таким образом этот нежный кусок весь пропитывается каким-то кислым, прогорклым вкусом. Сколько мы ни умоляли наших кухарок изготовить ее нам по нашему рецепту, мы никак не могли добиться этого. Впрочем, для вогулок в этом случае есть извинение: бабы не могут пробовать этого блюда, так как зверь будет сердиться. Они не могут также есть ни языка, ни глаз лося; а к медвежьему мясу не могут даже и прикасаться – иначе медведь задерет. Вообще, при обучении наших кухарок изготовлению кушаний нам постоянно приходилось сталкиваться не только с их неряшливостью и неумением ничего делать, но и с их суевериями, так что в конце концов все это ужасно надоело, и мы стали есть то, что нам подавали. Что касается до чистоплот-

ности вогулок, то я о ней умалчиваю. Всякий раз, когда мне случайно привиделось уви(С. 574)деть приготовление пищи вогулками, я скорее закрывал глаза – иначе потом в рот ничего не возьмешь. Случалось, напр., попросишь вогулку почистить тарелку или ложку – смотришь, она оближет ее языком, вытрет грязной ладонью – и готово! Разумеется, аппетит от таких открытий мало выигрывал, но нужно отдать им справедливость: юрты свои они содержали довольно чисто, полы в них мылись по 2 раза в неделю. Впрочем, вогульская чистоплотность в этом случае меньше всего была виновата. Это было делаемо с единственной целью сколько-нибудь избавиться от несносных насекомых, не любящих чистоты. Таким образом, клопы у вогулов играют в некотором роде роль культурных деятелей. Нет худа без добра.

В Оронтур мы приехали в конце марта. Зима держалась еще крепко, и выходить из юрт даже за двадцать шагов было возможно не иначе как только на лыжах. Дорог и троп здесь никаких не существовало, а снег был чрезвычайно глубок. Таким образом, мы обречены были все время сидеть дома, в своей юрте, в ожидании весны, которая в этот год, к нашему несчастью, что-то очень замешкалась.

Утром на следующий день после нашего приезда мы увидели из окон своей юрты возвращающихся из урмана дочерей Марьи и Настасью. Они шли на лыжах и тащили за собой каждая длинные, узкие нарты с припряженными в них собаками. На этих нартах лежали убитые лоси и олени. Сами же охотники намеревались еще несколько времени пробыть в урмане, а если погода будет благоприятствовать и если будет хороший чарым⁸⁾, то и до конца зимы. Весенний чарым – это самое удобное время для охоты на лосей и оленей. Весной, во время хорошего чарыма, хороший охотник убивает не менее 20–30 штук оленей. Вогулы рассказывают, что в прежние годы было лучше: прежде хороший охотник бил до 70–80 штук в весну, но в последние десятилетия количество зверей в здешнем месте значительно уменьшилось. Во время чарыма охотнику достаточно попасть на свежий след оленя, и уже тогда он от него никуда не уйдет. Олень и лось не могут долго бежать по обледеневшему, провалившемуся снегу; во-первых, он скоро устает, а во-вторых, твердая кора снега часто колет в кровь его ноги, а раз олень увидал у себя кровь, он совершенно останавливается(С. 575)вается, и тут можно бить его в упор. Случалось, что один охотник за один раз перебивал целое стадо. При нас был такой случай. Однажды во время чарыма дочери Марьи пошли в урман за дровами. Но едва они сделали несколько шагов от науля, как наткнулись на оленя, прибрешшего каким-то образом к самым юртам. Не имея никакого ружья кроме палок в руках, они набросились на него и не дали ему уйти, убили.

Приближалась Пасха. Тимофей с Парамоном, не дождавсь чарыма, давно уже возвратились. Они убили трех лосей, одного соболя и несколько оленей. Вскоре после них возвратился и Савелий, промышлявший со своим братом в другом месте на своей вотчине. Савелий убил вдвое больше Тимофея, а возвратившись домой, на другой же день убил 8 оленей, т. е. истребил почти целое стадо, забредшее к нам в гости. Вообще, Савелью замечательно везет, и Тимофей уже не решается соперничать с Савельем, отдавая ему во всем преимущество. Впрочем, пужно заметить, что Тимофей уже и не молод, да и близорук, и может бить зверя, подойдя к нему только очень близко, а Парамон, как я сказал, плохой помощник. Кроме того, у оронтурцев, как и у всех вогулов по Конде, ружья самого первобытного изделия, еще кремневые.

68. Вогулка в запряжке
с собаками

⁸⁾ Гололедица.

⁹¹ То же, что у вотяков кумышка (водка).

Праздник Пасхи у вогулов почти ничем не отличается от остальных дней. Приготовлений к празднику решительно никаких не было. В прежние годы, когда был дешевле хлеб, к Пасхе варилась *самосадка*⁹¹, но ныне ржаная мука доходила здесь до 7 р. пуд, поэтому о самосадке и думать было нечего. В день праздника, рано поутру, вогулы сделали несколько выстрелов из ружей да оделись в чистую одежду – вот и все. У вогулов нет собственно праздничных одежд; в исключительные дни, как, напр., при встрече священника, который ездит к ним всего раз в год, они надевают ту же одежду, что и в будни, только более тщательно вымытую. Украшений у вогулов, кроме свинцовых колец собственного изделия, решительно никаких нет. Прежний их костюм был оленьи и звериные шкуры, но, познакомившись с русскими, они сразу переменили свой костюм дикаря на русскую одежду как более практичную, причем женщины переняли не сарафан, а платье. Впрочем, нам приходилось видеть у старых вогулов некоторые уборы, шитые бисером, но эти уборы, судя по рис. (С. 576) сункам, на них изображенным, и форме, вполне тождественны с остяцкими и доказывают только, что прежде чем обнаружилось влияние русских, вогулы были под влиянием своих соседей остяков, заимствовав у последних не одни только обычаи и религию, почти совершенно сходную с остяцкой, но и одежду.

После обеда все население обоих паулей с женами и детьми пришли к нам христосоваться. Христосуясь, вогулы крестятся друг перед другом, как перед иконой. Хотя наши комнаты и не отличались большою поместительностью, однако в них осталось еще довольно свободного места. Мы угостили вогулов сначала чаем, а потом водкой, и скоро они сделались настолько развязны, что изъявили желание показать нам свою пляску. Пляска вогулов не отличается грациозностью, но зато очень оригинальна: она заменяет для них в то же время и драматические представления. Сначала плясали мужчины. Савелий вооружился луком, стрелами, заткнул за опояску охотничий нож и стал изображать из себя охотника, преследующего оленя самку с детенышем; последних изображали его два младшие брата, прыгавшие на четвереньках. Слепой Иван заиграл на лебедь, и под его меланхолические звуки Савелий, притопывая в такт, начал лицедействовать, т. е. изображать все моменты охоты: как охотник натывается на следы, как ощупью распознает, свежий он или старый, как при виде оленя бежит за ним, стреляет из лука, убивает и т. д. Все это сопровождается соответствующими позами и гримасами. После пляски мужчин на сцену выступили женщины. Марья и старуха Петра закрыли головы и лица шалями, взяли в каждую руку по платку и в такт музыке стали повертываться, притопывать ногами, нагибаться то в ту, то в другую сторону и в то же время выделывать руками разнообразные движения, такие, какие у нас делают при комнатной гимнастике.

Бал закончился состязанием мужчин в стрельбе в цель из ружей и луков (рис. 69).

Вскоре после Пасхи в один прекрасный день из урмана показалась кляча, запряженная в хрясла, на которых сидела вогулка из ближайшего Пачерах-пауля с каким-то субъектом в засаленном стеженном пальто и рваном картузе; за спиной у него торчала винтовка, рядом лежал небольшой сундучок, а в руках была гармоника. Появление новых гостей было встречено торжественным лаем собак, всей сворой бросившихся навстречу вновь приедем. Кляча остановилась пе (С. 577) ред юртой Тимофея. Субъект вылез и, держа в одной руке гармонику, в другой сундучок, направился в юрту. Это был малый

лет 25–27, среднего роста, коренастый, с черными курчавыми волосами, широким безбородым лицом, круглыми наглыми глазами и картофелеобразным носом, одна ноздря у него была не то рвана, не то пострадала от сифилиса.

– Купец приехал! – заявила нам, вбежав с возбужденным лицом, одна из дочерей Марьи. Вслед за ней вбежала другая с таким же заплыванием, а за ними явилась и сама Марья, тоже сторающая желанием сообщить новость и изумляясь, отчего мы не бросаемся смотреть на такого невиданного зверя. Прибытие купца составило целое событие в монотонной жизни оронтурцев. Оказалось, что весь товар у приезжего купца заключался в небольшом при-

69. Вогул с луком
на оз. Оронтур

везенном им сундучке. Там было несколько коробок спичек, несколько осымушек махорки, иголки, нитки и т. п. мелочь, всего рублей на пять. Купца звали Левкой. Этот Левка, как нам потом рассказывал Тимофей, возил сюда раньше контрабандой водку. Но так как Левка уж чересчур разбавлял ее водой, то однажды раздраженные вогулы побили его за это, а водку вылили, и с тех пор Левка будто бы перестал ее возить. Сам же Левка уверял нас, что он приехал в Оронтур исключительно за охотой, а вовсе не для торговли. Но это была неправда: Левка не имел торгового свидетельства, и так как ему еще дорогой рассказали, что в Оронтуре живут какие-то чиновники, то он, как мы потом узнали, оставил весь свой товар в одном из встречных паулей, а сам приехал налегке, чтобы успеть ранее других завладеть звериными шкурами, добытыми за зиму вогулами, жившими в отдельных паулях верхней Конды. Тимофей же, хотя, по-видимому, и был за что-то зол на Левку, но не хотел его выдавать из опасения, что потом, пожалуй, вовсе не у кого будет доставать водку, на которую все вогулы страшно падки. Этой-то слабостью и пользуются русские хищники-торговцы, приезжающие сюда скупать плоды вогульских промыслов. Нас крайне удивляло то обстоятельство, что цена на меха здесь, на месте, стоит почти та же самая, что и в Ирбити. Какая же, спрашивается, нужда ездить купцам за мехами в такую даль. Дело оказалось

очень просто. На деньги покупать меха здесь действительно нет никакого расчета. Но стоит только вогула угостить водкой, и, подвыпивши, за водку он готов отдать не только весь свой промысел, но и жену и детей... Хищники обыкновенно делают так. Приехав в какой-нибудь пауль (С. 578) с водкой, он первую бутылку чистой водки продает по ее номинальной стоимости, а то так и даром даже угостит – пей только, пожалуйста! Но раз у вогула в голове зашумело – он уже не уймется до тех пор, пока не напьется в лоск. Вот этим-то моментом и пользуется купец. Видя, что охотник опьянел и требует еще, торговец назначает за бутылку уже такую цену, какая ему вздумается, разбавив ее предварительно наполовину, а то и более, водой. Совершенно же пьяным он продает уже чистую воду. А так как охотники расплачиваются, вместо денег, пушниной, то скоро весь их промысел переходит в руки торговца. Это делается тем легче, что у вогулов водку пьют все без исключения: и мужчины, и женщины, и даже дети; стало быть, пропивание происходит с общего согласия и по доброй воле. Таким образом, торговцу не только невыгодно уменьшать денежную цену промысловых товаров, но высокая цена прямо в его интересах; иначе, будь денежная цена на товар низка, может быть, нашелся бы какой-нибудь добросовестный из тех же торговцев и вместо водки стал бы скупать продукты вогульских промыслов за деньги.

Мы привезли с собой в Оронтур два ведра водки: без водки трудно снискать доверие вогула и что-нибудь от него узнать. И сколько хлопот нам было с этой водкой! Пригласишь, бывало, кого-нибудь из оронтурцев в гости, подашь чарку водки – глядь, уже все другие пронюхали об этом, и наша юрта мало-помалу наполняется другими обитателями, выжидающими, что и им что-либо перепадет. А раз вогулу хотя немного попало – от него уже трудно отвязаться; он начинает кланяться, просить продать, предлагает и деньги, и звериные шкуры. Объясняешь ему, что у нас водка вовсе не для продажи, наконец выпроваживаешь назойливого гостя самым неделикатным образом, и он минуту спустя опять идет просить... Единственное средство избавиться от такой назойливости у нас была угроза, что если еще раз кто-либо придет просить водки, то мы разобьем бочонок и выльем водку в снег. Это всегда действовало. Оронтурцы больше всего боялись, чтобы мы не привели свою угрозу в исполнение.

IV

(С. 253) В четверг на Фоминой неделе Марья пришла просить у нас водки, говоря, что у них сегодня родительская суббота, а справлять поминки без водки не хочется. Для такой благой цели мы снабдили ее бутылкой водки и попросили разрешения присутствовать на поминках. Мужчины, узнав о нашем желании и стесняясь посторонних, не пошли на кладбище, и мы отправились туда в сопровождении одних только женщин. Кладбище находилось сажених во ста от юрт, на высоком холме, среди урмана. Так как снег еще далеко не стаял, то добираться до кладбища пришлось на лыжах. Вогулки захватили с собой большой чугунный котел и оленьего мяса, чтобы справить тризну среди гробниц своих умерших. Эти гробницы представляют из себя небольшие срубчики с иконой или крестом наверху и строятся над могилами покойников, заменяя собой наши памятники. Иногда эти срубчики делаются с резными украшениями. Около каждого срубчика кладется весло, если умерший был мужчина, и небольшое корыто, если это – женщина.

(С. 254) Когда котел с мясом вскипел, Марья поднесла из принесенной бутылки всем присутствующим, в том числе и нам, по рюмке водки, а остатки вылила в небольшие отверстия, сделанные в гробницах. Затем туда же спустила из котла несколько кусков мяса, хлеба, соли, высыпала в каждую из гробниц по щепотке табаку, положила спичек. После этого вогулки расположились вокруг котла и стали обедать. Этим дело и закончилось. Может быть, эти поминки сопровождаются еще и другими какими-либо церемониями, я наверное сказать не могу. По крайней мере, по рассказам русских, живущих на Конде, вогулы неохотно позволяют посто-

70. Поминки вогулов

ронным присутствовать при своих религиозных обрядах и многое держат в секрете.

При погребении умерших, по рассказам этих русских, у вогулов соблюдаются следующие церемонии. После того как покойника положат в гроб, женщины пекут разные яства и каждое из них попеременно ставят подле умершего. Так, напр., сначала приносят жареную тетерю и ставят ее на стол подле гроба; затем, через небольшой промежуток времени, приносят вареного оленьего мяса, убирают первое блюдо, отложив небольшую частицу из него в гроб, и ставят это кушанье на место первого; потом приносят коровьего мяса и т. д., поочередно приносят все кушанья, какие только существуют в вогульской кухне, откладывая от каждого из них по куску в гроб покойника. После этого кладут туда же табак, трубку или табакерку, если покойный нюхал табак, льют немного водки, кладут несколько денег для дальней дороги и т. д. Закрывают гроб крышкой и чертят мелом на последней какие-то символические круги и знаки. Затем на каждом пороге юрты поднимают гроб три раза до потолка и выносят. После выноса тела умершего окуривают юрту пихтой и начинают выгонять из нее смерть, т. е. шуметь, кричать, звонить в колокольцы, перетряхивать все имущество, стучать во всех углах; и только когда убедятся, что смерть уже вышла из юрты, несут гроб на могилу и зары-

вают в землю. По возвращении каждый из присутствовавших на похоронах три раза перебрасывает через свою голову собаку и скачет через огонь для очищения. После этого у каждого порога юрты расставляют ножи и топоры, обращая их остриями наружу для того, чтобы смерть, в случае, если бы она вздумала воротиться, напоролась на острый нож или топор. Наконец, во всех комнатах посыпают пол каким-либо зерном, напр. ячменем.

(С. 255) У вогулов, так же, как и у цивилизованных народов, существует обычай носить по покойнику траур. Женщины подвязывают на правую ногу черную ленту и носят ее до тех пор, пока она не спадет сама собой. Добровольно же снимают ее только в том случае, если носящая траур выходит замуж.

Таковы похоронные обряды у вогулов.

Точно так же и в других важных случаях человеческой жизни у вогулов наблюдаются свои особые церемонии, которые теперь, под влиянием христианской религии и русских обычаев, начинают мало-помалу забываться и исчезать.

Когда вогул задумает жениться, он посылает к отцу невесты двух дружек (хайтехум). Последние вооружаются двумя черемуховыми тросточками, на одной из которых подвязывается красная ленточка – парламентарский знак. Придя в дом отца невесты, дружки, не снимая шапок и не садясь, начинают торговать невесту. Отец обыкновенно старается запросить как можно больше калыма, дружки – как можно меньше дать. Если отец запросил, положим, 100 р., дружки, после некоторого торга, кладут на стол только 30 р. и уходят. Придя через несколько времени, они кладут еще руб. 10, потом еще руб. 5 и т. д., до тех пор, пока отец не уступит и торг не уладится к обоюдному удовольствию.

После того, как условия о калыме улажены, является жених. Жених не должен ломать шапки до самого конца свадебных церемоний: он ест и пьет в шапке. Собираются гости. Стряпается *саломат* (толокно из ячменя с маслом или жиром), появляется водка или самосадка, и начинается пир. Все время, пока идет гулянка, жених с невестой остаются одни за занавесью на кровати. Если невеста из другого пауля, то для того, чтобы везти ее, готовится особая повозка с ситцевыми занавесками, в которой невеста должна ехать в дом жениха, невидимая для посторонних. Жених обыкновенно садится на козлы. По дороге к дому жениха на деревьях делаются особые знаки, обозначающие направление, по которому везена невеста. То же самое делается и тогда, если увоз невесты происходит летом и невесту везут рекой в лодке под ситцевыми занавесками. Обычай расплетания косы и обмена кольцами существует также у вогулов. Со свадьбой же вогулы обыкновенно не торопятся, а откладывают ее до удобного случая. Но раз калым уплачен, обрученные живут уже как муж с женой. Перед тем как ехать в церковь к венцу, жених с невестой идут сначала к местным шайтанам: (С. 256) женихову и невестину (в каждом пауле есть свой местный шайтан) – и приносят ему в жертву животных, а также кладут дары: платки, меха, кольца, деньги и т. п. Жертв обыкновенно приносится по 7 голов, хотя бы и от разных животных. Число семь у вогулов считается священным. Самая любимая жертва домашних шайтанов – это петух. Деньги шайтаны берут только металлические, и притом не менее 2 к., бумажных же вовсе не принимают.

Но эти брачные церемонии соблюдаются в настоящее время очень редко, и притом только у богатых вогулов. В большинстве же случаев, в особен-

ности если жених беден и не может уплатить калыма, он подговаривает невесту и увозит ее убогом, тайно от родителей, прямо к венцу.

Так же характерны бывают некоторые случаи и при рождении детей. Во время трудных родов к родильнице сбегаются все женщины со всего пауля и начинают у нее допытываться, с чьим мужем она согрешила. Трудные роды, по мнению вогулов, происходят тогда, когда женщина грешила с кем-либо тайно от мужа, и она будет мучиться до тех пор, пока не сознается в этом и не получит от обманываемой ею женщины прощения. Представьте себе затруднительное положение бедной роженицы, если ей иногда приходится перечислять мужей всех присутствующих при ее родах женщин! А это бывает вовсе не так редко, так как среди вогулов нарушение брачного ложа вещь самая обыкновенная. Но делать нечего; несчастная из страха замучиться родами должна сознаваться, и тотчас же получает полное разрешение от грехов со стороны своих сердобольных соперниц, чувствующих, что и они не безгрешны, и с ними может когда-нибудь случиться такая же неприятная история.

Если ребенок умирает, то его берестяную люльку вешают где-либо в урмане всегда на одно определенное дерево и тут же под это дерево выбрасывают из люльки мох, служивший для ребенка подстилкой. Иногда на дереве таких люлек скопляется бесчисленное множество.

Но едва ли не самый любопытный у вогулов обычай – это обычай отпевания медведя. Он настолько укоренился, что получил уже полные права гражданства, и вогулы делают его открыто, не стесняясь русских, а даже иногда приглашая последних на его церемонию.

О происхождении медведя существует следующая легенда. Медведь когда-то был сыном самого Торма. Сидя на небесах, (С. 257) он смотрел на землю и видел, как последняя то покрывается зеленым ковром, то белой пеленой. Это его очень заинтересовало, и он стал просить своего отца, чтобы тот спустил его на землю. Три раза отказывал ему в этом Торм, но наконец внял его просьбам и спустил на землю в люльке. Однако медведю скоро наскучило пребывание на земле, к тому же он не мог на ней найти ничего для еды, и, боясь умереть с голоду, стал снова проситься у Торма взять его обратно на небо. Тогда Торм взял его, дал ему огонь, лук и стрелы и сказал: «Ступай снова на землю и ешь там зверей и людей, но только тех, которые мне неудобны. Если же будешь делать что-либо худое, то человек будет тебя убивать». С тех пор медведь стал жить на земле.

Однажды отправились на охоту семь братьев. Долго они бродили по урману, не находя никакого зверя, и стали мерзнуть. Тогда старший брат сказал другому: «Ступай, попроси у медведя огня». Этот не пошел и стал просить следующего сходить за огнем к медведю. Так они перекорялись, пока очередь не дошла до младшего брата, который и согласился. Отыскав медведя, он стал просить у него огня. Медведь дал ему огонь и сказал: «Да возьми уж заодно и лук, и стрелы, а я сам пойду зимовать в берлогу».

По другим вариантам, младший удалый брат убил медведя и насильно взял у него огонь, лук и стрелы.

Как сын бога, медведь является представителем правды на земле. Когда он спит или когда мертв, он все видит и знает, что делается среди людей. Не видит и не знает только тогда, когда бодрствует. Поэтому убить его нетрудно, но это сделать может только человек праведный, и вогул, чувствующий за собой какие-либо особенные грехи, никогда не отважится идти на медведя. Убив медведя и содрав с него шкуру вместе с головой, лапами и ког-

тями, тушу его вогулы зарывают в землю или, если дело зимой, – в снег и забрасывают хворостом. Затем, возвращаясь домой, вносят его шкуру в юрту не через дверь, а более почетным образом, – через окно и кладут в переднем углу на столе. Затем оповещаются все соседи и знакомые, которые приезжают на торжество отпевания иногда из дальних паулей. Торжество продолжается 5 дней, если убит самец, и 4, если самка. Для этого случая добывается откуда-нибудь водка или курится самосадка. Всех вновь приходящих обливают сначала водой, затем мужчины, подходя к разложенной на столе шкуре медведя, целуют у него правую (С. 258) лапу, женщины – левую, причем девушки надевают перстни на когти медведя, прося его послать им жениха. Перед носом медведя ставится бутылка с водкой и рюмка. Охотник, убивший медведя, подходит первый, наливает рюмку, кланяется ему и говорит: «Извини меня, убил я тебя нечаянно, вперед никогда не буду». После этого пьет; за ним подходят другие, тоже кланяются медведю и пьют. Присутствующие надевают берестяные маски на лица. Шаман или кто-либо его заменяющий звонит в колокол, раздаются звуки лебедя и домбры, и начинается пляска. В этой пляске изображается в аллегорической форме как жизнь медведя и его деяния, так и охота на него. Чтобы изобразить, как у медведя был отнят огонь, на шамана надевают вывороченную шубу, привязывают на спину сноп сена и зажигают. Шаман с горящим снопом выбегает на улицу, там его схватывают, гасят огонь и делают примерные выстрелы из луков; затем снимают с него шубу и т. д.

По окончании праздника шкура медведя завертывается в самые дорогие материи, какие только есть у хозяина, и хранится в них до приезда торговцев. Продав купцу шкуру, вогулы при отъезде последнего бросают ему вслед лопатами снег. Но прежде отпевания вогул ни за что не согласится продать медвежьей шкуры.

Самой страшной клятвой у вогулов считается так называемая клятва на носу медведя; она заменяет у них присягу. Когда вогул свидетельствует в чем-либо против другого, он, в доказательство справедливости своих показаний, отрубает топором нос у убитого зверя, произнося при этом: «Съешь меня, медведь, если я буду показывать неправду». Затем отрубленный нос сжигается на огне.

Кроме легенды о происхождении медведя у вогулов существует масса легенд о других зверях и также птицах. Так, о рябчике существует следующая легенда. Рябчик был любимцем Торма и прежде отличался громадными размерами. Куль (злой дух) не смел к нему прикасаться, поэтому мясо его до сих пор бело. Но однажды, когда Торм проезжал на своей колеснице мимо одного куста, рябчик внезапно выпорхнул из него и испугал лошадей Торма. За это Торм пощипал его, и он сделался с тех пор таким маленьким.

Все сведения об этих обрядах и церемониях мы приобрели частью от русских, живших среди вогулов, частью от самих вогулов. Но последние, передавая их, уверяли, что (С. 259) это было давно, и теперь почти ничего этого не водится, или если есть, то не на Конде, а где-нибудь у дальних, сосвинских вогулов. Кондинские же вогулы давно-де позабывали своих шайтанов и теперь смеются над ними. Долго мы верили искренности этих уверений, пока в один прекрасный день не убедились, насколько осторожны были окружающие нас вогулы. Однажды в начале весны, когда снег на озере уже стаял и лед приподняло прибывающей водой, мы, взяв по ружью, отправились через озеро на обрывистый мыс, о котором я уже упоминал выше. Этот мыс давно возбуждал наше любопытство, тем более что всякий раз, когда

нам приходилось расспрашивать о нем подробнее, оронтурцы точно боялись о чем-то проговориться. По льду привелось брести версты три с лишком. Уже во многих местах на поверхности появилась вода и образовались полыньи, так что переход был не совсем безопасен, и ненадежный, изъеденный водой лед мог провалиться. Достигнув берега, мы углубились в густую лесную чащу и там на одном холме, возвышающемся над другими, заваленном диким буреломом и поросшем густым красноельем, увидели две уже полуистлевшие шкуры, подвешенные на высокой перекладине. Одна из этих шкур была оленья, другая – белого барашка. Сначала я не понял, в чем дело,

71. Жертвы вогулов шайтану
22 апреля 1892 г.

и подумал, что эти шкуры развешаны были здесь для просушки и потом позабыты. Но мой спутник, как более опытный, взглянув на них, вскричал: «Э, да ведь это жертвы!» Действительно, обе шкуры оказались снятыми с животных вместе с головами и копытами, что обыкновенно делается только при жертвоприношениях. На правом ухе у барашка оказалась привязанной красная ленточка, в которой был завернут серебряный гривенник. Головами эти шкуры были обращены на север. Мы тщательно начали исследовать окружающую местность в надежде найти где-либо поблизости изображение вогульского шайтана. Но осматривая эту местность, мы соблюдали крайнюю осторожность, так как нам было известно, что вогулы в своих священных рощах, где находятся их шайтаны, нередко ставят западни и натянутые луки для защиты своих богов от людей непосвященных, так что последние, попав в такое место, рискуют напороться на смертоносную стрелу. Однако шайтана нигде не оказалось. Под стволом одного огромного свалившегося дерева мой коллега нашел жестянку из-под пороха, в которой лежало несколько серебряных монет, – очевидно, жертва охотника. В другом месте, также (С. 260) неподалеку от жертвенных шкур, около корня одной березы я поднял сверток медных и серебряных монет (всего 48 к.), завернутых в тряпки, бумагу, бересту и сверху прикрытых небольшим камнем. Гус-

той, непроходимый бурелом и дикая обстановка вполне гармонировали с этим священным местом. Мой спутник захватил с собой на всякий случай фотографический аппарат, и он как раз пригодился кстати, чтобы снять фотографию с вогульских жертв, развешенных на деревьях. В полуверсте от этого места мы нашли летние рыбацкие избушки, принадлежавшие, как оказалось потом, Тимофею и Савелью.

На крутом, размытом волнами песчаном берегу озера находилось некогда <...> городище, и здесь мы нашли много глиняных черепков с разнообразными узорчатыми украшениями на них. Весь берег около поверхности воды был усыпан мелкими кварцевыми гальками, среди которых попадались мелкие куски яшмы, сердолика, агата и даже топаза. К сожалению, день был очень жаркий, и мы не решались оставаться здесь долго из опасения, что лед на озере окончательно испортится, и нам невозможно будет возвратиться по нем обратно. Действительно, на обратном пути, не доходя шагов двадцати до противоположного берега, мы оба провалились в воду: к счастью, озеро в этом месте было неглубоко, и мы отделались только холодной ванной, промокнув до пояса.

После этой экскурсии мы увидели, что полагаться на искренность вогулов нельзя, и что они ничего не расскажут нам о своей религии добровольно. Нужно было действовать как-нибудь иначе. Мы решили попробовать, нельзя ли чего-либо добиться через слепого Ивана, который был, по-видимому, расположен более других к откровенности, но только почему-то опасался Тимофея. Однажды, воспользовавшись отсутствием последнего, мы пригласили старого Ивана к себе в юрту под предлогом послушать его игру на лебедь. Запершись с ним, чтобы никто из посторонних не мог нам помешать, мы угостили его водкой и рассказали о том, что нашли на мысе. Сначала Иван сильно перепугался, потом стал умолять нас, чтобы мы не выдавали Тимофею ничего о том, что он нам расскажет. Мы успокоили старика, уверили его, что напрасно он и Тимофей, да все вообще вогулы, нас боятся, что мы вовсе не намерены делать им какое-либо зло. Старик действительно скоро согласился с нашими доводами и стал говорить, что он сам не понимает, почему уж так Тимофей нас боится, что запре(С. 261)щает и всем другим сообщать что-нибудь нам из их религии.

К сожалению, старик Иван очень плохо говорит по-русски, так что его только с большим трудом можно понимать. Прежде всего он нам сознался, что у оронтурцев он исправляет роль шамана, хотя и не чувствует к этому большой склонности. По его словам, первоначальная вогульская религия утратила свою прежнюю чистоту и подверглась большим изменениям под влиянием христианской религии. Так, вогулы в настоящее время на некоторых христианских святых смотрят как на своих шайтанов и приносят им языческие жертвы. В общем, религия вогулов сходна с религией их соседей остяков и заключается в многобожии, как и все языческие религии. У них свой Олимп. Высшее существо, творец всего мира – Торм, или Туром. Это – бог, недостижимый для простых смертных, и вогулы не только не смеют к нему ни за чем обращаться, но даже считают себя недостойными приносить ему жертвы. У Торма есть мать *Торм-чук* и сын.

За Тормом следуют три важнейших, но низших Торма божества: *Чехоль-воизи*, *Вод* и *Осетр*, или *Виш-отр*. Первые два живут на облаках и заведуют громами. О них ничего не знает даже сын Торма, и когда начинается греметь гром, то он спрашивает у отца, кто это гремит. Но Торм ему не рассказывает.

воизи и Вод имеют жен. Из жертвенных животных они любят больше всего оленей и коров. Третий бог – Осетр – живет на Оби вместе с рыбами; он заведует всем водным царством и также имеет жену. Жертвы ему опускаются в воду; он любит все белое: серебро, белых барашков, белых лошадей и т. д.

Эти три бога – добрые, они помогают человеку в его предприятиях. Но есть еще одно высшее божество – *Куль*. Это – существо злое, враждебное человеку и другим богам.

Кроме этих главнейших божеств у вогулов есть масса второстепенных, мелких. Каждый пауль, каждая речка, каждый урман имеет своих покрови-

72. Шайтаны вогулов
домашние

телей, называемых шайтанами... Кроме того, у каждого вогула в юрте есть свои домашние шайтанчики, то же, что у римлян пенаты. Все эти шайтаны также бывают или добрыми, или злыми.

Жертвы, виденные нами на мысе, были приносимы оронтурцами шайтанам – покровителям Оронтура. Эти шайтаны назывались *Илим-чим-ной-отр* и представляли из себя 14 мед(С. 262)ных лебедей, смотревших на озеро. На том месте, где висели виденные нами шкуры, прежде стоял небольшой деревянный амбарчик, в котором и помещались эти шайтаны. Семь из них представляли самцов и стояли по правую руку; другие – семь самок, по левую. Величиною каждый лебедь был до трех вершков. Года четыре тому назад на мысе был лесной пожар, амбар сгорел, а вместе с ним исчезли и медные шайтаны. Иван говорил, что если бы раскопать то место, где стояло помещение для шайтанов, то, наверное, можно было бы найти этих лебедей. К сожалению, нам не удалось этого сделать. Но несмотря на то, что шайтаны исчезли, место, где стояли они, до сих пор считается священным, и оронтурцы, всякий раз, возвращаясь с удачной охоты, приносят там в жертву или оленя, или белого барашка. Для этой последней цели у Тимофея и водятся белые бараны. Впрочем, кроме животных эти шайтаны принимают жертвы и деньгами, и платками, и медными кольцами, которые относятся в роццу и кладутся где-либо под деревом.

Шайтан, принесенный нам вскоре после этого Степаном, о чем я упоминал уже выше, назывался утичьим богом, *Сянга-пуни*. Он был вырезан из толстой доски и представлял грубое изображение человека. Сянга-пуни были также числом семь, и все они стояли на берегу озера, но со временем их почти всех унесло водой. Об этих шайтанах Иван отзывался с большим презрением:

– Какие это сайтаны! – говорит он. – Трянь. Вот в Юмнёл-пауле сайтан так сайтан: серепряный⁷.

⁷ Искж. «серебряный».

Юмнёлский шайтан, находящийся у вогула Данилы, представляет [собой] небольшую женщину, отлитую из серебра, и носится Данилом постоянно... в мешке, сделанном из лосиного уха. Этот шайтан когда-то попадал в руки сатыженского священника, но был выкуплен у него Данилою за 10 соболей. Он называется *Ной*⁸. В жертву Ною можно приносить все, но главным образом он любит серебряные деньги. Жертвенные деньги хранятся у обладателя шайтана, и в трудные минуты всякий желающий может получить от него ссуду с условием возвратить эту ссуду в определенное время. Таким образом, капиталы, скопляющиеся около того или другого шайтана, играют в некотором роде роль беспроцентных банков. Прежде такие банки были в большом распространении и играли большую роль в жизни вогулов, но теперь, с упадком религии, происходят большие злоупотребления: хозяева шайтанов собирают пожертвования по большей части исключительно в свою собственную пользу.

⁸ Подробнее см. № 34.

В каждом пауле, как я сказал, есть свой местный шайтан. Так, в пауле Умуте находится шайтан, называемый *Созонзи*. Он представляет из себя деревянную утку, пустую внутри; на спине этой утки сделано отверстие, в которое опускаются жертвуемые деньги. В Пачерах-пауле – *Чанга-эква*, деревянная женщина, и т. д.

Шайтан – в сущности дух, а истуканы, делаемые вогулами, являются только видимым изображением этих существ, как, напр., наши иконы суть изображения тех святых, которые на них нарисованы.

Вогул делает изображение шайтана только по особенным знамениям или по желанию самого шайтана; а это желание последний высказывает ему, являясь во сне. Так, напр., Иван рассказывал, что он несколько раз видел во сне, будто находится на речке Нюр (эта речка верстах в 40 выше Оронтура), и к нему приходят два старика, называющие себя *Нюр-толях-хум*; это значит, по его объяснению, что на реке Нюр должно поставить двух шайтанов, изображающих двух стариков. Но, к сожалению, он, как слепой, этого сделать не может, а другие, кому он говорил про свой сон, не хотят его слушать. В вотчине Петра, отца Савелия, на речке Соусме, где по зимам промышляет Савелий, на одной листовнице стоит медный шайтан *Соусмонзи*, изображающий старика. Этот шайтан считается покровителем звероловов, и сделал его сам Петр, после того, как увидал этого старика во сне.

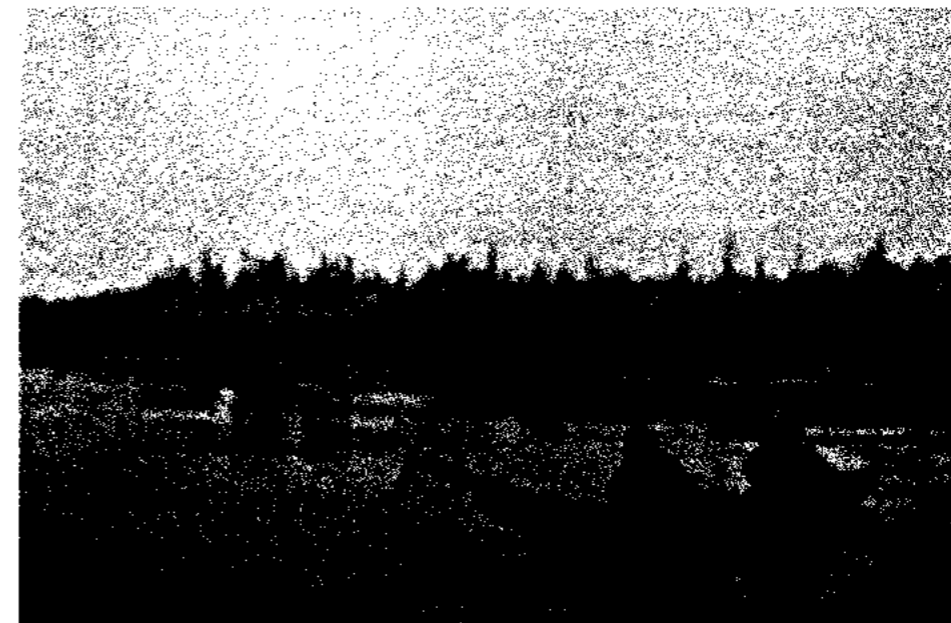
Точно так же делаются и все другие шайтаны.

Наступала весна. Охота на зверей прекратилась. Тимофей налаживал рыболовные снасти для предстоящей весенней ловли рыбы: плел *кулупи*¹⁰, починивал *гамги*¹¹, оттачивал крюки и жерлицы. Савелий со своими братьями ушел на речку Соусму, чтобы привести в порядок все то, что он напромышлял зимой, т. е. припрятать от хищных зверей мясо и шкуры убитых им животных. Эти шкуры, а также и мясо (вяленое) обыкновенно хранятся на месте в особых амбарах до разлива рек и доставляются в Оронтур уже водой, на лодках.

¹⁰ Род сети.

¹¹ Большая морда.

Отправляясь на Соусму, Савелий обещался поискать там бобров, так как последние иногда на ней водятся. Если же ему не удастся (С. 264) убить там бобра, то мы решили жить в Оронтур-пауле до Петрова дня, и тогда уже самим отправиться с проводниками вверх по Конде отыскивать этих животных. Ранее этого времени, по словам оронтурцев, охотиться за бобрами невозможно, потому что реки весной выступают из берегов и затопают тайгу на громадное пространство. Отыскивать же бобров ранее, чем реки войдут в свое русло, – что случается не ранее Петрова дня, – по меньшей мере бесполезно. Кроме этого, перед Петровым днем у вогулов самое горячее время, и отлучаться им

73. Вогулы в лодке

из дому нельзя: в это время артелью ловят так называемую городковую утку (турпан, по-вогульски – соанг), останавливающуюся здесь во время перелета в несметном количестве. Лов ее обыкновенно производится так.

Среди озера вбивают колья так, чтобы они образовали собой круг, затем на эти колья натягивают веревку вершков на 6–7 от поверхности воды; к этой последней прицепляют сплошь ряд петель, сделанных из тонких волосяных нитей (пленки). В середине круга привязывают для приманки живую утку. Городковые утки, летающие обыкновенно табунами, завидя свою подругу, садятся подле нее среди этого круга, а охотники издали начинают подплывать к ним на лодках. Утки, прежде чем вспорхнуть, стараются удалиться от охотников вплавь и попадают головами в петли, в которых и запутываются.

Таких кругов на озере делается масса, и в продолжение весны вогулы этим способом ловят уток тысячами. Мясо их идет на пищу, а из шкурок делается одежда, отличающаяся теплотой, легкостью и дешевизной.

Кроме городковой утки артелями производится у вогулов еще ловля рыбы: летом неводами и осенью запорами. Всю наловленную рыбу они делят по паям, сообразно числу участвующих в общей ловле лиц, причем вдовы и сироты получают также рыбный пай от общества, хотя бы в ловле и не участвовали.

Оронтурцы жалуются, что за последние годы рыбы в Конде стало гораздо меньше, чем было прежде, так что в настоящее время не только для продажи на сторону ничего не остается, но даже не хватает и для собственного потребления. Это уменьшение рыбы они объясняют тем, что внизу на Конде через всю реку ставят запоры, не позволяющие рыбе проникать из Оби вверх. Хотя такие запоры и запрещены законом, но впоследствии мы сами убедились, что действительно, весной, тотчас (С. 265) по разливе рек, около устья Конды практикуется обычай перетягивать через всю реку резовки, распутивающие рыбу, и именно в то самое время, когда она идет из Оби в Конду метать икру.

Выше я уже сказал, что до наступления весны мы обречены были безвыходно сидеть в юрте. Но вот начались теплые дни, и суровая природа мало-помалу стала сбрасывать свои ледяные оковы и изменять физиономию. Я привожу здесь некоторые выписки из своего дневника за это время, чтобы наглядно показать особенности здешней весны.

18 апреля. После зимних холодов сразу наступила прекрасная, весенняя погода. Вот уже более недели, как солнце печет немилосердно. Снег быстро вянет. На высоких местах земля уже обнажилась. Сегодня в первый раз отправились в лес и были поражены его внезапным пробуждением после мертвого зимнего безмолвия. Повсюду порхали и чирикали маленькие пташки, долбили дятлы, кричали вороны. На обнажившемся в некоторых местах песчаном берегу озера открыли массу болотной железной руды; ее здесь так много, что вода в озере красно-бурого цвета.

19. Ходили за озеро к Савелью, где нас угощали молоком. Около Савельевых юрт, точно так же, как и подле Тимофеевых, в урмане виднеются расчищенные места, показывающие, что здесь когда-то занимались земледелием. Но теперь земли эти заброшены, и только Савелий сажит иногда картофель и репу, но в таком незначительном количестве, что этих овощей не хватает даже на продовольствие собственной семьи. Тимофей же вовсе ничего не сеет и не сажит, объясняя это тем, что ничего не родится. Но это едва ли справедливо. Просто-напросто, кажется, оронтурцы слишком или изленились, или не умеют приняться за дело. <...>

(С. 266) 26. Ура!.. Главная цель нашего путешествия достигнута! Сегодня возвратился из отлучки Савелий и принес с собой убитого им бобра, цельного, с мясом и костями. Убил он его, рассказывает, на речке Нюр, притоке Конды; устье этой речки находится верстах в 40 выше Оронтуры¹²⁾.

Нам остается, значит, только осмотреть бобровые постройки, снять с них фотографии, и дело в шляпе.

Солнце продолжает печь немилосердно. Лед на озере остался только посредине. Около берегов стало свободно плавать на лодке.

27. Утром шел дождь. День пасмурный; тяжесть чувствуется страшная. Сегодня дочери Марьи отправились в урман за ягодами. Не странно ли: ягоды в апреле! Да, под снегом хо(С. 267)рошо сохранилась прошлогодняя брусника. Каждую осень семья Тимофея собирает этих ягод до 100 пудов, и все они идут на продажу, а себе на зиму ничего не остается. Вогулы – народ удивительно непредусмотрительный.

Воды в озере прибыло аршина на два. Все низкие места затопляются водой. Должно быть, вскрылась Конда; она находится от Оронтура верстах в 10.

Там, где дня два тому назад мы ходили свободно, теперь все залито водой. Вогулы говорят, что в озере вода поднимается во время разлива всех речек до 6–7 аршин.

¹²⁾ Впоследствии оказалось, что Савелий соврал. Убил он бобра вовсе не на р. Нюр, а в своей вотчине, на речке Соусме, левом притоке р. Конды, недалеко от ее устья. Эта речка находится в 45 верст. от Оронтура, считая по прямому зимнему пути.

Комаров появляется все больше и больше; сегодняшней ночью они сильно нас беспокоили. К тому же откуда-то напозлали в нашу юрту муравьи, так что вместе с клопами все эти хищники становятся уже совсем невыносимыми. <...> (С. 268) 30. Решили предпринять дальнейшую экскурсию отдельно. Константин Дмитриевич¹³⁾ пойдет с Савельем пешком на р. Нюр, чтобы снять там фотографии с бобровых построек и, если будет возможно, поохотиться за бобрами; я же с Тимофеем завтра отправляюсь на лодках на другую речку – Ух, находящуюся в вотчине последнего, где, по его словам, также в прошлом году жили бобры и находятся бобровые постройки. Цель моя – по воз-

¹³⁾ К. Д. Носилов.

74. Челнок вогула

можности приобрести и вывезти на лодках образцы бобровых построек. Отправляться обоим в одно место мы нашли неудобным, так как на Савельеву речку проникнуть на лодках нельзя, а можно только пешком, налегке, стало быть, невозможно будет тащить на себе бобровые постройки; отправляясь же на Тимофееву речку, мы рискуем не встретить там в настоящее время бобров, так как в прошлом году они были распуганы.

V

Рано утром, 1-го мая, меня разбудил Тимофей, говоря, что пора отправляться в путь. С вечера я ничего не успел заготовить для дороги и потому начал торопиться. Но я уже давно напился чаю, наделал патронов, собрал все, что нужно, а Тимофей больше не показывался. Два раза я посылал к нему справиться, скоро ли он будет готов, и оба раза мне отвечали, что Тимофей еще пьет чай. Вогулы не любят торопиться, руководствуясь пословицей: «работа не волк, в лес не убежит». Солнце было уже довольно высоко, когда он наконец показался в сопровождении Левки.

(С. 269) – Напехался этот Левка ехать со мной, – говорил мне вчера Тимофей, – ус как мне неохота его пыло прать.

– Так зачем же тогда берешь?

– А кого польсе? Парамону нато кулупи ставить, некогта.

Наконец мы отчалили. Тимофей на своей лодке впереди, указывает дорогу; мы с Левкой – за ним. Наша лодка длиной около двух сажен и ровно один аршин ширины. Лодки вогулы делают из цельных стволов осины, выдалбливая их внутренность и распирая поперечными распорками, чтобы не коробило. В промежутках между этими распорками садятся пловцы, вооруженные каждый одним легоньким, имеющим форму пера, веслом. Эти лодки очень тонки, довольно изящны и чрезвычайно легки, точно сделаны из картона, так что нашу лодку, напр., свободно может нести на плече один здоровый человек, но зато и поднять она больше трех человек не в состоянии; а так как она была нагружена провизией, которой мы должны были запастись на целую неделю, и самым необходимым для дороги багажом, то сидеть в ней приходилось, соблюдая крайнюю осторожность: при малейшем неловком движении она могла перевернуться вверх дном. Лодка Тимофея была еще меньше, но зато ничем не нагружена и предназначалась для перевозки образцов материала, из которого бобры делают свои постройки. Лодки больших размеров мы не могли взять с собой, потому что на них невозможно было бы плыть в тех местах, куда мы ехали, да более крупных лодок у оронтурцев и не было.

Погода стояла прекрасная. Ни одного облачка не было видно на небе. Веяло весной. Деревья уже начинали распускаться. Переплыв через Оронтурское озеро, мы прямо въехали в лес, весь затопленный водой, по которому должны были плыть для сокращения пути верст десять до реки Конды. Оригинальная дорога! В воздухе невозмутимая тишина, вода точно зеркало, кругом стволы густого леса, ветви деревьев задевают нам по лицу, и нам то и дело приходится лавировать, чтобы не засесть между берегов. Внизу и сверху голубая бездна: так и чудится, что летишь по воздуху среди какого-то воздушного зачарованного парка, и только струи от скользящих по воде лодок нарушают эту иллюзию. По временам то там, то тут вспорхнет стая диких уток и с криком поднимется над нашими головами. Сначала мы плывем среди березняка, и лишь кое-где, в отдалении, виднеются темные сопки, поросшие краснолесьем. Но вот нам встречается речка Эх, вытекающая (С. 270) из Оронтурского озера и впадающая в Конду; но теперь, по причине большой воды в Конде, вода в этой речке течет обратно в озеро, а берегов ее совсем не видно. Несколько времени мы плывем по этой речке, чтобы немного отдохнуть от гимнастических упражнений, которые нам привелось выделывать, лавируя среди стволов деревьев. Речка изобилует зыбунами. Зыбуны – маленькие островки, поросшие травой и мелким березняком. Они имеют ту особенность, что уровень их всегда одинаков с уровнем воды в реке. Если вода в реке поднимается хотя бы даже на сажень, поднимаются и они; если опускается – вместе с водой опускаются и островки. Вероятно, это происходит от того, что эти островки прикреплены ко дну реки какими-либо длинными водорослями, не позволяющими быстрине реки уносить их с собой. Зыбуны – это излюбленное место диких гусей и уток; здесь они делают гнезда и выводят птенцов.

Через несколько времени мы снова врезаемся в березняк, чтобы сократить путь, так как речка чрезвычайно извилиста. Наконец после долгого и утомительного плавания по лесам, по шворам и озерам, встречавшимся на пути, из-за ветвей и сучьев деревьев я увидел быстро мелькавшие впереди по одному направлению какие-то белые предметы. Из-за чащи трудно было раз-

глядеть, что это такое, и я сначала подумал, что это летают чайки, но Тимофей, плывший впереди нас, произнес:

– А вот и Конта!

Действительно, белые предметы оказались не чем иным, как пеной на реке Конде. Так как в гладкой поверхности воды отражались и лес, и голубое небо, и трудно было издали определить, где начинается водяное зеркало, то иллюзия получалась полная: казалось, что эта пена несется по воздуху. Мы выплыли из чащи и разом очутились в быстром русле р. Конды. Лесная река с затопленными берегами представляла величественное зрелище.

75. Глухой лес у реки Конды, залитый водой

В лесу быстрота реки была едва заметна, тогда как здесь, в своем русле, на просторе, река бешено неслась, извиваясь, как змея, по тайге, выбрасывая в нее избыток своей воды и затопляя громадное пространство. Правый берег был дремучий бор, весь затопленный водой; левый, более низкий, – березняк, смешанный с сосной и осинкой. Проплыв несколько сажен, мы увидели, что справиться с быстротой реки было почти невозможно, и потому, повернув лодки в лес, снова врезались в чащу и стали подвигаться вперед, то гресбя весами (С. 271), то работая руками, отталкиваясь о стволы деревьев. Тимофей от времени до времени останавливался около некоторых деревьев и вытаскивал совершенно скрытые под водой луки, поставленные им на зверей еще с осени. По-видимому, он был в этой непроницаемой глуши как у себя дома, и каждый ствол дерева был ему знаком. Проплыв таким образом часов пять, мы увидели наконец один возвышенный холмик, который не был затоплен водой, и решили сделать на нем привал. Островок был небольшой, и мы живо осмотрели его весь в надежде встретить какого-либо зверя, так как последние часто спасаются во время половодья на подобных островках от потопа. Но островок оказался совершенно необитаем. Мы расклали костер, сварили чай в чугунном котелке и занялись чаепитием, наливая чай в маленькие берестяные чашки¹³⁾, которые заменяют у вогулов дорожную

¹³⁾ Чашки.

¹⁴⁾ Коробушка из бересты. Большие пайвы заменяют вогулам саквож и носят на плечах.

чайную посуду. Но вот Левка, как бы вспомнив что-то, схватывает небольшую пайву¹⁴⁾ и, удалившись минут на пять от нашего бивуака, возвращается, широко улыбаясь.

– Вот это хорошо будет с чаем, – говорит он, ставя перед нами чуть не полную пайву брусники.

Отдохнув немного, мы снова садимся в лодки и плывем далее. Скоро нам попадается другой островок, немного обширнее первого, и притом густо заросший красным лесом. Мы опять высаживаемся в надежде встретить зверя. Отойдя несколько шагов от лодок, Тимофей вдруг остановился.

– А ведь это он протил, – сказал он, внимательно что-то рассматривая на земле.

– Кто он? – спросил я, подходя к нему.

На белом, пушистом, густом мху, в котором, как в снегу, нога тонула по самую щиколку, ясно были видны свежие следы как бы босых человеческих ног.

– Да он, старик, – пояснил Тимофей, – видись, его следы.

Вогулы боятся называть медведя по имени, как некоторые наши крестьяне – черта.

Тимофей чиркнул спичку и поджег сухой мох.

– Что ты делаешь? Ведь пожар будет! – вскричал я.

– А нам тут не промыслят, – равнодушно сказал он, – пуссай горит.

(С. 272) Действительно, лесу здесь так много, что от пожара какой-либо небольшой сопки его не убавится; на более же широкое пространство огонь распространиться не может, так как кругом вода.

Мы снова садимся в лодки, выплываем на Конду и на этот раз уже вплоть до Ясунт-пауля плывем, хотя и с большим трудом, по реке.

Ясунт – последний пауль на Конде; выше его уже нет никаких поселений, одна сплошная, неведомая даже вогулам тайга. Впрочем, на одном из притоков Конды, устье которого находится немного выше этого пауля, именно на речке Юмнёл, в 25 верстах от устья, есть еще одна жилая юрта – Юмнёл-пауль. Все остальные притоки вверх необитаемы.

Ясунт-пауль состоит всего из двух рядом стоящих юрт, соединенных между собой одним общим навесом. Расположенный на низком берегу реки Конды, этот пауль был теперь затоплен водой чуть не до самых окон и представлял очень оригинальный вид, вырисовываясь на светлой поверхности реки. Нигде кругом не было заметно ни малейшего клочка твердой земли. В нескольких саженях от юрт, под густыми ветвями елей, торчали три свайные амбара, затопленные до самого пола.

Мы вплыли на лодке прямо в сени юрты. Обитателей никого не было. Весной они обыкновенно переселяются в другие паули, так как вода иногда проникает в юрты, и жить здесь во время разлива Конды невозможно. В настоящее время хозяин с женой и дочерью жили в Умутье, у родственников.

Ясунт – довольно старый пауль. Прежде, лет десять тому назад, здесь юрт было гораздо более, и жило до шести семейств; теперь осталась всего одна. В прошлом году умер последний представитель другой семьи, еще так недавно жившей здесь, и уцелевшая юрта его пустует. От остальных юрт не осталось и следа – их давно унесло рекой.

Сначала кажется странным, почему вогулы избрали такое неудобное, низкое место для поселения. Дело в том, что вблизи нет более высоких мест, а рядом находится устье рыбной речки Юмнёл. Это-то последнее обстоятельство и заставляет вогулов терпеть такие неудобства.

Я ступил на крыльцо, – оно качалось на воде. Двери в юрты были приперты одной только наружной задвижкой. Каждая из юрт состояла из одной только жилой комнаты. В первой, кроме двух-трех сундуков, стоявших на лавке в углу, ре(С. 273)шительно ничего не было; но юрта была чисто вымыта. Во второй оказалось полное хозяйство. На столе стоял самовар и чайная посуда, на стене висело старое кремневое ружье, на шестах под потолком – сети; в углу – небольшие ручные жернова для размолы ячменя и круп; тут же два деревянных ведра. За печкой, напоминавшей русскую печь, мы нашли в берестяной пайве готовые угли и поставили самовар.

Вид из окна был очень живописен: кругом, куда ни посмотришь, дремучий бор, залитый водой, и рядом величественная Конда. В сенях хоть ставь рыбные ловушки.

Солнце было уже довольно низко, и я думал остаться здесь переночевать; но Тимофей отсоветовал, обратив мое внимание на то, что вода ходит уже под самым полом юрты, а река все еще нейдет на убыль. Поэтому из опасения, чтобы нам не привелось ночью плавать в юрте, мы решили отправиться далее, отыскивать более высокое место для ночлега. Однако искать его нам пришлось до самых сумерек, и едва только к ночи мы успели добраться до небольшого пригорка, покрытого дремучим лесом. Но Тимофею и здесь, видимо, не хотелось останавливаться на ночлег, так как на этом месте был вымерший много лет тому назад пауль, а вогулы стараются избегать таких мест, в особенности в ночное время, так как, по их понятиям, души умерших всегда ютятся вблизи своих родных пепелищ и не любят, чтобы беспокоили их жилью. Большого труда мне стоило убедить его, что живых людей следует бояться гораздо более, чем мертвых. Наконец он-таки сдался, тем более что отыскивать более удобное место для ночлега было уже поздно, а он и сам не знал хорошенько дальнейшей местности. Солнце село; небо сделалось пасмурным, и стало довольно свежо.

Здесь мы нашли сгнившую, совершенно развалившуюся юрту и старый, лежавший на боку амбарик, упавший с подгнивших свай. Стены старой юрты послужили нам готовыми дровами для костра. В холодное время вогулы раскладывают костры несколько иначе, чем это делается обыкновенно. Они рубят громадные поленья, длиной от 3 до 4 аршин, кладут эти поленья, или, лучше, бревна параллельно одно на другое и зажигают по всей длине, что очень практично, так как такой костер нагревает большую площадь, и спать подле него гораздо теплее. Зимой, во время стужи, раскладываются два таких костра, параллельных один другому, на расстоянии сажен (С. 274) двух или трех, и в самый лютой мороз охотники спят между этими кострами, как у себя в юрте.

Скоро у нас запылал громадный костер, освещая небольшую площадку среди развесистых елей и находившихся в стороне развалины старой юрты с упавшим амбаром, зиявшим в отдалении своей открытой дверью. Напившись чаю и поужинав сухой рыбой, запасенной нами на дорогу, мы расположились вокруг костра на ночлег. <...>

(С. 275) Меня разбудило какое-то неприятное щекотание па лице. Открыв глаза, я увидел, что кругом было бело от выпавшего снега. Начинало светать. Мои возчики тоже встали. Снег усиливался все более и более и перешел в настоящую пургу. Хорошо, что я захватил с собой полушубок, и мне было тепло; но мои возчики были в одних легоньких армяках, и их донимал холод. Вскоре зги не стало видно от бурана. Что было делать? Я забрался в полуразвалив-

76. Юрта вогула

шийся амбаришко и скоро снова там заснул, предоставив своим проводникам устраиваться, как они хотят. Когда я проснулся, был уже день. Ноги мои ооченели от холода, и меня пробирала дрожь. Я вылез из амбара. Снегу навалило более чем на четверть, и он все еще не переставал падать. Я направился к костру. Оказалось, что мои возчики устроились пречудесно, – гораздо лучше, чем я. Они подтащили обе лодки к огню, перевернули их вверх дном и, поставив одной стороной, обращенной к костру, на небольшие подпорки, спали под этими лодками, как у себя дома, сном невинных младенцев, в одних рубахах, слегка только прикрывшись армяками.

Пока мы пили чай, буран утих, небо прояснело, и мы снова двинулись в путь. Картина реки теперь представилась нам в другом виде. Весь лес был в зимнем убранстве, и косматые ветви, отяжелевшие под густыми шапками снега, живописно отражались в невозмутимой зеркальной поверхности воды. И эта быстро несущаяся река в серебристой оправе, эти свежие утренние лучи солнца, золотыми нитями скользившие под таинственными сводами залитого водой девственного леса, эти (С. 276) мягкие тени, этот контраст зимы и лета – производили чарующее впечатление на глаз.

– А ведь хорошо! – не вытерпел Левка.

– Хоросо! – повторил Тимофей.

Река здесь чрезвычайно извилиста. Иногда, сделав громадное плесо в несколько верст, она снова приближается к своему прежнему руслу на расстоянии нескольких сажен. Мы обыкновенно старались избегать таких крутых поворотов, направляя лодки прямо через лес и таким образом много выигрывая и во времени, и в пространстве. Заблудиться в лесу было невозможно: стоило только держаться против течения, и рано или поздно всегда снова выйдешь в реку. <...>

(С. 277) Недалеко от устья бобровой речки Ух, в которую мы направлялись, мы увидели становище рыболовов. Это был небольшой навес – защита от дождей и непогоды. Около валялся чугунный котел, несколько *гамгов* и других рыболовных снарядов, брошенных, по-видимому, на произвол судьбы, но в сущности оставленных только на время здесь. В этих местах нет надобности прятать какие-либо вещи, кроме съестных припасов, потому что, за исключением диких зверей, здесь нет других обитателей, могущих нанести вред хозяйству охотника. Отдохнув здесь немного, мы к полудню достигли речки Ух.

Речка Ух, или Оинна, правый приток Конды, шириною всего 5–6 сажен, но чрезвычайно быстрая и очень глубокая. Средняя глубина ее в обыкновенную воду – от 1½ до 2 сажен. При самом въезде в эту речку природа берегов ее сразу изменилась. Вместо краснолесья пошел березняк и осина; лишь кое-где виднелись ель и пихта. По словам Тимофея, вершины этой речки находятся в горах, что очень возможно, но крайней мере, судя по ее быстроте и по тому, что вода в ней пошла уже на убыль, тогда как в Конде она все еще прибывала. Кое-где стали обнаруживаться песчаные берега; кустарник, росший на них, во многих местах был обгрызен, и нам часто попадались стволы осин со свежесоблюданной на них корой. Очевидно, вблизи находились лоси. Мы плыли, зорко посматривая по сторонам и держа ружья наготове. Но ожидания наши не увенчивались желанным успехом. Лоси чрезвычайно чутки и при малейшем неосторожном всплеске вссла дают стрелка. От времени до времени мы слышали, как в чаще леса то на том, то на другом берегу раздавалось шлепанье ног от улепетывавшего зверя.

С самого утра снег то таял, то снова начинал порошить. Мы плыли, смоченные до нитки.

Через несколько времени опять пошло краснолесье. Стали попадаться кедр, которых нет вблизи Оронтура. Речка оказалась запруженной во многих местах с одного берега до другого стволами громадных деревьев, подмытых водой и упавших в нее. Нужно было соблюдать большую осторожность, переваливаясь через такие загороди, так как наши картонные лодочки могли лопнуть или расколоться. А очутившись без лодки, даже если бы и удалось счастливо достигнуть берега, все равно (С. 278) гибель была бы неиз-

77. Лесная хижина вогулов

бежна: кругом – залитая водой тайга, и пробраться через нее решительно нет никакой возможности.

К вечеру мы достигли одной живописной, холмистой местности, тянувшейся на много верст в глубь материка и поросшей сосновым лесом. Такие места, поросшие исключительно сосной, вогулы называют *урманами*. Огромные деревья здесь были посажены редко друг от друга, как в парке. Нигде не было видно ни валежника, ни чащи, точно кто-нибудь специально занимался расчисткой леса. В действительности это происходит от того, что вогулы часто выжигают свои леса, иногда потому, что на горелых местах лучше растет брусника, сбор которой служит подспорьем в жизни вогулов, а по большей части без всякой причины – просто потому, что уж слишком много леса. Благодаря этим пожарам уцелевают только некоторые, более сильные, деревья; все же подсохшие или упавшие сгорают дотла.

Скоро урман огласился ударами топоров моих проводников, готовивших дрова для костра, и гулкое эхо далеко разнеслось в вечернем воздухе... Но что это? Мне показалось, что я слышу какой-то отдаленный колокольный звон!.. Да... Он то замирает, то вновь начинается. Я подошел к берегу. Зеркальная поверхность воды тихо вздрагивала при каждом ударе топора, и при каждом же ударе мне чудилось, что где-то далеко-далеко раздается звон колокола.

Лишь только удары топора переставали раздаваться, смолкал и колокольный звук. Удивительное эхо!..

Ночь была холодная, равно как и следующий день. Чуть свет мы снялись с места и поплыли далее. Снова начало забураживать. Чем выше мы поднимались вверх по реке, тем все труднее и труднее становился наш путь. Река во многих местах была загромождена чащей, через которую невозможно было перебраться на лодках. Эти загромождения походили иногда на искусственную плотину, по которой свободно можно было переходить с одного берега на другой. Нам приводилось или перетаскивать лодки по берегу, где это было возможно, или разрубать чашу топором прямо с лодки. Но иногда случалось, что засорение реки было очень велико, а чаша на берегу была слишком густа, так что и по берегу лодку протаскать было невозможно. Тогда мы, выйдя на берег, прокладывали сначала топором просеку в чаще и уже потом через нее протаскивали свои лодки. В одном месте, на расстоянии, по крайней мере, пяти верст, нам привелось через каждые 25–30 сажен (С. 279) встречаться с подобными преградами...

Наконец к полудню опять показался урман. Мы причалили к берегу и вышли из лодок. Местность была, как и в первом урмане, возвышенная, холмистая и поросшая редким сосновым лесом. Этот урман, как и первый, также тянулся на несколько десятков верст и изобиловал, по словам Тимофея, лосями и оленями. Здесь, в полуверсте от берега, находился охотничий стан, собственность Тимофея, где он промышлял по зимам. Стан состоял из лесной хижины, поставленной на очень низком срубе и с дощатой крышей, имевшей сверху по всей длине узенькое отверстие для прохода дыма. В нескольких саженях от этой хижины возвышалось какое-то очень странное сооружение, назначение которого я никак не мог определить. Это строение состояло из небольшого крытого сруба, поставленного на двух гладко обструганных толстых стволах сосен, срезанных на высоте двух сажен от корня. На мой вопрос, что это такое, Тимофей объяснил, что это *шуммих*, магазин для хранения мяса убитых животных от хищных зверей – волков, росомах и медведей.

Внутренность хижины представляла одну большую комнату с земляным полом; подле стены на земле были разостланы доски – род нар, служившие охотникам постелью. Ночью среди хижины обыкновенно раскладывается костер, служащий совершенно достаточной защитой во время зимы от морозов. Старые нарты, лыжи, прислоненные к стене, железные заржавевшие (С. 280) капканы в углу, оленьи рога, топор, несколько пайв, большая деревянная ложка для доставания из котла мяса и несколько толстых обрубков для сиденья, валявшихся в беспорядке по хижине, показывали, что здесь еще недавно были охотники.

В этом урмане промышляют только зимой, летом же хижина стоит необитаемой. Прямой дорогой, на лыжах, от этого стана до Оронтура всего 5 часов ходьбы, т. е. не больше верст 30, тогда как по реке мы плыли около 3 суток. Так извилисты здесь реки!

Пообедав вареными зайцами и напившись чаю, мы, не теряя времени, отправились далее, так как бобровые постройки, по словам Тимофея, находились всего в двух верстах от становища. Краснолесье снова сменилось березняком и осинной. Вскоре Тимофей указал мне на один толстый ствол дерева, лежавший в реке, говоря, что это дерево перегрыз бобр. Сначала я подумал, что он шутит, так как почему-то представлял, что если бобр и в

состоянии перегрызть деревья, то, во всяком случае, не толще как верхушка 1 ½, много 2 в диаметре, между тем как указанное им бревно имело в диаметре более четверти. Но вот он снова указал на другое бревно, еще более толстое. На этот раз мы плыли очень близко от дерева, и, взглянув на его комель, я увидел, что действительно он был как бы срезан каким-то острым орудием. Я велел Левке подплыть ближе и с изумлением рассмотрел, что это не было дело рук человека: на комле ясно виднелись следы зубов, которыми бобр работал, как ножом. Скоро нам все чаще и чаще стали попадаться подобные стволы берез и осин; сучья у них были тоже как бы обрезаны, и стволы лежали почти совершенно голыми. Наконец показались и сами постройки.

Это были две круглые кучи хвороста, находившиеся рядом, около самого берега. По наружному виду они напоминали собой два больших муравейника; только материал у этих муравейников был несравненно более крупных размеров. Хворост, палки и ветви были скреплены дерном и илом, так что кучи представляли из себя очень плотную массу. Каждая из куч имела у основания до 4 аршин в диаметре, а высота доходила до 2 аршин...

(С. 281) Оба бобровых жилища были в настоящее время необитаемы: осенью прошлого года Парамон убил здесь одного бобра, а остальные переселились, вероятно, куда-нибудь выше. <...>

(С. 282) По словам Тимофея, который и сам когда-то охотился за бобрами, и слышал от других охотников, в особенности от отца и деда, занимавшихся этим промыслом в то время, когда он был выгоден и ценилась очень дорого бобровая струя, – бобры на зиму уходят в другие жилища... Иногда зимой охотникам случалось встречать недалеко от летних построек, по большей части на противоположном берегу, ряды березовых и осиновых кольев, воткнутых в дно реки. Эти колья, по словам Тимофея, служат бобрам пищей на зиму. Один из таких колея мы нашли недалеко от исследуемой нами постройки. Этот кол, хотя и не особенно толстый, имел сажени полторы длины и был воткнут верхним, более тонким, концом в дно реки настолько крепко, что нам с лодки едва удалось его вытащить. Кроме березы и осины бобры грызут тальник и иву, других деревьев не трогают. Верстах в двух от построек мы нашли на берегу два толстых, но коротких обрубка (каждый из них был не менее четверти в диаметре и не более полуаршина длины), назначение которых я никак не мог определить. Вогулы уверяли, что эти обрубки бобры заготавливают себе на зиму для пищи и прячут их под во(С. 283)дой, вероятно – в запасных норах. Чтобы сплавить подобные обрубки по назначению, т. е. к месту жилища, находящегося иногда на расстоянии нескольких верст, бобр делает из стволов деревьев плот, скрепляя его древесными ветвями, складывает на этот плот обрубки, садится на него сам и, зорко посматривая по сторонам, направляя слух и обнюхивая воздух – нет ли какой опасности, – плывет вниз по реке к месту назначения, употребляя свой лопатообразный, мясистый хвост вместо руля. Благодаря очень развитому слуху и обонянию бобр далеко чувствует опасность и при малейшем подозрительном шорохе или запахе бросается в воду, причем ударяет своим хвостом по воде так громко, что этот звук, по словам Тимофея, слышится иногда за несколько верст и служит для других бобров сигналом о близости опасности. <...>

Охотиться на бобра с ружьем не совсем удобно, тем более с таким примитивным ружьем, как у вогулов. Нужно непременно убить его наповал: иначе, раненый, он бросается в воду и, благодаря своей тяжести, тотчас же тонет

на дно, так что если речка глубока, то его трудно, а иногда и совершенно невозможно найти и извлечь из-под воды. Поэтому вогулы, охотясь на бобров, пользуются иногда их близорукостью и поступают так. Они насаживают на длинное древко копьё и подкарауливают из засады, когда бобр плывет на своем плоту к постройкам, а затем, подпустив его близко к себе, колют из засады этим копьём. Разумеется, такая охота возможна только тогда, когда этому благоприятствует погода, т. е. если ветер от бобра дует на охотника: иначе бобр, благодаря сильно развитому слуху и обонянию, как я сказал, далеко чует опасность и скрывается под водой. Собрав более характерные образ-

78. Поездка вогульского священника по приходу

цы бобровой работы, всего (С. 284) пуда три-четыре, насколько могли поднять наши лодки, мы возвратились в стан, где и ночевали. Ночью опять выпал снег, и сделалось очень холодно. После полудня мы тронулись в обратный путь и прибыли в Оронтур рано утром на следующий день, употребив на возвращение менее суток. Таким образом, обратный путь до Оронтура мы сделали втрое быстрее, несмотря на то, что теперь уже не старались сокращать дороги, а плыли все время прямо рекой. Так быстро несло нас течение.

Через день после нашего прибытия возвратился и Константин Дмитриевич с Савельем. Они также не встретили ни одного бобра; постройки, около которых убил Савелий бобра, были покинуты, и напуганные животные ушли куда-то в другое место.

Цель нашего путешествия была достигнута, и мы стали собираться в обратную дорогу. Но тут представилось затруднение: как нам ехать? Лодки оронтурцев были очень малы, а у нас одной поклажи, вместе с собранными коллекциями шкур различных животных и бобровыми постройками, было более двадцати пудов.

Около Николы вогулы ждали из Шаима священника, ездившего всегда в это время с иконами по своему приходу. По рассказам, у него была своя большая лодка, могшая поднимать более ста пудов, и мы решили дождаться при-

бытия батюшки, чтобы вместе с ним, на его лодке, доехать до Шаима. Однажды где-то далеко в тайге раздался выстрел. Тимофей бросился в юрту, схватил ружье и тоже выстрелил, объяснив нам, что едет *пачько* и подает сигналы. Все население высыпало на берег. Действительно, спустя некоторое время опять раздался выстрел, гораздо ближе, Тимофей ответил тем же, и скоро из-за соседнего мыска показалась большая лодка, на которой сидел уже знакомый нам священник с псаломщиком. Четверо гребцов работали на двух громадных веслах, а пятый правил рулем.

– Пачько едтить к нам со своими сайтанами, – наивно заявила нам Дарья, младшая из дочерей Марьи.

– Как с шайтанами?

– А так; у него свои, паские!

Оказалось, что это она иконы смешивает с шайтанами. Снова раздалось несколько приветственных выстрелов – и лодка причалила.

Бедный батя! Обездан его по приходу в этот год был (С. 285) довольно неудачен. Горюшкой утки, которую раньше он собирал сотнями у своих прихожан вместо руги, в настоящую весну почти совсем не было, и он должен был возвратиться домой почти с пустыми руками.

Через два дня, 11 мая, мы собрались в обратный путь. Все население обоих паулей вышло на берег провожать нас. Раздались прощальные ружейные салюты со стороны оставляемых нами обитателей Оронтура, мы ответили тем же, и наша лодка тихо поплыла вдоль берега.

– Ос ёмус улум¹⁵⁾! – крикнул мой коллега.

– Ос ёмус! Ос ёмус! – улыбаясь, загалдели вогулы, махая шапками.

И долго еще слышались выстрелы из берданки, подаренной Савелью Константином Дмитриевичем.

Публ. по: Инфантьев П. За уральским бобром: Путешествие в страну вогулов (Из дневника туриста) // Вестник Европы. 1894. Кн. 6 (июнь). С. 543–556, 558–578; Кн. 7 (июль). С. 253–285

¹⁵⁾ Еще раз прощайте!

№ 34. 1892. – Носилов К. Д. Серебряная баба

(С. 109) Когда я путешествовал у вогул, жил в Оронтур-пауле в вершине реки Конды, в мою маленькую невзрачную юрточку часто заходил один слепой вогул по имени Савва.

Услышит, что я сижу один в юрте, кликнет маленькую девочку, возьмет свой костыль, и та поведет его ко мне в юрту. Подойдет старик Савва к юрте, приотворит дверцы, просунет седую лысую голову и спросит, можно ли зайти. Я никогда не отказывал ему в своем гостеприимстве. Скажешь: «Зайди, зайди, дедушка», – он затащится, пыхтя, в избу, поздоровается, сядет на голый пол и протянет свои старые босые ноги.

Седой, с парой маленьких кос, как у наших старых пономарей в былое время, с открытым добрым лицом, приподнятым к свету, с крупными морщинами на нем, в белой рубахе, с берестяной табакеркой в руке, в полосатых штанах, с маленькой седенькой бородкой, без усов, с протяжной ровной речью, на полу моей комнаты, он представлял такого типичного, оригинального старика-вогула, что так и просился на желатин фотографической пластинки. Он был бедный: его старая юрта давно уже одиноко стояла

на берегу озера, посещаемая только зайцами да ребятами; сго вотчина – громадная вотчина с непроходимыми лесами, громадными озерами, речками и угодьями для рыбной ловли и зверя. Давно уже ждала его смерть, чтобы стать выморочной – и давно уже его не кор(С. 110)мила, так что он уже несколько десятков лет как состоял на руках общества, вместе с своей старухой, живя порознь там, где укажет им сердобольное общество, в какой-нибудь семье богатого вогула. И мне не раз приходилось поэтому видеть, как бредет через озеро Оронтур по льду с костылем его старуха, идя в наши юрты попроведать своего старика, или как отправлялся он опять к ней в сопровождении своей маленькой, такой же бедной, как и он, всей в рямках, черненькой впулки – маленькой вогулочки.

Я любил этого слепого старика за его радушие и простоту и особенно всегда был рад его посещениям, – такой они всегда оставляли значительный след в моих дневниках.

Он же любил заходить ко мне, вероятно, потому, что я обязательно каждый раз не забывал давать ему маленькую пачку нюхательного табаку, который был в их лесах настоящей редкостью.

Зайдет ко мне в юрту Савва, я двери опять на крючок, как я имел обыкновение делать, когда записывался, во избежание частых посещений лакомых до моих конфет ребятишек, которые таскали мне с берега разные черепки до исторического человека, сяду за стол, возьму карандаш и начну расспрашивать старика Савву, как прежде жили вогулы, как прежде они воевали с русскими и самоедами в этих лесах.

Старик Савва прекрасно знал про старое время, и, кроме того, что видел сам своими глазами в жизни в своих лесах, он обладал еще такой замечательной для его старости памятью, что из слова в слово передавал интересную былинку про старое время и знал их такое количество, что мне по горло было с ним работы.

Знал ли он, что я записываю все его слова карандашом на бумаге, я не знаю; я стеснялся говорить сам ему об этом, другие, благодаря запертым дверям, этого не могли видеть и ему передать, но я полагаю, что он не только не знал, что я делаю, сидя у стола и шелестя бумагой, но даже не имел понятия о том, как пишут.

Это было крайне выгодно для меня; он не стеснялся в своих повествованиях и порой, увлекшись, даже передавал мне такие вещи о своих богах, что я полагал, что он забывал, кому он рассказывал это своей ровной речью, вероятно, думая, что перед ним сидит свой брат вогул.

(С. 111) Другой раз, проговорившись, очнувшись, старик было спохватывался, что сказал лишнее постороннему человеку, и начинал просить меня, чтобы я как не сказал этого вогулам, которые и так подозрительно посматривали на наши беседы; но я говорил ему, что буду молчать, скоро совсем покину их юрты, и он живо успокаивался и продолжал свою ровную речь, отдаваясь вполне воспоминаниям того, что он когда-то знал и видел в своей жизни.

И сколько таинственного я узнал от этого старика про жизнь и верования вогулов, сколько я записал с его слов былин и сказок, сколько узнал секретного про их богов, которые спрятаны в их лесах и ждут себе кровавых жертв от человека.

Раз даже, благодаря указаниям, я сам тихонько сходил с моим спутником на соседний мыс озера Оронтур посмотреть одно место жертвоприношений; вдругой раз – по его словам – мне тихонько доставил один его родственник за

полтину целого старого идола с реки Конды, который был (С. 112) так уже стар, что ему вот уже полстолетия никто не хочет приносить жертвы.

С этим идолом в виде целого полена, с изображением глаз и громадного посо, который весь уже обуглился от времени, чуть мы даже не привлекли на себя со стариком опалу, но, к счастью, я успел защитить старика, сказать, что я нашел его на берегу реки Конды, гуляя раз вечером, и принес в свою юрту.

Это обстоятельство так повлияло на старика, что он смело доверял мне самые тайные вещи про верования, и раз мы целый день просидели с ним, запертые в юрте, к общему удивлению вогул, которые решительно недоумевали, что мы делаем, сидя весь день запершись в юрте.

Между тем в этот счастливый день моего дневника мы разговаривали со стариком о «серебряной бабе».

Слушая его рассказ про разных богов, как их зовут, где они скрыты, кто их караулит, чем они все замечательны, мне как-то пришло в голову спросить старика, не знает ли он что про знаменитую «золотую бабу», которую еще во времена Стефана Великопермского, когда крестились пермяки и зыряне, перенесли язычники за Уральский хребет, чтобы скрыть от христианства.

– Знаю, знаю, слышал, – ответил мне старик Савва и стал рассказывать мне все, что он знал про «золотую бабу».

– Она не здесь, но мы ее знаем. Она тогда же через наши леса была перенесена верными людьми на Обь; где она теперь, у остяков ли где в Казьме, у самоедов ли где в Тазу, я точно не знаю, но с той поры, как она здесь была, у нас остался с нее слиток – «серебряная баба», которая и до сих пор хранится у одного вогула в самой вершине нашей реки.

Это меня страшно заинтересовало, и я стал расспрашивать старика про «серебряную бабу».

– Где она хранится, дедушка?

– Она в Ямнел-пауле; юрты есть такие, еще выше нас по реке, в самой вершине Конды.

Прежде там было еще когда-то несколько домиков; жил один-другой вогул, но все (С. 113) уже давно вымерли. Теперь там всего только одна старая юрточка, и живет в ней давно уже последний вогул-старик. Умрет он, перестанет и гореть огонь в чувале этих юрт, кончится и род ямнелов.

– Далеко она от Оронтур-пауля?

– Далеко – недалеко; прямо лесами в один день можно на лыжах перебежать, да летом попасть в нее только трудно; нужно рекой ехать да озерами, и поезжай так, разве-разве на третий день туда попадешь, если не заблудишься!

– Как же этот вогул ездит к вам?

– (С. 114) Он вовсе и не ездит, никогда и мы, почитай, к нему не ездим, разве-разве когда промышленник какой за лосями весной погонится да забежит в его юрту или за бобром отправится в его речку, а то годами мы совсем и не знаем, как он там и живет, жив ли.

– Как же он живет там, не выдаючи человека?

– Как живет? Так и живет, как прежде жили вогулы. Живет себе, ловит зверя и птицу, питается и одевается, муки, хлеба ему не нужно, чай он наш не пьет, подати мы за него заносим, в общество служить не зовем, знаем, что человек он нужный – «серебряную бабу» нашу хранит; так и живет.

- Ты видел ее, дедушка?
- Не раз, не два видел на своем веку... – ответил Савва.
- Какая же она?
- Серебряная...
- На кого же походит? Как сделана?
- На бабу походит, бабой и сделана...
- Одета?
- Нет, голая... Голая баба – и только... Сидит. Нос есть, глаза, губы, все есть, все сделано, как быть бабе...

79. Старик-вогул (шаман).
Конец XIX в.

- Большая?
- Нет, маленькая, всего с четверть, но тяжелая такая, литая; по «золотой бабе» ее и лили в старое время: положили ту в песок с глиной, закопали в землю, растопили серебра ковш и вылили, и обделали, и вот она и живст...
- Где же она у этого ямнельского вогула хранится?
- В юрте хранится, в переднем углу. Как зайдешь к нему в юрту, у него в переднем углу полочка небольшая сделана, занавесочкой закрыта, за ней в ящике старом она и сидит. Сидит у стенки, голая, и смотрит.
- Показывает он всем ее?

- Нет, что ты, как можно казать ее всем; русскому не покажет ни за какие деньги, да русский там сроду и не бывал, он только до наших юрт – и то с трудом доезжает; даже вогулу другому – и то показать нельзя.

- Отчего же?

- Всякие ныне и вогулы стали; другой только и караулит, как бы бога какого обокрасть; сколько богов у нас уже в лесах пропало, и серебро с ними, и вещи старинные, и шкурки.

- (С. 115) Отчего же вогулы обкрадывают богов?

- Отчего? Изверились в них. Другого бога ни во что не ставят, ругают еще, что не помогает; есть, вон, другие: сделает себе бога, поставит в юрту, оденет его, начнет кормить и мясом, и салом, и почками; станет просить его, когда пойдет на охоту, чтобы он зверя ему нагнал, соболя; пойдет в лес, ходит, ходит неделю: ни ему зверя, ни ему птицы какой; рассердится, придет в юрту, выпорот вицей своего бога и опять посадит в угол. Случается, после этого бог его послушает, случается – нет. Смотрит, смотрит вогул на него, видит – пользы нет: вытащит из переднего угла и бросит в воду – плыви куда хочешь, если добром не живешь в юрте... Вот как с ними иной наш брат расправляется, – как же теперь не найдутся такие люди. Которые совсем не верят в богов и только обворовывают их? Вот почему мы и скрываем таких богов даже от своего же брата вогула.

- Но других же пускает этот ямнельский вогул осмотреть «серебряную бабу»?

- Редких пускает, редким показывает – открывает занавеску тем, которых только хорошо знает, а другие хотя и приходят к нему нарочно с дарами для «серебряной бабы», чтобы попросить ее о чем-нибудь, так те помолются на занавеску, приложат шкурку, серебро старинное – и уйдут.

- Нельзя всякому показывать эту бабу, – после маленького раздумья снова заговорил старик Савва. – Раз что было...

- Что?

- Украла эту бабу.

- Вогулы?

- Семка наш, из соседних юрт, что пониже...

- Как?

- Просто: зашел туда лесами, будто за бобрами или соболям, подкараулил, как старик вышел в лес из юрты, пробрался в юрту, сломал ящик и унес бабу...

- Неужели, дедушка?

- Верно. Унес и попу нашему сатыгинскому продал.

- Может быть, тот нарочно послал его за ней.

- Кто их там знает, только мы слышим – «серебряная баба» пропала; старик сам прибежал к нам ночью на лыжах. Подняли народ на лыжи, пошли следить и нашли ста(С. 116)рую лыжницу: прямо к Семковой юрте и привела лесом. «Ты украл, – спрашиваем, – «серебряную бабу»?» – «Я», – говорит, не отрицается. «Где она?» – «У попа, в Сатыге». Ну, не без того было, что поколотили его старики...

- Как же вы ее достали от священника?

- Выкупили.

- Как?

- Выкупили. Стали просить, дали ему десять лучших соболей – он и отдал. Только тарелку серебряную, старинную, что была приложена к «серебряной бабе» в старину, да деньги серебряные, старые рубли, не отдал.

- Что же вы Сеньке сделали?
– Что сделаешь ему? Поколотили – и только.
– И с тех пор «серебряная баба» опять в Ямнелях?
– Опять. Только теперь старик уж не расстается с ней и никого к себе в юрту даже спать не пускает – боится...
– Как же он на охоту ходит?
– С собою и в лес ее носит.
– С ящиком?
– Нет. Он ее завертывает в шелковый старый платок, вместе со старыми серебряными рублями: на одну сторону кладет четыре рубля, а на другую – три, завертывает ее с ними платком, кладет в небольшой мешочек из молодого лосиного уха и носит этот мешок на спине, когда охотится на зверя, вместе с натрусками и рожками для пороха и пуль... и спит с ним в лесу, и ходит.
– Чем же это «серебряная баба» замечательна?
– Она помогает сильно бабам: у нас ребят мало, народ вымирает, вот к ней за ребятами и ходят мужики, и жертвуют... И промыслом тоже помогает.
– Что же ей приносят?
– Больше шелковые платки, потом серебро она любит и шкурки дорогие...
– Куда же все это после идет?
– На нее идет; серебро кладут в ящик, шкурки стелят под нее, платками ее закрывают, окутывают.
– И она помогает?
– Сильно помогает: старик ямнельский каждую весну по 20, по 30 лосей убивает одних, соболей сколько промысляет, лучше всех нас он промысляет. Просит он ее – бабу.
– (С. 117) Куда же он с соболями?
– Жертвует ей; когда нам отдает за сетки и мережи, за порох и ружье, за разную провизию.
– Сам куда уже не выходит?
– Никуда, он весь век прожил в лесу, не выдаючи ничего на свете, так и умрет.
– Прежде, – начал он снова, – все вогулы так жили: живут себе в лесу, одинокие, ни они к кому, ни другой кто к ним; только и видались, когда сбегутся в лесу за зверем, или один зайдет в погоне за лосем к другому в вотчину и забежит в юрту на ночь или от погоды. И хорошо было: друг другу жить не мешали, ссор не бывало, народ был лучше, всякий ест свой кусок мяса, всякий ловит в своей реке и в своем озере, и только съезжались когда кто разве, редко-редко для общественных дел, да и то, бывало, съедутся раз лет в десять. Весь век вогул, бывало, живет в лесу со зверем и птицами; раздолье, везде было всего много, жить было легко, а теперь и зверя, и рыбы в лесу и в реке уменьшилось.
– Отчего же?
– Человек переменялся, богов забыл. Вот та же «серебряная баба», разве она так жила бы теперь – без добрых людей и без приклада? А теперь разве кто в десять лет когда нарочно к ней придет из дальних юрт, да что приложит, а прежде что было?
– Что?
– Как на праздник к ней собирался народ, наедет в Ямнель-пауль сколько народа, наведут оленей, навезут ей серебра, парчи, шелку, соболей, чер-

нобурых лисиц, нашьют бабы ей одежды разной, изукрасят ее всякими дорогими вещами, поставят перед ней серебряные тарелочки с кровью и мясом и кланяются, просят... Целую неделю шумят в Ямнеле – настоящий праздник. И она помогала промышленникам, посылала и соболя, и лосей, и бобра, и белку. Бобра сколько, сказывали старики, около нее по урману, по маленьким речкам жило – пропасть: палками били, бабы малицы бобровыми шкурами обшивали, а ныне и белой собачьей шкурки у другой нет на подол, для прикрасы. Плохо стал жить народ, богов своих бросил, и они его покинули.

И старик Савва задумался, поник головой.

– Что же с этой «серебряной бабой» будет впоследствии?

– (С. 118) Что будет? Умрет ямнельский старик, и держать ее некому будет: нет у нас надежного человека, нет и надежного угла для нее в наших урманах.

– Отчего же?

– Вымер вогул, мало его стало, а какой остался, так тот не только ее хоронить, готов продать ее или переделать на вещи ради жадности. Вот, посмотри, кто-нибудь ее опять украдет и продаст русскому попу или купцу; купцы давно уже до нее добиваются, знают про нее, слышали; и когда-нибудь да добьются ее с нашим пьянством. Поди, напои вином того же опять Семку, и он непременно ее тебе скараулит и принесет. Отчаянный народ ныне, горе...

Но мысль подкупить вином Семку, которого я хорошо знал, как мне ни хотелось посмотреть «серебряную бабу», мне не понравилась. Я страшно был заинтересован этим идолом, мне хотелось его видеть, хотя [бы] сфотографировать; я и решил сам лучше попросить, добравшись до ямнельских юрт, этого старика, который вечно носит ее за спиной в лосином ухе, чтобы он показал ее мне добровольно.

И, отпуская в тот вечер старика Савву, я глубоко задумался о том, как это сделать, и решил сам побывать в Ямнеле.

Но обстоятельства так сложились, что побывать мне самому на Ямнеле решительно не удалось: наступила весна, пришлось с вогулами идти на бобровые речки доставать для зоологического конгресса бобра, который был такой же редкостью этого края, как и «серебряная баба», и я вместо себя послал в Ямнель-пауль своего молодого спутника, которому поручил повидать «серебряную бабу».

Мой спутник ездил целую неделю на легком челноке и рекой Кондой, и озерами, и даже прямо лесами, так как разливы в этих местах заливают не только луга, берега, но и леса на десятки верст благодаря низменному месту, и во время весны прибрежные леса Конды стоят на сажень в воде: мне самому не раз приходилось ездить целые станции¹ на лодках по тем дорогам, по которым я проезжал зимой прямо лесом. Мой спутник вдоволь насмотрелся на дикую природу, видел озера и реки, видел потопленные леса, (С. 119) бродил по урманам, видел свежие следы медведей и лосей, охотился. Даже осмотрел бобровые жилища, но совсем не видал старика ямнельских юрт, который на время половодья, оказывается, переселяется куда-то дальше в леса урманна, так как его юрточку топят водой в половодье.

Действительно, мой спутник нашел его жилище, окруженное водой разлива: бедная юрта была вся в воде, и он прямо заехал в челноке в ее сени, чтобы сделать визит божеству.

¹ Здесь – расстояния между остановками на ночлет.

В юрте не оказалось ничего замечательного, кроме пыли и грязи; в сыром чувале он с трудом развел огонь, чтобы напиться чаю и переночевать, и оставил эту юрточку на другой день с такой охотой, так она показалась ему негостеприимной, с какой, пожалуй, ему еще не случалось бежать от гостеприимства в этих лесах.

Спустя немного времени мне совсем привелось покинуть этот край, и где теперь «серебряная баба», жив ли старик ямнельских юрт – я не знаю. Но будучи после того не раз на понизовьях Оби, выдаючи и расспрашивая казымских остяков, выезжающих летом на Обь для рыбной ловли, расспрашивая и самоедов далекого Ямала, я, как мне ни хотелось, ничего почти не мог узнать положительного о существовании «золотой бабы», про которую неопределенно мне сказал слепой старик Савва, что она унесена была в Казым или на понизовье Оби к реке Тазу. Существует ли где еще этот исторический памятник язычества пермяков и зырян Печорского края, таким образом, неизвестно, но было бы крайне любопытно достать в наши этнографические музеи хотя [бы] этот слиток с нее, «серебряную бабу», – которую теперь уже не так легко, как видит читатель, приобрести тем или другим способом для музея, – вместо того, чтобы она была украдена и перелита каким-нибудь заезжим торгашом из русских, которому будет дорого в ней не то, что она слиток, копия с знаменитой «золотой бабы», что она сама по себе ценность, как старое божество вогулов, а то, сколько в ней он найдет серебра, ценного металла.

И я думаю, что наши миссионеры в этом отношении легко бы оказали нам в этом услугу, выманив эту драгоценность кондинских вогулов в свои руки из рук изверившихся и не дорожащих уже ею вогулов.

Публ. по: Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски. СПб., 1904. С. 109–119

№ 35. Около 1892. – Носилов К. Д. Из жизни вогулов (Вогульский театр)

(С. 156) У вогулов тоже есть и представления, и свои любители-актеры.

Но так как вогул гораздо меньше, чем мы, занимается личностью, страстями ее, волнениями, ее жизнью, а больше всего жизнью окружающей его, знакомой, любимой природы, с зверями, птицами, в которой действительно больше прелести и очаровательности, чем в людях, то он представляет только ее, характер зверей, их уловки, хитрости, страх, ужас, борьбу и смерть, смерть более геройскую, более хватающую за сердце, чем даже у людей...

Почему он [не] представляет человека, его жизнь, я не могу сказать. Быть может, потому, что человек для него неинтересен, [поскольку]... вогул не выделяется из бездны себе подобных; быть может, потому, что он одинаково в ней и сираведлив, и честен, одинаково, как другие вогулы, прост и наивен, одинаково, как другие, любит, страдает, ненавидит, живет, потому что у него нет героев, потому что жизнь его равна, и если что дает ей интерес, то только природа: ее он знает и любит и о ней поет в своих импровизациях каждый раз, когда он остается с ней лицом к лицу.

С другой стороны, быть может, он поступает так потому, что он еще дитя и, как они, тоже любит только зверей, природу и ее обстановку.

(С. 157) Но каждый раз, когда мне приходилось видеть их представления, живя, путешествуя среди них, они меня так трогали, так наглядно представляли жизнь природы воображению при самой жалкой сценической обстановке, что я, поверьте, выносил такие впечатления из них, как после любого представления наших сцен... И, любясь ими, мне каждый раз приходило на мысль, почему мы не устраиваем для детей таких сцен, где бы фигурировали, положим, только одни звери и птицы, одна только природа.

Я расскажу вам, читатель, про одно такое представление вогулов, которое я видел в бедных юртах на реке Конде четыре года тому назад.

Это было как раз в первый день Пасхи.

Такие дни всего тяжелее встречать вдали от родных, почему мы со спутником были очень рады, когда в нашу маленькую юрточку в лесу, где мы жили, набралось много вогулов, почти все жители Оронтур-пауля, в котором, впрочем, во всем-то было только 4 дома.

Они, разумеется, пришли нас поздравить, так как еще ночью слышали, как мы, встречая праздник, стреляли из штуцеров, эхо от которых гудело, отдаваясь на тысячи ладов в сосновом бесконечном лесу за озером. Мы были им рады, и особенно некоторым из них, которые чаще других заходили к нам в юрту, то сообщая новости про пролет птиц, то рассказывая про свою немудрую, но интересную жизнь.

Между ними самыми интересными нашими собеседниками были пой проводник, молодой, ловкий вогул, и слепой старик-музыкант, наш постоянный рассказчик былин, сказок и жизни вогулов. Это были самые желанные наши гости во всякое время. И стоило только им показаться у нас в юрте, как ставился самовар, вынималась бутылка водки, все лакомое, и запирались двери на крючок, чтобы кто-нибудь не пришел и не помешал нашим разговорам и записям.

Молодой вогул еще стеснялся и боялся бумаги, но слепой старик – тот не видел ее и, рассказывая, был настолько спокоен, так оригинален, что порой мы не знали: записывать ли то, что он говорит, или снимать с него фотографию, когда он сидел перед нами на полу, расставив босые ноги и приподняв свою лысую, седую голову к свету окна с за(С. 158)крытыми глазами, погрузившись весь в воспоминания и рассказ.

Мы угостили их чаем и водкой; наши гости развязали языки и распахнули души; в юрте стало весело и оживленно; посыпались крикливые голоса; завязались разговоры; старик-музыкант впал в музыкальное настроение и замурлыкал песню, но всего этого было мало; настроение требовало чего-то нового, сильного, захватывающего, и вогулы решили дать нам представление в нашей юрте.

Это вызвало всеобщий восторг, а дети и женщины даже готовы были выразить свою радость криками и визгом, если бы только немного не стеснялись нашим присутствием.

Тотчас же со всех ног ребятишки бросились по юртам собирать атрибуты представления, и через минуту-две в юрту уже натащили и вывороченные шубы, и охотничий костюм, и стрелы, и ружья, и лыжи, и громадный вогульский лук с натянутой тетивой.

Ребятишки наперерыв предлагали свои услуги разыгрывать роль оленей; наш проводник, оказавшийся актером, взял себе роль стрелка и охотника, старик – музыканта, и через какие-нибудь полчаса роли были уже разобраны; объявлено было, что будут играть охоту на оленей; сцену очистили от

сидящих; публика поместилась по стенам и кроватям; ребятишки забились на плечи взрослым – и представление началось.

Пара ребят-подростков, одетые в вывороченные олени шубы, один больше, другой меньше, изображали собой оленей, самку с детенышем. Наш проводник, одетый в полный охотничий костюм, с запекшейся кровью на нем, в охотничьих пимах с лыжами, в старой шапке, которая придавала ему так много оригинального, в позе страстного охотника был так хорош, что его выход на сцену из другой комнатки был встречен шумом одобрений. Но он их не замечает, он уже в лесу, один среди торжественной, дикой природы, с

80. Вогульская молодежь

озабоченным, но восторженным лицом, весь как-то съежившись, притихнув, весь уже отдавший тому впечатлению, которое нагоняет на вас лес, когда вы в нем одни, когда он уже захватил все ваше существо своей мертвой тишиной и таинственностью. Он не говорит, он не делает жестов, но вы это видите на его выразительном те (С. 159) перь, широкоскулом, смуглом лице, в его глазах, во всех его движениях, в том, как он склонился и пробирается по лесу, отстраняя порой сучья деревьев, проглядывая между их стволами, прислушиваясь к шуму вершин, поправляя постоянно свой лук, который он у него за спиной с колчаном, привязанным у пояса. Публика не сводит с него глаз и молчит, затихла. Он не смеет проронить ни одного его характерного, что-то подсказывающего ей движения и жеста, только порой выражает вслух свои мысли, угадывая то, что творится в его душе, что он ищет, как он идет, зачем он смотрит вверх, где шумят одни вершины сосен...

Эта картина была чудесна. Она сразу завладела нашим вниманием, и мы уже больше ничем не отвлеклись. Старик наигрывал какую-то грустную мелодию из своего репертуара. У него в руках был его музыкальный инструмент – «лебедь»; от шеи его, сделанной искусно из дерсва, была протянута медная струна к сложенным крыльям. «Лебедь» был сделан грубо, но он был пустой; металлические звуки (С. 160) этого несложного инструмента давали

звуки наших старинных гуслей и как нельзя более передавали в мелодии не то гул вершин, не то тот тихий, робчущий в лесу ветер, которым мы так любим заслушиваться, бывая в лесу.

Актер обходит несколько раз нашу сцену. Ему тесно в ней, неудобно, но это для него ничего, он дал уже воображению толчок, и зрители не сводят с него глаз, их фантазия дорисовывает лес, его обстановку, то, что нам не могут дать наши декорации...

Но вот он наклоняется и всматривается в снег и видит след зверя. Вся его фигура оживает и дышит одной страстью. Он нашел след оленя, он в восторге, он ощупывает его, он старается узнать, когда тут пробежал зверь, и задумывается. На его лице мы видим думы, расчеты. Он следит след по самым ничтожным признакам: по обломленной ветке, по сбитой коре ствола, по твердости примятого снега, и, решив, что зверь недалеко, он живо скидывает с себя лук, поправляет одежду и быстро-быстро пускается в путь, катясь на лыжах уже без всякой осторожности, без всякого страха тишины лесов и обитающих в них шайтанов... теперь он весь одно движение и страсть, теперь он забывает все на свете, и мы только видим его скользкую фигуру, которая, почти стоя на одном месте, однако так наглядна, хорошо, ловко дает нам понятие, как он бежит, отклоняется от ветвей деревьев, скользит между ними, выслеживая след, что нам это понятно без слов...

Зрители замирают. Музыка сама собой теряется и замирает последним аккордом. На сцену выходит из другой комнаты пара оленей – ребятишки на четвереньках. У одного, играющего роль самки, приставлены рога, у другого, поменьше, детеныша, – маленькие черные рожки. Они пасутся, мирно пасутся, не подозревая опасности. Мать достает копытом из-под толстого снега белый мох и порой прислушивается; детеныш, со свойственной ему беспечностью, бродит и играет около, и, при взгляде на них, в зрителе невольно пробуждается жалость к этим животным, миловидность которых совсем не вяжется с костюмом актеров. В публике раздаются возгласы сожаления и вздохи женщин. Мужчины, более выносливые для сцен, объясняют шепотом, что делают (С. 161) звери, и уже сами невольно начинают играть роль охотника с пробудившейся страстью. Проходит несколько томительных минут ожидания. Охотник убеждается, что зверь близко, принимает меры осторожности, осматривает кончик стрелы и тетиву лука. Его глаза горят, он хочет крови. Еще несколько шагов осторожных подкрадываний, и он замечает зверя... Публика ахает и жметесь... как вдруг у него загорелся глаз и задрожали руки от страсти. Проходит минута раздумья. Он пробует, бросая снег, откуда веет ветер, соображает, как подойти из-за встра, обходит зверя, ползет. Самка, до сих пор не замечающая опасности, становится беспокойной и к чему-то прислушивается, подняв голову с рогами. Детеныш перестает играть и прижимается в испуге, чувствуя беду, к боку матери. Что-то тревожное пробегает, словно в лесу, и на сцене, и на лицах зрителей...

Еще одна-две минуты – и стрела запоем в воздухе. Охотник уже поднимает лук. Как вдруг в комнате мы слышим тревожный треск знакомой всем маленькой лесной серенькой птички, треск, настолько похожий, настолько естественный, что (С. 162) даже мы вздрогнули от него, припомнив такие же тихие, таинственные минуты в лесу, когда неведомо откуда над вами появляется эта птичка и начинает назойливо, пискливо трещать, преследуя вас шаг за шагом.

Я взглянул, – это пишал в руку, выделявая что-то языком, старый вогул, играющий роль невидимой птички.

Стрелок вздрогнул и опустил лук. Олени тревожно подняли головы по направлению к нему и затихли в секунду. Потом, убедившись в опасности, о которой предупреждала их птичка – покровительница зверей и ненавистница людей, нарушающих покой лесов и природы, – они лихо вскинули на спины свои рога и ускакали из вида в другую комнату.

Стрелок остался один с опущенным луком в засаде, а над ним все потрескивала, но уже более спокойная за участь оленей птичка. Он, казалось, не

81. Вогулы на берегу
оз. Оронтура

знал, что делать... На его лице выражение досады и страха... Вогулы шепчут, что это ему устроили шайтаны такой сюрприз. Он задумывается. Потом подходит к дереву и вырывает на нем подобие фигуры человека с громадным носом, над которым прыскают от смеха ребятишки и женщины. Это он устраивает изображение шайтана, чтобы ему поклониться. Потом он выдергивает из одежды щепоть шерсти и прикрепляет ее, как единственную свою жертву, к стволу дерева под изображением. Птичка умолкает. В лесу наступит тишина. Охотник веселится и снова отправляется в лес по следам зверей на лыжах, бегая мимо нас по комнате. Теперь он чему-то рад, теперь у него что-то другое в мыслях; он весело окидывает взглядом окружающий лес, его лицо разгорелось, и порой, когда он наклоняется и рассматривает след оленей, он так сияет надеждой, что зрители снова падают духом, предчувствуя беду для бедных животных, не зная еще, чем хочет взять охотник.

Но дело скоро объясняется просто: олени пошли тише, детеныш устает, снег глубок для него, чтобы бежать долго. На сцене снова появляются из другой комнаты олени; детеныш едва дышит, мать его в тревоге, и они беспомощно останавливаются среди комнаты, уже предчувствуя, что за ними крадется охотник. Вдруг самка вздрагивает и делает два шага. Публика замирает. Она услышала охотника, который неосторожно ступил на ветку, но она

не может бежать и (С. 163) оставить детеныша. Охотник их еще не видит, бежит, как вдруг он останавливается и смотрит сквозь деревья. На его лице робость. Он неторопливо снимает с плеча лук и достает стрелы. Он старательно, сияя в лице, осматривает их, снова пробует, откуда тянет воздух, бросая на воздух снег, заводит оленей с подветра, ползет, тянется, отстраняет ветки руками, выглядывает из-за них... Олени стоят, прижавшись друг к другу, вздрагивая от треска веток; они все видят; они томительно ждут смерти; детеныш жмет к груди матери, боясь, что[бы] она не убежала; он лижет ее шею; он жмет к ней свою голову. Проходит несколько томительных минут. Публика с затаенным вниманием ждет развязки, все притихли. Охотник нарочно тянет время, жестоко наслаждаясь безвыходным положением зверей, у него нет жалости. Вот рука его поднимается с луком, вот он встает на колени с ним, вот натягивает тетиву, кладет стрелу, вот целится, долго, томительно, мучительно для нас, и вдруг мы видим, как самка взвивается на дыбы со стрелой в боку и, сделав предсмертный скачок в воздухе, падает мертвая на снег... Детеныш в ужасе отскакивает и стоит, не понимая, что случилось... Стрела в боку его матери. Публика со стоном замирает снова. Охотник в восторге, он машет руками, показывая свое торжество, он уверен, что детеныш его, что может взять его руками, и в то время, когда тот напрасно зовет свою мать, подходит к ней, боится ее крови, потом лижет ее, он спокойно снова поднимает лук, наводит его, томительно целится; публика замирает на секунду – и вдруг стонет, поднимаясь с места, когда другая стрела прорезывает воздух и не слышно, мягко втыкается в шерсть детеныша, который, даже не вздрогнув, замертво валится рядом с матерью на снег.

Настроение публики достигается высших пределов: женщины в слезах, дети поражены и замолкли, мужчины смущены, несмотря на то, что перед ними среди пола, в самой комической позе, лежит в вывороченных тулупах пара ребятишек со стрелами, торчащими в боках, выставив нам босые ноги с черными пятнами. Представление заканчивается глубоким молчанием, которое больше всего приятно актерам.

(С. 164) И публика, выходя из нашей юрты, с такой горячностью обсуждает сюжет драмы, так жалеет бедных зверей, что нам не верится, что перед нами дикари, у которых на глазах проливается столько крови, для которых, казалось, так обыкновенна должна быть смерть.

А старик, слепой музыкант, между тем уже снова играет свои мелодии на «лебедь», словно стараясь шумными звуками сгладить впечатление драмы, как порой и у нас шумно провожает публику оркестр.

Публ. по: Носилов К. Д. У вогулов (очерки и наброски). СПб., 1904. С. 156–164.

№ 36. Не ранее начала XX в. – Носилов К. Д. Вогульская школа

(С. 114) Я путешествовал в стране вогулов, настоящих дикарей, которые вот уже более трехсот лет никак не хотят поддаться влиянию русских, перенять их жизнь.

Я давно знаю этих дикарей, и они всегда меня поражали своей замкнутой оригинальной жизнью. Старинный лук вместо ружья, вечная охота на зверя

и рыбная ловля, скитанье по лесам и водам, жизнь привольного охотника и все та же бревенчатая маленькая юрточка вместо нашей крестьянской избы. А между тем недалеко, всего верстах в ста, в русских селах, даже среди их деревушек, протекает с ее обычаями и обстановкой русская жизнь, которая, кажется, могла бы научить их лучшему, чем жизнь вечно бродячего человека.

Вот уже двадцать лет, как я их наблюдаю, а незаметно, чтобы этот народ перенимал русскую жизнь. Но школа привилась к ним быстро и крепко.

Школу, с которой я хочу познакомить читателей, я встретил в... маленьком селе Нахрачах.

Нахрачи – центр вогульской жизни, главное село на их реке Конде, по которой они живут исстари, под Северным Уралом.

И что это за центр, что за село!

Всего десятка с полтора маленьких юрточек с несколькими русскими домами, где живет священник и (С. 115) русский торговец и где помещается и станция для приезжающих чиновников и начальства. Посреди их бедный, деревянный, еще новый храм с маленькой, невысокой колоколенкой. Кругом лес, лес и лес, громадный, почти нетронутый сосновый лес, из-за которого только при самом въезде в село вы и замечаете, к вашему удивлению, храм и постройки, словно чудом каким очутившиеся среди этого дремучего бора.

(С. 116) Первое здание, которое попадаете вам при въезде в село, – школа.

Вы напрасно стали бы искать вывески; ее нет, и она не нужна, потому что все в селе знают, где находится училище. Дороже вывески – тропинка, пробитая с улочки в школу.

Эта школа меня удивила, когда я приехал в первый раз в это село. Раньше ее не было и в помине. И вдруг школа, школа у вогул, и даже на вид настоящая, с веселенькими окнами, с торной тропой в сугробах, с веселым крыльцом у ворот.

Разумеется, я первым долгом, как только обогрелся с дороги, пошел в эту школу.

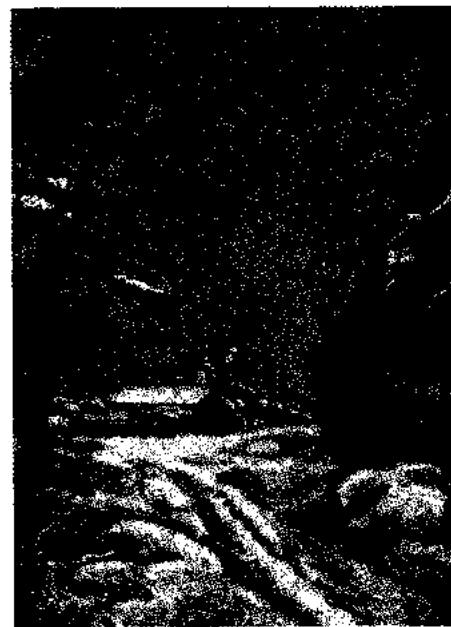
Когда я вошел туда, там как раз шли занятия. Небольшая классная комната приятно поразила меня своей чистотой; в углу висела большая икона, между окнами на передней стенке – новый портрет Государя, сбоку – часы и стоял шкаф, а против маленького столика – новые черные парты.

Нас встретила молодая девушка-учительница, и дети, по ее знаку, тотчас же привстали с мест, отвечая учтиво на мой поклон. Ни робости, ни застенчивости. Видно было, что школа привыкла уже к посетителям. Мы вглядываемся в детей и замечаем две народности. Одни из них, очевидно, дети русских: в сереньких пиджачках, лимиках, в ситцевых рубашках, девушки в белых фартучках и коротеньких платочках, как всюду. Другие, видимо, местные: холщовые рубашки и более скромный костюм, черные жесткие волосы и выдающиеся скулы, приплюснутый нос и смуглое круглое лицо, выражение более (С. 117) равнодушное, спокойное, тогда как дети русских, с их белыми, розовенькими личиками и курчавыми волосами, видимо, бойки и любопытны.

Я заглянул в тетради учеников, так как был урок правописания; оказалось, что все дети довольно правильно копируют, следя, как учительница пишет слово «Бог» на черной доске перед ними. Одна девочка-вогулка с черными глазами и маленькою косичкою пишет даже лучше прочих.

После урока мы разговорились с учительницей. Она оказалась из г. Березова, только что кончила гимназию в Тобольске и охотно поехала в эту тайгу. Она здесь совершенно одна, если не считать девушки-вогулки, которая живет у нее прислугой. Здесь немного скучно, так как почта получается только два раза в месяц; но она так занята своими детьми, что не замечает времени, тем более что этот маленький народ уже полюбил ее, слушается беспрекословно, хорошо учится и охотно проводит с ней все время даже после уроков.

Много было хлопот с маленькими дикарями: они не только не умели сказать слова по-русски, но даже не умели сидеть на стульях, и ей приходилось

82. Село Нахрачи

на первых порах учить их этому. Русскому языку, благодаря способности вогулов, она научила их довольно скоро, запретив говорить в школе по-вогульски; но выучить их сидеть на стульях, как это ни странно, довольно долго ей не удавалось, потому что дети вогул привыкли сидеть по-татарски, на корточках, и постоянно валились со стульев на пол. Тогда она стала привязывать их ноги к ножкам табуреток, и теперь они сидят, уже не падая с табуреток.

Детей-вогулов сначала очень смущали часы: им все казалось, что там сидит кто-то, и только после того, как им показали механизм и объяснили, что тут нет ни (С. 118) чего сверхъестественного, они, видимо, успокоились и не стали вздрагивать и пугаться громкого боя.

Потом немало было хлопот с тем, чтобы объяснить взрослым вогулам, для чего и для кого устраивается эта школа; простодушные дикари думали, что тут можно учиться и взрослым, и даже приводили, когда им понравилась школа и польза ее стала понятна, учеников, которым было лет за двадцать... И нужно было долго им объяснять, что таких взрослых учить вместе с маленькими неудобно, что это вообще не принято. Дикари же хотели настоять на том, чтобы в их школе учили и таких, у которых пробивались уже усы, и выставляли довольно основательно на вид то, что, уча маленьких, нельзя оставлять неучеными и взрослых.

После второго урока-чтения меня пригласили в комнату учительницы. Одно окошечко упирается в высокий белый сугроб; вдали видны вершины леса; в переднем углу образок, под ним узенькая кровать под одеяльцем, с парой белых подушек с вышивками, напротив – печь, на столе – две какие-то книжечки, и в углу в шкапу классная библиотека, стоящая вся 16 рублей. Убого, бедно, но чисто, и хозяйка этой комнатки не нахвалится на исправность смуглянки-вогулки, ее прислужницы, которая имеет один только недостаток, что ни слова не знает по-русски.

Это единственная компаньонка учительницы, которая никуда не выходит, и единственное развлечение этих девушек – беганье на лыжах.

Нам интересно было узнать, кого считает учительница способнее, – русских или вогулов.

Ее надежды на стороне вогулов, потому что они, не зная в начале учения ни слова по-русски, всего в четыре месяца сравнялись по успехам с русскими, а один мальчик-вогул даже лучше всех русских учится.

(С. 119) Хорошие результаты дает и пение; оказывается, что вогулы большие певуны по природе: не имея песен, они в импровизациях воспевают свою угрюмую, но милую им природу, а теперь охотно поют с учительницей молитвы и песенки и с удовольствием ходят в местную церковь петь на клиросе, приводя в восхищение своих матерей и отцов.

Были уже сумерки, когда я покинул вогульскую школу, первую школу на реке Конде. Декабрьский день короток, и занятия кончаются при огне. Когда я, сойдя с крыльца среди толпы учеников-вогулов, направился по тропе к юртам, мне казалось, что стало светлее в этом лесу и отраднее в этой глухой трущобе.

Публ. по: Носилов К. Д. У рыбаков и звероловов Севера. М., 1912. С. 114–119

№ 37. 1901, июнь. – Шульгин С. Кондинский край (Извлечения)

(Л. 1) Северо-западная часть Тобольского уезда, известная под названием Конды, или Кондинского края, по имени р. Конды... открывающейся своим устьем в 15 верстах ниже села Реполовского Самаровской вол[ости], граничит на севере [с] Березовским уездом, на востоке – [с] р. Иртышом с волостями Тобольского уезда: Нарымской, Филинской, Демьянской, Юровской, Уватской, Бронниковской и Кугаевской; на юге – [с] Тюменским уездом, на западе – [с] Туринским. Крайняя точка Кондинского края Тобольского уезда лежит: на западе – у юрт Терезинских Кондинской волости, на севере – у устья р. Конды. Ввиду того, что в крае нет поверстных измерений и почтового тракта, расстояния считают приблизительно. Зимой от устья р. Конды до села Болчаровского (земский тракт) около 150 верст. От Болчаровского до села Нахрачинского (земский тракт) около 118 верст, от Нахрачинского до села Леушинского (проселочный тракт) около 110 верст, и от Леушинского до Терезинских юрт 22 версты. Стало быть, наибольшая длина края с северо-востока на юго-запад около 400 верст. Летом сообщение в Конде возможно только лодкой. Прямой путь к перечисленным выше волостям отрезан летом озерами, болотами, а потому жи-

телям волей-неволей приходится плавать через устье р. Конды, на село Реполовское, делая таким образом огромный крюк на север. Из села Болчаровского через юрты Чесноковские, отстоящие от первого в 20 верстах выше, и из того же села через деревню Островную Демьянской волости есть прямые пути к русским волостям (Л. 1 об.) на Иртыше в летнее время, но они возможны только пешеходом через урманы, болота и большие озера, что сопряжено с трудностями и опасностями. Вообще же расстояния между населенными пунктами при р. Конде следует считать в летнее время по крайней мере 1,5 раза длиннее зимнего по причине больших изви-

83. Вогульский пауль с лежащими на берегу лодками-осиновками. Конец XIX в.

лин реки, особенно в западной части края. Зимой, с промерзанием озер и болот, пути открыты во все стороны. Так, прямое сообщение с городом Тобольском (проселочной дорогой) – через юрты Камышинские, Ландинские, Ачировские (татарские), с Туринским уездом – через села Леушинское, Сатыгинское, Гаринское и др.; с селами Демьянским, Юровским – через юрты Чесноковские и Варламовские (земский тракт), а также через село Болчаровское и дер. Островную (проселочным трактом); с Березовским уездом – через юрты Нюркоевские и Согомские (проселочным трактом). Площадь Конды состоит из лесов, озер и болот, среди которых встре-

чаются клочки материковой почвы в виде отдельных островов. Правый береговой край р. Конды по мере удаления от устья на юго-запад становится выше, богаче лесом, живописнее. Материковая почва – супесок. Удобрение его навозом, как показывают опыты с хлебопашеством, дают порядочный урожай. Урманы изобилуют действенным лесом: елью, пихтой, кедром, местами лиственницей, а главным образом – сосной. Лес в Конде – это ее главное естественное богатство, как сам по себе, так и потому, что в нем водятся: медведи, (Л. 2) лоси, олени, выдры, соболы, лисицы, горностаи и много других ценных пород. Очень жаль, что этот прекрасный лес в местах доступных истребляется без жалости и пощады, а главное неразумно: непроходимый валежник из вековых сосен и даже кедра поражает вас на каждом шагу. Лесные пожары от неосторожного обращения с огнем и пожары, устраиваемые нарочито с целью выжигания боров для хорошего урожая ягоды, истребили уже массу кедрового и прочего строевого леса. Замечательными по своей величине озерами, или, как их здесь называют, сорами, в пределах Меньше-Кондинской волости считаются Кондинский сор длиной около 70 верст, шириною около 5; Мамкин – длиной около 10 верст, шириною не менее в пределах Кондинской вол[ости]: Туман – длиной около 70 верст, шириною около 10 верст с 7 перешейками на своем протяжении; Туман поменьше первого.

Река Конда, озера (соры), реки и протоки изобилуют разными породами низкосортной рыбы: язь, щука (иногда около 1 пуда весом), окунь, чебак, карась; а неподалеку от устья речки – нельма и сырок, который, впрочем, по вкусу и цвету уступает обскому. Неподалеку от устья заходит в речку и стерлядь, осетр же – никогда. Всей рыбы добывается по Конде не меньше 6000 пудов ежегодно.

Площадь Конды заключает в себе две волости: на северо-востоке Меньше-Кондинскую, исключительное население которой – остяки с примесью между ними русских; на юго-западе – Кондинскую, исключительное население которой – вогулы с примесью (Л. 2 об.) между ними тоже русских. Заселение края русскими крестьянами соседних волостей, а также мещанам продолжается и теперь. По официальным данным, к 1 января 1901 г. в Меньше-Кондинской волости числится: остяков – 1162, русских – 61, итого 1230; в Кондинской: вогул – 1464, русских – 241, итого 1705; а всего – 2935.

Движение заселения русскими в крае выражается за последнее трехлетие в следующих цифрах.

По Меньше-Кондинской волости в 1898 г. было – 65 [человек]; 1899 г. – 69; 1900 г. – 68.

По Кондинской волости в 1898 г. было 252; 1899 г. – 249; 1900 г. – 241.

Следующая таблица показывает движение населения в крае вообще путем рождаемости и смертности за последнее трехлетие.

Меньше-Кондинская [волость]

Год	Прибыло	Убыло
1898	–	6
1899	4	–
1900	–	13
Итого	4	19

Кондинская

Год	Прибыло	Убыло
1898	48	–
1899	–	45
1900	12	–
Итого	60	45

А всего [прибыло] 64, [убыло] 64.

(Л. 3) Из этой таблицы видно, что прибыли инородческого населения по двум волостям Кондинского края за последнее трехлетие не было, но это еще не значит, что не было убыли, потому что, и это вероятнее всего, убыль между инородцами покрывается за счет прибыли между русскими, проживающими в крае. Жалко, что в церковных записях в графе о рождении делается подразделение на тех и других. Чем же объяснить постепенное вымирание инородцев? Вопрос, во всяком случае, такой, на который, как известно, ученые отвечают до сих пор неудовлетворительно. Владея исконно огромными вотчинами, инородец по привычке мало заботится об извлечении из них выгод собственным трудом, равнодушно предоставляя [это] арендаторам вотчин – русским, частью за деньги, частью за водку; то же небольшое, что он добывает сам, идет по низкой цене местным купцам в уплату старого долга, причем обыкновенно делается новый; отсюда вечная задолженность и бедность, в кабале у которых с незапамятных времен живет он и бьется, как в заколдованном кругу. Наряду с кабалой и бедностью – убогое, нездоровое жилище, кусок черного хлеба, не всегда – рыбы, часто вприварок чай, жалкая одежда во всякое время года, отсюда цинга, худосочие, простудные и другие болезни, к довершению наследственный сифилис, маскирующийся чаще картиной золотухи. Вот причина, в числе многих других влияющая на вырождение бедного племени остяков и вогул. Природное тупоумие и невежество не позволяют ему вздуматься (Л. 3 об.) в свое печальное положение и желать лучшей жизни, о которой он, правда, не имеет ясного представления, не выезжая из пределов своей родной Конды. Паллиативные меры в виде потребительских лавок и казенных хлебозапасных магазинов, учрежденных в последнее время в крае, не в силах, конечно, поднять при таких условиях материальное благосостояние инородца, не в силах также и вырвать его из рук местных кулаков, к которым он бессознательно, непонятным образом, должно быть, наследственно, тяготеет и добровольно идет в кабалу, точно он для нее только и рожден. Одно только просвещение может осветить бедный ум дикаря, одно только оно может привести его к разумной и сознательной борьбе за свое существование и тем спасти жизнеспособность племени, близкого к совершенному вырождению. Но возвратимся к статистике. Домов – 559, из числа которых инородческих – 481, русских – 78. Населенных пунктов – 52, из числа которых с чисто инородческим населением 35, смешанным – 17; в том числе при Конде – 19, при озерах, речках и сорах – 33. Большой процент русского населения падает на села: Болчаровское и Нахрачинское, оба при р. Конде. Большинство русских живет здесь оседло уже с незапамятных времен, занимаясь на положении арендаторов инородческих вотчин небольшими крестьянскими хозяйствами, а также наравне с инородцами рыболовством, звероловством, сбо-

ром по осени ореха, ягод – брусники, которая славится на соседних рынках (Л. 4) своим превосходным качеством. Иностранцы и незначительная часть русских занимаются кроме того хлебопашеством в западной части края. Кустарной промышленности здесь нет и в помине. В юртах Красноярских Меньше-Кондинской волости ткнут из волокон крапивы холст, который своими качествами отличается от льняного, а прочностью даже превосходит его. Способ обработки крапивы примитивный. Русские больше иностранцев проявляют энергии во всяком виде труда, за то пользуются и лучшим благосостоянием, несмотря на то, что труд свой им приходится окупать арендной

84. Дом манси в селе Нахрачи.
1910 г.

платой в пользу вотчинников-иностранцев. Годовая плата эта за пользование всеми видами промысла колеблется от 12–25 руб. в год с дельной души. Торговлей занимаются только русские, как местнопостоявающие, так и приезжие извне. Покупают иностранческий товар: рыбу, ягоды, орехи, пушнину и или за деньги, или выменивая товар за товар, – чай, сахар, табак, муку, дешевые ситцы и проч. Нельзя обойти молчанием того обстоятельства, что иностранцы под маской терпимости скрывают неприязненность к русским пришельцам. Помимо племенной разницы и религиозных воззрений ссть в этом и другие причины, а именно: превосходство русских, как более культурных в эксплуатации естественных богатств края, дающих им завидное для иностранца благосостояние; потом, русские торгоши, с их традиционными приемами облагороженного грабежа в виде спаивания иностранцев водкой, нагревания рук около пьяных путем обмена и обвеса, обсчета и прочих приемов «объегоривания», широко и беззастенчиво практиковавшихся, особенно (Л. 4 об.) в доброе старое время, – эти господа успели все-таки взрастить в незлобивых сердцах иностранцев недоверие и неприязненность к остальным русским. Как старожилы, как владельцы вотчин, как, стало быть, господа положения, иностранцы стараются показать это русским при всяком подходящем случае, угрожая не давать паев, и русские из боязни перед угрозой

чувствуют себя загнанными и униженными и идут при случае на всевозможные сделки с иностранцами. Надо отдать справедливость: русские внесли в житейский обиход остяков и вогул влияние некоторой культурности, которая сказывается в постройке домов, в относительно опрятном их содержании, в одежде, пище и в других мелочах повседневной жизни, что особенно заметно по мере удаления от устья Конды к ее верховьям, и в этом отношении вогулы и остяки далеко оставили за собой своих обоих сородичей. Но религиозный православный культ здесь, как и там, слабо прививается к темной массе иностранцев, называющихся христианами, не знающими ни молитв, ни догматов христианской религии и поклоняющихся кроме Царя Небесного «Турьма» еще разным своим божествам под общим именем «тонхов». В этом случае, несмотря на племенную разницу между вогулами и остяками, те и другие сходятся во многих видах идолопоклонства, что видно из того, что оба народа поклоняются одним и тем же тонхам, соблюдают одинаковые обычаи при погребении умерших, поминовении их и проч. (Л. 5) С именем тонхов сливается понятие о мрачной карательной силе, которую надо иногда задабривать или благодарить просто дарами или кровавым жертвоприношением, смотря по важности случая. Русские зовут здесь тонхов шайтанами (в переводе с татарского – черти). Их много, и во имя почти каждого имеются отдельные естественные или семейные амбарчики, капища, перед которыми делаются жертвоприношения животных или складывается в дары разная рухлядь. Изображают ли они тонхов в виде истуканов – неизвестно, сами остяки и вогулы [это] отрицают; впрочем, в селе Нахрачинском один вогул хранит изображение тонха в виде металлической птицы. Легендарные богатыри – суть тонхи, хотя не все; из них наиболее известны: Нумыика (верховый старик, т. е. живущий вверх по реке Конде), Ягта-ика (речной старик), Инкхоп-ика (водяной царь), которому бросают в воду печеный хлеб или погружают зарезанного петуха, выточив из него предварительно в воду кровь, чтобы рыбы больше он дал; Качерху-ика (в юртах Согомских), Сои, тоже в юртах Согомских, получивший свое название от утки-гоголя, который среди зимы появился в юртах и за это удостоился сделаться местным тонхом. В юртах же Согомских Меньше-Кондинской вол[ости] чтут еще Ортиха, как друга и помощника Турьма. Говорят, что изображение его хранится там в одном доме, в ящике, тщательно покрытом хорошим сукном; Менк – божество зла, лесной черт. Тонхи-богатыри, как наиболее древние и могущественные, пользуются наибольшим уважением. Есть множество (Л. 5 об.) тонхов более позднего происхождения: утонул ли, давился ли, утерялся ли без вести человек, убит ли он – в большинстве случаев такой человек становился предметом поклонения под именем тонха, и в память его строится капище – небольшой амбарчик. Из предметов почитания заслуживает внимания, между прочим, шкура змеи (в юртах Согомских), отождествляющая собою самую змею; по понятиям остяков, [это] не тонх, однако и ей построено капище, куда приносят дары в виде не особенно ценных вещей. Свернувший опояску кольцом наподобие змеи и положивший эту опояску в вечный дар в капище уже на всю жизнь застраховывается от укуса змеи. Гагара также пользуется почитанием, и ей также выстроен в одних юртах небольшой амбарчик. Мяса гагары остяки и вогулы поэтому не употребляют в пищу. Огонь, вода, всякое дерево, растущее вблизи капища, пользуются особым уважением и почитанием, для чего дерево украшают разноцветными ленточками. Выше я сказал, что капища бывают семейные

и общественные. Последние состоят в заведывании старосты, нечто вроде шамана, по-остяцки: ям-бизень-тобаза (староста общественного амбарчика). Должность эта почетная, получается преемственно от отца или ближайшего родственника и несется безвозмездно. Ям-бизень-тобаз – ближайшее лицо к тонху, он объявляет его волю, совершает обряд жертво(Л. 6)приношения, хранит жертвенные дары в капище и держит у себя от него ключи. Были случаи, что 8-летний мальчик нес эту почетную должность, унаследовав ее от отца. Жертвоприношения тонху делаются в случаях разных предприятий: охоты на зверей и птиц, перед началом рыбных промыслов, перед сбо-

85. Домашние духи-хранители и жертвенный коврик. Обские узоры. Конец XIX – начало XX в. ТГУИАМЗ

ром ягод, чтобы тонх помог побольше собрать да, кстати, сохранить бы от зверя-медведя; перед поездкой куда-нибудь, в случае тяжелых заболеваний, когда все испробованные средства оказались недействительными. В этих и во многих других случаях испрашивается совет ям-бизень-тобаза, который, вникнув в обстоятельства дела и посоветовавшись якобы с тонхом, объявляет его волю о роде и ценности дара, который тогда или только обещается, или уже приносится в капище. В последнем случае даритель или его ближайший родственник, наполнив туяс браги, несет его в сопровождении старосты капища туда, захватив с собою назначенный дар. Он состоит чаще всего из медных денег, головного платка, бус, пучка разноцветных лент, шкурок белок, шкурки лебедя, выдры и др., присоединяется к прочей рухляди и висит там в течение года, после чего берется обратно и поступает в употребление только мужчинам. Ни одна женщина не посмеет надеть головного платка, даренного тонху. Женщинам воспрещен доступ в капище. Брага, поставшая в капище, за время приношения дара становится как бы освященной; ею брызжут в стенах капища в знак (Л. 6 об.) угощения тонха, остальную берут обратно домой и угощают ею и ям-бизень-тобаза, и всех проходящих в дом, для чего туяс с ней ставят на стол. Заклания животных делаются или по обещанию отдельных лиц, в случаях, например, тяжких заболеваний, или

по желанию целого общества известных юрт во время больших праздников или перед началом общественных предприятий: сбора ягод, лова рыбы и прочее, для чего жертвенное животное: лошадь или корова приобретаются вскладчину целым обществом. В этом и в другом случае животное подводится к дверям капища, окуривается дымом от пихтовой коры, ею же окуривается капище внутри и снаружи. Окуривание производит ям-бизень-тобаз с произношением случаю соответственных молитв и слов в духе язычества. Присутствующие, вооружившись длинными ножами, начинают по знаку ям-бизень-тобаза подходить один по одному к животному, нанося ему раны до тех пор, пока животное не изойдет кровью и не свалится с ног. Кровь эту собирают, кропят ею стены капища, льют в реку, на огонь, а остальную разливают по домам, также для окропления домов, хлебов и амбаров. Часть мяса варят тут же для общего обеда, а остальную делят и разбирают по домам.

Медведь, как грозный царь кондинских лесов, вселяющий к себе страх, пользуется тоже уважением и почитанием. Шкуру убитого (Л. 7) медведя торжественно встречают выстрелами из ружей до 10 раз и на первых же парах¹, поочередно подходя, целуют ее в морду, затем не менее торжественно вносят в дом, но непременно через выставленную раму, мысленно приговаривая: «Как идешь ты, так и пройдешь сквозь наш дом, не задевая его». Внесенную таким образом шкуру помещают в деревянном или сделанном из бересты корыте (чуман), причем лапы и морду выпрямляют и вытягивают. Корыто ставят в передний угол перед столом, на котором бесшумно стоит большой туяс с нарочито сваренной брагой для угощения как самого медведя, так и проходящих на торжество; помимо браги ставится на стол еще хлеб или блины все с той же целью угощения зверя. На вытянутую морду шкуры и лап кладутся медные и серебряные деньги, на шею надеваются бусы, ленты и кольца – на ногти лап. К потолку подвешивают колокольчик, в который то и дело звонят, все для развлечения и увеселения медведя. В таком порядке шкура остается все время, пока собравшиеся мужчины, женщины и молодежь поют и пляшут в комнате перед чуманом со шкурой. Для большего эффекта пляшут на одной доске под однообразные звуки торнобая (музыкальный инструмент в 4 струны), журавля (в 6 струн) и гармоники. В первый раз входящий не прежде может стать участником торжества, как при входе опрыснут его водой; опрыскивают также (Л. 7 об.) время от времени пляшущих, так что под конец пол в комнате становится положительно залит водой. Предусмотрительные хозяева дома специально нагревают для такого случая несколько кадок воды. Много шума, смеха, веселья и песен поется при этом. Весь смысл песен клонится к извинению перед медведем за его якобы невольное убийство. Вот одна из них в вольном переводе: «Прости нас, не сердись на нас, не мы тебя убили, убил русский: он придумал порох и дробь. Если увидишь нас в лесу, не шевели, уйди от нас, откуда выходит солнце. Если убьем тебя, то не своей волей, – Бог велел». Если это шкура самца, то празднество и веселье продолжают 5 дней, самки – 4 дня, после чего шкуру выносят из дома, но уже дверью, приговаривая опять: «Как идешь ты, так и пройдешь сквозь наш дом, не задевай его», – при этом стреляют от 4–5 раз, смотря по тому, была ли [то] шкура самца или самки. Богатый остяк, владелец шкуры, несет ее на год в дар тонху, бедный же – на 4–5 дней и потом уже продает ее.

Там, где похороны совершаются в отсутствие священника, умершего мужчину одевают в лучшее платье, какое он имел при жизни: армяк, кафтан,

¹ Здесь, видимо, – от слова «пар»: освоенная, но незаселенная земля, безлесая окраина селения.

зипун и проч., перепоясывают опояской, на ноги надевают сапоги или бродни, на голову – картуз или шапку, смотря по времени года. (Л. 8) В таком виде кладут его с протянутыми руками в гроб, при этом не забывают положить с покойником кисет с табаком, набитую табаком трубку, табакерку, спички или огниво в том предположении, что покойнику все это понадобится. Могилу копают неглубоко: в уровень с сердцем в стоячем положении человека могила готова, и гроб с разными причитаниями в нее опустили, кладут на гроб лук, стрелу, весло, лопату и некоторые другие вещи, без которых покойный не мог обходиться в повседневной жизни и которые ему там могут также

86. Праздник медведя у вогулов.
Фотография Л. Сурина.
1926 г.

понадобиться. Умершую женщину, как и мужчину, одевают также в лучшие платья, украшают голову разными лентами, шею бусами, руки кольцами; в гроб с покойницей кладут также кисет с табаком, табакерку, бумагу или трубку, смотря по тому, что больше любила при жизни покойная, и непременно веретено. На свежую могилу поливают брагу и посыпают табаком, что повторяется и при последующих посещениях. По возвращении домой мужскую или женскую рубаху набивают разным тряпьем, и сделанный таким образом болван, изображая собою умершего, ставится куда-нибудь к стене. Если болван изображает мужчину, то на него кладутся лук и стрелы, если женщине, то веретено. Поминки состоят в угощении собравшихся блинами, чаем и брагой, а у богатых – водкой; кроме того, пекут из теста (Л. 8 об.) изображение солнца, стрелы и лука, когда поминают мужчину, месяца, солнца и веретена, когда женщину; это уже исключительно для обмывавших тело покойника. Не забывается при этом и болван, которому ставятся все эти угощения на плечи или на особо прилаженный перед ним столик. Поминки по умершим справляются до 5 раз в год. В течение поминального года овдовевший супруг или супруга каждую ночь кладет с собой на постель болвана, обнимает и целует его в твердой уверенности, что душа покойника видит все эти ласки и угождения; утром же болван снова приводится в порядок, одева-

ется в лучшие платья, украшается разными безделушками и ставится на прежнее место до вечера. Во время чая, обеда или ужина болвану предлагаются все угощения со стола. Ни один из овдовевших супругов не может по обычаю вступить в новое супружество до истечения года.

Остяки и вогулы Кондинского края при выборе невесты платят отцу ее калым. Пока весь калым не будет выплачен, дочь остается у отца. У бедных часто из-за калыма расстраиваются свадьбы. Незаконные сожительства во избежание хлопот и затрат по свадьбе, а также по бедности, очень здесь часты.

Здесьние остяки, или, как они называют сами себя, «хан да», управлялись в прежнее время своими князьями, из которых в памяти народной сохранились имена двух вогульских князьков: (Л. 9) Нахрача Ефгеева и Сатоги; первый – в селе Нахрачинском, второй – в Сатогинском² нынешнего Туринского уезда. Род обоих князей существует до сих пор.

Одежда мужчин ни в чем не отличается от одежды сибирского простолюдина, равно как одежда женщин; впрочем, у этих последних сочетание ярких цветов, особенно красного и желтого, преобладает над другими. Старые остячки и вогулки носят еще красиво расшитые холщовые рубашки и наравне с молодыми вплетают в косы «пенчи» (довольно красивые подвески из мелкого бисера).

Пища остяков, как и вогул, состоит преимущественно из рыбы в сыром, мерзлом и вареном виде, лосиного, оленьего, иногда медвежьего, конского, нередко протухшего мяса; летом пищей служит перелетная птица. Особенное же из рыбы лакомство составляют «варка» и «поземы». Варка готовится из рыбьих брюшков и кишок, густо уваренных в рыбьем жиру, а поземы делаются из хребтов распластанных щук, вывяленных на солнце. Остяки и вогулы очень любят водку и напиваются ею без меры, чем пользуются русские торганы при покупке их товара или продажи своего.

Прежние остяки и вогулы имели кроме зимних юрт еще и летние, куда они выезжали на целое лето для рыбных промыслов со всем своим домашним скарбом, но нынешние остяки давно забросили такие юрты, (Л. 9 об.) ограничиваясь, как и русские, кратковременными для промысла отлучками.

Здесьние остяки трудно понимают наречие своих обских соседей-остяков, а эти, в свою очередь, с трудом понимают кондинских. Возьму для примера несколько слов тех и других:

[Слово]	у кондинских	у обских
огонь	най	тут
корова	согор	мис
травя	пум	торн
железо	вах	карты

Остяки, как и вогулы, добросердечны, гостеприимны и честны, но только в отношении неприкосновенности к чужой собственности (за исключением водки); чувство дружбы и благодарности им не понятно. Остяки и вогулы живут между собою мирно, убийств между ними не бывает; своим беднякам помогают, а потому между ними нет нищенства. Остяки и вогулы имеют свои национальные музыкальные инструменты: тарнобай и журавль, которые, однако, вытеснены русской гармошкой. Музыка и пение весьма монотонны. Хороших голосов, как между мужчинами, так и между женщина-

² Т. е. в Сатыгинском, Сатыженском.

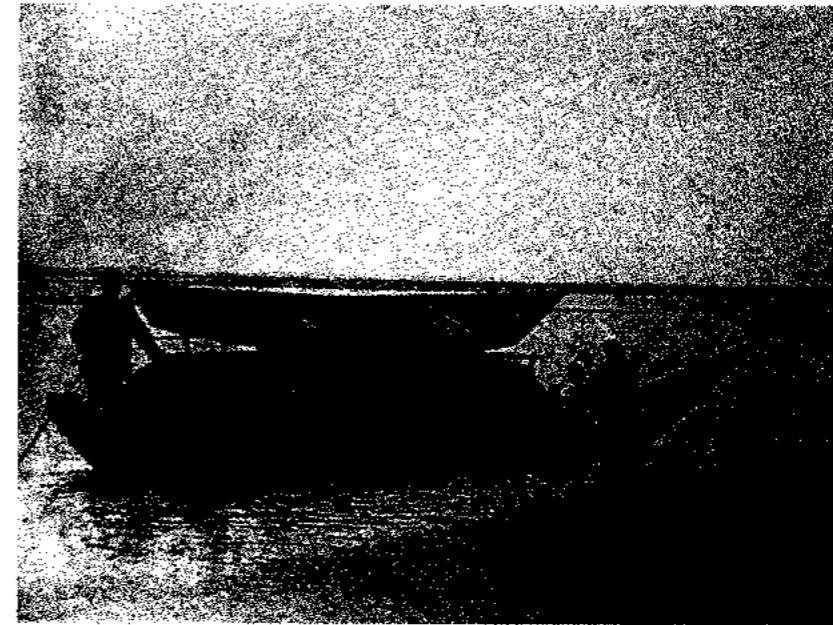
ми, нет. Национальный танец также вытеснен русским трепаком и сохранил свою первобытность только в самых глухих и отдаленных юртах. Везде и во всем сказывается влияние русских. Остяки, как и вогулы, роста и сложения среднего, голову имеют большую, лицо (Л. 10) плоское, скуластое и смуглое, с небольшой растительностью на подбородке. Между ними нет красивых. Особенно непривлекательны остяцкие женщины, как замужние, так и девушки, с их плохо развитым торсом и тазом, а также тонкими ногами с чуть заметным признаком икр, зато волосы цвета воронова крыла часто поражают у женщин своею длиною. Умственные способности ниже среднего. Впрочем, вогулы теряют свой первоначальный тип от кровного родства с русскими, последние чаще и охотнее вступают в это родство с вогулами, чем с остяками, вероятно, вследствие большей культурности первых.

Вот сюда-то в этот край и предстояло мне совершить поездку. В жаркий июньский полдень в небольшом трехвесельном каюке [я] выехал из села Реполовского. Миновав устье Реполовской протоки, мы поехали на юго-запад старой рекой, а через час были уже у устья реки Конды, впадающей в старый Иртыш. Очень заметно, как темного цвета вода Конды врезывается и отделяется здесь от мутно-молочного цвета воды р. Иртыша. Вода в реке Конде имеет мягкий и приятный вкус. Скоро нам на левом берегу Конды повстречалась группа рыбацких избышек. Это русские крестьяне выезжают сюда с весны для ловли рыбы самоловами – переметами, режевками и др. Иностранцы уверяют, что «ловушки» крестьян вредно отзываются на промысле рыбы в р. Конде, преграждая рыбе путь из р. Иртыша. (Л. 10 об.) Это же самое я слышал впоследствии от более компетентных лиц. Мы проехали еще с версту, и перед нами – огромное пространство воды, в которой и затерялась р. Конда. Это Кондинский сор, о котором я много слышал от своих кондинских знакомых, когда в маловодье им приходилось «путаться» в этом сору, отыскивая русло реки. Направление русла, к сожалению, ничем не бывает отмечено. Знаки по распоряжению властей ставятся только для парохода, который в последние годы каждое лето один раз привозит сюда муку в казенные хлебозапасные магазины для иностранцев. Знаки эти скоро сами собою уничтожаются.

Нам же пезачем было искать русло, потому что вода была в полном разливе, и мы могли ехать по прямому направлению, не рискуя попасть на мель. Говорят, что сор этот около 75 верст длиною, не менее 5 [верст] шириной. День был совершенно тихий. На сору ни рябинки. Сор, как громадное зеркало, лежал перед нами с опрокинувшимися в него сосновыми рощами, которые группами тянулись по обоим берегам. Там [сор] на полдень сливается с горизонтом, на котором чуть заметными пятнами обрисовывались рощицы. Солнце уже близилось к закату, когда мы приехали в юрты Реденькие на левом берегу сора, на плохо вычищенном мысике которого вглубь и в стороны ушел древний лиственный урман. Здесь всего только две убогих лачуги, в которых живут земские ямщики, (Л. 11) специально только для того выезжающие на лето из соседних Каменских юрт. Я отпустил реполовских ямщиков обратно и решил здесь переночевать. За чаем хозяин той хаты, где я остановился, рослый остяк Алексей, исполнявший кроме всего, как я узнал потом, почетную должность ям-бизень-тобаза, рассказал мне, как лет пять тому назад, когда еще муку в Конду возили не парохом, как нынче, а своесильно на барке, приходилось маяться на этом сору во время бури, когда барку то и дело бросало на мель. Для сплава бар-

ки вызывалось около 70 человек с обеих волостей. В жару, на солнцепеке, в тучах овода приходилось тянуть барку завозом⁸⁷. Иногда могли уйти только 2 версты в день. От устья Конды до Нахрачинского требовалось не менее 1,5 месяца! В лачуге Алексея было тесно и семейно, но делать нечего; я хотел было устроиться прямо на полу, но хозяин, показав мне на щели, сказал, что были случаи, когда к ним пробирались змеи. Я кое-как устроился, но ночь провел плохо: и жарко было, и комары не давали уснуть. На заре я услышал говор и крики. Я вышел на берег сора и увидел, что по нему тянулась целая вереница плотов с лесом. Плоты эти плавил из соседнего ур-

⁸⁷ Т. е. с помощью бурлаков.

87. Каюк на сору

мана на Иртыш. Напившись чаю из грязного самовара, рано утром мы вышли к лодке, чтобы ехать дальше. Толпа чумазых ребят и несколько грязных баб были уже тут. Дул довольно холодный (Л. 11 об.) северо-восточный ветер; на спокойном вчера сору похаживали «бычки». Все-таки ветер был нам попутный, и мы, натянув паруса, поплыли со скоростью парохода. На правом берегу сора, при впадении в нее речки Чилимки, на отлогом скате, под сенью великолепной сосновой рощи я заметил хижину (рис. 88). В ней зиму и лето живет семейством остяк из Цингалинских юрт, некто Тусматов, выморочный потомок владельцев огромных рыболовных и ягодных вотчин, простирающихся на несколько десятков верст в диаметре. Остяки прозвали его помещиком. Немного требуется вотчины такому ленивому помещику, как Тусматов, а потому остальную он сдает в арендное пользование русским, которые, зная слабую сторону помещика, сначала его угощают водкой, после чего тот уже становится податливее.

На левом берегу сора, почти против Чилимкинских юрт, виднеются около 10 остяцких избышек. Сюда с наступлением половодья приезжают со всем своим скарбом владельцы этой вотчины, остяки юрт Красноярских, и живут тут до самой «страды», занимаясь ловлей рыбы неводом, сетями и режевками, охотой на оленя, изредка – на медведей. Мы захали на Урвант, как назы-

вается это временное поселение. Кто занимается починкою неводов, развешанных на вешалах, кто починкою обуви, а кто так без всякого дела толкается от группы к группе, посасывая трубочку.

(Л. 12) Рыбные отбросы, валявшиеся на солнцепеке около ступенек и под ступеньками крылец каждой избушки, распространяют от себя невозможный запах гнили, но никто на это не обращает внимания. На вопрос мой, какая рыба ловится в этом сору, остяки отвечали: язь, щука, налим, чебак, окунь, карась, нельма, случайно заходит из Иртыша сырок и стерлядь, осетр же никогда. Через 0,5 часа мы двинулись дальше. Ко времени полдня замет-

88. Избушка на Алешкином мысу

но стало, что сор начал постепенно суживаться и наконец перешел опять в русло реки Конды, которой мы и отправились. До Каменских юрт оставалось всего около 15 верст. Вправо от нас – обширная луговая равнина, влево – береговой кряж Конды, заканчивающийся неподалеку высоким и крутым мысом, поросшим вековыми соснами. <...>

(Л. 16) В Каменских юртах мне очень хотелось повидать одного старого остяка, который, как говорят, знает много старинных остяцких песен, былин, сказаний и легенд, но старик во время моего проезда был, к сожалению, болен.

На пути из Каменских мы завернули в юрты Алтайские (5 дворов). И тут, как в Чилимкинских, живет «помещик» некто Тундыков, владеющий на огромном пространстве прекрасными ягодными борами, рыболовными речками и сенокосами. В ягодные урожаи Тундыков получает с русских одних арендных не меньше 200 руб. Этого мало: арендаторы по условию выделяют ему пай ягод, рыбы и обязуются поставить достаточное количество сена. Сам «помещик» целое лето почти ничего не делает и обыкновенно угощается за счет (Л. 16 об.) своих арендаторов. Он бездетен, и со смертью его вотчина, как выморочная, поступит в пользование общества Меньше-Кондинской волости. Такая вотчина, под названием Шейминская, имеется у

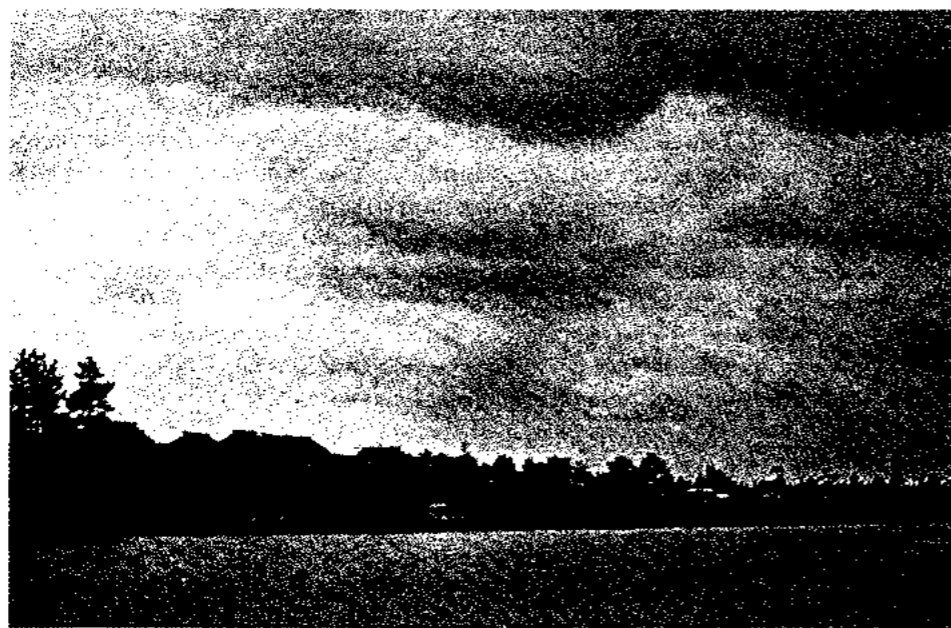
общества. Дом «помещика» покрыт драньем, состоит из двух половин, в одну из которых мы и зашли. Среди пола, на котором были разбросаны разные тряпки и обрывки мережи, сидела слепая, с бельмами на глазах, старуха и тянула нитку. За перегородкой возилась грязная баба – жена «помещика», тоже больная глазами. Всюду грязь, нечистоплотность и бедность. Скоро пришел сам «помещик». Небольшого роста, чернявый, подслеповатый, очень невзрачен. Апатия и непобедимая лень очень ясно отражаются на его лице.

Было уже очень поздно, когда мы приехали в юрты Красноярские, расположенные на правом высоком берегу старой Конды. В них насчитывается около 25 домов; неуклюжие, высокие, иные массивные, дома эти производят впечатление руин: все в них вкось и вкривь. Красноярские остяки пользуются репутацией зажиточных, и, в самом деле, в числе их есть даже денежные торгаши, которые не хуже русских «купцов» прижимают своего же брата остяка. В версте ниже юрт – «городок». Здесь, в Красноярских [юртах], я приобрел несколько старинных медных монет сибирского чекана от 1763–1811 гг. Монеты эти, как говорят сами остяки, разошлись по рукам из амбарчиков, где они служили (Л. 17) прикладом разным тонхам. Переночевав в Красноярских [юртах], рано утром мы отправились дальше. Следующие юрты – Байболинские, расположенные на правом же берегу реки Конды, и состоят всего из 6 домов. В Байболинских [юртах] мне удалось записать следующую легенду. Богатырь (вероятно, Байбала) вот тут неподалеку в бору брал со своей девкой (дочерью) ягоды и вдруг увидел, что снизу из-за мыса показались лодки с несметным количеством войска. Богатырь смекнул, что дело тут неспроста, идут, стало быть, отнимать у него девку. Взял тогда богатырь, натянул лук и стрелил по войску. Стрела пролетела сквозь бор и скосила все деревья, какие ей повстречались. И с тех пор сделалась на том месте прогалина, которая видна до сих пор. Затем взял Байбала под мышку лодку и пошел дальше в бор. На пути его повстречался сор, который богатырь наскоро переплыл, и, выходя на берег, [он] громадное весло свое вонзил в землю так глубоко, что едва его было видно, при этом богатырь промолвил: «Тот меня победит, кто вынет из земли это весло». Что же с ним дальше случилось? Он ушел к Иртышу под Цингалинские юрты, выбрал там в болоте большую кедру, влез на нее, (Л. 17 об.) сел на сук и окаменел. Старики говорят, что некоторые из них видели окаменевшего Байбалу. Вынул ли кто весло из земли и что случилось с красавицей (неприменно красавицей!) дочкой чудного богатыря, легенда умалчивает.

Миновав затем Кельсинские [юрты] (лев[ый] б[ерег] Конды, 8 д[воров]), Сиглинские (лев. б. Конды, 7 д.), Богдановские (лев. б. Конды, 7 д.), утром следующего дня мы ехали в село Болчаровское, расположенное на правом высоком берегу р. Конды. По крутому косогору, заваленному кучами навоза, мы поднялись в село. Село небольшое, в нем всего 33 дома, в числе которых 20 русских. Состоит [село] всего из одной кривой улицы, нескольких грязных проулков и площади к бору, на котором церковь, дома причта⁴, училище и волостное правление. В селе, кроме того, [имеются] временно фельдшерский пункт, лавка обществ. потребит. инородцев и хлебозапасный магазин. В общем, село производит впечатление относительной зажиточности, по крайней мере, в сравнении с селами Нахрачинским и Леушинским, но чистоплотность жителей, грязь и зловоние от разных нечистот в некоторых местах улицы и проулков решительно не отличают [это] село от двух

⁴ Т. е. дома священноцерковнослужителей.

первых. Самые распространенные фамилии здесь: Ендины, Чашовы и Нялины. Родоначальником первых был, как говорят, какой-то Пензарь, названный при крещении Терентием. Неизвестно, к какому времени относится возникновение Болчарова (Л. 18) и даже крещение Пензаря. Вскоре после его крещения по распоряжению властей были вытребованы сюда Чашовы, в подмогу для отбывания подвод. Чашовы жили до того оседло при речке Могатке в 6 верстах от Болчарова. Надо полагать, что Нялины приехали сюда далеко позднее, вероятно, из юрт Нялинских (Ахтоминских тоже в пределах нынешней Самаровской волости).

89. Юрты Красноярские

Здесь я познакомился с местным священником Х. из диаконов Курганского уезда. В разговоре со мною пастырь жаловался на равнодушие инородцев к церкви.

– Вот видите, – указал мне батюшка на столб против одного дома, когда мы с ним шли по улице.

Я взглянул на столб и увидел, что ветхий, накренившийся столб ничего особенного не представлял, кроме того, что на нем была вверху поперечная резьба да ветхая кровелька.

– Что это значит? – с недоумением спросил я батюшку.

– Да вот это и есть их остяцкая святыня, – отвечал мне батюшка. – Нынче-то оно, конечно, помаленьку все это выводится, а взять эдак лет 15–20 тому назад: ведь каких они только безобразий ни творили у этих столбов! Съедутся, бывало, в Петров день на праздник; первое дело покупают в складчину корову или даже несколько и привязывают ее вот к этому столбу и режут с разными истязаниями, мясо варят тут же в громадных (Л. 18 об.) котлах и едят, а кровью брызжут стены в домах, в хлевах и амбарах. Все это проделывается с произношением их молитв и сопровождается истреблением нарочито для того сваренной браги, вина, а в конце концов песнями, ссорой, дракой и чижовкой¹⁵. Немного уж осталось этих столбов, и те бы надо

¹⁵ Чижовка – арестантская, каталажка (что-то вроде современной КПЗ).

по-настоящему убрать с виду, да все как-то не хочется восстанавливать против себя прихожан, все равно, думаю, сгниют и сами свалятся, к тому же и безобразия около них не повторяются: боятся все-таки начальства.

– А молодое поколение как? – снова спросил я батюшку.

– Все одно что и старое, кланяются своим шайтанам, а спросите из них любого, скажет: нет, ведь это было в прежние годы, у стариков.

– А посещают ли богослужения?

– Какое там посещают, – с раздражением в голосе сказал Х. – Я вот скажу, если бы не русские, так, пожалуй, и сам в церковь не заглядывай.

– Говеют ли, по крайней мере?

– Говеть говеют раз в год, да что толку-то в этом говении, когда из-под палки через волостных собирают.

– Трудно, я думаю, батюшка, исполнять вам требы в таком разбросанном приходе, как ваш? (Л. 19)

– Нет, ничего, – отвечал батюшка. – Больных для напутствования обыкновенно привозят сюда, и младенцев для крещения тоже. Есть, впрочем, у меня в приходе две юрты, куда летом не попадешь: ни на лодке, ни пешком, ну так там дело без меня обходится. Здесь ведь в каждом юртах свои кладбища, так что умершего, если случится, сами похоронят, а младенца оставят некрещеным до зимнего пути. Похоронят, разумеется, согласно со своими языческими обычаями, да уж ничего с этим не поделаешь.

Это же самое пришлось слышать мне от священников вогульских приходов, которые также жаловались на равнодушие прихожан к церкви, на косность в язычестве, на непочтительность к духовным лицам и на разбросанность приходов, а в общем – на отрезанность от остального мира, на глушь, на тоску существования, на дороговизну жизненных припасов, на недобросовестность местных торгашей, которые рады «с живого кожу содрать», и т. д. Что же можно сказать после этого о волостных писарях, учительницах, псаломщиках и фельдшерах, получаемое содержание которых, применительно к местным условиям, без преувеличения можно назвать нищенским. Разговаривая с батюшкой, мы незаметно подошли к небольшому пятистенному (Л. 19 об.) зданию на площади против церкви. Это министерское училище, существующее здесь около 5 лет. Около училища ни амбара, ни погреба, ни ограды. Само по себе оно тесное и холодное, даже не вентилируется, если не считать двух небольших отверстий в стенах, замкнутых тряпками. Средняя годовая цифра учащихся – около 15 человек, считая в том числе и русских. Ученье начинается поздно осенью, а кончается для многих учеников рано, так как родители, потворствуя понятной неохоте детей к классу, при наступлении тепла, весной, отбирают их под разными предлогами из училища задолго до экзаменов. Видно, что грамота, как дело огромной важности, не пользуется здесь почетом.

Кроме того, здесь имеется временно фельдшерский пункт, утвержденный правительством пункт в селе Нахрачинском, как более центральном в фельдшерском участке. Фельдшер на две волости: на Меньше-Кондинскую и Кондинскую. Для пункта высылаются ежегодно медикаментов на 75 руб. из средств губернского земского сбора. Принимается фельдшером ежегодно около 1500 посещений. Контроля за деятельностью фельдшера почти нет, если не считать приезда врача один раз в год. Фельдшер не нахвалится своими пациентами, которые, по его словам, с полным доверием обращаются за медицинской помощью и исполняют предписания не «мудрствуя». Бывали

* Слово не идентифицировано.

случаи курьезных недоразумений вроде того, что внутреннее лекарство больной употреблял снаружи и наоборот; без этого пока, кажется, не обойдешься, когда в юртах, напр., приходится фельдшеру прибегать к помощи даже переводчиков, так же не понимающих его, как и больной. Знахарства, как уверяет тот же фельдшер, здесь почти нет, и немногие случаи его не сопровождаются применением столь опасных средств, как сулема, кино-варь, кровавые банки и вообще кровопускание, ставшие традиционными средствами в русской деревне. Все почти остяки и вогулы страдают трахомой, излюбленным средством против которой является крымза⁶; сера «го-

90. Церковь в Болчарах

рячая» в большом ходу против «грыжи», каковым термином обозначаются все болезни живота. Остяки и вогулы Кондинского края дают, в сравнении с русскими, значительно больший процент слепых. Очень жаль, что здесь, в Конде, нет приемного для больных покоя, потребность в котором ощущается сильно ввиду отдаленности лечебницы, особенно летом, когда прямое сообщение с ближайшими сельскими лечебницами прекращается. Желательно было бы еще и акушерку, а то остячки и вогулки остаются решительно без всякой разумной помощи во время трудных родов и женских болезней. Да, в сущности, фельдшера-то одного маловато, если принять в расчет населенность его участка в 3000 человек и разъезды в лет(Л. 20 об.)нее время – с одного конца участка до другого 800 верст.

Беседуя вечером с батюшкой о разных разностях, мы незаметно для себя вернулись опять к прерванной теме о религиозном культе остяков и вогулов.

– Слышали вы, – обратился ко мне батюшка, – что в Нахрачах и поныне есть потомки тамошнего князька, некто П-ны?

– Да, – подтвердил я.

– Ну, вот тоже, я вам скажу, артисты. Съедутся... бывало в Петров день вогулы с разных концов волости, далее остяки с Оби, эти-таки прямо нарочито

приезжали, и все к П-ным. Там уже готова брага. Сам старик П-н сядет за стол в передний угол, старуха рядом. Она одета во что-то белое, сидит неподвижно, как мумия египетская. В горнице душно и тесно от народу. Один по одному приезжие начинают подходить к столу и благоговейно класть перед старухой привезенные дары: ситец, шали, платки, башмаки, деньги и проч. Старуха все время сидит неподвижно, но когда количество наложенного дара покажется ей достаточным, она встает с лавки, на которой сидела, и потчует дарителя стаканом браги с подноса, – и опять мумия, опять дары. Так вот, я вам скажу, мой предшественник проучил-таки одного из княжеских потомков.

91. Школа в Болчарах

– Как проучил? – спросил я.

– Да очень просто: законопатил в тюрьму на 3 месяца – и делу конец.

– Вот как, да за что же?

(Л. 21) – Да вот за это самое. Есть, видите ли, у них один пьяница, плюгавый такой вогулишка, и повадился он каждую зиму ездить к обским остякам, и проделывал он там то же самое, что и в Нахрачах эта самая старушеница. Мало того, там он шаманил, завораживал дома от змей, привораживал и отвораживал влюбленных, врачевал больных, ну, словом, проделывал разные глупости в лучшем виде, и каждый раз возвращался оттуда с провизией и другими дарами, в виде лошадей и коров. Добром его предупреждал мой предшественник, но тот и слушать не хотел. Наконец, однажды он накрыл его в дороге, когда тот возвращался с Оби, накрыл его с поличным и предал суду. И что вы думаете? Ведь неповадно стало им с тех пор шляться и морочить людей, да и в Нахрачи-то уже больше не стали съезжаться с дарами.

II. От села Болчаровского до Нахрачинского. Пробыв около 3 дней в Болчаровском, рано утром я отправился дальше. Погода стояла ясная и тихая. Мы ехали Кондой, между берегов, окаймленных местами сосновым лесом, местами березником, в промежутках между которыми открывался вид на

обширные луга. Путь наш лежит все еще на юг. Не доезжая двух верст (Л. 21 об.) до юрт Чесноковских, через которые лежит в зимнее время земский тракт из села Нахрачинского в село Юровское (Болчаровское остается, таким образом, в стороне), мы поравнялись с устьем речки Тугушки, которая имеет направление с юга на север и соединяет р. Конду с Иртышом в 170 приблизительно верстах от устья первой реки. Речкой этой никто летом не ездит, потому что в одном месте на протяжении 4–5 верст она подернулась толстым слоем зыбуна, непроходимого [для] лодок. Всякий предпочитает, конечно, поэтому, едучи в Тобольск, сделать большой крюк через устье Конды. Речку эту бывший исправник г. Павлинов исследовал с целью утилизации ее для прямого сообщения Кондинского края с р. Иртышом и пришел к заключению, что ее можно сделать проходимой для лодок, на что потребуются инженерные работы и затрата нескольких тысяч, что едва ли непреждевременно ввиду совсем слабой производительности края и ограниченной его потребности. От юрт Чесноковских р. Конда берет уже направление прямо на запад. Правый ее берег с непроходимыми болотами и урманами уклонился на полдень, сама же она лежит здесь между обширными кочковатыми лугами, усеянными небольшими сосновыми островами. В 18 верстах от Конды к северу за юртами Вышне-Пуштинскими, за болотами, озерами приютились юрты Шумилов(Л. 22)ские (23 дома), соединяющиеся с речкой Кондой посредством такой узенькой проточки, что едва можно «пролезти» по ней только в самой маленькой лодке – душегубке или «осиновке», как называют здесь такие лодки.

У Шумиловских инородцев много рыболовных соров, речек, ягодных боров и звероловных урманов, но, несмотря на это, они одни из беднейших в Меньше-Кондинской волости. Миновав Зимне-Пуштинские (14 домов) и Летне-Пуштинские (25 д[омов]) [юрты], к вечеру мы приехали в Ермаковские (5 домов) [юрты], расположенные на левом берегу речки в величественном сосновом бору. Клочок материковой земли, на котором прикунулись бедные хаты, кажется действительно островом среди необозримого пространства кочек и сор[ов], раскинувшихся далеко во все стороны. Откуда это название – «Ермаковские»? Жители утверждают, что здесь имел ночлег Ермак Тимофеевич, когда плыл в Конду восвать вогул и остяков. Странно! В ½ версты от юрт – наполовину свалившийся в речку городок. Жителями этих юрт заканчиваются поселения остяков к западу по р. Конде, дальше идут вогулы. Первые вогульские юрты на нашем пути Есаульские, приютившиеся на левом берегу Конды, на красивом песчаном мысу, имеющем вид холма. Рядом с юртами, на берегу, – чудная березовая роща, поразившая меня своей чистотой. Напрасно бы стали вы искать здесь тип вогула: вследствие родства с русскими тип этот здесь вырождается: вогульское наре(Л. 22 об.)чие забыто здесь для русского. Чем дальше едешь Кондой к западу, тем больше бросаются в глаза удивительно разные зигзаги речки, стоит пройти луку в поперечном направлении каких-нибудь 200 саж[еней], как уже выиграл бы 2–3 версты речного пути! Такие прямые сообщения через мыса вверх по Конде, где она наделает еще больше кривизны, носят характерное название «перетасков» оттого, что тут легонькие лодки-однодревки или осиночки (душегубки тоже) перетаскиваются прямо по земле. Был жаркий полдень, когда мы подплыли к вогульскому селеньицу Нахрачинскому. Беспорядочная группа убогих лачуг, крытых больше драищами, да небольшая старинная церковь, выглядывавшая из глубины бора с противоположного конца. Об-

рыв берега завален кучами навоза. По сторонам тесной улицы и узеньких переулков тоже кучи навоза, в котором рылись курицы и, растянувшись, жмурились от солнца собаки. Кой-где виделись рыбные кости и другие отбросы, распространяя от себя запах разложения. В центре сельца несколько больших домов с хорошими пристройками. Это дома местных торговцев, или «куйцов», как называют [их] здесь вогулы. Вечером я зашел к Григорию Ивановичу, с которым был знаком еще раньше. Он, к моему удовольствию, оказался дома и встретил меня у ворот. В чистую и прохладную горницу скоро был подан ярко вычищенный самовар, и мы с Григорием Ивановичем усе-

92. Вогул села Нахрачинского

лись за чай. (Л. 23) Надо сказать, что Григорий Иванович – русский, здесь старожил; ему около 65 лет, но он еще бодр и силен. Живет он более чем зажиточно, занимаясь со своими женатыми сыновьями исключительно хозяйством и рыбными промыслами. Григорий Иванович кой-где бывал, кой-что на своем веку видал, он грамотен и читает книги; на вид степенен и важен, говорит нескоро, веско, умно и толково, наблюдательность и вдумчивое отношение к окружающим мне особенно нравилось в моем приятеле. Мы разговорились. Говорил больше Григорий Иванович, расспрашивая меня о том, каковы виды на урожай ягод и ореха в Меньше-Кондинской волости, рыбные промыслы и т. д. Скоро разговор наш сделался общим, и я его между прочим спросил:

– А скажите, Григорий Иванович, отчего это как ни посмотришь, остяки и вогулы далеко беднее русских, несмотря на то, что вам приходится арендовать у них вотчины, отчего? А?

– Да, – отвечал мне Григорий Иванович, – оно точно, что русские живут, благодаря бога, не в пример лучше, где ни посмотри, а отчего? Оттого, что робята стараются. Им-то что! Они вроде как помощники, а нам без работы нельзя. Первое дело, сунься ты к ним с неводишком – подавай 3 руб. в лето, пошел по ягоды – 3 р. с души, поехал на сенокос – тоже, т. е. я вам прямо

скажу, что каждый шаг с копейки. Вот тут и поживи. Станешь небось работать, коли и подать надо отослать в свою волость, ведь (Л. 23 об.) вам, вероятно, известно, что все мы, русские, сюда не причислены и по здешней волости надо всякие поборишки приготовить, да и самому-то чтобы что-нибудь осталось. Ведь по ихнему-то не хочется жить – как-нибудь да впроголодь. Их же житье совсем другое: по 1 руб. ясаку с души, ну да кое-какие поборишки по волости, и только. Съездил, поймал, наварил рыбенки, напился и лежи себе, вышел чай – иди в казенную лавку (так он называет лавку потребит[ельского] общества инородцев), дадут чаю, сахару, вышла мука – хлебо-запасный магазин под руками, тоже дадут сколько требуется. Чего же еще!

– Но ведь там дают не даром, – возразил я, – все равно придется платить впоследствии.

– Платить?! – удивился Григорий Иванович. – Да им они [разве] станут платить-то? Рассудите вы сами: каждый из них, почитай, в долгу, как в шелку. В лавку должен не меньше 30 р., в магазин 60–80, а есть и такие, что 100–150 р., да нашим куйцам, да туда досада, да мало ли кому еще, а описать другого, так и на 10 р. не найдешь у него имущества-то. Плательщиков тоже нашли! Вон, говорят, по двум магазинам, по Болчаровскому и нашему, около 45 тысяч недоимки, и давно ли эти магазины?

– А лавка как? – спросил я.

– Ну, там, должно быть, скоро отторгнутся с этими недоимками, потому как товару в Тобольске уж не отпускают в долг.

– На что же в таком случае надеются недоимщики?

– Да так, ни на чего, – берут, пока дают; говорят, (Л. 24) что царь прокормит, ну а там или что другое.

– Конду, как известно, – возразил я, – постиг в последние годы неурожай ягод и ореха, а дайте вот подойдут хорошие года, и, может быть, все тогда и заравняется.

– Ох, много, знаете, к тому времени прибавится еще других делов, всех-то не заравнешь, будь хоть того лучше урожай.

– Странно, Григорий Иванович, вы вот говорите так, как будто бы уж инородцы ровно ничего не делают. Я сам, например, знаю...

– Почто не делают, – перебил меня Григорий Иванович, – делают, да столько ли надо делать и так ли надо жить по ихнему положению. Возьмите вы, например, хоть здесь: одних ягодных боров, да есть еще и кедровые, всего 60 боров на одно село, а велико ли оно. А сенокосы, а рыбные уголья, ведь глазом не охватишь. Эх, да ведь говорить, так голова заболит! – загорячился мой собеседник. – Возьмем, к примеру, хоть самое главное их занятие – рыбный промысел. Вот здесь во всем сем нет у них неводишка, нет порядочных лодок, кроме однодеревок; плевое дело – морды, и то не у всякого, а о сетях, капканах, о хороших ружьях и о прочем уж и говорить нечего. Да ведь если бы не мы, русские, так прямо ложись да помирай. Уж я, например, грешный, и закалялся с ними связываться, да все как-то нейдет. Придут, дай, говорят, Григорий Иванович, невода из 5 части, ну и дашь: поедут артельно человек 5–6, все «чалый да дранье». (Л. 24 об.) Кинут тень, – смотришь: пуда два, кинут другую – тоже. Нет, говорят, не стоит: помалу попадает, – и сшибашат, да и спасибо, если еще невод привезут, а то и там оставят, да и сгноят; меня уж много раз они этак-то учили. А то давай, говорят, Григорий Иванович, сошьем неводом: это значит, чтобы всем хозяевам у невода быть. Ну ладно, думаю, сошьем. Вот приходит время неводить, а

их ни одного: кто уехал торговать (охотиться на лосей), кто по сено, кто зверовать, а кто и так без дела дома околачивается. Собираешь их собираешь – ничего не выходит, плюнешь да и пойдешь своим семейством, а то и так, в одиночку, сети ставить али что другое. Они вот не рассчитывают, что на всякое дело свое время требуется. То есть я вам прямо скажу, что нет у них ни в чем расчета, все равно что дети малые. Взять хоть, к примеру, самую эту рыбу: если завелась у них какая малость – тащи всю к куйцу, не думай брать себе, не оставят, а пришел Великий пост – хоть с голоду помирай, потому как в это время промысла нет.

93. Починка невода

– Почему же именно нет? – вставил я.

– Да потому, собственно, – отвечает мой приятель, – что Конда к этому времени сгорит окончательно, вода делается красной и душной, рыба в ней жить не может, жметесь к живунам (Л. 25) в речках и сорах, а под конец и те загораются, так что ни неводом, ни мордами промышлять уже нельзя. Ну вот тогда они идут к тому же купцу и покупают у него своего же соленого язя по 7 коп. за штуку, а ему продавали свежего по 2 коп. Вот вам и расчет!

– Но ведь большим подспорьем могли бы в это время служить им огородные овощи, – сказал я.

– Конечно, – согласился со мной Григорий Иванович, – если у кого они есть. Огород ведь тоже требует рук, а где их взять: мужики обленились, а про баб... про тех что уж и говорить!

– Однако же я видел кое у кого засеянные огороды, – заметил я.

– Есть, но только какие это огороды? Так, самая малость: гряды 3–4, сажают картошечку (так он наз. картофель), да и ту съедают прямо из гряд, а потом покупают зимой у русских по 50 коп. за пудовку на деньги, а не на деньги, так под ягоды до осени, случается, пуд за пуд.

– А редьку, лук, капусту, огурцы сажают ли? – спросил я.

– Нет, это уж нет. Редьку, лук и там другое что, пожалуй, будут есть, а вот грузди, грибы и огурцы считают погаными и не ходят.

– Почему же это погаными? – удивился я.

– А Бог их знает, этого я уж вам не могу разъяснить.

– Да, вот что, Григорий Иванович, – спохватился я, – ведь (Л. 25 об.) здесь, пожалуй, можно бы заниматься хлебопашеством.

– Отчего нельзя, – возразил Григорий Иванович, – можно, да ведь опять я вам скажу, что для такого дела требуются привычка и руки. Знаете пословицу: пашню пашут – руками не машут? Не по зубам будет им это ремесло, повины им еще никто не разделал, а самим взяться – где уж? Лень; к тому же требуются лошади, сохи, бороны, а где все это взять-то, коли у них по одной лошади на 3 двора. Да что уж, разделанные поля забросили, а не то что... Вот в Леушах вы увидите неподалеку от села чапыжничек березовый, маленький такой...

– Что же он?

– Да то самое и есть, что тут прежде у ихних стариков хлеб родился, а у молодых-то нынче... березничек, – с горькой иронией добавил мой приятель.

– Стало быть, старики-то, по-вашему, трудолюбивые были?

– Несравнительно, – с оживлением ответил Григорий Иванович, – потому как лавок у них казенных не было, муки им тоже казна не доставляла, как ныне, надеяться, значит, было не на кого, ну и старались, а нынче что? Лень одна – и больше ничего.

– Ну уж вы, Григорий Иванович, – возмутился было я. Но Григорий Иванович перебил меня и продолжал: (Л. 26)

– Возьмите вы первое дело: хоть строевой лес. Ведь чуть не в ограды к ним сам валится, а видите, какие все дворцы понастроены, – указал он по направлению жалких хижин. – Или дрова возьмите. Пришла зима, у них у многих топить нечем. Мы вот, русские, на Фоминой неделе отправляемся на дроворубь, нарубаем сырнику на целую зиму, за лето он высохнет в лесу, а осенью, по мелкому снежку, вывозишь и живешь себе без горюшка зиму-то, а у них не так: понадобилось топить – ступай в лес за сухопостным, а нет – так за сырняком. Какое уж это добро? Али – взять сено. Сенокосных вотчин – глазом не окинешь, а в сене, почитай, каждый год у них недостаток, и диво, хоть бы скота было много, а то – одна-две лошади у домохозяина, да и то не у всякого, а коров – так тех, пожалуй, у многих и нет.

– По крайней мере, кур, свиней, овец имеют ли? – спросил я Григория Ивановича.

– Какое имеют! Нам-то даже русским держать нельзя: как только выпустить из ограды – поминай как звали: собаки придушат. Вот уж не счесть собак у них, действительно, нечего сказать: почти у каждого полдюжины, а путевой ни одной. Сам не доест, а собаку накормит, ведь половина хлеба, что им выдают из магазина, идет на собак; только никто об этом не задумывается... (Л. 26 об.) Вы вот насчет стариков-то давеча сказали, – помолчал немного, начал опять Григорий Иванович, – я опять-таки вам скажу, что старики куда старательнее были.

– Так-то так, Григорий Иванович, – сказал я, – да труд-то их, говорят, заедали ваши «куйцы».

– Оно точно что, – согласился мой приятель, – да ведь и нынче не шибко кланяются, а про прежнее что уж и говорить. Да вот хоть взять, к примеру, лет каких-нибудь двадцать, ведь смех и слезы: принесет... бывало, вогул к

нашему купцу лосину, да и говорит: «Возьмешь?» – «Не надо», – говорит купец, а сам искоса оглядывает лосину. «Вот пита, куда я его тену», – молвит вогул. «А уж про это я, брат, не знаю», – скажет купец. «Восьми ты, путь топорой», – взмолится вогул. «Ну, говори, чего тебе за нее?» – спросит тот. «Тва пута муки». – «Чего-о, чего-о ты сказал? Ах ты образина, да я тебя велю накозирать в шею! Ишь чего выдумал, два пуда – шутка сказать!» – «Ах ты пита, – струсит вогул, – тавай хоть пуд». – «То-то, – смягчился купец, – так бы и говорил сначала, а то... Ладно, бросай вон тут, да ведь поди и чайшку надо, куда уж тебя девать?» – (Л. 27) «Та как пы не нато, та теперь-то теперь нет». – «А когда и бывали, – пошутит купец, – ну да ладно, бери, а осенью сочтемся, только ты у меня смотри, вот я отрежу полкирпича, да чтобы осенью пуд ягод за чай-то, потому у меня все уж так». – «Снаю, снаю», – молвит обрадованный вогул.

– И что же, исправно рассчитываются осенью-то? – спросил я.

– Ну всяко тоже, да ведь наши купцы маху не дадут: чуть что – сами к ним, успевают забирать товар до приезда других покупателей. Тут уж от них не отмолишься, а за вогульский товар цены не кладут: почем, говорят, продадим, по тому и рассчитаем. А черт их, прости Господи, знает, почем они там продадут. Нет, вы вот теперь и рассудите, – снова обратился ко мне мой приятель, – лосина худенькая стоит 6 р., а шла она, как видите, за 1 пуд муки, а пуд ягод – только за ¼ чаю, а что стоит ¼ – 30 коп. ведь только, а в Тобольске эта самая ягода продавалась дешево-дешево, по 2 р. за пуд. Ну как тут было не богатеть! И обидно им, вогулам-то, конечно, было, да ничего не поделаешь: к кому больше пойдешь? Зимой другое дело: приезжают с разных сторон покупатели и привозят все, что надо по домашности: муку, чай, сахар и проч., а вот летом-то и беда была: за 2–3 (Л. 27 об.) пудами колесить в Демьянск или в Реполово тоже не расчет: шибко далеко, да и купить-то там ведь надо на наличные, а где они?

– Ту же лосину или другое что туда везти.

– Пробовали и это, да толку-то выходило мало, потому как и тамошние купцы тоже свою линию хорошо знают, к тому же пока туда ездят, половину-то съедят дорогой, а семейству-то что?

– Ну вот, Григорий Иванович, стало быть, хлебные-то магазины да лавки ныне и кстати и хорошо, – сказал я.

– Кто говорит, что худо, – отвечает Григорий Иванович, – да вот только уж лени-то много из-за этого развелось, да и недоимки эти самые пошли.

– Но как же быть-то?

– А Господь его знает... – ответил мне Григорий Иванович и замолчал.

Замолчал и я. Самовар давно погас. В комнату вошла красивая молодая баба (сноха Григория Ивановича) и стала убирать со стола.

– Может быть, неумеренное употребление вина подрывает их? – снова обратился я к моему приятелю.

– Это вы насчет пьянства-то, значит, т. е. много ли они пьют? – не понял было меня Григорий Иванович.

– Да, да, – подтвердил я.

– Ну, не скажу, чтобы очень уж много, вот разве зимой да осенью, при сдаче товара, а летом взять вина неоткуда. И то надо сказать, что тут виноваты больше мы (Л. 28) же, русские. Взять хоть подгородных мужиков, если вот гаринских, много ведь тут осенью шляется всякого сброду, летят как вороны на падаль. Иной ведь прямо-таки идет не покупать, а продавать. Налю-

жит на свою клячу для блезира, конечно, а в муку поставит бочонки с водкой: обыскивай, мол; прихватит с собой кренделей, чаю, сахару – пошла торговля. Бывали вот и такие из ихнего брата негодяи: останются у знакомого вогула на квартиру; ну сначала, как водится, чай, за чаем гость наливает полбутылки, потчует хозяина, а сам не пьет. Хозяин, конечно, не церемонится, а когда полбутылки кончит, то уже покупает на свои или берет в счет обмена на ягоды и рыбу. Скоро все уже знают в юртах, что приехал купец с вином. Один по одному начинают подходить и спрашивать вина, купец ломается: какое де у меня вино, есть немного, да для себя, да и ничего бы уступить

94. Торгующий крестьянин Попов со своей сожительницей

немного по знакомству, да ведь сами же потом на меня донесете; начинаются уверения, клятвы, и в конце концов купец расстается с условием, что будет давать помаленьку, по чекушке; да с тем, что при каждой чекушке покупали связку кренделей, либо чаю и сахару для прилику, чтобы придирки, мол, не было к вину, внушает он при этом вогулам. Согласны, понятно. (Л. 28 об.) Ну что чекушка, да еще пополам с водой: подавай другую, третью, четвертую, пятую, и так без конца. Перепьются до полусмерти, иные надевают связки кренделей себе на шею, в виде бус, – и пошли по юртишкам в обнимку с песнями; умора и слезы! Купец же в двойном барыше: крендели и водку продал и рыбу выменял на водку за бесценок, да еще обвесил, руки попринагрел. И пока они тут колобродят, он уже едет далеко и опять таким же манером торгует. Нет, не виню я в этом бедных вогулишек, – сочувственно вздохнув, сказал Григорий Иванович, – потому [что] народ к вину слабый, падкий до него, что малые дети до сладкого, а вот уж нашему-то брату – русскому – грешно бы и совестно этим пользоваться. Ну понятно, что акцизный надсмотрщик, не этот, а вот что служил раньше, пронюхал эту уловку, а жил он тогда в Камышинских [юртах], в 40 верстах отсюда. Прямая дорога из Тобольска как раз через Камышинские, никак уж их не минуешь; так что проделывали-то: не доедут до Камышинских версты 2–3, да бочонки-то с

водкой в снет, а ночью потихоньку перетаскают на себе за деревню на Леушинский или на Нахрачинский тракт, ну куда им там надо, а утром выкормят лошадей – и пошел дальше с бочонками.

– Слышал я кое-что о «выставках», расскажите мне о них, – попросил я моего приятеля. (Л. 29)

– О выставках-то... – усмехнулся Григорий Иванович, – да ведь давно уж это было, ну да все равно... Ну как вам это рассказать? Вот вы или, к примеру, хоть я, берем мы у заводчиков ведер по 40 бочки с вином. Вот за то, что нам дозволили торговать, мы платим заводчику или там в казну (не помню хорошенько) еще сверх всего пошлину. Сюда вот много лет подряд ездил Г. Привезет, бывало, водку на каюке, станет вот тут под горой и объявляет: «Выставка».

На пожар не соберешь наших вогул так скоро, как на «выставку»; в кою пору все село налицо, старый и малый. Ну и – начинается попойка, а через час, много через два, уже столпотворение: кто воет, кто песни поет, кто дерется, кто с пьяных глаз залезет по горло в воду и отталкивает каюк с «выставкой», да и сам уж выставщик не рад им станет, подавай Бог ноги – к другому берегу. Проспятся – надо опохмеляться, а «выставка» за речкой уж. Что делать? Кричат: «Айда сюда!» – тот и не показывается из каюка, опять кричат, шапками машут, всячески подманивают к себе, куда? Выставщик и слышать не хочет, а выпить смерть хочется!.. Наконец совещаются, выберут доверенных и отправляют их к «выставке». Те как-никак уломают купца, смотришь – торжественно ведут каюк опять к этому берегу. Не пройдет и 2-х часов, (Л. 29 об.) как «выставка» снова на том же месте, откуда ее только что привезли. Так вот 3 дня, бывало, и маются.

Запретили потом эти «выставки», а вместо них открыли кабаки; один здесь, другой в Болчаровском, и вышло еще хуже, испортились, как шведы. Дело доходило до того, что вытрясали перо из подушек и пропивали. В Болчаровском вышел тогда такой случай: приехал туда в Петров день исправник Д-кий; писарь ему и докладывает, что сбор поборов нынче из рук вон плохой. «Почему?» – спрашивает исправник. «Да промыслов, – говорит, – не было, потому как все ружья и мережа в закладе у целовальника». – «Позвать их всех сюда», – говорит исправник. Позвали. «Слышал я, – говорит он, – что негодяй-целовальник держит ваши вещи, это незаконно; я... его, шельму, проучу; у кого что заложено в кабак? Сказывайте».

Обрадовались остяки случаю взять свои вещи обратно и начали сказывать: у кого топор, у кого ружье, у кого пила, у кого бабья юбка, все расписали. «Ну, пойдемте теперь за мной, – говорит Д-кий, – я его, шельму...» – «Подавай им все! – закричал он на целовальника. Ну тот, конечно, не только ружья, душу свою готов выложить на застойку, чтобы только отвязаться. (Л. 30) «Берите каждый свое, – приказал исправник. Вещи разобрали. «Стройся в шеренгу!» – командует он. Строятся. «Розог!» – не унимается исправник. Принесли целый костер розог. «Пороть подряд!» – стали пороть. И что же? Выпорол ведь он тогда половину села, да еще не всех: некоторые, зачужав, в чем дело, заблаговременно убежали в урман и там отсиделись.

– И помогло? – спросил я.

– Да Бог его знает: кабачишки-то вскорости после того прикрыли. Нет, скажу я вам, вино здесь вовсе не годится, – промолвил Григорий Иванович, – хоть некоторые и думают, что не худо бы держать его при торговых лавках; когда введется казенная продажа только, немного тут будет добра для вогу-

лов, да все едино и для остяков тоже. Слабый, совсем слабый народ, – закончил мой приятель и замолчал.

Поговорив еще немного, мы простились.

Здесь, в Нахрачинском, мне показали 2 чугунных ядра: одно ровно в фунт весом, другое немного больше. Ядра были найдены детьми в педрах обвалившегося берега, против села. Местное предание говорит, что высланные сюда по распоряжению тобольских властей казаки усмиряли ими взбунтовавшихся вогул, когда тех приводили в православие; причем во время бунта был убит вогулами первый приходский священник. Предание добавляет, (Л. 30 об.) что вогулы жестоко поплатились за попытку к бунту: бунтовщики были наказаны плетью на площади против церкви.

Здесь же я познакомился и с той старушенцией, о которой мне говорил болчаровский батюшка и которая, в былое время, изображала собою мумию Египетскую, с ее мужем Захаром, прямым потомком вогульского князька Нахрача Евлоева. Немного мог рассказать мне старый Захар о делах давно минувших дней: слишком он стар и памятью слаб. Однако [я] записал с его слов небольшую легенду. «Увидал, – рассказывал Захар, – однажды князь Нахрач, что снизу плывет лодка с мачтой и хочет пристать сюда. Собрал он тогда своих и вышел на берег. Видят [они, что] в лодке казаки да поны. Догадался князь, что едут крестить вогулов, и велел стрелять в ту лодку стрелами. Тот стрелит, другой стрелит, никто не может попасть. Осердился князь. Дайте, говорит, мне лук и стрелу! А у самого так руки и трясутся от старости. Дали ему лук, натянул он тетиву, прицелился: мачты на лодке как не бывало, всю разнес в щепки. Испугались в лодке и погнались назад. На другую весну опять приехали, опять было хотел стрелять в лодку Нахрач, да не пришлось: оттуда стреляли из пушки, да так ловко, что княжеский дом разнесло вдребезги и отбросило на две версты в бор. Молвил тогда Нахрач: “Нет, видно, больше не воевать нам”, – и сдался».

(Л. 31) III. От села Нахрачинского до Леушинского

Утром следующего дня я отправился дальше, но уже не Кондой, как предполагал, а Кимой. Дело в том, что лишь нужно было завернуть в Катышкинские [юрты], которые будут верст 8 в сторону от Конды; Кимой же я мог доехать непосредственно до юрт. Я решил последнее, тем более что течение здесь не столь быстрое, как на Конде, а это нам и нужно было. Спустившись Кондой вниз по течению около 2 верст от Нахрачинского, мы выехали в устье Кимы, которая по своей ширине будет немного менее самой Конды, хотя и составляет ее пристань. На протяжении 15 верст Кима извивается между луговыми равнинами, дальше – между сосновыми рощами. День был тихий, не очень жаркий, и ехать было хорошо, но к вечеру поднялись тучи мошек и комаров. Я беспощадно дымил папиросой в своем каюке, но это не только не помогало, а еще больше раздражало надоедливых насекомых. Нескончаемо долог показался мне путь до юрт Чекаткинских, где я мог отдохнуть. Зимой считают от Нахрачинского до Чекаткинских 30 верст, а Кимой, я думаю, будет не менее 60. И неудивительно: местами приходилось объезжать мысы верст в 5, когда прямое расстояние каких-нибудь 100 саж[еней]! Признаюсь, я очень пожалел, что поехал в каюке, а не в маленькой лодке, не в осиночке, как называют их здесь, которую можно бы без труда перетаскивать через мысы. (Л. 31 об.) Как бы там ни было, вечером мы были в Чекаткинских. Здесь только 5 дворов. Особенно приятно было встретить в этих

убогих и захоластных юртах приветливость, радушие и относительную чистоплотность обитателей. Поздним вечером я был уже в Катышкинских [юртах] (11 домов), расположенных на крутом обрыве берега. Здесь несколько русских домов. В сибирской летописи о распространении православия между вогулами упоминается об этих юртах в связи с именем Филофея Лецинского, которого встретила здесь диспутация Сатыгинского князя Сатына, хитростью отклонявшая святителя ехать дальше. Здесь я остановился ночевать у «купца», отставного фельдфебеля из подгорной волости, уже много лет проживающего здесь. В разговоре со мною он жаловался на трудные времена и на то, что «вогулишки окончательно измошенничались», но я, смотря на его зажиточность, подумал: «Для тебя-то, брат, хватает еще вогульской честности». Утром я двинулся дальше, в версте от Катышкинских [юрт] Кима делает громадную луку шириною на перетаске не больше 50 саж[еней]. Приблизительно наполовину станции в Киму, у самого ее устья, впадает Кама, которой мы и поехали до Кучуковских [юрт]. Около полудня мы были там. Кучуковские – одни из самых беднейших юрт в Кондинской волости, прикурнувшиеся своими убогими лачугами в сосновом бору над озером, в стороне от речки. Кругом – мыс и болота. Казалось, что каждый атом воздуха кишел (Л. 32) здесь мошками и комарами; приходилось дышать не воздухом, а мошками. Курева из гнили, из коры пихты немилосердно гадят в юртах, но плохо помогают делу. Неудивительно после этого, что жители Конды почти поголовно страдают глазными болезнями и ранней слепотой. «И здесь люди, и здесь жизнь!» – невольно подумал я, отправляясь дальше. Мы отъехали Кумой – узенькой и засоренной валежником проточкой. Здесь каждый шаг приходилось брать с бою, освобождая путь от валежника. Как бы груз какой-то свалился у меня с души, когда мы к вечеру из проточки въехали снова на Конду. Миновав Юмасовские [юрты], мы приехали в Сотниковские, на высоком и живописном правом берегу речки. Здесь 4 крестьянских дома и 2 вогульских. Крестьяне, переселившиеся сюда из Кугаевской волости, занимаются скотоводством и хлебопашеством. Дома их оттаивают на себе внимание зажиточностью и хорошей постройкой. Видно, что здесь не жалеют леса. Вообще, Сотниковские производят впечатление слишком выгодное в пользу русских среди непроходимой нищеты инородцев.

Родоначальником этих юрт местное предание считает не то князьца, не то «богатыря» какого-то Сотника. В ½ в[ерсте] выше показывают на обрыве берега речки городище с ясно обозначенными рвами и валами, здесь же мне показывали очень маленькую кольчугу, найденную детьми в (Л. 32 об.) 1 версте от деревни. Кольчугу нашли на ½ вершка от поверхности земли. Мне предлагали взять ее, но я отказался: слишком уж она изоржавела. От Сотниковских [юрт] Конда, сильно извиваясь, идет между луговыми равнинами, примыкая к своему правому береговому кряжу около юрт Запорских (12 домов). Миновав последние, мы ехали подле высокого правого берега, поросшего огромными березами, соснами и лиственницами.

– А вот, слава Богу, и до «попа» доехали, сказал один из гребцов, указывая на поляну за мысом.

– Как до попа? – спросил я.

– Да место это зовут «попом», – отвечал он мне. – В этом месте, старики говорят, в прежние годы жил какой-то леушинский поп и ловил рыбу.

– Да почему же он именно здесь жил? – спросил я снова.

– Да потому, видите ли, [что] нехристи тогда много было, ну он и боялся жить в село-то, а коли ежели понадобится служить обедню али там требу какую справить, так он сейчас в лодку – и в село, а потом опять сюда. Так, говорят, и маялся, бедняга.

Отсюда до Леушинского оставалось 3 версты. Солнце близилось к закату. Вечер был тихий. В воздухе плавали марева, обещая завтра хорошую погоду. Конда, пригретая теплыми лучами солнца, тихо нежилась в своих берегах; она почти прямой линией ушла отсюда на северо-запад, а мы неподалеку от «попа» въехали (Л. 33) в устье Аха – проточки, над которой расположилось Леушинское и которая соединяет громадное озеро Туман с речкой Кондой. По крутому глинистому взвозу мы поднялись в Леушинское неподалеку от деревянной церкви, блестевшей на солнце белизною своих стен и яркою медью крестов. Я поднялся и остановился у обрыва. Чудная картина представилась моим глазам: передо мною на севере – необозримый луг, окаймленный вдали чуть заметными рощами, расплывшимися в темные пятна. Посредине луга серебряной лентой извивается Конда, вправо, за «попом», – оставленный нами мыс, который кажется отсюда черной громадой, влево в маревах теплого вечера блестит своей зеркальной поверхностью Туман, окаймленный на западе темной полоской урмана. После долгого, скучного пути я почувствовал в тиши этого простора прилив радости какого-то не изведанного еще счастья. Я стоял как очарованный и все смотрел на чудную картину девственной природы, а теплое солнце, погружаясь за синевой отдаленных урманов, посылало последние ласковые лучи свои. Скоро все село погрузилось в сон, пошел и я на свою квартиру.

В следующий день я познакомился с местным «купцом» Андреевым. Андреев – рослый, плечистый детина лет 37; полное лицо его с серыми глазами и небольшой окладистой бородкой симпатично и добродушно; веселого нрава, слово (Л. 33 об.) охотливый и общительный, Андреев был, что называется, «душа-человек». Восьмилетним мальчуганом он приехал сюда с отцом из Тобольска и здесь вырос. Живя здесь почти безвыездно и постоянно вращаясь по своим торговым делам среди вогул, Андреев прекрасно знал вогульский язык и вообще всю подноготную их жизни. Кто как не он мог поделиться со мною разными сведениями из жизни вогул? Через полчаса мы уже разговаривали, как старые знакомые.

– Нет, я вам положительно скажу, – урезонивал меня Андреев, – что здесь можно заниматься хлебопашеством, да еще как! Ну только, конечно, не вогулам, не сродни они к этому, а вот нашему брату – русским. Вы посмотрите, что за увалы, – и он показал мне из окна на полдень, где за опушкой хвойного леса, обрамляющего обрыв р. Павы, тянулись засеянные поля; на отлогом косогоре к западу тоже обширная площадь полей, за которой виднелся и тот маленький чапъжничек, о котором мне говорил Григорий Иванович. – Только вот беда, – продолжал мой новый знакомый, – что русские-то здесь тоже не очень-то охочи до земли. Иной разживется 50 руб[лями], накупит на них разной ерунды – и пошел торговать и морочить вогул, на легкой, значит, вакансии.

– Вы сами-то много засеваете? – спросил я Андреева.

– (Л. 34) Нет, немного. Десятин около 6, да мне, впрочем, и нельзя больше, потому, видите, – указал он мне на толпившуюся у дверей детвору, – все мал-мала меньше, а работников не держу по той причине, что хороший сюда в такую даль не поедет, а худого мне и даром не надо. Так я уж, знаете, все

сам: и пашу, и торгую, хоть разорвись. Нет, хлебопашество по здешнему месту шибко хорошее дело, лучше всякой торговли. Вон у меня на что Анисья (он указал на свою красивую жену, зардевшуюся его словами), и та сколотила только одним огородом более 1000 руб[лей]. Что огород? Плевое дело.

– Как же это так? – спросил я.

– Да очень просто. Вы уж, верно, слышали, а то, может, и сами видали, что вогулы, кроме картофеля, и то самой малости, ничего в огородах не сеют, а вот как придет зима да случится в ту пору плохой промысел рыбы, вогулки сейчас к Анисье: «Такая, сякая, матушка, выручи», – а у «матушки» полная

95. Село Леушинское.
Начало XX в.

яма картофелю, ну вот она и начинает его раздавать им в год под ягоды: по пудовке под пуд, а на деньги по 50 коп[еек] за пудовку. Я уж много раз ей говорил, что надо бы брать поменьше, да где уж стоворишь с бабой! – махнул он с притворным отчаянием рукою.

– А какова здесь земля под пашни?

– Положим, что земля не бог весть какая, (Л. 34 об.) не чернозем, например; супесь, однако же если удобрить ее хорошенько, то можно 3 хлеба подряд снять: нынче, например, посеять озимое, на будущий год сей ячмень, а после него – овес. Всякий хлеб доходит хорошо, на что горох, и тот чудесно родится.

– А пшеница?

– Пробовали сеять и пшеницу, да нет, та не уродит. Вот оно и жаль, что русские не охочи до пашни, – продолжал Андреев. – Ведь всего каких-нибудь человек 5–6 из них и занимаются по всей Конде, и то только так себе, легонько.

– А вогулы как?

– Занимаются и те. 2 в нашем месте, т. е. вот в Леушах, да в других соседних юртах, всего человек около 20 припахивают, однако на год своего хлеба не хватает.

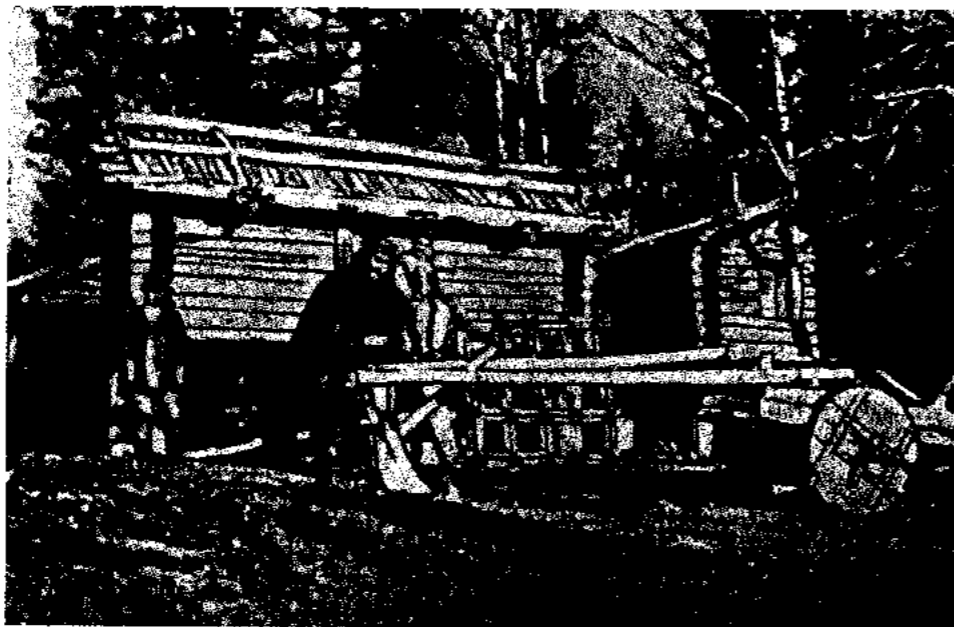
– Много ли приблизительно десятин всего засеивается вогулами вместе с русскими?

– Да у нас ведь здесь не десятинами считают, а так, на полосы, – сказал Андреев.

– Ну, если прикинуть на десятины? – настаивал я.

– Позвольте... – задумался Андреев и стал считать по пальцам. – Иван 6 полос – 2 десятины, скажем, Павел – 2, Егор тоже 2, Антипка с братом, скажем, 3, в Запорских Савелий тоже – 3, ну там десятин всего, скажем, 10, да в Пашинских, да в Аминских, да в Сотниковских всего-навсего десятин 60, уж никак не более. (Л. 35)

– Немного! – сказал я.

96. Вогулы-земледельцы Конды.
Конец XIX в. Видны двуколка
с деревянными колесами, соха,
деревянная борона,
хозяйственные постройки
на сваях

– Какое тут много, – подтвердил Андреев.

Мне очень хотелось порасспросить Андреева о тайном винокурении по Кондинской волости, о котором я слышал и которое меня интересовало, а потому сторонкой и осторожно я начал с ним об этом заговаривать. Хотя Андреев был бесконечно прост и откровенен нараспашку, однако же очень пытливо посмотрел мне прямо в глаза: нет ли, мол, тут какого крючка. Должно быть, не заметил и успокоился.

– Винокурение-то, вы говорите, – начал он, – оно, конечно, есть, да, вероятно, вы и сами слышали про это, только так – самая малость, безделица.

– А сколько же по-вашему приблизительно выгоняют со всей волости?

– Ну, да уж никак, я думаю, не больше 100 ведер в год, ни за что не больше, потому, извольте ли видеть, что хлеб здесь не свой, а купленный, так из каких же им барышей его переводить-то? Если бы еще, например, для продаж, а то ведь больше для себя: по случаю как-нибудь больших праздников или так. Вогулы, вогулы, а ведь в них душа-то отчасти христианская, тоже порой намаются на промысле и хотят выпить, а взять вина решительно негде, особенно летом. Ну и «посидят», маленько винишка-то и выпьют – и опять за дело. Ведь нельзя же, опять, уж совсем без выпивки-то, – разглагольствовал Андреев, который, к слову сказать, сам был «выпить не дурак» и ко всем

выпивающим (Л. 35 об.) относился очень сочувственно. – И было это винокурение, и будет, и никогда его не выкоренить, – безапелляционно добавил Андреев. <...>

(Л. 37 об.) Скоро Андреев ушел от меня. Мы расстались (Л. 38) с ним как добрые знакомые. В тот же день я случайно посетил церковно-приходскую школу, открытую здесь 2 года назад. Школа помещается в пятистенном здании на берегу Аха, рядом с церковью. Здание производит довольно хорошее впечатление как снаружи, так и внутри. При школе, в том же корпусе, имеется общежитие на 6 мальчиков, служащее вместе с тем и кухней.

При школе большой огород, ежегодно засеиваемый картофелем для нужд общежития. В будущем предполагается увеличить здание вдвое. Учителем при школе молодой человек из остяков Самаровской волости. В разговоре со мной он жаловался на то, что родители рано весной, под разными предлогами, отнимают своих детей от школы, что вредно отзывается на успехах занятий, которые, по местным условиям, начинают только лишь с 1 ноября.

Ночь уже давно спустилась над землей, тихая прохлада веяла в растворенное окно моей комнаты; в селе выли и лаяли собаки. Я долго не мог уснуть: перед моим умственным взором вставали картины и образы виденного и слышанного во все время пути по р. Конде <...>.

Публ. по: Шульгин С. Кондинский край. Архив ТГИАМЗ. № 75.
Л. 1–12, 16–35 об., 37 об.–38. Публикуется впервые

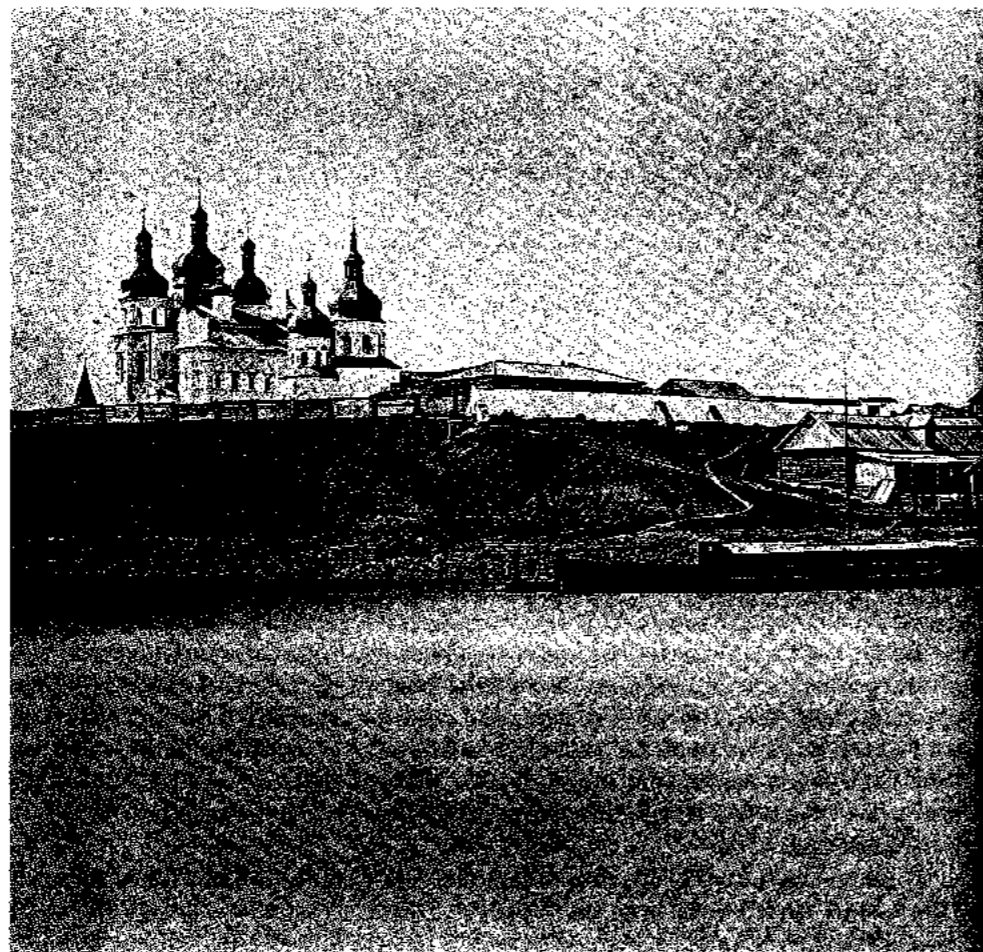
№ 38. 1902. – Дунин-Горкавич А. Описание поездки на р. Конду (Извлечения)

(С. 1) I. Поездка на Конду

В мае 1902 г. в печати появилось сообщение, что возникло ходатайство о постройке железнодорожной линии, долженствующей соединить Богословские заводы с Пермь-Тюменской железной дорогой. При осуществлении этого проекта реки Сосьва и Кама были бы соединены рельсовым путем. С первого взгляда на карту видно, что расстояние между Филькинской пристанью (на Сосьве) и верхним течением реки Конды – с небольшим 200 верст.

В настоящее время правильное движение грузов по транзитному пути Обь – Кама тормозится усиливающимся год от году мелководием р. Тобола и Туры. Чувствуется настоятельная нужда в изыскании другого, более удобного, пути, причем, естественно, является мысль, что для такого пути могла бы послужить р. Конда, если бы соединить верхнее ее течение с проектируемой железнодорожной линией. Но вот вопрос: что из себя представляет река Конда в отношении судоходства? Существующий скудный печатный материал о р. Конде не дает никакого ответа на поставленный вопрос. Да и собранные мною по этому вопросу предварительные сведения мало уяснили для меня сущность дела. Оказалось, что судоходство по р. Конде возникло недавно. До 1896 г. (С. 2) для инородцев, живущих по р. Конде, казенная мука, в количестве 7–8 пудов, ежегодно доставлялась на барже, приводимой в движение рабочей тягой.

Первый пароход, поднявшийся вверх по Конде, был «Доброжелатель» Обрубова, зафрахтованный в 1896 г. купцом Сыромятниковым для доставки казенной муки. Затем последовательно поднимались вверх по р. Конде следующие пароходы: «Три святителя» В. Я. Смороденникова и паровой катер Ширинкина «Коля», перевозивший товар тавдинского торговца Зуева. При этом «Коля» прошел по Конде осенью с осадкой на 5 ч[етв]т[вертей], проследовав до р. Тетера. В следующем 1900 г. во второй раз заходил «Доброжелатель», проследовавший до с. Нахрачинского. В 1901 г. доходил до с. Болчаровского «Подарок» Андреева. Весной того же 1901 г. пароход торгового

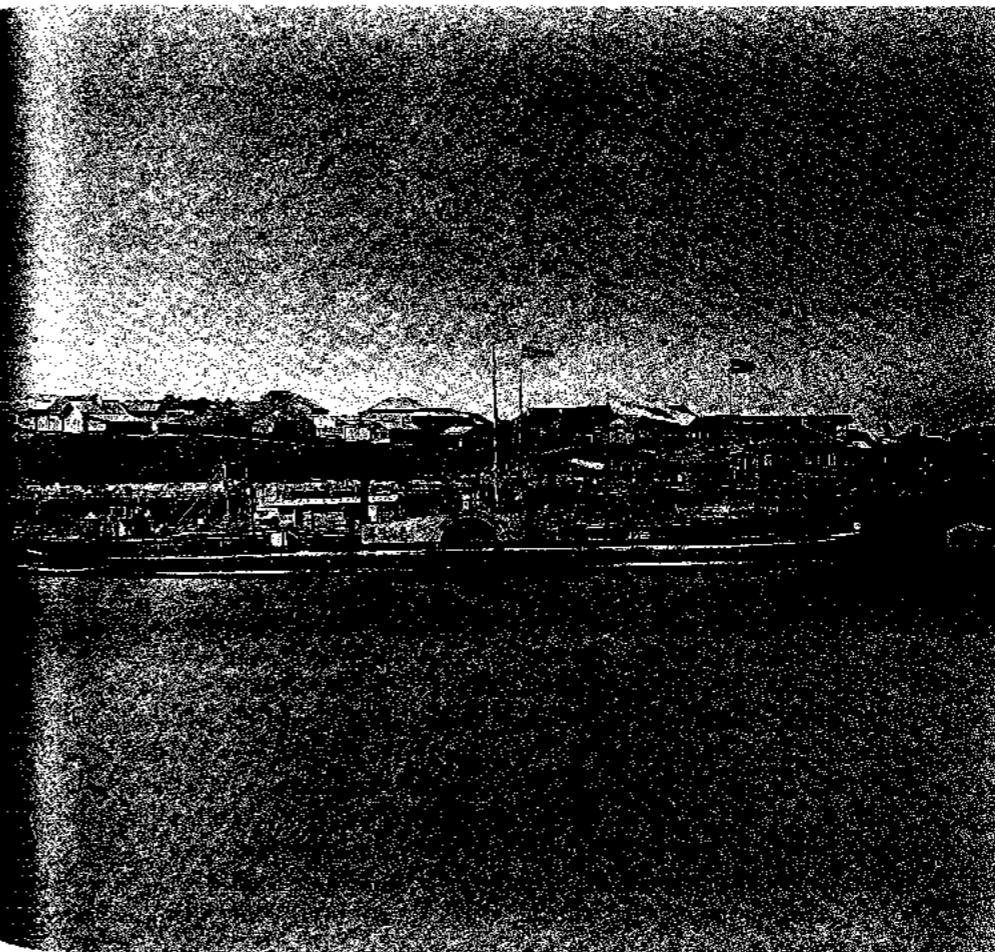

97. Пароход и баржа
у пристани на Оби. 1897 г.

дома «М. Плотников и С-ья» «Березовец» с грузом казенной муки поднялся выше всех заходивших в р. Конду пароходов, именно до с. Леушинского, лежащего на границе Тобольского и Туринского уездов.

В июне 1902 г. тот же пароход «Березовец» должен был идти с грузом казенной муки в р. Конду до с. Леушинского. Крайне заинтересованный вопросом об изыскании более удобного направления транзитного пути, я воспользовался представившимся случаем, тем более что торговый дом «М. Плотников и С-ья» любезно предложил мне, если не встретится никаких препятствий, подняться по р. Конде далее с. Леушинского.

Отъезд наш из Тобольска состоялся 14 июня. «Березовец» вел на буксире две баржи с казенной мукой, для разгрузки которой делались довольно продолжительные остановки на некоторых попутных пристанях. Вследствие этого мы прибыли к устью р. Конды лишь 19 июня. В с. Базьяновском была оставлена одна из следовавших за пароходом барж. В ночь на 20 июня «Березовец», имея на буксире баржу на 7 четв[ертей] осадки, с 2500 п[удами] груза двинулся по Усть-Кондинскому сору. Дул попутный ветер, и поэтому пароход шел со скоростью 8 вер[ст] в час. К утру мы значительно подвинулись вперед, но в половине (С. 3) шестого встретилось непредвиденное зат-

руднение. Дело в том, что весенний подъем воды значительно увеличил ширину Усть-Кондинского сора (до 5 верст), так что фарватер реки найти было довольно трудно. Плохо ориентировался в местности и взятый лоцман – болчаровский остяк. Вследствие этого пароход двинулся вперед неуверенно, часто натываясь на гряды. Приходилось делать частые остановки, бросать баржу и искать русло реки, которое к тому же в этой части, по словам лоцмана, извилисто. Положение ухудшалось вследствие усиливавшегося ветра, который поднял значительные валы, затруднявшие движение парохода. Потратив около шести часов на рекогносцировку и разыскание

фарватера и найдя, наконец, последний, в полдень двинулись вперед. Через 1 ½ часа прошли мимо Камовских юрт – конечного пункта Усть-Кондинского сора, имеющего в длину 45 верст. Начиная от этих юрт было решено производить систематические промеры реки против населенных пунктов и более заметных мест. Промеры против ю[рт] Камовских дали глубину 12–15 аршин. За Камовскими юртами Конда мало-помалу теряет характер сора: берега сдвигаются, островков, усеивающих сор, попадается меньше. Приблизительно на половине расстояния от Камовских до Алтаевских юрт течение Конды имеет вполне речной характер. Берега довольно плоские, изредка попадаются береговыя увалы нсмого выше сажени. С обеих сторон Конда окаймлена лесами; из лесных пород чаще всего встречается сосна, реже – береза и осина. Поражает обилие лугов. Они встречаются по обеим сторонам реки и оживляют пейзаж своей зеленью.

Утром 27 июня пароход прибыл в с. Леушинское. Село это расположено на яру до 7 саж[еней] высотой. В с. Леушинском должна была производиться последняя сдача казенной муки. Оставив здесь баржу для разгрузки, в 1 ч. 17 м. пополудни мы на «Березовце» отправились далее и поднялись по р. Конде до с. Шаимского, куда прибыли 28 июня в 10 ч. 27 м. утра. Таким образом, мне удалось подняться на пароходе по р. Конде на 705 вер. и достигнуть пункта, далее которого правильная навигация невозможна.

(С. 4) Пробыв в с. Шаимском около 2 час., мы в 12 ч. 25 м. пополудни отправились обратно вниз по Конде и в 7 час. утра следующего [дня] – 29 июня прибыли в с. Леушинское.

Баржа была почти разгружена, так что нам недолго пришлось ждать конца работы, и в 10 ч. 40 мин. «Березовец» снялся с якоря. Мы довольно быстро подвигались вперед, так как шли с пустой баржей и по течению.

Утром 1 июля мы прошли Камовские юрты и вступили в Усть-Кондинский сор. До сих пор, начиная от с. Леушинского, пароход шел со скоростью 10 вер. в час. Как и одиннадцать дней тому назад, Усть-Кондинский сор неприветливо встретил нас. Небо хмурилось; изредка выглядывало солнце, прорывая пелену облаков. Дул сильный ветер, поднимая навстречу пароходу широкие волны и задерживая его ход. Усть-Кондинский сор широк, поэтому в сильную погоду волны на нем довольно значительны, так что нам пришлось закрыть окна в каютах. На этот раз мы благополучно продвигались вперед, не натываясь на песчаные гривы и откосы. Лоцман, наученный предыдущим опытом во время нашего пути вперед, прекрасно ориентировался в местности, и производимые через каждые 2 мин. промеры показывали глубину не менее 3 саж. В 4 часа дня «Березовец» вступил в Иртыш, и мы распростились с Кондой. <...>

(С. 12) IV. Экономическое положение населяющих берега Конды русских и инородцев

Верховья Конды в Березовском уезде не заселены вовсе, в Туринском же уезде заселена не только Конда, но и ее притоки; в Тобольском уезде население группируется почти исключительно по берегам Конды и по речкам, впадающим в реку Юконду.

Конду заселяют вогулы, исключая нижнее течение, где, приблизительно от устья Вая, проживают остяки, составляя отдельную волость – Меньше-Кондинскую (Тобольского уезда).

В административном отношении вогульское население Конды делится на три волости: Верхне-Кондинскую и Больше-Кондинскую в Туринском уезде и Кондинскую в Тобольском уезде.

В описании экономического положения русских и инородцев, населяющих берега реки Конды, я коснусь только тех из них, которые проживают в Тобольском уезде, так как судоходная часть Конды находится главным образом в пределах этого уезда.

Волость Меньше-Кондинская. У остяков низовьев реки Конды, Меньше-Кондинской волости, земли поделены между (С. 13) отдельными селениями, причём владение сенокосами подворное, а остальными угодьями – общинное.

Русские живут в Меньше-Кондинской волости на правах арендаторов и платят кортом. Полный годовой арендный пай, состоящий в праве пользо-

98. Амбары. Юрты
Красноярские (Меньше-
Кондинская волость). 1910 г.

вания, наравне с вотчинниками, сенокосными и рыболовными угодьями, звероловством и сбором брусники (причем бруснику могут собирать 2 человека), стоит 12 руб. При этом арендатор не имеет права один, без вотчинников, производить промысел и только для сенокосения избирает время сам. Права на бесплатное пользование угодьями русские не получают и в том случае, когда они живут в известной местности целые десятки лет.

Жители этой волости земледелием не занимаются, но разводят некоторые овощи. Впрочем, лет 10 тому назад была сделана первая попытка к земледелию в с. Болчарах.

Обыватели с. Болчар – остяки и русские – сажают в огородах картофель, репу, лук, капусту и огурцы, но в незначительном количестве. Овощи вырезают вполне. В других поселениях (юртах) изредка сажают только картофель.

Скотоводство ограниченное: лошади, коровы, изредка овцы. Скотоводству в данной местности благоприятствует обилие лугов, часть которых нередко остается неиспользованной. Луга – без кочек; из трав на них растут пырей и осока. Лошадей остяки держат до 10, коров – до 12 голов. Безлошадные – редкое исключение. Еще реже можно встретить остяка, не имеющего коровы. Овец держат только в с. Болчарах и ю. Летняя Пушта, от 2 до 10 го-

лов. Разведению овец препятствуют охотничьи собаки, которых обыкновенно держат без привязи. Собак у каждого домохозяина имеется 2–3. Домашней птицы остяки не держат. Свины есть только в Болчарах у некоторых домохозяев, и то лишь по 2–3. Свиного мяса многие остяки совсем не едят. Продукты скотоводства – молоко, масло, мясо – потребляют сами. Лошадьми не торгуют.

(С. 14) Кроме двух русских торговцев из Меньше-Кондинской волости возят свои продукты для сбыта в Тобольск и более зажиточные остяки, прикупая иногда часть продуктов у однообщественников.

Главный контингент ямщиков, вывозящих кладь с Конды, составляют русские с берегов Иртыша. В незначительной степени в перевозке кладей участвуют и местные инородцы. Из промыслов главную роль играет рыболовство, затем сбор брусники и, наконец, звероловство.

На первом месте по значению для местных инородцев из рыб стоят щука и язь, затем следуют окунь, ерш, чебак, сорога; изредка встречается нельма, еще реже – налим. Зимой в чердаках попадает мелкая стерлядь и лобарь (мелкий осетр).

Здесь много озер, изобилующих рыбой (щука, окунь, карась). Есть даже озера, в которых водится сырок.

Брусничный промысел довольно значителен. Брусника в описываемой местности собирается в борах. Население каждого юрта имеет свои боры, число которых достигает при некоторых юртах 20. Так как брусничник по истечении 5–6 лет стареет и дает мелкую и редкую ягоду, то для поднятия производительности ягодника боры весной, через 7–8 лет, выжигают. Хотя новый брусничник появляется в ту же весну, но ягоду дает только через 3 года. При богатстве края брусничной местное население не в состоянии использовать все брусничники. Поэтому право сбора брусники у кондинских инородцев арендуют крестьяне волостей Демьянской, Юровской и Уватской Тобольского уезда. Брусника продается на месте заезжим торговцам.

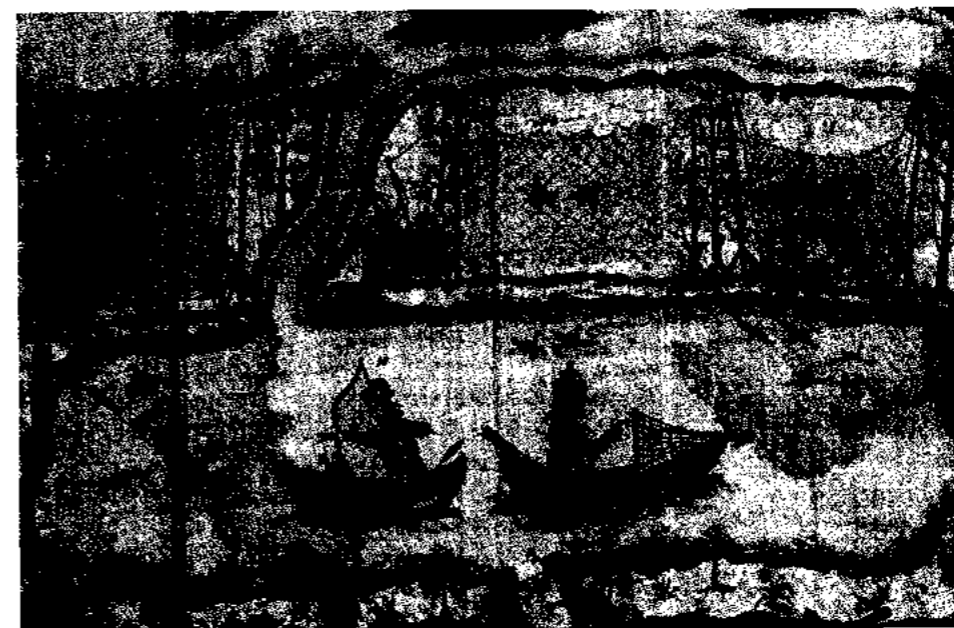
Из пушного зверя в последнее время стали добывать куницу, появившуюся в здешней местности года 2 тому назад. Соболя же здесь не водится. Лисицы добывают обыкновенно 1–2 шт. на хозяина, редко штук 5. Белки в осень бьют по 100–200 штук на ружье. Росомаху, выдру и медведя добывают редко. Чаше бьют лося, а еще чаще – оленя; последнего почти всякий. Сторожевой лук как орудие охоты здесь совсем не употребляется.

(С. 15) Утку добывают в плохах¹ перевесами (рис. 99), на воде – пленками². Глухаря и тетерева добывают слопцами шт[ук] по 100 на хозяина, но не продают. Рябчика бьют мало, продают в незначительном количестве.

Волость Кондинская. У инородцев Кондинской волости замечается разнообразие в формах пользования угодьями. Так, в с. Нахрачинском и остальных юртах Кондинской волости, за исключением юрт Есаульских, владение сенокосами подворное, а рыболовными и звероловными угодьями, брусничниками и кедровниками (последних в с. Нахрачинском нет) – общинное. В юртах же Есаульских, хотя владение сенокосами, рыболовными и звероловными угодьями подворное, но пользование брусничником (он один в этих юртах) и двумя озерами – общинное. В с. Леушинском владение пахотными, луговыми и звероловными угодьями подворное, а остальными – общинное.

Русские, проживающие в с. Нахрачинском, платят инородцам за право жительства 3 рубля с души, причем им разрешается бесплатная пасть-

ба скота и дроворуб. Права на бесплатное пользование остальными угодьями русские не приобретают и в том случае, когда платят аренду уже более ста лет. Между тем они участвуют в исправлении дорог и несут междворную повинность. Русское население села Нахрачинского арендует угодья в других вотчинах. Годовая арендная плата на промыслы следующая: рыболовный (арендуют пески) до 20 р., сенокос 1 р. за 100 копен, брусничник 3–4 руб. с души, кедровый орех 4–5 руб. с души. За право охоты русские не платят, но должны давать пай из добычи, если на убитого зверя приходят инородцы.

99. Ловля уток перевесами и охота на них с луком. Фрагмент рисунка Н. Шахова. Первая половина XIX в. МАЭ

Жители этой волости, так же, как и Меньше-Кондинской, земледелием не занимаются. Первую попытку в этой области сделал крестьянин Попов, который сеет хлеб (рожь, овес, ячмень) в вотчине инородцев юрте Вачкуровских. Хлеб вызревает вполне.

В с. Леушинском несколько домохозяев сеют хлеб: рожь, ячмень, овес. Урожай овса сам-6, ячменя сам-7, ржи сам-9–10.

(С. 16) Жители Кондинской волости разводят некоторые овощи. Обитатели с. Нахрачинского – русские и вогулы – сажают в огородах картофель, репу и огурцы. В остальных поселениях этой волости все инородцы сеют только картофель.

В Кондинской волости овец держат все и во всех юртах, исключая юрты Панькиных. Продукты скотоводства потребляют сами.

Соболя и куницы здесь немного. Лося бьют мало, оленя – порядочно. Лука сторожевого как орудие охоты не употребляют.

В верховьях р. Конды есть приток – небольшая речка Нерех, в которой водятся бобры.

Публ. по: Душин-Горжачев А. А. Кратчайший транзитный путь Обь – Кама // Русское судоходство. 1903. № 7. С. 1–4, 12–16

¹ Плохи – поросшие лесом перешейки между водоемами.

² Т. е. петлями.

... (Л. 11) Ночь на 21-ое [мая] мы провели в Тюлиной, где отдали напечь хлеба, а днем 21-го числа чинили нашу лодку, прилаживали получше палатку и, покончив со всеми этими работами, поплыли к Усть-Кондинскому выселку.

Лет 30 тому назад, как говорят старожилы, Усть-Кондинский выселок «Борки» был в цветущем состоянии; находясь у устья Конды на Иртыше, он был станцией для пароходов, поставкой продуктов на которые жили (Л. 12) борковцы в летнее время, для пароходов они же запасали дрова и т. д. Но буйный Иртыш пробил себе новое русло, продвинувшись к Тюлиной, и теперь только дымок вдаль говорит борковцам о том, что где-то движется пароход.

Проехав верст 8 по старице, мы остановились у Борков и вышли на берег, где нас ждала толпа крестьян, желавших узнать, кто мы такие, ибо они предполагали, что мы торговые, т. е. возим в каюке всякий мелкий товар.

Они оказались все дельными развитыми крестьянами с большой инициативой, с планами широкого хозяйства, но отсутствие рынка сбыта продуктов, недостаток сенокосов, рыбных угодий и т. д. мешает им поднять свое благосостояние.

Простояли мы в Борках очень недолго, стоворились с ними насчет кое-каких продуктов, обещали им в праздники приехать с аппаратом и снять с них фотографии, а затем простились; мы хотели во что бы то ни стало сегодня ночевать на Конде, до которой оставалось всего 2 версты.

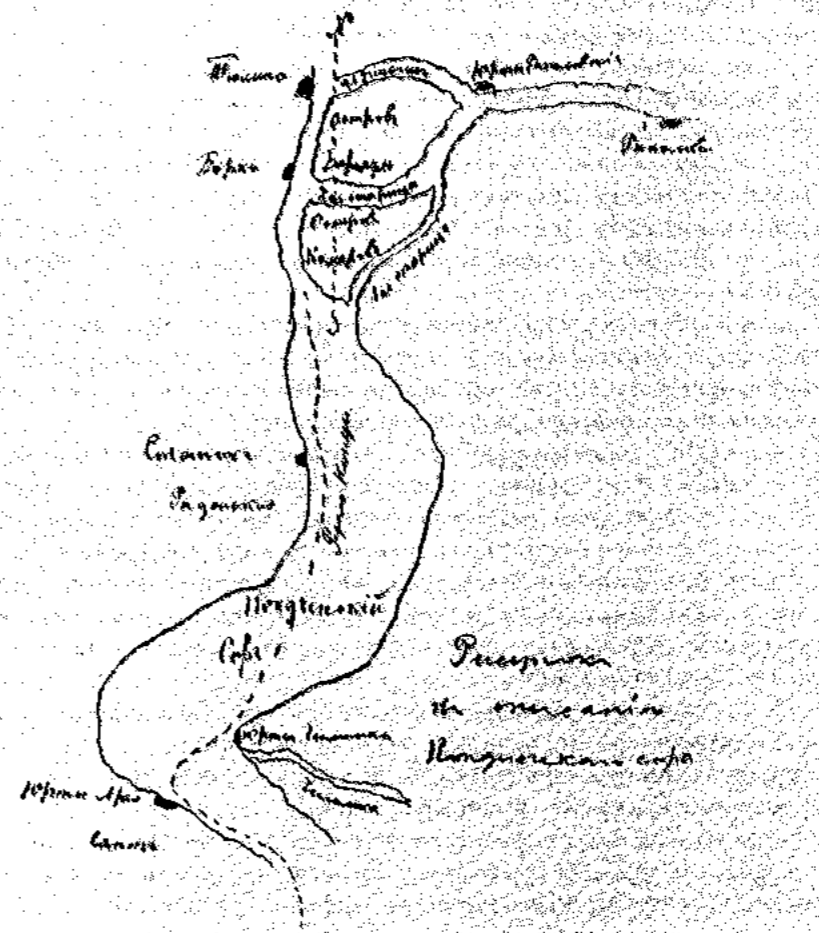
Когда мы вошли в Конду, было уже очень поздно, и в темноте (несмотря на высокую северную широту, здесь по ночам уже было порядком темно) не разобрали ее начала, а выехали гораздо дальше и, увидев полянку, окруженную сосняком, остановились у ней на ночлег.

Выскочив в лес, мы сразу погрузились в болото; вода забегала в бродни, и почва под нами сильно колебалась. Но мы решили ночевать на нем и стали устраиваться. Для этой цели мы нарубили молодых сосенок, выстлали из них и ветвей помост, а на нем разложили постели и поставили полог. Легли мы спать даже без чая.

Встали мы рано утром, и я с Рецким пошел на охоту в лес. Лес оказался рямником, стоящим на болоте, и в нем там и сям блестели «лывы» – небольшие пространства воды. Кое-где в лесу кричали утки, вероятно, под сенью трав выводя птенцов, но найти мы их не могли. Видя бесплодность ходьбы по лесу, мы разделились – Рецкий ушел искать озер в лес, а я пошел (Л. 13) берегом реки вниз по течению, взяв с собою сетку для ловли бабочек.

Разбежавшись в одном месте, ловя красивую желтую лимонницу, я вдруг спугнул из-под обрыва утку и, бросив сетку, выстрелил в нее, когда она взлетала в воздух. Утка полетела в реку, и я стал тормозить нашего песика Ранко, понужая его идти в реку. Но пес выл, отбивался и убежал от меня, а мне оставалось лишь смотреть, как утка уносилась вниз по течению. Пришлось уходить на стоянку ни с чем.

А на стоянке в то время товарищи решили разделить на 3 пары. Бабкину с Рецким ехать на гриву, где было видно сухое место. Агапьеву с Годоминым ехать в деревню за продуктами, а мне с Мироновым заняться съемкой устья Конды.

100. М. Г. Корсунский.
Рисунок Кондинского сора.
1908 г.

Для съемки я решил на той поляне, где мы стояли, выбрать базу так, чтобы из ее концов можно было заснять другие точки на реке, и, выгрузив наши инструменты, мы принялись за работу, а обе лодки двинулись вниз по течению на новую стоянку.

Отложив и вымерив базу, мы взяли углы между ней и направлением на несколько точек из ее концов, поскольку мы могли их заметить на другом берегу реки, и, окончив нашу работу, которую пришлось производить под тучей комаров, вернулись на стоянку вдоль берега реки, ярко освещенного солнцем. Здесь я ногой наступил на 2 гадюк, гревшихся на солнце, но они оказались очень миролюбивыми и с шипением поползли от нас по обрыву, а мы несколькими ударами кола умертвили их и на палке понесли одну как трофей на бивуак. Это был крупный экземпляр около 1 1/2 аршина длины и в 2 1/2 дюйма в окружности, черного цвета, с голубым оттенком брюха. Другую убитую змею мы не взяли, она куда-то девалась; эта была самой обыкновенной формы, серо-бурого цвета, с шахматной полосой на спине.

На стоянке уже варился обед, когда мы пришли на нее. Рецкий овладел умением ловко ставить переметы и в первое же утро добыл немного стерлядей и «лобарей» (недомерок осетра). Они-то и угодили теперь в нашу уху с грудой мелких окуньков. (Л. 14) Там же лежал оципанный и опаленный мною

чирок (мелкая порода уток). Его подбил ехавший мимо старик крестьянин и доставил его нам на стоянку.

Поевши ухи, мы занялись осмотром берега Конды. В этом месте он крут и обрывист, сквозь черную воду Конды видны были красные глыбы ортштейна – цементированного железной окисью песка. Они здесь настолько тверды, что ими заменяют камни в грузилах у неводоов. Позже мы встретили еще более твердые образцы ортштейна. Сверху лежал над ним желтый песок и, наконец, подзолая почва. Слой почвы был очень тонок. Вокруг этих островков (грив) лежали топкие торфяниковые болота, и слой торфа виднелся у берегов.

22-го и 23-го числа к нам присезжали борковские крестьяне с различными просьбами, а Агапьев ездил к ним, снимал фотографии, и на этом деле мы заработали около 3 ½ рублей. Так что наши сильно уменьшившиеся благодаря закупке хлеба финансы опять поправились.

Днем 23-го числа мы ходили в лес изучать строение и направление грив. 24-го числа я схватил флюс и положил себе компресс, а потому мы работ никаких не вели, да и денек выдался прескверный – мелкий дождь зарядил надолго. Легли мы вечером спать в пологах, а к утру уже вся постель промокла, хоть выжимай. Пришлось перебираться в расставленную под дождем палатку. В ней было сухо, но зато комарики тоже оценили это качество и прилетели спасаться и кусаться. От них приходилось укрываться с головой и свертываться калачиком.

26-го мой флюс почти прошел от сильной смазки камфорным спиртом, и около полудня мы отправились втроем на лежащее в глубине мыса озеро Архиерейский сор, захватив буры, инструменты для съемки и т. п. Бабкин в то же время взял ружье и пошел на охоту.

Архиерейский сор представляет очень живописную местность – вдали на горизонте видны боры, посреди его лежит торфяной островок. Оно очень мелко, и песчаное дно его покрыто торфом с прослойками ила. Торфа здесь немного. Поверхность дна сильно искривлена и имеет следующую форму: --. На берегу у него стоит рыбацья избушка и валяются ряды старых переметок; здесь весною промышляют окуней и язей, щук, (Л. 15) изобилующих в самой Конде, в нем мало.

Кое-как удалось нам снять озеро на план, но когда я отправился брать пробы его заболоченной части, то не выдержал и прошел буром вглубь лишь около ½ аршина. Комары и мошка обложили меня страшно, все лицо зудело и горело как в огне, а руки представляли сплошную искусанную массу, ни керосин, ни скипидар, которыми мы натирали лицо и руки, не помогали; враг был страшно настойчив – пришлось уходить из этих зланных мест.

Возвращались мы домой очень поздно. Тропинка меж кочек пушицы исчезла из глаз. Мы и не заметили, как попали в заросли берез на болоте и побрели по колена воде, а теперь еще полил дождь, и с сотрясаемых нами деревьев струи воды лили за воротник, в бродни и т. д. Голодны мы были страшно. Видя, что лес все густеет, продираться сквозь чащу становится все трудней, я решил, что надо идти влево, и пошел. Годомин же держался старого пути, а Миронов утверждал, что надо идти вправо.

Я шел недолго и вышел на место ночевки первого дня. Напрягая все силы, я закричал Годомину, чтоб шел ко мне. Он услышал и пришел. Тогда мы стали звать Миронова. Он откликнулся, но, видимо, продолжал свой путь. Мы пошли на стоянку. Придя к ней, мы оказались одни. Агапьев с

Рецким осматривали переметы, а Бабкин еще не приходил. Мы сварили чаю и напились, съев с ним около 4 фунтов хлеба – в этот день это был весь наш обед. Когда вернулись Агапьев с Рецким, то оказалось, что они ничего не поймали. Вскоре в лесу вдали показался огонек, это Миронов разложил костер – он, видимо, решил ночевать в лесу, а Бабкина же все не было. Мы легли спать.

Утро 26-го числа было ясное и теплое. Стерлядь в такие дни любит играть у поверхности, и Рецкий наловил ее несметное количество. Уха была очень хороша. Миронов пришел поутру и был очень доволен ею после голодной ночи на болоте, но отсутствие Бабкина нам причиняло (Л. 16) уже сильное беспокойство. Хотя мы думали, что он, вероятно, ушел в деревню, куда нас ежедневно звали в гости, но боялись и других возможностей. Тогда мы собрались решать, как быть, дать знать по деревням, но самим нам предстояло ждать его 12 дней, если он не отыщется раньше. Леса мы совершенно не знали и, рассчитывая идти искать его самим, сильно сомневались в успехе. Когда к ночи он не пришел, мы составили две группы, я с Агапьевым пошли направо в лес к деревне, а Годомин с Мироновым – налево. Рецкий остался дежурить на стоянке.

Запаслись мы компасами, Годомин взял шагомер, взяли ружья и пошли. Взятое мною вместе с Агапьевым направление не дало нам возможности долго следовать ему. Кочки, лывы и зыбуны были на каждом шагу, и кругом было тихо, страшно тихо, никто не откликнулся на наши выстрелы, лишь совы и филины кружились над нами, да кое-где крикала утка.

Вот показались болотные «окна», нога стала уходить все глубже, пришлось переменить направление; мы стали обходить трясину. Но ей конца не было. Вот вдали уже показалась темная гладь Архиерейского сора, а трясина уходила на северо-восток, прижимаясь к озеру. Дали мы сигнальный выстрел и в ответ услышали какой-то крик в трясине. Мне показалось, что это кричит наш товарищ (в душе я был уверен, что он сидит где-нибудь в такой трясине, облепленный комарами), и я бросился по кочкам в трясину, думая, что бегу на помощь, но крик больше не повторялся, и я вернулся в лесок, набрав полные бродни холодной воды и попав чуть не по пояс в болото.

Пришлось мне сесть на кочку, снять бродни и выжать белье, иначе тяжело было бы ходить по кочкам. Одевшись, мы снова продолжили наши поиски. Но сперва мы решили выйти на берег реки, чтобы точно сориентироваться; что мы и сделали.

Дальше пошли мы по берегу, пугая спавших под обрывом в песчаных гнездах стрижей и давя попадавших под ноги гадюк. Пройдя с час времени, вышли на какой-то небольшой сорок, покрытый камышом и заросший березами. Здесь мы снова услышали какой-то шум, (Л. 17) точно стадо оленей неслось по отдаленной тропе.

Несмотря на беспокойство и усталость, забилось от радости сердце, и тихо, чуть не ползком, пошли мы по березнякам, подкрадываясь к месту, где был слышен шум. А он все усиливался, все приближался. Вот он уже около нас, а оленей все нет. Осмотревшись, мы увидели, что на берегу озера из-под почвы бежит болотный ключ, и пузырьки воздуха с шумом вырываются из-под земли. Попробовали мы понюхать выделявшийся газ, поджигали спичку, чтоб убедиться, не с болотным ли газом или с углекислотой мы имеем дело. Но спичка спокойно горела, газ запаха не имел, и мы решили, что это

просто поглощенный и выделяющийся теперь воздух, хотя пожалели, что по недостатку посуды не можем взять пробу воды и того газа.

Походили мы еще с час по гривам и болотам и под утро, часов около 5, вернулись на бивуак, где сидел у огня один Рецкий и чуть не плакал от беспокойства. У Рецкого чувствительность доходила часто до крайних пределов. Но делать было нечего, оставалась одна надежда на Годомина с Мироновым. Я постелил себе постель в пологу и заснул глубоким сном. Во сне я видел то, что Бабкина разорвал медведь, то, что на нас движется болото, и всякую другую чепуху.

101. Переправа участников «экскурсии» через болото. Фотография М. Г. Корсунского. 1908 г.

Проснулся я от выстрела, раздавшегося в лесу. Я вскочил с постели и прислушался: вот другой, третий и затем ответный выстрел Рецкою со стоянки. То был условный знак: три выстрела означали, что нашли Бабкина. Я вскочил в одном белье на площадку, где был наш бивуак, а здесь уже танцевал от радости Рецкий, а Агапьев бежал в лес навстречу товарищам.

Вот показались они из лесу, ведя под руки Бабкина. Он еле волочил ноги и, придя к нам, сразу завалился спать. Оказалось, что, поплутав в лесу у Архиерейского сора, он зашел далеко на другое озеро – Пеньков сор. Нашел там лодочку, переехал на ней через озеро и, наконец, вышел на Конду верстах в 7 выше стоянки, и вернуться пешком он уже не мог.

Первую ночь он провел на берегу реки, а на второй день голодный и усталый (Л. 18) снова переехал через Пеньков сор, вернулся на Архиерейский, но найти дорогу обратно не смог. Проходив весь день и часть ночи, он поутру набрел на рыбацью избушку и, обессиленный, повалился в ней на землю. Догадался он свой платок с написанными на нем углем словами: «В избушку войдите, человек умирает» повесить на дерево на берегу озера. Но до того устал, что даже на живших в избушке гадючек не обратил уже никакого внимания. Расстреляв все патроны, он лишь один пульный оставил для себя, чтобы в крайнем случае покончить со страданиями голода. При нем не было

ни куска хлеба, а болотная ягода (морозка, голубика) еще только цвела, и воспользоваться ею он не мог.

Нашли его товарищи по оставленному на берегу платку, иначе они бы его никак не стали искать в этой избушке, всего в 2 ½ верстах от стоянки. Они смогли дать ему только кусок хлеба, ибо подкрепляющих жидкостей мы не взяли – слишком уж малы были наши средства.

28-го числа провели опять в работах, измерили глубины Конды и Иртышской старицы при их слиянии в половодье и составили прожим реки. Поставили веши для определения высоты спада воды разлива, набрали образцов слоев, слагающих гривы и болота в устье Конды, и, выехав на лодочке на середину Конды и Иртышской старицы, взяли пробы воды. Линия, отделяющая эти две реки, ясно заметна: черная, богатая солями вода Конды и светло-серая вода Иртыша не сразу смешиваются между собой, а долгое время текут рядом, и граничащая линия «черной» и «белой» воды служит даже межой рыбных угодий села Реполово и кондинских остояков.

Не так удачно нам досталось определение скорости течения. Рецкий уехал на лодочке вверх по Конде и в условленный момент с точно определенного расстояния бросил в воду три здоровенных бруска, а мы, напрягая зрение, в подзорную трубу и бинокли высматривали, не появятся ли где-нибудь наши поплавки. Но проходили минуты за минутами, прошел почти час, а их не было. С расстояния в 200 сажен (приблизительно) они не пришли к устью реки. Оказалось, что их прибило к берегу где-то (Л. 19) посередине пути. Так же неудачны были и вторые пробы, но из них было видно, что скорость реки здесь очень мала, не более ½ версты в час. Крестьяне говорят, что скорость так незначительна лишь во время разлива, и то, когда вода спадает, в устье Конды быстрина порядочная.

Покончив с работой в устье Конды, мы продолжали нашу поездку и, выехав 29-го днем, за три часа добрались до следующего станка на пути – Реденького.

По дороге в Реденький, недалеко, верстах в 2–3 от устья, река страшно разливается. Берега отодвигаются друг от друга, и перед путником расстилается почти всегда волнующаяся ширь озера – Кондинского сора. Ширина его доходит до 6 с лишком верст в половодье, а когда спадает вода, то на месте сора остается довольно широкая, быстрая, вьющаяся змеей река да ряды «гольцов», покрытых илом. Мы очень жалели, что высокая вода этого года и поздний спад ее не обнажили гольцов, ибо здесь можно полагать большое поле для изучения речных дельт. Известно, что когда-то Иртыш подходил к Кондинскому сору. Предания остояков еще говорят об этом. И Конда тогда оканчивалась гораздо выше, но постепенно река занесла половину сора песками и глинами, а Иртыш уже дважды передвинул свое русло.

Незатейлив ландшафт на левом берегу Конды в ее устье. Торфяники и гривы с ортштейном скоро сменяются пологим берегом, прерываемым только речками Окуневой, Щучьей и Черной, текущими из расстилающихся за лесом озер Пенькова и Черного сора.

Лес в устье сумрачен и бесцветен в серые дни, но яркие лучи солнца заставляют и его блистать зеленым таинственным убором деревьев, и журчание воды, текущей из болот, напоминает о чистых холодных родниках. Только терпка и неприятна на вкус вода этих болот, и, принципиально обходясь без фильтра, я часто ругал эту скверную гадкую воду, когда пил ее из лесного болотца. Но надо думать, что она достаточно чиста от бо-

лезнетворных начал, чего нельзя сказать о воде осоковых луговых (Л. 20) болот.

В Реденькое приехали мы очень поздно, ибо часто отдыхали по пути, то осматривая рыбачьи избушки, то сходя в лес, надеясь убить что-нибудь. В сумрак ночи мы не различили издали домов на крутом берегу и еще в полуверсте от них спорили о расстоянии до станка.

Пусто было вокруг, только собаки выли при нашем приезде, и мы в тиши устроились на песчаном берегу. Я задумал было сходить на земскую, попросить ночлега, чтобы ночью вычертить карту и составить свои записки. Днем во время гребли совершенно немисливо было писать – отрываясь от гребей, я заставлял всех братья сильнее за весла, а это было не очень удобно.

Но мой план сразу был разрушен. Старуха земкарша сильно испугалась нас, особенно потому, что страшный вид Бабкина и его слова «нас шестеро» не внушили ей доверия, и хотя велела приходить спать на земскую, но после ухода нашего заперла двери и забралась на вышку. Так мы и остались с носом и понесли свой скарб снова на берег. На открытом песчаном берегу хорошо было спать, комары и мошка не любят ветра и предпочитают чащу лесную и защищенные гривами болота и луга.

Ночку эту мы проспали основательно, и жители раз 5 являлись к нам знакомиться, и лишь около 12 часов напili нас на ночевке. Первым делом обратились мы к ним с расспросами о станке, количестве жителей, промыслах и т. д. Все жители (половина русские) оказались очень разговорчивыми, наперебой звали к себе в хибарки и затем принесли нам сочной оленины, так что мы оказались в состоянии сварить мясную похлебку, а это было весьма кстати после долгого рыбного сидения.

Станок Реденький очень давний станок, никто из обитателей не помнит, когда он основался, но жильцов своих он менял уже не раз. Остязки селения Чилимки сдают его в кортом какой-нибудь русской семье. Она приезжает на лодках с домашним скарбом, со скотом, с телятами и саями. Строить здесь жилье и обзаводиться (Л. 21) хорошим хозяйством нет той семье никакого смысла. Через 3 года, когда кончится кортомный срок, она будет зависеть всецело от желаний остяков продолжать сделку и от количества выпитой ими водки. Поэтому кое-как сколачивает себе новоявленный фермер хибарку и несколько пристроек для скота (зачастую лучше хозяйского жилья) и начинает промышлять. В конце года, съездив в Тобольск, он начинает подсчитывать, выгодно ли ему жить здесь, и если да, то он начинает ублажать остяков и остается на кортому, а нет, то не великое ли дело погрузить свое хозяйство в завозни (род больших развалистых лодок) и отправиться либо домой, либо дальше «в остязки». Кортомщик этого года уже сам сдал часть угодий в аренду, но между ним и новоприбывшими семьями происходят вечные споры.

Покончив со сбором статистики, мы стали распределять работы на день. Мне пришлось идти вычерчивать съемку 1-го участка (Усть-Конда – Реденькое) и писать записки, и я поневоле должен был забраться в избушку Степана Ивановича (нового кортомщика) и здесь на маленьком столике расположился работать. Другие же пошли на охоту, чтобы пополнить наши запасы, а Бабкин после своего блуждания уже не хотел идти в лес с ружьем. Он предпочел дремать в палатке.

Семья Степана чрезвычайно благоговейно отнеслась к моей работе и все время старались вести себя спокойно, хотя это им не всегда удавалось. В ком-

нате стояла страшная жара от топившейся печи, где должны были печься хлебы на дорогу, и комары, ворвавшиеся через щели, давали концерт, но я осилил себя и проработал весь день и всю ночь на 30-е число. Товарищи вернулись с охоты, принеся уток – «чернядей», как здесь звали убитую породу и чирков, а Миронов тащил дроздов и куликов. Варено на следующий день готовилось хорошее, но в тот день мы удовлетворились похлебкой из оленины и чаем с хлебом.

Окончил я работу уже к 3 часам ночи, когда на дворе светало, и вышел на берег реки. На северо-востоке горела яркая заря, и поверхность сора рябила, пошевеливаемая легким ветерком. Отсчитав температуру воздуха и воды, я вылез из лодки, взял аппарат и снял нашу стоянку, а затем вскинул ружье за спину и направился в лес.

(Л. 22) Я шел по широкой тропинке среди высоких красивых сосен и мелкой травки, колокольчики, сон-трава и мхи окаймляли ее с обеих сторон. Кое-где чирикали синички, стучал по дереву дятел, а иногда по лесу, нарушая его утреннюю мелодию, пролетал кобчик, ловя маленьких пичужек. Я ходил так по тропинкам, пока не дошел до гари, где неподалеку от меня выскочил заяц и дал стрекача. Захотел и я идти за ним, но, посмотрев на часы, решил вернуться, так как предполагалось сегодня выехать.

Придя на стоянку, я разбудил товарищей, и после утреннего чаю отправились с Юдоминым собирать растения и снимать лесные виды. В результате мы получили снимок гари и вида в бору.

Нам пришлось ждать еще немного, пока наступило безветрие, так как товарищи не надеялись, что наша лодка выдержит волны на сору. Отправились мы из Реденького около 5 часов дня, но курс взяли не прямо на виднеющуюся вдаль Чилимку, а пошли сначала берегом, чтобы сократить длину пути в открытом сору.

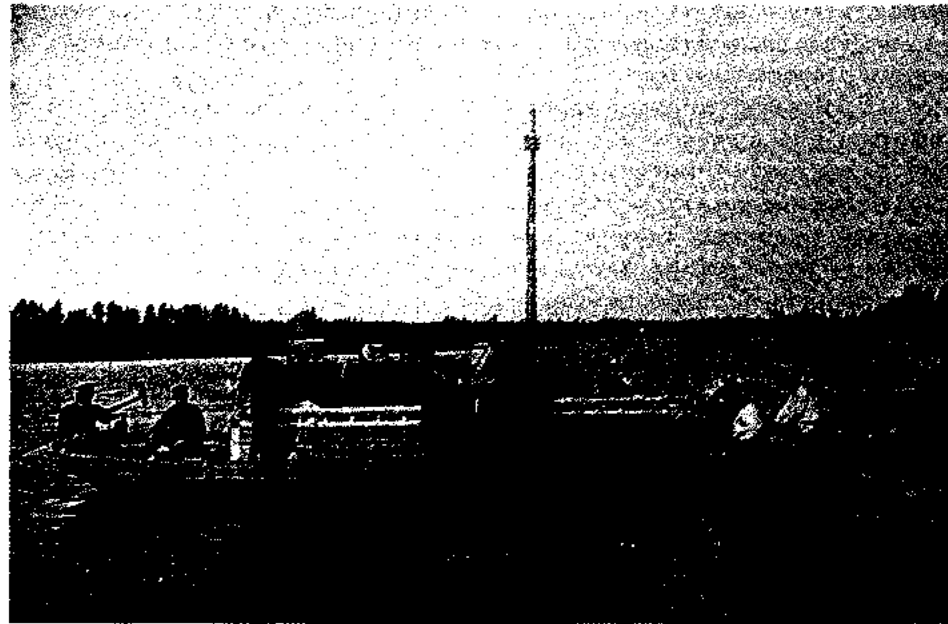
Пристав к берегу, мы взяли с собой ружья. На уединенном островке мы рассчитывали встретить зайцев. Таковых здесь не оказалось, и лишь я, попав на выводок куличков, подстрелил одного самчика влет, и страшно было неловко, когда приходилось добывать несчастную птичку, знал, что убита она бесполезно – на что нам один маленький куличок.

От этого островка мы очень скоро стали переваливать на другую сторону сора и сначала шли некоторое время на гребях. Но к вечеру стал подниматься ветерок, и мы подняли паруса. Любо было глядеть, как бороздила наша лодка волнующуюся поверхность сора и с усиливавшимся ветром росла скорость нашего хода. Мы переплыли сор и пошли сажень в 50 от противоположного берега, не беспокоясь тем, что черные тучи закрыли вечернюю зарю и с волны уже летела белая пена, но вдруг ветер (Л. 23) круто повернул, и мы с размаху понеслись на берег. «Бросай парус!» – кричал рулевой – Юдомин, но парус был туго затянут, и только ножом мне удалось перерезать его, но было уже поздно – мы со страшной силой влетели в береговой тальник и, пробив в нем брешь, врезались в топкий илистый песок. А ветер все свирепел, и нашу лодку качало, как детскую колыбель, а валы хлестали в нее и перелетали через крышу каюка. Наскоро был брошен якорь с кормы, лодка накрест обвязана веревками, у кормы вбиты по бокам два кола. И лодку перестало качать, только вода все лилась через крышу, несмотря на ее высоту в 1 ¼ вершка от воды.

Рецкий уже стал раскладывать огонь, чтобы варить чай – это было его первой мыслью, где бы он ни сходил на берег, и мы с ним часто за это руга-

лись, но буря скоро улеглась, стихла поверхность бурного сора, и мы продолжили наш путь близ темнеющих очертаний берега, напрасно сиюсь разглядеть что-либо на берегу. Еще верст до 5 сделали мы, пока услышали лай на берегу, снова указавший нам на жилище. Пристали мы уже около часа ночи и здесь также расположились на песчаном берегу.

Проснулись мы довольно рано и, в первый раз на Конде, стали купаться, хотя вода и не была слишком тепла, но провели мы в ней около получаса – так приятно было после целого года окунуться в речную воду.

102. Стоянка каяка
на р. Конде. 1910 г.

Наш каяк находился на берегу реки Чилимки, которая приходит далеко с юга, где только кое-какие остяки промышляют зверя и ни одно жилище не нарушает дикости урманов и боров. Но когда-то Чилимка была местом весьма заселенным, и то там то сям попадаются теперь черепки и остатки оружия – следы от недалекой, но ушедшей в глубь веков культуры. По ней же наблюдается ряд выходов голубоватой тощей, но пластичной глины, и, как я думаю, в связи с этим стоит ее богатство кедровниками, которыми бедна Конда.

К нашему лагерю скоро пришли посетители, именитые владельцы Чилимки – семья остяков и семья «купившегося навечно» цыгана Семена Барбачева. (Л. 24) С самим Семеном Барбачевым я познакомился еще в 1907 году на пароходе и потому на правах старого знакомого пошел в гости с товарищами к его жене (сам он уезжает загораживать рыбные речки), и здесь достал я сметаны, молока и снова оленины, а Гудомин занялся статистическим опросом.

Когда-то Чилимка была довольно значительным пунктом, и в ней жило несколько семейств остяков, но они давно вымерли, и теперь лишь семья бездетных стариков владеет вотчиной довольно значительных размеров.

Семен Барбачев недурно устроился, заплатив старикам 100 рублей за «вкуп навечно»; чрезвычайно богатая рыбой и ягодой Чилимка дает ему недурной

доход, а когда старики перемрут, он станет владельцем вотчины. А человек он предприимчивый и оборотливый. От своих предков цыган он наследовал подвижность, лукавость и большие способности к развитию и теперь уже набрал большую артель для совместной рыбной ловли в вотчине, где один он уже, конечно, не управился бы. Он и жена грамотны, детей учат и мечтают и дальше учить, и можно побиться об заклад, что через несколько десятков лет на Конде будет помещичий род Барбачевых.

Жена его – славная и добрая баба – угостила нас самодельным печеньем и вареньем и, видимо, была рада гостям. Из оставшихся у нас запасов хлеба она наделала сухарей, а за работу и за оленину ничего с нас не хотела брать. Такое гостеприимство нам сильно облегчало дорогу.

Часа в 4 вечера мы отъехали от Чилимки. Съемкой уже заниматься не приходилось – во-первых, мы шли совершенно параллельно берегам сора, а запись по часам и компасу при неравномерности хода лодки и частых отклонениях свыше 5° дала бы слишком грубые величины. Поэтому мы решили пройти сор без съемки и снимать его на обратном пути, когда река войдет в русло и ясно будет видна картина гольцов и «курей» – заливов в логах.

Ветер опять благоприятствовал нам, и почти весь вечер мы шли парусом с весьма солидной скоростью, вероятно, не менее 7 верст в час. Если бы не вечер, то нам идти было бы очень (Л. 25) удобно, но в темноте нужно было часто слезать, чтобы осмотреть местность и идти осторожно, не приближаясь к берегам, чтобы не сесть на мель. Всю дорогу мы шли параллельно борам, замыкавшим повсюду разлив реки. Было уже очень поздно и темно, когда мы решили пристать, ибо не знали, где же Кама и куда ехать. Вокруг боров вилось пространство воды, там и сям виднелись гряды тальника и берез, кое-где наша лодка плыла по траве, но где лежит Кама, мы никак не могли определить.

Остановились на берегу у смешанного леса, где среди грив, одетых соснами, ютились заросли тонкоствольного березняка, устроили сходни из различных кусков дерева и перенесли на берег свою постель. Ночь была тихая, безоблачная, и мы легли спать в пологих...

Публ. по: Корсунский М. Г. Очерк экскурсии на Конду летом 1908 года // Архив ГИИИМЗ. Инв. № 144. Л. 11-25. Публикуется впервые

№ 40. 1910, июля 11 – августа 16. – Пигнатти В. Н. Краткое сообщение о поездке на реку Конду летом 1910 года (Извлечение)

<...> (С. 7) Река Конда впадает нешироким устьем в старицу р. Иртыша ниже села Реполовского на 16 верст. Устье тянется около трех верст и переходит в большой Кондинский сор, мелководный, с массой гольцов, бушующий в разлив при небольших верховых ветрах и обсыхающий к осени. Море воды покойно в тихую погоду, и саженные волны встают, как горы, при малейшем ветре. Где-то на горизонте вы видите высокие берега, пред ними к сору тянутся трехверстные заросли осок. Высокие берега иногда подходят к самому сору, и тогда кажется, будто сосновые боры мощными песчаными обрывами, сверкая на солнце, валятся в воду. Сор тянется свыше 80 верст, и на этом пространстве только в четырех местах приютились жалкие избуш-

103. Остячка-рыбачка
на Кондинском сору

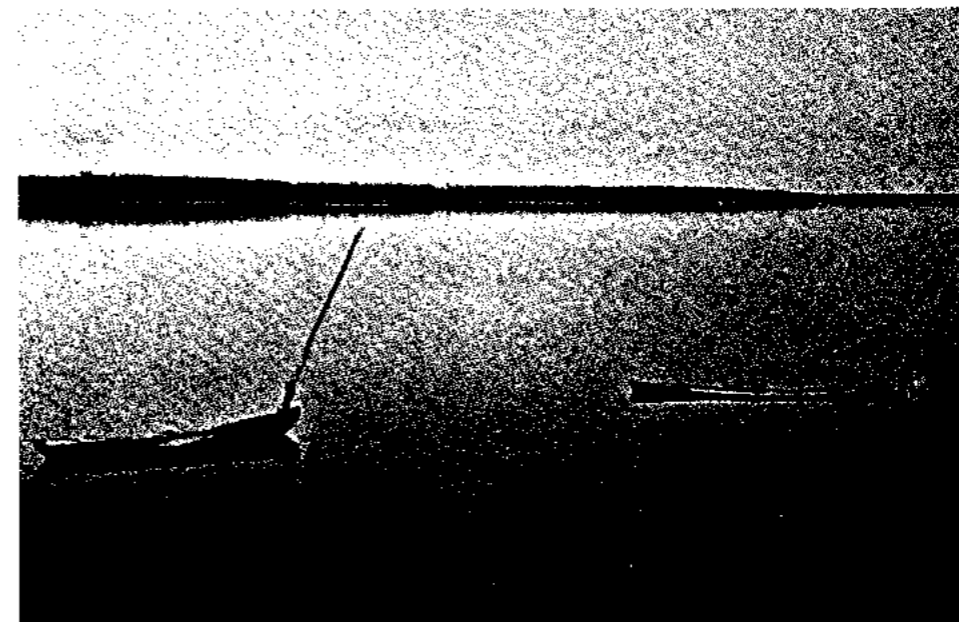
¹ Чум – безымянный приток.

ки. Крестьяне села Реполовского захватным образом владеют устьем Конды и началом сора. Здесь на левом берегу в двух местах стоят временные рыбацкие избушки крестьян, и по всему устью рядами торчат колья и лангары стерляжьих самоловов, там и тут вы видите плавежную лодочку из талы и человека, осматривающего свой самолов. Здесь один из самых больших промыслов стерляди. В среднее лето в сад здесь крестьяне садят до 60 000 стерляжьих голов (рис. 104). В сорока верстах от устья, на том же берегу, на песчаном обрыве сгоревшего бора приютился станок земляка Реденькое. Здесь живет наняемый всей М[еньше]-Кондинской волостью крестьянин с семьей и правит земскую гоньбу. Красивое и дикое место, заброшенный человек, рассказы о звере, боязнь леса, нужда в припасах, боязнь шайтана – все сплелось вместе, и уголок этот навеивает грустные думы. Отсюда в тихий день виден ясно противоположный берег и Чилимка, где осели две семьи и рыбачат на сору. Дальше – Варвант, по-остячки «тор-ванте», соровый мыс, целые юрты, где жизнь кипит весной и в начале лета, и откуда временно приехавшие туда рыбацкие алтаевские остяки к на(С. 8) чалу осени разъезжаются по домам; к тому времени сор начинает обсыхать, и рыба уходит. Еще издали с сору виднеются пески Алешкина мыса (рис. 88) – там Конда входит в русло и черной лентой течет среди заливных лугов. Узкая и глубокая, то морем осок, то песчаными берегами она тянется сотни верст, принимая в себя десятки «чумов»¹ и ряд больших рек, приютив десятка два юрт с двухсотенным населением. Черной рыбы на Конде избыток; простой удочкой, с самодельным крючком из проволоки, с гвоздем вместо грузила, на коротеньком удилище остячка легко в час «натаскает» ведро окуней. Красной рыбы нет, кой-где подвернется сырок, нельмушка в четверть – и только. Конду перегородили запорами. Запор здесь особенный. Верховые волости протестовали против заборов, судились – и вот низовая волость приспособилась. Через реку (саженей 40–50), начиная с низменного берега – песка, ставят в воду жерди в двухсаженном расстоянии по две в ряд, под углом друг к другу, связывая их над водой. Таким образом получается треугольник, одной стороной которого является дно реки, в этот треугольник подводятся во всю длину запора жердь и особыми рогулями погружается на глубину. Рогули привязываются к верхней поперечине, и запор готов. Кое-где в погруженную жердь вставляются колья (так называемое жало). Но яровой берег саженей на 6 остается совершенно свободным. Неводьба на песке происходит ночью, так как рыба днем свободно проходит запор, ночью же она «пристаивается», боясь шума, производимого водой, рассекаемой жердью.

Зимой же рыбу ловят на живых ключах, когда Конда отверху до низу замирает. Рыба огромными стаями идет к живым ключам, куда-нибудь к «чуму», и здесь ее «дергают» простым крючком, прикрепленным к палке.

(С. 9) Конда пустыня. Грязные юрты большей частью стоят в протоках и старицах Конды. Еще за версту или за две, приближаясь к юртам, вы замечаете на самом берегу в одном месте ряд колея, в другом странные зарубы сосен. Это охотники, возвращаясь с добычей, ставят свои метины. Убит олень – втыкается кол; убиты медведь, выдра и лось – делается заруб сосны с изображением убитого зверя и с отметкой, сколько человек было. Юрты не имеют улиц: до десятка домов нелепо громоздятся друг на друга с явным намерением стать поближе к воде. Обилие леса дает возможность строить юрту из прекрасного материала, и наружность юрты ничем не отличается от дома русского зажиточного крестьянина, но внутри грязь и вонь; последняя, между

прочим, – от склада сушеной рыбы (карася). Обычно около юрт – холеная роща, где береза и сосна преобладают. Это – священная роща, и тут иногда совершают обряды старины. В священных рощах целый ряд громадных муравейников. Их тоже берегут. Долина Конды полна змей; иногда змеи в половеде являются в юрты, и вот, по мнению населения, муравьи змей к жилью человека не пускают, между муравьем-тружеником, подобным человеку, и «проклятой» идет извечная борьба... Убитую змею несут на палке и втыкают в муравейник. Иные юрты кокетливо стоят на обрывах над самой Кондой; иные поражают своей дикостью, заброшенностью. Особенно поразил

104. Посадки (сады) для рыбы
в устье Конды

меня приезд в юрты Урманские. Уже поздним вечером подходили мы к юртам. Сплошной урман плотным кольцом охватил четыре юрты... Кто-то в белом метнулся на берегу и побежал к домам; завывли собаки... Мы вышли на берег – ни души. Обошли дома – ни одного человека. Ночь делала очертания неясными, и филин будил ночную тишь резким хохотом: это злой дух ликовал где-то по поводу неудачи людской. Когда разложили костер, – ковыляя и еле плетясь, к нам пришла старая, больная женщина с маленькой девочкой в белом платице и в сопровождении своры собак... (С. 10) Увидев людей, женщины спрятались в подполье: человек здесь, в глуши, страшнее зверя. Жителей никого нет, ушли на покосы; старуха хворает и стережет юрты. Начались просьбы, с рыданиями, о сушках и рассказы о шайтанах. Женщина эта русская, но наивная, страхом леденящая ее душу вера в шайтана бесконечна. Вот она хворает. Воп к протоке наклонился вековой кедр. Черным громадным силуэтом великан кедр рисуется в ночном (С. 11) небе. Там живет шайтан. Вокруг кедра ничего нельзя рубить, резать, втыкать в землю: шайтан покарает. Она приехала однажды в осиновке, пристала к кедру и, по забывчивости, воткнула весло... – хворость посетила ее и тянется многие годы.

Село Болчаровское много культурнее юрт. Тут центр торговли, но самое главное – тут хлеб, и казенный, и частный. Несколько раз в год остяк побы-

вает в селе за хлебом и за водкой, которой на Конде достать негде. Лишь в Болчаровском у частных лиц втридорога можно купить бутылку спирта. Дома в селе отстроены прекрасно, по переулкам и закоулкам настланы деревянные тротуары. Есть церкви, училище; при церкви – кладбище. Памятники кладбища любопытны тем, что являются смесью двух верований, как и все на Конде: остяцкий деревянный сруб в виде домика и на нем крест. Проходя кладбищем, вы видите, что у всех могил положено либо весло, либо веретено. Весло – это могила мужчины, веретено – могила женщины. Старый обряд класть с покойником все ему нужное принял новые формы. Оба села, и

105. Запор на р. Конде

Нахрачи, и Болчары, стоят на высоких песчаных обрывах над самой Кондой. Оба окружены сосновыми борами. Особенно грандиозны сосны у Нахрачей. У Болчар же я имел случай наблюдать оригинальную приспособляемость молодых сосенок. Скот объедает побеги, и сосна превращается в огромный, иногда до сажени в диаметре, куст с мелкой и очень колючей хвоей, потом из середины этого куста стрелой поднимается ствол молодой сосны и, защищенный от скота, продолжает свой рост.

По обе стороны Конды – сенокосы. Громадная равнина, по которой течет Конда, сплошь усеяна озерами; их тут зовут сорами. Параллельно рке попадают гряды с лиственным, а иногда и хвойным лесом, но особенно любопытны гряды леса, перпендикулярные Конде: словно садовник насадил аллею смешанного леса в две-три сажени. Происхождение этих гряд для меня непонятно. Не (С. 12) которые я проходил. Грива упрется в Конду обрывом, тянется сажень сто и другой стороной упрется в болото. Между болотом и Кондой по обеим сторонам гряды сток для воды.

Такой ширью Конды владеют остяки М. Кондинской волости. Сотни две домохозяев, живя бедно, почти нищенски, ловят рыбу, промышляют зверя и собирают ягоду в замечательных кондинских борах. На много верст тянутся боры с громадными соснами, голыми обрывами песка и ковром бруснич-

ника. В яркий солнечный день боры эти обворожительны. В борах этих, в густых зарослях, где-нибудь на обрыве к Конде иногда приютится шайтанская избушка – маленький двухскатный амбарчик на столбиках, словно на куриных ножках. Здесь перед началом неводьбы, когда от улова рыбы зависит пасущий хлеб, остяк вспоминает старину и колет красного петуха. Капли его крови как бы воскрешают перед остяком изжившие свой век предания с богатырями, с обилием зверя и рыбы, и жертва эта доброму, светлому богу блещет ярким лучом надежды в остяцкой душе, живущей среди вымирания, вечной грязи, недоедания, поборов, при спаивании и сифилисе. Жутко ос-

106. Кладбище в Болчарах

тяку... Оторвались остяки от своей веры, от исконных обычаев, но и к чужой вере не пристали... Женятся остяки на русских, и дети их русским говорят, что они руть², а остякам, что они ханды³... Эти браки окончательно разлагают остяцкую кровь, и близко то время, когда об остяках на Конде будут говорить как о чем-то прошлом. Только узкие щели глаз, темный цвет кожи, скуластое лицо выдают остяка. Одежда – фабричная: русская косоворотка, пиджак, бродни... Все покупное, все чужое... Старухи берегут еще расшитые бисером кафтаны, тяжелые рубахи с вычурными замысловатыми узорами, бисерные украшения, берегут все это затаем, чтобы в гроб лечь остячкой, как полагается доброму хан(С. 13)ды, чтобы светлый бог отличил сразу остячку и богатыри ее узнали...

В старину весь наряд кондинской остячки был самодельный: все было вышито овечьей шерстью, дома окрашенной; все было расшито бисером. На голову надевалась бисерная повязка – «сароват», бисерный воротник, рубаха, покрывало, нагрудное украшение – «кэвынч-перна», в косу вплетались тяжелые, из камешных бус, косоплетки – «ухчундже». Теперь старина перепуталась с новизной: ситец, кумач, сарафаны, кофточки, фабричные передники; бисерные воротники крапивной рубахи пришиты к ситцевой кофточке, и бисерное ожерелье украшено крестом. Уже редко кто знает на-

² Руть – русский.

³ Ханды – остяк.

107. Остячки юрт
Красноярских (33 и 45 лет)

звание старых узоров, а объяснение их и подавно. Узоры делятся главным образом на четыре типа: самый трудный, густо шитый, – ханды-ханчъ, «остяцкий узор». У юрт Пуштинских говорят, что на нем изображены гуси, у юрт Красноярских, что это тетерева. Кирэм-ханчъ – «узор на живульку»; сравнивая его с ханды-ханчъ, нельзя не признать, что, действительно, этот узор очень скоро шьется. Чтобы расшить полностью узором ханды женскую рубаху, остячка тратит на нее труд длинной зимы, а кирэм-ханчъ шьется в месяц. Руть-ханчъ – «русский узор» – самый легкий узор, небрежно сделанный. Я не видел ни одной рубахи, расшитой полностью этим узором. Этот узор новый, позаимствованный, узор, к которому нет объяснений, если не считать сарказма одной остячки, которая сказала мне: «Русская потычет иголкой в рубаху один вечер и думает, что вышила; вот и руть-ханчъ». Это узор будничной, затрапезной рубахи. Севэм-ханчъ – узор старины; объяснение его мне не удалось узнать, его не знают. Говорят, что этот узор привезен с севера, что этот узор чужой, позаимствованный. Все стилизуется остяцкой фантазией, и животные, и растения, и, несомненно, каждый узор имеет прообразом тот или другой вид животного или растительного царства. Всех подробностей остяцкого узора не расскажешь, да это и не является целью моего краткого (С. 14) сообщения. Мне лишь хотелось показать замечательное разнообразие остяцкого узора и чистоту работы. Каждая вещь седой старины или мало культурного народа является показанием его понимания природы, его любознательности. Но маленькие цивилизации, неразвившиеся мировоззрения увядают, столкнувшись с отрицательной стороной нашей европейской культуры. Так и остяк – никогда не приспособится [он] к новой жизни, и его удел – смерть, медленное вымирание...

Типичным примером подобного положения дел на Конде является Шемлинская вотчина, расположенная по р. Чепышу, притоку р. Морды. Об исчезновении там рода остяков свыше столетия тому назад есть два рассказа. Один из них повествует о каком-то разбойнике чужого племени, который, придя в Шемли, в одну ночь вырезал все население; по другому рассказу, население вымерло от неведомой болезни. Шемлинская вотчина, одна из богатейших, но отдаленнейших, находится и теперь без владельцев. Распоряжается ею М. Кондинский волостной сход, сдавая ее в аренду, за незначительную плату. Мне кажется, это является показателем недостатка коренного населения Конды и обилия угодий. Еще пример: Богдановской вотчиной владеет один остяк Ичигагов, Ермаковской – владеет остячка, и право на владение оспаривает остяк Аичин. Все эти вотчины частями сдаются в аренду русским.

Здесь любопытно сопоставить положение русского и остяцкого населения на Конде. Русских немного, и большинство из них торгующие. И два или три человека держат низовья Конды в руках. Остяк – вотчинник, громадные угодья принадлежат ему; русский – арендатор, он должен заплатить за все: за выгон – 50 коп. с головы, за сено – 3 коп. с копы, за пай рыбный и пушной – 15 руб. Все обложено; скоро, говорят русские, и воду обложат. Но на самом деле остяк на Конде – вечный работник русского; лишь юрты Красноярские не пускают к себе русских. «Пусти русского в избу, – сказал мне старик остяк, – он в передний угол залезет». И зная, что им не вы(С. 15)нести борьбы за существование, они зорко следят за русскими. Тайком ходили ко мне русские советовать, нельзя ли им избавиться от аренды, а то «под русским царем живем, а остяку дань платим». Вот хотя бы земледелие. Многие

пробовали делать запашки, сеяли овес, рожь, но остяки против этого; здесь большую роль играет опаска, как бы, мол, новосела не пригнали, землю не отобрали... Пришлось русским бросить пробы... И течет тихо и серо жизнь в низовьях Конды...

Еще в с. Болчаровском мне говорили, что в юртах Алтаевских живет старик Фокей – сказитель остяцкий. Много сказок седой старины знает он. К нему сходятся остяки низовьев Конды послушать про старину. Там на Алешкином мысу жили три брата – остяки-богатые. В начале миров они распределяли богатства природы между отдельными родами остяцкими. И Конде дали обилие черной рыбы и заговорили реку – красная рыба туда не попадает... Но когда русские пришли, богатые ушли в землю и оставили остяцкий народ. <...>

Публ. по: Пигнатти В. Н. Краткое сообщение о поездке на реку Конду (М. Кондинская волость Тобольского уезда) летом 1910 года // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1912. Вып. XX. С. 7–15

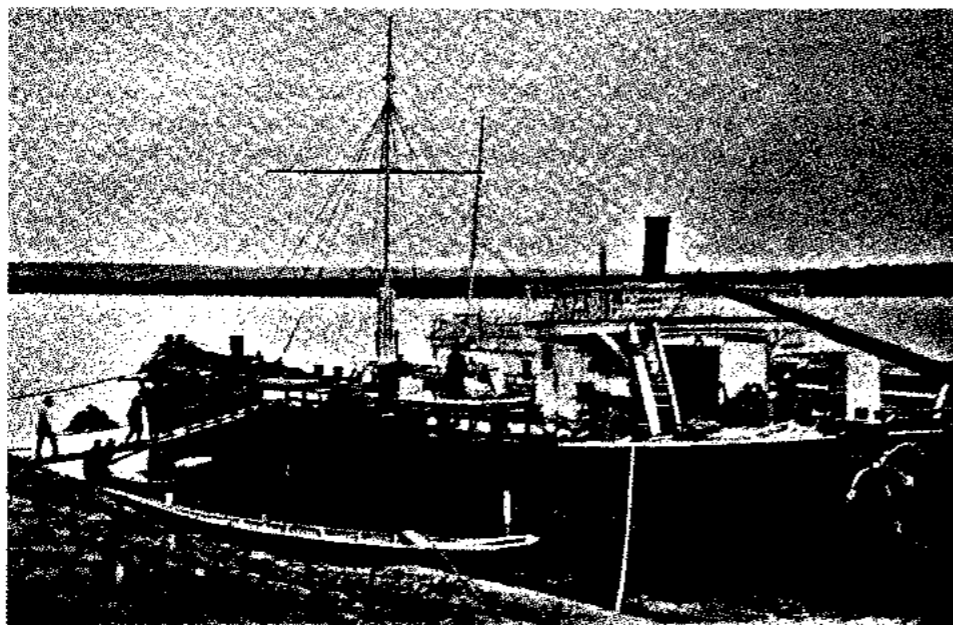
№ 41. 1910, июль – август. – Городков Б. Н. Река Конда (Извлечение)

<...> (С. 174) 11-го июля 1910 г. экскурсия в составе трех человек отправилась из Тобольска с пароходом Голева-Лебедева «Надежный», буксировавшим баржу с мукой для казенных продовольственных инородческих магазинов на р. Конде, и 16 числа была уже в с. Нахрачинском, конечном пункте поездки. Оттуда в продолжение месяца нами был сделан переезд на каюке до с. Реполовского при устье Конды, причем неделю прожили на полдороге в с. Болчаровское. Значительных отклонений в сторону от р. Конды не делалось, за исключением нескольких посещений более интересных и значительных притоков Конды. Таким образом, собранные материалы могут характеризовать исключительно только населенную местность Нижне- и Среднекондинского края, ибо почти все селения сосредоточены на берегу Конды и ее притоков. Это объясняется тем, что главный промысел жителей заключается в рыбной ловле; кроме того, только около реки на Конде можно ожидать удобных для поселения мест, так как далее от берега находятся по большей части болота (торфяные).

В своем дальнейшем изложении мы делим пройденный нами путь на две части: на среднюю и нижнюю Конду, подразумевая под первой течение Конды от с. Нахрачинского до с. Болчаровского, а под нижней – остальное пространство до устья.

<...> (С. 176) 13 июля в нескольких верстах от устья нам пришлось проехать на протяжении верст 40 «сор». Благодаря низким берегам Конда в этом месте разливается на широкое пространство, достигающее весной десятков верст, и образует, таким образом, мелководное озеро, в котором с большим трудом можно найти более глубокое русло реки. Это-то и есть «сор», название которого Патканов производит от остяцкого «тор». В 1910 г. вода была малая, кроме того, и ехали-то мы в середине июля, но, несмотря на это, река на сору достигала более 5 верст в ширину. Сор при устье, Большой Кондинский, считается одним из самых больших по всей средней и нижней Конде. Плавание по нему даже на каюке представляет немалые затруднения благодаря неглубокой воде и трудности найти настоящий фарватер реки. Даже сравнительно небольшой ветер поднимает порядочное волнение, ко-

торое сильно качает судно. Проезжающим, застигнутым ветром на сору, ничего не остается, как привязаться к какому-нибудь кусту, торчащему из воды, так как пристать к берегу не представляется возможным из-за мелководья, и дожидаться, когда стихнет ветер и уляжется волнение. Нам приходилось слышать рассказы, как люди, застигнутые на сору непогодой, принуждены были добираться до берега, идя по пояс в воде на протяжении сотен сажен, при этом непрерывно окатываемые громадными волнами. Поэтому немногие из тамошних жителей решаются отправиться в плавание по сору, когда поднимается «верховой», т. е. дующий с верховьев Конды, ветер. Отправля-

108. Пароход «Надежный»
на Конде. Погрузка дров

ясь же в хорошую, безветренную погоду, всегда запасают пищу и топливо, чтобы в случае непогоды можно было провести несколько дней, не приставая к берегу.

<...> (С. 192) Благодаря обилию болот летом появляется громадное количество комаров, по осень сменяющихся не менее несносными мошками, от которых не спасают никакие сетки. Даже привыкшие ко всему жители Конды принуждены употреблять некоторые средства для спасения от этих надоедливых насекомых. Уверяют, что хорошо помогает мережка, смоченная дегтем и обвязанная вокруг шляпы. Ночью же спят под особым пологом, прекрасно предохраняющим от комаров. Полог представляет из себя прямоугольный ящик из ситца или какой-нибудь другой дешевой и легкой материи, удерживаемый в нужном положении посредством вставленных в его два верхних ребра горизонтальных палок, в свою очередь привязываемых к вертикальным палкам, воткнутым в землю. Под такой полог обыкновенно ложатся зараз несколько человек.

С одной стороны, обилие естественных продуктов и возможность доставлять все это зимой обозами в Тобольск и Тюмень, с другой стороны – легкая нажива от остяков с давних пор привлекали русских на Конду. Когда начались сношения русских с кондинскими остяками и вогулами, установить

трудно. Во всяком случае, русские торговцы и промышленники посещают Конду уже несколько столетий. Так же неопределенно и время переселения русских семейств на Конду. По-видимому, крестьяне из более южных частей губернии, обыкновенно из Тобольского же уезда, стали селиться вместе с остяками всего несколько последних десятилетий. В юртах Есаульских нам пришлось останавливаться у бывшего крестьянина Кугаевской волости (недалеко от г. Тобольска), переселившегося на Конду 35 лет тому назад. Он считал себя одним из первых. В последнее же время количество добровольных переселенцев увеличилось, стали даже основываться русские поселения отдельно от остяков. Из русских поселков можно назвать Чилимку на Большом Кондинском сору и, пожалуй, юрты Алтаевские, где от прежнего остяцкого населения осталось всего несколько человек. В настоящее время по всей Конде живет много русских, как торгующих, так и арендующих промыслы у остяков. Часто происходят смешанные браки, причем не только остяки женятся на русских, но и русские берут себе в жены остячек. По этим причинам большинство селений на Конде наполовину состоят из русских, а в некоторых они даже пре(С. 194)обладают (юрты Алтаевские). Нужно указать также, что существует и противоположность. В Красноярских юртах нет совершенно русских, за исключением одной жены остяка. Такая неравномерность в распределении объясняется различным отношением коренных жителей к приходящим русским. В то время как одни, более консервативные, не пускают к себе русских, мотивируя это тем, что они пытаются сделаться господами, другие, прельщаемые уплачиваемой русскими арендой, позволяют последним селиться в неограниченном числе. При этом остяки стараются взять с русских все, что только возможно. Пришельцы обязаны платить при вступлении в остяцкое общество 15 руб. (большой частью водкой), затем каждый год «кортом» за право ловли рыбы, охоты за зверем и сбора брусники в том же размере. За одно право сбора брусники берется 5 руб. Подобным же налогом облагается скот, за исключением мелкого, по 50 коп. с головы, и сено, по 2 коп. за поставленную копну. Надо заметить, что цены не везде одинаковы, – указанные взяты из села Болчаровского. В некоторых селениях еще до сих пор ничего не берут при вступлении, ограничиваясь одними кортомными деньгами.

Время беззастенчивой эксплуатации инородцев проходит. В известном отношении в настоящее время наблюдается даже противоположное. Более трезвые, а потому и более зажиточные, остяки часто имеют русских работников. Эти же остяки являются и вершителями судеб поселившихся на Конде русских, устанавливая какой угодно кортом. Пришельцев, чем-либо им не понравившихся, лишают права пользоваться промыслами, после чего тем ничего не остается делать, как удалиться или смягчить как-нибудь хозяев Кондинского края. Дело обыкновенно оканчивается выпивкой на счет арендатора, после чего смягченные остяки уже не так дерут с русского. Само собой разумеется, что не все русские являются арендаторами. Есть и торговцы, держащие в своем кулаке остяков, но и тем уже приходится платить за покупаемые рыбу, меха и т. п. значительно дороже, чем платили еще в недавнее время. Приходится также тщательнее следить за предлагаемыми товарами, так как остяки, честность которых когда-то была так известна, в настоящее время не стесняются подsunуть гнилую рыбу или продать за цену (С. 195) лую искусно исправленную испорченную шкуру. Появились даже кулаки-инородцы из тамошних жителей, которые обирают своих более сла-

бых собратьев, находящихся у них в пожизненном долгу. Эти кулаки являются настоящими князьками, от которых зависят все решения сходов. Из торговцев последнего типа можно назвать Пактышева в Красноярских юртах, упоминаемого и Паткановым в своем сочинении. В последнее время появился другой торговец-остяк, житель с. Болчаровского А. Д. Нялин, который благодаря своему уму и ловкости в обирании как своих соотечественников, так и русских, имеет большое влияние на кондинских жителей.

Благодаря такому положению дел остяки и русские живут во взаимной тайной вражде: первые – из-за желания русских устроиться подешевле или

109. Дом богатого остяка
Пактышева в юртах
Красноярских

даже получить в собственность часть остяцких земель, вторые – из-за нежелания «платить дань остяку», часто мало работающему и живущему главным образом на арендные деньги.

Это взаимное недовольство, однако, не мешает сходиться остякам и русским в образе жизни. Как те, так и другие носят совершенно одинаковую одежду и употребляют одинаковые промысловые орудия. От старинной мужской одежды не осталось и следа. Остяцкие шитые бисером и шерстью наряды сохранились только у старух, но и те по большей части охотно продают их. Молодые же остячки даже стесняются одевать подобные одежды, предпочитая им русские, которые представляют из себя ситцевые кофты, иногда расшитые (главным образом воротник) бисером. Старинная сароватъ заменяется фабричным ситцевым платком, также иногда с бисерными украшениями. Бисерной обуви почти не сохранилось.

Живут в избах, по плану своему совершенно подобных избам крестьян Тобольской губернии. Помещение разделено сенями на две половины, состоящих каждая из нескольких (большой частью из двух) комнат. В одной половине живут постоянно, другая же является более чистой, куда принимают гостей. У более бедных этого разделения не замечается, и изба состоит из одной части. По внутреннему виду почти невозможно отличить

русские и остяцкие жилища. В последних особенной грязи не замечается; клопов и тараканов, этих неизменнейших спутников избы даже зажиточного крестьянина-сибиряка, (С. 196) не так-то уж много. У более зажиточных кондинцев дома строятся на городской лад и обставляются с большим или меньшим комфортом. Полы обыкновенно крашенные. У вышеупомянутого Нялина в доме оказался даже граммофон. Около дома находятся амбары, по большей части небольшие, выстроенные для предохранения запасов от крыс на нескольких столбах, что придает им сказочный вид избышек на курьих ножках. Самые селения, находящиеся обыкновенно на возвышенном берегу реки, по большей части весьма незначительны по количеству домов, число которых иногда не достигает даже десятка. Особенно это заметно в тех селениях, где нет пришлых русских. Только села более значительны и имеют несколько десятков домов. Дома, довольно часто даже двухэтажные, расположены без всякого плана. Улиц не имеется, но около церкви в селах всегда оставляется площадь, по краям которой находятся общественные здания: школа, волостное правление, хлебозапасный магазин и дома причта.

С селением непосредственно граничит лес, обыкновенно сильно захламленный и вырубленный. Тут же сваливают навоз и разный мусор. Вообще, кондинский житель не бережет леса. Даже при самой незначительной необходимости он выбирает лучшее дерево. В дело обыкновенно идет только нижняя, наиболее толстая, часть ствола, вершинник же, часто достигающий полуаршина в диаметре, оставляется гнить в лесу. Захламленное пространство пропорционально величине селения, а потому по большей части незначительно. Только у одного селения, Богдановских юрт, нам пришлось видеть прекрасную вековую рощу из сосен и берез, начинающуюся около самого селения и тем не менее совершенно не рубленную и не захламленную. Объяснялось это тем, что указанная роща считается священной (шайтанной), и ее боятся рубить не только остяки, но и русские.

Промыслы заставляют кондинского жителя удаляться от своего селения на значительное расстояние, почему на Конде вместе с постоянными – зимними – жилищами существует значительное число изб, разбросанных там и сям по берегам и лесам этого малолюдного края. Охотники, занятые своим промыслом главным образом зимой, выстраивают иногда в наиболее часто посещаемых местах подобные избышки, служащие им для ноч(С. 197)лега. Рыбаки, уезжающие на весеннюю и осеннюю ловлю рыбы, также выстраивают себе на постоянных местах ловли – песках и запорах – избы. Часто таких изб ставится вместе значительное число, и тогда образуется целое селение, которое получает название летних юрт, если избы принадлежат жителям одной вотчины. В настоящее время многие временные поселения сделались постоянными, другие же исчезли совсем. Иногда подобные селения являются общими для нескольких остяцких вотчин. Таков, например, Варвант, находящийся на Большом Кондинском сору, верстах в 40 от устья. Сюда собираются для весенней совместной неводьбы жители нескольких селений, лежащих на нижней Конде и отделенных друг от друга десятками верст. То же самое надо сказать и о стерляжьих промыслах на самом устье Конды. В избах этих селений, большую часть года пустующих, обыкновенно находятся немногочисленные нужные для промышленников запасы.

Покосы благодаря узким луговым местам, приуроченным к берегам рек, тянутся на большое пространство. Поэтому косьба, подобно промыслам,

заставляет кондинских жителей уходить на значительное расстояние от места постоянного жительства. Если покосы находятся сравнительно недалеко, то владельцы их возвращаются на ночь обыкновенно в селение. Но часто, при отдаленности покосов, дома остаются только старики да малые ребята, все же остальные проводят время за работой, ночуя в самых примитивных палатках или землянках. Домой возвращаются обыкновенно только под праздники. То же самое происходит и при сборе брусники.

Эти разбросанные жилища, долгое время человеком не посещаемые, становятся для суеверного остяка обиталищами шайтанов, которые часто яв-

110. Юрты Богдановские.
Слева – священная
(шайтанская) роща

ляются и пугают заблудшего путника, попавшего сюда не в урочное время. С некоторыми селениями (Пуголь) связаны целые легенды, благодаря чему остяки и даже русские боятся останавливаться в тех избах, где «чудится», предпочитая ночевать на открытом воздухе или в палатках.

Несмотря на то, что кондинские остяки издавна считаются православными, у них еще в большой силе старая вера в шайтанов. Некоторые из жителей являются тайными шаманами, к которым и обращаются, когда хотят принести жертву шайтану (С. 198) или самому «сянк тятэ» (светлому отцу). В жертву по большей части приносят петухов (между прочим, остяками в пищу не употребляемых), но иногда режут лошадей, коров или овец. Жертвоприношение, по рассказам, совершается у «шайтанного» амбарчика, по виду своему ничем не отличающегося от других амбаров, за исключением только того, что его держат или пустым, или складывают всякую ненужную рухлядь и выстраивают обыкновенно в стороне от жилых помещений. Такой шайтанный амбар имеется почти у каждого селения, за исключением, пожалуй, сел. Голову животного, приносимого в жертву, покрывают особым платком, сохраняемым в шайтанном амбаре; жертву закалывают, вымачивают в крови платок и вешают в амбар. Мясо делится между присутствующими. Главную роль при таких жертвоприношениях играют шаманы, читаю-

щие в это время молитвы. Шаманы эти имеют большой почет между своими сородичами. Их приказания, касающиеся религиозных вопросов, всегда исполняются остяками, чем пользуются для своей наживы шаманы, выманивая у легковерных различные вещи и скот, якобы в жертву шайтану. В 1910 г. в юртах Нюркоевых от старости разрушился шайтанный амбар. Тотчас же по приказанию шамана (тайного) из многих селений на Конде были посланы люди для постройки нового. У одного из тайных шаманов в с. Нахрачинском нам удалось приобрести и самого шайтана, олицетворявшегося небольшим, бесформенным металлическим слитком. Завернут был этот главный на Конде, по уверению его владельца, шайтан в несколько шелковых тряпиц и хранился в сундуке в подполье. Подобных шайтанов владельцы их усиленно скрывают от русских.

В некоторых селениях (юрты Урминские) кроме шайтанного амбара существует еще шайтанное дерево, по большей части кедр, около которого и шаманят и под которое бросают различные ценные вещи и деньги, приносимые в жертву шайтану. Иногда ограничиваются просто дровами или берестом. Точно так же некоторые места в лесу, особенно чудские городки, считаются священными. Подобная шайтанная роща, о которой уже говорилось, находится за юртами Богдановскими. В таких местах деревьев не рубят не только остяки, но даже и (С. 199) русские, из которых многие считают, что шаманы и гадалки остяцкие действительно «что-то знают».

В водоразделе между реками Юкондой и Мордой, по рассказам многих кондинских жителей, существует каменная баба, предмет культа, стоящая на возвышенном (каменистом) месте. Проникнуть до нее очень трудно ввиду непроходимости окружающих болот, тропы по которым известны только немногим жителям юрт Нюркоевых. Чтобы еще вернее предохранить от неверующих богатые жертвы в виде денег и ценных вещей, по тропам установлены натянутые луки со стрелами, поражающие всякого, кто вздумает пройти туда без знающего проводника.

Сказываются также и остатки культа медведя, проявляющиеся в том, что остяки считают наиболее сильной клятвой – клятву медведем. Остяк готов божиться и клясться как угодно, но ни за что не скажет при неправде «съешь меня медведь». Приходилось слышать рассказы о возмездии, которому подверглись неправильно поклявшиеся медведем. Так, одну старуху зверь никак не мог достичь при жизни. Зато после смерти он все-таки раскопал могилу и растерзал труп. Что же касается особых праздников по случаю удачной охоты на медведя, то они в настоящее время уже вывелись на Конде. По рассказам, подобные празднества сохранились еще в наиболее удаленных от реки селениях Кондинского края, как, например, в Дальне-Согомских юртах. Причина исчезновения почитания медведя заключается в общем повышении культурного уровня остяков, так тесно слившихся с русскими. Влияет также и то, что охота на него стала не такой опасной благодаря распространению огнестрельного оружия.

Из старинных обычаев, сохранившихся в остяцком быту, надо указать на обычай платить калым при вступлении в брак. Калым доходит иногда до 100 руб., но по большей части ограничивается несколькими десятками рублей. Остался обычай класть у могилы весло. На самой могиле ставится продолговатый четырехугольный сруб с покатой крышей и крестом наверху. Кладбища обыкновенно располагаются у самого селения, в селах около церкви. Что же касается похорон, то они совершаются по православным обря-

дам. Псаломщик с Болчаровского рас(С. 200)сказывал, что ему пришлось видеть в одном из отдаленных селений, кажется, в Дальне-Согомских юртах, похороны умершего остяка с шаманом и по остяцким обрядам.

Но «старая вера», по-видимому, скоро исчезнет, что уже происходит в селениях, имеющих значительное количество русских поселенцев. Вместе с этим исчезнут и сами остяки, как исчезли их жилища, орудия и одежды. Нам кажется, что остяков – жителей Конды – можно разделить на две части. В одной, удаленной от центра Конды, каковы выморочные юрты Шемлинские, юрты Нюркоевы, Алтаевы, Дальне-Согомские, вымирание инородцев обус-

111. Кладбище в Нахрачах

лавливается болезнями и пьянством. Особенно значительно влияние первого фактора. Юрты Шемлинские вымерли совершенно, судя по рассказам, от тифа. Летом 1910 г. распространилась диссентерия. Трахома не переводится на Конде, хотя встречается сравнительно редко. К этому надо причислить различные венерические болезни и чуть ли не ежегодные эпидемии оспы и тифа, также уносящие достаточное количество жертв. Медицинской помощи почти не существует, если не считать тех невежественных фельдшеров, которые проживают в селах (в с. Нахрачинском). Они имеют в своем распоряжении несколько самых обыкновенных лекарств, из которых главную роль играет панацея от всех болезней, касторка. Незавидность положения инородцев усугубляется еще тем, что некоторые селения, удаленные от Конды, летом бывают совершенно отрезаны от места проживания фельдшеров благодаря непроходимым болотам.

Влияние пьянства на вымирание кондинских остяков в селениях первой категории не так велико из-за трудности доставать водку.

Уничтожение остяков в селениях второй категории, к которой мы причисляем центр Кондинского края: села Нахрачинское и Болчаровское, юрты Есаульские, Зимне-Пуштинские и некоторые другие, нельзя назвать вымиранием. Это будет обрусение, притом обрусение, так сказать, по собствен-

ному желанию. Здесь инородцы, стыдясь своего остяцкого происхождения, стараются примениться к русским. Поэтому понятно стремление их брать в жены русских женщин. Крестьянки прииртышских селений довольно охотно идут за остяков, так как те, владеющие (С. 201) обширными вотчинами, совершенно справедливо считаются людьми зажиточными. Дети от таких браков при муже-остяке причисляются к остякам, если же остячка жена, то к русским. Кроме того, довольно сильно распространено сожитительство остяков с русскими работницами (простратками). Сожительства эти обычно заканчиваются браком. Обилие браков между русскими и остяками, особенно за последнее время, сказываются в виде исчезновения чисто остяцкого типа. Многие кондинские остяки, особенно их дети, носящие русскую одежду, ничем не отличаются от русских крестьян Тобольской губернии. Надо прибавить еще, что громадное большинство прекрасно объясняется по-русски. Остяки иногда даже между собою употребляют русский язык. В язык же коренных жителей, имеющий некоторое отличие в произношении на средней и нижней Конде, вошло много русских слов. Некоторые из остяков учились в школе и поэтому умеют читать и писать по-русски.

Можно считать, что перекрестные браки являются главным фактором, способствующим уничтожению остяцкого рода – его обрусению. Само собой разумеется, что невозможно совершенно исключать влияние занесенных русскими болезней и пьянства – деятелей, более или менее сильно сокращающих число коренных жителей в селениях и второй категории. Но во всяком случае эти факторы второстепенные. Между прочим, сифилис, одна из главных причин вымирания инородцев, в центре Конды распространен незначительно.

Обрусение коренного инородческого населения, так сильно проявившееся в домашнем быту, жилищах и одежде, мало сказалось на образе добывания средств к жизни, т. е. на промыслах. Основными промыслами на Конде как для остяков, так и для русских являются рыбная ловля, охота, кедровый промысел и сбор брусники. Мы не будем подробно описывать все эти промыслы ввиду того, что весьма детальное описание их дано у Патканова.

Главная добыча рыбы производится осенью – в августе и сентябре. Тогда на Конде ставятся запоры. Через всю реку на некотором расстоянии один от другого устанавливаются попарно колья, связанные верхушками. Они удерживают близ дна (около пол-аршина от земли) жерди, которые тянутся от одного берега (С. 202) до другого. Над водой колья закрепляются также жердями. Около берегов оставляется пространство сажени в три для прохода лодок. Таким образом, река перегораживается только воткнутыми в дно кольями и жердью. Благодаря быстрому течению вода бьет у жерди и тем самым отпугивает рыбу, которая и останавливается на некотором расстоянии выше запора. Тут-то ее и вылавливают неводами. Большую добычу доставляет неводья ночью, ибо днем сквозь запор проходит много рыбы. Существование запоров подобного типа можно объяснить необходимостью предоставить возможность промыслять рыбу подобным же способом и в других частях Конды. На исследованной нами части реки каждое лето ставится запора 4–5, причем для постройки их обыкновенно собираются жители нескольких селений, затем неводящие рыбу совместно.

Несколько иного устройства запоры употребляются на притоках Конды. Там они строятся сплошными из деревянных планок или даже рогожи,

и для прохода рыбы оставляются только небольшие отверстия, куда ставятся морды. Подобный запор находится в действии вторую половину лета. Запоры обыкновенно охраняются особыми, панимаемыми для этого сторожами, которые обязаны наблюдать за ходом рыбы, починять [их] в случае поломки и охранять от медведей, иногда посещающих запоры и вылавливающих скопившуюся рыбу. В последнем случае иногда устанавливают на запоре заряженные ружья. Кроме этих приспособлений, служащих для массового добывания рыбы, в ходу также многочисленные другие способы ловли, между прочим, и обыкновенная неводьба, продолжающаяся почти все лето.

При устье Конды ловится в громадном количестве стерлядь, с помощью самоловов. Несколько лет тому назад остяки – жители Конды – подали жалобу на реполовских крестьян, которые главным образом и ставили свои самоловы, будто бы они, загораживая устье, не пропускали рыбу в реку. Реполовцам было запрещено ставить самоловы. Но вскоре проезжавший на север бывший тобольский губернатор Гондатти снова разрешил ввиду того, что во время ловли, осенью, вернее, с конца июля, рыба идет не в Конду, а из Конды, почему самоловы ни в коем случае лишат рыбу кондинских жителей не могут. Кроме того, крючки помещались у самого дна, и таким образом (С. 203) они не могли вредить никакой другой рыбе, кроме стерляди. Стерлядь же, как известно, далеко от устья в Конду не заходит.

Большая часть рыбы, добытая теми или другими способами, не солится, но помещается в «сад», где и держится до поздней осени. Сад представляет из себя по большей части отгороженный залив реки. Иногда для этой же цели употребляются небольшие озера, находящиеся недалеко от места неводьбы, так, чтобы рыба доносилась в носилках живой до сада. В случае удаленности сада улов держится вначале в «подсадках». Подсадок представляет из себя небольшую лодку-однодеревку, бока которой продырявлены во многих местах. Сверху приделана крышка из деревянных планок. Это наиболее распространенный тип подсадка на Конде. Встречаются подсадки и другого рода, представляющие из себя или треугольные или квадратные ящики, или половину лодки, – все с продырявленными стенками. Подсадки в виде лодок обыкновенно употребляются тогда, когда надо перевезти рыбу на более или менее значительное расстояние. В этом случае они буксируются лодками. Подсадки второго типа употребляют как складочное место для рыбы, служащей для местного употребления. Как только начнутся морозы и появится лед, рыба из садов вылавливается неводками, сваливается на берег и замораживается; затем возами отправляется зимним путем в Тобольск или Тюмень. Благодаря такому способу сохранения рыбы в мороженом виде оттепель является для владельца ее большой бедой, так как оттаявшую рыбу приходится сбывать за полцены, а иногда и просто выбрасывать. В мороженом виде с Конды идет язь, щука, карась, а с устья – стерлядь. Рыба, сильно попорченная крючками самоловов, которая поэтому не может выжить в саду, засаливается. Мороженая рыба не является единственным рыбным продуктом, вывозимым с Конды. Значительная часть рыбы засаливается и продается под названием стопоной рыбы. В засолку идет всевозможная рыба. Она распластывается, солится самым незначительным количеством соли и затем вывешивается на особые вешала, крытые от дождя навесом. После этого рыба связывается в стопы и считается готовой к отправке. Благо (С. 204) дая плохому засолу рыба часто загнивает в стопах, особенно в случае подмоч-

ки. От этого получается отвратительный запах, так свойственный баржам и пароходам Низового края, занятым перевозкой рыбы.

Не менее важным промыслом является охота. Добычей служат олень, лось, медведь, выдра, лисица, белка и некоторые другие. На медведя специально охотятся только зимой, когда находят берлогу. Летом же, в случае нападения на скот, подкарауливают зверя у задранной скотины. Иногда ставятся капканы. Выдру, белку и соболя бьют, выхаживая последних с собакой, из винтовки-малопульки довольно примитивного устройства, что, однако, не мешает владельцам ее быть прекрасными стрелками. Лисиц добы-

112. Сушка стерляди
и самоловов в устье Конды

вают главным образом посредством капканов. Часто также берут весной молодых лисят из нор, воспитывают их где-нибудь в срубе или амбаре, а осенью, когда у них отрастет хорошая шкура, удавливают, захватывая деревянной вилкой за шею. Оленей и лосей, являющихся одними из главнейших предметов охоты, стреляют из ружья, подкарауливая на тропе или же гоняясь на лыжах с собакой. Последний способ особенно практикуется, когда глубокий снег покроется настом, не выдерживающим тяжелого лося. Иногда настораживают на оленьих тропах, всдущих к водопою, ружья. Но этот способ охоты в настоящее время практикуется только в самых безлюдных местах, так как бывали случаи, когда вместо оленя под выстрел попадал человек. Охота на зверя производится главным образом зимой и осенью, причем бьют зверя без разбора, что, несомненно, при увеличивающемся населении должно сказаться в скором времени в виде уменьшения количества дичи.

Из птиц в громадном количестве добываются утки, приблизительно в июле, когда птица линяет и летать не может. Охотятся тогда с собакой, которая и «давит» их. Иногда бьют просто шестами, разезжая на небольшой лодке. Вообще, промышленник, жалея порох и дробь, стреляет птицу только в исключительных случаях, когда надеется убить сразу чуть ли не десяток. Добыча в значительном количестве засаливается и служит вместе с оле-

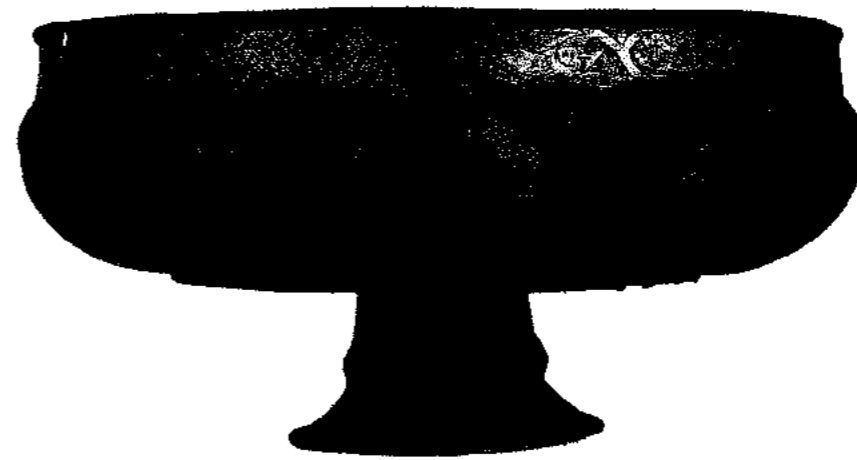
ниной, мясом лосей и другой дичью пищей зимой. Тетеревей и глухарей добывают главным образом (С. 205) зом посредством различных слопцов, пленок и ям в лесу, прикрытых хворостом. В ходу также довольно замысловатые ловушки, употребляемые как для птицы, так и для мелкого пушного зверя. Интересно устройство пленок, пользующихся большим распространением на Конде и ставящихся по берегам рек на бечевнике. Делают около воды на большом протяжении тальниковый забор высотой около аршина. В нескольких местах в заборе устраиваются отверстия, достаточные для прохода глухаря или тетерева. В этих отверстиях устанавливается волосяная петля приблизительно на высоте шеи птицы (для глухарей и тетеревей высота различная). Промежутки между петлями и забором закрываются ветками. Птица, прилетевшая на водопой и опустившаяся, как это всегда бывает, на некотором расстоянии от воды, направляется пешком к реке. Благодаря забору ей возможно пройти только в определенных местах, а именно – в отверстиях с установленными петлями (пленками), в которых она и запутывается шеей (рис. 113). Рассказывают, что подобный способ дает порядочную добычу.

Лебедей и гусей (последних во время весеннего и осеннего пролета) бьют из засады, приманивая чучелами. Что же касается других птиц, то на них специально не охотятся, так как многих в пищу не употребляют, считая «погаными»; бьют только гагар из-за их шкурки.

Говоря об охоте, невозможно не упомянуть о собаках, верных и опытных помощниках промышленнику в этом трудном деле. Кондинские собаки принадлежат к типу, широко распространенному по всему северу Тобольской губернии, за исключением крайнего. Отличаются по большей части серым цветом довольно длинной шерсти, пушистым хвостом, острой мордой и торчащими острыми ушами. Кормят их почти исключительно рыбой или всевозможными отбросами дичины. В более южных частях губернии, даже в Тобольске, они не выживают и, будучи привезены, через некоторое время обыкновенно погибают, по-видимому, от неподходящей пищи и недостатка привычного движения. Постоянство признаков заставляет считать эту породу собак установившейся расой, смешавшейся на крайнем севере с собаками-самоедками.

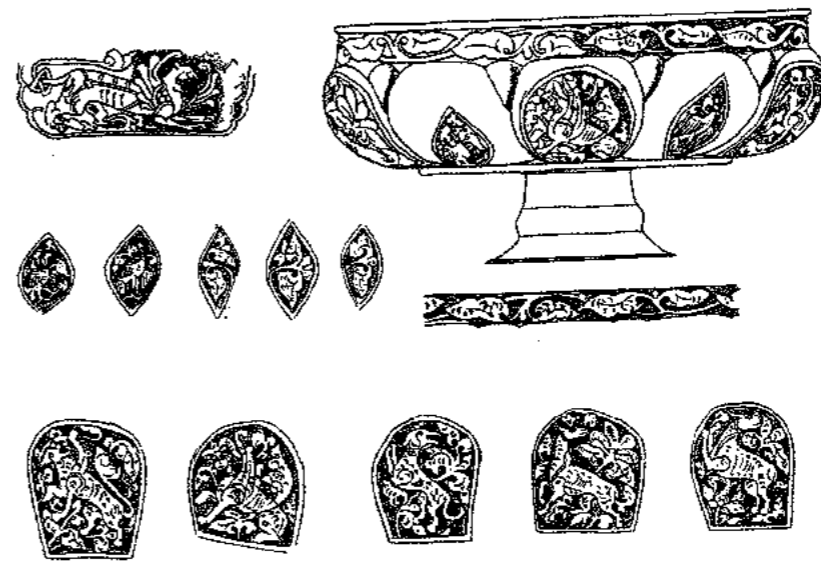
Третьим важным промыслом кондинских жителей является (С. 206) сбор брусники, которая там отличается обилием и прекрасным качеством. Нередки брусничники, тянущиеся на протяжении десятков верст. Как только они «застаревают», т. е. перестают давать ягоды, их сжигают весной, и на обожженном месте появляются новые. Сбором ягод занимаются как мужчины, так и женщины с детьми. При этом арендатор за свои 5 руб. имеет право посылать на сбор не более двух человек. Ягоды собираются сначала в берестяные набирки, а затем пересыпаются в берестяные же кузова, помещенные за спиной. До отправки с обозами зимой брусника сохраняется обыкновенно в небольших продолговатых срубах с крышей. Такие срубы устраиваются в значительном количестве на самых брусничниках, чтобы не везти легко портящуюся ягоду далеко от места сбора.

В 1910 г. почему-то совершенно не было не только брусники, но и почти всех других ягод. Подобный неурожай является большой неприятностью для промышленников, так как лишает их значительного заработка. Цена на бруснику, смотря по урожаю и по качеству ягод, колеблется в широких пределах.

Г. Золотоордынская чаша
конца XIII – середины XIV в.
из Ивдельской находки близ
берега р. Лозьвы:
а) общий вид;

а

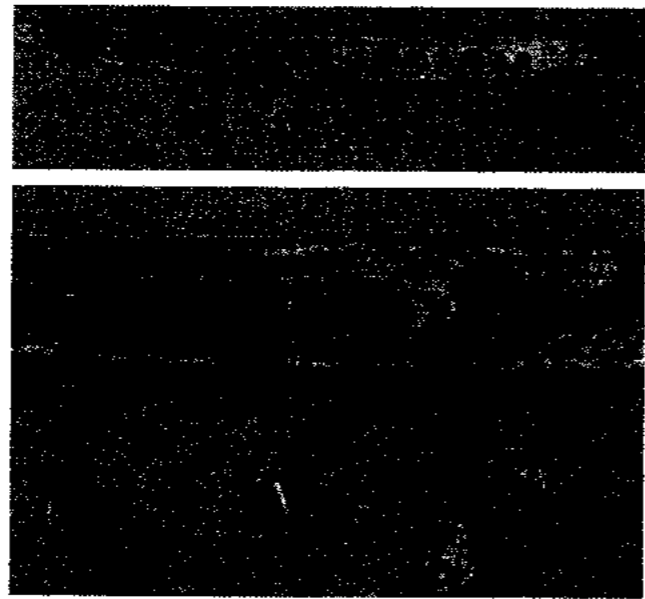

б) профисовка; общий вид
и детали

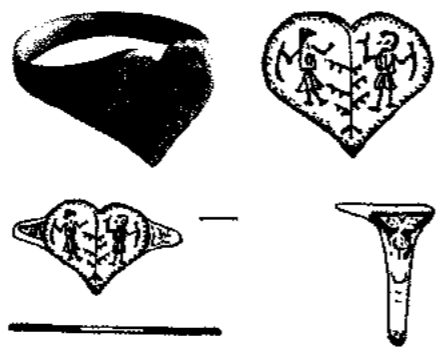
б

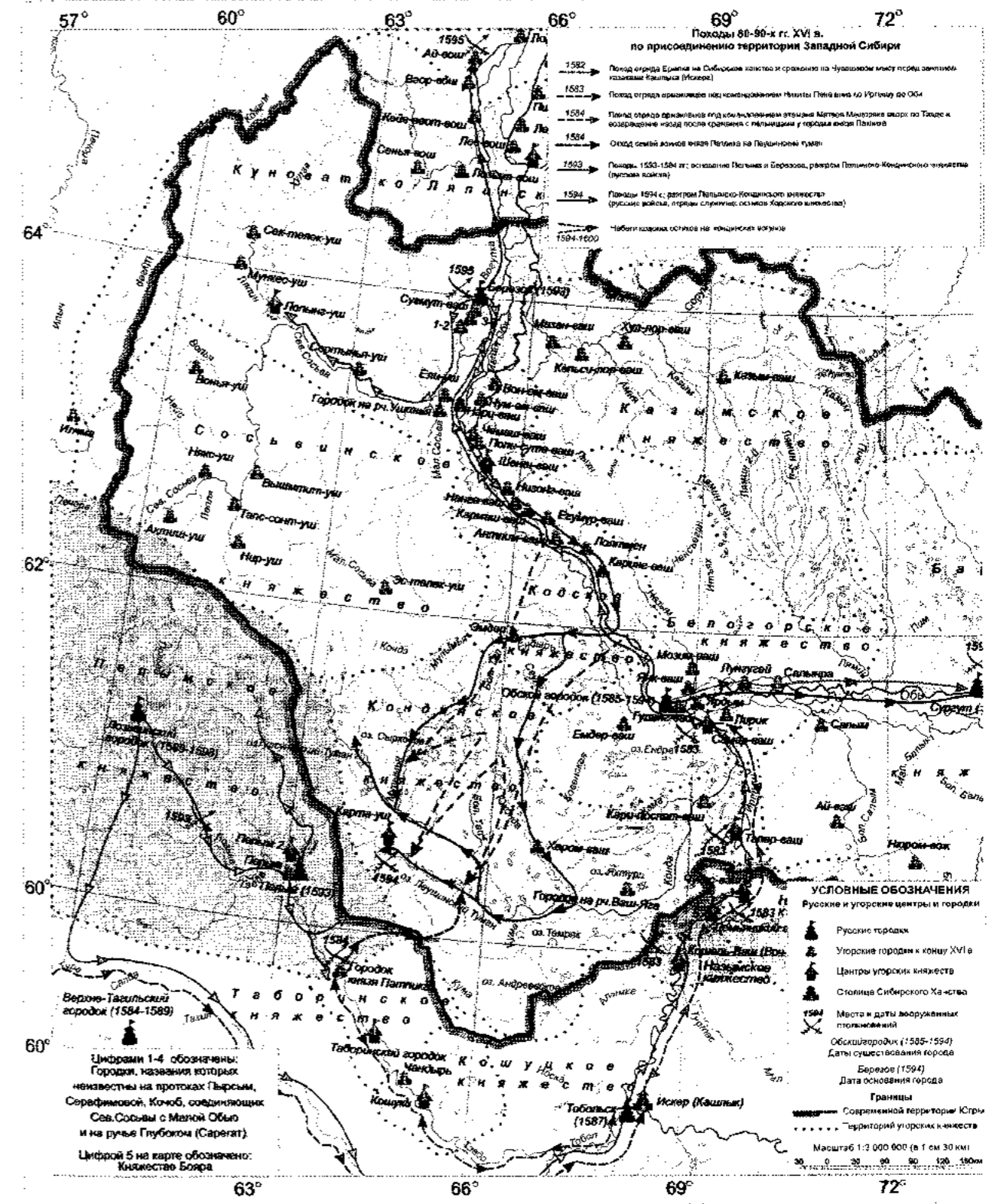
II. Серебряное блюдо
X-XI вв. с р. Сосьвы,
Волжская Булгария

III. Серебряное очелье и его
фрагмент с подвесками
из могильника Эсский остров
в верховьях Конды. Верхнее
Прикамье, XV-XVI вв.;
бусины - Золотая Орда,
XIII-XIV вв.

IV. Русский серебряный
перстень-печатка
из могильника Эсский остров
и прошивка изображений
на нем. XV-XVI вв.

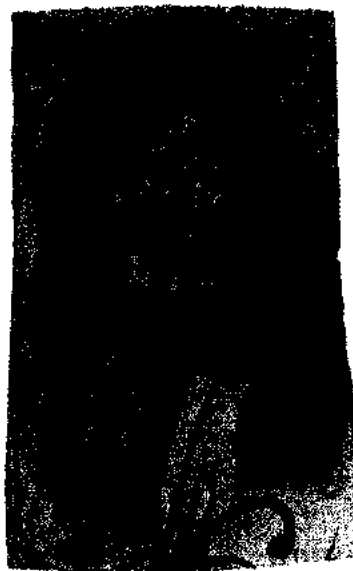
V. Вогульские и оставшие княжества XV-XVI вв. Фрагмент карты

VI. С. У. Ремезов. Чертеж земли
 Пельмского города
 из «Чертежной книги Сибири».
 1699–1701 гг. Фрагмент

VII. Филофей Лезуинский,
митрополит Тобольский
и Сибирский (Вогульский
апостол). Икона конца XIX в.

VIII. Спас Вседержитель.
Богоматерь Умиление
Владимирская («цепные»
иконы). Конец XIX в.
Тобольский и Вагайский
районы Тюменской области

IX. Часть территории (?)
городка Картаужа - центра
Большой Копды в XVI-XVII вв.
Фотография А. Е. Цеменкова.
2005 г.

X. Медвежий праздник
у манси. Фрагмент экспозиции
Нижнетагильского музея
горнозаводского дела

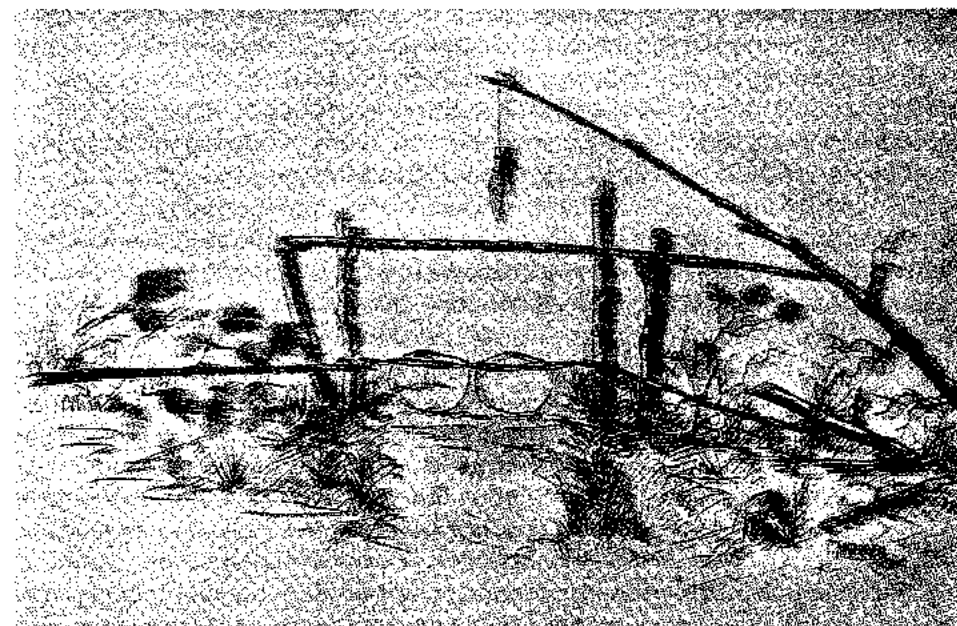
XI. Остяк и остячка.
Рисунок Осипова. 1920-е гг.
Из материалов В. И. Евадова.
СОКМ

XII. Г. Хорошевский. Плакат
«Выбирай в туземный совет».
1931 г.

Большой или меньший доход, зависящий от урожая и от количества появившейся ронжи, дает на средней Конде сбор кедровых орехов. Промысловый сбор шишек производится, как и в других частях Тобольской губернии, с помощью особой колотушки на шесте. Сильные удары этой колотушки (колота) по стволу дерева заставляют осыпаться шишки.

Все вышеперечисленные промыслы, вместе с арендными деньгами, уплачиваемыми русскими, дают кондинскому инородцу значительный доход, на который он может существовать безбедно. Но на самом деле остяки, за малыми исключениями, живут гораздо хуже благодаря тому, что тратят мно-

113. Петля на куропатку

го денег на покупку водки. Это особенно заметно в селениях, расположенных близко села Болчаровского, куда каждую неделю доставляется почталлоном спирт из с. Демьянского. Установилась даже цена в 1 руб. за бутылку водки. Этим пользуются для легкой наживы приезжающие на Конду русские. С приходом каюка или парохода с Иртыша обыкновенно все селение бывает пьяно благодаря водке, тайно привозимой приехавшими.

Избавиться от этого зла очень трудно. Нам пришлось видеть (С. 207) одного тайного торговца спиртом, которому по суду был запрещен въезд на Конду и который должен отсиживать приличное время за продажу водки. Это, однако, несколько не мешало ему иметь пребывание на Конде большую часть лета и даже ехать туда вместе с нами на пароходе. Задержать его из-за незначительности служебного персонала в кондинских селениях было некому. Жители же, приобретавшие у него спирт (занимался он также и скупкой пушнины), относились к нему довольно добродушно, хотя и называли не совсем лестными именами.

Из более необходимых трат надо указать на расход на одежду, так как остяки по большей части пользуются материалами фабричного производства. Сами ткнут холст из привозного льна и конопли очень немногие. Что же касается старинного производства холста из крапивы, иногда пополам с по-

114. Остячка за изготовлением холста из крапивы.
Фотография начала 1930-х гг.

купной коноплей, то оно в настоящее время почти совершенно исчезло. Сохранилось только в селениях наиболее консервативных, как, например, в Красном Яру. Тут нам пришлось видеть и приобрести для Тобольского музея орудия, употребляемые при этом производстве, и образцы самого полотна. Кроме того, со слов тамошней жительницы-остячки был записан и самый способ приготовления указанного полотна из крапивы (рис. 114). В дело идет только *Urtica dioica* L., произрастающая в значительном количестве по всем селениям Кондинского края как сорное растение. Крапиву собирают осенью, обрывают листья и вешают для сушки. По мере надобности собранные и высохшие стебли для приготовления кудели расчесывают особой костью, опрыскивая крапиву водой для того, чтобы она несколько размокла. Затем, для освобождения отделившихся волокон от твердых частей стебля, полученный продукт треплют. Кудель привязывают к палке, упирающейся одним концом в потолок, а другим – в пол избы, и сучат нитку на веретено с надежным на нем тяжелым наконечником из кости оленя, чтобы веретено легче вращалось. Из полученных ниток ткют на обыкновенных станках холст, который затем белится на солнце. Подобный холст употребляется для узорных остяцких женских рубах, изредка еще носимых старухами. Вышивки на таких рубахах делаются из овечьей шерсти, окрашенной в черный, красный, зеленый, синий и желтый цвета. В красный цвет красят пу(С. 208)тем варки шерсти с корнями «красного корешка» – *Galium boreale* L. Синий цвет придают с помощью покупной краски. При варке шерсти с различными видами *Licopodium* (*L. clavatum*, *L. annotinum* L., *complanatum* L.) она получает желтый цвет, который при прибавлении луковой кожуры переходит в зеленый. Воротник рубахи, точно так же, как и подол, еще вышивается бисером. Вышивки эти, иногда очень изящные, производятся от руки без всякой канвы. Остячки различают несколько узоров, носящих особые названия. Разбирать их здесь мы не будем, ибо об остяцких узорах можно найти порядочную литературу как у финских ученых, так и на страницах Ежегодника Тобольского музея. К сожалению, в настоящее время вышивкой рубах занимаются уже очень немногие остячки. Недалеко то время, когда исчезнет этот продукт народного творчества, подобно тому как исчезают старинные промысловые орудия. Луки со стрелами давно заменены ружьями, обыкновенно пистолетными и заряжающимися с дула. Первые, впрочем, еще изредка употребляют при охоте на белок, причем берутся особые стрелы с утолщением на конце. В последние годы начали входить в употребление невода, приготовленные машинным способом.

С появлением русских поселенцев на Конду стало проникать огородничество и земледелие. В настоящее время почти у каждого дома находится огород, снабжающий хозяев овощами в достаточном количестве. Прекрасно растут все овощи, разводимые и в более южных частях губернии, как, например, в Тобольске, чему способствует климат, мало отличающийся от тобольского.

Надо считать установившимся хлебопашество на верховьях Конды у с. Леушинского. Образцы овса, ржи и ячменя, привезенные из этого села г. Герасимовым, хорошего качества. Между прочим, не мешает заметить, что хлеб сеют еще севернее Конды, в верховьях р. Северной Сосьвы у Сарак-паула. Ниже по Конде, начиная от с. Нахрачинского, культура хлебов находится еще в стадии попыток, которым сильно противодействуют остячки, опасаясь, чтобы у них не отобрали земли для переселенцев, если на Конде ока-

жется возможным хлебопашество. В настоящее время все-таки во многих селениях сеют (С. 209) овес, как русские, так и остяки, но пока еще в небольшом количестве и без предварительного удобрения. В селении Вачкур нам пришлось видеть довольно удовлетворительные образцы ржи, сеявшейся на целину. В Богдановских юртах несколько лет тому назад с успехом сеяли лен. Многие жители Конды – русские – высказывали мнение, что хлебопашество возможно на местах урманов, занимающих большие площади по верхней и средней Конде.

Развитию культуры хлебов должно также способствовать скотоводство. Благодаря сравнительному обилию лугов (правда, часто затопляемых) кондинские жители имеют возможность держать большое количество скота: коров, овец и лошадей. Некоторым препятствием служит то, что скот сильно страдает от нападения медведей. Жалобы на «зверя» приходится слышать в каждом селении. В юртах Урманских медведь в первый же год зарезал несколько штук крупного скота у недавно поселившихся там русских, благодаря чему поселенцы окончательно обеднели. Надо заметить, что лошади очень редко делаются добычей зверя, несмотря на то, что летом предоставляются сами себе и бродят обыкновенно небольшими табунами по необозримым болотам и лугам Кондинского края. В это время лошади совершенно не нужны, так как из-за обилия болот езда на телегах на сколько-нибудь значительном расстоянии не представляется возможной. Зато зимой с Конды идут на Тобольск обозы с мороженой рыбой, брусникой, пушшиной и кедровым орехом.

Часть стоповой рыбы и пушнины иногда отправляется летом на каюках (крытых лодках, вмещающих сотни пудов) до Иртыша, где и перегружается на пароходы. Каюки на обратном пути обыкновенно нагружаются нужными товарами, между которыми не последнюю роль играет спирт.

Для простого переезда между селениями употребляются небольшие лодки-однодеревки или более значительные неводники. По величине и по дереву, из которого они сделаны, лодки разделяются на осиночки и кедровки. Приготавливаются однодеревки выдалбливанием стволов осины и последующим разведением образующейся колоды. При этом в ловких руках инородца получается очень изящная, легкая, с тонкими стенками лодка, (С. 210) вмещающая, в зависимости от величины, одного или нескольких человек. Такие лодки незаменимы, когда приходится делать поездку во внутрь страны по речкам часто очень незначительной глубины и отделенным одна от другой волоками. Приехав к такому волоку, путник вытаскивает свою легкую лодочку на берег, складывает пожитки в один конец, а другой посредством короткой веревки прикрепляет к веслу, закинутому на плечо. Благодаря тому, что лодка касается земли всего одним концом днища, становится возможным тащить ее без особого труда иногда несколько верст от одной речки до другой.

Из отчасти сухопутных летних путей сообщения на Конде надо указать так называемую Демьянскую тропу, по которой совершается еженедельно доставка почты из с. Демьянского на Иртыше. Тропа эта, начинающаяся у Болчар, простирается не более как на 50 верст и выводит к Иртышу всего в 5 верстах от Демьянского. При пользовании ею приходится частью идти по совершенно сухим борам, частью ехать на лодке; но попадаются также и болота (торфяники), ходьба по которым представляет немалое затруднение. Почтальон, тамошний житель, проходит весь путь в сутки.

Жители с. Болчаровского передавали, что имеется еще одна «тропа», гораздо более удобная, нежели Демьянская. По этой тропе, которая выводит на юрты Цингалинские, все время, за исключением небольшого волока, приходится ехать на лодках. Вообще же подобные тропы не представляют из себя удобных путей сообщения. Речки, по которым приходится ехать иногда значительные расстояния, мелководны и нешироки, так что по ним возможно проплыть только на маленьких остяцких лодках, не могущих поднять сколько-нибудь значительный груз. Поэтому на Конду остается только один хороший путь – это по самой реке. Пароходству Голева-Лебедева предстоя-

115. Юрты Камовские.
На берегу – сети и лодки.
1910 г.

ло доказать судоходность Конды, что и удалось сделать с успехом. Можно надеяться, что за этими первыми рейсами последуют и другие, которые, однако, не могут быть многочисленными из-за незначительности населения и зависящего от этого небольшого спроса на товары. Да и в будущем трудно ожидать очень значительного увеличения населения, особенно на неприветливой нижней Конде. Земледелие возможно в весьма незначительной степени благодаря (С. 211) общей болотистости местности и песчаной почве. Рыбная же ловля, охота и другие лесные промыслы могут прокормить только немногочисленное население. Особенно лесные промыслы требуют больших и безлюдных пространств, где мог бы беспрепятственно кормиться зверь.

Однако, как уже было упомянуто выше, в последнее время на Конду, особенно верхнюю и среднюю, начинают переселяться крестьяне из других мест Тобольского округа, предполагая найти здесь более легкий заработок. Такое заселение края до известного предела природными сибиряками не является нежелательным, так как оно спасает край от окончательного безлюдья, которое замечается на некоторых местностях Тобольского Севера благодаря вымиранию инородцев. Особенно это ярко сказывается на Конде, где в местах, для русских малодоступных и непривлекательных, замечается вы-

мирание коренного инородческого населения, в то время как в центре Конды, куда переселились русские, наоборот, замечается прирост населения, на что указывал для конца 80-х гг. в своем сочинении Патканов. Здесь ясно заметна мирная борьба за существование, когда выживает и делается хозяином страны человек, соединяющий в себе лучшие качества двух народностей. Можно ожидать, что в скором будущем остяки и вогулы на Конде исчезнут, но образуется новое племя, которое, будучи русским по языку и религии и сибиряком по предприимчивости, сохранит инородческую выносливость и приспособленность к окружающим условиям.

Публ. по: Городков Б. Н. Река Конда // Землеведение. СПб., 1912.
Кн. 3/4. С. 174, 176, 192–211

№ 43. Кристина Ивановна Панова (урожденная Казанцева) родилась в день Вознесения в 1914 году в деревне Пашня Леушинского сельского совета Кондинского района Тюменской области (по административному делению советского времени). На момент записи воспоминания жила в поселке Мортка.

Воспоминания Н. А. Семенова (№ 44), Л. Ф. Вискуновой (№ 45), М. И. Кентиной (№ 46), Т. Е. Носовой (№ 47), А. В. Казанцевой (№ 48), В. Ф. Филатова (№ 50) записаны Ольгой Александровной Кошмановой. Ей же принадлежат и сведения об этих старейших жителях Кондинского края, равно как и об авторах публикаций № 43 и 49.

№ 44. Николай Анисимович Семенов родился в деревне Терес Кондинского района (по современному названию) в 1898 году. Неграмотный. Манси.

Прекрасно знал свой родной мансийский язык, по-русски же говорил с сильным акцентом. Ко времени моего знакомства с ним он очень плохо слышал, с большим трудом понимал русский язык, но если вникал в суть вопроса, то был отменным рассказчиком. Во время наших бесед, видя, с каким трудом я пытаюсь что-то выяснить, узнать, а он не слышит, не может разобрать моих слов, спрашивал меня:

– Тебе не надоело мне в ухо орать?

А однажды, прослушав свой рассказ в магнитофонной записи, сказал:

– А я думал, что очень хорошо говорю по-русски!

Он рассказывал интересно, с всякими подробностями, подчеркивая родственные отношения, виды работ, занятия жителей деревни по сезонам, всякие другие подробности жизни его родной деревни Терес.

Умер в преклонном возрасте.

№ 45. Вискунова Любовь Филипповна (урожд. Кауртаева) (25.08.1906 – 30.08.1995) по национальности манси, родилась в деревне Учинья Туринского уезда Тобольской губернии (по административному делению того времени).

Прожила долгую и полную лишений жизнь (89 лет).

На ее долю, как и на долю всех живших в то время, выпало много всевозможных тягот: приход Советской власти, борьба с религией, сталинский террор (раскулачивание, «твердое задание», аресты 1937 года). Затем – Великая Отечественная война, послевоенное лихолетье. После этого – хрущевская эпоха, брежневское правление, горбачевская власть.

Вся жизнь моей тети по матери Любови Филипповны – в ее рассказах, которые записаны мною в разное время и всегда от первого лица (от лица Любови Филипповны).

Но хочу рассказать о том, чего нет в записях.

Любовь Филипповна, когда я расспрашивала ее о прошлой жизни, для начала бранила меня за все прошлое: за раскулачивание, за арест отца и других невинных, за все промахи Советской власти и за все ее ошибки. За все это доставалось мне. Я ей не перечила. Любови Филипповне было нужно высказать свою боль, обиду, ей жгла душу горечь утрат, смерть детей, не забывались нужда, нищета и многое-многое другое, что пришлось испытать в жизни.

Высказав мне свое мнение и обвинив меня во всех грехах Советской власти, Любовь Филипповна успокаивалась и начинала свой рассказ о прошлом житье-бытье. Меня всегда удивляло, что она помнила не только год какого-либо события, но точную дату и разные мелочи того времени.

Жизнь Любови Филипповны Вискуновой – это история Конды, да и, наверное, всей нашей России. При ее жизни пришла Советская власть, при ее жизни ушла Советская власть.

№ 46. Кентина Мария Ивановна родилась в 1902 году в деревне Болино Пельимской волости Туринского уезда. Училась в школе. Вместе с родителями переехала в Евру в возрасте 10 лет. Школы в деревне не было, и больше учиться не пришлось. Вышла замуж за коренного жителя Алексея Кентина и прожила в Евре вплоть до ликвидации деревни.

В настоящее время мало кто помнит о существовании деревни Евра. Знают больше речку под этим названием, которая пересекает дорогу из Междуреченского в Урай.

Деревня Евра в начале XX века имела большое транспортное значение, потому что только через нее можно было проехать в Кондинскую сторону от Гарей, Туринска и т. д. Правда, была еще одна дорога, через Полушаим. Но ею пользовались только жители верховья Конды.

Большинство военных передвижений того времени также осуществлялось именно через Евру. И те, кто охранял Евру, охраняли фактически весь Кондинский край.

Располагалась деревня Евра на границе двух миров: русского и вогульского. Кроме того, по речке Евра шла граница между двумя волостями: Пельимской и Больше-Кондинской. Да и само название деревни происходит от вогульского слова «вывр», что в переводе на русский означает «порог» или «ворота».

Сторожилы рассказывают, что когда-то у въезда в Евру стояли большие ворота (типа арки), через которые должны были проезжать все прибывающие в деревню и покидающие ее.

Относилась деревня Евра к Больше-Кондинской волости Туринского уезда.

№ 47. Носова Таисья Евменьевна, в девичестве Силивѳрстова (22 октября 1898 г. – 28 ноября 1986 г.) родилась в с. Чернавское Пельимской волости Туринского уезда.

Закончила трехклассную церковно-приходскую школу.

В 1916 году, 18 лет, вышла замуж за Тимофея Носова в д. Носова той же волости. В 1918 году овдовела. Муж скоропостижно умер от сибирской язвы.

В 1919 году в поисках работы приехала на Конду и стала трудиться пастраткой (так тогда называли домашних работниц) в семье Вискуновых, что

116. Семья Мотышевых:
Таисья Евменьевна и Тихон
Ефимович. Около 1960 г.

жили в деревне Токлован (в 7 км от с. Леуши). Деревня всего-то была на два дома, т. е. жили в ней всего два хозяина.

Осенью 1920 года Таю арестовали, перепутав с какой-то офицерской женой, которая находилась в розыске. Арестовали и увезли в Нахрачи. Добрались туда на лодках уже во время рекостава.

– Сами себя везли, – вспоминает Таисья Евменьевна.

В Нахрачах ее как знающую грамоту обязали работать в совете секретарем до выяснения личности.

По первому пути из села Чернавского пришли документы, и Таю отпустили. И она вновь уехала в Токлован, так как считала себя уже членом семьи Вискуновых. Да и относились к ней в доме Вискуновых, как к родной.

В начале 1921 года Таисью Евменьевну, а тогда просто Таю, направляют в деревню Учинья для организации там ликбеза.

Тут нужно отметить, что первые двадцать лет XX столетия для таежников Конды прошли согласно вековым традициям и обычаям.

Кондинцы рождались, умирали, женились, ездили на базары продавать свой товар и закупали все необходимое для жизни в таежных условиях.

Для мужчин по-прежнему на первом месте стояли охота и рыбалка. А также все тяжелые работы по ведению домашнего хозяйства: вывозка сена с лугов, ремонт сбруи, заготовка жала, плетение рыбацких ловушек, шитье обуви.

В привычном укладе жизни жителей Учинья произошли изменения, когда зимой 1921 года к ним приехала учительница. Школы тогда в деревне не было, поэтому создание ликбеза стало для нее большим событием.

№ 48. Казанцева Анастасия Васильевна, в девичестве Кислицина, родилась 7 января 1900 г. в с. Леуши Тобольского уезда Тобольской губернии. По национальности русская. Малограмотная. Ее родители переехали в Леуши на постоянное место жительства в конце XIX века. До переезда они

жили в г. Тобольске, но, познакомившись с жизнью на Конде, решили поселиться в Леушах. Их привлекло наличие здесь сенокосных лугов, свободных земель, где можно было заниматься земледелием, охотой, рыбалкой.

До замужества Анастасия Васильевна жила в Леушах, а потом – в Пашне. Ее мужа Деомида Ивановича Казанцева арестовали в 1937 году, вместе с другими мужчинами из деревни. И до самой смерти Анастасия Ивановна ничего не знала о его судьбе. Муж, когда его забирали, попросил, чтобы она сохранила его охотничьих собак, которыми он очень дорожил. Надеялся, что разберутся, и он быстро вернется домой. Собак этих Анастасия Ивановна держала до старости, сама их и похоронила. Но мужа домой не дождалась и даже никакой весточки ни разу от него не получила.

(Казанцев Деомид Иванович, 1899 г. р., расстрелян в Тюмени 29.11.1937 г. Реабилитирован 3.06.1961 г.).

№ 49. Цехнова Нина – краевед из п. Кондинское. По рассказам старожил и архивным данным она собрала сведения о кулацком мятеже 1921 года на Конде и изложила их в своих записях в 1980-е годы.

№ 50. В семье Василия Федоровича Филатова из поселка Ямки помнят историю о том, как его дед **Федор Васильевич Филатов**, будучи 11-летним мальчонкой, оказался свидетелем страшных, кровавых событий времен гражданской войны.

Жили Филатовы тогда в деревне Юмас. И когда у них забрали лошадь, которой очень дорожил глава семейства Василий Васильевич, то в качестве возчика, надеясь все же вернуть лошадь, отец отправил в село Леуши сына. Так Федюшка Филатов, 11 лет от роду, попал в самое логово белобандитов.

№ 51. Более-менее подробных сведений о **Л. Р. Шульце** в известных нам справочниках и энциклопедиях обнаружить не удалось. Возможно, в начале XX века он состоял тобольским губернским землемером. По крайней мере, В. Н. Пигнатти в 1910 году сетовал, что «губернатор не дал отпуска Л. Р. Шульцу и... составление хотя бы приблизительной карты пройденного региона явилось невозможным»¹. В следующем году, уже в качестве научного сотрудника Тобольского музея, Л. Р. Шульц возглавляет экспедицию (в отчетных документах она именуется «экскурсией») к хантам на р. Салым, организованную музеем совместно с Академией наук, Географическим обществом и Русским музеем в Санкт-Петербурге. В почти двухмесячной «экскурсии» участвовали также студент-естественник Б. Н. Городков (вместе с В. Н. Пигнатти путешествовавший в 1910 г. по средней и нижней Конде; см.: № 40, 41) и фотограф-художник Г. И. Лебедев. Богатейшие этнографические, изобразительные, фольклорные и прочие материалы, собранные на Салыме этой экспедицией, используются исследователями и до настоящего времени². Публикуемый в данном издании в извлечениях «Очерк Кондинского района» появился после поездки сотрудника Тобольского музея Л. Р. Шульца, предпринятой им зимой 1925 г. по поручению Управления народнохозяйственного учета (Уралплана) недавно созданной Уральской области для предварительного описания Кондинского района. Несомненная квалификация и большой опыт Шульца как исследователя местного края нашли отражение в подробных описаниях хозяйства кондинских манси, хантов и русских, их быта, религии и других особенностей.

¹ Пигнатти В. Н. Краткое сообщение о поездке на реку Конду (М. Кондинская волость Тобольского уезда) летом 1910 года // ЕТГМ. Тобольск, 1912. Вып. 20. С. 3–4.

² См.: Гриценко В. И., Иваско Л. В., Ильина И. В. и др. Салымский край. Екатеринбург, 2000. С. 24–26 и др.; краткий отчет Л. Р. Шульца об этой поездке и путевой дневник Б. Н. Городкова (ЕТГМ. 1913. Вып. 21. С. 1–100). Итоги экспедиции 1911 г. позднее были обобщены в специальном очерке Л. Р. Шульца «Салымские остяки (Из материалов к этнографии южных остяков)», опубликованном в «Записках Тюменского общества изучения местного края» (Тюмень, 1924. Вып. 1. С. 166–200).

В книгохранилищах региона не удалось найти 8-й выпуск журнала «Урал. Техничко-экономический сборник» за 1926 г., где первоначально был опубликован «Очерк Кондинского района» Л. Р. Шульца. Только в библиотеке Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника обнаружился отдельный оттиск данной работы без указания места и времени выхода и со специфической (возможно, дефектной) нумерацией страниц: после С. 34 идет С. 17 и следующие, причем преемственность содержания текста при этом сохраняется. В связи с данным обстоятельством при публикации пагинация страниц, начиная с 17-й, воспроизводится в круглых скобках с добавлением римской цифры II.

№ 52. Автор «Краткого описания Кондинского района Тобольского округа по Всесоюзной переписи 1926–1927 гг.» является руководитель переписи по району Ф. Батурина. В конце машинописного текста на 56 страницах (28 листов с оборотами) «Краткого описания» имеется его подпись. В отличие от более пространный (свыше 180 страниц), также машинописного текста «Кондинский район по материалам Приполярной переписи 1926–27 г.» из Отдела письменных источников Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (нам известны и другие его копии), где содержится исключительно социально-экономическая информация, «Краткое описание...» Батурина помимо более компактного изложения материала о хозяйстве, населении Кондинского района, путях сообщения и тому подобном содержит специальный раздел «Быт и нравы», включающий сведения о религиозности, обычаях на охоте и в рыболовстве, описание одежды, построек и др. Немало интересных конкретных данных и деталей содержится и в прочих разделах работы Ф. Батурина, поэтому она и была избрана для публикации.

№ 42. – Кошманова О. А. Заселение Конды

Иван Яковлевич Кравченко, по национальности манси, но с украинской фамилией, рассказывал, что его деда то ли в конце XIX века, то ли в начале века XX сослали на вечное поселение в Сибирь. И попал он в Конду, в частности в Леуши. Впоследствии женился на местной вогулке, и с тех пор в роду Кравченко кроме украинской крови течет и вогульская, хотя фамилия по мужской линии сохраняется. С тех же пор сохраняется и фамилия Довыденко (одновременно на Конду были сосланы Кравченко и Довыденко).

В деревне Учинья в начале века поселились Вараксины, Таскаевы, Масловы. Кос-кто был выслан, но большинство в те годы переселялись сами. Для начала в Кондинский край навещивались главы семейств или представители родов. Познакомившись с условиями жизни, природными условиями, они переезжали сюда всей семьей или всем родом. Правда, многие заранее договаривались с коренными жителями той или другой деревни или заводили родство: выдавали замуж дочерей или женили сыновей, а то и запросто сами создавали здесь вторые семьи. Но, прижившись, привозили прежнюю семью, оставляя временную без помощи. <...>

Все жили за счет природных ресурсов. А тут такой наплыв переселенцев! Это не всегда нравилось местным...

Вот примерный список, совершенно неполный, переселенцев тех лет по деревням среднего течения Конды.

В деревню Ёлушкина, в поисках романтики, приехала семья Богдановых из 8 человек: три сына, три дочери да самих двое.

Направлялись они, вообще-то, дальше на север, хотели найти там оленьих людей, о чем мечтал глава семейства Кирилл Богданов. Но случилось непредвиденное: пала лошадь, на которой они везли свой скарб. Вот им и пришлось просить пристанища в Ёлушкиной. В деревню их не приняли, но и не выгнали, а разрешили поселиться за деревенской речкой, где они и жили первые годы.

Со временем парни переженились, девчата повыходили замуж за местных. Да и власть сменилась. Так и пополнилась деревня Ёлушкина новыми жильцами, и обновилась кровь вогульская питерской кровью. Почему питерской? Да Богдановы всегда говорили, что они приехали из Санкт-Петербурга. Бабку Окелину, главу семейства, до конца ее дней звали бабкой-петроградкой.

Кроме Богдановых в деревне по разным причинам поселились Куреневы из Кыртыпы, что в Пельмской волости, всем своим родом; Яков Першин из Нахрачей.

В Тап, где было всего 5–7 дворов, переехали Балакины – семья около десяти человек из-под Гарей, Нефедковы.

В деревне Силаву и Луговую перебрались Вискуновы из д. Василисино Пельмской волости.

В деревню Пашня – Казанцевы, Нефедковы, Пановы.

Братья Кузнецовы из д. Болино перебрались двое в Запор, а Иван – в Евру. Сюда же, в Евру, переселились и Саламатовы из Ерёмипой той же Пельмской волости.

Много было новоселов в Леушах, в том числе Степан Сафронович Новоселов – торгующий купец и скупщик мехов из д. Македоновой, что под Тобольском.

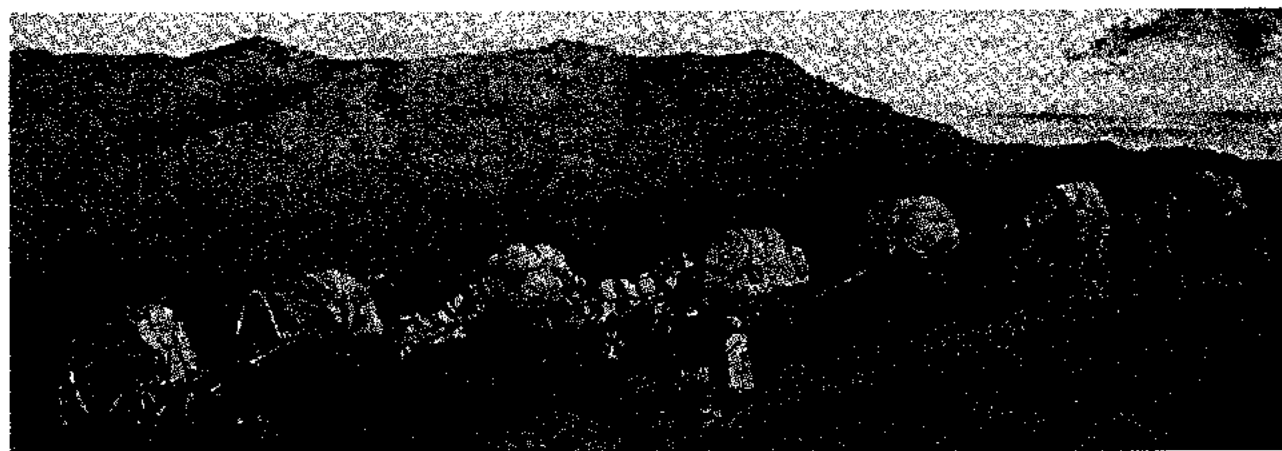
В деревне Учинья поселились Репины из Тобольска, Овешковы из деревни Рублевой Пельмской волости.

Кроме них в то же время в Учинье появляются семья Хомяковых, Куковин Василий Николаевич. И решением схода их поселяют на половине пути между д. Тапом и д. Учиньей. В то время там уже живет Кауртаев Иван Андреевич со своей семьей. Ему, после женитьбы на женщине из д. Тап, отвели родовое угодье как раз посредине пути между этими деревнями. Вот к нему и подсслили приезжих. Впоследствии деревня получила название Половинка, потому что находилась на середине-половине пути между деревнями Тап и Учинья. (Это не современная Половинка на 615-м км реки Конды, а та, что называется Старая Половинка, примерно на 595-м км. Ее в настоящее время уже давно нет.)

В деревню Нингатья (Ингатья) приезжают из с. Черновско[го] Калининского района (по административному делению Уральской области 1920-х гг.) несколько семей-родственников: Ивановы, Истомины, Кожевниковы, Мостовых. Но деревню в половодье заливало водой, поэтому и местные, и приезжие решили перебраться на новое место. Выбрали место на берегу речки Сопратья, левом притоке реки Тап (примерно в 2 км от устья), на краю соснового бора. Речка рыбная. В лесу много ягод. Сюда и переселились все вместе, и русские приезжие, и местные жители. Правда, русских было гораздо больше. Деревню назвали Пихтовка.

Чуть позже в Плихтовку переселились Филатовы из деревни Малый Тап. А до переселения в Конду они жили под Тобольском: Петр Семенович с сыновьями и братьями. И вновь вогульская кровь обновляется, и появляются молодые люди с русской фамилией Филатовы, но по национальности вогулы-манси, не знающие ни единого вогульского слова.

Где-то около 1920 года в Учинье появляется семья Хомяковых. Мать семейства Евдокия Ивановна Хомякова, отчим Бекетов Кузьма Иванович, три сына: Федор, Григорий, Николай и старшая дочь Татьяна. Это были самые дальние переселенцы Конды – аж с самой Австрии прибыли после длитель-

117. П. М. Кокшафов.
Движение переселенцев
в Сибирь. 1. Движение
переселенцев из Томска
(С. 268). 2. Переселенцы,
едущие пароходами от Томени
до Томска (С. 269).
Литография. 1891 г.

ного путешествия по дорогам России (Полтавская губерния, Кременчугский уезд).

Их поселяют в деревне Половинка. Вскоро к ним подселился Кауртаев Лаврентий Егорович, женившись на женщине с того же Тапа – Балакиной Лукерье Ефимовне, русской, только что приехавшей с отцом на жительство в Тап. Кстати, Балакины приехали из-под Гарей.

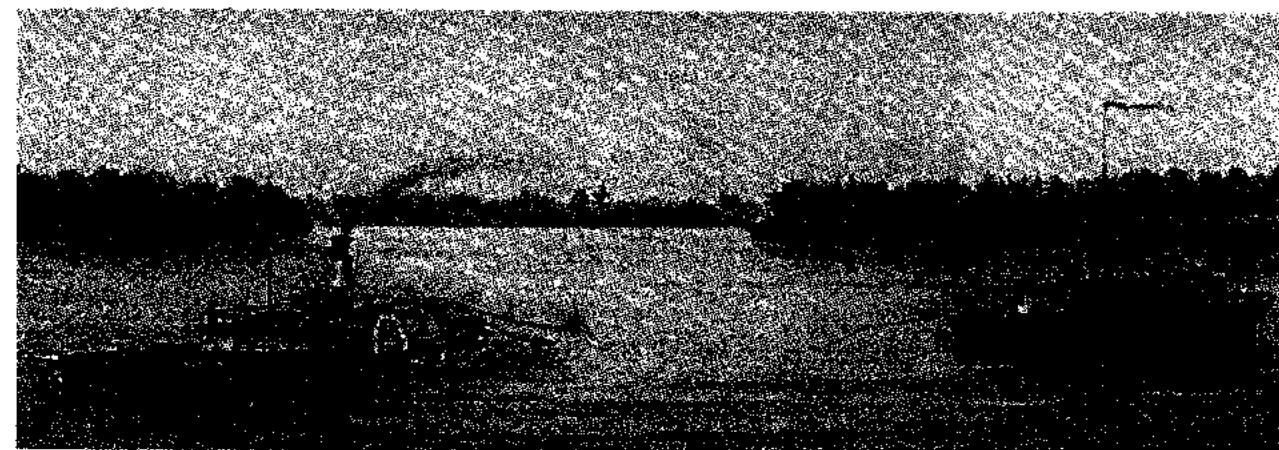
Семья Хомяковых, согласно семейным преданиям, которые хорошо помнит Анатолий Николаевич Хомяков, директор Учинского этнографического музея, такова. Когда-то Хомяковы жили на австрийской границе, буквально на самой границе. Влас Хомяков, будучи призывного возраста, никак не хотел пойти в солдаты. Тем более что уж и женат был. Но в деревню иногда приезжали представители власти, устраивали проверку, забирали в рекруты тех, кто подходил по возрасту. Влас заготовил себе оружие для защиты в виде штыка, насаженного на длинную палку. В случас, если его заставали дома, он этим оружием отмахивался от приехавших за ним, а потом собственным огородом уходил за границу. Благо граница была прямо за его огородом. Перебежав австрийскую границу и чувствуя себя в безопасности, Влас Хомяков (Комяк – по звучанию фамилии того времени) низко кланялся преследователям.

Жили Хомяковы очень бедно, потому что совершенно не было зсмли. Вся земля была помещичья. Если и брали землю в аренду, то надо было делиться половиной урожая.

Столыпинская реформа (1906 года) предоставила Хомяковым шанс избавиться от нужды. Решили они ехать в Сибирь на освоение новых земель. Но им дали разрешение на проезд только до Томской губернии. Дальше схать

было нельзя. Хомяковы поселились в деревне Шишино Кемеровского района Кемеровской области (по современному административному делению). Здесь в семье Хомяковых появляются еще двое детей: Григорий – 1908 года рождения и Николай – 1910 года рождения. Двое старших: Татьяна и Федор – уже подросли. В Кемеровской области жизнь тоже не оказалось малиной, и вся семья переезжает в Томск. И здесь случается несчастье: умирает глава семейства Влас Хомяков.

Евдокия Ивановна Хомякова (в девичестве Кислюк) остается с четырьмя малыми детьми на руках. Но их, переселенцев, в то время и в Томске хва-

тало. Многие оказались в бедственном положении. И все вместе искали выход, чтобы не умереть с голоду. Нашлись добрые люди, которые посоветовали ехать дальше на север. Решили вместе с большинством на каюках – плоскодонных деревянных лодках – ехать в Обдорск (современный Салехард). И поехали. По дороге тоже слушали всякие разговоры, сами спрашивали... И тут кто-то посоветовал ехать в Конду, где земли не мерены, заливные луга не кошены, рыбу хоть голыми руками лови. Рассказывали о могучих лесах, богатых ягодами, лесной птицей, оленями да лосями.

Так и попала семья Хомяковых на Конду – сначала в Учинью, а потом обосновалась в Половинке. И дала эта семья большое потомство. От дочери и трех сыновей Евдокия Ивановна имела 30 внуков! Да еще и разных по национальному составу: русских, коми, манси. А если посчитать до начала XXI века, то потомков Евдокии Ивановны Хомяковой наберется уже около тысячи. Хомяковы – самые дальние переселенцы на Конде. Много было переселенцев из-под Тобольска, из Пельимской, Турипской, Тавдинской волостей.

Интересна и история семьи Кукувиных, проживающих в д. Половинка. Неизвестно откуда появился в деревне мужчина цыганистого типа. Из какого он рода-племени, никто ничего не знал. Фамилия, многие предполагали, вымышленная (от слова кукушка, что прячется и подкидывает яйца в чужие гнезда).

Кстати, отчества его практически никто из многочисленных наследников вспомнить не сумел. Помог сын, живущий в Кондинском, Александр. Сам Кукувин Василий Николаевич никогда ничего о себе не рассказывал. Поэто-

му, наверное, и пошли всевозможные домыслы, догадки, выдумки. О Куковине Василии Николаевиче до сих пор помнят старожилы. Вся деревня звала его цыганом. По легенде, Куковин, а для начала – Коковин, до приезда в деревню был конокрадом. Но после очередной кражи он был пойман и крепко избит. Говорят, что раньше был такой метод борьбы с ворами: поймают и бьют палками по пяткам ног. Вот и все наказание. Но только после этого человек уже никогда в жизни не мог ходить нормально. Что и случилось с Василием Николаевичем Коковином-Куковином. Сидя за столом, Василий Николаевич казался нормальным мужчиной, но передвигался он особым способом. Встав во весь рост, делал шаг и слегка приседал, при втором шаге – приседал еще ниже. И так до полного приседания. Отдохнув, вновь поднимался в полный рост, и все повторялось снова.

Появился Куковин в Половинке где-то после 1910 года. Женился на местной женщине Кауртаевой Серафиме Егоровне. У них в семье было больше десяти детей. Получали они, т. е. Куковины, как говорили в деревне, «тыщи» на детей, этим и жили. Работать ни Серафима, тем более сам Куковин нигде практически не могли, да особенно и не хотели. В летнее время глава семейства со своими детьми ходил в лес на сбор ягод, грибов. До сих пор многие старожилы помнят фразу Куковина и часто повторяют ее, когда собираются в дорогу или в лес: «Благословляй, мать, по грибы пошли!»

Куковины имели большой огород, где выращивали овощи, держали корову, телят. А дети, подрастая, работали в колхозе.

Куковин Василий Николаевич умер в возрасте 75 лет, где-то в 1956–1957 году (точно никто не знает). С ликвидацией деревни Старая Половинка он жил уже в Половинке на мысу с сыном Александром. Похоронен тоже в Половинке. Эти сведения мне передал внук В. Н. Куковина В. Н. Хомяков из города Урая.

Такова первая волна переселенцев Конды. Будет и вторая, и третья, и еще много волн, сорвавшихся с привычных мест и волей судьбы забросивших на болотистые берега Конды кого как: кого-то – по спецпереселению в сталинскую эпоху, кого-то – в поисках работы, кого-то – по вербовке, кого-то – по эвакуации во время войны и по многим другим причинам.

Публикуется впервые

№ 43. – Панова К. И. Переезд на Конду

Деревни в основном стояли по берегам реки Тавды. Население Гарей от реки Тавды ходило на промысел в бассейн реки Конды по зимним дорогам, проложенным:

- от Пельма через р. Черную, через р. Евру к деревням Евре и Сатыге;
- от деревни Лопатково вдоль р. Конды к деревне Лева;
- от деревни Чернавской вдоль рек Чёрной и Левы к деревне Лева.

Жители д. Казанцево вели полукрестьянский, полупромысловый образ жизни. Отстрадававшись, в сентябре начинали развозить по охотничьим избушкам продукты и провиант. А в октябре месяце уходили на охоту в тайгу до глубокого снега.

После столыпинской реформы в Гаринский район наехало много переселенцев с Запада. Это было правительственное преобразование – тогда ев-

ропейским крестьянам давали подъемные, оплачивали дорогу, лишь бы они переселились в Сибирь. Те валили в насиженные места, отнимали у жителей распаханную землю да и стесняли в лесах на промыслах. Поэтому сторожилы Гарей сорвались и ушли с насиженных мест на Конду, ближе «к воле». Тем более что они прекрасно знали дороги и были знакомы с коренным населением.

Была на реке Тавде деревня Пашня, и, перебравшись в крохотную мансийскую деревню в пять дворов на берегу Тумана, у устья речки Леушинки, переселенцы обосновались в деревне также с названием – Пашня.

118. Лесная юрта (избушка).
Около 1930 г.

Переехали всем родом несколько семей Казанцевых.

Наша семья снялась с прежнего места с тремя детьми: одиннадцатилетней Олей, девятилетним Гришей, новорожденным Платоном.

Чуть позднее вслед за нами прибыли еще две семьи: Карагаевы и Казанцевы (которых, по-деревенски судя, звали по имени деда Ивана – Ивановскими, а нас по имени деда Григория – Григорьевскими).

В тот же год отправились на переселение в деревню Рахтино Чернавские, Носовы. В деревню Варпавла – Кузнецовы и Вискуновы. В деревню Лева – Казанцевы: Осип Семенович, Матвей Прокопьевич, Наум Яковлевич. И это только 1912 году из одной тавдинской деревни Казанцево.

Тогда волость в Леушах находилась, там была церковь, церковно-приходская школа, кладбище. На Пашне умерших не хоронили, возили на Леушинское кладбище, отпевали согласно христианской вере.

Весной приехавшие на Пашню посадили картошку, за лето накопили сено и к осени построили себе избы.

На следующий (1913) год из Гарей приехали Нефёдкин Тимофей с женой Агнией Васильевной, Казанцев Михаил и Казанцев Павел Николаевич с семьями.

Как я помню, манси одевались так же, как и русские. Имена у всех были христианские. Женились без разбору – манси на русских, русские на манси.

Коренные жители еще хорошо знали свой разговорный язык. Все имели коров, овец, лошадей. И даже поемпогу сеяли хлеб. А картошку не садили. У всех были хорошие жилые дома и надворные постройки.

Приехавшие русские что-то новое внесли в жизнь Пашни.

Дедушка Карагасв построил кузницу, ковал сохи, плуги. Жена Карагаева принимала роды. Лечила всех Агния Васильевна Нефедкова. Приступили к раскорчевке полей, выстроили гумно для молотбы хлеба на горе, на заливных лугах косили сено.

Корчевали лес: пихтач, тяжелые, могучие кедры. Казалось, что эти деревья тысячелетие тут стоят. И вдруг обнаружили лиственничные столбы. Значит, уже когда-то были здесь поля! Застолбили свои участки люди, возможно, и хлеб сеяли. Ведь не зря жаворонки жили только над Пашней. Но вот что-то случилось, и заросли те поля вековыми лесами.

Все жители деревни занимались рыбной ловлей. Рыбу складировали, морозили и вывозили на Ирбитскую ярмарку.

Охотились пашинские далеко в урмане на Вай-речке. Там тоже стояли у каждого свои запоры для ловли рыбы. Сначала завозили продукты и провиант для людей и собак. Никто ни у кого ничего не воровал. Недалеко от Пашни, через речку Леушинку, ставили слопцы на глухарей. На каждого хозяина был отведен свой участок. Определенный день был назначен для охоты за утками, весной и осенью. Определенный день был для сбора ягод и шишек. И подчинялись этому все жители деревни.

Публикуется впервые

119. Н. А. Семенов. 1970-е гг.?

№ 44. – Семенов Н. А. 1. Обычай и быт коренных жителей. 2. Как мы воевали... 3. Банда Печенкина (запись О. А. Кошмановой)

1. Обычай и быт коренных жителей

Страда, промыслы – жизнь!

Я женился в 19 лет. Жену взял в Силаве. Мою невесту звали Авдотья Филипповна из рода Гришкиных. Она была сирота, жила у тетки. Пришлось три раза ездить сватать. Первый раз поехали я, Тимоха, брат Игнатий, а ее дяди дома нет. Без разрешения она и разговаривать не стала. Побоялась.

Второй раз приехали по весне 1917 года – не отдали ее. Впереди лето, сено заготавливать надо, а у них некому. Скотины много держали: коров, лошадей. И то правда. Решили до осени повременить. Осенью по первому пути вновь поехали. Тут уж высватали. Свадьбу у них справили, в Силаве. По дороге домой, в Терес, в Сатыге в церкви обвенчались.

Где-то в 1908 году был сильный лесной пожар, который пришел к нам со стороны Учиньи. Много лесов погибло. Вся наша деревня сгорела. Потом вновь все отстраивались.

А про шайтана и шайтанский амбарчик ты слышала? Вот тогда это и было. Хочешь верь, хочешь нет. Когда все вокруг сгорело и все дома в деревне тоже сгорели, когда дым развеялся и мы вернулись на пепелище, то увидели, что только один шайтанский амбарчик на ножках остался цел и невредим. Он стоял на краю деревни. Все мы ходили и смотрели и не могли понять, почему все сгорело, а этот амбарчик остался. И в амбарчике все сохранилось. После этого мы еще больше стали верить нашему шайтану. Это он амбарчик

спас и дал нам знать, чтобы мы тут жили, чтобы вновь строились. Так и сделали. Вновь деревню на этом месте отстроили.

Цены, время, расстояние...

Зима. По глубокому снегу вернулись с охоты мужики. Рыба наморожена, пушнина есть, ягоды и мясо копытных домашних животных заготовлены. А пока зима и зимние дороги, можно съездить в Тобольск, Пелым, Туринск, Верхотурье, Чернавское. Продать свой товар, закупить необходимое. Посмотреть на мир, показать себя. С Конды были зимники на Тобольск, Туринск, Пелым. Дорога на Тобольск из Конды начиналась от Катыша, дальше Ландина, Ачиры (или Вачиры), но это уже татарское село, Тобольского района. Следующие: Язимей, Ниски (или Носка), Зольниково, Македоново, Варионово, Яр-Хрушево, Новоселово, Курсово. От Курсово до Тобольска – 30 км.

Расстояние от Леуш до Тобольска по зимней дороге – 165 км. На 3-й день – в Тобольске. В Туринск тоже на 3-й день приезжали. Особенно когда дорога была через Чернавское. Из Тереса до Левы. Здесь обязательно кормежка лошадей и ночевка. Через 30 км – Венкель, потом Суйто, это зимовье, а дальше уже пошли деревни: Гришино, Чернавское и Туринск.

Были еще две дороги на большую землю, или, как тогда говорили, в русскую сторону. Одна – через Евру, затем зимовье Салтымья, Усть-Конга, Суйто, Наконка, Пелым. И вторая – через Шаим, Полушаим. Сходились они в Пелыме. Вот этими дорогами и ездили купцы, перекупщики в Конду для закупки мяса, рыбы, ягод, ореха. Этими же дорогами ездили кондинские мужики торговать и покупать для себя необходимые продукты и товары.

Я везде был. В Тобольске, на Ирбитской ярмарке, в Туринске, Верхотурье, Пелыми торговал.

А вот цены того времени (до 1920 года):

корова – 15–20 рублей;
лошадь – 25–30 рублей (если очень хорошая, то 50 рублей просят);
овца – 3 рубля.

Цены на рынках Тобольска, Ирбита:

1 пуд ржаной муки – 50–70 коп.;
1 пуд пшеничной муки – 1–1,2 руб.;
1 пуд ерша – 1 рубль, но это на месте, ершей на рынок не возили, так как невыгодно;

1 пуд шуки – 2,5 – 3 рубля (на базарах);

1 фунт сахара – 30 коп.;

1 фунт проса – 18 коп.

Цены на пушнину:

шкура лисы (белодушки) – 15 рублей;

шкура лисы-огневки (красная, как огонь) – 30 рублей;

шкура соболя – 15 рублей;

шкура белки (зимней) – 30 коп.;

шкура белки-нахапки (половина белая, половина черная) – 15 коп.

Цены все знали. Как не знать? Сами торговали, сами покупали. Правда, цена иногда зависела от привоза, но вообще-то цены были постоянные. Сахара 1 фунт – 30 копеек. По такой же цене сахар можно было купить и в Леушах у торговца. Поэтому я сахар покупал в Леушах, а не возил из Туринс-

ка или Тобольска. Из Тобольской стороны купцы или перекупщики возили больше муки и продавали здесь по 1,5 руб. за пуд. Иногда просто меняли. Например, 1 пуд муки меняли на пуд шуки. Обычно из Туринска я на паре лошадей привозил 35 пудов муки (хватит на год), 1 пуд кренделей, крупы разные.

Осенне-зимние заботы

Зима в наших краях длинная – 170 дней. Весна затяжная – 84 дня, а лето и осень совсем короткие. Лето – 60 дней. А осень и того короче – 51 день. Она быстро переходит в долгую зиму.

120. Лисица-огневка

Ранней осенью для мужчин начинается работа: из заготовленных и просушенных полозьев делать сани, дровни, кошевы и зимние ловушки для промысла рыбы.

В то же время поднимали слопцы на боровую дичь: глухарей, косачей – и так до первого снега.

Обычно в то же время охотились и на рябчиков, но это было так, между делом, как бы попутно. Даже выстрела на него жалели. Рябчиков по лесам было много. Иногда, ради шутки, рябчиков подзывали манком – тут уж они слетались со всей округи.

В это же время рыбаки, поставившие запоры на реках в начале спада воды, должны были следить за ними. Ведь уже начинался листопад, и запоры приходилось чистить довольно часто. И днем, и ночью. Не углядишь за запором, вода может промыть где угодно, и уйдет рыба. Тогда весь труд в течение долгого времени – насмарку. А без рыбы – это и без муки, сахара, одежды, обуви... Вот и следили за запорами!

С Покрова все мужики-охотники (а охотниками были все трудоспособные) уходили в урман на охоту. Обычно мужики уходили парами. По одному практически не ходили во избежание всяких неприятностей. Ночевали в лесных избушках-юртах. А днем каждый шел в свою сторону. Белок за сезон

убивали (каждый) по 100 штук, но когда чуть больше, когда чуток меньше. Соболей было мало. Если находили 3–4 следа, одного-двух соболей убивали. Охотились на лосей, оленей. Был обычай: если убивали лося или оленя, то снабжали мясом всех жителей деревни. Тогда было много лис. При желании охотник добывал по 3–4 штуки. Лис ловили капканами. Лиса – очень чуткое животное, а поэтому, чтобы лиса попала в капкан, надо многое знать и уметь (рис. 120).

До Покрова 14 октября – в холодное время, а иногда и до заморозков – ловили рыбу и держали ее в курканах, а по-мансийски они «коры» назывались. Куркан делали из жилин по 4 аршина (0,71 м) длиной. Плели лыком жал, с боков ставили доски. Если большой куркан, то по 15–20 пудов живой рыбы хранили до морозов.

Иногда делали и верхний – земляной – котец (часть речки или озера, огражденная земляным рвом). А готовили его так. Сначала жилины сплетали нужной длины, а потом готовый запор вбивали в землю речки или озера. В нее и запускали пойманную живую рыбу до морозов. С первыми морозами рыбу вычерпывали, морозили и хранили в мешках до приезда русских купцов или до вывозки на продажу. Обычно купцы или перекупщики появлялись сразу, как только устанавливались зимники.

От нас, от Тереса, было 4 дороги: на Елушкину – 25 км, на Тоскливую – 20 км, на Аминью – 10 км, на Пашню – 12 км, и в Леуши через Пашню – 22 км. Все эти дороги сходились у нас. Здесь была кормежка лошадей. Зимой, бывало, и лампы не тушили. Спокоя не было. Бывало иногда и так, что и лошадей ставить негде было.

В начале века купцы, что приезжали на Конду и привозили необходимые продукты, добирались до самых отдаленных поселений. Иногда такие знакомства перерастали в родственные. Выдавали дочерей замуж или брали в жены девушек. Обычно знакомство – купец и коренной житель – продолжалось десятилетиями и переходило из поколения в поколение.

На места привозили все. Под словом «все» надо понимать, что привозили то, что заранее обговаривалось. Да и кое-что из новинок. Обычно торговец-купец всегда знал, что надо, что необходимо таежнику. И привозил в обмен на рыбу, мясо, ягоды. Зимой коренной житель мог получить все необходимое, что желал, у себя на месте. В деревне. Так, можно было нанять плотников для строительства, пригласить стекольщика, красильщика, коновала (по-современному – ветеринара), мастера для пошива шуб или другой одежды, скорняка. Стоило только сказать любому перекупщику или купцу, а устная почта того времени работала безотказно, как в скором времени в деревне появлялся – приезжал тот, в чьих услугах нуждались. Расчет в большинстве случаев был натуральный: рыба, мясо, ягоды.

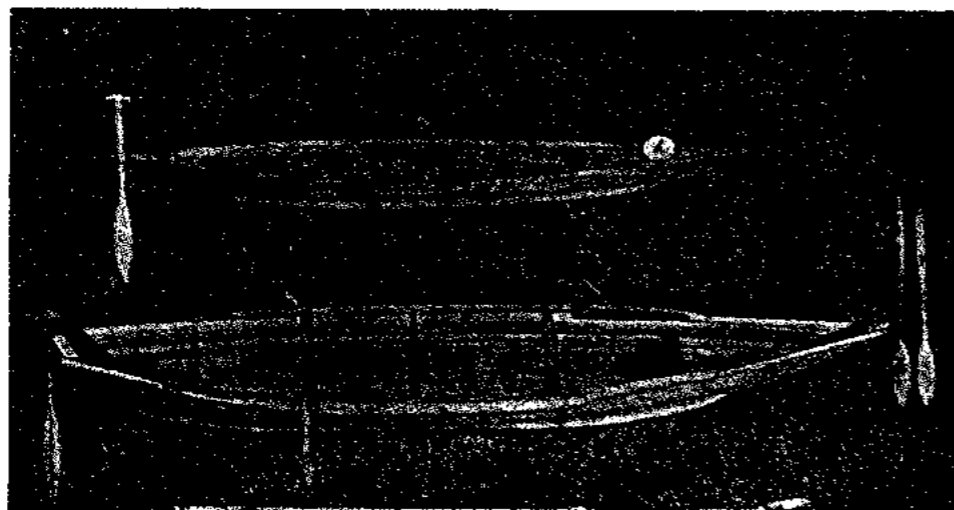
Конец зимы – самое спокойное время для жителей Конды. Для тех, кто уже пришел с удачной охоты, съездил на базары и ярмарки и запасся годовым запасом муки, крупы и других продуктов и вещей.

Самая ходкая лодка – осиновка

У нас на Конде такие лодки всегда называли осиновками. Из ствола осины выдалбливают древесину, оставляя по бокам 1–1,5 см. Разводят над костром. По бокам – набои, по 15–20 см шириной по длине лодки. Конопатят, смолят. Укрепляют сиденья. Делают гнущее весло, на конце с папалком. И осиновка готова. Легкая, прочная, легко управляемая, а главное – ходкая.

Лодки-осиновки делали на одного человека, на двух человек, но иногда и на трех. Но это уже большая и не очень удобная лодка.

В Тересе осиновки мой отец Михаил делал, брат Игнатий делал, Василий Семенов делал, дед Павел делал. Его фамилия была Пуршин. Он сын моей матери. Когда отец мой Михаил женился, у нее был сын Павел Егорович Пуршин. А так в нашей деревне все Семеновы были. Я своим отцом всегда считал Михаила. И только позже узнал, что я сын его брата Анисима. У Михаила детей не было, а у Анисима большая семья, детей много. Вот меня и

121. Лодки осиновка
и кедровка (модели)

отдали брату отца. Я вырос у них и всегда считал Михаила отцом. Но по документам (по бумагам) я Анисимович.

Так что лодочники свои были. Какую лодку надо, живо сделают. По 4 сажени лодка. А вот кедровки мы не любили, не держали. Мы больше на осиновках ездили. Куда хочешь, когда хочешь уедешь. Все ездить умели. И большие, и маленькие. Всегда ездили. Но никто не тонул, такого слышно не было.

Перед тем как ехать по Туману, всегда смотришь, откуда ветер. Лучше ехать при боковом ветре. Вся лодка наверху, на волнах. При встречном ветре ехать нельзя, а при попутном можно. Но при сильном ветре волной может поднять нос лодки, а с кормы – залить. Все это знали... Поэтому, если надо ехать по Туману, всегда смотришь... Все лето, осень на воде. И никто не тонул.

Кроме основного своего назначения – передвижения по воде – лодка-осиновка выполняла еще одно. Она была легкая, и поэтому ее можно было перенести – перетащить по перетаскам, коими пользовались местные жители. Очень удобный способ, учитывая извилистость местных речек и речушек. А главное, такая лодка всегда выполняла роль защиты от дождя, бури, ветра. Едет таежник на своей лодке. И вдруг налетает буря: ветер, дождь или град. Быстро к берегу, лодку – на берег, а сам – под лодку. Так пережидали непогоду.

Так что лодка-осиновка не только средство передвижения по воде, но и всегда крыша над головой.

Брусничный промысел

В июле на болотах, янгах, созревает морошка. Иногда ее рождается много, иногда не очень. Собирать ее трудно. Но это первая ягода года, и поэтому собирают и кушают ее с удовольствием. Чуть позже, в августе, – черника, голубика, костянка, княженика (по-местному – куманица), смородина, черемуха. Сбором этих ягод занимались дети и женщины.

С начала сентября – сбор брусники. А вообще, чтобы ягода хранилась долго и не портилась, лучше собирать не раньше 14 сентября или же после первых заморозков (хорошего инея!).

Районы реки Конды в 1800–1900-х годах и чуть позже славились своими брусничниками в сосновых лесах. Обычно в лесу каждая семья имела свой карус – деревянное строение для хранения ягод, куда ссыпали собранную ягоду. Там ее и хранили до заморозков. Вывозили по зимней дороге на лошадях.

Были и общие места сбора брусники. На эти бора съезжались из многих деревень и даже из других волостей. Обычно гармонисты приезжали с гармошками, балалаечники – с балалайками. И по вечерам устраивали гуляние с песнями и плясками. Здесь же молодые люди знакомились друг с другом. Парни приглядывали себе невест, а девушки – женихов.

За каждой деревней были закреплены бора с ягодниками. За ягодниками строго следили, и через каждые 6–7 лет их выжигали. Обычно выжигали ранней-ранней весной. Когда почва еще не оттаяла, а только что сошел снег. И всегда следили за чистотой боров: убирали сухостой, упавшие деревья. Все это шло на дрова.

Весна и лето таежного края

Ближе к весне, когда день становится дольше и теплее, начинали подготовку к лету. Весна. Теплые дни. Тают снега. Природа просыпается. Мир, покой, предчувствие доброго будущего на душе у таежников. Последние поездки по зимней дороге в гости, к друзьям, родственникам в соседние и дальние поселения.

Обычно в середине марта дорога рушилась. Бывает, на неделю раньше или на неделю позже. Но к 1 апреля уже точно. Тогда живи дома и продолжай неоконченные дела. А их предостаточно:

- гнуть дуги и полозья;
- готовить сани, дровни, кошевы;
- распиливать кедровые бревна на доски и сколачивать кедровки;
- долбить осиновки;
- гнать деготь и смолу;
- заготавливать черешки для граблей, литовок;
- строгать жал[а] и жилинки;
- охотиться на оленей, лосей;
- добывать рыбу для питания.

Как только лед с Тумана уйдет, а его рано ветром разбивает, сразу начинали рыбачить сетями. Бывало, за день по 100 язей добудешь, да еще и шук. Рыбу не солили. Ее пластали, соединяли парами и сушили на солнце. По-нашему называли тосом-куль – сушеная рыба. За весну, лето по 10 пудов (когда больше, когда меньше) заготавливали.

С момента вскрытия реки через 20 дней, по народному календарю, вскрываются озера. И тогда – за карасями. Карась на мансийском языке называется

ся туркуль – озерная рыба. И прямо на местах лова из карася (да и вообще из любой рыбы) готовили урак, а икру солили.

Сушеную рыбу – урак – хранили в берестяных ватланах для продажи. При необходимости – кушали сами. И щучью икру солили бочонками. На Троицу ездили в Леуши и туда возили продавать.

Что рыбаку нужно? Прежде всего сети, неводы, веревки... А ниток-то не было. Лен покупали в Тобольске, на Ирбитской ярмарке, или заказывали. Бабы спрядут. Вот и вяжут сети, неводы, другие ловушки. Но в последние годы уже можно было купить и нитки, и мерегу. Полегче стало.

Кроме рыбалки еще одно занятие было: весной охотились и на прилетную утку. Но только для себя, для еды. Впрок не заготавливали.

Лето у нас короткое, но жаркое. Хотя когда как. Не зря говорят, что июнь еще не лето, а август уже не лето. Зато в любое лето – комаров, паутов, мошки предостаточно. Общим словом – гнус! И борьба с гнусом – одна из величайших бед. Дымокур – защита и людей, и животных, а еще – деготь! Местные жители прекрасно знают его свойства и применяют.

Сразу после Троицы заготавливали лыко. Для этого на молодые липняки ездили. Как без лыка? Я с бабой ездил лыко заготавливать. Обдерешь, намочишь. А как будет готово, начинаешь веревки вить. По 500 саженой навивали. На неводы, на сети, на вожжи.

А после Петрова дня начиналась страда. Иногда ранняя страда, иногда поздняя. Это от паводка зависело. Если вода рано ушла, ранняя страда. Если долго держалась – поздняя. Иногда на Петров день, при большой воде, в Ёлушкину ездили. Там часовня была. И Петров день был их праздник, т. е. в их деревне справляли. Туда и съезжались со всех деревень. Там и гуляли. Но если вода ушла рано, то на праздник не ездили, ехать долго. Кругом все надо. А при большой воде – напрямую через Корп.

Страда... Сена много заготавливали. У нас, в Тересе, у всех было много коров, лошадей. Только у моего родного отца – Анисима – да у Тимохи по одной корове и по одной лошади. Бедно жили. Семьи были большие, детей малых много. А у всех – полные дворы. Так во время страды и Прокопьев день, и Ильин день пройдут.

Основным занятием коренного населения Конды, конечно же, были охота и рыболовство. Рыболовство – круглогодично, охота или промысел, а также сбор ягод – по сезонам. Но исстари, на протяжении веков, вогульское население держало коров, лошадей, овец, кур. Сохранились и рассказы о том, что некогда, когда наши предки переселялись, они ехали на лошадях, вели коров и овец, а на подводах везли кур.

Ведение домашнего хозяйства и уход за животными – это удел женщин.

Оленеводством на Конде не занимались. Олень всегда был предметом промысла. А коневодство – традиционно. Фактически не было семьи, не имеющей лошади.

А куда без лошади? Сено привести с лугов – остов, за ягодой по первопутку съездить, на рыбалку, добытую рыбу везти. Весной огороды пахать, боронить. А зимой на паре, тройке с грузом ехать в Тобольск, Ирбит, Пелым и др. Картошку в деревне все сажали, а вот хлеб – нет. Потом, это уже когда я женился, мы начали поля разрабатывать. Было у нас поле по Ёлушкиной дороге, по Аминской. Я шесть пудов ржи сеял! Очень хорошо родилась. Молотили на льду, пока снега нет. На это Игнатий, старший брат, был большой мастер. А потом на ветру и просеивали.

Навоз от коров, лошадей на поля, огороды вывозили. Все хорошо росло.

Выбор охотничьей собаки

Охота, охотники. А раньше называли их промысловиками. Видимо, потому что то, чем занимались люди, было промыслом (даже сбор брусники называли брусничным промыслом!).

В каждой деревне любой мужчина, если он не урод и не слаб умом, был и охотник, и рыбак. Это в природе его. А дома, как сейчас говорят, – от скуки на все руки. Но тогда скучать не приходилось. Смотря по сезонам, делали то, что было необходимо: вовремя шли на охоту, на рыбалку, заготавливали сено, вывозили его...

На охоту без собак не ходили. Охотник без собаки уже не охотник, а просто человек, житель деревни. Обычно охотник уходил в лес, урман, на охоту с 2–3 собаками. Без хорошей собаки в лесу нечего делать. Собаки на охоте помощники, на отдыхе – охранники. Каждый охотник сам для себя растил собаку. Хорошую собаку никто не продаст, ни за какие деньги. Хотя бывали всякие случаи.

Однажды мой брат купил собаку за 500 рублей. Собака – «головная, звериная». На эти деньги можно было 10 хороших лошадей купить. Но она только один сезон и поработала. А потом заболела и сдохла.

Вот таких собак берегли!

Неоднократно я просила Николая Анисимовича рассказать, как выбирают охотничьих собак.

– На что тебе? – удивлялся он. – Ты баба, на охоту не пойдешь, собаку растить не будешь.

Но однажды он согласился показать, как выбирают охотничьих собак.

– Веди собаку, – был мне дан его приказ.

У меня собаки нет. Где взять? И тут я вспомнила, что у моих знакомых в загородке сидит собака. А по разговорам знала, что они ее берегут, что она охотничья, и что хозяин Иван Федорович Зольников очень ею дорожит.

И я пошла к Зольниковым просить собаку. Просьба моя была встречена с удивлением, но собаку мне разрешили взять. Но тут собака заупрямилась. Да и почему она должна идти с незнакомым человеком? Но все-таки где волоком, где на руках я притащила собаку домой. Николай Анисимович мирно дремал в кресле. Каково же было удивление моего сына Андрея, пришедшего из школы, когда он увидел такую картину: в кресле мирно похрапывает дед, а посередине комнаты лежит громадная рыжая собака.

– Что это? – спрашивает меня сын, когда я, выйдя по хозяйству, снова зашла в дом. – Зачем здесь собака?

Проснувшись и увидев собаку, Николай Анисимович безбоязненно подошел к ней и начал ее ощупывать, осматривать, заглянул в рот.

– Чья собака? – спросил он, а потом добавил: – Веди ее хозяину и скажи: хоть сегодня стреляй, хоть завтра!

– Почему? – в свою очередь удивилась я. – Сибирская лайка, хвост крючком... Говорят, что охотничья...

– Тьфу! – сплюнул дед и махнул рукой. И повторил: – Хоть сегодня стреляй, хоть завтра.

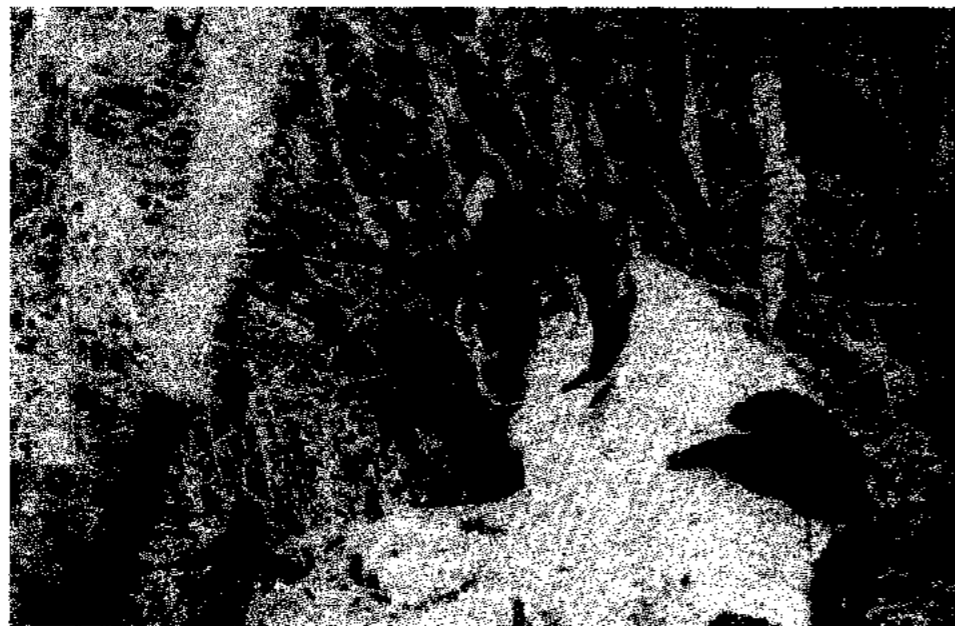
По рассказам Николая Анисимовича, выбор охотничьей собаки начинался с рождения щенков. А это, оказывается, целая наука. Иногда из потомства можно было отобрать 1–2 щенят, иногда – ни одного.

Если самому хозяину в ближайшем будущем не нужна была хорошая собака, уничтожали весь выводок.

Наверное, охотники наших мест знают всю эту науку и выбирают себе помощников. А может, и забыли уже. Вот что рассказал мне Николай Анисимович.

После рождения щенят хозяин собирает их, уносит и бросает в сугроб. Жизнеспособный выбирается из сугроба, а хилый так и остается в снегу.

Новорожденных щенят (или как только они откроют глаза) поднимают за хвост. Жизнеспособный вырывается, крутится, повизгивает, а слабый висит как плеть, ему все равно.

122. Кондинская лайка

Новорожденного щенка поднимают и сажают на табурет, стол, т. е. на возвышение. И наблюдают. Иные сразу падают – этих сразу же и выбрасывают. Жизнеспособный знает край и никогда не упадет.

Смотрят норку. Если бороздка идет от носа на губу (или наоборот), у этой собаки будет хороший нюх.

Во рту у доброй охотничьей собаки должны быть 7–9 рубцов.

Если третий рубец прерван – хорошая собака, если первый-второй рубец прерван – собака так себе, если толстые рубцы – за крупным зверем пойдет, если мелкие рубцы – за мелочью: белкой, соболем. Хозяин или охотник выбирает такую собаку, какая ему нужна.

Шишка на голове есть у каждой собаки. Но если эта шишка острая, значит, добрая, толковая собака. Будет все понимать. Тупая шишка – собака тупая.

Есть понятие: ходовая собака, неходовая собака. Это надо смотреть ребра. Если между ребер можно вложить палец, то собака ходовая, т. е. может много бегать.

Смотрят и во рту у собаки. Если небо черное, значит, будет очень злая собака. Если небо пятнами – собака с уравновешенным характером. Ну а если светлое небо – добрая, спокойная собака.

Смотрят у щенка, как расположены передние лапы. Если широкая грудь и лапки друг от друга широко, значит, эта собака бежкая, проворная, т. е. будет хорошо бегать и искать добычу. А щенка с узкой грудью сразу же выбраковывают. Если оставить его, то это будет очень ленивая собака.

Иногда, если не находят по приметам нужного щенка, просто-напросто оставляют последнего родившегося. Уверяют, что из него может получиться тоже хорошая охотничья собака.

Надо сказать, что собаки были разные: на белку – беличьи, на соболя – соболиные, на лося – лосиные, на медведя – медвежьи. Охотники, кроме того, что отбирали собак по природным данным, обучали их. Так, лосиная или медвежья собака не должна была лаять на белку или птицу. Но беличья собака могла и должна была помогать при охоте на лося, медведя.

Собака была в урмане для человека не только помощником, но и другом, спасателем. Хотя, по обычаю, по одному редко ходили на охоту, всегда парами. Но если случалось какое-либо несчастье в лесу, охотник посылал собаку за помощью. И та приводила людей. Таежные лайки специализировались веками на зверя, а потому в поселках ведут себя спокойно. Охранной собаки из них не получается. Охотничьих собак хозяева берегли и держали на привязи. К сезону охоты готовили.

Заканчивая охотничью страницу, напоминаю, что на начало нашего века у нас в Конде было около 200 видов промысловых животных и 70 видов птиц.

– Ты думаешь, мы плохо жили? – спрашивал меня Николай Анисимович при очередном рассказе о житье-бытье деревни. И сам же отвечал: – Хорошо жили! Все было, что надо. Свободно жили. Что надо, то и делали. Надо на охоту – идешь, надо на рыбалку – едешь, надо на сенокос, страда называется, – работаешь. Что надо, то и делали. И так круглый год и всегда.

2. Как мы воевали...

К нам в деревню Терес зимой 1921 года приехал отряд из Нахрачей, начальником которого был Белкин, имени-отчества не помню, из Есаула. До этого мы жили мирно и спокойно. И вдруг видим, к деревне подъезжает подвод восемь, а на них все люди – с ружьями. Мы повыскакивали из домов, поздоровались и спрашиваем:

– Что это такое? Куда это вы едете?

А нам и говорят:

– Давайте готовьтесь. Час вам времени. Поедем в Пелым.

– Что дслать? – спрашивасм.

– Воевать с коммунистами. Через час чтобы все готовы были. Берите пару белья, лыжи, ружья и побольше пулевых патронов. Будем коммунистов убивать.

Собрались мы: Семеновы Николай Анисимович, Игнатий Анисимович, Матвей Анисимович, Василий Архипович и Сергей Архипович. Запрягли наших лошадей, а тех, что приехали сюда, назад отпустили – вернули. И отправились мы в следующую деревню, Амынью. Там тоже по-быстрому собрали всех мужиков: Тархановых Афанасия, Василия Васильевича, Ивана Афанасьевича, Пакишева Александра, Ендаковых Ивана Кирсановича, Афанасия Алексеевича. Дальше, в Варпавле, тоже забрали всех мужиков. Я помню только Вискунова Василия Михайловича. Кто еще был, не помню, но забрали всех. В Сатыге мужиков уже всех забрали до нас, и они попали в Шаимский

отряд. Поэтому мы там не останавливались, а поехали прямо до Евры. Все мужики были на месте. Там мы и стали лагерем, было нас всего с низовскими (нахрачинские, есаульские) человек 150.

С Евры отправляли разведчиков в Кондинку, а оттуда – в Пелым. Несколько раз ездила разведка в Кондинку, а потом доложила, что из Пельма куда-то коммунисты уезжают, их там осталось мало. Вот мы и рискнули, поехали в Кондинку. В Кондинке остановились, мужика из Кондинки отправили в разведку в Пелым к Николаю Федотычу. Вернулся мужик, говорит, что почти все коммунисты из Пельма уехали.

Долго мы стояли отрядом в Кондинке. Разведка каждый день ездила, все узнавала. Коммунистов в Пелыме все прибавлялось, узнали, что собираются они ехать отрядом в Шаим. А там другой наш отряд стоял, человек 250. Вот нас и посылали на разведку к свертку на шаимскую дорогу. Однажды ночью наша разведка чужую встретила, наверное, коммунистов. Постреляли друг в друга, с тем и разъехались. На другую ночь и меня в наряд отправили. На повороте мы и встретились. Началась стрельба. Я стою, не знаю, что делать, а пули только свистят. Мне кричат: «Ложись!»... Постреляли, постреляли и опять разъехались. А через несколько дней разведка узнала, что в Кондинку должен прийти отряд красных из Пельма.

Кондинка на горе расположена, далеко видно. Вот мы и увидели, что много подвод сюда едут. Пока я хватился, людей уже нигде нет. Бегал, бегал – никого нет. Встретил Матюху (Матвея Семенова), он говорит, что, наверное, наши там, где хлеб выдают. Прибежали туда, а там тоже никого нет. Я – назад, туда, где квартировал. Схватил лыжи свои, вижу: след под гору. Я по лыжне и побежал, а Матюха наш там остался.

Больше я его не видел, в деревню он не вернулся.

Только я с горы спустился, слышу, позади стрельба началась. А я еще быстрее по лыжне побежал, догнал своих. Оказалось, не все напц ушли. Лишь те, у кого лыжи были. А тех, кто без лыж был или еще как остались, всех в Кондинке перебили. Люди говорили, что их в проруби утопили. Вот так-то... Когда догнал я своих, пошли мы в домашнюю сторону через зимовье: Суйто, Наконку, Салтымью, Евру. По дороге есть нечего. Наткнулись на убитого оленя. Кто-то убил и положил на норму. Большой был бык, хороший. Взяли сырого мяса, так и ели. А что делать?

В Евре опять остановились, три-четыре дня там стояли, но разведка напц каждый день до Киляя ездила. Это долина так называлась – Киляй, километров пять длиной будет, и все по ней видно, кто едет или идет. И вот разведка увидела, что в Киляй отряд стал заезжать, все пять километров подводы идут, а там и конца края не видно. И как только узнали, что отряд сюда идет, низовские первыми кинулись бежать во главе с Белкиным. Мы остались вдвоем с Иваном Кирсановичем Ендаковым из Амыньи и по их лыжне следом побежали. В Сатыгу пришли, никого нет, и мы прямо по Туману в Варпавлу побежали. В Варпавле тоже никого нет, все уехали, в деревне осталась одна баба Михаила Романыча, Василия Михайловича Вискунова мать. Увидела она нас, спрашивает: «Видели ли вы моего сына?» Говорим: «Видели, вместе были, а как стрельба началась, не знаем, живой али нет». Она нас накормила, и мы пошли с сытым брюхом по дороге в Амынью.

А в Амынье тоже никого нет, один старик Кирсан дома. Говорит, что все уехали, убежали от отряда в Леуши. В Тересе тоже никого нет. Я домой пришел, а там во всей деревне только Пронина баба. Проня был рассыльным в

Нахрачах в то время. Ушли в лес, там заночевали. На второй день кое-кто из деревенских приехал, и моя баба тоже. Я им и говорю:

– Что бегать, вас, поди, не убьют, дома сидите.

Только я в лес ушел, отряд красных приехал. Все замки с амбаров посрыпали, все запасы продуктов, что у кого было, – все у всех забрали. Сами амбары разрушили. Мы в лесу были и все видели. Ох, и наголодались мы после этого.

А как отряд прошел, все по домам поехали и стали опять мирно жить.

3. Банда Печёнкина

Павел Печенкин был приезжий, но его приняли жить в Леушах. У него был там дом и семья. Весной 1921 года, после того как в Конде установилась Советская власть, Печенкин стал собирать недовольных людей из среды богатых и объединил их в банду под своим руководством. В состав банды вошли: Николай Иванович Алчин, Степан Сафроныч Новоселов – богатый кулак из Леушей, Петр Никитич Шеншаров (или Ченчаров) по кличке Заяц (сам себя называл Шень), Фирулев из Нингаты. Может, и еще кто был, но я не знаю.

Степан Сафроныч был очень богатый. Однажды я пришел к нему в лавку купить крендели, но они оказались на складе. И он взял меня на склад за кренделями. И там я увидел, что весь второй этаж склада был увешан шкурами лис, соболей, медвежьих шкуры были. Я у него спросил: «Что не продаешь?» – «Дешево дают». В иные годы он даже в Гарях и Пелыме покупал пушнину подешевле, а затем продавал дороже. Но не знаю, куда он дел ту пушнину, что я видел. На рынок он не ездил, значит, не продал. Но люди часто видели, что он ходил в лес, где сейчас МТС стоит, и предполагали, что там он и зарыл ту пушнину, до лучших времен.

Что вначале было, не знаю, но потом Печенкин с бандой приехал в Пашню. Пашнинские мужики, а с ними были еще из Запора двое, да леушинских два-три человека (один-то Юткин, точно знаю), заранее предупреждены были, что Печенкин с бандой едут коммунистов убивать. А поэтому все заранее ушли в лес, вернее, на двух кедровках уехали в Летнюю Амынью (летний рыбацкий стан). И там, по дороге, на переправе, увидели и убили лося. И в избушке стали варить мясо.

В это время из деревни Амыньи в Пашню ехал Васька-глухой, Осихин. Они его остановили и спрашивают: «Не видел ли где Печенкина с бандой?» – «Нет, не видел. Еду из Амыньи, его там нет». Они, то есть Нефедков и другие, Ваську ипустили. А он приехал в Пашню, а там Печенкин. Печенкин Ваську и спрашивает: «Видел пашинских мужиков?» – «Они в Летней Амынье мясо варят», – отвечает.

Узнал Печенкин, где Нефедков со своими, и туда поехал. Там их и застал. На дворе, около избушки, никого не было, а дым из трубы идет, значит, все в избушке. Вот и окружили избушку. Печенкин выстрелил. В избушке все испугались, за печь попадали. Нефедков выскочил – и на Печенкина, схватился за его ружье. Печенкин был очень подвижный, а Нефедков – здоровый мужчина. Печенкин видит, что ему самому не справиться с Нефедковым, и кричит: «Что смотрите, не стреляете!» Николай Иванович Алчин и выстрелил в спину Нефедкову и убил его. Другие из избушки повыскакивали, и их тоже кого застрелили, кого пашкой порубили.

Все это я слышал от пашнинских мужиков, которые там были и живы остались.

А через некоторое время, когда пришел отряд красных и Печенкина с бандой стали преследовать, они приехали к нам в Летнюю и решили здесь поспать, отдохнуть. Они появились к вечеру, правда, нас никого не тронули, но сказали, чтобы никто никуда не ездил.

А мы подумали-подумали и решили послать дедушку Проню в Леуши, где стоял отряд, сказать про Печенкина.

Дедушка Проня уехал, а к утру отряд красных уже был на северной стороне Тумана (на нашей стороне). И решили они с мыса идти в деревню пешком, это километров пять будет, окружить деревню и взять Печенкина.

Но ночью Степан Сафроныч Новоселов и Печенкин решили пройти по деревне. Вокруг деревни были большие поля. А на мысу у нас лошади паслись. И когда лошади учуяли чужих, то табуном через поля прибежали в деревню. Печенкин и Степан Сафроныч сразу поняли, что здесь что-то неладное. Лошади зря тревогу не поднимут, своих не испугаются. Прибежали в дом, разбудили спящих и говорят: «Лошади что-то чуют, фыркают, может, отряд идет. Давайте скорее поедем». Попадали на лодку и поехали на ту сторону Тумана. А отряд деревню окружил, стрельба началась. Мы повыскакивали из домов, кричим: «Уехали они!» Из отряда начали по ним стрелять, а они уже на половине Тумана, разве их сейчас достанешь. А осенью помаленьку мужики из банды домой пошли. Первым Николай Иванович домой явился, затем Зайчик (Шеншаров), а потом и Степан Сафроныч. Фирульсв ниигатский ушел к себе в Ниигатью, где его потом учинские ребята прямо на месте убили. Степана Сафроныча арестовали, и его повез в Уват Аналий Карымский – милиционер (кличка его Черный). Но когда он приехал назад, то сказал, что до Увата арестованного не довез, так как Степан Сафроныч хотел убежать от него, и он его убил. Николай Иванович и Зайчик – Шеншаров долго дома жили. Их забрали в 1937 году. Когда забирали Зайца, то его сын бросился на милиционера с топором, и его забрали вместе с отцом. Тогда же в 1937 году забрали и Ваську Осихина, который Нефедкова выдал.

А Печенкина той же осенью 1921 года убили в деревне Исаевой, что находится в полукилometре от Пелыми. Он пробрался в Пелым, но его там узнали, и он побежал через речку Пелымку в Исаево, но провалился в воду. Выскочил, обмерз, не мог бежать, тут его и убили.

Публикуется впервые

№ 45. – Вискунова Л. Ф. 1. Все в прошлом. 2. То белые пришли, то красные пришли (записи О. А. Кошмановой)

1. Все в прошлом

Основной промысел – ловля рыбы

Родилась я 25 августа 1906 года в деревне Учинья Тобольской губернии Туринского уезда.

Отец мой – Кауртаев Филипп Иванович (23.10.1875 г. – 10.12.1937 г.). Рыбак, охотник. Был арестован (обвинялся как «организатор контрреволюци-

онной повстанческо-террористической группы»), а затем 10 декабря 1937 г. расстрелян в Тюмени в числе многих. Реабилитирован 31 мая 1989 г. Местный, коренной житель, вогул (по современному – манси).

Мать – Кауртаева (Овешкова) Домна Викторовна (9.01.1880 г. – 15.04.1929 г.). Была она родом из д. Рублево Гаринской волости.

Помнить я себя стала лет с восьми. Тогда и отвезли меня учиться в деревню Сатыга, в школу. Проучилась я полторы зимы (1913 год и начало учебного года 1914-го). И тут нашего учителя забрали на германскую войну. А нас всех по домам распустили.

123. Неводьба в курье на Конде

Осенью 1914 года приехала учительница из Тобольска, Ольга Яковлевна. Ее девичьей фамилии я не знаю, а здесь, в Сатыге, она вышла замуж за Исыпова Василия Трофимовича. Да так и прожила всю жизнь в Конде.

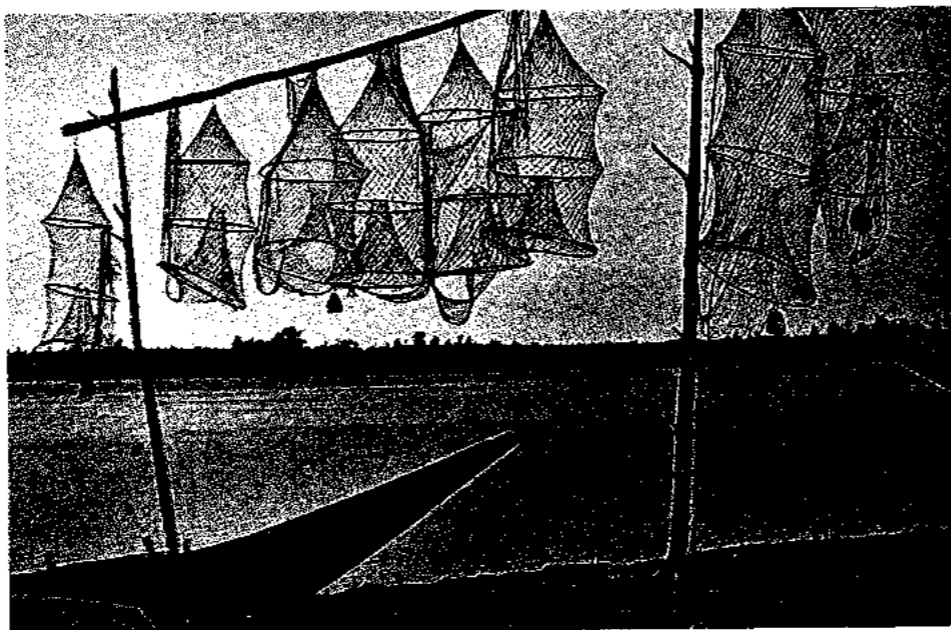
Осенью 1915 года меня вновь привезли в школу. Но долго я не училась. Меня забрали домой ребенка нянчить. Тогда у нас Наташка родилась. На этом моя учеба и закончилась.

Как мы тогда жили? Жили своим хозяйством. Скот держали, рыбу ловили. Мужики в сезон на охоту ходили. Тогда все так жили. Все своим хозяйством. Что было у нас? Лошадей 3–4, коров дойных 3, быки, телята, овцы. Овец помногу не держали – по 8–10 штук. Ухаживали за скотом сами. А кто бы ухаживал? Сами держали, сами за всем и смотрели. Сено на всю скотину сами заготавливали.

Летом рыбачили. До июля месяца вся выловленная рыба шла на урак, на еду. С конца июля обычно делали так (не мы одни, а все): мелкую рыбу – на урак, из кишок варили рыбий жир, а крупную садили в садки. Как это делали? Берег озерка поднимали и укрепляли дерном. Речка перегораживалась земляной плотиной. Плотины поднимали на такую высоту, чтобы она была на одном уровне с берегами. Посредине плотины, на поверхности ее, вкладывался желоб – шлюз, по которому лишняя вода из запруды могла стекать в

реку, не размывая плотину. Обычно рыбу в таких садках не кормили, она сама там находила пищу. Но если случалось очень жаркое время, то, чтобы рыба не подохла, в запруду сыпали соль. А еще по берегам запруды опускали в воду осинник. Он как бы освежал воду. И так весь июль–август днем на покое, а утром и вечером на рыбалке.

У нас был Ушанатский песок на Конде. Он был как бы наш. Мы там много лет рыбачили. У нас там стоял дом, амбары. Кто с нами рыбачил? Да у нас была очень дружная семья! Все свои и работали. Отец мой, Филипп Иванович, брат его – мой крестный – Дмитрий Иванович, двоюродный брат отца

124. Сушка морд (фитилей)

по матери Григорий Иванович да Алексей с Яковом. Это были двоюродные братья Филиппа Ивановича, но после смерти матери они жили с нами. Алексей – у нас, а Яков – у Дмитрия Ивановича. Да и мы, девчонки, все время там были, помогали.

Рыбу пороли, кишки собирали, рыбий жир варили, урак сушили.

Работы всем хватало. Бывало, что раз в две недели в баню в деревню съездишь – вот и весь отдых.

А в одно лето я чуть совсем не ослепла. Меня под руки домой увезли. Почему? Да ты не знаешь, что ли, как урак готовят? Когда подвялится рыба, подсохнет на жару, когда будет почти что готова, ее для просушки паверх под крышу кладут. Тут она уже до готовности доходит. Так вот, от дыма, от жара у меня глаза и воспалились. И я ослепла. Правда, потом все прошло, и я до старости хорошо видела.

А сена надо было сколько заготовить?! Да еще гнус...

Так вот и жили своим хозяйством. Все сами делали, все, что нужно, заготавливали. И себе на зиму, и на продажу. Только одного урака до 20 пудов заготавливали. Обычно рыбу в запрудах держали до рекостава. Потом облавливали – обневаживали. Обычно это происходило по первому холоду. Выловленную рыбу морозили и укладывали в поленицы. Потом засыпали

снегом, заливали водой, замораживали, чтобы рыба не испортилась, не «забыгла».

Плохо было, когда вот такая осень, как нынче (1982 год). Сначала заморозит все, а потом оттепель. Но и рыбу в запрудах оставлять в мороз нельзя – задохнется (озерко или запруда «сгорит»). Бывали и такие случаи. А ведь это весь летний труд насмарку! Вот тогда горе было... А если рыба выловлена, да оттепель... Тоже горе. Не знаешь, куда ее деть. Если ожидали плохую осень, обычно во второй половине сентября рыбу из садов в садки садили. Садки тоже сами делали. Строгали жал, потом сплетали лыком или мочалом. Туда и запускали рыбу, выловленную из запруд.

У нас было два Ушанатских песка: верхний и нижний. На обоих ловили рыбу. Тогда, до 1920 года, много песков по Конде облавливали.

От нашего песка вниз по Конде тоже наши родственники песок имели и облавливали. Кауртаевы Григорий и Левонтий, Коля и Ваня Нертымовы. Мать у них одна была – Кауртаева Катерина Павловна. Это родная сестра нашей бабушки по отцу Дарьи Павловны. Ниже по течению песок имели братья Петрушкины, Александр и Павел, со своими семьями. Дальше Иван Васильевич Кауртаев (Альберта Ивановича Кауртаева в Кондинске знаешь?) Так вот, это его отец с матерью и сестрами облавливали песок. Затем Макаровский песок. Его все называли Макаровский, по имени владельца – Макара Таскаева. Рыбачили там его жена Пелагея Петровна, дети Тимофей, Егор, Сергей, Татьяна, Николай. А дальше шел песок Осипа Ивановича Кауртаева. Он тоже со своей семьей там управлялся. А уж потом Половинкинские пески пошли. Их облавливали те, кто в Половинке жили. Это я говорю про те пески, на которых стояли избы или юрты. Зимой обычно облавливали всей деревней Верхнюю Агру (это заводь такая, вроде бы залив от Конды). Течение тут крутится. И тоже хорошо добывали. Рыбу делили на всех, кто принимал участие в рыбалке. К зимнему Николе (6 декабря по старому стилю, а 19 – по новому) ездили обязательно на ярмарку. В Зимнего Николу ярмарка была в Гарях. Вот туда и везли рыбу, пушнину, ягоду. И закупали кому что надо. А весной ярмарка была в Ирбите. Это тоже в какой-то праздник, но я сейчас забыла. Может, в Сретенье, может, нет, но знаю, что в марте. Туда тоже возили рыбу, но больше всего пушнину. Знаменитая была ярмарка! Большой магазин в Ирбите и сейчас стоит. И тогда в нем торговали всем на свете. Магазин этот назывался «Эрмитаж». Почему – не знаю. Но помню, что нам с Ирбитской ярмарки даже китайские игрушки привозили.

Про ясак я тоже что-то слышала, но точно ничего не помню.

Знаю только, что ездили мы с отцом и получали овес в Тоскливой, а за мукой ездили аж до Турсунки.

Почему? Не знаю, не помню, но думаю, что это так получилось, потому что вода была малая. Пароход с мукой не мог пройти. Где выгрузили, там и раздавали. Помню еще, как у нас во дворе развешивали привезенную муку всем безлошадным, кто сам не смог поехать за мукой.

Что это была за мука, не знаю, не помню. Но знаю, что на всех делили.

1917 г. Пароход не пришел

Этот год я очень хорошо запомнила. Запомнила потому, что мой отец отпускал меня учиться в Тобольск. И не просто отпускал, а договорился с одним тобольским купцом, который каждый год приезжал к нам в Учинью и торговал. Приезжал он на маленьком пароходике, который отапливался

дровами. А в тот год купец уже не приехал. До этого я была наверху блаженства, радовалась, что наконец-то моя мечта осуществится, и я поеду учиться. Обо всем была договоренность. Но не пришел пароходик в то лето...

Но и это была беда не беда. Дело в том, что деньги сменились. А точнее, все, что были, пропали. А куда поедешь без денег?

И вот все рухнуло! Ох, и поплакала я, погоревала...

Так вот я и запомнила этот 1917 год. Так моя учеба не состоялась, и осталась я неграмотной. Читать кое-как умела. Писала только карандашом. Позже, правда, всему научилась.

125. Амбар для овса
в с. Нахрачинском

А жизнь шла своим размеренным, проверенным шагом. Все делали так же, как и прежде. В свое время ловили рыбу, из нее делали урак летом, зимой морозили. Заготавливали сено, содержали скотину. И по-прежнему ездили на ярмарки. Но только теперь меняли товар на товар. Деньги были ненадежные. А так надежнее и увереннее. Были одно время у нас даже керенки, но это недолго.

Деревня жила своей жизнью. А что где делалось – до нас доходили разные слухи. Очень много людей стали приезжать и к нам в Учинью. Приезжали из Гарей, Пельми. Устраивались здесь на работу. В основном на рыбалку. Тогда уже и половинщиков держали. Это значит, что пай рыбный делили поровну.

Приезжал и гостил у нас родственник нашей матери Домны Викторовны. Вроде бы племянник. Тогда и говорили старшие, что при нем ничего такого обсуждать нельзя: «Такие люди, как он, царя прогнали».

Купцы в это время сюда, на Конду, уже не ездили. Ярмарок тоже не было. А поэтому делали так: в Гарях сеяли много хлеба и возили на такие заводы, как Надеждинский, Сосьвинский, Рудный. И там меняли хлеб на одежду, а нам меняли хлеб на рыбу и другие продукты, иногда тоже на одежду. Только так и торговали: товар на товар. Вот и выменивали муку, соль, сахар, крупу и другие продукты, и даже одежду.

Приготовление урака

Как его делали? А ты что, не знаешь? Тогда слушай.

Для начала рыбину чистят. Потом нильсимкой (это нож из оленьей кости) разрезают поперек в области выходного отверстия чуть-чуть, потом нажимают от головы рыбины и все содержимое кишечника вместе с пузырем выдавливают. Из собранных кишок и делается рыбий жир. Потом рыбину вздевают на жилину чуть ниже головы, но выше брюшных поплавок, чуть наискосок.

Жилина – это деревянная палочка длиной до одного метра. Обычно около 70–80 см. Жилину выстругивают. С одной стороны она делается квадратной для держания рукой, а с другой стороны у нее заостренный конец. Вся рыба, приготовленная на урак, вздевается на эти жилинки.

Делается навес на высоте 2–2,5 метра, под ним разводится огонь в неглубокой траншее (можно на один штык лопаты). Ширина траншеи – до одного метра, длина – по желанию. Можно два метра, можно и больше – по длине навеса.

В траншее разводится огонь, но только из осины или тальника, хвойные породы деревьев не применяются. Когда огонь по всей траншее хорошо разгорится и прогорит, останется только жар с углями, тогда и вывешиваешь рыбу над огнем на две поперечные жердины. Для начала кладется пустая жилина, затем хвостами на нее устанавливается первая жилина с рыбой. Затем – вторая, рыбьими хвостами на головы рыб первой жилины. И так до конца траншеи, пока есть огонь-жар. Обычно первый раз рыбины кладутся распоротыми брюшками вниз, для того чтобы сбежала вся жидкость.

Как только рыбины подсохнут и немного поджарятся, надо их перевернуть другим боком. Для этого на другой конец жерди кладут простую жилину и переворачивают жилины с рыбой, и так до полной готовности. Потом рыбины снимают с жилин и помещают под навес на высоту над этим же огнем. И вывешивают новую партию рыбы.

Надо обязательно следить, чтобы рыба не подгорела. Следить за огнем, а точнее – за жаром, за углями. Если будет огонь, рыба может сгореть или подгореть. Если огонь появлялся, обычно брызгали водой. Огонь потухал, но был хороший жар.

Выше, под навесом, на высоте 1,4–1,6 метра делали из жилин или веревки как бы полочку или сетку. И туда складывали всю рыбу с жилин после поджарки и просушки над огнем.

А тут уж следить приходилось, чтобы рыба не пересохла, чтобы высохла как надо. А это уже под самой крышей, постоянно в дыму. Обычно во время приготовления урака вокруг огня от ветра ставили доски или какое-либо другое укрытие делали.

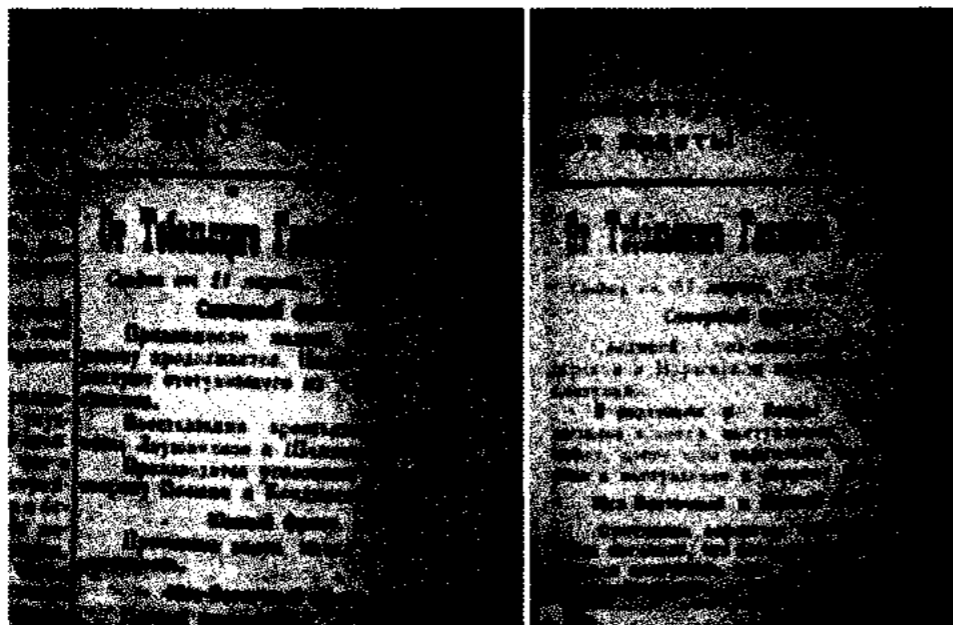
Вот тебе и весь процесс приготовления урака.

2. То белые пришли, то красные пришли....

До 1920 года жизнь в деревне Учинья протекала так же, как и много веков назад. В определенное время ходили на охоту по сезонам, рыбалка – круглый год. И когда пришла к нам в деревню Советская власть, мы ничего не заметили, потому что ничего нового не происходило. Как жили, так и жили, как работали, так и работали. Торговать ездили в Пельм, Гари, Туринск, Сосьву, некоторые доезжали даже до Екатеринбурга. Оттуда привозили в

основном муку (крупчатку), сахар, крендели, одежду. Туда увозили рыбу, мясо, ягоды, кедровый орех, пушнину – кто что.

Школы в деревне не было. Но в 1920 году у нас открыли ликбез (школу по ликвидации безграмотности). Таю (Таисью Евменьевну Носову, позже – Мотышеву) нам прислали. Она у нас и жила. Учила взрослых девок и баб. Потом, где-то, наверное, в феврале 1921 года, приехали к нам в Учинью Егор Сергеевич Елушкин из Кисаря и с ним из Нахрачей какой-то представитель по фамилии Белкин (имени-отчества я теперь уже не помню). К нам заехали. Стали разговаривать с отцом и другими мужиками. Таю позвали и всем

126. Сводки Главного штаба повстанцев из газеты «Голос Народной Армии» за 11 и 21 марта 1921 г. В первой: «Северный фронт... Восставшими крестьянами заняты села Леушинское и Шаимское»

объявили, что пришел конец Советской власти. Ликбез они закрывают, и чтобы больше никаких школ не было! Бабам надо сидеть дома, прясть, детей нянчить – грамота им ни к чему. Бабам и девкам учиться охота, а нельзя.

Следом и отряд белых прошел, человек 10. Я их еще возила до Ушьи на двух подводах, мне 14 лет было. Там меня отпустили. Раньше так и ездили от деревни к деревне на лошадях. Одежда у этих людей была, как и у всех, гражданская, а не военная, ружья у них были – вот и все. Начальником вроде бы был Беломоин, а может быть, и Уфимцев. Точно не знаю, но эти фамилии были на слуху. И снова стали жить, как прежде, только уже ликбез не работал. Правда, Таю допрашивали, не коммунистка ли она, но она ни в какой партии не состояла, так и оставили ее в покое.

Арестовали Ивана Филипповича Фокеева, учителя из Шаима. После говорили, что его арестовали за то, что он стрелял голубей на крыше церкви. Другие говорили, за то, что продолжал детей учить после запрета. Тогда же, в 1921 году, его и расстреляли в Леушах. А ведь совсем молодой был, только после окончания учебы приехал в Шаим работать учителем. Он и Таю к нам в Учинью направил, чтобы ликбез организовала.

Поконитя Иван Филиппович Фокеев, учитель из Шаима, в братской могиле в Леушах.

Всех наших учинских мужиков в марте 1921 забрали в шаимский отряд. По воспоминаниям участников тех событий, они отрядом стояли возле деревни Ереминой. Красные наступали с туринской стороны, говорят, что там был сильный бой. Кто живой остался, из-под Ереминой домой побежали. И наши деревенские мужики тоже. Там, в Ереминой, погиб Леонтий Иванович Кауртаев, двоюродный брат Филиппа Ивановича. Многих тогда мужиков там побили. По всем деревням пошел слух, что идут красные и всех подряд убивают. Тут и началось! Нас (я, Андрей, Тюнька, Наташка, Гранька) отец Филипп Иванович посадил в сани и повез в тобольскую сторону. Доехали мы только до Тапа, тут нас белые и нагнали. Отца с лошадей забрали, а мы остались в Тапу у Татьяны Каргаполовой. Тогда и говорили, что красные убивают всех подряд. Мы остались, а отец уехал. После тятя рассказывал, что довез отряд до Леушей. Там они с мужиками договорились и решили бежать. Сбежать-то сбежали, но их заметили и начали по ним стрелять. В Леушах гора высокая, вот с нее и стреляли. Тятя рассказывал, что бежали они, согнувшись. Убежали, но в Корп зайти боялись. Так всю ночь следы и пугали. Мы же в Тапу живем, смерти ждем. Знали, что вот-вот должен прийти отряд красных. Раз белых гонят, красные следом идут. Ребятишек всех в подпол на картошку посадили, собрали половики, старую одежку – и в подпол: «Сидите и молчите! Даже если и нас убивать будут, молчите, может, живы останетесь!» А мы с теткой Татьяной Каргаполовой все посматриваем в учинскую сторону, откуда должен отряд идти. Тапинские-то тоже, кто куда смог, уехали.

Видим мы, что показались двое верховых на дороге, остальные на лошадях, в сани запряженных, едут. Тетя Таня мне и говорит: «Бери ведра, коромысла, вроде по воду идешь». А я что, вот отчаянная головушка была, – и бежать на прорубь, как по воду. Думаю, если убьют меня, тетя Таня увидит и ребятишек все равно спасет, а если нет – узнаю, как и что... Остановили они меня. Люди как люди. Вроде не собираются сразу убивать. Начали расспрашивать, есть ли в деревне белые. Я им все и рассказала, что отряд дальше ушел, что тятю, с парой лошадей, забрали дальше везти, что говорили, что красные всех подряд убивают, а потому все и попрятались, кто куда смог.

Это был отряд красных, и ехали они на подводах. Правда, часть солдат были и верховые. Но это была вроде бы как разведка. Остановился отряд в Тапу на отдых. Лошадью они кормили через три часа. Шесть часов надо было на отдых. Я пошла в дом Михаила Федоровича Тайлакова, знала, что они тоже уехали, и дом пустой. Подхожу и слышу, поросята визжат, там уже поросят режут. Я зашла в дом, затопила печь и стала еду готовить. Солдат картошку начистил, варили в чугунах. Переночевали они в деревне и поехали дальше.

После отец пришел и нас домой увез. Когда ехали домой, было страшно – кругом полыньи, дорога по реке Конде шла, особенно с Половинки до Учиньи. А что было в Учинье, я уже дома узнала. Рассказывали мама и Яков Репин. Мама осталась дома, не захотела уезжать. Говорила, что если убьют, так дома. Нас, ребятишек, спасала, вот и отправила с отцом. Но перед самым приходом красных (и правда, кому охота умирать) бабы и ребятишки, кто оставались в деревне, все ушли в лес, в рыболовецкую избушку. И мама тоже. Там день или два жили. Потом Янку Репина, ему тогда лет 16 было, отправили на разведку. Нашли красный лоскут, на палку привязали и договорились так, что если все хорошо, то Янка кричать будет им, и они поймут, что мож-

но идти в деревню. Пошел Янка и видит, что возле речки Мостовой на дороге к Учинье вооруженные люди ходят – 4 солдата. Янка все высмотрел и решил пойти, будь что будет. Всдь в избушке бабы да ребятишки. Холодно и голодно им, домой всем надо.

Размахивая красной тряпичей, Янка вышел к солдатам. Те его в деревню, к командиру. Он рассказал, как и что. Командир велел ему идти в избушку и всем говорить, что красные никого не убивают и пусть все по домам идут. Янка обрадовался. Дали ему пару лошадей, и он поехал за бабами и ребятишками. Правда, всех допрашивали: «Почему ушли, где были, где муж, где дети?»

127. Участники подавления
восстания 1921 г. в Сибири.
Екатеринбург, июль 1921 г.

Мама домой заходит, видит: русская печка топится, а в кухне русский солдат тесто месит. Обрадовался, что хозяйка пришла. Оказывается, в нашем доме штаб стоял, и маму сразу на допрос. А что она знала? Усхал муж, ребятишек увез, куда, где... Никто ничего не знал. Командир говорит:

– Давай хлеб пеки.

Пошла она в кухню и спрашивает у солдата:

– Ты хоть теплой воды-то налил?

– Где возьму? Из проруби налил.

– Закваску клал?

– А что это такое, где взять?

Мать быстро в подпол спустилась, там у нее закваска была, и все как надо по-быстрому сделала. Отряд уже дальше уходить собрался. Сложили хлебы из печки прямо в мешки, и поехали солдаты дальше. А в Тапу-то я их и встретила.

Прошли отряды красных и белых в марте 1921 года, и снова стали мы жить тихо и мирно.

В сентябре 1921 года к нам пришли двое. Да и не только к нам. К моему крестному Митрию тоже. И начали вести всякие разговоры. Я как раз в это

время самогонку гнала. Увидела, что много людей от речки идут к деревне, и забежала в дом. Отец до этого им ничего особенного не говорил, а они все его про красных пытали, где они, да что, да как спастись от них. А тут и я. Говорю, что много людей сюда идут из-за речки. Они соскочили, вроде испугались и давай просить: «Спасите нас, помогите, они нас убьют!» Тятя растерялся, не знает, что и делать. «Бегите, – говорит, – через двор!» За эти слова «бегите через двор» отца и забрали. Оказывается, это и были красные, как бы разведка, вот они провокационными разговорами всех и пытали, кто за красных, кто за белых. И всех подозрительных, по их мнению, забирали и увозили с собой. Но сначала заставили им бродни сшить. Ведь осень была, куда без бродней по болотам. И кожи у нас все забрали, что были припасены для шитья обуви. Ох, и хватили мы после этого лиха! Надо неводить, а не в чем. Тогда, наверное, я ноги и простудила. Сколько мне лечиться потом пришлось...

К крестному Митрию тоже пришли, а он узнал Фрола Ереминского, который был среди них. Фрол, все знали, был в красных. «Я ведь тебя, Фрол, узнал». Тоже начали такие же разговоры. Прицепились, почему икон много, почему не убрал. «А у меня за ними пусто», – говорит крестный. Больше от него ничего и не услышали.

Крестного не забрали. А у нас и все кожи, что были заготовлены, забрали, и всю обувь.

Так мы и остались одни. Я за старшую – мне уже 14 лет было. Мама больная, ребятишки малые (Андрею 11 лет, Тюньке – 8, Наташке – 5, Гране – 3 года). Все работы на мне. Осенью надо неводить, а не в чем. Крестный мне обутки выкроил и сшил. А что обутки? Пока тень тянем, я ноги в воде держу, а как на берег – я по берегу бегаю туда-сюда, ноги грею. Как согреюсь, тогда и помогаю лодку тащить. И так до рекостава. Кушать-то что-то надо, на мне все хозяйство держится. Тятя по зимней дороге пришел. Помню, что я с сеном приехала, мы сено метали на сеновал. Я подавала, стоя на возу, а ребятишки оттаскивали там. И вдруг кто-то из младших как заорет: «Тятя пришел!» Я как стояла на возу, так и повалилась, ничего не помню. Потом говорили, что упала с воза, под руки домой привели, отхаживали меня. Отец где-то в середине ноября пришел, мы его и в живых уже не считали, не надеялись. Я так думаю, что это Костя Овешков ему помог, он и вел этот отряд. Моя мать, Домна Викторовна, ему родней приходилась. Он ее все сеструхой называл. Поэтому, наверное, и вернулся отец.

Это был последний отряд красных, что шел из Тобольска по Конде в Гари (сентябрь 1921 года).

Публикуется впервые

№ 46. – Кентина М. И. Деревня Евра. Год 1921 (запись О. А. Кошмановой)

До 1921 года мы жили спокойно, тихо. Никаких особых событий не было. Конечно, слухи разные шли, что где-то кто-то воюет. Но у нас в деревне было все нормально.

В марте 1921 года к нам в деревню пришел отряд белых. Это были местные кондинские мужики со своими же ружьями. Надо сказать, что тогда для борьбы с коммунистами собрали два отряда из местных мужиков. Один стоял в

Шаиме, и все евринские мужики попали в шаимский отряд. А в Евру пришел отряд Белкина из Нахрачей. Сам Белкин (имени, отчества я не помню) был родом из Есаула (по-современному – Ильичевки). Ростом он был маленький, но очень подвижный. Этим он мне и запомнился. Все бегал по деревне, все командовал. Всех приехавших расселили по домам по 3–5 человек.

Тогда говорили, что всего мужиков было около сотни или, может, чуть больше. Долго они стояли у нас в деревне. Окопы рыли по Пельмской дороге, разведку высылали. А потом ушли все в Пелым.

Через некоторое время побежали они назад по этой же Пельмской дороге. И опять в Евре остановились. Но стояли недолго. Все разведку на Киляй посылали. Вот они и говорили, что следом идет отряд красных и что они уничтожат всех, не шадят ни детей, ни женщин, ни стариков. Всех убивают, да причем тем, что у тебя в доме есть: топор – так топором, нож – так ножом. Есть ружье, значит, застрелят.

Все жители Евры, да и всех других деревень, были ужасно напуганы. И как только заметили, что в Киляй стали заезжать подводы, все бросились убежать по Сатыгинской дороге и дальше, кому куда надо. Вернее, стали разбегаться по лесам, т. е. по охотничьим избушкам да рыбацким юртам.

Мы, как только услышали выстрелы, запрягли лошадей, побросали в сани кое-какие вещи и отправились в лесную избушку, что находилась за Туманом. Нам отец наказал, чтобы мы на проезжих дорогах не показывались, а уехали в лесную избушку и там жили и ждали сигнала из дома.

Отец, мать и больная сноха остались дома. Решили: пусть будет, что будет! Ведь не могли же родители оставить ее одну!

Мужа снохи еще раньше забрали и увезли в отряд в Шаимскую сторону.

Как только мы отъехали от деревни, услышали сильную стрельбу, перепугались, побросали мешки и ящики в снег у дороги и в лесу скрылись.

Жили мы в лесной избушке неделю. Я видела, что по зимней дороге по Туману шло много подвод, и на каждой – вооруженные люди.

Прожили мы в лесу неделю и вернулись в деревню. И тут узнали, что когда проходил отряд красных, то всех жителей деревни ограбили. У кого были какие запасы продуктов, все забрали. Ничего не осталось. А подводчики (владельцы лошадей, что везли отряд красных до Леуш), когда стали назад в Пелым возвращаться, заходили в дома и даже всю посуду позабирали. Так что, выходит, в обе стороны едущие деревню грабили. Ничего не осталось...

Страшно тогда было. Многих убивали. Кто? За что?

Так, один мужик с возом сена ехал, так его другой, тоже из нашей же деревни, только тогда он в отряде был, забрал вместе с лошадей и сеном. Довез до фермы и там убил, а лошадь взял себе.

Отец нам говорил, чтобы мы на дорогу не выезжали, а то и нас заберут. Так и вышло: двое из нашей деревни на дорогу выехали, их забрали, и они целый месяц отряд возили. Лишь по последнему пути, уже в апреле, домой вернулись.

Тогда много людей было убито. А трупы убитых брошены в лесу на местах убийства.

И только весной, когда уже распалось, многие приезжали к нам в Евру и искали своих потерявшихся родственников, мужей, братьев.

Одного убитого леушинского отца-мать по бродням узнали.

Анна Ивановна из Юмаса нашла своего мужа и в Евре же и похоронила. Домой не смогла увезти, не на чем было.

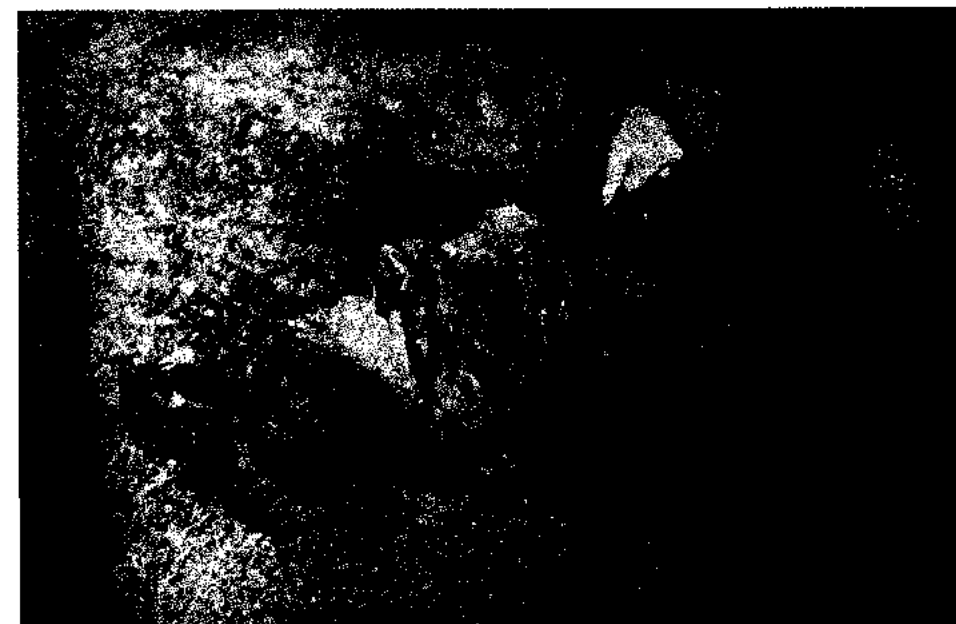
Наш дом не тронули, потому что в нем родители да больная сноха остались. Только заставили мать хлеб печь. Она и пекла хлеб, пока отряд стоял в Евре. Все это было в марте 1921 года.

У нас к тому времени поля уже были разработаны.

Пшеницу, ячмень сеяли. Сами и поля разрабатывали. Особенно тяжело досталось поле возле Кулацкого озера. Как большая вода, все сляги смост, унесет.

Так вот и жили. Рыбу ловили круглый год. С мясом тоже проблем не было. Отец в слонцах по 14 копалух¹ добывал. А зимой оленей да лосей набьет.

¹ Копалуха – самка глухаря.

128. Убитый повстанец

После всех этих событий 1921 года жизнь в деревне сначала продолжалась как обычно. А потом... А потом другие времена пришли. В 1930 году отца с матерью раскулачили. Потом отец умер, а мать после его смерти осталась жить в бане. У меня тогда уже своя семья была. Даже мать к себе взять я не могла! Все кулаками да подкулачниками звали.

Моего мужа, Алексея Кентина, сколько раз вызывали и все требовали, чтобы он от меня отказался. Да и соседки в деревне все ему выговаривали: «Что ты с кулачкой живешь?»

А у нас к тому времени уже и дети были. Разве мало нам досталось?

Еще, помню, нас все за золото трясали. Все про какое-то золото спрашивали. Но какое у нас золото? Нам мать по одному золотому дала. Так мы их сразу же и отдали.

Тогда многих за золото забирали. Даже в Тобольск увозили. И большинство – зазя.

Потом про золото забыли. Но всем бывшим кулакам, т. е. всем раскулаченным, стали давать «твердое задание». С этим тоже горя хватили!

Публикуется впервые

№ 47. – Носова-Мотышева Т. Е. Учинья. Год 1921 (запись О. А. Кошмановой)

Я была направлена в деревню Учинья по рекомендации учителя из Шаима Ивана Филипповича Фокеева. Вот и приехала, но в деревне никого не знала. Меня пригласили в семью Ф. И. Кауртаева. У него были молодые дочери, и меня это очень устраивало. Так я и стала жить в семье Филиппа Ивановича.

Согласно положению о ликбезах, я должна была учить только взрослых. Учились у меня девки и бабы. Занятия проводила только вечером, когда все управятся по хозяйству. Тогда у всех было много скотины: коровы, телята, овцы, лошади. Как все управятся со скотиной, так и начинаем занятия. Все бабы и девки ходили ко мне с большим желанием, с удовольствием. Они хотели научиться грамоте. И очень старались.

Но проработала я недолго. В конце февраля или в первых числах марта 1921 года в Учинью приехали двое: один – из Нахрачей, Белкин (имени-отчества не помню), а с ним – Егор Сергеевич Елушкин (Кисарский), и стали они о чем-то с мужиками беседовать. Вначале приглашали по одному, потом по несколько человек, все что-то им говорили. А затем и меня пригласили и объявили, что Советская власть кончилась. Приказали ликбез закрыть. И спросили у меня, не состою ли я в партии, не коммунистка ли я?

– Вы из района приехали, у вас есть все документы. И на меня у вас тоже все есть. И вы прекрасно знаете, что я ни в какой партии не состою.

– Знаем, – говорят. – Но учить тебе запрещаем. Бабам, девкам надо по домам сидеть, детей нянчить, по хозяйству работать. А грамота им ни к чему. Так что закрывай свой ликбез.

Как приказали, так я и сделала. Больше занятий не стала проводить. Правда, девкам и бабам страсть как учиться хотелось, часто прибегали ко мне и просили продолжать занятия. Но я боялась. Тогда ведь такое уже время было, ни за что могли обвинить.

Помню, как однажды оба приезжих обедали у Филиппа Ивановича вместе со всей его семьей. Младшая дочь Талька (Наталья) выскочила из-за стола и побежала куда-то. Ей тогда лет пять было. Люба, старшая из сестер, схватила ее за рукав:

– А богу кто молиться будет?

Я заступилась за Тальку. Не тронь, говорю, девчонку. Вырастет, сама будет знать, что делать.

– За что и боремся, – авторитетно заявил Егор Сергеевич.

– Вы за власть боретесь, а не за бога, – спокойно сказала я.

– Как знать, как знать, – кивнул головой гость. – А свой ликбез ты все-таки закрой.

Через некоторое время я вернулась в деревню Токлован, где и продолжила работать пастраткой в семье Вискуновых.

В апреле этого же года (1921-го) арестовали учителя из Шаима Фокеева Ивана Филипповича. Увезли в Леуши и там расстреляли. А ведь был он совсем еще молодой, только что окончил училище в Тобольске и был направлен к нам на Конду на работу. Одни говорили, что вроде бы он стрелял в голубей на церкви, и на него донесли. Другие – что вроде бы он в комсомол вступил или в партию. А в основном все считали, что его расстреляли за то, что он продолжал учить, когда уже запрет был.

№ 48. – Казанцева А. В. Леуши. Год 1921 (запись О. А. Кошмановой)

Зимой 1921 года мы, жители деревни Леуши, слышали, что сюда идут красные, и будут они убивать людей, издеваться над населением. И поэтому перед приходом отряда все, кто мог уйти-уехать, разбежались по лесу или укрылись в глухих деревнях в лесу.

Мы, человек 20 баб и детей, отправились в Пононёр. Это километрах в десяти от Пашни (так назывались речка и зимовье).

Провели там 2–3 дня, потом продукты кончились, и решили мы возвращаться по домам. Приехали в Пашню, и оттуда я с младшей сестрой Устиньей, ей тогда было 10–11 лет, пешком добралась до Леушей. А в Леушах по улице солдаты ходят. Забегаю я в дом, а там за столом сидит какой-то человек и пишет что-то. Наверное, их начальник, раз пишет. Увидел меня и спрашивает:

– Может, ты хозяйка дома?

Я заплакала и отвечаю:

– Я.

– Не плачь, не плачь. Давай заводи квашенку и стряпай хлеб.

А потом позвал солдата и говорит ему:

– Хозяйка пришла, ничего не трогайте. Хотели поросенка зарезать, – ничего этого не делайте.

Я пошла к соседке, взяла закваски, завела тесто. К вечеру калачей настряпала, так как булки дольше ждать. Поели они и сразу же уехали.

Отец у нас тогда в больнице лежал, и жили мы вдвоем с сестрой.

Отряд прошел, и опять по-прежнему жизнь потекла.

И вдруг, точно не помню, то ли перед Пасхой, то ли сразу после нее, рано утром мы слышали стрельбу в деревне. Как послышала я, это Павел Печенкин, прямо через речку Паву, стрелял в Алксея Полякова, который был у себя дома. Тот упал, убитый, в сенях. Мать его, Пелагея, начала кричать и плакать. Но тут прибежал Павел Печенкин, схватил Пелагею за руку и вытолкнул, выбросил на улицу. Как только началась стрельба, наши соседи Владимир Юткин и Иван Алчин убежали из дома. Убежал из дома и Григорий (фамилию сейчас не помню), а Печенкин стал попытываться у жены Григория Ефросиньи Алагуловой:

– Говори, где муж скрывается?

А она не знала. Он ее и арестовал.

В отряде у Печенкина, а вернее, в банде, были Иван Шабанов из Запора, Карпушка (фамилии не помню), а в Леушах Печенкин к себе забрал Степана Софроновича Новоселова, Николая Ивановича Алчина. В тот же день они уехали в Пашню. Что в Пашне происходило, я точно не знаю, это лучше знает Настасья Ивановна Алагулова – она тогда там жила, только Печенкин с бандой опять приехали в Леуши.

Мне бабы сказали, чтобы я боялась Печенкина. Я тогда была молодая да бойкая, а про Печенкина говорили, что он нахальник и насильник. И поэтому я даже никогда не видела его, вернее, старалась не попадаться ему на глаза.

Но когда Печенкин с бандой вновь появился, они стали посылать Ивана Шабанова в Нахрачи за винтовками. Я тогда держала пай за убитого брата, и была моя очередь везти. Я отказывалась, боялась, что наши вернутся и меня арестуют, но десятник Павел Родионович Пупин все равно меня послал.

129. Приказ президиума Тюменского губисполкома № 3 «О конфискации имущества у лиц, принимавших участие в контрреволюционных восстаниях», опубликованный 20.04.1921 г. в газете «Тобольский Совер»

Пришли мы под гору: я, Ефросинья Алагулова (она была арестована Печенкиным, а потому делала то, что ей велят), Иван Шабанов с ружьем, Павел Родионович Пупин. Требовалось выбрать лодку, на которой можно ехать, так как был сильный ветер, большой вал. Это происходило ранней весной, вода стояла большая.

Выбрали мы кедровку с гребями. Павел Родионович сбегал на гору за рожей по приказу Шабанова, чтобы ему лежать в лодке удобно было. Я села на корму, Ефросинья – в гребни, и поехали мы в Запор.

Дул сильный ветер, вал – боковой. А как к Запору повернули – ветер и вал попутные. Иван Шабанов, прижав к себе винтовку, спал в лодке. Дело было на солнцевосходе. Я говорила уже, что на корме сидела, Ефросинья – в гребях, поэтому мы не видели, что на берегу делается.

А в Запоре в это время уже отряд красных стоял. И только когда мы стали приближаться (до этого момента нас почему-то не видели, после говорили, что пост проспал), они услышали скрип уключин да всплеск воды от гребей. Смотрю – по берегу несутся люди с винтовками, а на стволах у всех красненькие ленточки привязаны.

Я лодку прямо к берегу направила, будь что будет, а Ефросинье ничего сказать не могу, ведь посреди лодки Иван Шабанов лежит. Еще не причалили, как началась стрельба. Иван в воду прыгнул, она ему по колено была, и помчался по берегу. Ефросинья – за ним, ничего не понимая, а я – прямо в гору, к отряду.

Меня и Ефросинью узнал запорский парень, Степан Шабанов, и, как он после рассказывал, попросил не стрелять по лодке (Ефросинья в девках запорская была). Степан кричит:

– Стой, Ефросинья!

Она остановилась. А Шабанов дальше побежал.

Меня солдаты в избу завели, потом туда же Ефросинью, а затем и Шабанова доставили. У него был отстрелен один палец, а глаза как будто ввалились от удара по лбу.

Ему говорят:

– Если ты пойдешь с красными, то возьмем тебя в Нахрачи и там будем лечить.

А он отвечает:

– Никуда и ни с кем я больше не пойду, лучше убивайте меня...

Его вывели за поле и там расстреляли. Потом Ефросинью повели на допрос. Что там было, я не знаю. А затем и до меня очередь дошла.

– Какое у банды Печенкина оружие имеется? Есть ли какие запасы, сколько их?

Я ничего этого не знала. Только и знала, со слов младшей сестры Устины, что пьяный Печенкин о церковную ограду винтовку разбил.

Меня спросили, куда я теперь поеду – назад в Леуши или с отрядом.

Я решила остаться с отрядом, ведь в Леуши мне возвращаться было нельзя. И вот мы, то есть я и Ефросинья, поехали с отрядом в Нахрачи. Но добрались только до Сотника. В Сотнике отряд догнал нарочный из Леушей и сообщил, что Печенкин с бандой убили в Пашне Нефедкова и других мужиков.

Отряд отправился дальше в Нахрачи на лодках, а нам велено было возвращаться домой.

Я хорошо помню, что начальниками в отряде были Илья Зубов из Кучука и Тарамжин. Имя и отчество Тарамжина я не помню, он был нездешний.

А Илью Зубова я знала и раньше: мы несколько раз проезжали Кучук на подводах, и там я его видела. По приезде домой я тяжело заболела, началось нервное расстройство (неделю на веревках держали).

Печенкин с бандой больше жил в Пашне. И так все лето. В Леуши они только наведывались, а в основном жили в Пашне. Вот и все, что я знала, чему была свидетелем.

Публикуется впервые

№ 49. – Цехнова Н. Это было в мае 1921 года (материал предоставлен заведующей Леушинским школьным музеем Е. П. Южаковой в 2002 г.)

После кулацко-эсеровского мятежа в Леуши пешком вернулись освобожденные из тобольской тюрьмы председатель Леушинского сельского совета и секретарь партийной ячейки Кирилл Александрович Карагаев, коммунисты Василий Матвеевич Ёлушкин, Иван Матвеевич Ёлушкин, Тимофей Екимович Нефёдкин, Алексей Иванович Поляков, Алексей Матвеевич Шабанов.

Радость возвращения в родные места, к семьям, омрачало то, что пришли они домой с тяжелой вестью о гибели двух верных товарищей, большевиков Андрея Егоровича Носова и Михаила Николаевича Ёлушкина, зверски убитых в застенках тобольской тюрьмы.

Измученные душевно и физически после неоднократных голодовок в тюрьме, возвратившиеся нуждались в длительном домашнем отдыхе и покое. Но обстановка в селе была тяжелой и тревожной. О каком-либо отдыхе нельзя было и помышлять. Тяжелые следы оставила после себя прошедшая по деревням и селам банда карателей. Многие семьи остались без кормильцев. В хозяйствах не было лошадей (забрали бандитские отряды), скот заморенный. Недостаток, а иногда и полное отсутствие хлеба, картофеля, рваная одежда и обувь, полураздетые и босые дети, затаившийся и примолкший враг – все это производило удручающее впечатление. Необходимо было, засучив рукава, браться за общественно-организаторскую и пропагандистскую работу, привлекая в помощь актив, бедноту, молодежь, всех тех, кто хотел строить новую жизнь, кто с гордостью готов был пожертвовать личным благополучием, а если потребуется, то и своей жизнью, чтобы только не допустить возврата к власти капитала.

Предстояло и еще одно, очень тяжелое, требующее большого душевного напряжения дело – перезахоронение коммунистов и сочувствующих РКП(б), павших в Леушах от рук озверелых карателей во время кулацко-эсеровского мятежа.

Это были: Афанасий Филиппович Конюхов, братья Петрушкины Яков и Поликарп Федоровичи, учитель Иван Филиппович Фокеев, Степан Александрович Карагаев.

И вот в погожий солнечный день на высоком яру деревенской речки Ах собрались леушинцы и отдельные жители из Запора, Пашни и Амыньи проводить в последний путь жертв кулацкого мятежа.

Полощется на ветру алый флаг. Под звуки ружейных выстрелов один за другим опускаются в могилу пять белых тесовых гробов и устанавливаются рядом с гробом погибшего в бою красноармейца, ранее с почестями здесь захороненного отрядом Абрамова (имя солдата осталось неизвестным).

С прощальным словом выступил секретарь партийной ячейки и председатель сельского совета Кирилл Александрович Карагаев. Он говорил о безвременной утрате боевых и верных товарищей, борцов за становление Советской власти в районе, и призывал граждан принять активное участие в восстановлении нормальной жизни на селе. Юные комсомольцы Ваня Алчин и Володя Юткин запевают похоронную песню, и вот уже все с глубоким чувством поют:

130. Похороны погибших
во время восстания в Тюбальске

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, для него,
За жизнь его, честь и свободу...

Печальные, но преисполненные гордости за исполненный долг, жители разошлись по домам. Они не подозревали, что смерть уже занесла свою костлявую руку и над их головами.

Не знали коммунисты и актив, что в Конду вернулся скрывавшийся ярый бандит Павел Печенкин. Он уже рыскал по деревням и сколачивал шайку единомышленников для расправы над советским активом.

Ночь. Стук в окно. Хозяин в одном белье открывает дверь и тут же падает, сраженный бандитской пулей. Добивали его прикладами. Заодно избили до полусмерти его мать, пытавшуюся своим телом закрыть сына.

Так был убит коммунист Алексей Иванович Поляков. Ему было двадцать с небольшим.

Василия Матвеевича Елушкина убили утром дома, за столом, где он сидел вместе с детьми.

Услышав выстрелы в доме брата, Иван Матвеевич успел выбежать только в сени, и тут же был убит подоспевшим Печенкиным.

Карагаев сумел скрыться и лесом пошел в Нахрачи (Кондинское) в волревком (волостной революционный комитет) за помощью. Дошел только до Сотника, где был схвачен местными бандитами и увезен в Леуши. Два раза Карагаев пытался бежать, но неудачно. После этого его связали и вместе с пойманным в какой-то деревне красноармейцем Зыковым повезли в лодке якобы в Пашню. Дорогой их расстреляли.

Тимофея Нефедкова, Семена Алагулова и других активистов, живших в Пашне, предупредили о надвигающейся опасности. Скрылись от банды из Леушей комсомольцы Иван Алчин, Владимир Юткин и Григорий Алагулов.

Не зная численности отряда Печенкина и имея при себе лишь несколько старых негодных берданок, Нефедков и Алагулов с группой актива и комсомольцев ушли в лес. Они решили путем разведки постепенно выяснить обстановку.

В это время Печенкин совершил еще одно злодейское убийство. Идя по следу группы Нефедкова и Алагулова, бандиты приехали в деревню Амынья и зашли в дом Александра Андреевича и Татьяны Степановны – родителей расстрелянных братьев Карагаевых.

Печенкин грубым окриком приказал сварить для них обед, но Татьяна Степановна ответила, что она лучше умрет, чем будет кормить убийцу своих сыновей.

– Одевайся! Выходи! – скомандовал Печенкин.

– И пойду! Стреляй, проклятый бандит! Убил сыновей – убивай и меня! – говорила, выходя из дома, Татьяна Степановна, гордо подняв свою седую голову. Через несколько минут, за деревней, около первых сосенок, раздался выстрел...

Вернувшийся Печенкин бросил к ногам Александра Андреевича полубок Татьяны Степановны, сказав: «На, может, тебе пригодится».

Голод заставил скрывавшихся коммунистов и актив выйти в Летнюю, к рыбацкой избушке.

Поесть они не успели, бандиты были в засаде. Началась беспорядочная стрельба. Вот уже убит Владимир Юткин, ранен Григорий Казанцев. Получив несколько ранений, окровавленный, с отстреленным носом, нетвердо ступая, идет на бандитов Иван Алчин со словами: «Остановитесь! За что? За что?» – и, пошатнувшись, с хрипом оседает на землю.

Нефедков схватился врукопашную с Печенкиным, стараясь вырвать у него винтовку. Перевес в силе был на его стороне, но подоспевший бандит выстрелил Тимофею Акимовичу в спину. Остальные успели скрыться в лесу. Бандиты поспешили закопать убитых.

Когда родственники вскрыли могилу, то обнаружили, что Иван Алчин был закопан живым. Пытаясь выбраться из ямы, он сел и так задохнулся.

Так чудовищно расправилась бандитская шайка Печенкина с коммунистами и комсомольцами Леушей и Пашни.

Тела девяти погибших товарищей были перезахоронены в одной могиле с ранее расстрелянными.

Вот так появилась в Леушах, на высоком берегу Аха, братская могила четырнадцати славных борцов за становление советской власти в Кондинском районе.

Спят вечным сном верные солдаты революции под скромным обелиском. Озаряет их могилу яркий свет «лампочки Ильича», баюкает шум проходящих машин, гудки теплоходов и далекий рокот самолетов. Под звуки горна чтят

их память юные пионеры и школьники. А в дни Великого Октября и светлого Мая сюда приходят коммунисты и комсомольцы, советские труженики полей и леса рапортовать о победах и достижениях.

В годы Великой Отечественной войны приходили к памятнику уходившие на войну с фашистами солдаты и клялись... отстаивать завоевания Октября. Был среди них и сын захороненного – Антон Кириллович Карагаев, оставшийся навечно лежать на поле брани далеко от родных мест. Нет! Недаром была пролита кровь!

131. Участники ликвидации
восстания. Тобольск, 1921 г.

Обелиск в Леушах хранит память о погибших в годы гражданской войны. Вот их имена.

1. Алчин Иван Васильевич.
2. Ёлушкин Иван Матвеевич.
3. Ёлушкин Василий Матвеевич.
4. Зыков (красноармеец).
5. Карагаев Кирилл Александрович.
6. Карагаев Степан Александрович.
7. Карагаева Татьяна Степановна.
8. Конюхов Афанасий Филиппович.
9. Нефёдкин Тимофей Екимович.
10. Петрушкин Поликарп Федорович.
11. Петрушкин Яков Федорович.
12. Поляков Алексей Иванович.
13. Фокеев Иван Филиппович.
14. Юткин Владимир Васильевич.

По данным комнаты боевой и трудовой славы Кондинского райисполкома, в Тобольской тюрьме в марте – апреле 1921 года были зверски замучены жители Конды.

1. Воронцов Антон Васильевич, ответственный секретарь волкомячейки РКП(б).
2. Елушкин Михаил Николаевич.
3. Зольников Дмитрий Степанович.
4. Колчанов Илья Никифорович.
5. Мокров Павел Давидович.
6. Носов Андрей Егорович.
7. Пуртов Степан Федорович.

Убиты бандой по дороге в тобольскую тюрьму:

1. Неумоев Иван Александрович, милиционер Больше-Кондинской волости.
2. Чемлеков Илья Иванович, председатель Болчаровского потреб. общества.

Публикуется впервые

№ 50. – Филатов Ф. В. Как это было, или «За власть Советов!»
(по воспоминаниям внука В. Ф. Филатова; запись О. А. Кошмановой)

- Ты чей, парень?
- Из Юмаса я. Федюшка Филатов.
- Сколько тебе?
- Одиннадцать.
- Ты как здесь? Почему?

– Молчать! Прекратить разговоры! – приказ конвойного был подкреплен ударом кнута по сидящим в санях связанным между собой двум мужчинам в дохах и мальчишке, правившем лошадей.

– Сволочи! – выдохнул один из связанных. – За что ребенка?

– Вас, красную тварь, всех до единого надо придушить! От младенца до старика!

И конвойный, поровнявшись с санями, огрел плетью коня. Буланка пустился вскачь, но, пробежав с сотню метров, опять перешел на мелкую рысь, а потом и на шаг.

Как только верховой конвойный чуть-чуть отстал, Федюшка услышал шепот:

– Ты знаешь, куда нас везут... – не то спросил, не то сообщил один из связанных. – У меня на правой руке золотое кольцо. Сними его, возьми себе, а если сможешь, сумеешь, передай в Шаим Петрушкиным.

– Мы братья Петрушкины Поликарп и Яков из Шаима, – добавил второй хриплым шепотом. – Расскажешь... Там, потом.

– Снимай да не оборачивайся, вожжи держи в одной руке, другой снимай.

Мартовская лунная ночь не сумела скрыть происходящего. Конвойный заметил движение в санях. Снова плеть, а потом и приклад начали гулять по головам и спинам сидящих.

– Ребенка, ребенка! За что?

Федюшка сжался в комочек у передка саней, но и ему достался удар прикладом в плечо.

132. Обелиск похороненным
в братской могиле в Тобольске
партийным, советским
работникам, бойцам
и заключенным тюрьмы

Буланка, почуяв неладное, остановился совсем. Плеть конвойного прошла и по коню. И конь, вместо того чтобы бежать, вдруг упал на передние ноги и жалобно заржал. Федюшка соскочил с саней, подбежал к лошади, трясясь и рыдая, попытался поднять ее. Гладил по гриве, морде.

– Буланка, миленький, что с тобой? Вставай, вставай, – а сам дрожащей рукой обтирал коню ресницы, очищал от сосулек льда ноздри.

Буланка успокоился, поднялся на дрожащие ноги и пошел за Федюшкой по зимней накатанной дороге.

– Что с ним? – нагнал его один из конвойных. – Такого не бывало. Каждую ночь ездили.

Тут-то и понял Федюшка, почему по утрам Буланка выглядел как после бегов. Словно бы ночью был весь потный, даже волосы на спине и по бокам курчавиться начинали.

Приближался распадок. Дорога шла дальше, а верховые, едущие впереди, повернули к распадку. Возле вековой ели остановились. Прикладами и руганью арестованных подняли с саней, окружили.

Главарь, белый офицер из Тобольска Уфимцев, шашкой разрубил веревку, связывающую братьев. Приказал освободить им руки.

– Раздевайтесь! – был следующий приказ.

Братья повернулись друг к другу, шагнули, обнялись. В следующее мгновение бандиты сорвали с них одежду и, поставив к ели совершенно обнаженными, расстреляли.

Побросав одежду расстрелянных в сани и приказав Федюшке ехать назад в Леуши, бандиты верхом на лошадях умчались за новой партией арестованных, забрав вторую подводку. С Федюшкой остался возчик с той, второй, подводы. Буланка кое-как плелся по укатанной дороге. Федюшка, жалея коня, то шел впереди, ведя его под уздцы, то рядом, держась за оглоблю. Старик, которого Федюшка мысленно называл дедом, тоже шел пешком за санями. Подъезжая к Леушинской горе, уступили дорогу встречному конвою. Вновь на двух санях везли связанных арестованных. Федюшка, утапывая снег, помог Буланке выйти на дорогу и пошел вслед за санями.

– Ты, пай, лошадь-то сегодня не корми, – вдруг сказал дед Федюшке. – А то, – и он кивнул вслед ушедшему конвою, – не посмотрят, что малец, – и туда же. Я два дня уже не кормлю. Сегодня сам позаботься. А утром плачь и говори, что лошадь захворала. Авось и отпустят. Останешься жив – расскажешь про все это. Тебе в той жизни жить, за которую сегодня убивают. Так что давай, паря.

Ни имени, ни фамилии деда Федюшка не знал. Видел его на конном дворе, думал, что он конюх и с ними, с белыми, а он вот какой оказался.

Эту ночь Федюшка не спал. Распряг Буланку, обтер клочком сухого сена, стал водить по двору, ласково говоря ему всякие добрые слова. Поставил в стойло, но вместо питья и еды – снова ласковый голос, похлопывание, поглаживание. Когда вернулся конвой и бандиты стали ставить своих лошадей, увидели лежащего в стойле коня, а над ним плачущего мальчишку.

– Ладно, до утра. Потом посмотрим. Не поднимется – пристрелим, – сказал офицер, остановившийся напротив стойла.

Утром Буланка стоял на дрожащих ногах, а Федюшка ревел в кабинете Уфимцева:

– Отпустите нас, отпустите. Мой тятя умеет лечить лошадей. Он вылечит. Отпустите....

Офицер приказал привести конюха. Дед пришел, головой покачал:

– Захворал, однако, конь. Не ест, не пьет.

Не веря в случившееся, Федюшка вывел Буланку, запряг и повел в поводу со двора. Дед-конюх даже не посмотрел в их сторону. И мальчишка понял, что таким образом он дал понять всем окружающим, что ему и дела нет до мальчика и его лошади.

С Леушинской горы хорошо просматривалась дорога почти до того самого распадка, где расстреливали ночью. Так и вел Федюшка своего Буланку в поводу, на ходу кормя его клоками сена. До Запора добрались к полудню. Федюшка зашел в дом к Кузнецову Ивану Петровичу. Кузнецовы хорошо знали семью Филатовых. Хозяйка только что вытащила из печи шаньги, Федюшку пригласили к столу. А Иван Петрович во двор вышел. Возвратился через несколько минут и говорит:

– А ты, пай, однако врешь, что лошадь захворала. Не кормил, не поил. Смотри, как ест сено, по полному рту!

Федюшку как ветром из-за стола сдуло, хотя был он голоден и шаньги на столе стояли. Выскочил во двор, видит, возле Буланки куча сена лежит, и он, действительно, по полному рту...

Схватил Федюшка охапку сена, в сани бросил – и был таков. Знал он, да и вся округа знала, что из трех братьев Кузнецовых один – в белых, один – в красных, а третий, Иван Петрович, к которому только что заезжал Федюшка, всегда с теми, кто у власти. С красными – за красных, с белыми – за белых. А раз белые у власти в Леушах, то и Иван Петрович с ними. С белыми.

Да и угрозу в голосе Кузнецова услышал, а может, инстинктивно понял, что ничего доброго от такого человека ждать нельзя. Отъехав от Запора, боясь погони, свернул на сеновозную дорогу от основного пути на Юмас. Упервого же стога остановил Буланку, натеребил сена и начал кормить. И так до вечера, до сумерек. Отдохнул Буланка, повеселел. И в потемках уже поехал Федюшка к себе в Юмас. Сам жив остался и лошадь привел.

Долго ничего не мог он говорить. И только гораздо позже рассказал своему отцу Василию Васильевичу о делах в Леушинском. Искал Василий Васильевич, да и сам Федюшка тоже, спасителя-деда, но так и не нашли они его. Разное тогда говорили. Говорили и такое, что когда белых из Туринска и Тобольска поджимать начали, они сначала расстреляли всех заключенных, а затем и всех тех, кого принуждали возить людей на расстрел.

Искали и родню Петрушкиных из Шаима, да так никого и не встретили. По неграмотности Федор эту историю записать не мог, но всем своим детям и внукам рассказывал о тех событиях. Водил и показывал ту самую вековую ель, что стоит и сейчас в том же распадке у вновь построенного поселка Устье-Аха. «Памятник бы им, – мечтал Федор Васильевич, – на этом месте поставить». А памятником им стал наш поселок Устье-Аха и наша жизнь.

1986 г., пос. Междуреченский

Публикуется впервые

(С. 22). Среди почв района преобладают торфянисто-болотные и подзолы на песках <...>. Почвы Леушинского увала состоят из суглинков и супесей <...>.

Болота занимают весьма значительную, если не большую, часть территории района: среди них преобладают сфагновые, но встречаются также и все другие виды болот. Благодаря обилию болот у местных жителей выработалась своего рода классификация и номенклатура для них, несколько различная в верховьях и низовьях Конды.

133. Остатки порт Милосовых на р. Салым с Л. Р. Шульцем. Фотография Г. И. Лебедева. 1911 г.

Наиболее распространенный тип мохового болота, с разновозрастным негустым лесом из сосны и карликовой березы, называется «рям», название, которое вошло в специальную литературу. Такое же болото, но с более (С. 23) мелким и густым сосновым лесом, называется «шигарь», или, в верховьях, «пошвор». Отдельные группы более крупных деревьев среди ряма носят название «воттых». Моховое или топкое сосновое болото, с редкой сосной и карликовой березой, будет «сарча» (в верховьях) или «лыва» (в низовьях).

Зыбучее моховое болото, чистое, называется «янга», такое же осоковое – «кора». Кочковатое болото по твердому грунту, преимущественно с лиственным лесом, носит общераспространенное название «согра». Кочковатое место с кедровым или сосновым лесом, неглубоко сидящим и поэтому с частым ветровалом, называется «гымза».

Заодно следует упомянуть, что «гарью» называется всякий мелкий березник и осинник, а «бором» – всякий хвойный лес на сухой гриве, независимо от породы. «Урманом» зовут чернолесье вообще и, в частности, кедровник, а мелкий густой ельник, труднопроходимый, называется «перех».

Весь Кондинский район расположен в зоне высокоствольных лесов, но по характеру преобладающей растительности он должен быть разделен на две неравные части. Первую составляют боры на чистых песках, занимаю-

щих большую часть района, вторую, меньшую, заполняют урманы на супесчаных и суглинистых почвах разной мощности. Наиболее характерной древесной породой Кондинского района является сосна, за ней следуют из хвойных пород ель, пихта, кедр, лиственница, а из лиственных – береза, осина и, в незначительном количестве, липа.

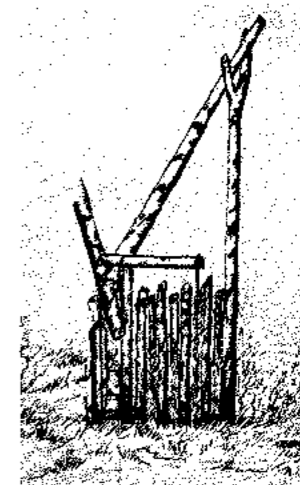
Сосновые боры изобилуют брусникой, в меньшем количестве встречается черника и в урмане – малина... Из культурных растений в предлах Кондинского края произрастают почти все хлеба, культивируемые в Тобольском округе: озимая рожь, яровая пшеница, овес и ячмень. Из технических растений в единичных пунктах и в ничтожном размере культивируется конопля, заменяющая туземную крапиву.

Фауна Кондинского края не одинакова на всей территории. В вершине Конды и в некоторых из ее мелких притоков встречаются еще бобр, правда, только в единичных экземплярах. Урманы, расположенные на материках, служат убежищем для соболя и куницы, а также для их метиса – кидаса. По гарям, покрытым березовым и осиновым лесом, встречаются лоси. Олени предпочитают чистые моховые болота и редкие светлые боры с ягелем: до сих пор можно, нередко еще, видеть стада более чем из ста голов. Медведь встречается по всему району трех разновидностей (бурый, серый с белой шеей и черный – «муравейник»), но не особенно часто. Волки появляются только изредка в единичных экземплярах. Из других хищников встречаются везде, но в небольшом количестве, россомаха, рысь, хорек; чаще колонок и горностаи; последние два предпочитают для обитания долины реки Конды и ее притоков. Выдра и лисица больше встречаются в низовьях Конды. Наиболее распространенным пушным зверем является белка, более ценная – темная, по урманам, и светлая, менее ценная – в борах. Бурундук встречается везде, но промыслового значения до последнего времени не имел, так же, как летяга, живущая в березовых лесах. Заяц-беляк, раньше чрезвычайно распространенный, в последние годы, после эпизоотии, исчез почти совершенно. Заслуживает еще внимания водяная крыса, появившаяся в последнее время в столь большом количестве, что становится угрозой для покосов, огородов и полей.

Лесные птицы распространены по всему району довольно обильно: в промысловом отношении самая важная – рябчик, предпочитающий урманы.

(С. 24) Тетерева, глухари, белые куропатки потребляются населением для своих нужд. Также почти исключительно на питание населения идут утки разнообразных пород, которые в числе всякой другой водяной птицы встречаются в изобилии на озерах и болотах. Гагара и лебедь промышляются только русскими в незначительном количестве. Такой же вред, как водяная крыса полям и покосам, причиняют кедровым лесам ореховка и, в меньшем размере, ронжа. Реки и озера района в обилии населены рыбами разных пород; из них важнейшие язь, пука, чебак, окунь, ерш, сырок, карась и налим; реже встречаются сорога, линь и, только в самых низовьях реки, нельма и стерлядь.

Все упомянутые животные известны постольку, поскольку они имеют то или иное значение в хозяйстве населения края, сведения же об остальной фауне крайне скудны. Известно, что из млекопитающих довольно обыкновенны еж, летучая мышь и разного рода полевки и мыши и что среди птиц встречаются орлы-белохвосты и беркут, несколько видов ястребов, очень много видов куликов и других голенастых и большое количество видов уток. Гуси и казарки встречаются в районе только весной и осенью, во время пе-

134. Очеп на зайца

релета. Интересно отметить, что ворона, сравнительно редкая в районе, нигде не зимует, воробей же, увеличившийся значительно в числе по мере роста хлебопашества, которому он довольно ощутительно вредит, проживает в районе круглый год. Из рептилий нередки гадюка и уж. Лягушка распространена в большом количестве; реже встречается ящерица. Из энтомофауны встречаются в озерах, иногда в большом количестве, жуки-плавуны, они иногда наносят довольно значительный вред рыбе. В пораженных пожарами лесах обильны короеды. Овод, комар и мошки являются настоящим бичом района и известны населению под собирательным названием «гнуса». <...>

Независимо от городищ и могильников довольно часты случаи находок отдельных предметов, среди них преобладает белая бронза, реже попадаются красная бронза, серебро, железо. Керамика встречается преимущественно на берегах водоемов в громадном количестве и во многих местах.

Особый вид находок представляют собой железная кольчуга, найденная на берегу реки Конды под корнем дерева недалеко от пауля Сотниковского (кольчуга эта приобретена магистром А. И. Каннисто и в настоящее время находится в Гельсингфорсе), и клад, найденный около пауля Беленутского, который состоял из серебряных монет, судя по описаниям, по-видимому, великокняжеских, и серебряных украшений; к сожалению, он продан неизвестно кому.

К археологическим находкам принадлежит также часть шайтанов, как, например, известный шайтан, хранившийся в селе Нахрачинском (Виш-отр, или Старик в белой шапке); он состоит из белой бронзовой пластинки в виде полумесяца, на передней стороне которой изображено человеческое лицо. <...>

Другой нахрачинский шайтан, приобретенный в свое время Тобольским музеем, состоит из бесформенного слитка светло-желтой бронзы. <...>

(С. 26) Воздействие со стороны татар до сих пор сказывается в языках вогулов и остяков, в которых встречается ряд слов тюркского происхождения. Главным образом это слова, обозначающие объекты материальной культуры, ранее не известные этим народам, как некоторые части одежды, украшения, напитки (пиво), названия скота и др. В 1583 г. Ермак предпринял поход вверх по реке Тавде, причем доходил до Пелыма. Готовясь к вооруженной встрече, Пелымский князь Патлик отправил жен и детей в свой укрепленный город на Конде. Месторасположение этого города неизвестно, но любопытно, что среди леушинских вогулов сохранилось предание о том, что предки их раньше жили на Тавде и что они во время нашествия Ермака в числе 14 семейств перебрались на теперешнее местожительство. <...>

(С. 29) Заселение края русскими, несмотря на... запрещение, шло хотя и медленно, но непрерывно. Часто оседали в Кондинских селах потомки членов притча, сменившие церковную службу на промыслы и торговлю. В довольно большом числе переселялись на Конду притавадинские и прииртышские крестьяне-промышленники, успевшие узнать на опыте обилие района пушшиной, рыбой и ягодой. Наконец, торгующие крестьяне из села Гари и из других мест, соблазненные возможностью приобрести в Конде шуку «мереную под дугу» (куча рыбы, высотой равная дуге, принимаемая как пуд), или менять соль на ягоды «пуд на пуд», старались селиться в Конде хотя бы в качестве временно проживающих, чтобы эксплуатировать коренное население. Но надо сказать, что и вогулы, и остяки в последнее время сами сде-

лали достаточные успехи в умении обчитывать и обвешивать. Значительный приток переселенцев дал голодный 1920 год, перенесенный Кондинским районом сравнительно благополучно.

Восстание 1921 года коснулось и Кондинского края, и около Малого Шайма произошло сражение между отрядом повстанцев, организованным главным образом местными торговцами, и наступающими красноармейцами: это сражение открыло отряду Лопарева путь на юрты Воронины на Оби в обход Самарово, занятого в то время штабом повстанцев. Другая часть отряда продвинулась вниз по Конде и после сражения у озера Малый Котляк по Бол-

135. Остяцкая хлебная печь.
Фотография Л. Сурина.
1926 г.

чарско-Демьянской дороге перешла в наступление на Демьянск.

По своему национальному составу население Кондинского района делится на остяков, обитающих в бывшей Меньше-Кондинской волости вогулов, живущих в остальных волостях, и на русских, поселившихся в Конде в разное время и в разных местах.

Кондинские остяки по признакам лингвистическим и бытовым должны быть отнесены к группе так называемых «иртышских» остяков, все они в большей или меньшей степени подверглись культурному влиянию русских, отчасти смешались с ними и ассимилировались ими. Смешение с русскими сказывается в антропологическом типе кондинских остяков, среди которых можно встретить светловолосых и голубо- и сероглазых.

Селения мало чем отличаются от селений прииртышских крестьян, если не считать еще большей, чем в тех, разбросанности и довольно часто попадающихся амбаров на ножках. Улиц, в точном смысле слова, нет даже в таких сравнительно больших селениях, как Болчары или юрты Красноярские. Встречаются дворы со строениями, не связанными общей оградой, но такая же разбросанность строений замечается иногда и у русских по Иртышу. Типичные для более отдаленных остяцких селений отдельно стоящие хлебные печи без трубы, с обратным пламенем (заимствованные, по-видимому, у

татар) попадаются изредка (рис. 135): также нечасты навесы с большими котлами, так называемыми колташиками, служащие для вытопки рыбьего жира, варки собачьего корма и т. д. Интересным остатком старины являются столбы, служащие коновязью, часто затейливо украшенные резьбой. Такие столбы, служившие раньше предметом щегольства для хозяев, также, по-видимому, заимствованы у татар. Число благоустроенных домов со многими большими окнами, с крашеными полами, а иногда и потолками, в процентном отношении, пожалуй, больше даже, чем в прииртышских деревнях. Так же мало отличаются остяцкие дома от русских по своему внутреннему

136. Николай Чудотворец
и «Никола Зимний»
(«цепные» иконы). Туринский
уезд. Вторая половина XIX в.

убранству и чистоте. Чувалов в домах нельзя встретить нигде, зато нередки утермарковские печи, лампы и венские стулья. Самодельная берестяная и деревянная посуда, за исключением небольшого количества чумашек и деревянных чаш, заменена чугунной, эмалированной и фаянсовой. Иконы до сих пор (С. 30) являются принадлежностью всякого остяцкого дома, причем предпочтение дается иконе Николая Чудотворца. Домашних богов, если верить сообщениям, не сохранилось совершенно, но зато до настоящего времени почетом пользуются священные кедры, как, например, в юртах Алтаевых, и избегают трогать остатки амбаров, в которых хранились так называемые шайтаны.

Мужская одежда кондинских остяков целиком заимствована от русских, и даже те немногие остатки старинной остяцкой одежды, которые сохранились лет 12–15 тому назад (рубашка с прямым воротом и отложным воротником, ноговицы с голенищами из холста и ошейник из беличьих хвостов), теперь уже не встречаются. Зато приходится отметить в одежде современных остяков другое явление: благодаря плохому экономическому состоянию и товарному голоду последних лет большинство остяков крайне плохо обеспечено теплой промысловой одеждой. Многие из мужчин не имеют шубы, в большинстве случаев их заменяют сермягами и разного рода стежеными курт-

ками; также мало валенок; ощущается у многих недостаток в хороших броднях и т. д.

Не много больше старины сохранилось и в женских нарядах: только у редких старух в селениях ниже Красного Яра можно еще встретить бисерный узор на воротах или на запястьях рубашек; бисером украшают иногда еще детскую одежду. Шабуры и рубашки из крапивного холста вышли из употребления совершенно, и их, может быть, всего две или три на всей Конде, хранимые старухами для своих похорон; для этой же цели хранят, но не носят привязные косы, сделанные из волос и тесьмы с бисерными косоплетка-

137. Остячки юрт Летне-
Пуштинских айфас
и со стимы. 1910 г.

ми при них. Все молодые женщины и девушки стараются одеваться по образцу русских; при этом бывшие раньше в ходу широкие юбки, требовавшие до 12 аршин ситцу, отчасти ввиду недостатка материала, а может быть, и под влиянием моды, заменены узкими. Затрапезная одежда шьется из холста, чаще покупного, который в последние годы привозился в большом количестве в Кондинский район. Обувь женщин составляют чирки из самодельной, иногда, кожи и чулки из шерсти своих овец. Во время неводьбы и сбора ягод женщины носят бродни, как мужчины. В качестве головного убора носят платки и шали, часто вязанные ими самими. Мужчины кроме фуражек носят разнородные самодельные шапки из телячьих или оленьих шкур. Бисерные чирки, рукавицы, украшения, на которых носили крест, головные повязки из бисера, а также вышитые шерстью треугольные платки (хатань-охчам) отошли в область преданий, так же, как вышитые разноцветной шерстью рубашки и украшенные бисером суконные кафтаны. Названий и значения узоров в выпивках и бисерных изделиях почти никто из женщин не знает, а те немногие сведения, которые от них можно получить, неполны и противоречивы. Также не изготавливаются украшения, литые из олова, хотя формы для них, которые по Конде делают из глины, проваренной в жиру, сохранились еще у многих.

138. Девушка-остячка юрт
Ермаковских с гармоникой

Из старинных орудий и оружия сохранились только единичные экземпляры луков, к тому же не своей работы, а купленных у вогулов, и стрелы к ним. Медвежьи колья встречаются чаще. Лыжи-подволоки имеются у немногих охотников, их подбивают косами из меха с оленьих и лосиных ног; при ходьбе на лыжах пользуются койками с наконечниками из железа и из оленьего рога. Собачьих нарт не имеют, взамен их употребляют, во время зимнего рыболовства и при завозке запаса в урман, небольшие ручные нарты. В низовьях изредка встречаются конные нарты, но в большинстве случаев пользуются саями-дровнями и розвальнями.

Летом единственным средством передвижения служат лодки-осиновки и, реже, кедровки. Осиновки самодельные; лучше всего их работают в низовьях, пользуясь при этом теслами и старинным остяцким стругом (ханда воттей). Кедровки приобретаются почти все на Иртыше. Маховые весла обычной у всех остяков формы, слегка искривленные. Среди огнестрельного оружия немного сохранилось старых (С. 31) кремневых ружей; преобладают берданки и изредка встречаются крымки и немецкие двухзарядные одностволки. Остяцкие ножи, отточенные с одной стороны, имеются у редких стариков.

Из старых музыкальных инструментов редко кое-где попадает «лебедь», или «журавль», с 9 медными струнами, заимствованный, по словам самих остяков, с реки Оби. Более древний инструмент домбра, или «нарес-юх», с 5 струнами из оленьих или лосиных сухожилий, пропитанных рыбьим клеем, и с колками из собольих косточек, вышел из употребления совершенно, и только в юртах Дальне-Согомских имеются единичные экземпляры. На смену старым музыкальным инструментам явилась русская гармоника, на которой многие остяки хорошо играют. Кроме упомянутых юрт Согомских и Нюркоевских, нигде уже не встречаются старые остяцкие пляски, над которыми молодежь теперь смеется. Не известны также той же молодежи старинные остяцкие былины про богатырей (тармынь-аре), распевавшиеся раньше по всей Конде и собранные в свое время С. К. Паткановым. Довольно сложный ритуал чествования убитого медведя тоже почти всеми забыт, и из всего сохранились только отдельные действия. До сих пор обливают друг друга водой или посыпают снегом во время переноса убитого медведя в селение; также соблюдается до сих пор обычай накладывать при снятии шкуры палочки, изображающие застежки шубы: их семь, если убит самец, и пять, если убита самка. Прорезая шкуру, одновременно прорезают и палочки, показывая этим вид, что снимают с медведя шубу. Шкуру также до сих пор кладут на стол в угол под иконы и украшают платками и кольцами, а перед мордой ставят угощение.

Другой старый охотничий обычай не только сохранился у остяков, но перешел от них к русским охотникам; он состоит в том, что, промышлив медведя или лося, на одном из ближайших к месту добычи деревьев вырубают или изображение медведя, или копыто лося, или просто делают зарубки, из которых одна изображает медведя, другие показывают число охотников, бывших при деле, а третья – число собак. Возвращаясь с удачной охоты на лося или на медведя, все время стреляют холостыми зарядами, когда приближаются к селению. В то время как былины почти уже не распеваются, сказки, отчасти чисто остяцкие, отчасти заимствованные от русских, пользуются до сих пор широким распространением, и хорошие сказочники имеются даже среди молодых остяков.

Верования современных кондинских остяков представляются смесью старых и новых с преобладанием влияния христианства, но, надо заметить, за исключением немногих стариков большинство крайне индифферентно относится к делам религии. В полной силе зато сохранилось много суеверий. Чуть не поголовно все верят в существование леших и земляников, в возможность портить и исправлять ружья наговорами, также в порчу людей, скотины и т. д. В более отдаленных юртах почитают, правда, до сих пор старые божества, или, как русские их зовут, шайтанов, но и там теперь они пользуются далеко не прежним почетом.

Все верхнее течение Конды до юрт Есаульских, а также более крупные притоки населены вогулами. Вогулы еще в большей степени, чем остяки, подверглись влиянию русских, и в отличие от остяцких селений, где все знают свой родной язык, в вогульских паулях много таких, которые уже не говорят по-вогульски, наоборот, вогулов, не знающих русского языка, по крайней мере, среди мужчин, нет совершенно. Целый ряд поселков, образованных в последние годы, имеет население чисто русское. Внешний вид вогульских паулей ничем не отличается от остяцких юрт нижнего течения Конды; то же можно сказать относительно внутреннего убранства домов и утвари.

Чаще, чем у остяков, можно встретить ручные луки и музыкальные инструменты, однотипные с остяцкой домброй, но носящие здесь название «шангуль-тев». В одежде мужчин также ничего не сохранилось из прежнего национального костюма, а у женщин еще более редко, чем у остяков, встречаются изделия из бисера, имеющие, между прочим, точно такие же узоры, как остяцкие. Чаще еще можно кое-где увидеть вязанные из шерсти изделия (рукавицы, чулки) с различными узорами, носящими, так же, как бисер, названия, одинаковые с остяцкими. Умение окрашивать шерсть при помощи плауна и корней подмаренника хотя известно женщинам постарше, но им не пользуются; зато в годы бестоварья начали красить самодельный холст краской из отвара коры березы и лиственницы.

Покрой женского платья везде русский, причем так же, как среди остяков, у женщин помоложе наблюдается стремление одеться по моде. Ярких цветов, бывших раньше в большом ходу, избегают, за исключением больших платков, которые и сейчас предпочитают пестрые, ярко-красные, желтые и т. д.

Мужчины во время промысла в лесу, даже зимой, носят холщовые шабуры, из-за их легкости. Тканых шерстяных опоясок почти нет, зато в большом ходу кожаные ремни, чаще всего из лосиной кожи. Незбежной принадлежностью снаряжения охотников являются *креня*... он состоит из черемухового прута, согнутого в виде дуги с длинными концами, обшитого берестой или кожей, к этому привязывается мешок с запасом и котелок, а в петлю сбоку вставляется топор. Между прочим, топор носят по-разному, в то время как в низовьях Конды его так же, как по Иртышу, носят в дужке из железа или в кожаной петле, приделанной сзади к поясу (если нет с собой пайвы), в верховьях предпочитают носить его на правом боку, так же, как тавдинские охотники. Нож везде носят слева, в самодельных ножнах, свободно висящих на ремешке. Способ, принятый по Демьянке и по Салыму, где конец ножен прихватывают к ноге особым ремнем, не считают удобным.

Пищу, так же, как у остяков, составляет, главным образом, рыба, сушеная на солнце и над огнем, свежая и копченая, последний вид приготовления считается своего рода лакомством. Широко употребляется рыбий жир.

139. Вогулка с верховьев Конды
в национальном костюме

Довольно большое количество скота по среднему течению Конды раньше давало возможность сравнительно обильного употребления мяса, но с уменьшением числа скота оно сократилось. Совершенно вышел из употребления кирпичный чай, составлявший раньше важный предмет торговли, его заменили различные суррогаты, чаще всего лист малины и лабазник. В значительной мере сократилось также употребление сахара и махорки, первого – ввиду общего экономического упадка, а второго – вследствие распространения почти по всей Конде культуры табака.

Вогульский фольклор имеет много общего с остяцким: сплошь и рядом герои остяцких былин имеют дело с вогульскими богатырями и наоборот. В настоящее время былины вогулами еще более забыты, чем остяками, зато в глухих паулях, пожалуй, больше сохранился культ медведя. В более отдаленных селениях хотя и не все исполняют все, что полагается при чествовании, но все же знают ритуал, который полагается совершать. Уже Н. Л. Гондатти и А. И. Каннисто отметили, что в паптомимах, исполняемых во время праздника, кроется начало примитивного драматического искусства. Интересным пережитком, не наблюдающимся у остяков, является почитание жителями отдельных паулей так называемых шайтанов из представителей животного царства. Такое почитание носит на себе все признаки тотемизма, так как объектом поклонения служат не отдельные животные, а целый класс. Так, например, вогулы пауля Терезинского почитают каждого вида ужей, жители пауля Аминского – каждого лебедя и т. д. Записать удалось пока следующие тотемы-шайтаны: змея гадюка (Шаим), заяц (Вар-пауль), куропатка (Евра), кукушка (Ушанах), орел (Учинья), ящерица (Супра), лебедь (Оронтур и Амин), ястреб (Ленурский пауль).

(С. 33) Интересно отметить, что вогулы села Леушинского, переселившиеся, как выше было упомянуто, с Тавды, не имеют такого шайтана, а почитают так называемых «стариков с верхнего и нижнего конца» и «старуху», то есть большие камни-валуны, находящиеся в селении. В отличие от остяков, вогулы оказывают особый почет не кедром, а лиственницам, много отдельных старых лиственниц и рожи из них служат местом постоянного приношения жертв то в виде шкурок пушных зверей, то ситцевых платков или просто доскутков материи.

Русское население на Конде отчасти появилось давно, и некоторые семьи, как, например, Полова в селе Нахрачах, согласно преданию, ведут свой род от казаков, соратников Ермака. Длительное сожительство с инородцами и частое смешение с женщинами ввиду недостатка своих, русских, не могло не отразиться как на физическом типе, так и на психике старожилородского населения Кондинского края. На первый взгляд не всегда можно отличить кондинского остяка или вогула от русского и наоборот. Почти ничем не отличается также жилище, утварь и одежда русских от таких же остяцких и вогульских. Помимо промысловых павыков и приемов русские незаметно для себя переняли у коренного населения края многие обычаи, верования и суеверия. Наравне с остяками русские охотники, начиная промысел, ставят угощение «землянику» или «хозяину места», так же они верят в возможность «порчи» ружей и собак и так же, как те, после удачной охоты ставят свои метки на деревьях и стреляют при возвращении домой холостыми зарядами.

В свою очередь, они научили вогул и остяков начаткам земледелия и огородничества и, как ни странно, некоторым приемам охоты и промысла. Так,

например, употребление чиркана, по рассказам самих остяков, заимствовано ими у русских, также не известно им было раньше употребление сетей (кулупов) при охоте на соболя, и сейчас еще продолжает распространяться вниз по Конде умение пользоваться «нодьей» при ночлегах в лесу: последняя занесена в Конду тавдинскими охотниками.

К религии большинство русских так же мало проявляет усердия, как вогулы и остяки, и из-за недостатка желающих образовать церковные общины приходы Шаимский и Леушинский фактически прекратили свое существование, а Болчаровский и Сатыжинский накануне того же.

В отношении пищи кондинские русские тоже почти ничем не отличаются от туземцев, если не считать потребления грибов, которых последние избегают (за исключением мухомора в качестве наркотика) и, может быть, несколько меньшей приверженности к спиртным напиткам.

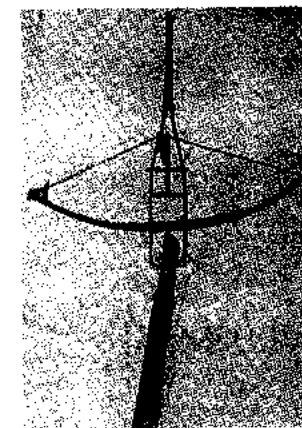
Экономический быт населения района, в котором обрабатывающая промышленность отсутствует совершенно и где промышленность добывающая объектами своими имеет почти исключительно представителей животного и растительного мира, не подвергнутых воздействию культуры, находится в прямой и непосредственной зависимости от географической среды и природных условий. Не менее важными факторами, слагающими экономику края, является его отдаленность от центра и особенности его путей сообщения, его административное устройство, налоги и повинности, лежащие на населении, и, наконец, хозяйственные навыки и психика последнего.

Здесь кстати будет сказать, что Кондинский край издавна пользуется репутацией чрезвычайно богатого, но это богатство относительно. Громадная, редко населенная территория при наличии целого ряда промыслов в удачные годы, конечно, давала излишек сырья, но если присмотреться к ее продукции за ряд лет и принять во внимание величину эксплуатируемой площади, то первая не так уже велика и, что еще важнее, оказывается подверженной весьма сильным колебаниям.

Главнейшими источниками благосостояния жителей района являются промыслы: рыболовный, ягодный, охотничий (преимущественно за пушным (С. 34) зверем), кедрово-шишечный, скотоводство и связанное с ним сенокосение, хлебопашество и огородничество. Лесной промысел (рубка дров, заготовка строевого леса, дранье лыка) и извоз служат только для удовлетворения собственных потребностей. Очень невелико также значение немногих ремесел, которыми в районе занимаются отдельные лица: кузнечного, печного, портного, пимокатного и кожевенного.

Не вдаваясь в детальное описание каждого ремесла, что должно быть предметом капитального труда, ограничимся здесь кратким их перечнем.

Рыбный промысел Кондинского района имеет своими объектами следующие породы рыб: язя, щуку, чебака, карася, окуня, сырка, ерша и налима. Ерш, в значительном количестве и очень крупных размеров ловится в нескольких озерах, из которых наиболее известно Турпальское. Налима промышляют только в верховьях Конды и в притоках верхнего течения. Сырок промышлялся в большом количестве в озерах, принадлежащих остякам юрт Согомских и Нюркоевских и некоторых других, но вследствие бывших два года подряд заморков он в настоящее время промыслового значения не имеет; не имеет его также нельма, подымающаяся в единичных экземплярах по реке до Болчар и выше. Стерлядь ловится в громадном количестве в устье Конды, но по самой реке ее добывают тоже в виде исключения.

140. Чиркан

Независимо от стихийных причин, уменьшавших размер добычи от рыболовства в 1924 году, он, по словам жителей, постепенно падает из года в год. Причину уменьшения количества рыбы местные жители видят главным образом в заграждении Реполовской протоки ниже впадения Конды мереным запором, который не пропускает более крупную и ценную рыбу в Конду; к этому надо прибавить применение сплошных запоров весной и летом в реках и речках, впадающих в Конду. Часто повторявшиеся за последние годы заморы в Оби и в Иртыше также не оставались без влияния на количество рыбы, но все эти явления, наблюдавшиеся и раньше, по авторитетному мне-

141. Починка самоловов
на стельде в устье Конды

нию С. К. Патканова, в общем уравновешиваются чрезвычайно благоприятными условиями для размножения рыбы на здешнем просторе, и достаточно нескольких благоприятных годов, чтобы восстановить рыбное богатство. Недостаток рыболовных снастей до сих пор сильно сказывается на успехе промысла.

Главная неводьба происходит осенью по Конде, при этой неводьбе в селениях выше юрт Камовских и до юрт Есаульских включительно через Конду городят «запор». Неводом при этом пользуются длиной от 120 до 150 сажен (ручных), при высоте стены до 2-х сажен: число ячеек на одну сажень 75. <...> Срок службы такого невода 1–2 сезона, после чего раньше его обычно бросали, выбрав только лучшие части на устройство саипов при ловле «чердаками». Теперь этим же неводом приходится пользоваться круглый год. Весной им ловят по курьям, только несколько облегчив кибас и уменьшив величину стены, а зимой его употребляют при подводной неводьбе. Промысел «чердаками» за последние годы мало практикуется, причина этому, говорят, большие осенние воды, повторяющиеся все чаще. Ставными сетями пользуются, пожалуй, больше прежнего, делая их из мережи домашнего приготовления, но избегают употреблять их летом, когда они быстро гниют в теплой воде, в холодной же воде они могут служить несколько лет. До мини-

мальных размеров сократился промысел переметами, дававший раньше довольно большие уловы. Уменьшилось также, по-видимому, употребление «рукавов» и лов при помощи удочек. В верховьях зато входит в употребление крючок-капкан для ловли крупных щук в озерах.

В отношении способа хранения рыбы тоже заметны перемены в сравнении с прошлым. Во время весеннего промысла сказываются отсутствие и недостаток соли, заставившие заменить засол сушкой. Почти перестали теперь выделывать так называемый «чемыл», то есть слегка прокопченную и (С. 17 П) просушенную при помощи огня мелкую рыбу, главным образом чебака. В верховьях Конды еще продолжают его готовить таким способом, но только для собственного употребления; зовут его там «урак». Язь и другая крупная рыба сушится без головы... Карась сушится с головой и не распластаный.

Объектом охоты служат главным образом пушные звери: белка, лисица, соболь, колонок, выдра, куница, кидас, горностаи и, в последний год, бурндук. Единицами добывают медведя, росомуху, волка, барсука, рысь и зайца. При этом соболь встречается исключительно в урманной части района, а лисица по преимуществу по нижнему течению, начиная от Леушинского.

На мясо добывают оленя и лося. Лесную птицу, бывшую раньше важным предметом охоты, почти перестали добывать ввиду низких цен на вес. Водяную птицу почти исключительно уток, добывают для пищи, собирая одновременно перо, как и у лесной птицы. Ловля при помощи перевесов почти не практикуется, если не считать двух перевесов в Болчарах.

Некоторые старые способы охоты совершенно оставлены, как, например, охота за лисицей верхом, с нагайкой, по сорам в низовьях Конды; устройство *подсеков* и зверовых ям. Главным способом промысла является охота с ружьем и с собакой. Колонков и горностаев иногда травят собаками, не стреляя. Хороших зверовых собак для охоты на лося и на медведя теперь по Конде сохранилось немного. Лосей, несмотря на запрет, добывают главным образом по насту и «тормуют» в комарное время, когда шкура и мясо крайне низкого качества; также весной добывают оленя во время первой затайки, по «чиру». Для соболиной охоты чаще, чем прежде, пользуются сетями (кулупами); менее в ходу капкан. Наоборот, большую часть лисиц добывают капканами. Стрихнином не пользуются, опасаясь отравить собак.

Запрещение относительно охоты до известного срока соблюдается жителями Кондинского района, если не считать охоту за крупным зверем весной, что, с одной стороны, объясняется стародавней привычкой и охотничьим азартом, а с другой – довольно острой нуждой в продовольствии, как, например, было в истекшем году. Совершенно зато не считаются со сроками охотники, являющиеся ежегодно в Кондинский район издали. Главный контингент их дают притавадинские селения для верховьев Конды и бывшие Кугаевская, Демьянская и Филинская волости для низовьев. Вопрос ограждения Кондинского района от их прихода является существенно важным для будущего охотничьего хозяйства. К сожалению, райисполком, по-видимому, увлекаясь фискальной стороной дела, более озабочен получением сбора с этих охотников, чем их изгнанием.

Другим не менее важным вопросом надо считать организацию питомников. Кормление лисиц в районе производится очень давно, но это еще ничего общего не имеет с рациональным разведением пушного зверя. В юртах

Чесноковых в 1923 году (под маркой союза охотников, на самом же деле одним лицом) сделана попытка устройства питомника, но благодаря неумелой постановке и отсутствию средств на должное оборудование попытка не увенчалась успехом, и последний из производителей питомника погиб в 1925 г. Между тем опыт, бывший в Тобольске, в немного менее благоприятных условиях, давал прекрасные результаты в отношении разведения чернобурых лисиц. Разведение соболя в неволе также испытано еще покойным Н. Я. Словцовым и оказалось вполне возможным.

В тесной связи с вопросом об охране и возможности разведения пушного зверя стоит вопрос о заповедниках, выдвинутый мною еще в 1921 году. <...>

(С. 18 II) Ввиду трудности доступа к этой части (к верховьям. – Авт. сост.) Конды охотники туда почти не проходят, но в 1923 году некий гражданин Литовских (ныне, кажется, умерший) добыл там четырех бобров. Отсутствие в продаже бобровых шкурок, к сожалению, еще не говорит за то, что их не добывают, так, например, упомянутый Литовских убивал их из-за струи, которую считал наиболее ценной частью добычи и которая действительно пользуется большим спросом среди вогулов и остяков. Судя по тому, что охотникам известны такие подробности из биологии бобра, как, например, то, что железы со струей бывают наиболее наполнены более или менее в зависимости от фаз луны и что убитого бобра надо класть на спину, пока содержащее желез не остынет, можно предположить, что не так уже редки случаи добычи бобра. По водоразделам между вершиной Конды и вершинами Супры и Мулымы находится место обитания лучшего в районе по своим качествам соболя, – по крайней мере, одноценного с васпухольским; поэтому было бы целесообразно организовать заповедник одновременно для бобра и для соболя. <...>

Ягодный промысел, один из важнейших в Кондинском районе, в течение последних годов постепенно ухудшался ввиду отсутствия ухода за борами. Уход заключался в периодическом выжигании тех боров, в которых брусничник устарел. В самое недавнее время населению запрещалось производить это выжигание из опасения лесных пожаров; но, быть может, эта опасность, при соблюдении всех должных мер предосторожности, преувеличена и во всяком случае не больше, чем та, которую представляет собой пребывание в лесах множества охотников и сборщиков ягод. Обычно боры выжигались через срок от 8 до 10 и более лет. Годы два необходимы брусничнику для того, чтобы отрасли; третий год он начинает давать ягоды и на 4–5-й достигает максимума производительности. В следующие за этим годы урожайность постепенно понижается до нового выжигания. По данным С. К. Патканова, выжигание брусничных боров начало практиковаться с 30-х годов прошлого столетия и ко времени его обследования Кондинского края, в 80-х годах, по-видимому, на них не отразилось, но тогда уже он высказал предположение, что повторное выжигание, уничтожая новый подрост, в конечном итоге должно будет повести к порче и уничтожению боров.

В настоящее время это обстоятельство можно считать доказанным на деле. Довольно часто встречаются пространства в борах с очень редкими деревьями, которые, во-первых, дают большой процент ветровальных, а во-вторых, настолько мало защищают брусничник от атмосферных влияний, что тот (С. 19 II) в годы больших жаров высыхает или при сильных заморозках замерзает. Сами жители замечают, что в некоторых борах брусничник заменяется оленьим мхом и что местами после гибели его обнажаются го-

лые пески. Для сохранения ягодного промысла, столь важного для района, необходимо всестороннее обследование брусничных боров, условий роста брусничника и леса и влияние на них периодического выжигания. Забота местного населения о борах, кроме выжигания, выражается в запрещении рубки леса и захламлении его, в запрещении употреблять при сборе ягод железные ковши, портящие ягоду, и в регулировании времени приступа к сбору ягод установлением известного срока; обычно Семенова дня (14 сентября нового стиля). Большая часть ягод остается в лесу до морозов, сложенная в срубах, покрытых берестой и укрепленных особыми жомами для защиты от медведя и росомахи. Мерзлые ягоды после привоза в селение и до их отправки для продажи отведают для очистки от хвои, листьев и мелких засохших ягод. Спрос на кондинскую бруснику благодаря ее высоким качествам всегда обеспечен на рынках Тобольска и уральских заводов.

Кедрово-шишечный промысел отличается неустойчивым характером. Годы хорошего сбора чередуются с такими, когда орех не родится вовсе, или в незначительном количестве, или, наконец, когда весь урожай уничтожается так называемым «гадом», то есть ореховкой и ронжей. С. К. Патканов считает, что через 3 года на 4-й бывает урожай ореха, но, по отзывам жителей, многие урманы дают орех через значительно более длинные сроки. Много урманов по правую сторону реки Конды, дававших когда-то богатые урожаи ореха, после лесных пожаров испорчены надолго. Надо отметить несоответствие данных С. К. Патканова относительно размеров и качества кедровых урманов, принадлежащих отдельным селениям, со сведениями, полученными мною во время последней поездки. Несомненно богаты орехом обширные урманы Чекаткинский и Катъшинский в пределах Нахрчинского сельсовета; упоминаемые же Паткановым урманы Турпальский, Зимне-Пуштинский и другие большого промыслового значения не имеют. Так же, как обследование бобров, необходимо и изучение урманов, могущих быть эксплуатируемыми, и выяснение мер для поднятия их урожайности и устранения вредных для деревьев способов добывания шишек. <...>

Земледелие за немногими исключениями не имеет значения в настоящее время и в будущем будет иметь только в районе Леушинского материка; но там зато оно должно будет занять первенствующее место среди других промыслов. В остальных селениях, главным образом по левому берегу Конды, где песчаные почвы делают земледелие возможным только при условии усиленного удобрения, оно вряд ли разовьется до крупных размеров. В то время как на песчаных почвах урожай не бывает выше, чем сам-пять и сам-шесть, он на суглинках материка достигает сам-десять, одиннадцать и больше.

Наиболее распространенный хлеб в настоящее время – озимая рожь ввиду ее неприхотливости; раньше, при большом спросе со стороны ямщиков, больше возделывали овес. В крайне незначительном количестве высевают ячмень и яровую пшеницу, причем надо отметить, что последняя почти всегда вызревает прекрасно. От инея хлеба страдают редко; чаще от засухи, в особенности на песчаных почвах.

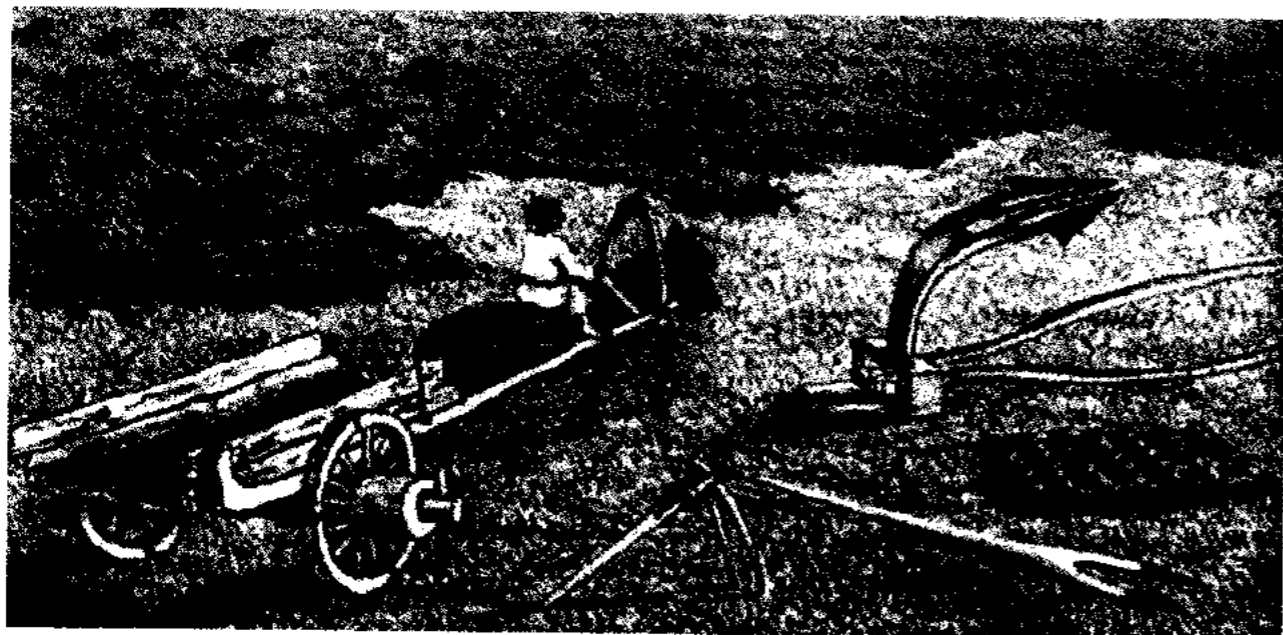
Земледельческие орудия крайне примитивны: это сохи-колесники, сабаны и самодельные бороны, часто с деревянными зубьями. Глубина вспашки от 2,5 до 3 вершков. Севооборота не соблюдают никакого. <...>

(С. 20 II) Огородничество привилось в большинстве селений давно. Преобладает возделывание картофеля, который, однако, в большинстве случаев дает невысокие урожаи в сам-пять – восемь, редко в сам-десять. Осталь-

ные овощи, как-то: капуста, свекла, лук и другие – мало разводятся, но постепенно распространяются все шире. Сильно размножилась культура табака – махорки: она пошла настолько успешно, что листовой табак, так называемый «линейка», важный когда-то в кондинской торговле товар, в настоящее время не ввозится в район совершенно.

Огороды страдают от водяных крыс так же, как поля, если не больше.

У большинства селений имеется больше чем достаточно сенокосных угодий, притом часто весьма хорошего качества, но не пользующихся никаким уходом. Покосы чаще всего поделены по душам, но более далекими поль-

142. П. М. Кокшаров.
Традиционные орудия
земледелия в таежной зоне:
таратайка (двуколка), соха,
деревянная борона с железными
зубьями и др. Литография.
1890 г.

ются все, кто хотят. Большой помехой для сенокосения являются застоявшая вода на заливных лугах, которая иногда вплоть до поздней осени не дает возможности приступить к косовке, а также осенние паводки, топящие и уносящие готовые стога сена. В последние годы и на лугах чрезвычайно умножилось число водяных крыс, вредящих им еще больше, чем хлебам и огородам. Везде пользуются косой литовской, вытеснившей горбушу. Сено меряют на копны, которые здесь имеют небольшой размер (4 ½ – 5 пудов).

Скотоводство в районе заключается в разведении лошадей, крупного рогатого скота, овец и, в единичных случаях, свиней.

Лошади обычно довольно мелкие, неопределенной породы; иногда встречаются лошади близкие по экстерьеру к обской и с такими же хорошими качествами в отношении выносливости и силы. Нередко можно встретить лошадей, делающих дорогу до Тобольска, то есть около 200 верст, с одной или двумя кормежками. Все лето и до начала морозов лошади находятся на свободе и иногда далеко уходят от селений, кроме, конечно, тех случаев, когда на них пашут. Лошадей кормят почти исключительно сеном, овса им дают очень редко, заменяя его в дороге обычно печеным хлебом. Эпизоотий на лошадях в памяти жителей не бывало. Летом кони иногда погибают в теплых местах, где они к тому же легко делаются добычей медведя.

Крупный рогатый скот с довоенного времени уменьшился в количественном отношении и ухудшился в качественном; низкорослый и маловесный, он в то же время маломолочный. Средний живой вес коровы от 11 до 12 пудов, убойный вес от 4 ½ до 5 пудов. Количество годового удоя около 40 ведер. Летом коровы пасутся без пастухов поблизости от селений, возвращаясь для кормежки ежедневно домой. Зимой содержат коров в холодных дворах, так же, как лошадей; для телят устраивают внутри дворов теплые хлевы из мха. От медведя коровы страдают чаще, чем лошади. Эпизоотий на рогатом скоте не наблюдалось также очень давно. Необходимо приобрести производителей, упорядочить случку, так как условия для скотоводства в общем вполне благоприятны, и местный скот, как показал опыт, сравнительно легко может быть улучшен.

Овцеводство развилось недавно и превышает теперь по числу голов количество довоенного времени. Овец стали держать уже в громадном большинстве селений. Овцы, обыкновенной русской породы, содержатся главным образом ради шерсти. Преобладают овцы черной масти, некрупных размеров; шерсть не особенно длинная и довольно грубая. Зимой 1924–1925 года в селениях по верхней Конде появилась на овцах эпизоотия, давшая довольно большое количество павших. <...>

(С. 31 II) Продукция Кондинского района за 1924–1925 год, если не учитывать единичных ремесленников, составит по грубому подсчету 142 000 рублей. На одного трудоспособного жителя, следовательно, приходится 67 р. 07 к., а на каждого едока – 31 р. 45 к. Такой расчет не совпадает с данными бюджетного обследования отдельных хозяйств, дающего большие цифры дохода. С одной стороны, такое расхождение возможно благодаря недостаточной типичности хозяйств, описанных в качестве середняцких, с другой же оно указывает на преобладание хозяйств с уровнем доходности ниже среднего; по субъективным впечатлениям во время своей поездки я склонен предположить последнее.

Откладывая пока оценку того, насколько продукция данного 1924–1925 г. по разным причинам отклоняется от возможной средней годовой продукции, постараюсь выяснить, в какой мере она обеспечила нужды населения района и его хозяйства. К сожалению, у меня нет общих сводок о размере всех обязательных платежей и повинностей, которые ложатся на население района, так что не представляется возможным вычислить все с достаточной точностью. Повинности и платежи состоят: из, во-первых, ясака в размере 2 р. с каждого трудоспособного, что составляет 4 298 р.; во-вторых, из сбора за добытую пушнину в размере 10 к. с белки, что при ее стоимости в 70 к. составляет 41,3 проц.; этот сбор, если принять данные райисполкома (т. е. 12 942 р. 60 к.), составит 1 850 р. 79 к.; в-третьих, из попудного сбора с рыбы, что, опять-таки принимая данные исполкома, дает 1 973 р. 50 к.; в-четвертых, из арендной платы за ягодные угодья и за рыболовные; о последней сведения мной не получены, но принимая во внимание, что при исчислении арендной платы принято 10 проц. от производительности... в 1923 году и зная, что улов на них был свыше 65 000 пудов, мною принята цифра в 6 500 руб.; она подтверждается также приблизительным размером платы, падающей на каждый промысловый пай в большей части исследованных селений; в-пятых, из платежей по обязательному страхованию в размере 3 412 р. 81 к.

Всего, следовательно, платежей получается 18 031 р. 13 к., или 12,7 проц. всей доходности от промыслов. К этому надо еще добавить подводную по-

винность, являющуюся при переводе на деньги весьма значительной, и сбор, взимаемый при выдаче разрешений на вывоз из района продуктов своего промысла, ныне, кажется, отмененный. Подводная повинность вообще тяжелая в районе с редким населением и большими расстояниями между населенными пунктами, к тому же крайне неравномерно ложится на отдельные селения в зависимости от их нахождения на проезжих дорогах или отдаленности от них. Установленная райисполкомом такса, полагающая поверстную плату в размере 15 коп. с версты от представителей хозяйственных организаций, 10 к. от лиц, командированных из других округов, и 7 к.

143. Запряжка
в с. Болчаровском. 1910 г.

от командированных из Кондинского Рика, фактически почти ничего не меняет, так как подавляющее большинство подвод падает на перевозку милиции и членов сельсовета, которые пользуются бесплатным провозом; также бесплатно едут еще некоторые категории лиц, как, например, делегаты на районный, окружной и другие съезды, арестованные и др. В пунктах скрещения дорог, как в юртах Чесноковских, Есауле или в селе Шаиме, подводная повинность достигает весьма больших размеров. Так, например, в Шаиме за время с первого октября 1924 года по 30 марта 1925 года падало на пай 165 верст одноконной подводы. В летнее время, когда гоньба производится на лодках, расстояние по реке почти удваивается, так что при уменьшении числа подвод тяжесть повинности мало уменьшается. Попытки отдельных сельсоветов урегулировать подводную повинность путем раскладки ее по сельсоветам с переводом ее на деньги не удалась, так как соответствующее постановление не утверждено Риком; добровольное же соглашение большинством селений, стоящих вдали от проезжих дорог, не исполняется.

Остающиеся за вычетом повинностей и платежей средства расходуются на покрытие нужды в предметах первой необходимости и на покупку средств и орудий промысла. Из списков товаров, проданных заготовительными орга-

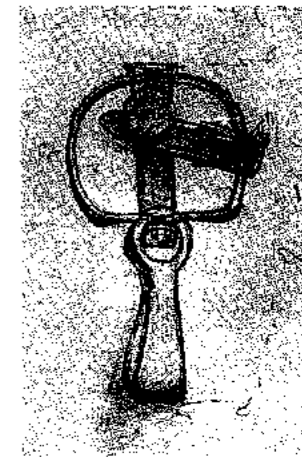
нами и кооперацией, видно, чем именно и в какой мере эта потребность удовлетворена.

На муку падает от 54 проц. до 75 проц.; мука почти исключительно ржаная, пшеничной не более 10 проц., а крупчатка употребляется почти только в Нахречах, что объясняется пребыванием там служащих, райисполкома и др. На мануфактуру приходится от 17 проц. до 32 проц. (преобладают ситец и крестьянский холст, крайне незначительно количество суконных товаров). Далее в нисходящем порядке идут: керосин, соль, крендель, сахар, кожа, спички, мыло, огнеприпасы и др. Здесь надо отметить крайне малое количество соли, указывающее, с одной стороны, на недостаточность и несвоевременность завоза ее, а с другой – на то, что покупательная способность населения уменьшилась, заставляя его заменять засол рыбы сушкой ее. Ничтожно количество проданной мережи (2 298 сажень). При отсутствии в районе культур конопли и льна и при прекратившемся почти совершенно употреблении крапивы для мережи такое явление подтверждает общую жалобу населения на недостаток рыболовных снастей. Весьма недостаточно также количество проданного огнестрельного оружия; оно сводится к нескольким десяткам берданок и к единичным двухзарядным одноствольным дробовикам германской работы. Не имеется также почти совершенно капканов.

Если сравнить ассортимент товаров, ныне сбываемых в Кондинском крае, с довоенным ассортиментом, то оказывается следующее: среди мануфактуры за счет суконных товаров и тканей видное место приобрели крестьянские холсты; кирпичный чай и листовой табак, считавшийся раньше ходовым товаром, ныне отсутствует почти совершенно. Первый из них (чай) заменен суррогатами: лист малины, кипрей, лабазник и др., второй – табаком своей посадки; значительно уменьшилась также продажа галантереи и сластей.

(С. 33 II) Из сказанного можно заключить, что население в 1924–25 г. имело возможность удовлетворить только наиболее насущные потребности, и то не везде (так, например, в отдельных селениях Карымского и Болчаровского сельсоветов были семьи, которые голодали), и ввести довольно-таки тяжелые налоги и платежи, не помышляя от укреплении и расширении своего хозяйства и промысла. Следует отметить, что, к сожалению, при изыскании налогов иногда применялись методы очень далекие от убеждения, это тем более нежелательно, что население в своей массе, по общему отзыву работников сельсоветов, крайне добросовестно относится к лежащим на нем обязанностям. Стремление части населения Шаимского и Сатыжинского сельсоветов быть присоединенными к Тагильскому округу помимо всегдашнего экономического тяготения к уральским заводам в значительной мере объясняется вышесказанным и сравнением платежей в соседнем округе и способов взимания их у себя.

Население района претерпело за последние 20 лет ряд изменений как относительно своей абсолютной численности, так и относительно племенного состава и условий расселения. В 1903 г. в волостях, составляющих нынешний Кондинский район (кроме селений Рыньинского и Ландинского) было 85 населенных пунктов с населением в 3271 человек. В 1910 г. те же волости имели 94 населенных пункта с 3 426 жителями. В 1924 году Кондинский район имел 106 населенных пунктов с 4 515 жителями. Наблюдается постоянный рост населения и умножение числа населенных пунктов, но если рассмотреть состав населения по национальностям, то выясняется, что ту-

144. Капкан на мелкого зверя

земное население не только не умножилось, но даже сократилось в числе, так что возрастание, по-видимому, произошло исключительно за счет русских, и притом русских, переселившихся в район со стороны. Данные за прошлое время очень неполны, но все же некоторые выводы из них сделать можно.

По бывшему Шаимскому приходу, который почти целиком совпадает с теперешним сельсоветом, в 1904 году проживало 300 вогулов и 45 русских, теперь же в сельсовете числится 294 вогула и 326 русских. Образовалось 4 новых поселения: Саран-суй, Урай, Петропавел и Чантырья. В Леушинском сельсовете вновь образовалось 5 поселков: Корн, Варан-паул, Луговая, Мыс и Гари; то же в Сатыжинском: Денисовка, Путизанцева, Новая, Озеро и Половинка; в Нахрачинском сельсовете вновь образовался поселок Новый Катыш, и в Болчаровском поселки: Алексеевский, Пуголь и Шемлинский; последний на месте давно уже вымерших юрт Шемлиных.

Уменьшение числа вогулов и остяков трудно объяснить, так как ряд выписей из уцелевших метрических книг причтов Болчаровского, Нахрачинского и Шаимского показывает постоянное превышение рождаемости над смертностью. Превышение смертности в Болчаровском приходе наблюдалось только в годы с 1826 по 1828, а в Нахрачинском – с 1858 по 1861 год. В Шаимском приходе смертность была выше, она превышала рождаемость в годы: 1873, 1875, 1879, 1885, 1886 и 1907 гг., но если взять время с 1869 г. по 1909, то в итоге и здесь получится прибыль 36 человек. Возможно, что разница в данных получается благодаря неправильности определения национальности регистрируемых при смешанных браках; во всяком случае, этот вопрос должен быть разработан в дальнейшем. <...>

Публ. по: Шульц Л. Р. Очерк Кондинского района // Урал. Техничко-экономический сборник. Свердловск, 1926. Вып. 8: Уральский Север. Ч. 2. (Отд. оттиск в. м. и б. г. из библиотеки ТГИИМЗ)

№ 52. 1927. – Батулин Ф. Краткое описание Кондинского района Тобольского округа по Всесоюзной переписи 1926–1927 гг. (Извлечения)

(С. 1) Селения Кондинского района расположены главным образом по реке Конде, затем по Леушинско-Сатыжинскому туману (озеро длиной около 100 верст), по речкам Юконде и другим притокам реки Конды. Территория района весьма обширна и по сведениям райисполкома равняется 58 600 кв. километров, из коих приблизительно до 30 % площади покрыто хвойным лесом: сосна, кедр, ель, пихта, частью осина и береза. Самая большая часть площади занята торфянисто-водяными и моховыми болотами, самая меньшая часть – лугами удобными для сенокосения.

Кондинский район граничит: на востоке – с Самаровским и Уватским районами, [на] юго-востоке – [с] Тобольским¹, [на] юго-западе – [с] Таборинским Ирбитского округа, [на] западе – [с] Гаринским Тагильского округа и [на] севере – [с] Березовским районом². Экономическое тяготение отдельных сельсоветов Кондинского района к городам различное: по ближайшему расстоянию пунктов сбыта продукции добычи и приобретения необходимых продуктов питания и товаров первой необходимости по зимнему

пути. Что же касается летнего, то единственный путь сообщения – по рекам Конде и Иртышу с г. Тобольском.

Район разделен на 7 сельсоветов: Шаимский, Сатыжинский, Карымский, Леушинский, Нахрачинский, Болчаровский и Красноярский. Центры сельсоветов находятся в селениях, по коим называются сельсоветы, центр Сатыжинского с/с был в дер. Ученье, а теперь переведен в Сатыгу. Селений в районе по переписи зарегистрировано 123, причем селения в большинстве малонаселенные, самое крупное селение Нахрачи, районный центр, имеет 45 дворов, средние селения – 10–12 дворов, и немало селений от одного до 3 дворов.

Он населении района, промыслах и занятиях, торговле, управлении и прочем, результат обследования района переписным персоналом – в кратком пояснении излагается придерживаясь оглавлений разделов поселенного бланка.

(С. 2) Раздел I. Население

Население района все без исключения оседлое и состоит из вогулов, остяков и великороссов. По предварительным итогам переписи 1926–27 года, в Кондинском районе переписано всего 1359 хоз[яйств]. В коих население обоего пола 5250 чел., а имеющих дома всего 1070 хоз., остальные составляют служащие, батраки и другие не имеющие домов, но живущие на самостоятельный заработок.

По полу и национальности население района по отдельным сельсоветам распределяется так:

Сельсоветы	Число населения			Из них			
	Муж.	Жен.	Всего	Вогул	Остяков	Русских	Прочих
Нахрачинский	558	572	1130	497	115	512	6
Болчаровский	338	349	687	1	419	260	7
Красноярский	285	335	620	3	343	270	4
Карымский	202	208	410	348	3	59	–
Леушинский	532	586	1118	526	–	588	9
Сатыжинский	361	379	740	406	–	327	7
Шаимский	254	291	545	223	–	318	4
Итого	2530	2720	5250	2004	880	2329	37

Конечный пункт расселения остяков – деревня Есаульская Нахрачинского с/с, в коей население смешанное, с небольшим преобладанием остяков, а именно в дер. Есаульской остяков 60 чел., вогул 33 и русских 58 чел. Нижнее течение р. Конды заселено остяками и русскими, а верхнее, начиная от дер. Есаульской и по притокам р. Конды, заселено вогулами и русскими, причем число русских в Леушинском и Шаимском сельсоветах, как видно из приложенной таблицы, преобладает над вогулами, но и в остальных сельсоветах также весьма значительно. Кондинские остяки по быту и наречию хотя и обособлены, но более подходят к типу иртышских остяков.

Почти все остяки и вогулы хорошо говорят по-русски, не говорящих по-русски очень мало, и то только или некоторые старушки-туземки, или дети в отдаленных глухих селениях. Среди вогул немало таких семей, где родным

¹ Тобольского округа Уральской области.

² Тобольского округа.

языком считается русский, который является разговорным в семье языком, особенно это отмечается в семьях со смешанными браками, где муж вогул, а жена русская. Смешение тузем(С. 3)цев с русскими путем браков довольно значительное, из переписного материала видно, что русских, женатых на туземках, 69 чел. И туземцев, женатых на русских, 165 чел., по отдельным сельсоветам смешанные браки распределяются:

Сельсоветы	Русских, женатых на туземках	Туземцев, женатых на русских
Нахрачинский	23	45
Болчаровский	4	13
Красноярский	6	9
Карымский	6	7
Леушинский	15	36
Сатыжинский	12	39
Шаимский	3	15
Итого	69	184

причем в подсчет вошли лишь наличные брачные пары, не считая тех браков, в коих жив один супруг, а другой умер или находятся дети, родившиеся от смешанных браков. Из приведенной таблицы видно, что туземцы охотнее женятся на русских, чем русские на туземках. Такое смешение сказалось и на типе туземцев: иногда вогула не отличишь по типу от русского; смешение же остяков не так сильно на типе отразилось.

Приток русских в Кондинский район большой, главным образом из смежных районов Ирбитского и Тагильского округов, Уватского и Тобольского районов Тобокруга. Коренное население вогулы и остяки в селении русских в небольшие селения не препятствует, принимая их как в свои селения, а также предоставляя, с разрешения власти, заселение старых вымерших туземных селений и на открытие новых селений. Нельзя этого сказать про селения более или менее многолюдные, туда принимают неохотно, так как каждый новый член общества является лишним претендентом на рыболовные и другие угодья. Как результат опросов русских, заселение их по времени распределяется так:

За время от 1 до 3 лет переселилось	90 хоз.
За время от 3 до 5 лет переселилось	52 хоз.
За время от 5 до 10 лет переселилось	87 хоз.
За время от 10 до 20 лет переселилось	63 хоз.
Свыше 20 лет и родившиеся в крае	160 хоз.,

а всего русских 452 хоз. Причем в учет вошли только оседлые (С. 4) хозяйства, имеющие дома.

Выселились русские из районов следующих округов: Тобольского – 222 хоз., Ирбитского – 111 хоз., Нижнетагильского – 85 хоз., других округов Уралобласти – 3 хоз., из других губерний и областей – 31 хоз.

Из вышесказанного видно, что главные засельщики района являются старожилы с реки Тавды из Табаринского и Гаринского района, и с Иртыша из Уватского и Тобольского районов, привыкшие к аналогическим климатическим и другим условиям, занимавшиеся и на прежнем жительстве теми же промыслами, какие существуют по Конде. Но прочно устраиваются также выходцы и из других губерний: есть по Конде две семьи украинцев, несколь-

Рис. 145. Остяк юрт Сивилинских

ко семей вятичей, пермяков, и все они устроились хорошо и даже пользуются некоторым достатком, несмотря на ряд неблагоприятных лет.

Большую часть русских хозяйств можно сразу отличить по прочности построек, которые резко выделяются от беспорядочно разбросанных, полуразвалившихся домишек туземцев при почти полном отсутствии надворных построек, тогда как у русских видны большею частью новые прочные дома с крытыми дворами, имеющими по несколько амбаров и хлебов, заметно трудолюбие и умение использовать природные богатства края. Это резко бросается [в глаза] в селениях начиная от дер. Юмас Леушинского с/с, далее по Сатыжинскому с/с и, особенно, в Шаиме. Конечно, нельзя отрицать, что есть хорошие постройки и у некоторых туземцев, но в общей массе они являются исключением.

Приходится также отметить, что отличительной чертой поселяющихся русских, а частью и туземцев, [является]... неусидчивость их на одном месте и вследствие этого частые переселения их из одного селения в другое в поисках более лучших условий жизни, но это относится лишь к не окрепшей прочно на одном месте части русских; наблюдается также переселение и целых селений на более пригодные места.

Раздел II. Физико-географические сведения

Районный центр находится в с. Нахрачах, самые дальние селения района расположены от районного центра по зимнему пути: на восток – по нижнему течению р. Конды – дер. Реденькое Красноярского с/с (отчислено от Самаровского района в конце 1926 г.) – 232 версты; (С. 5) на северо-восток – дер. Вершина Карымского с/с – 174 версты; север – в верхнем течении р. Конды дер. Ессунт Шаимского с/с – 405 вер[ст] и по Обской зимней дороге – дер. Потанай Шаимского с/с – 80 вер.

От окружного центра гор. Тобольска ближайшие селения района находятся: дер. Ландина – 170 вер. и дер. Есаул – 185 вер., а самая дальняя дер. Потанай – 600 вер. и дер. Ессунт – 565 вер.

Для сбыта продукции добычи [промыслов] и приобретения продуктов питания из Кондинского района проложено 7 зимних дорог, из них 3 на гор. Тобольск, 2 на Туринск и 2 на Верхотурье и Надеждинск...

На гор. Тобольск

1) От села Болчары через Чесноки, Варлым, Буреньку и далее по северному тракту, расстояние от ближайшего селения района до Тобольска 232 версты. По этой дороге ездят жители селений Красноярского и Болчаровского с/с.

2) От с. Нахрачей через дер. Есаульскую, далее через болота, на протяжении коих находятся две избышки-зимовки, на юрты Рынья и Ниски расстояние от Нахрачей 200 вер., а [до] ближайшего селения района – 185 вер. По этой дороге ездят жители Карымского и Нахрачинского с/с.

3) Из Леушей через дер. Ландину, зимовье Половинка, юрты Ваচারы, Еземеть, Ниски расстояние от Ландиной до Тобольска 170 вер. По этой дороге ездят жители Леушинского с/с, начиная от с. Леушей, и Нахрачинского с/с из селений, расположенных выше дер. Никулкиной. Причем начинается разделение тяготения селений к гг. Туринск и Ирбити, и потому не все селения ездят по этой дороге в Тобольск, а часть едет на Туринск и Ирбит.

На Туринск и далее [на] гор. Ирбит

4) От дер. Сотник через зимовья у Лаутской чисти, Феклисов шутик, Конную речку, дер. Филиппов Яр, Кузнецову, Ржавец и Маркину, – всего расстояние от ближайшего селения района до Туринска 280 вер. По этой дороге ездят жители селений Леушинского с/с и, частью, Нахрачинского с/с.

5) От дер. Левы Сатыжинского с/с через зимовья Вендель, Пава, Суйта, дер. Ахишк, село Чернавское и далее на Туринск. (С. 6) Общее расстояние от Левы до Туринска 281 вер., по этой дороге ездят жители Сатыжинского и частью Леушинского с/с.

На г. Верхотурье, Надеждинский и др [угле] уральские заводы

6) Через дер. Евру на Пелым и Гари. Общее расстояние до Надеждинска 280 вер. и [до] Верхотурья – 310 вер.

7) Из Шаима через зимовья Токоры на дер. Омелину, Еремину, Пелым, Зыковку и далее по тракту на Верхотурье. Общее протяжение до Надеждинска 250 вер. и [до] Верхотурья – 300 вер. По этому же зимнему пути идет провоз рыбы с Оби в направлении от с. Кондинского Березовского района через Супру и далее через зимовки, отмеченные на карте, всего от Шаима до с. Кондинского 335 вер. и с ответвлением дороги на Большой Атым и Красно-Ленинскую (быв[шие] юрты Воронины); до последних 300 вер. По этому обскому пути затихшее было движение за последние 2 года вновь усилилось, и в зиму 1926–27 г. было довольно значительное движение.

Население Кондинского района, начиная от дер. Юмас Леушинского с/с предпочтительнее возит рыбу и ягоды для сбыта в Туринск, Ирбит, Верхотурье и приуральские заводы, где условия сбыта значительно выгоднее тобольских, дороже продают и дешевле покупают необходимые для себя продукты питания и товары. Кооперативные организации из Леушей и Шаима также считают более выгодным сдавать продукцию в этих пунктах, чем в Тобольске, но в силу кооперативной дисциплины не могут этого делать, а обязаны сдавать в Окружной кооперативный центр, где пользуются товарным кредитом.

Летнее сообщение района производится исключительно водными путями по р. Конде и Иртышу, причем сбыт заготовок и доставка товаров летом производятся только кооперативными и другими торгово-заготовительными организациями, работающими в районе. Пешие тропы есть только на Демьянск от Болчар, протяжением до 60 вер., из коих около половины – на лодке через озера. Частично бывает также пешее сообщение по дороге от Шаима на Пелым и Гари, но там нужно идти болотом около 60 вер., и третье возможное летнее сообщение, притом самое удобное, от дер. Сотник в направлении на Туринск, по этой дороге болот приходится переходить около 10 вер. По рассказам жителей, эту дорогу можно бы устроить (С. 7) и для летнего конного сообщения без больших, в сравнении с другими местами, расходов: дорога пересекает только 2–3 небольших речки и болот менее всего, а с устройством дороги был бы выход к ближайшей железнодорожной линии.

Сообщение внутри района зимой производится на лошадях по протоптаным дорогам, причем дороги в большинстве слабо протоптанные, мягкие, часто запорожены снегом, и потому сообщение по ним не всегда возможно, а в некоторые отдаленные селения (дер. Вершина Карымского с/с) дороги совсем нет, и сообщение бывает только на лыжах; с дер. Вынтья Карымского с/с, Печерах, Орантур, Ессунт Шаимского с/с, а также в верховья р. Тап

дороги часто не бывает, или прокладывается [она] поздно, и дорога почти всегда бывает очень плохая. Летнее сообщение исключительно на лодках, а пешей тропой бывает между немногими ближайшими селениями, о чем будет сказано особо.

Раздел III. Метеорологические сведения

Снег большею частью выпадает около половины октября, а зимний путь устанавливается в зависимости от степени морозов, так как езда возможна только тогда, когда промерзнут болота, а это бывает далеко не одинаково. В 1925 г. санный путь установился в первой половине ноября, в 1926 г. лишь в первых числах декабря, и первый проезд на Тобольск был около 10 декабря. Необходимым условием установления зимних дорог является предварительное протаптывание дорог на лыжах, для чего привлекается местное население в обязательном порядке.

Сплошное таяние снега начинается в первых числах апреля, когда прекращается санный путь. Больших холодов зимой в последние года не было, погода стоит умеренная, в зиму 1926–27 г. лишь раза 3 были морозы от 30° до 40° по несколько дней. Глубина снежного покрова в 1925–26 году была около аршина, а 1926–27 г. – около 1 1/2 арш. на ровном месте.

Лето 1926 г. было дождливое и холодное. Вода в берега вошла около 1 сентября, и за последние 3 года (с 1924 г.) вода выходила из берегов и стояла очень долго, ранее также были большие воды, но через 3–5 и более лет. Большое опасение у населения есть и за лето 1927 г., когда опять ожидается большой подъем (С. 8) воды.

Большими водами последних лет причинен вред: а) рыболовству – топит котцы, не дает возможности неводить весной, рыба расходуется по весьма широкому водному пространству, что препятствует неводье, благодаря чему получается значительный недолов; б) скотоводству – вода спадает поздно, на траву наносит ил, сено получается плохого качества и в недостаточном количестве, что ведет к уменьшению [количества] скота. По р. Юконде в лето 1926 г. вода поднималась выше берегов после сенокоса и унесла накошенное сено, пришлось косить второй раз, а в Карымском с/с сенокоса и так мало, благодаря чему население Карымского с/с терпело острую нужду в корме для скота. В отдельных селениях, расположенных по речкам, вода также поднималась, но так как это бывает не везде одинаково, то практикуется недалкий отгон скота в ближайшее селение на кормежку.

Раздел IV. Землепользование

Площадь земельных угодий, находящихся в фактическом пользовании населения, точно установить не представилось возможным за неимением учетных данных, как в РИКе, так и сельсоветах сведения берутся с опросов населения, а ответы последнего бывают различны. Нельзя установить точно даже площадь усадебной и приусадебной земли в большинстве селений ввиду беспорядочного, чересполосного расположения строений, вперемежку разных хозяев, планировки нет, строения разбросаны, усадьбы, кроме огородов, не огорожены, и хозяин сам точно затрудняется сказать, сколько у него под усадьбой и огородом, обычно говорят – мало, а судя по сбору картофеля получается урожай большой, не соответствующий действительности, что заставляет предполагать, что площадь огорода больше показываемой.

Более или менее точно определена площадь разработанной пашни, но и то нельзя говорить об абсолютной точности, так как промера пашни не было.

Площадь сенокоса показана совсем приблизительно, обычно говорят на хозяйство мало, а накашивается сена много, хотя сено обычно крупное, грубое, укос его значителен, и много сена не съеденного, и идет [оно] под ноги скоту. Учесть сенокосную площадь вообще довольно трудно, так как идет не сплошная косьба площади, а выбираются лишь удобные для кошения места, узкие и длинные, почему и при желании хозяина трудно сказать, сколько он выкашивает, но судя (С. 9) по сбору сена можно сказать, что выкашиваемая площадь более показываемого.

Переделы сенокосов бывают очень редко, в большинстве селений [сенокосы] отводятся в бессрочное пользование, по числу дельных мужских работников, а в некоторых селениях – по дворам. Вновь прибывшим хозяйствам отводятся наделы или из общих нераспределенных мест, или берется из хозяйств, где убыло работников и скота, и площадь сенокоса все равно является лишней.

Лесная площадь весьма обширна, но точно совсем не установлена, все леса государственного значения, наделных лесов местного значения совсем нет, и население пользуется для своих потребностей кому сколько надо, хотя и существует норма дров на отопление по 4 ½ куб. саж. на двор и на постройку по потребности согласно удостоверениям СельККОВ, на что выдаются общине на сельсовет лесорубочные билеты, но фактического надзора за рубкой леса нет, так как на весь район имеется один лесобездчик. Причем нужно сказать, что злоупотреблений в пользовании лесом со стороны населения нет, так как нет его сбыта и пользуются только в пределах своей потребности, причем зачастую валежным и сухостойным горелым лесом, а во многих селениях практикуется и такая заготовка дров: когда топить, тогда и рубить, благо лес под рукой и далеко ездить за ним не приходится.

Аренды земли как таковой не практикуется, обычно нуждающиеся селения косят там, где есть излишек, бесплатно, но только после того, как окончат косьбу коренные жители, или последними указывается свободная площадь. Плата за траву бывает редко и притом небольшая, по копенно.

Раздел V. Земледелие и луговодство

Посев хлеба частично производится начиная от дер. Юмас Леушинского с/с, в среднем течении Конды и до дер. Орантур Шаимского с/с в верхнем течении Конды. Более значительная площадь разработанной пашни находится в пределах Леушинского и Сатыгинского с/с, в приурманной полосе по южной стороне Тумана, где грунт земли черноземно-супесчаный и суглинистый, вполне пригодный для хлебопашества и дающий в урожайные годы хорошие урожаи до 100 и более пудов с десятины. Рассказывали, что при посеве на (С. 10) вновь разработанной пашне в дер. Пава, в приурманной полосе, 7 пуд. ржи было собрано [с] 2000 снопов средней вязки, а если считать, что при хорошем урожае намолачивается до 1 пуда зерна с кучи в 10 снопов, то общий сбор с десятины получается очень значительный, но нужно оговориться, что этот случай лично не проверен. Посев производится также и по северной стороне Тумана и по р. Конде, в верхнем ее течении, но тут грунт земли песчаный, требует усиленного удобрения, а урожайность дает

значительно меньше и плохо окупает труд, но и на этой почве урожаи бывают до 80 пуд. с десятины в урожайные годы.

Всего по данным переписи разработанной пашни имеется:

в Леушинском с/с	59,09 дес [ятины]
в Сатыжинском с/с	60,03 дес.
в Шаимском с/с	28,31 дес.
Всего	147,43 дес.

Сеются преимущественно озимая рожь, овес и ячмень, которые рожь более или менее удовлетворительно, сеют немного ярицы и яровой пшеницы, но последняя рождается плохо. Общие климатические условия для посева хлебов удовлетворительны, хлеб созревает, лишь изредка хлебу вредят ранние заморозки.

Хлеб начали сеять сравнительно давно, но главный толчок дал голодный 1921 год, после коего посев начал постепенно усиливаться. Развитию земледелия препятствуют трудность разработки пашни (корчевание), отсутствие обрабатывающих сельскохозяйственных орудий, а главным образом – одновременность работ сельского хозяйства с основным промыслом – рыболовством и, отчасти, отсталость населения и нежелание заниматься другими занятиями, кроме своих старинных промыслов рыболовства и охоты, несмотря на то, что они постепенно падают. В большинстве земледелием занимаются русские, кои составляют 44 % населения к общему числу жителей района, но занимается земледелием также часть вогулов. Обрабатывается пашня сохами, а за последнее время стали постепенно проникать и плуги.

Были опыты посева хлебов и по нижнему течению Конды: в Нахрачах, Есауле, Болчарах; хлеб также родился, хотя урожай были и посредственные, но посевы не привились, главным образом по причинам трудности разработки пашни и одновременности работ (С. 11) с рыболовством.

Огородничеством занимаются по всему течению р. Конды и по Туману, в огородах сажают картофель, морковь, репу, редьку, табак, лук, огурцы и капусту, из коих лук и огурцы рожь плохо, капусту сеют мало, табак имеет широкое распространение, но часто вредится ранними заморозками, остальные овощи рожь удовлетворительно, сбор картофеля в хороший урожай бывает до 1 пуда на квадратную сажень.

Приходится отметить также отсутствие мельниц в районе для размол зерна, зарегистрировано всего 2 ветряных мельницы, из которых одна в с. Сатыге не работает, и 3 конных мельницы с весьма небольшой производительностью. Большею частью размол зерна производится на ручных жерновах, что трудно и малопродуктивно. Население отзывается, что отсутствие мельниц также препятствует развитию земледелия, а средств на устройство мельниц нет, на это особенно указывали в с. Леушах.

При предоставлении помощи населению для разработки пашни корчевальными машинами, обрабатывающими земледельческими орудиями и на устройство мельниц возможно развитие земледелия в Кондинском районе.

Луговодство. В дополнение к сказанному в разд. IV поясняется, что, по опросам хозяйств, сбор сена с казенной десятины достигает до 300 пуд., но сильно вредят бывшие последние 3 года подряд большеводие и поздний спад воды (август и сентябрь), не дававшие возможности накопить сена в пределах полной потребности.

Если бы не было частых наводнений, то есть все данные к развитию скотоводства в крае ввиду большего пространства для выпаса скота и сенокосов.

Покосы главным образом расположены по пойме р. Конды, и селения, находящиеся по р. Конде, более удовлетворительно обеспечены сенокосами, чем селения, расположенные по речкам и озерам, в большинстве которых даже в урожайные годы ощущается недостаток в корме.

Продажи излишнего сена не производится, исключая лишь проезжающих ямщиков, а покупает население сено лишь в бессенные годы во время наводнений в селениях Уватского, Гаринского, Табаринского районов.

146. Двор для скота.
Юрты Красноярские

(С. 12) Раздел VI. Скотоводство

По предварительным данным итогов переписи, в Кондинском районе находится скота, с подразделением по сельсоветам:

Сельсоветы	Количество скота				Охотничьих собак
	Всех лошадей	Всего крупного рогат[ого] скота	Овец	Свиней	
Нахрачинский	424	623	546	10	333
Болчаровский	257	390	344	8	179
Красноярский	278	368	209	1	170
Карымский	97	184	93	2	223
Леушинский	455	762	697	34	356
Сатыжинский	250	519	605	82	285
Шаимский	202	407	315	37	257
Итого	1963	3283	2809	174	1803

По каждой группе скот показан общим числом, как взрослый, так и молодняк, охотничьи собаки показаны... только взрослые, причем количество

собак хотя и значительно, но качество их сильно понизилось. По рассказам охотников, теперь мало хороших собак для охоты на соболя и лося. Ранее собаки расценивались до 100 рублей и дороже, а теперь средняя цена 15–20 руб. за собаку, но встречаются и хорошие экземпляры, которые за эту цену не купишь.

На первом месте по числу скота находится Леушинский с/с с преобладающим русским населением и развитым земледелием, на последнем месте стоит Карымский с/с (где население в большинстве туземное), и этот сельсовет по своей оторванности, плохим путях сообщения (особенно летних) находится в худших экономических условиях в сравнении с другими сельсоветами, сенокоса там мало, и тому вредят наводнения.

Количество скота до 1924 года было значительно более, но вследствие большого наводнения в лето 1924 года много скота пало от бескормицы и плохого корма, распродано и заколото.

(С. 13) Массовые заболевания скота за последние три года хотя и были на разном скоте, но, надо полагать, на почве кормления плохим илистым сеном после большеводий, отчего скот вздувало, и он пропадал, была чесотка и другие болезни, объяснить которые население точно не смогло.

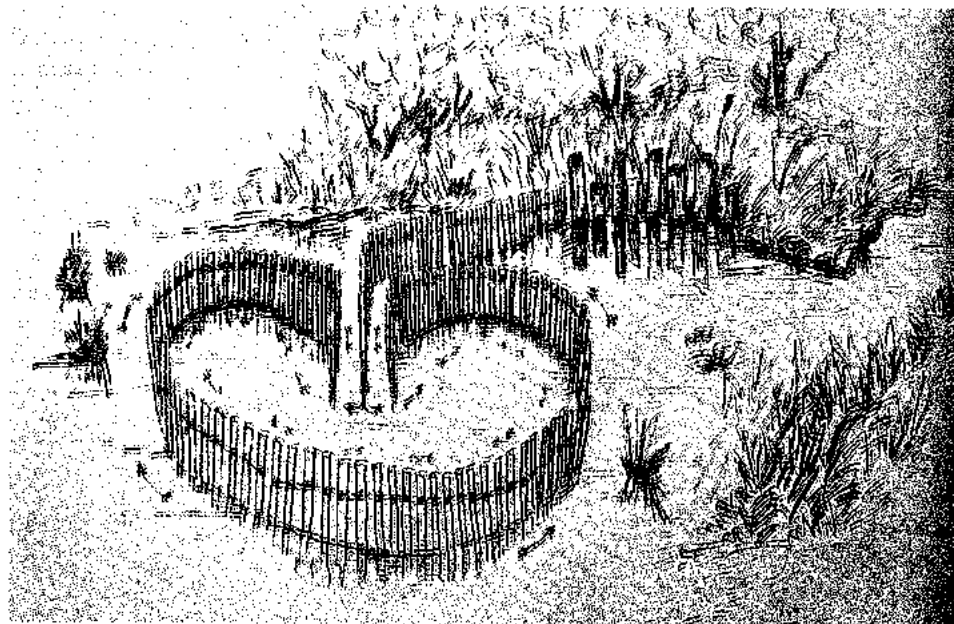
При заболеваниях скота к ветпомощи обращается лишь население ближайших к районному центру селений, где находится ветпункт, так как на весь район только один ветеринарный фельдшер, да и тот, кстати сказать, не пользуется большим авторитетом и доверием населения, теперешний ветфельдшер человек молодой, со школьной скамьи, не имеет еще достаточной практики, и население, находясь с предубеждением, всякую невольную ошибку преувеличивает и избегает обращений к ветфельдшеру, лечит скот своими случайными домашними средствами, или обращается к коновалам и знахарям, если таковые в селении окажутся; но при опросах по этому пункту население почти всегда говорило, что у них знахарей нет. Но самым главным препятствием к оказанию ветеринарной помощи населению является большая территориальная разбросанность района, так как при единичных заболеваниях скотины [ветфельдшер] не имеет возможность ехать за сотни верст, да и средств на это не отпускается; и сам хозяин скота, если бы и желал, все равно не мог бы достать ветфельдшера. В условиях более полного обслуживания района ветпомощью целесообразнее было бы открытие в районе нескольких ветпунктов и назначать более опытных ветработников, чем и завоевывать полное доверие населения.

Рогатый скот в районе местной, некрупной породы, живой вес от 12–15 пуд., редко выше, молочность коров средняя, по данным бюджетного опроса хозяйств даны следующие показания об удое: 1 корова – 16 пуд., 1 – 27 пуд., 2 – 28 пуд., 1 – 36 п[удов], 1 – 41 п., 1 – 48 п. и 1 – 56 п., а всего годовой удой 8 коров в среднем составляет 35 пуд. на корову, но надо оговориться про особенность доения коров у большинства хозяев, а именно: для того чтобы приучить корову ходить домой, – а скот там ходит вольно без пастуха и поскотинны, – то перед доением сначала подпускают к корове теленка на короткое время, как говорят, на 1 минуту, чтобы корова спустила молоко, и затем после доения снова подпускают теленка, который и высасывает потом начисто. Телят все лето держат в изгороди при (С. 14) селении. При таком способе доения естественно, что удой молока меньше обычного. Молоко расходуется на собственное потребление, и продажа его практикуется только в районном центре в с. Нахрачи; масло продают, но мало.

Домашняя птица. В районе имеются только курицы, и их ограниченное количество, нередко приходилось видеть в хозяйстве 1-2 курицы. Других пород птиц не держат ввиду обилия в районе диких птиц, как лесных, так и водяных.

Раздел VII. Оленеводство

Оленеводства в Кондинском районе нет.

147. Котец для ловли рыбы

Раздел VIII. Рыболовство

Рыбный промысел является одним из главных источников существования населения. В реках и озерах водится следующая рыба: щука, язь, окунь, ерш, чебак, карась и, в некоторых озерах по нижнему течению р. Конды, около дер. Согом и частью Болчары, – сырок, но последний после бывших подряд два года заморозов почти совсем уничтожился, а теперь хотя вновь и стал появляться, но промыслового значения еще не имеет, и добывается его для продажи мало, и, кроме того, по отзыву населения, в дер. Согом последний год не было для ловли сырковых сетей. Налима ловится очень мало в верховьях р. Конды, а нельма – только в единичных экземплярах по нижнему течению Конды до Болчар.

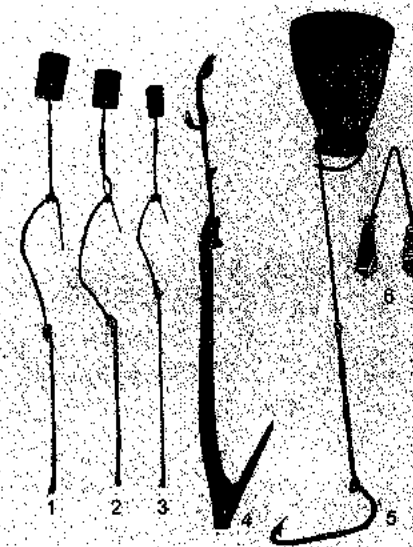
Рыба ловится неводом, ставными сетями, фитилями³, рукавами, кривдами, котцами, мордами, острогой, жерлицами и удочками. Часть рыбаков ловит еще переметами, но мало, чердаками ловля почти совсем не практикуется. Почти все орудия лова изготавливаются на месте, сети и невода из готовой мережи и сетной нитки, но также широко практикуются и домашняя выпрядка ниток и вязание сетей.

Рыбная ловля производится: неводом – артелями, а остальными орудиями лова – в одиночку каждым хозяином. В условиях Кондинского района

³ Фитиль – длинная узкая морда из натянутой на обручи встки (см. рис. 124).

большое значение имеет рыбная ловля зимой в речках-живунах во время замора рыбы в р. Конде, что бывает ежегодно. В речках-живунах ловят мордами в запорах и, в узких местах, – острогами и сачками. Этот зимний лов преимущественно ловится всем селением (С. 15) сообща и иногда бывает довольно значителен и даже превышает летний и осенний лов неводом.

Весенний и летний улов рыбы солится и сушится, причем под влиянием недостатка соли, а это бывает почти ежегодно, соленье рыбы заменяется сушкой, при каковом способе качество рыбы получается малоценнее и больше утраты, отчего рыбаки много теряют. Еще одна из особенностей, зас-

148. Различные крючковые снасти: 1-3 – самоловы на стерлядь; 4 – деревянный крючок на налима; 5 – крючок для ловли щуки в озерах; 6 – блесны

тавляющая прибежать к сушке рыбы, – это трудность завоза соли в отдаленные от селения речки и озера, в некоторые из них приходится пробираться пешком. Соленая рыба сбывается преимущественно местной кооперации, а мороженая – кооперации и приезжающим крестьянам-скупщикам, а также возится самими рыбаками в города Тобольск, Туринск, Ирбит, Верхотурье, Надеждинск и другие уральские заводы.

Заготовка рыбы в районе производится преимущественно кооперацией, другие заготовительные организации заготовкой рыбы почти не занимаются. По отдельным сортам рыбы, по данным переписи заготовительных организаций, заготовка за 1925–26 операционный год выразилась в следующем:

Заготовлено рыбы разной сухой	1 238 пуд.
Заготовлено рыбы разной соленой	2 860 пуд.
Заготовлено рыбы разной мороженой: щуки	5 916 пуд.
Заготовлено рыбы разной мороженой: язя и недоязка	1 087 пуд.
Заготовлено рыбы разной мороженой: окуня	863 пуд.
Заготовлено рыбы разной мороженой: чебака	1 199 пуд.
Заготовлено рыбы разной мороженой: ерша	489 пуд.
Заготовлено рыбы разной мороженой: карася	537 пуд.
Заготовлено рыбы разной мороженой: сырка	38 пуд.
Заготовлено рыбы разной мороженой: налима	9 пуд.

а всего заготовлено рыбы 14 236 пуд., в том числе мороженой 10 138. Икры щуцней и язевой заготовлено 594 пуд.

По отдельным потребностям суммовая заготовка распределяется так [в руб. и коп.]:

Нахрачинское	14 113-66
Болчаровское	9 533-25
Леушинское	7 626-64
Шаимское	4 583-58
Болчаровское охот. пром. т-во	1 977-58
Итого	37 834-72

149. Заколачивание свай для запора

(С. 16) За зиму 1926-27 г. количество рыбных заготовок еще не определилось, но, по предварительным данным, заготовка будет менее предыдущего года, причем первое место в заготовке занимает Болчаровское охот. промысловое т-во, заготовившее по I/III-27 г. рыбы на 8 282 руб. 53 коп.

Средняя покупная цена рыбы заготовителями в 1925-26 году составляла: сухая щука от 2 [руб.] 20 [коп.] до 4.00, язь 3.20-4.00, карась от 3.20 до 5.00 за пуд, соленая щука - 1.80, язь - 2.50 за пуд. Мороженая щука - 3.00, язь 3.20, чебак - 1.50, окунь - 3.00, карась и ерш - 1.00, икра щуцня - 6.00 и язевая - 2.50 за пуд.

По сведениям местных кооперативов и сведущих лиц, рыбы сдается населением на сторону, помимо заготовительных организаций, от 20 до 60 % общего сбыта, менее в районе Болчаровского и Красноярского с/с и более в районах других с/с. Весьма значительное количество рыбы, большей частью мелких сортов, скупается приезжими крестьянами, привозящими в обмен хлебопродукты и часть других товаров, и значительную часть в этом товарообмене составляет самогон, которого много привозится и продается или на деньги по одному рублю за бутылку, или в обмен за мелкую рыбу от 20 фун[тов] до 1 пуда за бутылку самогона. Причем население, особенно безлошадное, считает для себя выгодным продажу рыбы у себя

на дому, где они зачастую берут цену не ниже городской и без всяких хлопот и расходов приобретают в обмен нужные им хлебопродукты. Особенно выгодны, по сравнению с тобольскими, условия сбыта рыбы скупщикам, приезжающим из Ирбитского и Тагильского округов, которые, пользуясь более высокими ценами в приуральских городах и заводах, дороже дают цену и на месте.

Количество общей добычи рыбы и сколько из нее продано, в данный момент не выявлено, что даст лишь результат разработки всего переписанного материала, но, по отзывам населения, теперь ловят рыбы много менее довоенного, в некоторых селениях, говорят, добывается половина, а в дру-

150. Запор с «фушками»

гих - лишь третья часть. Причину упадка рыбного промысла объясняют: ежегодные заморы р. Конды, во время которых рыба гибнет или вылавливается, затем заграждения устья р. Конды мережными запорами, препятствующими проходу рыбы в Конду из Иртыша, а некоторые указывали, что уменьшение улова рыбы происходит и вследствие увеличившегося по р. судоходства, тем, что рыба (С. 17) распугивается, и пароходные отбросы выбрасываются где попало; но действительной причиной меньшего улова рыбы на хозяйство против прежнего, помимо общего уменьшения [количества] рыбы вследствие заморы, нужно считать увеличение, в сравнении с прежним, числа рыболовов и большее число по реке неводов, коими рыба и вылавливается и вместе с тем распугивается.

По отзывам населения, часто бывает также недостаток в продаже в местных торговых организациях мережи и сетной нитки, что также отражается на рыбном промысле.

При зимних промыслах необходимым оружием является пшшня, а так как кузнецов в районе для изготовления и ремонта их нет, то приходится ездить за этим в другие соседние районы, что отнимает непроизводительно много времени и создает большие неудобства, а иногда и тормоз при подледной неводьбе, - приходилось не раз слышать об этом сетования населения.

Раздел IX. Охота

Охотничий промысел в районе ранее занимал второе место после рыболовства, но за последние года также сильно пал.

Объектом охоты служат главным образом пушные звери: белка, лисица, соболь, выдра, колонок, кидус, и единицами добывают медведя, росомуху, зайца и рысь; волков за последние годы совсем не стало. Кроме того, добывают в значительном количестве дикого оленя и лося, мясо коих идет в пищу, а шкуры в большинстве продаются на дальний сбыт и в незначительном количестве идут для хозяйственных нужд. Шкуру медведя продают, а мясо в пищу не употребляют.

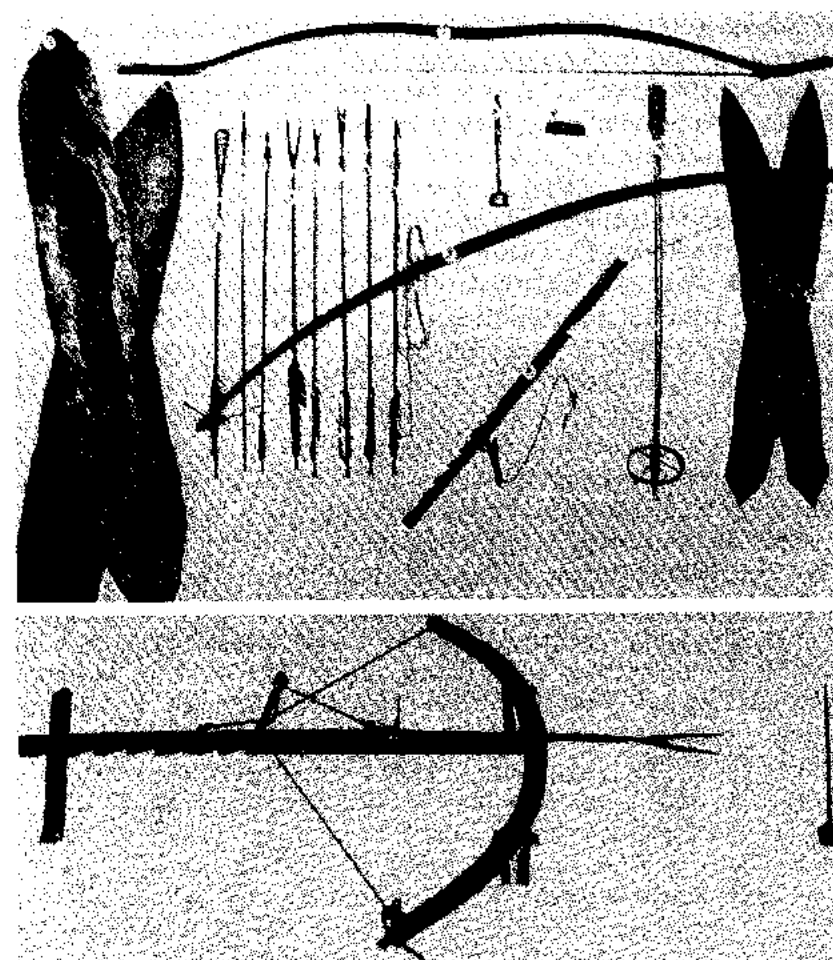
Пушные и сырьевые заготовки, по данным переписи заготовительных организаций района, выразились в следующем:

Заготовлено штук	За 1925/26 операционный год	За зиму 1926/27 года по I/III
Белки	13 450	8 262
Колонок	764	322
Горностай	189	17
Соболь	268	15
Кидус	25	7
Куница	50	199 999
Выдра	1 699	169
Лисиц разных	212	106
Лисиц чернобурых	5	-
Росомах	12	4
(С. 18) Медвежьи шкуры	22	6
Лосин	140	42
Оленин	203	66
Барсук	4	37
Заяц	126	48
Кожсырье разное	112	16
Птица битая, пар	72	90

Количество заготовок за зиму 1926/27 года охватывает время по 1/III-27 г. и потому еще не является окончательным, но тем не менее сезон пушных заготовок заканчивается, и потому предполагать большего увеличения не приходится.

Количество заготовок за 1925/26 год также нельзя считать абсолютно точным, потому что, во-первых, не вошли в учет заготовки агентства «Расо», работавшего в прошлом году, за неимением этих данных, а во-вторых, часть кооперативных заготовок сдавалась Уралгосторгу и проведена по счету заготовок последнего, и потому вошла в учет два раза: в кооперации и в Уралгосторге. Принимая же во внимание, что заготовки «Расо», по отзыву местных организаций, были незначительны и... не так много было сдачи кооперацией [пушнина] Уралгосторгу, то [это], в общем, большой разницы не составит.

Переходя к суммовой заготовке каждой отдельной организацией, то таковая выразилась в следующем:

151. Традиционные орудия охоты вогулов и остяков: лук ручной (вверху), лук сторожевой в разобранном виде (в центре, внизу – настороженный), лыжи (справа вверху) и подволоки-лыжи, обтянутые кожей с ног оленя и конской (слева), посох (лыжная палка), разные типы стрел

	За 1925–1926 г.	За зиму 1926/27 г.
Фактории Уралторга [Агентство] [«]Сырье[»]	27 443 [руб.] 35 [коп.]	8 642-58
Потребобщества:	-	535-92
Нахрачинское	1 812-52	1 247-39
Болчаровское	1 729-51	571-65
Леушинское	4 737-24	460-16
Шаимское	5 973-67	572-06
Охоткооперация:		
Тоб[ольский] окр. союз	1 366-52	-
Болчаровское охот. пром. т-во	4 12-93	8 541-08
Итого	4 3475-74	20 570-84

Кроме того, была также частичная сдача пушнины охотниками и на сторону, но таковая, по отзыву организаций и сведущих лиц, не превышает 10 % общей заготовки пушнины.

(С. 19) По отзыву охотников и заготовительных организаций, общая теперешняя добыча пушнины составляет 1/3 довоенной, а по отдельным поро-

дам зверей – и того меньше. Особенно мало за последние годы стало лисиц, что ставят в прямой зависимости с бывшим [в] 1924 году большим наводнением, коим затопило гнезда лисиц, много погубило детенышей, а частью и маток, наводнением уничтожило мелких зверьков (кротов, крыс, мышей) – пищу лисиц, а раз не стало пищи – отошла в другое место и лисица, которая теперь ловится в очень небольшом количестве. Если раньше очень часто можно было видеть бегающих лисиц, то теперь редко увидишь их след.

Белки также добывается очень мало, ранее добывалось ее до 200 штук на ружье и более, а теперь и по 10 штук убил не каждый охотник, редко 20, а то даже и менее. Причем прошлая осень 1926 г. является особенно плохой по добыче белки, которой было вообще мало, да и та в большинстве к сезону охоты не вычистилась; несмотря на то, что местным РИКом начало охоты было отсрочено до 1 ноября, белка добывалась не выходная и поэтому малоценная. По рассказам охотников, белка стало заметно более к весне, и охотники собирались охотиться на нее в марте мес[яце]. Что пушная охота в сезон 1926/27 г. была плохая, в сравнении даже с предыдущим годом, подтверждается напечатанной выше таблицей.

На соболя охота в Кондинском районе, как и по всему Тобольскому округу, воспрещена по обязательному постановлению Облисполкома, но это воспрещение не распространено на Тагильский и Ирбитский округа, и в результате получилось то, что охотники Гаринского и Табаринского районов приходили и били соболей почти у самых селений кондинских охотников, а последним было охотиться нельзя. На этой почве создалось много недовольства населения, и [это] отразилось на платеже кредитов заготовительным организациям, так как охота на соболя являлась наиболее ценной. Тагильский и Ирбитский округа граничат с Кондинским районом Тобольского округа, урманы (место обитания соболей) – одни сплошные, и охотники для охоты часто сходятся в одно место, и такое одностороннее запрещение нервирует население, и потому крайне необходимо урегулирование этого вопроса: или разрешить охоту соболя и в Кондинском районе, или запретить также в Ирбитском и Тагильском округах.

За последние два года увеличилась добыча выдр, коих стало (С. 20) более, а с значительным поднятием цен на выдру это явилось как бы некоторой компенсацией охотников за недобычу других пород зверя, но в ценах на выдру была полная несогласованность с рыночными и городскими. Местные заготовительные организации, пользуясь указами своих окружных центров, покупали выдру от 35 до 50 руб., а в городе она на рынке расценивалась от 75 до 90 руб. Часть охотников первое время сдавала выдру местным организациям, а потом, услышав городские цены, сдавать не стала, говоря, что их обсчитывают, и [охотники] стали продавать сами в городе, это создало, во-первых, недоверчивую атмосферу к заготовительным организациям, а во-вторых, отразилось на покрытии задолженности.

Обычным оружием для охоты являются одноствольные берданки кустарного типа и так называемые «фроловки», затем идут нарезные большепульки и малопульки, меньше – централки-двустволки, есть небольшое количество и нарезных берданок военных, старого образца; из орудий лова – капканы, слопцы для мелких зверей и птиц, а также петли, преимущественно для птиц, и очень немного сохранилось охотничьих луков.

Ловля капканами при уменьшении лисиц сильно сократилась, и многие охотники ее забрасывают как не оправдывающую затрат времени; слопца-

ми и петлями ловят большею частью лесную птицу, а петлями – и водяную птицу. Преобладает охота с ружьем и собакой. Из птиц в районе охотятся на глухаря, тетерева, куропатку, рябчика и водяную птицу, из коих только рябчик, и то в небольшом количестве, идет на продажу, а все остальное – на собственное потребление в пищу.

Охота на водяную птицу производится из ружья, а где сохранились охотничьи луки, то из них, и этот способ охоты считают наиболее выгодным, так как охота из луков производится преимущественно в линяющую птицу; практикуют также охоту на утят с собаками. Вообще же охоту на уток из ру-

152. Орудия и принадлежности охотничьего и других промыслов охотников и русских Западной Сибири. На стене (слева направо) висят: капкан, клетцы для ловли лисиц и зайцев (на Конде практически не упоминаются), чиржан; стоят: ружье и лыжи-подволоки. На земле: деревянная ступа, берестяные коры (пайва) и кужня, ручные жернова, котел.

жья считают убыточной, и она широкого применения не имеет. Перевесами птицу не ловят.

Оленей и лосей добывают главным образом по глубокому снегу по насту и летом «в комарницу» при выходе зверя к воде. Очень немного сохранилось способов охоты в ямы, а еще меньше подсек, но все-таки местами эти способы еще практикуются.

Если не считать охоты на лося, оленя и линяющую птицу с утятами, то в остальном правила о сроках охоты соблюдаются. Отрава (С. 21) зверей не практикуется.

Питомников для кормления в районе имеется только один – в лесу при дер. Чесноки Болчаровского с/с, содержащий председателем правления Болчаровской охот. кооперации Маминим, в питомнике содержится 7 лисиц. Оборудован питомник с соблюдением соответствующих правил и рассчитан на расширение. Других случаев кормления лисиц и других зверей в районе не зарегистрировано, да и самое кормление и убой кормленок преследуются. В Карымском с/с пришлось видеть несколько конфискованных шкурок лисиц-кормленок, с привлечением охотника к ответственности за их убой.

В верховьях р. Конды, по рассказам жителей, начиная от дер. Умытъя Шаимского с/с, водятся бобры, хотя и в небольшом количестве. Случаев

охоты на них и добычи не зарегистрировано. Добыча охоты сбывается преимущественно в фактории Уралгосторга и местной кооперации, а на сторону в городах продается очень мало, если не считать продажи выдры [в] нынешний год. Частников по скупке пушнины за прошлый год не было.

В приобретении орудий охоты затруднений не наблюдалось, а огнестрельных недостатков бывал почти по всему району, а в особенности в Шаиме, благодаря несвоевременной доставке таковых.

Распределения охотничьих площадей между охотниками нет, охотятся без ограничений как в своих угодьях, так и в чужих, кому где вздумается, не исключая и пришлых охотников, которые охотятся без согласия местного населения и зачастую не считаясь со сроками охоты. Местное население недовольно вторжением пришлых охотников, которые подрывают и без того малый охотничий промысел, и просят воспретить вторжение их в пределы района.

Раздел X. Извозный промысел и пути сообщения

Извозным промыслом для провоза чужого груза местное население занимается очень мало, а возят зимой большую часть свой груз, продают в городах рыбу, ягоду и орех, покупают хлебпродукты и товары первой необходимости. В Нахрачи и Болчары, где проходит наибольшее число грузов, таковые возят большую часть кугаевские и уватские ямщики, местные жители в этих пунктах кооперативный и государственный груз возят мало, а из Леушей и Шаима весь груз возят местные ямщики, но и зимнего груза бывает немного. (С. 22) Груз возится в города Тобольск, Верхотурье, Ирбит, Туринск, Надеждинск, Нижний Тагил и др. уральские заводы. Плата по расстойанию, причем из Нахрачей и Болчар, где предложение больше, дешевле: 50–60 коп. с пуда на расстояниях до Тобольска в 200 и 250 верст, а начиная от Леушей до Шаима плата в среднем берется 50 коп. со 100 верст за пуд. Расчет производится исключительно денежный.

Легковая ямщина – провоз пассажиров – производится местным населением, причем определенных постоянно нанятых ямщиков нет, возят случайные, нанимаемые в каждом отдельном случае, плата по соглашению, но в среднем 10 коп. с версты за одноконную подводку; бывают случаи, что приходится платить и 15 коп. с версты, смотря по состоянию дороги и спешности передвижения, но такие случаи встречаются редко. Преобладает наем проходных ямщиков на весь путь переезда от 100 до 200 верст, и этот способ считается наиболее удобным, дешевле, и [он] избавляет от поиска ямщиков в пути следования, а их не всегда можно найти, и притом при выносливости северных лошадей такие переезды совершаются сравнительно легко.

Почта. Почта возится из Демьянска до Нахрачей [за] 160 вер., также одним проходным конным почтальоном, один раз в неделю, а летом до 1926 г. доставлялась на лодках и пешей тропой от Демьянска на Болчары, в лето же 1926 года доставлялась на почтовом катере, и по расписанию также должна доставляться раз в неделю, но в действительности бывало реже, иногда один и два раза в месяц, а во время весенней и осенней распутицы бывает перерыв до 1 1/2 мес. и более. О почтовой связи внутри района будет сказано особо. О состоянии дорог в районе изложено в разделе I.

Летнее сообщение в районе бывает только на лодках или пароходах; на лодках обычно перевозятся до ближайших селений, с платой в среднем по 10 коп. с версты на гребца.

К обязательной дорожной повинности относится протаптывание дорог [в снегу] и установка вех, последние, при больших переездах по чистым местам, имеют очень большое значение, и на постановку вех обращается серьезное внимание

Мостов в районе очень мало, и то через небольшие речки, так как летних колесных дорог нет, а есть лишь местами только конные и пешие тропы между ближайшими селениями. Наиболее длинная пешая и конная тропа проложена от Шаима до Ученьи и от Ученьи (С. 23) до Сатыги, где есть несколько и небольших мостиков.

Раздел XI. Прочие промыслы и занятия

Ягодный промысел

Одним из главных промыслов, после рыболовства и охоты, стоит ягодный, который в связи с падением первых двух промыслов в годы урожая в некоторых с/с имеет первостепенное значение и служит весьма существенной поддержкой хозяйства. Ягодный сбор также за последние годы стал постепенно ухудшаться ввиду отсутствия ухода за ягодными борами, которые нуждаются в периодическом выжигании, а это запрещается.

Ягоды собираются преимущественно брусники, довольно высокого качества, имеющая широкий сбыт, клюква собирается очень мало, и последняя в продажу не идет. Урожай ягод бывает не ежегодно и не по всему району одинаково; в борах селений в пределах Красноярского, Болчаровского, Нахрачинского и Карымского с/советов за последние два года брусника родилась по среднему, причем урожай 1926 года был менее предыдущего 1925 г. приблизительно на 1/3, собиралось брусники на двор от 10 до 80 пуд., но преобладает сбор по 25–30 пуд. на двор. Подсчета общего сбора брусники не произведено, и таковой выявится по разработке переписного материала. В Шаимском с/с брусники собиралось мало: от 5–10 пуд. на двор, редко более, а в пределах Сатыжинского и Леушинского с/с и этого не собиралось, так как ягода в борах этих селений не родилась. Через местные заготовительные организации брусники заготовлено, согласно данным переписи заготовительных организаций:

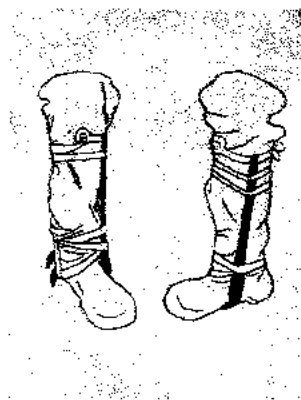
Наименование организации	В 1925/26 г.		В 1926/27 г. по I/III	
	Пуд.	Сумма	Пуд.	Сумма
Потребобщества:				
Нахрачинское	1 160	4 084 [руб.] - 51 [коп.]	560	2 153-02
Лсушинское	115	448-80	13	20-17
Болчаровское	765	2 524-50	904	3 044-82
Шаимское	65	266-39	80	355-10
Болчаровское охот. пром. т-во	96	331-53	1727	8 698-44
Уралгосторг	9	19-80	77	263-06
[Агентство] [«]Сырье[»]	–	–	10	40-00
Итого	2 210	7 675-53	3 371	14 574-61

(С. 24) Средняя заготовительная цена была в 1925/26 г. – 3-47 и в зиму 1926/27 г. – 4-32 [за] пуд.

Хотя количество ягод, купленных через заготовительные организации в зиму 1926/27 г., и превышает предыдущий год, но общий сбор ягод в дей-

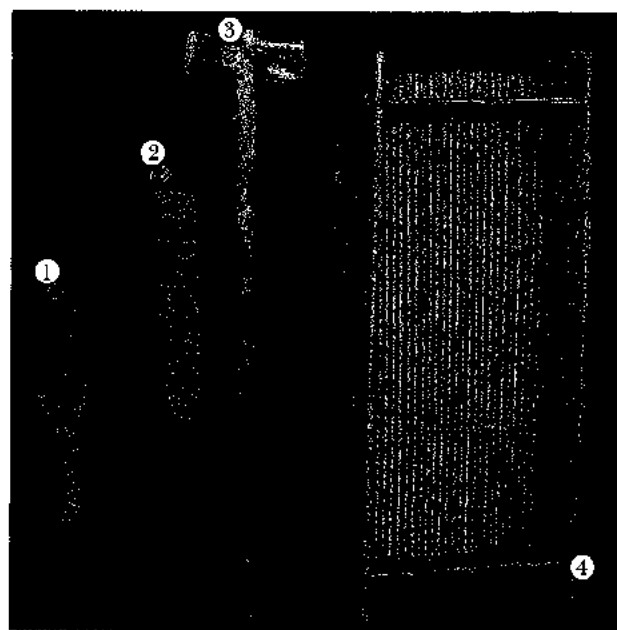
ствительности за последний год был менее предыдущего, а увеличение покупки произошло за счет уменьшения частного сбыта ягод. Причем нужно сказать, что, по отзыву кооперативов и сведущих лиц, частный сбыт ягод составляет до 50 % общего сбора, большая часть продается самими хозяевами на тобольском рынке и частью приезжающим крестьянам в обмен на привозимые продукты.

Начало сбора ягод производится в определенное время, которое устанавливается райсполкомом. Собранная ягода оставляется в лесу на месте сбора, сложенная в срубах, покрытых берестой и укрепленных для защиты от

153. Крепление к ноге когтей для лазания на кедр

154. Орудия кедрового промысла: валец (1) и доска (2) для шелушения шишки; колот (модель) – больших размеров деревянный молот (3); решето для провеивания кедрового ореха (4)

медведя. Ягоды привозятся уже по зимнему пути и затем отвеиваются от листьев и мелких засохших ягод, после чего и поступают в продажу. Сбор ягод производится во второй половине сентября и первой половине октября, а так как сельскохозяйственный год заканчивается 1 октября и при опросе хозяйств для составления похозяйственных бланков добыча и продажа их за год показывалась по 1 октября, то в результате... нередко встречались показания, что продано более того, чем добыто, это объясняется тем, что продажа была из добычи прошлого года.

Кедрово-шишечный промысел

Сбор кедровых орехов отличается большой неустойчивостью, хорошие сборы бывают редко, и из ближайших лет лето 1926 г. по сбору было хорошее, наивысший сбор на хозяйство доходил до 100 пуд., и изредка выше, а в среднем составлял 30–40 пуд., но орех родился далеко не по всему району: в Красноярском и Болчарском с/советах ниже дер. Чесноки, за отсутствием урманов, сбора совсем не было, а начиная от дер. Чесноки и до дер. Зимне-Чекаткиной Нахрачинского с/с тянется сплошной урман, с некоторыми перерывами, причем наиболее обширные урманы Чекаткинской и Катъшинский, в коих и сбор был значительно лучше. В Карымском с/с собирали орех лишь в небольшом урмане около дер. Ягла, и то немногие и в небольшом

количестве. Затем малое количество (по 4–5 пуд. на двор) собирали около Сатыги, Евры и ближайших селений Сатыжинского с/с; в Шаимском с/с сбора не было, а также и в Леушинском с/с, исключая селения (С. 25), прилегающие к Катъшинскому урману, которые немного собирали.

О времени сбора кедровых шишек объявляется через сельсоветы, и тогда все желающие отправляются в урманы «шишковать». Хотя урманы и распределяются по прежним вотчинам, но собирать шишки можно и другим селениям, кто желает, запрещений нет. Собранные шишки оставляются в урмане до установления зимнего пути. Шишки очищаются катками, терками (род точильного колеса с зарубами), провеиваются решетками, а наиболее распространенный способ очистки шишек, – просто руками и провеивается на ветру.

По данным переписи заготовительных организаций, заготовка кедрового ореха выразилась в следующем:

	В 1925/26 г.		В зиму 1926/27 г.	
	Пуд.	На сумму	Пуд.	На сумму
Нахрачинское п. о.	210	696[руб.]·00[коп.]	355	952·40
Леушинское п. о.	116	339·29	–	–
Болчаровское п. о.	25	113·37	131	411·96
Шаимское п. о.	–	–	8	26·91
Болчаровское охот. пром. т-во	111	445·63	839	2 694·55
Фактории Уралгосторга	–	–	4	12·75
Агентство «Сырь»	–	–	40	160·00
Итого	462	1 594·29	1377	4 258·57

Средняя покупная цена была в 1925/26 году 3·45 и в 1926/27 году 3·10 за пуд.

Хозяйства, имеющие лошадей, предпочитают возить орех в гор. Тобольск, где цены бывают дороже, но многие сдают и на месте.

Общее количество сбора ореха до разработки переписного материала не выявлено, следовательно, нельзя точно сказать и о том, сколько продано ореха на сторону, но, по отзыву сведущих лиц, частная продажа колеблется до 30–50 % общего сбора.

Кустарно-ремесленные занятия

Кустарями и ремесленниками Кондинский район очень беден, из промышленных предприятий по району зарегистрировано: ветряных мельниц – 2, из них одна не работает, конных мельниц – 3, с очень небольшой производительностью и большею частью для размола своего зерна. (С. 26) Кузниц – 2 и слесарных мастерских – 2, пимокатов – 1. Затем идут выделка лодок, изготовление морд, дровней, но последних очень мало, витье веревок, вязание сетей, но все это делается в небольшом размере, а преобладает изготовление нужных предметов самими хозяевами без купли. Всего зарегистрировано ремесленников, без мастерских, с очень малой производительностью, по сельсоветам:

Нахрачинский	4
Болчаровский	25
Красноярский	4
Карымский	5
Леушинский	20
Сатыжинский	9
Шаимский	10

Кроме того, имеются плотники, преимущественно из переселившихся русских, немного столяров, бондарей, сапожников и портных. Причем, кстати, приходится отметить, что население охотнее принимает в свои общества разных ремесленников, в которых всегда нужда. Приезжих сезонных ремесленников не бывает.

Изготавливаемые изделия кустари сбывают на месте, без вывоза на сторону.

Возникновения новых видов ремесленных занятий нет.

Несмотря на обилие в районе хорошего строевого и подслочного лесно-

155. Плетение сити.
Фотография В. М. Новицкого.
Начало XX в. ТГИАМЗ

го материала, эксплуатации леса не бывает ввиду дальности расстояния до места сбыта.

Раздел XII. Торговля и товарообмен

В районе в 1925/26 году были следующие торгово-заготовительные организации: фактории Уралгосторга в селениях Нахрачи, Болчары, Леушах и Шаиме, агентство «Расо» в с. Нахрачах, об[ще]ства потребителей в с. Нахрачах, Болчарах, Леушах и Шаиме; отделения потреббществ: Нахрачинского – в Карыме, Болчаровского – в Кельсиной, Леушинского – в д. Варпаул, Шаимского – в Ученье. Из этих организаций агентство «Расо» ликвидировалось, а вновь открыто в с. Нахрачах торговое отделение Акционерного об[ще]ства «Сырье».

Вновь организовано в марте 1926 года Болчаровское кооперативное охотничье-промысловое т[оварище]ство, которое благодаря хорошему подбору работников, правильной постановке дела, не имея своего собственного капитала и пользуясь умело только кредитом, сразу встало крепко и широко развернуло работу, ведя наибольшее число кооперативных заготовок, вновь открыло свои отделения в с. Нахра(С. 27)чах и дер. Согом, предполагая расширить сеть своих отделений и в других с/советах. Под влиянием охотко-

операции Болчаровская фактория Уралгосторга с 1 января 1927 года ликвидирована с передачей товаров и должников охоткооперации. К сожалению, нельзя этого сказать про потребкооперацию, которая в большинстве слаба, задыхается в кредитах, что имела – раздала населению в долг, кредиты возвращаются населением слабо, а свою задолженность платить надо, в результате – недостаток товаров, слабость заготовок. Особенно плохое состояние Леушинского потреббщества, которое закончило 1925/26 год с дефицитом в 3206 руб. 58 коп., прикрыло свое отделение и само стоит перед ликвидацией, вопрос об этом уже возбужден. Главная причина плохого состояния этого потреббщества – нсудачный подбор работников, растраты и полное разбазаривание средств: давали в кредит всем, кто попросит, членам и не членам; отмечены случаи открытия по нссколько счетов на одну семью (на отдельных членов семьи).

Частных торговцев в районе нет.

Кроме перечисленных выше организаций в июне 1926 года в с. Леушах комитетом Севера при Окрисполкоме открыт государственный хлебозапасный магазин, в задачи коего входит регулирование торговли и снабжение в первую очередь беднейшего населения хлебопродуктами и товарами первой необходимости по себестоимости в целях освобождения населения от торгового капитала, с предоставлением беспроцентного долгосрочного кредита. Цель открытия государственного хлебозапасного магазина очень хорошая, и подобные мероприятия нужно лишь приветствовать, но, к сожалению, с заброской в магазин хлебопродуктов вышло неблагоприятно. Заброшено муки 10 500 пуд. и соли 500 пуд., а помещение было приготовлено только на 6 000 пуд., по прибытии груза таковой был сложен на берег под открытым небом, пошел дождь, и мука лежала под дождем неприкрытая 2 дня, почему сразу слилась в комья, и приходилось сначала мешки с мукой расколачивать, а потом уже отпускать населению, иначе никто не брал. По отзыву завед. магазином, муки испортилось и негодно к употреблению в пищу 1 310 пуд., а по частным источникам порча муки достигает до 3 000 пуд. Получено распоряжение о передаче 6 000 пуд. муки Уралгосторгу для реализации, часть передана последнему, а от последнего Уралгосторг отказался по непригодности муки для (С. 28) продажи в пищу.

Базаров, ярмарок и торжков в районе также нет, и население ездит для продажи своей продукции в города Тобольск, Туринск, Ирбит, Верхотурье, Надеждинск и др. заводы, где покупает нужные для себя хлебопродукты и товары первой необходимости. Население высказывает желание об открытии зимнего торжка в Леушинском с/совете, и надо полагать, что торжок мог бы развиваться.

Скупка по домам пушнины, или, вернее, сбор ее в погашение задолженности, широко практикуется Уралгосторгом через сезонных разъездных агентов, а кооперацией – через членов правления, и этот объезд охотников для сбора добычи считают необходимым, иначе пушнина может уйти на сторону или другой организации, так как нельзя похвастаться, что население охотно платит долги, ... [оно] нередко старается увильнуть от платежа, если представится возможность.

Частными лицами, как уже пояснено в предыдущих разделах, скупается лишь рыба и ягода приезжающими крестьянами, как для своего потребления, так и для перепродажи.

Вся торговля производится только на денежный расчет, если и встречается обмен рыбы и ягод на хлеб, то делается оценка того и другого по существующим ценам, и соответственно этому производится обмен.

По отзыву почти всех селений, цены на фабричные товары за последние два года понизились, а на пушнину и рыбу повысились, но вместе с тем повысились цены и на приобретаемые хлебопродукты.

В районе работают лишь фактории Уралгосторга, которые при слабости местной кооперации и обслуживают потребности населения, хотя тоже не в полной потребности. Сбыт на факториях увеличивается. Причем приходится отметить, что существование в Нахрачах торгового отделения «Сырье» совершенно излишне и не вызывается необходимостью ввиду достаточного наличия существующих организаций.

Нельзя умолчать, что, несмотря на достаточное число в районе торговых организаций, снабжение населения многими товарами первой необходимости идет далеко недостаточно, не хватает орудий ловли (мережи и сетной нитки), огнеприпасов, керосина, мануфактуры и прочего. В Леушах не было мануфактуры с февраля 1926 года до январь 1927 г., почти год, также недостаточно было ее и в Шаиме. Относительно заброски хлебопродуктов согласованности с потребностью населения также нет, в прошедшие года был недостаток хлеба, а в лето 1926 года доставили столько, что свободно хватит еще на год, и в агентстве Уралгосторга определенно заявили, что будут просить, чтобы хлеба нынешний год не посылали, так как хватит старого. Торговое отделение «Сырье» почти всю заброску хлеба имеет непроданную. Несмотря на большое количество заброски хлеба, цены на него стоят все-таки высокие, теперь продают по 2 р. 50 к. пуд ржаной муки, а летом продавали по 3 руб. Особенно плохо дело обстоит с заброской соли, коей не хватает ежегодно; главной причиной недостаточной заброски соли, пожалуй, можно считать установление на нее лимитных цен, продажная цена соли установлена по 1 р. за пуд, тогда как себестоимость соли с доставкой на место составляет до 1.60 [за] пуд. и продажа ее явно убыточна, почему торговые организации и не стараются о полном снабжении населения солью, что, безусловно, отражается на рыбном промысле.

Раздел XIII. Кооперация

Как изложено в предыдущем разделе, в районе имеются 4 общества потребителей: Нахрачинское, Болчаровское, Леушинское и Шаимское с отделениями их в Карыме, Кельсиной, Варпаул и Ученье. Состоят членами кооперации, по предварительному подсчету данных переписи, 789 чел., по отдельным сельсоветам кооперированное население распределяется так:

Сельсовет	Общее число хозяйств	Членов кооперации
Нахрачинский	288	155
Болчаровский	171	155
Красноярский	177	108
Карымский	108	61
Леушинский	270	114
Сатыжинский	177	85
Шаимский	168	111
Итого	1 359	789

Из изложенного перечня видно, что кооперированное население составляет 58 % общего числа домохозяйств, а если исключить не имеющих хозяйств, так как в большинстве членами кооперации состоят домохозяева, имеющие хозяйства, коих в районе 1070, то процент кооперированного населения повысится до 74 %. Но, несмотря на (С. 30) большое число кооперированного населения, приходится сказать, что население слабо интересуется своей кооперацией и дорожит [ею] постольку, поскольку она кредитует его, а как только не станет кредитовать, а будет взывать кредиты, то население начинает ее ругать. Благодаря финансовой слабости потребкооперации она не может в достаточной степени снабдить население товарами первой необходимости и полностью охватить заготовки добываемого населением сырья и пушнины, которые в большинстве сдаются кооперации лишь в пределах взятого кредита, а что сверх того, то обычно сдается на сторону вследствие более выгодных условий продажи и курса необходимых для населения товаров.

Сдача продукции промыслов производится по твердому счету и на комисионных началах, но преобладает первый способ.

В большинстве товарами потребкооперации снабжаются через объединяющий их окружной Союз кооперативов (Северосоюз), но покупают также и в других организациях, не исключая и частных, причем наибольший процент (16 %) частной заготовки товаров... в Шаимском потребкооперативе, как более удаленном от окружного центра и имеющем тяготение к Тагильскому округу. Из других видов кооперации в районе имеется организованное в 1926 году Болчаровское охотничье-промысловое т[оварище]ство, являющееся наиболее сильной кооперативной организацией в районе, и население, в пределах обслуживаемой им территории, сочувственнее относится к охоткооперации, чем к потребкооперации, по причине наибольшего удовлетворения таковой потребности населения.

Других видов кооперативных объединений нет.

Открытого вида конкуренции между отдельными видами кооперации и госзаготовителями нет, заготовительные цены лимитные и потому для всех одинаковы, но в прошлом в 1925/26 году заведывающим Кондинским агентством Уралгосторга, по сведениям, допускалась покупка соболя и белки выше лимитных цен в целях увеличения заготовок; затем своего рода скрытой конкуренцией является усиленное кредитование охотников под письменные обязательства, причем согласованности с кредитами других организаций не было, и потому зачастую одни и те же хозяйства должны разным организациям, и должники старались уладить долг добыгой пушниной, в первую очередь той организации, которая последней отпустила кредит, и вот каждая организация и старается получить погашение своего долга.

(С. 31) Раздел XIV. Кредит

Вся хозяйственная жизнь населения района основана на кредите, какой в силу местных северных условий необходим для каждого хозяйства; даже и сильные хозяйства очень редко обходятся без кредита. Пользуется население преимущественно товарным кредитом, очень в редких случаях – денежным, и то в небольшом размере; большею частью кредит носит характер забора под будущие промыслы. Забирают охотприпасы, орудия лова, кожаные товары, продукты питания и другие товары первой необходимости у мест-

ных заготовительных организаций: Уралгосторга, потребкооперации и охоткооперации. Размер кредита далеко не одинаков, от 20 до 100 руб., смотря по мощности хозяйств и аккуратности платежей в прошлом, сильным хозяйствам отпускается и выше. Срок кредитования от 3 до 6 мес., преимущественно кредитуют под сезонные промыслы. Условия кредитования: Уралгосторг отпускает кредит без начисления процентов, но при условии погашения долга пушниной, а при неуплате долга пушниной в обусловленный срок Уралгосторгу предоставляется право, по условию, взыскания 25 % неустойки, хотя к этому способу взыскания прибегают очень редко, и то только к злостным неплательщикам. Все потребобщества в 1925–26 году за отпускаемый кредит начисляли 2 % месячных, или 24 % годовых, независимо от суммы и срока кредитования, а после проведения годовых общих собраний членов-пайщиков на 1927 год процент снижен до 12 % годовых, а в Шаимском потребобществе принято кредитование, при условии погашения сырьем, и совсем без процентов. Охоткооперация также практикует кредитование без начисления процентов и этим привлекает к себе охотников и рыбаков.

Кредитование у частных лиц и соседей широкого применения не имеет и носит характер взаимной услуги и процент не берется, по крайней мере, не удалось установить об этом ни одного случая.

Отпуск долгов оформляется письменными обязательствами и векселями, и лишь небольшой лавочный кредит отпускается на простую запись. <...>

(С. 33) Как уже отмечено в предыдущем разделе, в прошлом году применялось широкое кредитование охотников, это служило как бы некоторого рода конкуренцией между заготовителями с целью привлечь к себе лишнего сдатчика, но нельзя этого сказать про заготовительный сезон 1926–27 года: теперь стала проводиться более жесткая линия взыскания кредитов, были случаи (в Карымском с/с), что кооперация, отбирая добычу в уплату долга, вновь не кредитовала, чем ставила некоторые хозяйства в очень тяжелые условия.

(С. 34) Кредитование производится на семью, а если иногда и отпускается членам семьи, то все равно под ответственностью главы семьи, только в одном Леулинском потребобществе, как было пояснено в предыдущем разделе, практиковалось бездокументное кредитование отдельных членов семьи.

Кредитных учреждений в районе нет, но, по общему отзыву населения, нужда в них есть. Желательно открытие кредитного учреждения для денежного кредитования охотничье-промыслового населения на приобретение орудий лова, охотприпасов, кожи, продуктов питания, а в земледельческом районе – на приобретение обрабатывающих сельскохозяйственных орудий и инвентаря. При денежной системе кредитования можно бы достигнуть раскрепощения охотников от заготовителей путем предоставления населению права свободного выбора мест сдачи добытой продукции, что было бы выгодней для населения.

Удельный вес годовых покупок на хозяйство различен, от 200 до 400 руб. на хозяйство и выше, из коих в среднем до 50 % приобретается в кредит, а остальное – под наличную сдачу продукции добычи или на деньги.

Раздел XV. Условия снабжения и питания населения

У весьма незначительного числа населения в земледельческом районе хватает своего хлеба на 2–3 месяца, у редких хозяев на 5–6 мес., громадное большинство населения питается покупным хлебом.

Хлебные продукты питания приобретаются в местных торгово-заготовительных организациях: потребкооперации, охоткооперации, Уралгосторге и государственном хлебозапасном магазине и непосредственно самим населением в городах Тобольске, Туринске, Ирбите, Верхотурье и др.; хозяйства, имеющие лошадей, в значительной части покупают сами, вследствие более выгодных условий покупки. Довольно значительное количество хлеба привозится и крестьянами-скупщиками в обмен на рыбу и ягоды. Общее количество хлебопродуктов, приобретенных на стороне, возможно установить лишь путем сопоставления данных разработки похозяйственных бланков о покупке хлебопродуктов с данными продажи таковых торгово-заготовительными организациями по переписи последних. Разграничить покупку отдельных предметов каждой организации по бланку опроса хозяйств не представилось возможным за неимением свободного места в соответствующих разделах (С. 35) бланка, и потому сведения давались общей цифрой по отдельному предмету.

Мясных продуктов население не покупает, а употребляет в пищу мясо добытой птицы, лося и оленя и, частью, убоя своего скота.

Продовольственных кризисов за отсутствием [недостатка?] подвоза за 1926 г. не было, а даже, как выше отмечено, был излишек предложения хлеба, а в 1924–25 годах был недостаток в продаже хлеба за отсутствием подвоза, а также случался недостаток и в прежние годы. Недостаток соли бывает ежегодно.

Наиболее трудное время для приобретения продовольствия является летом и в распутицу – для селений, удаленных от торговых пунктов, а таковых в районе много. Каждый хозяин старается запастись хлеба по зимнему пути, но это не всем доступно, так как находится в прямой зависимости от степени добычи и старого кредита, особенно в последние годы упадка пушного и рыбного промысла.

Раздел XVI. Покупные и продажные цены

Покупные и продажные цены по каждому сельсовету показаны отдельно в поселенных бланках, на пушнину цены были лимитные и потому по всему району одинаковые, а на рыбу, ягоды и орех – различные, в зависимости от стоимости провоза; на хлебопродукты цены также колебались: в первой половине 1925–26 гг. на ржаную муку цена была от 1 р. 80 к. за пуд, летом продавали по 3 руб., а осенью цена по всему району определена твердая – по 2 [руб.] 50 [коп.] пуд.

Наценка на себестоимость товаров по району доходит до 30 %, а если принять во внимание большие транспортные расходы, то цены на продаваемые товары получаются довольно высокие.

Наиболее в худших условиях по снабжению товарами находится население отдаленных селений и, особенно, Карымского с/с, по своей оторванности от торгово-заготовительных пунктов. В районе Карымского с/с находится только одно отделение Нахрачинского потребобщества, которое и в центролавке не располагает достаточным подбором товаров, а часто можно встретить пустые полки, и если получится часть товаров, особенно ходовых, то сразу расходуется по центролавке и в отделения не попадает, и потому население в большинстве товаров имеет острую нужду. Насколько сильно бывает товарная нужда, подтверждает следующий показательный факт:

осенью 1926 г. долго не (С. 36) было керосина, прислали часть товаров, в том числе немного стеариновых свеч, в счете была некоторая неясность, проставлено было 80 коп., а за фунт или свечу – не пояснено, и приказчик стал продавать по 80 коп. за свечу, моментально свечи разобрали, потом выяснилось, что эта цена была за фунт, и переплату возвращали обратно. Потом население жаловалось, что при провозе муки через попутные селения, при сопровождении груза приказчиком, просили отпустить хлеб за наличный расчет, и приказчик отказал, сказав: «Приезжайте в лавку», – а лошадей у многих нет.

В отдаленных селениях Карымского и др. сельсоветах население сильно опасается, что власть запретит провоз хлеба частными приезжающими крестьянами в обмен на рыбу, и крайне не желает этого, говоря, что при запрещении они будут иметь еще большую нужду.

Если сопоставить покупные и продажные цены районного центра с ценами Карымского с/с, то соотношение получается приблизительно такое: если в Нахрачах за пуд рыбы можно получить один пуд муки, то в Карыме за пуд рыбы – только полпуда муки, так как к стоимости муки прибавляется провозная плата от Нахрачей до Карыма, а за покупаемую рыбу эта же провозная плата уменьшается, и потому разница в ценах получается довольно большая.

Население возбудило вопрос об открытии в Карыме туземной кооперации, что действительно очень необходимо, но при условии широкого субсидирования таковой, иначе она при отсутствии средств все равно никакой помощи населению не принесет.

Раздел XVII. Наемный труд и цены на рабочие руки

Широкого применения наемного труда в районе нет, нанимают преимущественно на временные сезонные работы: сенокос, уборку, дроворуб, менее всего на рыболовство; на последнем преобладает работа «исполу», при каком-то способе хозяин рыболовного пая приглашает к себе на время артельной неводьбы рабочего и за работу отдает ему половину или третью часть улова рыбы, в зависимости от богатства рыбоугодий, рабочий пользуется харчами хозяина, но при своей одежде, и, в некоторых селениях, выполняет и другие работы по хозяйству за это время, а в других местах только исключительно по рыболовству. На длительные сроки нанимают большую часть женщин для работ по скотоводству и домашнему хозяйству. Цены различные, (С. 37) но в среднем на летних работах мужчине [платят] 1 руб., а женщине 80 коп. в день, ежемесячно мужчине до 15 руб., а женщине до 12 руб. в мес. Зимние цены мужчине – 6–8 руб., женщине – 3–5 руб. в мес.

Рабочие нанимаются большей частью [так]: мужчины – приезжие из соседних районов, а женщины – местные, причем разницы в ценах приезжим русским и местным туземцам заметной нет.

Приходится отметить, что весьма значительное число рабочих, если не большинство, не охватывается трудовыми договорами, и потому защиты от эксплуатации батрачества нанимателями нет.

Раздел XVIII. Налоги и повинности

Раздел о налогах и повинностях является наиболее слабо заполненным, причины этому: согласно инструкции и переписному материалу, сведения собираются о налогах и повинностях, уплаченных населением в 1925–26 бюд-

жетном году, между тем все население Кондинского района, как туземное, так и русское, по случаю стихийного бедствия (наводнения) в 1925–26 году было освобождено от уплаты всяких налогов, кроме транспортного сбора с рабочих лошадей русского населения и подоходного налогов, каковые сведения и даны по каждому селению, где таковые платились, о всех же остальных налогах и сборах сведения по этой причине остались не заполненными. С рыбного промысла особых налогов нет, а платится населением довольно значительная сумма аренды за рыбоугодия, каковой расход и показан по разд. 8 «Рыболовство», пар. 5.

156. Неводьба на лаиде
у с. Болгаровского

До 1924 года все население, как туземное, так и русское, платило «ясак», а в 1925–27 году, на основании положения о едином сельхозналоге на 1926–27 г., туземное население Кондинского района от уплаты сельхозналога полностью освобождено, независимо от степени зажиточности того или иного хозяйства, а все русское население привлечено к платежу, не освобождая хозяйств и вновь переселившихся и еще только устраивающихся. Этим русское население очень недовольно и говорит: «Ранее мы за все платили остякам, а они жили за наш счет, и теперь мы платим налог, а они опять живут без налогов». Причем налог с некоторых хозяйств довольно значителен, один русский крестьянин Бронников Петр, переселившийся в дер. Токлован Леушинского с/с, особенно считает себя обиженным чрезмерным обложением, а именно: при выявленной доходности этого (С. 38) хозяйства за 3,75 дес. сенокоса – 86 р. 26 к., 4 рабоч[их] лошади – 72 р., одну корову – 16 р., рыболовство – 250 р., а всего 424 руб., при одном едоке, на него наложено сельхозналога 94 руб., т. е. почти ¼ часть его заработка, есть обложения еще больше этого.

В селениях, где преобладающее население русское, идет тунеядство туземного населения на почве освобождения последнего от налога.

Из числа более зажиточной части туземного населения приходилось слышать, правда, единичные, отзывы, что они и сами не откажутся платить на-

лог, сколько на них пришлось бы при общей разверстке; что касается большинства туземного населения, то, безусловно, оно довольно освобождением от уплаты налога и желает, чтобы и впредь его освобождали. Определить степень влияния предоставленных льгот по освобождению от государственных и местных налогов на хозяйство туземного населения, за краткостью времени освобождения, с одной стороны, и при неблагоприятности пушного и рыбного промыслов в последние годы – с другой стороны, не представлялось возможным, но ввиду распространения среди туземного и русского населения самогона [как] привозного, так и местного изготовления, заставляет опасаться, что освобожденная сумма налога идет не по назначению и не на улучшение туземных хозяйств.

Раздел XIX. Органы управления

В перечень должностных лиц внесены все платные должности: лица выбранные и по назначению, исключая бесплатные выборные должности.

Аппаратом управления, после районирования, в общем население довольно, но постольку, поскольку местная власть удовлетворяет потребности населения: удовлетворяет личные запросы – власть хвалят, ею довольны, не удовлетворяет – ругают, в частности, население недовольно запрещением охоты на соболя, запрещением свободной торговли частными лицами, так как кооперативные и государственные учреждения не удовлетворяют всех потребностей населения, а также и иными местными случаями, например: население Карымского с/с недовольно РИКом и ругает его за сдачу в аренду устья р. Юконда: благодаря неводьбе в устье реки был прегражден проход рыбы вверх по реке, и у населения получился недолов рыбы, далее недовольно недостаточной медицинской и ветеринарной помощью и прочие др. случаи.

(С. 39) Общее отношение населения к Советской власти двойное: население, понимающее смысл происшедших событий с Октябрьской революцией, понимает проводимые мероприятия, согласно с ними и поддерживает такие; и население, не понимающее смысла происшедшего, и эта часть населения, пожалуй, самая многочисленная, подчиняется проводимым мероприятиям лишь по принуждению, под давлением силы.

Деление туземного населения на родовые группы не сохранилось, и все население управляется через выбираемые им общие для многих селений сельские советы и избираемых в селениях сельских исполнителей.

Правосудие отправляется по всем делам народным судом, для чего народ суд в зимние месяцы делает периодические выезды по сельсоветам, причем приходится отметить, что случаев обращений в суд по делам личных оскорблений немного, большей частью обходятся так, без суда.

Регистрация рождений, смерти, браков производится сельсоветами, а разводов – райисполкомом.

Внутрирайонная связь поставлена очень плохо, регулярной пересылки почты нет, пересылается служебная почта из райисполкома по сельсоветам и из сельсоветов в райисполком со случайными попутными, определенных нанятых ямщиков нет, вследствие этого бывает замедление в доставке почты, а в экстренных случаях нанимаются специальные нарочные. Особенно плохо дело обстоит с пересылкой частной корреспонденции: если служебную почту через РИК попутчики и берут с собой, то от тяжелой и громозд-

кой отказываются; по отзыву заведывающего почтовым агенством РИК, пересылку частной корреспонденции: газет, журналов, писем [оно] на себя не принимает, средств же на внутрирайонную доставку почтовым ведомством не отпускается, и потому, при отказе случайных попутчиков, получается неизбежная залежь частной корреспонденции, главным образом газет и журналов. Бывшей в январе 1927 г. ревизией почтового агентства обнаружена залежь газет свыше 20 пуд., почти за весь 1926 год, большей частью в дальние сельсоветы: Шаимский, Сатыжинский и частью Леушинский, отмечено также и расходование газет, не доставленных по назначению. Кондинский район в смысле связи с внешним миром вообще оторван, нет телеграфа, радио, почта ходит раз в неделю, а в весеннюю и осеннюю распутицу сообщение совсем прерывается до 1 ½ мес. и более; (С. 40) ...если прибавить к этому еще отмеченную выше неаккуратность внутрирайонной доставки, то станет ясно, что население живет совсем замкнутой жизнью, не знает о происходящих событиях, питается разными слухами, зачастую неправдоподобными. Все это говорит за срочность урегулирования запроса о внутрирайонной почтовой связи.

Раздел XX. Благоустройство, санитарное состояние и культурно-просветительное дело

1. Противопожарная охрана

Противопожарная охрана организована в районе слабо, во всем районе имеются только две пожарные машины в Нахрачах и Болчарах, другого инвентаря нет, на случай пожара взят на учет частный инвентарь: ведра, топоры, бочки – и распределено, кому с чем нужно явиться на пожар. Вся противопожарная охрана основана на взаимной помощи населения.

2. Здравоохранение

В районе имеется 3 амбулатории для медицинской помощи: в с. Нахрачах, Болчарах и Карыме, где имеются медфельдшера, и свободная вакансия в с. Сатыге, там короткое время был фельдшер, а теперь снова нет. Больница еще не открыта, но здание для нее достраивается. Врача нет.

Медицинской помощью пользуется преимущественно население там, где находится медицинский пункт, и ближайших к нему селений, что же касается отдаленных селений, то там фельдшер бывает очень редко, не более одного раза в год, а в некоторые небольшие отдаленные селения [приезжает] и того реже, чем население очень недовольно. При заболеваниях население предоставлено самому себе, лечится своими случайными домашними средствами, самым распространенным способом лечения являются прогревание и припарки в бане.

Причина редкого объезда медперсоналом района – большая территориальная разбросанность, отсутствие кредитов на проездные расходы и отмена обязательной натуральной подводной повинности.

Особенно в плохом состоянии в смысле получения медицинской помощи находятся Шаимский и Сатыжинский сельсоветы.

(С. 41) Наиболее распространенные болезни в районе: малярия, глазные и простудные, немало больных и венерическими болезнями. За последние 10 лет эпидемические болезни были: тиф, оспа, корь, дизентерия. При эпидемических болезнях, при отсутствии медицинской помощи, бывает боль-

шая смертность, вымирали целиком небольшие селения. В Шаимском с/с в 1924 году от дизентерии умело до 60 чел., много смертных случаев было от тифа. В период переписи эпидемических заболеваний не было.

Знахарство широкого распространения не имеет, население обычно говорит, что знахарей у них нет, и добиться, что таковые есть, не удалось.

Хоронят умерших в кладбищах почти при каждом селении, кладбища большей частью расположены на возвышенности при самом селении, причем нередко сток воды с кладбища идет в речку; из коей берут воду для питья населения.

[3.] Народное образование

В районе имеется: одна школа-семилетка в с. Нахрачах, одна школа-интернат в Карыме (предположена также к расширению, и строится для нее солидное здание) и 9 шк. 1-й ступени⁴, из них 2 открыты первый год. В школах обучаются дети также преимущественно того селения, где находится школа, и лишь немного из ближайших селений; причиной этого служит, по отзыву населения, неимение средств на одежду и содержание школьников из дальних селений. В дер. Летняя Пушта в 1926 г. вновь открыта школа, рассчитанная на детей из селений Летней и Зимней Пуштинны и Шумиловой, но детей отдали учиться только 7 чел. из местного селения, из других же селений совсем не привезли по изложенной выше причине, и по распоряжению РИКа эта школа была прикрыта в январе мес. с переводом учащего[ся] в другую школу; немногочисленны школьниками и другие школы, не смотря на то, что детей школьного возраста достаточно.

Необходимым условием привлечения детей в школу, при бедности и отсталости туземного населения, является оборудование школ по типу интернатов. Приходится еще отметить неусидчивость школьных работников в одной школе: редко школьный работник учит 2 года, а все больше 1 год, а затем или переводится в другую школу, или совсем не возвращается в район; затем прибывают учащие[ся] большей частью по установлению зимнего пути, и учение начинается поздно, не ранее (С. 42) декабря, что, безусловно, отражается на школьной работе.

Из культурно-просветительных учреждений еще имеется 1 народный дом в с. Нахрачах, 1 районная библиотека, 4 избы-читальни: в Нахрачах, Болчарах, Леушах и Шаиме, в остальных сельсоветских центрах имеются лишь красные уголки.

Выписка газет и журналов производится большей частью служащими и учреждениями, местным же населением, особенно туземным, очень мало, причина этому помимо общей культурной отсталости населения является неаккуратная доставка газет населению (о почтовой связи подробно отмечено в разделе 19). Неаккуратная доставка газет сорвала газетную кампанию в Шаимском с/с: там в 1926 г. было завербовано 60 подписчиков, газеты получили по несколько номеров за весь год, а остальные где-то застряли, надо полагать, в Нахрачах, и в результате на 1927 год в этом с/с нет ни одного подписчика из населения. Не лучше дело обстоит и в других дальних сельсоветах. На доставку газет необходимо обратить серьезное внимание и урегулировать этот вопрос.

Местные фактории и кооперативные организации никакой культурно-просветительной работы не ведут.

Раздел XXI. Быт и нравы

Религиозность

Религиозные верования туземного населения представляют из себя смесь христианства с шаманизмом. Ранее население было целиком языческое, но через миссионеров и священников основательно внедрялось христианство, и в дореволюционное время все население было православным и исполняло христианские обряды, но пришла революция, и от христианства остался один трафарет верования; если селение и празднует христианские праздники, крестится и так далее, то все это, скорее всего, делается бессознательно, в силу традиций. Наряду с христианскими обрядами население, пожалуй, в большей степени исполняет языческие обряды, посвященные шайтанам.

В общей массе население к делам религии относится безразлично, церковные богослужения посещает мало, лучшим доказательством этому служит то, что из 5 приходов в районе 3 уже закрыты: Нахрачинский, Сатыжинский и Шаимский, причем церковь в Нахрачах превращена в народный дом, сняты с нее кресты и колокола, а Сатыжинская (С. 43) и Шаимская хотя и числятся за группой верующих, но священников при них нет, и богослужений не совершается; в двух остальных приходах, в Болчаровском и Леушинском, хотя и есть священники, но церкви в большинстве пустуют, посещаются очень немногими, преимущественно стариками, и эти приходы стоят также накануне закрытия.

Население празднует все двенадцатые церковные праздники и воскресенье, хотя все празднование выражается лишь в отдыхе и некотором улучшении пищи. В отдельных селениях бывают особые съезжие праздники: в Троицу, Петров день, Крещение, Покров и другие празднование продолжается по несколько дней, в зависимости от наличия заготовки самогона, домашнего пива, браги и др. угощений. В верховьях р. Конды в с. Шаиме и других, затем частично в селениях по Туману (Варпауль, Леуши), далее вниз по Конде в дер. Есаул до недавнего времени существовала, а частью и теперь есть, встреча гостей в летние праздники с выстрелами. Обыкновенно гости соседнего селения группируются и плывут на лодках одновременно, при приближении флотилии лодок пачинается с берега встречная стрельба холостыми выстрелами, прибывающие гости отвечают тем же. В Шаиме практиковалось еще и так: все прибывшие гости, независимо от того, свои ли, родные, или чужие, шли по домам по порядку, и эта круговая продолжалась до истощения запасов. Этот обычай теперь стал отпадать и соблюдается уже мало, и прибывающие гости гостят только у своих родных или знакомых.

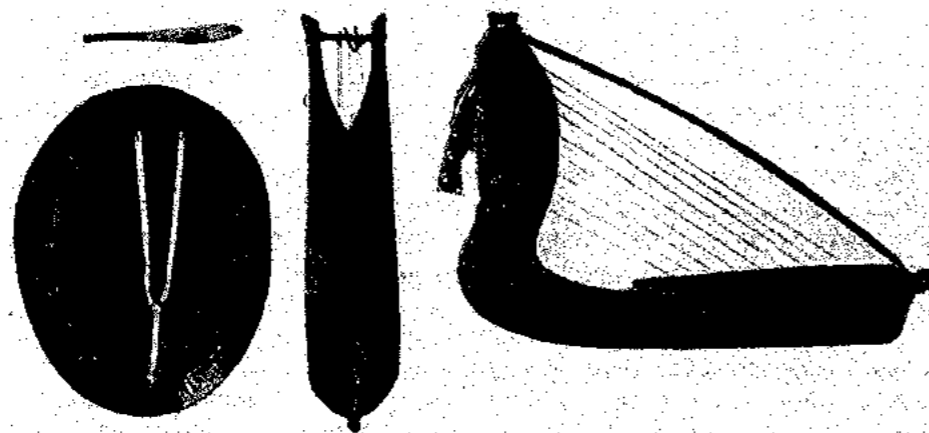
Наиболее чтимым и широко празднуемым считается день Покрова (14 октября по новому стилю), имеющий тесную связь с началом охотничьего и рыболовного промыслов, причем этот праздник по тому, как проводится его празднование, более относится к языческому, а не к христианскому празднику, так как обряд празднования всецело посвящен шайтану. В этот день по обряду каждый мужчина старается «окровениться»: убить хотя бы самого малого зверька или птицу. В день Покрова широко распространен обычай резать скотину: овцу, телку, иногда корову, изредка даже лошадей. Мясо сначала приносится в шайтанный амбар, кровью и брагой обрызгиваются углы амбара, а потом мясо варится и поедается при соответствующем случае угощения самогомом, брагой и прочим. Языческие обычаи: поклонение шайта-

157. Остях, играющий в юрте на перес-юхе (домре). Фотография около 1930 г.

⁴ Т. е. начальных школ.

ну и жертвоприношение – еще сохранились как у остяков в селениях Красный Яр, Согом, Нюркои, Кельсина, Шумилова и других более глухих и отдаленных селениях, так и у вогулов по Карымскому с/с и в верховьях р. Конды: Шаимского с/с дер. Супра и другие, где шаманизм держится крепко. Жители говорят: «Одному богу нам молиться никак нельзя, один бог помогает в промысле, а в других делах не поможет, а вот когда тому и другому будешь кланяться, тогда и хорошо будет». Старики, жалуясь на плохие промыслы, говорят, что это от того, что не стали кланяться богу, шайтану, и вот из-за одного-двух человек неверующих в дер[евне] страдает весь народ.

158. Традиционные
музыкальные инструменты
остяков и вогулов

Население, находящееся в сельсоветских центрах или поблизости таких, видя культурно-просветительную работу, хотя и слабо, но поддается культурному развитию, и среди его можно более встретить людей без религиозных предрассудков, тогда как в отдаленных селениях население сплошь подвержено религии и, более того, шаманизму, считая себя верующими. Всего года три тому назад в Шаимском с/с в некоторых деревнях не давали есть хлеба, если человек не крестился, а теперь уже на это не обращают внимания, и сами уж не все стали креститься.

По верованиям остяков и вогулов, шайтан есть бог всемогущий, добрый и злой, и для того, чтобы расположить его к себе, обязательно нужны ему жертвоприношения. Поклонения шайтану, а вместе с ним и жертвоприношения, производятся по каждому случаю: при начале промысла, после удачного промысла, при болезни человека. Для жертвоприношений имеется шайтанный амбар, обыкновенно маленький, построенный на ножках, изображения шайтана может и не быть, и вообще таковых мало, и население их тщательно скрывает. К шайтанному амбару женщины боятся подходить. В дер. Турпалы Карымского с/с, по рассказам, есть амбар семи дев шайтана, этот шайтан считается более милостивым, и к нему могут подходить и женщины. При поклонениях практикуются приношения и не из животного мира,

приносят также вещи: платки, шали и прочее, а также шкуры убитых животных, все приношения оставляются в шайтанном амбаре, а по истечении некоторого времени (1–2 года) вещи берут и употребляют в пользование. Есть и теперь во многих селениях сохранившиеся священные рощи, где приносят жертвоприношения, режут животных, варят и едят их. Срубить дерево в этой роще считают грехом. Отправление естественных надобностей в священной роще считается кошунством, и если русский станет это делать, то (С. 45) остяк с ужасом убегает. По рассказам, в д. Красном Яру 2 года тому назад еще резали лошадей по обету в жертву шайтану, причем у жертвенных лошадей преобладают серый или белый цвета. Для соблюдения всех церемоний общего характера в селениях имеется свой старик, в роли как бы шамана-руководителя, но особо чтимых шаманов теперь по району нет. Лет 15 назад в с. Нахрачах был почитаемый шаман, бывший потомок вогульских князей Пакин Захар, имевший чтимого шайтана; этому Пакину приводили со всего района и даже с Оби обетных лошадей, [доставляли] пушнину и прочие приношения, все это потом им исправно пропивалось, теперь этого шамана уже в живых нет, и его шайтан продан сыном шамана.

Одному из участников переписи удалось присутствовать при пении шамана, который пел под звуки игры на бандуре, пение отличается нечленораздельностью звуков, временами шаман вздыхает, охает, причем во время его пения одна из присутствующих женщин взяла сосновую ветку, зажгла ее и три раза обвела вокруг головы поющего; на вопрос, зачем она это делает, получен ответ: «Так полагается по нашей вере».

Обычаи при охоте

При отправлении на охоту обыкновенно варят брагу, режут овцу, петуха, или курицу, туесок с брагой несут в шайтанный амбарчик для угощения шайтана, затем возьмут зажгут еловую кору, дымом окуривают и кланяются шайтану, потом пьют брагу, обрызгивают ею углы амбарчика и остатки уносят домой. Если зарезано животное, то кровью его обрызгивают стены амбарчика, мясо варят, потом приносят в амбарчик, кланяются шайтану и после едят.

Когда прибывают на место охоты, то сначала кланяются шайтану – «хозяину места», для чего у пня расстилают платок, ставят хлеб, соль, кашу и кланяются с приговором: «Батюшка-земляник, кушай и дай здоровья, пищу, счастье», – а потом едят принесенное. Пред отправлением на охоту охотник соблюдает особую чистоту половых отношений, и когда он уйдет на охоту, то в тот день не выметается сор из избы и ничего не дают никому взаймы, это же делают и при отъезде хозяина в дальнюю дорогу.

Медведь считается самым главным зверем, как бы королем зверей, и потому при добыче медведя в некоторых местах до сего времени соблюдается сложный ритуал чествования убитого зверя. (С. 46) При опросах в дер. Красный Яр там рассказали следующий порядок церемониала: когда убьют и вытащат медведя из берлоги, то ставят перед его мордой чашку с чаем и кланяются ему, бросают на него друг друга и кричат «тывь-ол», что по-русски значит «ура, медведя добыл». Потом делают небольшие короткие палочки: если убит самец, то 5, а если самка, то 4, в некоторых же местах палочек делают 7 и 6 и кладут их на медведя в знак пуговиц, а когда снимают шкуру, то разрезают и каждую палочку, как бы расстегивая пуговицы, когда снимают шубу, при разрезывании каждой палочки-пуговицы кричат «тывь-ол», то же делают,

когда разрезают уши, глаза и отрезают каждый палец. Затем голову медведя хоронят в берлоге, морду завязывают платком в знак того, что когда медведь увидит человека в другой раз, то чтобы не ревел. Мясо и сало увозят домой, вместе со шкурой. При отправке с места добычи домой делают 4 или 5 холостых выстрелов, смотря кто убит, самец или самка, и кричат «тивь-ол». При проезде бором-ягодником, глухим сором и на болоте, где ходил медведь, каждый раз кричат «тивь-ол». Не доезжая деревни, делают на дереве затес с изображением медведя, устраивают 3 небольших прутика и глядят ими шкуру медведя в знак того, чтобы он слушал, что говорят и что будут

159. Праздник медведя
у вогулов. Фотография
Л. Сурина. 1926 г.

играть, затем эти прутья зацепляют в затесь дерева и делают выше изображения медведя зарубки по числу лиц, участвовавших в деле, стреляют 4 или 5 раз. После этого едут в деревню к дому того, кто нашел берлогу, и все время стреляют холостыми выстрелами и кричат «тивь-ол». При приближении к дому шкуру медведя обряжают, делая медведя как бы живым, и протаскивают через окно в дом и ставят на ящик в передний угол под образами, все охотники приходят в дом, пляшут перед медведем, вставляют ему вместо глаз серебряные монеты. После этого впускают приходящих деревенских, не участвовавших в добыче, каждый приходящий целует в морду медведя и дает подарки: деньги или надевает кольца на когти медведя, и до вечера в первый день поливают друг друга водой. В тот же день заваривают брагу, ставят на стол перед медведем хлеб, соль, разные закуски, а также и вино. Все это охотниками в первый же день съедается. (С. 47) На второй день опять приносят и ставят на стол перед медведем разные угощения и играют на музыкальном инструменте «журавель»; и привязывают к потолку перед медведем большой колокол. Один человек обряжается медведем в вывороченную вверх шерстью шубу и под музыку пляшет, а когда дернут за нитку в колокол и закричат: «Хорус-соу», то обряженный медведь пугается и убегает. Один из охотников обряжается во все охотничье снаряжение, а другой, наряжен-

ный медведем, начинает охотника ловить, и когда поймает и уронит его, то в это время опять брякнет колокол и закричат «хорус-соу», то медведь снова пугается и убегает. Принесенные угощения снова присутствующи[м] и поедаются. На третий день мужчины и женщины обряжаются в свои праздничные одежды, и если есть, то в старинные, и собираются в комнате, где стоит шкура медведя, и пляшут перед ним старинные танцы, но когда брякнет колокол, то танцующие уходят в сторону, давая место для пляски другим. Тут же угощаются принесенными и на этот день разными угощениями. Играют и пляшут весь день и всю ночь до восхода солнца. При восходе солнца каждого играющего угощают и шкуру медведя уносят в амбар, где и развешивают, во время переноса шкуры стреляют холостыми выстрелами, но уже без крика. Когда шкуру повесят, то перед ней еще ставят на 3 дня хлеб, соль и угощение, на этом вся церемония оканчивается. Все угощение во время церемонии приносится всеми желающими и принимающими в церемонии участие.

Мясо медведя в большинстве в пищу не употребляется, а если представится случай, то продается или отдается собакам.

Такой же церемониал чествования соблюдается в дер. Согом, Нюркои, Шумиловой, хотя и не во всех подробностях, и оканчивается обыкновенно в один день. У вогулов в селениях Карымского с/с, в верховьях р. Конды Шаймского с/с также чествуют добычу медведя, хотя и не столь полно соблюдается церемониал чествования, а в большинстве случаев совершаются лишь отдельные действия, как-то: затеси на месте добычи зверя, стрельба при приближении к селению, обливание водой или обсыпание снегом во время переноса убитого зверя. Эти отдельные действия делают не одни туземцы, но также и русские.

При добыче лося, выдры также делают затеси на дереве с изображением фигуры лося или выдры и зарубки по числу охотников. (С. 48) При добыче оленя практиковался обычай на месте добычи оставлять кол с зарубками, верх кола расщемляют и вставляют рога оленя, где их и оставляют, так как рога оленя редко берут домой.

При добыче лося в широком употреблении существует обычай варить голову и звать для угощения односельчан, для чего также варится брага или употребляется самогон.

Из зверей наиболее страшным и почтительным, как выше сказано, считается медведь, и наиболее сильной клятвой признают божьбу через медведя; если кому не верят и он поклянется: «задери меня медведь» и поцелует медвежьей лапой, то этой клятвы признают достаточной, это равносильно клятве православных через крест и евангелие. Говорят, что человек, сказавший неправду, не может разрубить голову и когти медведя, так как охотник при снятии шкуры производит заклинание.

Охотничья собака во время охоты пользуется большим уважением и уходом со стороны охотника, она ставится как бы наравне с людьми, охотник дает ей ту же пищу, что и сам ест, и из той же посуды. Был случай (дер. Ес-сунт), когда охотник, желая особенно угостить собаку, давал ей виде лакомства конфеты, но, к сожалению, этот род лакомства собаке не понравился, и она есть не стала. Во время ночлега на охоте собакам не дают греться у огня, а привязывают подальше, для того, чтобы ей не мешал шум слушать зверя.

Обычаи при рыболовстве

В связи с рыболовством практикуется такой обычай: когда окончат горючить заповор, то пред неводьбой варят брагу, режут барана или теленка, кровь пускают в воду и бросают снятую шкуру в воду же, чтобы задобрить «водяного царя», а если только брага, то ставят ее на берегу, часть выливают в воду и кланяются, а остальное выпивают, а мясо едят.

Также варится брага, режут животных и при зимней неводьбе кровь животного впускают в воду, причем в селениях Карымского с/с существует еще и такой обычай: кровью убитого животного каждый участник ставит себе крест на лбу и мажет кровью своего божка-чурку. При артельном промысле дают взаимную клятву не врать, не ругаться, не безобразничать, и для того, чтобы это было тверже, то для наблюдения выбирается старший в роли судьи, и виновный в (С. 49) нарушении одного из принятых условий тут же старшим наказывается от 2 до 5 ударов розгами по установлению всей артели, а если провинится сам старший, то он получает положенное число ударов, но уже от каждого участника ловли; поэтому роль старшего на себя берут крайне неохотно. Перед отправлением на промысел, обычно, охотник или рыболов перешагивает через дымящую [ся] головню на пороге избы, этим он как бы очищается от плохого в прошлом.

Нужно сказать, что о верованиях и обычаях, связанных с шаманизмом, население говорит крайне неохотно, сведения удается получить лишь отрывками, и то после того, когда убедятся в бескорыстности спрашивающего и что не будет от этого вреда. Возможно, что некоторые подробности ускользнули от внимания опрашивающих. Несомненно, что осталась лишь незначительная часть старинных верований и обычаев, да и те соблюдаются лишь в более глухих туземных селениях, как у остяков, так и вогул, причем в верованиях их и обычаях существенного различия нет. В более крупных селениях, где увеличился приток русских, там и старые обычаи в большинстве не соблюдаются, а если и соблюдаются, то не полностью, а отрывками. Но и сами переселившиеся русские некоторые обряды, связанные с охотой и рыболовством, также переняли и исполняют, например: затеси при добыче зверя, стрельба при возвращении, варить лосиную голову, почти поголовно верят в порчу, наговоры и прочее. Про одного русского в с. Болчарах, живущего тут много лет, рассказывают, что он даже сам перед рыболовством шаманит, варит брагу, режет петуха и имеет шайтанный амбарчик. Рыболов этот опытный, старательный, в сравнении с другими и добывает больше, но удачу ставят в связи с его шаманизмом.

Рождения, крещения, браки, смерть

При рождениях, крещении, браке, смерти соблюдаются те же обычаи и обряды, что и у русского населения.

При отсутствии священников родившегося младенца обычно бабка погружает вместо купели в таз или кадку с теплой водой и нарекает ему имя, после чего уже идут или едут регистрировать в сельсовет. При смерти похороны совершаются так же, как и у русских, ничего особенного не делается. Ранее практиковался обычай выгонять смерть, при выносе покойника, стрельбой из ружья, звоном (С. 50) колокольца, шиповником, другими шумящими предметами, но теперь и этого не делается, или [если] делается, то в редких случаях.

При браках идет предварительный сговор, определяется необходимая невесте сумма на приданое (калым), которая и дается женихом; сумма эта весьма различна, но, в общем, не очень большая, смотря по средствам жениха. Затем регистрируются в сельсовете, а там, где есть приход, то венчаются и в церкви, так как церковный брак в большинстве считают необходимым, но венчающихся постепенно становится меньше, и население начинает довольствоваться только регистрацией в с/с, после венчания или регистрации идет обычная гулянка. В некоторых селениях, например в Болчарах, Шумилове и др., еще сохранился обычай выводить «честь» молодухи, когда

Рис. 160. Семья вогулов.
Фотография Л. Сурина.
1926 г.

она выйдет замуж невинная, то есть не знавшая мужчину, в этом случае применяется битье посуды, привязываются к дуге красные платки, бывает особый почет родителям молодой. Этот обычай имеет особое значение при значительной распущенности молодого поколения, ранней половой жизни, особенно среди девушек туземного населения.

За последние года значительно увеличилось число разводов ввиду облегчения таковых, причем эти разводы имеют место, пожалуй, более среди культурного населения, особенно служащих; в с. Нахрачах за последнее время была своего рода бракоразводная эпидемия: женились, разводились, снова сходились с той же женой, благо развод не дорого стоит и не сопряжен с лишними формальностями. Нельзя этого сказать опять-таки про отдаленные селения, откуда далеко ехать, чтобы развестись, но, в общем, случаев хотя и не оформленных разводов довольно порядочно, и на этой почве нередки и злоупотребления: бросают жен с детьми и не дают средств к существованию, а пока еще суд присудит, да многим и нет возможности ехать для подачи заявления, то и оставленной жене с детьми приходится очень туго. Если не считать разводов, то брачное право мало изменилось, женщина в большинстве по-прежнему раба мужчины. Активности женщины в общественной жизни, в общей массе, проявляют мало.

Приходится отметить еще очень ранние браки, встречались брачные пары, в коих жене было 16 лет, а в других жена старше, а мужу только 17 лет, если отказывали в регистрации, то сходились и так.

(С. 51) *Одежда и обувь*

Одежду туземное и русское население носит одинакового покрова и фасона, и в этом отношении туземцы не отстают от русской моды. Старинная туземная одежда: с вышитым бисером и другими украшениями – сохранилась разве только у немногих старух и скорее бережется на смертный случай, чем для ношения. Верхнюю одежду составляют: овчинные полушубки, гусь или малица из оленьих шкур, но преобладающее число населения носит, зимой и летом, или стегеные куртки, пиджаки, или шерстяные и холщовые шабуры⁵⁵ и сермяги⁵⁶ с легким подкладом и без него; и у более зажиточных русских и туземцев встречаются также тулупы и собачьи дохи, но последних мало.

На охоту ходят исключительно в шабурах из-за их легкости. Летняя одежда, кроме верхней меховой, ничем не отличается от зимней. Женская же одежда зимой и летом совершенно одинакова.

Обувь круглый год составляют у мужчин – бродни, у женщин – чирки⁵⁷ и теплые, вязанные из овечьей шерсти чулки, сравнительно небольшая часть населения, и притом более зажиточная, носит зимой валенки из овечьей шерсти, преимущественно покупные, так как пимокатов в районе находится 1–2 человека, а приезжие бывают очень редко, часть носит еще кисы из добытых оленьих шкур.

Белье шьется из покупной мануфактуры и покупного холста, причем холстяное белье имеет широкое распространение и более употребляется для постоянной носки на промыслах. Широко пользуется для шитья белья также холщовыми грубыми мешками из-под муки, особенно бедная часть населения, ввиду большей их доступности. Домашнего изготовления холста производится очень мало, и то из покупного льна и из гребей⁵⁸, использование крапивой на изготовление одежды отошло в область преданий, только в Карымском с/с отмечены единичные случаи изготовления холста «из остяцкого льна».

В дер. Сиглинской Болчаровского с/с ранее родилась крапива, пригодная для изготовления холста, этот участок крапивы имел районное значение для нескольких селений, его делили между деревнями, а теперь заброшили, и никто им не пользуется.

Головные уборы составляют у мужчин домашнего изготовления шапки из телячьих и оленьих шкур, летом – картузы и шляпы, у женщин – ситцевые платки, предпочтительно ярких цветов, и шали с полшалками, у многих – самодельные, вязанные из овечьей шерсти.

(С. 52) На руках зимой носят мужчины и женщины большую частью шерстяные, вязанные из овечьей шерсти рукавицы, редко можно встретить кожаные или меховые рукавицы.

Во время неводьбы женщины, так же, как и мужчины, ходят в броднях.

Питание населения

[В] питании населения преобладающим является рыба, которую употребляют в вареном виде, рыба обычно варится непотрошенная, на большой глубокой сковороде; говорят, «нужно жарить рыбы», а на самом деле приносят мерзлую рыбу и невытой кладут ее на сковороду, наливают воды и ставят на

⁵⁵ Шабура – рабочая одежда типа зипуна в виде длинной куртки прямого покрова, обычно без воротника.

⁵⁶ Сермяга – название сукна домашней выделки и одежды из него типа армяка: просторного, прямого кроя распашного кафтана.

⁵⁷ Кожаная обувь типа башмаков с мягкой подопной.

⁵⁸ Гребни – грубая часть льняного волокна, отделяющаяся от него при прочесывании через гребни разной частоты.

железную печь варить, иногда прикрывая ее другой сковородой, и когда она сварится... кушанье готово. Едят рыбу просто руками, вилок в употреблении находится очень немного. Уху хлеблют деревянными ложками. Рыбу в сыром виде – «патанку» – едят, но немного, преобладает вареная. Едят рыбу также в пирогах, в праздники – более крупных и лучших сортов, в остальное же время преимущественно едят мелкую рыбу, а крупная идет на продажу.

Следующим за рыбой питанием идет мясо убитых оленей, лосей, птиц и, менее, домашних животных; едят мясо в вареном и жареном [виде], в сыром виде не употребляют.

Хлебная пища преобладает из ржаной муки, просеиваемой на крупном сите, пшеничную муку покупают мало, а к праздникам стараются хоть немного купить крупчатка⁵⁹, у более состоятельных крупчатка идет в пищу порядочно, и не редкость видеть у них на столе белый хлеб. Широко пользуются покупными кренделями, или, как их тут называют, «калачами».

Чай употребляют преимущественно из малинового листа и лабазника⁶⁰, покупного кирпичного и байхового в употреблении нет, или если и есть, то у более состоятельной части населения, и то очень немного.

Сахар имеет более широкое употребление, но и то не во всех хозяйствах, в некоторых он является лакомством лишь только в большие праздники.

Скоромного⁶¹ масла почти не покупается, если есть корова, то пользуются своим, а если нет, то обходятся и без него. Вместо масла употребляется добываемый населением рыбий жир, который имеет большое распространение.

(С. 53) *Постройки*

Постройки вогулов и остяков, несмотря на обилие леса у самых селений, в общем отличаются своей непрочностью, очень часто можно встретить жилые помещения, где просвечивают щели в дверях, окнах, оконные рамы в громадном большинстве домов одинарные, вследствие этого зимой в домах стоит сильный холод, единственным спасением являются железные печки, которые составляют необходимую принадлежность каждого дома и топятся буквально круглые сутки. Помещение для скота тоже оставляет желать много лучшего, теплых крытых дворов мало, хлевы и стаи для скота плохо промшены и потому холодные, амбары в большинстве небольших размеров; много еще сохранилось построек амбаров на ножках (род свайных построек), при более позднейших постройках начинают строить стены с грунта земли.

В расположении построек полная безалаберность, изба стоит в одном месте, амбар – в другом, а скотный двор – в третьем, вперемежку идут строения других хозяев, двор или усадьба не огораживаются. Если спросишь хозяина, сколько у него усадеб, он сам затрудняется сказать. Селения расположены большей частью в лесу на каком-либо возвышении или [на] мысу около речки или протоки, разработанного места мало, и если население не занимается огородничеством, то встречались селения в 5 дворов, занимающие площадь в 50 кв. саж[еней]; из этого видно, до чего скученно расположены строения. В селениях, где занимаются огородничеством, там огороды устраиваются обычно на склоне, отдельно от строений.

Внутреннее устройство жилых домов туземцев не отличается от русских, во всех домах выстлан деревянный пол, имеются стол, лавки, скамьи, у некоторых стулья и табуреты, в углу стоит деревянная кровать, у многих кухон-

⁵⁹ Крупчатка – пшеничная мука мелкого помола.

⁶⁰ Лабазник – многолетнее травянистое растение таволга вязолистная, растущее на берегах водоемов, по заливным лугам, опушкам лесов и лесным полянам; листья и соцветия использовались в качестве суррогата чая.

⁶¹ Т. е. постного.

¹² Печи типа «голландки».

ный угол забран тесовой перегородкой. У остяков и вогул все еще преобладают так называемые «остяцкие печи» с высоким сводом, постепенно суживающимся, на такой печи уж не полежишь и погреться нельзя. Чувальных печей нет. Но остяцкие печи постепенно вытесняются русскими, которые считаются более удобными и практичными. Изредка встречаются и утермарковские круглые печи¹², но таковых мало, и только в зажиточных домах. Дома содержатся сравнительно чисто, не редкость встретить с виду в плоских домах крашенные полы и стены, не раз приходилось наблюдать наличие (С. 54) в избах плевательниц, чего не увидишь в русских домах. Иконы счи-

Рис. 161. Постройки в юртах
Ермаковских

таются необходимостью в каждой избе и имеются везде. Если дом на две половины, то обычно зимой живут в одной половине, вторая стоит холодная.

Улиц, в точном смысле, нет, постройки не огорожены, расположены как попало, и можно ездить почти вокруг каждой из них.

Постройки русского населения значительно отличаются своей прочностью, особенно вверх по р. Конде, начиная от дер. Юмас, далее по Сатыркинскому и Шаимскому сельсоветам, где есть хорошие дома, амбары, стани, крытые дворы. Нельзя отрицать, что и у русских нет плохо устроенных домов, но таковых все-таки меньше.

Нравы

Остяки и вогулы очень гостеприимны и радушны, отказу в приюте для приезжающих нет, приезжающего угощают тем, что сами имеют, главным образом вареной рыбой и чаем своего приготовления, если есть сахар, то ставят на стол и его. Платы за постой и пищу с приезжих брать не принято, и ее не просят, но охотно принимают разные подарки и взаимное угощение, а особенно спиртное, охотно берут и табак. За сено с приезжающих на своих лошадях платы также не берут, говоря, что когда они поедут, то и с них брать не будут; но имея в виду, что туземцев меньше ездит, чем русских, то

они более находятся в накладе, но зато когда они поедут, то стараются обгостить в попутных селениях всех бывавших у них и домой не торопятся, если при торопливости можно съездить в две недели, то он [и] ездят 3 или 4 недели. Жители маленьких селений, особенно на проезжих дорогах, тяготятся бесплатным угощением и жалуются, что им очень трудно. Надо полагать, что этот обычай скоро отойдет в область преданий.

Нельзя этого сказать про переселившихся в край русских, эти не постесняются и сами попросить за постой, и, пожалуй, подороже действительной стоимости, хотя приличия гостеприимства соблюдаются и ими, и в некоторых домах совершенно отказываются от платы.

Туземцы в трезвом виде вообще тихи, скромны, с приезжающими вежливы и в обращении предупредительны, но в пьяном виде совершенно меняются, тогда они становятся грубыми, заносчивы (С. 55)ми, ругаются, и если не сделаешь по-ихнему, то не прочь и подраться, между собой в пьяном виде сильно ссорятся, нередки и драки. Во время ссоры иногда пускают в ход и ружье. В дер. Шумиловой рассказывали про два случая в недавнее время стрельбы из ружей в людей: один бегал с ружьем по улице и стрелял, а другой сделал несколько выстрелов в дверь жилого дома в том направлении, где, полагал, находятся люди, но, по счастью, оба случая обошлись без жертв. Дер. Шумилова не является исключением, и свободное обращение с ружьем наблюдается и в других селениях.

Пьянство вообще имеет широкое распространение среди туземцев и русских, пьют привозной самогон, но во многих селениях научились гнать и сами. Рассказывают, что в дер. Летняя Пушта зимой [19]25–26 года с Рождества до прекращения санного пути выпито самогона 90 ведер при 19 хозяйствах; говорят, ездили пьяные по деревне на бочонках с самогоном. Хотя эта деревня не может служить показателем пьянства и в других деревнях, но во всяком случае пьянство развито сильно, что, безусловно, отражается на экономике населения.

Туземное население в общей массе довольно честно, хотя русское влияние и сказалося на них, и туземцы сами уже имеют достаточные успехи в обмеривании и обвешивании, но краж в районе нет, обычно ночью дома и амбары не запираются. Собранная ягода и орех оставляются до зимы на месте сбора, и случаев кражи не было; хотя за последнее время и стали наблюдаться единичные случаи краж в селениях, но подозрение падает на русских.

Из музыкальных инструментов у туземцев теперь в широком ходу находится гармошка, из старинных же туземных музыкальных инструментов сохранились изредка «лебедь» или «журавель», с 9 медными струнами, но [их] очень мало, и употребляются [они] редко, при национальных религиозных торжествах; употребляют также бандуру и балалайку, но последняя более употребляется молодежью.

Бандитское восстание в 1921 году коснулось и Кондинского края, население, будучи недовольно проводимой пушной разверсткой, которая проводилась неумело и неравномерно, озлобилось и примкнуло к кулакам и торговцам, за что жестоко поплатилось: много убито и не менее того обобрано карательным отрядом.

(С. 56) По району много находится старинных городищ, могил, но так как учет таковых не входил в программу переписи, новые не выяснились и сведения о них не собирались.

Линейные меры

Величина	Мера длины XVIII в.	По указу 1835 г.	Число единиц мер длины в одной версте
Верста	1 080 м	1 066,8 м	–
Сажень	2,16 м	2,1336 м	500
Аршин	0,72 м	0,7112 м	1 500
Четверть	–	17,77 см	6 000
Вершок	4,5 см	4,44 см	24 000

Меры веса

1 пуд = 40 фунтам = 16,36 кг

1 фунт = 409,512 г

Список сокращений

- ГАОПОТО – Государственный архив общественных и политических объединений Тюменской области
ГАСО – Государственной архив Свердловской области
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ЕТГМ – Ежегодник Тобольского губернского музея
МАЭ – Музей антропологии и этнографии (Санкт-Петербург)
НАЦ «АВ КОМ – Наследие» – Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного и природного наследия (Екатеринбург)
ОПИ – Отдел письменных источников
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПФРАН – Петербургский филиал архива Российской Академии наук
РАН – Российская Академия наук
СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей
ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТГУ – Томский государственный университет
ТРГАТО – Тобольский филиал государственного архива Тюменской области

Ачи – изгородь в одну-две жерди протяжением в несколько верст; в промежутках между частями загороди ставятся настороженные луки. При помощи ачей добывают лося и оленя.

Бастрык – толстая палка, которой сжимают сено при перевозке.

Бродни – кожаная обувь с длинными голенищами, подтягиваемыми при неводьбе к поясу.

Быстредь – быстрое течение реки, ручья.

Варовая пора – время лова рыбы в *совах* (июль).

Варовик – крепкая толстая веревка у невода.

Ватлан – берестяная посуда для хранения продуктов.

Весло – так называлось исключительно кормовое весло.

Вежа – шест в поле для указания пути, границ земельных участков.

Вешала – особое устройство жердей для высушивания на них невода.

Гимга – морда до 5 аршин в длину и до 2 аршин в ширину из выструганных прутьев лиственничного дерева, укрепленных на вершок друг от друга. Продольные прутья окружает спиралью, с промежутками в вершок, обруч из тальника, оплетенный тонкой лентой из кедрового корня. Лов производится при помощи заграждений, сплошных и частичных, летом и зимой.

Греби – весла на большой лодке.

Гусь – одежда из оленьей шкуры с капюшоном, шьется шерстью наружу.

Дровни – открытые сани для перевозки грузов.

Жал – строганая деревянная палочка определенного диаметра длиной от 1 метра и более.

Живун – см. *замор*.

Жилинка – строганая деревянная палочка диаметром до 1 см, длиной до 1 метра.

Забегник – длинная веревка у верхних *ушей* невода.

Замор – состояние воды зимой, от которого гибнет рыба. Начало замора наблюдается в декабре-январе, когда лед особенно крепок и толст; замор идет, распространяясь сверху вниз. Рыба отчасти гибнет от замора, отчасти спасается в Обской губе, отчасти ищет спасения в реках и речках, несущих свои воды в Обь, у так называемых живунов. Под последнимиразумеются реки и речки, вода которых набирается из ключей. На них замор не распространяется. Продолжительность и сила замора бывают неодинаковы и зависят от высоты уровня воды осенью и от суровости зимы.

Заостровка – узкая и недлинная протока, отделяющая находящийся на реке остров от ближайшего к нему берега.

Ильканка – болотина среди бора.

Ильин день – христианский праздник в честь Ильи Пророка (2 августа по новому стилю).

Карус – деревянное рубленое строение для хранения ягод в лесу.

Катанцы – валенки.

Кедровка – лодка, сколоченная из кедровых досок. Шпангоуты обязательно из кедрового корня. Грузоподъемность до 3 тонн и больше.

Кенчики – шерстяные носки.

Кияй – чистая болотистая долина.

*¹ Словарь подготовлен по материалам Х. М. Лопарева (Самарово, село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. СПб., 1896. С. 223–232), А. А. Дунина-Горкавича (Тобольский Север. Тобольск, 1910. Т. 2. Прилож. V. С. 54–57 (паг. 2-я), С. В. Панченко (Хантыйские географические термины в русских письменных источниках конца XIX – начала XX в. // Известия УрГУ. 2001. № 20. С. 200–206), О. А. Кошмановой.

Кондовый и чащевой лес – кондовое дерево имеет ствол более или менее чистый, стройный и высокий, с пучком сучьев на вершине, кору тонкую; у чащевого дерева ствол ниже, чем у кондового, и бывает чистым на незначительную высоту, кора толстая.

Кошева – выездные легкие сани.

Котец – 1) часть речки или озера, огражденная земельным рвом, для хранения живой рыбы; 2) приспособление в виде плотной изгороди для ловли рыбы.

Кривда – ставное сетное орудие в виде мешка небольших размеров. Ловят ею весной, без заграждений.

Кужня – продолговатый таз из бересты.

Кукор – небольших размеров посуда из бересты.

Куркан (кора) – садок для хранения живой рыбы.

Курья – узкий продолговатый залив, как бы нижняя часть бывшей когда-то, но занесенной в верхней своей части песком и илом протоки. Обычно заход в курью возможен только снизу, т. е. против течения.

Кучум – короб из еловой коры или из бересты.

Лангар – толстая палка на поверхности воды у перемета.

Лесной залом – нагромождение деревьев по реке, препятствующее движению лодок.

Ликбез – школа по ликвидации неграмотности для взрослых в советское время.

Лучить – ловить рыбу острогой ночью, при помощи костра, разведенного на носу лодки.

Маяки – крупные экземпляры деревьев, возвышающиеся среди молодого леса и уцелевшие от прежних пожаров.

Межень – минимальный уровень воды в реке.

Мережа – сеть из конопляной нити для неводов, ставных и плавных орудий лова.

Нахальник – крайне бесцеремонный человек.

Норка – морда животного.

Норма – временное сооружение на высоте 3–5 метров для хранения мяса диких животных в лесу.

Няша – топкая глина, преимущественно по берегам рек.

Облас, обласок – лодка, выдолбленная из цельного дерева, челнок.

Пай – доля, вносимая отдельными участниками в общее дело.

Пауль (павла) – поселение или деревня.

Перевес – сеть для лова птиц.

Перестой – лес, перешедший пору своей естественной спелости и уже отмирающий.

Петров день – христианский праздник в честь апостолов Петра и Павла (12 июля по новому стилю).

Пленки – силки для ловли водяной птицы, а также куропадок.

Плоха – просека, где ловят птицу.

Позем – сушеная рыба.

Приклад – приношение богам или духам.

Рукав – ставное орудие мелкого промысла из тех же материалов, что и гимга. Он состоит из так называемого горла (усеченной пирамиды: ее основание представляет собой квадрат со сторонами в 2 ½ аршина, верх – квадрат со сторонами в 5 вершков, высота – 2 ½ аршина) и собственно ру-

кава (длинного, узкого цилиндра диаметром в 4 вершка и высотой в 3 ½ аршина).

Режевка – двухстенная ставная сеть. Одна стенка состоит из обыкновенной сети, а другая – из редкой.

Самолов – снасть для ловли рыбы.

Скрадом – потихоньку, крадучись. Промысел скрадом, при помощи ружья, без собаки, производится зимой на лыжах, когда снег глубок; при этом охотник, одетый в олений гусь, старается незаметно подкрасться к добыче.

Слопец (пасть) – приспособление для промысла мелких зверей и лесных птиц. Состоит из бревна, которое, падая, придавливает добычу.

Согра – болото с кочками.

Сор – низменное луговое пространство, затопляемое весенним разливом вод; имеет во время разлива сообщение с рекой в виде рукава-пролива (горла); после спада весенних вод сообщение с рекой у большинства соров прекращается, так как сор постепенно высыхает; летом сором пользуются в качестве покоса.

Столбец, столб – кусок неводной *мережи*, длина которого соответствует глубине невода.

Тал, тальник – прибрежная ива, верба.

Томар – особый род стрелы с тупой головкой.

Уключина – приспособление на борту лодки для упора или удержания весла.

Урай – протока.

Урей – ручей, старица реки.

Урман – возвышенная часть тайги, покрытая смешанным лесом.

Уши – концы невода.

Чердак – ставное орудие мелкого зимнего промысла из мережи в форме мешка.

Чувал – камин-печь в юртах остяков и вогулов.

Чугас – одинокий холм среди низменности.

Чум – 1) переносное жилище кочевых инородцев, состоящее из шестов, составленных конусообразно и покрытых берестой или оленьими шкурами; 2) короткий ручей.

Яма – приспособление для ловли птицы и зверя на земле, в лесу.

Яр – берег долины, спускающийся к руслу реки обрывом. Осыпной яр – это возвышенный, песчаный, крутой берег реки, постепенно осыпавшийся. Осыпной яр лишен растительности и далеко виден по реке.

Список иллюстраций

Введение

1. Сигизмунд Герберштейн в жалованном русском платье. С гравюры XVI в. (Белобородов С. А. Столица Северного края: Очерки истории Самарова – Остяк-Вогульска – Ханты-Мансийска. М., 1996. С. 23).
2. Народы Западной Сибири в XVI в. Рисунок рубежа XVII–XVIII вв. (Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб., 1880. Л. 3, ст. 9).
3. Котлы из меди XV–XVI вв. Могильник Эсский остров в верховьях р. Конды (Зыков А., Кокшаров С. Эсский остров: из предисловия русской истории «взятия Сибири» // Родина. 2002. Спец. вып.: Междунар. Сев. археолог. конгр., г. Ханты-Мансийск. С. 38).
4. Василий III. Правюра из западноевропейской книги XVI в. (Очерки истории СССР. Период феодализма: конец XV в. – начало XVII в. М., 1955. С. 109).
5. Передвижение русских военных отрядов по Западной Сибири. Рисунок рубежа XVII–XVIII вв. (Краткая Сибирская летопись... Л. 26 об., ст. 107).
6. Отыр. Тяжеловооруженный воин вогульских княжеств XVI в. Реконструкция А. Богданова (Богданов А. «Когда лед застынет, мы придем» // Родина. 2002. Спец. вып. С. 10).
7. Сражение ермаковцев с вогулами в Прикамье. Рисунок рубежа XVII–XVIII вв. (Краткая Сибирская летопись... Л. 2, ст. 5).
8. Пападнис Кучума на окрестности Тобольска. Рисунок рубежа XVII–XVIII вв. (Там же. Л. 31 об., ст. 127).
9. Рыбная ловля на севере. Гравюра из книги Олая Магнуса, 1555 г. (Очерки истории СССР. Период феодализма: конец XV в. – начало XVII в. С. 34).
10. С. У. Ремезов. Фрагмент «Чертежа земли Пелымского города». 1699–1701 гг. (Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири: Факсимильное издание. М., 2003. С. 15 об.).
11. Охота с помощью изгородей и луков-самострелов; охота на оленей, белку, соболя и медведя. Фрагменты рисунка Н. Шахова. Первая половина XIX в. МАЭ (Славянский ход. 1991–2002 (Материалы и исследования): Альм. Сургут; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 1. С. 62).
12. П. С. Паллас (Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 2: Земля и хозяйство. С. 623).
13. Летний берестяной балаган вогула. С фотографии конца XIX в. (Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски. СПб., 1904. С. 41).
14. И. И. Лелехин. С гравюры XVIII в. (На государственной дороге: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2000. С. 222).
15. П. И. Лопарев, командир Северного экспедиционного добровольческого советского отряда. 1921 г. (ГАОПОТО. Ф. 3343. Оп. 1. № 9).
16. Лук-самострел (самолов). (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ. КП-15519).
17. Остяцкая семья. 1926 г. Фотография Л. Сурина (ГАСО. Фотофонд. № 3588).
18. Вогульские и остяцкие идолы и священные предметы (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3: Этнографический очерк местных инородцев. Прил. Рис. 15).
19. Мир-сусне-хум («За миром наблюдающий человек»), младший сын Торума. Культурная скульптура. Манси. Конец XIX в. ТГИАМЗ. (Славянский ход. 1991–2002. Вып. 1. С. 87).

Ранние известия о Конде. Падение Кондинского княжества и вхождение края в состав Российского государства

20. Угорские войны XIII–XIV вв. Реконструкция А. П. Зыкова по археологическим материалам и изображениям (Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994. С. 60).

21. Штурм остяцкого городка врагами. Фрагмент рисунка Н. Шахова первой половины XIX в. (Земля Тюменская: Альбом. Тобольск; Тюмень, 2004. С. 16).

22. Три брата-богатыря с трофеями: отрубленными головами врагов. Бронзовая бляха из бассейна р. Васюган. Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ (Соловьев А. И. Священные ляки большого леса // Наука из первых рук (науч.-попул. журн.). Новосибирск, 2005. №1. С. 70).

23. Осада Демьянова городка на Иртыше в 1583 г. ермаковцами. Рисунок рубежа XVII–XVIII вв. (Краткая Сибирская летопись... Л. 19, ст. 74).

24. Моление остяков и вогулов в Демьяновом городке своему богу. Присяга и уплата ясака кондинским князем Романом Славным. Рисунок рубежа XVII–XVIII вв. (Там же. Л. 19 об., ст. 75).

25. Украшения костюма вогульской княжны второй половины XV–XVI в. Вариант реконструкции А. П. Зыкова по материалам могильника Эсский остров в верховьях Конды (Югорск: от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997. С. 54).

26. Остяк. Фрагмент гравюры из книги: Witsen N.-G. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam, 1692 (История Сибири. Л., 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. С. 101).

27. Взимание дани в Сибири соболями, привоз их в Москву и принесение к царю. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. (Очерки истории СССР. Период феодализма: конец XV в. – начало XVII в. С. 691).

28. Подача челобитной. Рисунок XVII в. (Собрание рисунков к путешествию А. Мейерберга. СПб., 1827. Л. 61).

29. Охота на пушного зверя на севере. Гравюра из книги Олая Магнуса, 1555 г. (Очерки истории СССР. Период феодализма: конец XV в. – начало XVII в. С. 35).

30. Ясачный. Реконструкция А. Богданова (Богданов А. «Когда лед застынет, мы придем». С. 12).

Конда в XVII – середине XIX века

31. Русский город в Сибири. Сбор ясака. Рисунок рубежа XVII–XVIII вв. (Краткая Сибирская летопись... Л. 30, ст. 121).

32. Тамги кондинских мурз О. Агаева, И. Четырсева, И. Ортюгина. 1635 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стб. 42. Л. 437 об., 438 об.).

33. Г. Ф. Миллер. Рисунок XVIII в. (Белобородов С. А. Столица Северного края... С. 68).

34. Фрагмент столбца с обыскными речами кондинских вогулов по делу воеводы Е. Баскакова. 1635 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стб. 42. Л. 47).

35. Тамги кондинских сотника О. Чиркунова, есаула И. Картыкумова и рядовых вогулов. 1635 г. (Там же. Л. 438 об., 439 об., 440 об., 441 об., 443 об.).

36. Русские гость и купец. Рисунок XVII в. (Собрание рисунков к путешествию А. Мейерберга. Л. 38).

37. Стрелец. Рисунок XVII в. (Там же).

38. Принесение ясака (в центре – ясачный с пайвой за плечами). Фрагмент рисунка рубежа XVII–XVIII вв. (Краткая Сибирская летопись... Л. 23, ст. 92).

39. С. У. Ремезов. Город Пелым. Фрагмент карты 1699–1701 гг. (Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири. С. 16).

40. Ханты. Гравюра из книги: Isbrant Ides. Three years travels from Moscow overland to Chine. London, 1706 (Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 823).

41. Митрополит Филофей (схимонах Феодор) Лещинский. Гравюра с портрета неизвестного художника XVIII в. (Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск – живая былина. С. 38).

42. Семья манси. Гравюра из книги: Witsen N.-G. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam, 1692 (Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. С. 821).

43. Пелым. Гравюра XVIII в. по рисунку 1742 г. И.-В. Люрсениуса (Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 94).

44. Деревянная церковь конца XVIII в. в вогульских юртах (Носилов К. Д. У вогулов... С. 149).
 45. Вогульские старшины. Конец XIX в. (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. С. 103).
 46. Идолы, религиозные и священные предметы остяков и вогулов (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3. Прилож. Рис. 16).
 47. Крещеные вогулы Конды из с. Нахрачевское. Конец XIX в. (Носилов К. Д. У вогулов... С. 177).
 48. Могила крещеного вогула (Там же. С. 145).
- Записки о Конде путешественников конца XIX – начала XX века*
49. К. Д. Носилов. (Югория: Энцикл. Ханты-Мансийского авт. окр. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 2. С. 267).
 50. А. А. Дунин-Горкавич (справа) на обмере деревьев в лесу близ Сев. Сосьвы. Конец XIX в. (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. С. 33).
 51. В. Н. Пигнатти (Белич И. Ханское кладбище // Сибирская столица. Тобольск, 1997. Вып. 1. С. 71).
 52. Б. Н. Горюшков (ОПИ ТГИАМЗ).
 53. Остязк с луком и ружьем. Начало XX в. ТГИАМЗ (Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск – живая былина. С. 31).
 54. Вогул. С акварели М. С. Знаменского. 1880-е гг. ГИМ (Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 83).
 55. Остязчка в национальном костюме. Вид со спины. 1910 г. (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
 56. П. М. Кокшаров. Сибирские бродяги. Литография. 1891 г. (Колосова Г. И. П. М. Кокшаров и его «Художественно-этнографические рисунки Сибири») // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Тюмск: Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2. С. 285).
 57. Лов рыбы запором в окрестностях Пельма. Фотография Э. Сенкевича. Начало XX в. (На государственной дороге. С. 48).
 58. Д. Аткинсон. Из серии гравюр «Русские средства передвижения». Конец XVIII – начало XIX в. (Там же. С. 281).
 59. Орудия кедрового промысла: коготь для лазанья, ступа с пестиком, железное решето (грохот) (Верхотурский краеведческий музей. 1996 г.).
 60. Священник у вогулов в юртах (Носилов К. Д. У вогулов... С. 133).
 61. Интерьер вогульской избы. Фотография Э. Сенкевича. Начало XX в. (На государственной дороге. С. 50).
 62. Привал на дороге в лесу. Конец XIX в. (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. С. 27).
 63. Вогульская юрта с зимним возком (Там же. С. 99).
 64. Оронтур-пауль (южный). Конец XIX в. (Носилов К. Д. У вогулов... С. 57).
 65. Юрта вогулов (Там же. С. 49, 113).
 66. Вогул. Конец XIX в. (Там же. С. 25).
 67. Летняя кухня у вогулов. 1926. Фотография Л. Сурина (ГАСО. Фотофонд. № 112).
 68. Вогулка в запряжке с собаками (Носилов К. Д. У вогулов... С. 65).
 69. Вогул с луком на оз. Оронтур (Там же. С. 73).
 70. Поминки вогулов. (Там же. С. 123).
 71. Жертвы вогулов шайтану. 22 апреля 1892 г. (Там же. С. 161).
 72. Шайтаны вогулов домашние (Там же. С. 207).
 73. Вогулы в лодке (Там же. С. 81).
 74. Челнок вогула (Там же. С. 89).
 75. Глухой лес у реки Конды, залитый водой (Там же).
 76. Юрта вогула (Там же. С. 113).
 77. Лесная хижина вогулов (Там же. С. 61).
 78. Поездка вогульского священника по приходу (Там же. С. 129).

79. Старик-вогул (шаман). Конец XIX в. (Там же. С. 169).
80. Вогульская молодежь (Там же. С. 161).
81. Вогулы на берегу оз. Оронтура (Там же. Титульный лист; С. 210).
82. Село Нахрачи (Носилов К. Д. У рыбаков и звероловов Севера. М., 1912. С. 115).
83. Вогульский пауль с лежащими на берегу лодками-осиновками. Конец XIX в. (Носилов К. Д. У вогулов... С. 69).
84. Дом манси в селе Нахрачи. 1910 г. (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
85. Домашние духи-хранители и жертвенный коврик. Обские угры. Конец XIX – начало XX в. ТГИАМЗ (Славянский ход. 1991–2002. Вып. 1. С. 86).
86. Праздник медведя у вогулов. Фотография Л. Сурина. 1926 г. (ГАСО. Фотофонд. № 2614).
87. Каюк на сору (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
88. Избушка на Алешкином мысу (Там же).
89. Юрты Красноярские (Там же).
90. Церковь в Болчарах (Там же).
91. Школа в Болчарах (Там же).
92. Вогул села Нахрачинского (Там же).
93. Починка невода (Там же).
94. Торгующий крестьянин Попов со своей сожительницей (Там же).
95. Село Леушинское. Начало XX в. (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. С. 51).
96. Вогулы-земледельцы Конды. Конец XIX в. Видны двуколка с деревянными колесами, соха, деревянная борона, хозяйственные постройки на сваях (Носилов К. Д. У вогулов... С. 11).
97. Пароход и баржа у пристани на Оби. 1897 г. (ГАОПОТО. Ф. 3343. Оп. 1. № 327).
98. Амбары. Юрты Красноярские (Меньше-Кондинская волость). 1910 г. (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
99. Ловля уток перевесами и охота на них с луком. Фрагмент рисунка Н. Шахова. Первая половина XIX в. МАЭ (Славянский ход. 1991–2002. Вып. 1. С. 61).
100. М. Г. Корсунский. Рисунок Кондинского сора. 1908 г. (Корсунский М. Г. Очерк экскурсии, совершенной на реку Конду летом 1908 года // ОПИ ТГИАМЗ. № 144).
101. Переправа участников «экскурсии» через болото. Фотография М. Г. Корсунского. 1908 г. (Там же).
102. Стоянка каюка на р. Конде. 1910 г. (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
103. Остязчка-рыбачка на Кондинском сору (Пигнатти В. Н. Краткое сообщение о поездке на реку Конду летом 1910 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1912. Вып. 20. С. 1).
104. Посадки (сады) для рыбы в устье Конды (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
105. Запор на р. Конде (Там же).
106. Кладбище в Болчарах (Пигнатти В. Н. Краткое сообщение о поездке на реку Конду... С. 10).
107. Остязчки юрт Красноярских (33 и 45 лет) (Там же).
108. Пароход «Надежный» на Конде. Погрузка дров (Там же).
109. Дом богатого остяка Поктышева в юртах Красноярских (Там же).
110. Юрты Богдановские. Слева – священная (шайтанская) роща (Там же).
111. Кладбище в Нахрачах (Там же).
112. Сушка стерляди и самоловов в устье Конды (Там же).
113. Петля на куропатку (Там же).
114. Остязчка за изготовлением холста из крапивы. Фотография начала 1930-х гг. (ТГИАМЗ. КП-14939/41).
115. Юрты Камовские. На берегу – сети и лодки. 1910 г. (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).

Кондинский край 1910–1920-х годах в воспоминаниях и описаниях

116. Семья Мотышевых: Таисья Евменьевна и Тихон Ефимович. Около 1960 г. (Из семейного фотоальбома).
117. П. М. Кокшаров. Движение переселенцев в Сибирь. 1. Движение переселенцев из Томска (С. 268). 2. Переселенцы, едущие пароходами от Тюмени до Томска (С. 269). Литография. 1891 г. (Колосова Г. И. П. М. Кокшаров и его «Художественно-этнографические рисунки Сибири». С. 293).
118. Лесная юрта (избушка). Около 1930 г. (ТГИАМЗ. КП-14939/31).
119. Н. А. Семенов. 1970-е гг.? (Из семейного фотоальбома).
120. Лисица-огневка (Фотография предоставлена О. А. Кошмановой).
121. Лодки осиновка и кедровка (модели). (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3. Прилож. № 31, фрагмент).
122. Кондинская лайка. (Фотография предоставлена О. А. Кошмановой).
123. Неводьба в курье на Конде (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
124. Сушка морд (фитилей) (Там же).
125. Амбар для овса в с. Нахрачинском (Там же).
126. Сводки Главного штаба повстанцев из газеты «Голос Народной Армии» за 11 и 21 марта 1921 г. В первой: «Северный фронт... Восставшими крестьянами заняты села Леушинское и Шаимское» (ГАОПОТО. Голос Народной Армии / Издание Тобольского штаба Народной Армии. 12.03.21 (№ 10). С. 1; 01.04.21 (№ 26). С. 1).
127. Участники подавления восстания 1921 г. в Сибири. Екатеринбург, июль 1921 г. (ГАСО. Фотофонд. № 110-мр).
128. Убитый повстанец (Там же. № 51-мр).
129. Приказ президиума Тюменского губисполкома № 3 «О конфискации имущества у лиц, принимавших участие в контрреволюционных восстаниях», опубликованный 20.04.1921 г. в газете «Тобольский Север». (ГАОПОТО. Тобольский Север / Орган Тобольского военно-революционного комитета и Тобольской организации РКП(б). 20.04.1921. №. 40 (318). С. 2).
130. Похороны погибших во время восстания в Тобольске (Там же. № 45-мр).
131. Участники ликвидации восстания. Тобольск, 1921 г. (ГАОПОТО. Ф. фотодокументов. Оп. 1. № 107).
132. Обелиск похороненным в братской могиле в Тобольске партийным, советским работникам, бойцам и заключенным тюрьмы (Там же. № 113).
133. Остячки юрт Милясовых на р. Салым с Л. Р. Шульцем. Фотография Г. И. Лебедева. 1911 г. (Салымский край. Екатеринбург, 2000. С. 25).
134. Очеп на зайца. (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
135. Остяцкая хлебная печь. Фотография Л. Сурина. 1926 г. (ГАСО. Фотофонд. № 1227).
136. Николай Чудотворец и «Никола Зимний» («щепные» иконы). Туринский уезд. Вторая половина XIX в. (Уральская икона: Живописная, резная и лигая икона XVIII–начала XX в. Екатеринбург, 1998. С. 217; № 459, 458).
137. Остячки юрт Летне-Пуштинских анфас и со спины. 1910 г. (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
138. Девушка-остячка юрт Ермаковских с гармоникой (Там же).
139. Вогулка с верховьев Конды в национальном костюме (Носилов К. Д. У вогулов... С. 33).
140. Чиркан (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3. Прилож. Рис. 28).
141. Починка самоловов на стерлядь в устье Конды (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
142. П. М. Кокшаров. Традиционные орудия земледелия в таежной зоне: таратайка (двуколка), соха, деревянная борона с железными зубьями и др. Литография. 1890 г. (Колосова Г. И. П. М. Кокшаров и его «Художественно-этнографические рисунки Сибири». С. 273).

143. Запряжка в с. Болчаровском. 1910 г. (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
144. Капкан на мелкого зверя (Там же).
145. Остяк юрт Сигилинских (Там же).
146. Двор для скота. Юрты Красноярские (Там же).
147. Котец для ловли рыбы (Там же).
148. Различные крючковые снасти: 1–3 – самоловы на стерлядь; 4 – деревянный крючок на налима; 5 – крючок для ловли щуки в озерах; 6 – блесны. (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. С. 203).
149. Заколачивание свай для запора (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
150. Запор с «рукавом» (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. С. 199).
151. Традиционные орудия охоты вогулов и остяков: лук ручной (вверху), лук сторожевой в разобранном виде (в центре, внизу – настороженный), лыжи (справа вверху) и подволоки-лыжи, обтянутые кожей с ног оленя и конской (слева), посох (лыжная палка), разные типы стрел (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3. Прилож. Рис. 26, 27).
152. Орудия и принадлежности охотничьего и других промыслов остяков и русских Западной Сибири. На стене (слева направо) висят: капкан, клетцы для ловли лисиц и зайцев (на Конде практически не упоминаются), чиркан; стоят: ружье и лыжи-подволоки. На земле: деревянная ступа, берестяные короб (пайва) и кужня, ручные жернова, котел (Азиатская Россия. 1914. Т. 2. С. 365).
153. Крепление к ноге когтей для лазания на кедр (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
154. Орудия кедрового промысла: валец (1) и доска (2) для шелушения шишки; колот (модель) – больших размеров дерсвапный молот (3); решето для провеивания кедрового ореха (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3. Прилож. Рис. 25).
155. Плетение гимги. Фотография В. М. Новицкого. Начало XX в. ТГИАМЗ. (Земля Тюменская. С. 23).
156. Неводьба на лайде у с. Болчаровского (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).
157. Остяк, играющий в юрте на нерес-юхе (домре). Фотография около 1930 г. (ТГИАМЗ. КП 14939/5).
158. Традиционные музыкальные инструменты остяков и вогулов. (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3. С. 41).
159. Праздник медведя у вогулов. Фотография Л. Сурина. 1926 г. (ГАСО. Фотофонд. № 933).
160. Семья вогулов. Фотография Л. Сурина. 1926 г. (ГАСО. Фотофонд. № 798).
161. Постройки в юртах Ермаковских (Пигнатти В. Н. Альбом видов и типов р. Конды // ТГИАМЗ).

Цветная вкладка

- I. Золотоордынская чаша конца XIII – середины XIV вв. из Ивдельской находки близ берега р. Лозьвы:
- а) общий вид (Сокровища золотой Орды: Каталог выставки. СПб., 2000. С. 77, кат. № 54).
- б) прорисовка: общий вид и детали (Там же. С. 168. Рис. 14).
- II. Серебряное блюдо X–XI вв. с р. Сосьвы. Волжская Булгария (Музей горнозаводского дела. Нижний Тагил; Екатеринбург, 1995. С. 104).
- III. Серебряное очелье и его фрагмент с подвесками из могильника Эсский остров в верховьях Конды. Верхнее Прикамье, XV–XVI вв.; бусины – Золотая Орда, XIII–XIV вв. (Зыков А., Кокшаров С. Эсский остров. Из предыстории русского «взятия

Сибири» // Родина. 2002. Спец. вып.: Междунар. Сев. археолог. конгр., г. Ханты-Мансийск. С. 38).

IV. Русский серебряный перстень-печатка из могильника Эсский остров и прорисовка изображений на нем. XV–XVI вв. (Югорск: от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1977. С. 52).

V. Вогульские и остяцкие княжества XV–XVI вв. Фрагмент карты (Разработка НАЦ «АВ КОМ – Наследие»).

VI. С. У. Ремезов. Чертеж земли Пелымского города из «Чертежной книги Сибири». 1699–1701 гг. Фрагмент (Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири. Факсимильное изд. М., 2003. Л. 15 об. – 16).

VII. Филофей Лещинский, митрополит Тобольский и Сибирский (Вогульский апостол). Икона конца XIX в. (Сибирская икона: Альбом. Омск, 1999. С. 86, кат. № 47).

VIII. Спас Вседержитель. Богоматерь Умиление Владимирская («пелные» иконы). Конец XIX в. Тобольский и Вагайский районы Тюменской области (Там же. С. 71, кат. № 31, 32).

IX. Часть территории (?) городка Картаужа – центра Большой Конды в XVI–XVII вв. Фотография А. Е. Цеменкова. 2005 г. (Фотоархив НАЦ «АВ КОМ – Наследие»).

X. Медвежий праздник у манси. Фрагмент экспозиции Нижнетагильского музея горнозаводского дела. (Музей горнозаводского дела. С. 103).

XI. Остак и остячка. Рисунок Осипова. 1920-е гг. Из материалов экспедиции В. П. Евладова. СОКМ (Белобородов С. А. Столица Северного края: Очерки истории Самарова – Остяко-Вогульска – Ханты-Мансийска. М., 1996. С. 120).

XII. Г. Хорошевский. Плакат «Выбирай в туземный совет». 1931 г. (Открытка. Издво «Контакт – Культура», 2004).

Именной указатель^{*1}

Аблегиризм, пелымский князь 14, 15, 18, 20, 22
Абрамов, красный командир 299
Авксентьев Вторко, дьячок 82
Агаев Ортюга (Артюка, Ортюка; см. Ортюга, Ортюка), мурза 21, 24, 27, 68, 72, 74, 76, 80–82
Агай, кондинский князь 19, 20, 22–24, 54, 59, 76
Агапьев А. Н.^{*2} 123, 230, 233, 234
Агтагов Бскбелей, мурза 15
Азыпка, сын Агая 19, 22, 24, 55
Аиса, сибирский татарин 51
Анчип, остак 244
Алагулов Григорий 297, 301
Алагулов Семен 301
Алагулова Ефросинья 297, 298
Алагулова Настасья Ивановна 297
Алачев Иван Игичеев, князь 21, 63
Алачев Игичей (см. Олачев Игичей), колский князь 19–21, 55, 57, 58
Алачев Михайло Игичеев, князь 21, 62, 63
Алачева Анна (см. Игичеева Анна), княгиня 21, 67
Албычев Костентин, сын боярский 74, 80, 81
Албычев Микита, сын боярский 88
Алей, царевич, сын Кучума 15
Алексей Михайлович, царь 83
Алексей, инородец юрт Помнинных 111
Алексей, остак, местный житель 47, 202, 203
Алена, вогулка 149
Алжист Август 119, 120, 124, 129, 130
Алчин Иван Васильевич 297, 300–302
Алчин Николай Иванович 283, 284, 297
Аметь, вогулетин 85
Амыш, вогулетин 85, 90
Анаурт, остяцкий бог 79, 80, 110, 111
Ангуталин Няхея (Няхса) 80, 82
Андреев, купец 220–224
Аникин Дмитрий, крестьянин 115, 116
Аникин Платон, крестьянин 115, 116
Анисья, купчиха 221
Анна Ивановна, жительница д. Юмас 294
Анна, вогулка 149
Антипка, крестьянин 222
Анфим, сотник 12, 14
Асыка, пелымский князь 11–13
Афанасий, вогул 150

Бабкин Г. Б. 123, 230, 233, 234, 236
Байбала, легендарный богатырь 205
Байдин В. И., 42
Бакулев, купец 131
Балакина Лукерья Ефимовна 268
Балакины, жители д. Тап 267, 268
Баран Иван, казак 68
Барбачев Семен, цыган 238, 239
Барбачевы, цыгане 239
Бардак, князь 72
Баскаков Е. И. (Баскаков Овдоким), воевода 27, 74, 80–82
Батурич Ф. 266, 324
Бахматов, следователь 118
Бахрушин С. В. 7, 19, 74
Башкатова З. В. 91
Башмаков Максим, крестьянин 111–113, 118
Бекбаулы, абыз 67
Бекетов Кузьма Иванович 268
Белкин 281, 282, 290, 293, 296
Белобородов С. А. 42
Беломонн, белогвардеец 290
Белской Иванец, земский боярин 51
Бергрот Эрнст Эвальд 119
Бестрофанский Е. М. 42
Бий, табариец 53
Биркин Иван Петрович, голова 57
Благой Афонасий Иванович 19, 54, 55
Благой Иван, воевода 69
Боборыкин Федор 72
Богданов Кирилл 267
Богданова Океллина 267
Богдановы, жители д. Елушкина 267
Болховский С. Д., князь 17
Бозм, Эмиль 119
Бояров Оксеит, князь 63
Бронников Петр, крестьянин д. Токлова 353
Брызга Богдан, пятидесятник 51
Бурнаш, вогулетин 89

Вайно, Эдуард 119, 128
Варакисы, жители д. Учинья 266
Василев Петля 82
Василий II Темный, великий князь Московский 11
Василий III, великий князь Московский 10
Василий Ермолич, вымский князь 11
Василий Иванович (Василий Шуйский), царь 20, 59, 68, 69

^{*1} Содержание примечаний, комментариев, подписей под иллюстрациями в указателе не учитывалось.

^{*2} Авторы сочинений, воспоминаний, исследователи, путешественники, участники экспедиций по Кондинскому краю отмечены курсивом.

Васильев Ивашко, подьячий 65
Васильчиков Григорий, пристав 17, 54
Васка, вогулетин 87
Вахрушев Ельфимка, целовальник 90
Векшин Гришка, стрелецкий сын 89
Векшин Стенка, стрелец 91
Векшин Харка, стрелец 87, 91
Вельяминов И. М., воевода 21, 22, 73
Вельяминов Иван Яковлевич, воевода 31, 70, 71
Вельяминов Петр, воевода 22, 73
Вердеревский Петр Григорьевич, голова 59, 62
Визгалов Г. П. 42
Вискунов Василий Михайлович 281, 282
Вискунов Ивашко, стрелец 89
Вискунов Калинка, целовальник 74
Вискунов Михаил Иванович 282
Вискунов Сепка, стрелец 84, 85, 87, 91
Вискунова Любовь Филипповна (в девичестве Кауртасва) 262, 263, 284, 291
Вискуновы, жители д. Варцавля, Луговал, Си-
лава, Токлован 263, 264, 267, 271, 296
Витсен П. 28
Виш-отр (см. Осетр), бог 162
Влас, князь, сын Осипа Григорьева 25
Власьев Афанасий, дяк 58, 62
Вод, бог 162, 163
Волошанин Богдаска, ясачник 55, 56
Волошенин (Волошенинов) Дениско, ясачник
81, 82
Вольнский Василий Степанович, воевода 55
Вольнский Иван Григорьевич, воевода 57
Вольнский Степан, воевода 67
Ворляков, князь 53
Воронцов Антон Васильевич 303
Воротынской Михалец, земский боярин 51
Ворошилов Васка, посадский человек 80

Гаврилко, брат Анны Игичесвой 67
Гаврилов Аника, крестьянин 115, 116
Гаврилов Бражник-Заболоцкий Василий Ива-
нович 13
Гагарин М. П., губернатор 78
Гайдуков Родка, стрелецкий сын 91
Гайдуков Савка, стрелец 83, 85, 87–91
Гарабурда М., польский посол 54
Герасимов Володка, толмач 82
Герасимов Дема, подьячий 80
Гербенштейн С. 8
Главацкая Е. М. 42
Гивеушев А. М. 69
Гюкюк, вогулетин 87
Годомик П. П. 123, 230, 232–234, 236, 238
Годунов Борис Федорович, царь 20, 59, 62
Годунов Иван Михайлович, воевода 58, 62,
64–69
Годунов Ф. А. 21
Голев-Лебедев, судовладелец 245, 260
Гондатги, губернатор 254, 314
Горюков Б. Н. 33, 123, 124, 245, 261, 265
Горохов Стенка, стрелец, казак 83, 84, 86, 90

Горохов Степка, стрелец 76
Горчаков П. И., воевода, князь 18, 19, 20
Григорий Иванович, русский житель с. Нахра-
чевского 211–217, 220
Григорьев Амалык, ясачный остяк 63
Григорьев Оидрюшка, стрелец 122
Григорьев Осип, князь 25
Григорьев Первушка, стрелец 80, 82
Гришкина Авдотья Филипповна 272

Данила, вогул 164
Дарья, вогулка 149, 177
Дворников Гришка, крестьянский сын 88
Деветкилдей 67
Дементьев Сергушка, стрелецкий сын 91
Демьян (Нимьян, Нимьюан), сборный князь
13, 16
Демьянов Яков, воевода 72
Деник, вогултин 87
Деур, вогулетин 86, 88
Дмитрий Иванович, царь 64
Довыденко 266
Долгих Б. О. 21
Долгой Сабуров Матвей Володимирович, го-
лова 80
Дона, князь 72
Досаев Четырь (Чатырка), мурза 20, 21, 58, 67,
68
Досай, кондинский князь 20
Дубровин Серой 51
Дуленков Петрушка, стрелец 83
Дунайко, вогулетин 91
Дунич-Горкавич А. А. 27, 33, 121–123, 223, 229
Дылей Кормод 72

Ебелко, вогулич 71
Евир, князь-богатырь 43, 45, 46
Евлюев Нахрач (см. Евплаев Нахрач)
Евплаев Нахрач, служитель шайтана, князь
78, 79, 96, 97, 99, 103, 201, 218
Евплов (см. Евплаев Нахрач)
Егор, крестьянин 222
Езибанк, племянник Четыря Досаева 59
Екатерина II, императрица 25
Екумко, вогулич 71
Елек (Елиг), мурза 21, 62
Елизаров Григорий 69
Елось Нахрач (см. Евплаев Нахрач)
Елупкин (см. Кисарский) Егор Сергеевич 290,
296
Елупкин Василий Матвеевич 300, 302
Елупкин Иван Матвеевич 299, 302
Елупкин Михаил Николаевич 299, 303
Енбахта, вогулетин 69
Ендаков Афанасий Алексеевич 281
Ендаков Иван Кирсанович 281, 282
Ендаков Кирсан 282
Ендин Пензарь (в крещении Терентий) 206
Ендины 206
Епифаний Премудрый 7
Ергучев Темка 82
Ереминский Фрол 293

Ермак Тимофеевич, атаман 15–18, 51, 53, 97,
210, 308, 314
Ермаков Жданко 80
Ерышка, вогулич 88
Есипов Савва, дяк 39
Еск (Еусь) 21, 62
Еусев Калтай, согник 20, 57
Еутымкачев Мапакум, вогулич 80
Еуфимьев Семейка, дяк 66
Ефгеев Нахрач (см. Евплаев Нахрач)

Жданов Митка, дворник 91
Житков Б. М. 123

Зага, вогулич 87
Загороднок Н. 123
Загряжский Петр Иванович, воевода 58
Зайчик (см. Шенчаров Петр Никитич) 284
Запорских Савслий, крестьянин 222
Захар (см. Пакин Захар), вогул 218
Заяц (см. Шенчаров Петр Никитич) 283, 284
Зеленцов Василий, священник 113–118
Зеленя Ивашко 82
Зимуль, татарин 67
Змеев Иван, письменный голова 19, 55, 58, 68
Змеев Прокофий, сын боярский 54
Золотая женщина (см. Калтащ-эква, Сорни-
эква), богиня
Зольников Дмитрий Степанович 303
Зольников Иван Федорович 279
Зольникова Н. Д. 79, 108
Зольниковы 279
Зубатый Иван Федорович, воевода 72
Зубов Илья 298, 299
Зуев Гришка, целовальник 83, 85
Зуев Тараско, ясачник 82
Зуев, торговец 224
Зыков Яков, стрелец 88
Зыков Явунка, стрелец 88
Зыков, красноармеец 301, 302

Ивакин Ивака, вогулетин 15, 51
Иван (сын Осипа Григорьева), 25
Иван III, великий князь Московский 11, 12
Иван IV Васильевич Грозный, царь 15, 51, 54
Иван Васильевич, великий князь (см. Иван
III)
Иван Вахромеев, дяк 56, 57
Иван, вогул 151, 154, 162, 163, 164
Иван, крестьянин 222
Ивановы, жители д. Нингатья 267
Ивашков Кеус 80
Ивашков Урманко 80
Иврин Иван, инородец 112
Игичеева Анна (см. Алачева Анна)
Игичей (см. Алачев Игичей)
Илим-чим-ной-отр, божество 163
Инкхол-ика, легендарный богатырь 197
Иногарев Леонтий, благотворитель 40
Иногарев Павел, благотворитель 40
Инфантьев П. П. 120, 130, 177
Иоанн (Максимович), митрополит 78

Иоанн Алексеевич, паревич 83
Иона, епископ Пермский 11
Исаков Коротайко, ясачный вогулич 64
Исленьев (Исленев, Исленьев) Петр Данило-
вич, воевода 21, 62, 64–69
Истомины, жители д. Нингатья 267
Исупко (см. Четырев Исупко)
Исыпов Василий Трофимович 285
Исыпова Ольга Яковлевна, учительница 285
Ичигагов, остяк 244
Ичимка, есаул 53
Ишеников (Ишеляков) Платон Аникин, кре-
стьянин 110, 111, 112, 115
Ишеляков (Ишиньяков) Иван Гаврилов (см.
Ланхорт, Ленхорт), вогул, жрец, церков-
ный староста 80, 110, 112–118
Ишеляков Влас 111, 112, 114
Ишеляков Дмитрий, крестьянин 115
Ишеляков Карп Ефимов, крестьянин 115, 116
Ишелякова Варвара Сергеева, крестьянка 116
Ишеляковы (Ишиньяковы, Ишениковы), во-
гулы с. Нахрачевского 111, 113

Кадоулов Данко, стрелец 62
Казанцев Григорий 271, 301
Казанцев Деомид Иванович 265
Казанцев Иван 271
Казанцев Матвей Прокопьевич 271
Казанцев Михаил 271
Казанцев Наум Яковлевич 271
Казанцев Осип Семенович 271
Казанцев Павел Николаевич 271
Казанцев Платон 271
Казанцев Пронка, стрелец 87
Казанцева Анастасия Васильевна (в девичестве
Кислицына, см.) 262, 264, 265, 297
Казанцева Кристина Иваловна (по мужу Па-
нова, см.) 262
Казанцева Ольга 271
Казанцевы Григорьевские, жители д. Пашня
271
Казанцевы Ивановские, жители д. Пашня 271
Казанцевы, жители д. Лева 271
Казанцевы, жители д. Пашня 267, 271
Казанцев Павел Николаевич 271
Калба, вогульский князь 12, 13
Калтащ-эква (см. Сорни-эква, Золотая жен-
щина), богиня 36, 37, 41
Канкаров Левка, казак 67
Каннисто Артура 9, 17, 31, 308, 314
Карагаев Александр Андреевич 301
Карагаев Антон Кириллович 302
Карагаев Кирилл Александрович 299, 300, 302
Карагаев Степан Александрович 271, 299, 301,
302
Карагаева Татьяна Степановна 301, 302
Карагаевы, жители д. Пашня 271
Каргалолова Татьяна 291
Карпушка 297
Картыкумов Ивашко, есаул 80, 82
Карымский Аваний (см. Черный) 284
Катырев-Ростовский Иван 67, 69

Катыш да Катюшка, вогулестин 89
Кауртаев Альберт Иванович 287
Кауртаев Андрей Филиппович 291, 293
Кауртаев Гранька Филиппович 291, 293
Кауртаев Григорий 287
Кауртаев Дмитрий Иванович 286, 292, 293
Кауртаев Иван Андреевич 267
Кауртаев Иван Васильевич 287
Кауртаев Лаврентий Егорович 268
Кауртаев Леонтий (Левонтий) Иванович 287, 291
Кауртаев Осип Иванович 287
Кауртаев Тюнька Филиппович 291, 293
Кауртаев Филипп Иванович 284, 286, 291, 292, 296
Кауртаева Дарья Павловна 287
Кауртаева Домна Викторовна (в девичестве Овешкова) 285, 291–293
Кауртаева Катерина Павловна 287
Кауртаева Любовь Филипповна (см. Вискунова Любовь Филипповна) 296
Кауртаева Наталья Филипповна 285, 291, 296
Кауртаева Ссрафима Егоровна 270
Качерху-ика, легендарный богатырь 197
Кванин Кортыл, вогулич 80
Кванин Некся, вогулич 80
Кванин Нуксыйко, вогулич 71
Кванин Тат, вогулич 80, 81
Кентин Алексей 263, 295
Кентина Мария Ивановна 262, 263, 293
Кимбов Ангуталя 82
Кимдепов Ангуталя 80
Кинча, вогулестин 91
Кисарский (см. Елушкин) Егор Сергеевич
Кислицына Анастасия Васильевна (по мужу Казанцева, см.)
Кислицына Устинья Васильевна 298
Кислюк Евдокия Ивановна (по мужу Хомякова, см.)
Клеубердый 67
Кобяков Юрий Игнатьевич, голова 62
Кожевниковы, жители д. Нингатья 267
Коковин Василий Николаевич (см. Куковин Василий Николаевич)
Кокоулин Яков, казак 78
Кокшаров С. Ф. 43, 44
Колтах 88
Колчапов Илья Никифорович 303
Кольцов-Масальский В. В., воевода 17
Комяк (см. Хомяков Влас)
Кондах, вогулич 83
Кондинский Василий, князь 22–24
Кондинский Федор, князь 22, 24
Кондинское божество 37, 39
Конев А. Ю. 110
Конжакумов Первушка 80
Конюхов Афанасий Филиппович 299, 302
Конюхов Ивашко, десятник 86
Конюхов Микитка, ясатчик 81
Конюхов Мишка, десятник 86, 91
Конюхов Сергушко, стрелецкий сын 88, 89
Корсунский М. Г. 123, 230, 239

Косатый Яг (см. Яг), легендарный богатырь 44, 45
Косьяма, внук кондинского князя Агая 19, 55
Кочегомко, кодский остяк 67
Кошманов Андрей 279
Кошманова Ольга Александровна 32, 42, 262, 266, 272, 279, 284, 295, 297, 303
Кравченко Иван Яковлевич, манси 266
Кривоногов Егорка, стрелецкий сын 85
Кривоногов Илюшка, стрелец 86, 88, 89
Кривоногов Сенка, стрелец 85, 89
Кудрявцева А. В. 42
Кузнецов Гришка, стрелец 86, 88, 89
Кузнецов Иван 267
Кузнецов Иван Петрович 305
Кузнецов Ивашко, ясатчик 82
Кузнецов Тишка, стрелец 90
Кузнецовы, жители д. Запор, Варпавла 267, 271
Куковин Александр 269, 270
Куковин Василий Николаевич (см. Коковин Василий Николаевич) 267, 269, 270
Куковины, жители д. Половинка 269, 270
Кулах, вогулестин 72
Куль, злой дух 160, 163
Куракин Иван, воевода, князь 71
Курдин Ивашко 83
Куренев Олешка, ясатчик 81, 82
Куреневы, жители д. Елушкина 267
Курманов В. Н. 91
Курманак Тапаев, мурза 20, 21, 55–58, 62, 64, 68
Кучум, сибирский хан 15–17, 39, 51, 52, 54
Кынча (в крещении Семеон) 24, 74
Лаихорт (см. Ленхорт, Ишеняков (Ишиняков) Иван Гаврилов), жрец 113
Ларка, вогулестин 85
Лача, вогулестин 87
Лебедев Г. И., фотограф-художник 265
Левка, вогулестин 89
Левка, торговец 155, 167, 168, 170, 172, 175
Ленхорт (см. Лаихорт, Ишеняков (Ишиняков) Иван Гаврилов), жрец 113
Летехин И. И. 26, 29
Леук (Леуск, Леушк, Леуско, см.), князь 43, 72
Леуск (Леук, Леушк, Леуско, см.), князь 43
Леуско (Леушк, Леук, Леуск, см.), князь 72
Леушк (Леук, Леуск, Леуско, см.), князь 43
Лешинский Филофей (см. Сибирский апостол, схимонах Федор, Филофей Лешинский), митрополит Тобольский и Сибирский 25, 37, 39, 77, 219
Литовский 318
Ломотко, вогулич 12
Лопарев П. И. 32, 309
Лукина Н. В. 120, 130
Лукошка, вогулестин 89
Лучников Филка, стрелец 87, 91
Люля, вогулестин 91
Лякшин Коня, вогулич 80–82
Лятик, сибирский князь 12

Магметкул, царевич 54
Мазела И., гетман 77
Майков Л. Н. 78, 101
Макарка, вогулич 88
Максимко, вогулич 87
Мамин, председатель правления кооперации 341
Мамрук, князь 67
Манта, вогулестин 89
Манчиков Сармат, вогулич 64
Мапакумов Истепко, вогулич 80
Маротка, вогулестин 85
Мартынка (см. Немартынка), брат Четыря Досаева 59, 68
Марья, вогулка 149, 151, 153–157, 166, 177
Масловы, жители д. Учинья 266
Матюха (см. Семенов Матвей Анисимович) 282
Менк, легендарный богатырь 197
Мещеряк Матвей, атаман 16
Миллер Герард Фридрих 19, 20, 27, 43, 55–58, 62, 64–66, 68, 69, 72, 73, 78, 101
Миринов Т. И. 123, 230, 232–234, 237
Мир-Сусне-Хум, бог 41
Михаил Ермолит, князь-наместник 11
Михаил Федорович, царь 71, 73
Михаил, инородец 111
Михайлов Влас 110, 111, 114, 116, 118
Мишнев Андрей 11
Могиль, вогулестин 84, 89, 91
Мокров Павел Давидович 303
Молоков Василий, пономарь 114
Москвитянин Тимошка, казак 67
Мостовых, жители д. Нингатья 267
Мотышева Таисья Еваменьевна (Носова Таисья Еваменьевна, см.), учительница 263, 290, 296
Мстиславской Иванец, земский боярин 51
Мюллер Иоганн-Бернард (Миллер) 37, 78
Награч (см. Евплаев Награч), шаман 103
Назар (см. Черное мясо), русский 138, 141, 142, 144, 145
Накатуй, вогулич 83
Насоноя Жданко 71
Настасья, вогулка 149, 153
Наталья, вогулка 149
Наташка, дворовая девка 83
Нахрачев Тихон, сын Нахрача Евплаева 78
Неверов Ивашко, пушкар, ясатный сборщик 72, 81
Немартынка (см. Мартынка) 59
Неприпасов Андрей, сын боярский 78
Нербучев Подлыпунга (Поляпунга), вогулич 80, 81
Нертывов Иван 287
Нертывов Николай 287
Неулко, остяк 67
Неулчачев Копко 81
Неумоев Иван Александрович 303
Нефедков Тимофей Акимович (Екимович) 271, 284, 298, 299, 301, 302

Нефедкова Агния Васильевна 272
Нефедковы, жители д. Пашня, Тап 267
Новицкий Григорий 24–27, 40, 77–79, 94, 101
Новокрещен Петрушка, ясатчик 81, 82
Новоселов Степан Сафронович, купец 267, 283, 284, 297
Ной, шайтан 164
Норов Певаш 54, 55
Носилов К. Д. 33, 120, 121, 167, 176, 177, 184, 189, 190, 192
Носов Андрей Егорович 299, 303
Носов Тимофей 263
Носова Таисья Еваменьевна (позднее Мотышева, в девичестве Силиверстова, см.) 262–264, 290, 295
Носовы, жители д. Рахтино 271
Нумелин 130
Нумыка, легендарный богатырь 197
Нюр-толях-хум, шайтан 164
Нялин А. Д., торговец 248, 249
Нялины 206
Обрубов, судовладелец 224
Овдокимов Тренко, ясатный сборщик 72
Овдонимка, вогулестин 87, 88, 91
Овешков Константин 293
Овешкова Домна Викторовна (см. Кауртаева Домна Викторовна) 285
Овешковы, жители д. Учинья 267
Одров, вогулестин 85, 87, 91
Олачев Игичей (см. Алачев Игичей)
Олешка, ясатный человек 57
Олферка, вогулич 87
Ондров (см. Одров?), вогулестин 89
Ордин-Нашокин И. И., воевода 17
Орлик Г., писарь 77
Орлов Григорий Никитич, пелымский воевода 37, 70, 71
Ортых, легендарный богатырь 197
Ортыга (см. Агаев Ортыга)
Ортыгин Иван, мурза 23, 24, 80, 82
Ортыгин Отя 24
Ортыга (см. Агаев Ортыга)
Ортыкин Ивашко (см. Ортыгин Иван)
Орфелка, вогулестин 87
Осетр (см. Виш-Отр), бог 163
Осипов Тимошка, подьячий 56, 57
Осихин Василий 283, 284
Отров (см. Ондров), вогулестин 89
Оулов Сореч 82
Павел, крестьянин 222
Павлинов, исправник 210
Паум-Иег, бог 113
Пакин Даниил, крестьянин 110, 111
Пакин Захар (см. Захар), шаман 359
Пакин Касьян Григорьев, крестьянин 110, 111, 115, 116
Пакишев Александр 281
Пактины, вогулы с. Нахрачевского
Пактышев, торговец 248
Паллас П. С. 26–29

Пан Никита, атаман 16
Панова Кристина Ивановна (в девичестве Казанцева, см.) 262, 270
Пановы, жители д. Пашня 267
Парамон, вогул 149, 151, 153, 168, 175
Патканов С. К. 43, 246, 248, 253, 261, 312, 316, 318, 319
Патлик, князь 13, 17, 44, 53, 308
Пахтышев Игнатий, инородец 113
Пахтышев Павел, инородец 113
Пахтышев Петр, инородец 112, 113
Пахтышевы, инородцы 111
Пачлаур, вогулич 83
Пачок, вогулетин 87
Пельмский Андрей, князь 22
Першин Яков, житель д. Елушкина 267
Петр I, царь 39, 42, 77
Петр Алексеевич, великий князь, затем царь Петр I 83
Петр, вогул 151, 154, 164
Петр, слуга А. Алквиста 127, 128
Петров Илья, подьячий 80
Петрушкин Александр 287
Петрушкин Павел 287
Петрушкин Поликарп Федорович 299, 302, 303
Петрушкин Яков Федорович 299, 302, 303
Петрушкины, жители д. Шаим 303, 305
Печенкин Павел 272, 283, 284, 297–301
Пикатти В. Н. 123, 239, 245, 265
Пингарев Мокша (Мошка) 82, 83
Писемской Иван, воевода 72
Питирим, епископ Пермский 11
Пишалников Игнашка, ясатчик 81, 82
Пищальников Мишка 82
Плотников М., купец 224
Подошвенник Степан, целовальник 55
Поздсев Ивашка 51
Полев Богдан Иванович, воевода 55, 56
Политов Омелка, стрелец 87
Поляков Алексей Иванович 297, 299, 300, 302
Полякова Пелагея 297
Помжук, старейшина 98
Попов Василий Иванов, крестьянин 115
Попов Георгий, переводчик 119
Попов Герасим, церковный сторож 114
Попов Григорий, переводчик 119
Попов Дементий, таможенный голова 90
Попов Демка, стрелец 84–89
Попов Евграф Леонтьев, крестьянин 115
Попов Егор, крестьянский сын 115
Попов Леонтий Евстафьев, крестьянин 115
Попов Петр, церковный староста 114
Попов Филипп Леонтьев, крестьянин 115
Попов, торговый человек 125, 130
Поповы, жители с. Нахрачи 314
Порошин Дорка, ясатчик 81, 82
Посуй, вогулетин 86
Почок, вогулетин №24, С.111
Преображенский А. А. 54
Проня, рассыльный 282–284
Пупин Павел Родионович, десятник 297, 298

Пупышев Аника Степанов, торговый человек 90
Пуртов Степан Федорович 303
Пурчин Максим, вогул 126–128, 130
Пурчин Павел Егорович 276
Путилов Илюшка, пятидесятник 87–89
Путилов Пронка, стрелецкий сын 91
Путников Ларка, стрелец 66, 69

Рай, вогулич 83
Резум Д. Я. 91
Реклю Э. 121
Ремезов С. У. 23, 24, 77
Релин Яков (Янко) 291, 292
Решины, жители д. Учинья 267
Резцкий Н. О. 123, 230–235, 237
Ржевский Елизарий, пристав 17, 54
Рожин Пятунка, стрелецкий пятидесятник 80–83
Роман Слабый, вогульский князь 13, 16, 52
Ромашка, вогулетин 84, 85
Ромодановский Никита (см. Ромодановский Никита)
Ромодановский Никита (Микита), наместник Перми Великой, князь 15, 51
Ротка, вогулетин 84
Руба, вогулетин 85
Рубек, вогулетин 69
Рунтайко, вогулетин 89
Русь, вогулетин 90, 91
Рымко, ясачный человек 57
Рясь, вогулетин 85

Савва, вогул 177–181, 183, 184
Савелий, вогул 151, 153, 154, 162, 164–167, 176, 177
Саламатовы, жители д. Евра 267
Самаров Таир, остяк 67
Сапыня, вогулич 88
Сатика (см. Сатыга), кондинский князь 24
Сатога (см. Сатыга), князь 201
Сатыга (в крещении Григорий) (см. Сатика, Сатога) 25, 100, 101, 137
Сатыгин Александр Иванович, учитель, князь 25
Сатын (см. Сатыга), князь 219
Сахаин Утыйко 81
Свинин Терентей Григорьев, торговой человек 83
Севахной (см. Севахной-ветенхой) 47, 48
Севахной-ветенхой (см. Севахной) 47, 49, 50
Семенка (см. Кынча, в крещении Семеон), князь 86–91
Семенов Анисим 276, 278
Семенов Василий Архипович 276, 281
Семенов Игнатий Анисимович 272, 276, 278, 281
Семенов Матвей Анисимович (см. Матюха) 281, 282
Семенов Михаил 276
Семенов Николай Анисимович 262, 272, 276, 279–281

Семенов Сергей Архипович 281
Семенов Тимофей 272, 278
Семеновы, жители д. Терес 276
Семка, вогул 181, 182, 183
Сентяшев, священник 78
Сенька, брат старшины 140, 144
Сенявский (Синявский), гетман 77
Сибирский апостол (см. Филофей Лещинский) 39
Силиверстова Таисья Евменьевна (позднее Мотышева, Носова, см.) 263
Скосырев Дмитрий, дьяк 113, 114, 117
Скряба Василий, устюжский воевода 11, 13
Слобцов Н. Я. 318
Смирнов Яков Лукьянов, посадский человек 86
Смороденников В. Я., судовладелец 224
Сован, вогулетин 86
Созонзи, шайтан 164
Сой, легендарный богатырь 197
Соколовский Василий, писарь 113–116
Соколовский И. Р. 74, 91
Сорни-эква (см. Калташь-эква, Золотая женщина), богиня
Сотник, «богатырь» 219
Соусмонзи, шайтан 164
Степан Иванович, арендатор 236
Степан, вогул 135, 136
Степан, вогул 149, 150, 164
Стефан Великопермский (см. Стефан Пермский) 179
Стефан Пермский 7, 179
Строгановы 15
Стромилов Юрий, воевода 67
Сундан Николай 119
Сусков Мемит 81
Сыроматников А. А., купец 35, 224
Сыгга-пупи, бог 164

Тагай, сын пельмского князя Аблегирима 18, 20
Тайлаков Михаил Федорович 291
Тая, вогулка 150
Тарамжин 298
Тарханов Афанасий 281
Тарханов Василий Васильевич 281
Тарханов Иван Афанасьевич 281
Таскаев Егор Макарович 287
Таскаев Макар 287
Таскаев Николай Макарович 287
Таскаев Сергей Макарович 287
Таскаев Тимофей Макарович 287
Таскаева Пелагея Петровна 287
Таскаева Татьяна Макаровна 287
Таскаевы, жители д. Учинья 266
Татев Федор Ондреевич, воевода 62
Таутей 20
Течик, югорский князь 13
Тимофеев Митрон 110, 115, 116
Тимофей, вогул 146–151, 153–155, 162–164, 166–172, 174, 175, 177
Тихонравов Дмитрий, священник 110–113, 116–118

Толмачев Ивашко 82
Толмачев Левка, стрелецкий сын 85, 86, 88
Толмачев Стенка, стрелец 88
Толстой Василий 55, 56
Томов Кашмапанга, вогулич 80
Торм (см. Торум, Туром, Турым), бог 134, 150, 159, 160, 162
Торм-чук, богиня 150, 162
Торум (см. Торм, Туром, Турым), бог 36, 39, 41
Траханиотов Никифор, воевода (см. Троханиотов Никифор Васильевич) 18, 19, 54, 55
Троекуров Роман, воевода, князь 58, 63, 68
Троханиотов (Траханиотов) Тихон Иванович, воевода 59, 62
Троханиотов Никифор Васильевич (см. Траханиотов Никифор Васильевич), воевода
Тутуманко, остяк 67
Тундыков, остяк 204
Туром (см. Торм), бог
Турунтайка, вогулетин 87
Турым (см. Торм, Торум), бог 197
Тусматов, остяк 203
Тюляша, вогулетин 91

Урт, остяцкий бог 110, 111
Уфимцев, белый офицер 290, 304
Учот (в крещении Александр), сын Тагая 20, 22
Ушаков Стефан, таможенный голова 83, 85

Федор Борисович, царевич 60, 61
Федор Иванович (Иоаннович), царь 19, 54–57
Федоров Нечай, дьяк 58
Федотов Андрюшка, стрелец 76, 83, 84, 86, 91
Феодор (см. Филофей Лещинский), схимонах 77, 78
Феодор Алексеевич, царевич 83, 90
Филатов Василий Васильевич 265, 305
Филатов Василий Федорович 262, 265, 303
Филатов М. С., крестьянин 41
Филатов Петр Семенович, крестьянин 268
Филатов Федор Васильевич 265, 303–305
Филатовы, жители д. Пихтовка 268
Филатовы, жители д. Юмас 265
Филипов Томилка, казак 72, 73
Филиповых Дмитрием Иванов, торговый человек 88
Филиппов Дапила, крестьянин 116
Филиппов Митрон, крестьянин 115
Филка, вогулетин 86
Филофей (в схиме Феодор) Лещинский, митрополит Тобольский и Сибирский 26, 137
Филофей, епископ Пермский 12
Фирулев 283
Фокеев Иван Филиппович, учитель 290, 296, 299, 302
Фокей, сказитель 245
Фомин Василий 51

Хлебников Сергушка, торговый человек 88
Хлопов Митрон Тимофеевич, воевода 69
Хомяков Анатолий Николаевич 268

Хомяков В. Н. 270
Хомяков Влас (см. Комяк) 268, 269
Хомяков Григорий 269
Хомяков Николай 269
Хомяков Федор 269
Хомякова Евдокия Ивановна (в девичестве
Кислюк, см.) 268, 269
Хомякова Татьяна 269
Хомяковы, жители д. Учинья 267–269
Худем, князь 47, 48
Худемовна, дочь Худема 50
Худяков Мишка, стрелецкий десятник 86
Худяков Сергушка, стрелецкий сын 84, 85, 87,
89, 91

Цехова Нина 265, 299

Чанга-еква, шайтан 164
Чашовы 206
Чемлеков Илья Иванович 303
Ченчаров Петр Никитич (см. Шенчаров Петр
Никитич) 283
Чернавские, жители д. Рахтино 271
Чернецов В. Н. 17
Черное мясо (см. Пазар), русский 138, 140
Черный (см. Карымский Ананий)
Четырев Исупко, мурза 80
Чёхоль-воизи, бог 162, 163
Чипча, вогулетин 89
Чиркумов Улеска, сотник 80, 82
Чиряев Бахлач 82
Чишка, вогулетин 91
Чонка, вогулетин 90
Чюмейко, брат Игичея Алачева 67

Шабанов Алексей Матвеевич 299
Шабанов Иван 297, 298
Шабанов Степан 298

Шайтанов Сурд, ясатчик 81
Шайтанов Харка 82
Шалгаев Мокша 83
Шарьгин Иван, сын боярский 87
Шайков А. Т. 15, 16
Шемяка Дмитрий, князь 11
Шеншаров Петр Никитич (см. Ченчаров Петр
Никитич, Заяц, Зайчик, Шень) 283, 284
Шень (см. Шеншаров Петр Никитич)
Шипилов Алексей, дьяк 65
Ширинкин, судовладелец 224
Шипилов В. 77, 93
Шолкулин Зыряно, вогулич 80, 81
Шурьгин С. 33, 38, 43, 47, 50, 192, 223
Шульц Л. Р. 17, 35, 265, 266, 306, 324

Щелканов Ондрей, дьяк 55
Щербаков Петр, инородец 111–113
Щербаков Федор, инородец 113
Щербачев А., секунд-майор 25

Элерт А. X. 78

Югра, шурин пелымского князя Юмшана 12
Юдин Кирша 80
Юдин Ортюшка 80
Южакова Е. П. 299
Юмшан, сын Асыки, пелымский князь 12–14
Юнона, римская богиня 37
Юрьев Онжа, князь 19, 67
Юткин Владимир Васильевич 283, 297, 300–
302

Яг (см. Косатый Яг)
Яго-та-ика, легендарный богатырь 197
Яковлев Офонка, стрелец 85
Якиндейко 71
Янов Федор, письменный голова 62

Кондинский край XVI – начала XX в.
в документах, описаниях, записках
путешественников, воспоминаниях

Редактор Е. И. Маркина
Художник В. И. Реутов
Подготовка макета Л. А. Хухарева, А. П. Никифоров
Ответственная за выпуск Н. А. Локтионова

Подписано в печать 27.01.06. Формат 80×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Baskerville. Печать офсетная.
Уч.-изд. л 29,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 472.

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ФГУП ИПК «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Чегона
 Коса
 10 608
 мской Воласта
 W 809

88 88 88 **КОНДЫ**

Книга включает широкую группу письменных и устных источников по социально-политической истории, хозяйству, религии, культуре и быту населения бассейна р. Конды. Книга охватывает первые русские известия о данной территории и до 1920-х гг. Более трети этих материалов публикуется впервые, остальные появлялись в ряде революционных или специальных изданиях, малотиражных и для большинства читателей труднодоступных.

Научно-популярная книга содержит более 170 черно-белых и цветных иллюстраций и предназначена как для специалистов – этнологов, историков, лингвистов, – так и для всех интересующихся прошлым Урала и Западной Сибири.

КОНДА